

Е. Матонин

СИДНЕЙ РЕЙМИ

Евгений
Матонин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1967

(1767)

Евгений Матонин

СИДНЕЙ РЕЙМИ

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АНГЛИЙСКОГО ШПИОНА ИЗ ОДЕССЫ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61
М 34

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04221-6

© Матонин Е. В., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

*Не там, где летит эскадрон,
Не там, где ряды штыков,
Не там, где снарядов стон
Пролетает над цепью стрелков,
Не там, где раны страшны,
Где нации смерти ждут,
В честной игре войны,
Место шпиона не тут.*

Редьярд Киплинг.

Марш шпионов

(Перевод Ады Оношкович-Яцына)

«КТО ВЫ, МИСТЕР РЕЙЛИ?»

Последний раз его видели около двенадцати ночи 25 сентября 1925 года. На финско-советской границе. Он снял с себя одежду и в одних трусах вошел в пограничную реку Сестра.

Навстречу ему, с советского берега, по пояс в воде уже брел пограничник. Потом он взвалил «человека с другой стороны» и мешок с его одеждой себе на спину и медленно двинулся обратно на территорию СССР. Позже пограничник вспоминал, что «гость» оказался очень тяжелым и он больше всего боялся уронить его в воду. Ведь если бы тот ненароком утонул, вся так долго и тщательно планировавшаяся операция сорвалась бы уже в самом начале.

Но все обошлось.

Они выбрались на берег, где перешедший границу человек вновь натянул на себя костюм и пальто. Наблюдатели на финской стороне вспоминали: «Мы ясно видели, как темные тени двигались через реку, затем исчезли во мгле и через несколько минут снова возникли черными силуэтами на фоне ночного неба, когда поднялись на высокий берег».

И все.

Сидней Джордж Рейли исчез. Те, кто провожал его в последнюю миссию, были вынуждены довольствоваться лишь различными слухами. Хотя до конца надеялись, что он еще жив.

О его судьбе стало окончательно известно только в 90-е годы прошлого века.

* * *

Сидней Джордж Рейли вполне мог считаться «эталонным врагом» советской власти, и в галерее многочисленных недругов большевиков его портрет наверняка висел бы

на самом видном месте. Еще бы — английский разведчик, то есть «шпион», в 1918 году он вместе с английским же дипломатом Робертом Брюсом Локкартом готовил военный переворот в Москве и собирался арестовать и убить Ленина, Троцкого и других вождей пролетарской революции.

Сам Рейли, впрочем, утверждал, что вождей убивать не собирались — их всего лишь хотели без штанов провести по московским бульварам на потеху публике. Что же касается переворота, то его подготовку он никогда не отрицал. Более того, похоже, что роль нового «диктатора» он примерял именно на себя — уже составлял список министров нового правительства и размышлял: «Если артиллерийский лейтенант [то есть Наполеон. — *Е. М.*] смог раздуть тлеющие угли французской революции, то почему бы лейтенанту разведки не стать диктатором Москвы?»

Наполеон всегда был его кумиром.

За этот заговор в Советской России Рейли приговорили к расстрелу. Заочно. Он смог скрыться и еще несколько лет строил всяческие козни против большевиков, которых называл не иначе как «сволочами». Делал он это часто беззаветно, по идейным соображениям. Собственно, и в последнюю миссию в СССР он, скорее всего, отправился по душевному порыву, потому, что ему показалось — наконец-то в России появились люди, реально готовые свалить «сволочей».

За эту ошибку, непростительную для профессионала-разведчика, ему пришлось дорого заплатить.

Итак, он — английский шпион и идейный враг большевиков? Да. Но не только. Иначе ответ на вопрос «Кто вы, мистер Рейли?» не волновал бы так сильно его биографов.

Сидней Рейли до сих пор остается человеком-загадкой. Вся его жизнь окружена плотным густым облаком из мифов, одну часть которых придумал он сам, а другую — те, кто его знал. Иногда его называют «человеком ниоткуда», и понятно почему — и сейчас еще на все сто процентов неизвестно, где он родился, как его звали на самом деле, когда именно он начал работать на британскую разведку и почему.

К тому же только шпионажем и политическими заговорами его жизнь не ограничивалась. Он проворачивал авантюрные коммерческие комбинации (такие часто называют аферами), зарабатывал большие деньги, потом быстро тратил их на новые авантюры, соблазнял красивых женщин, собирал (и собрал) одну из самых больших и уникальных в мире коллекций предметов, связанных с Наполеоном,

страстно любил авиацию и стал одним из «отцов» первого аэродрома в России.

Говорят, что литературному «отцу» Джеймса Бонда Яну Флемингу, самому в прошлом офицеру военно-морской разведки, пришла в голову идея написать свой первый роман об агенте 007 именно после того, как он наслушался рассказов о похождениях Рейли от тех, кто его когда-то знал. Правда, во многом приукрашенных.

В историю он вошел как Сидней Джордж Рейли. В России его называли и Сидней Георгиевич, и Рейллэ, и Райлли, и Райль, и даже Райлмэ. Ни одно из этих имен и фамилий не имело никакого отношения к тем, которые ему дали при рождении. Он работал в английской разведке, при этом ходили слухи, что Рейли шпионил для японцев и немцев, да и за ним время от времени начинали следить британские, русские и американские контрразведчики. Не говоря уже о чекистах.

Кем же он все-таки был, этот человек со множеством имен, занятий и масок?

Разбираться в жизни Рейли — занятие сложное. Оно похоже на плавание в тумане среди опасных скал и рифов, которые до сих пор еще неизвестны или совсем плохо изучены. Самое время назвать здесь первопроходцев, которые рискнули раньше отправиться по этому пути.

В 1967 году вышла книга Робина Брюса Локкарта (сына того самого дипломата Роберта Брюса Локкарта, с которым Рейли устраивал заговор в Москве в 1918 году) «Ас шпионажа» (иногда ее еще переводят как «Король шпионов»). Тогда еще были живы многие из тех людей, которые помнили те события и знали самого Рейли. Локкарт-младший использовал их рассказы, а они, в свою очередь, передавали ему то, что им Рейли рассказывал о самом себе.

Книга получилась увлекательной. У Локкарта Рейли то путешествует по джунглям Бразилии, то ворует секретные документы и чертежи, то перелетает на аэроплане в тыл немецким войскам. Постоянный экшн, выражаясь современным языком. Эта книга и заложила основу для рождения мифа о том, что Рейли был «суперагентом» и «королем разведки».

Конечно, гораздо раньше, в 1931 году, выходили мемуары последней жены Рейли Пепиты Бобадильи, но миф о нем как о «супершпионе» возник именно после появления книги Локкарта, в 60-х. Параллельно ей с огромным успехом шли первые фильмы киноэпопеи о Джеймсе Бонде с

великолепным Шоном Коннери в главной роли, и эти два мифа как бы поддерживали друг друга. Ведь тогда уже говорили, что прототипом Бонда был именно Рейли, ну а если вы хотите узнать о приключениях «суперагента», который существовал не в кино, а на самом деле, то читайте книгу «Ас шпионажа». Популярность давно и бесследно исчезнувшего Сиднея Рейли от этого только увеличивалась.

...Любопытно, что не только на Западе, но и в Советском Союзе в 60-е по отношению к Рейли происходит всплеск интереса. Но если «там» он превращается в «суперагента», то «здесь» по-прежнему остается шпионом и «злейшим врагом советской власти».

Однако с середины 60-х образ Сиднея Рейли прочно закрепляется в советской культуре. Он появляется в исторических художественных фильмах* — «Операция “Трест”», «Заговор послов», «Крах операции “Террор”», «Синдикат-2», «20-е декабря» и т. д. Причем изображают его отнюдь не карикатурно, а даже с уважением. Да, враг, да, шпион, да «контра», но противник серьезный и умный. В «советском Рейли» не было ничего от западного образа «суперагента», похищающего секретные документы из штаба войск противника или стреляющего из пистолета с глушителем. Его главным оружием были политические интриги, заговоры и комбинации, что, кстати, гораздо ближе к истине.

Но миф о «суперагенте» живет по-прежнему.

В 90-е годы биографией Рейли всерьез занялся британский историк Эндрю Кук. Он проделал огромную работу — более десяти лет собирал свидетельства о жизни «супершпиона» в различных странах и выпустил в 2002 году книгу «Ас шпионажа. Подлинная история Сиднея Рейли» (в России она выходила, в частности, под названиями «Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества» (М., 2004) и «Сидней Рейли. Подлинная история “короля шпионов”» (М., 2017).

Кук использовал материалы тогда еще секретных архивов британских спецслужб (позже они будут рассекречены) и, опираясь на эти и другие сведения, написал свой портрет Рейли, совсем даже не в романтических тонах. По Куку, он не имеет ничего общего с героическим «суперагентом» — все это мифы и «придумки», он — расчетливый, циничный

* Ранее Рейли появлялся и в литературных произведениях — например, в пьесе Николая Погодина «Заговор Локкарта» (1953 г.), в романе-эпопее Ильи Кремлева «Большевики» (1956 г.).

и малопривлекательный человек, которым двигали прежде всего алчность и стремление к собственной выгоде.

На наш взгляд, разоблачив одни мифы о Рейли, Эндрю Кук волей-неволей создал другие. Рейли все-таки не был только расчетливым и циничным дельцом-негодяем. Иначе его жизнь не закончилась бы так, как закончилась. Он был гораздо сложнее и противоречивее.

Журналист — эмигрант Алексей Ксюнин, хорошо его знавший, опубликовал в 1931 году в выходившей в Берлине на русском языке газете «Руль» очерк под названием «Джентльмен — Сидней Рейли».

«Записки Сиднея Рейли, которые печатаются сейчас в иностранных газетах, названы “Записками английского шпиона”*, — писал он. — Между тем название “шпион” никак не подходит к Рейли. Я знал этого исключительного англичанина, который хотел спасти Россию. Таких англичан так же много, как белых ворон... История английского джентльмена Сиднея Рейли, и после опубликования его записок, — до конца еще не рассказана».

С тех пор о Рейли было написано немало, но и сегодня, через восемьдесят с лишним лет, можно повторить: история этого незаурядного человека — авантюриста, комиссионера, политика, разведчика, заговорщика, афериста, многоженца, и т. д. — до конца все еще не рассказана.

Эта книга ни в коей мере не претендует на то, чтобы поставить в ней точку. Автор, по мере возможности, лишь старался изобразить ее главного героя как можно более выпукло и разносторонне, с окружающими его легендами и мифами и со всеми привлекательными и отталкивающими чертами его характера.

Может быть, это описание его жизни тоже сыграет свою роль в поисках ответа на вопрос «Кто вы, мистер Рейли?».

«ЗОНА СУМРАКА»

Есть в Ирландии маленький город Типперэри. В нем проживает около пяти тысяч человек, и находится он в графстве, которое носит такое же название. И о городке, и о графстве и сегодня-то слышали немногие, а если бы не анг-

* Их издала вдова Рейли Пепита Бобадилья. По ее утверждениям, она лишь отредактировала и подготовила к печати записки, которые делал ее муж.

лийский поэт-песенник и музыкальный продюсер Джек Джадс, то, наверное, о них бы не знали вообще.

В 1912 году Джадс поспорил в клубе на пять шиллингов, что за одну ночь сочинит новую песню. По дороге домой он услышал обрывок разговора двух прохожих, в котором прозвучала фраза «It's a long way to...» («Долог путь...»). А потом взял, да и добавил к ней слово «Типперэри».

Почему именно его — не ясно. По одной версии, название ирландского городка просто хорошо укладывалось в маршевый ритм. Но пари Джадс выиграл, а новую песню даже начали исполнять в варьете и мюзик-холлах:

Вздумал раз один ирландец в Лондон закатиться,
Золотые мостовые — что ж не веселиться;
Пиккадилли, Лестер-сквер, Стрэнд — и все поют,
Разошелся Пэдди крепко и давай горланить тут:
«Долог путь до Типперэри,
Но пройду хоть целый свет;
Долог путь до Типперэри,
К той, кого милее нет!
До свиданья, Пиккадилли,
Лестер-сквер, прощай,
Долог путь — путь до Типперэри,
Но лишь там для сердца рай»*.

Ну а затем началась Первая мировая. «Типперэри» запели в британской армии, и вскоре она превратилась в одну из самых популярных солдатских песен. В символ надежды солдата вернуться домой с войны и фактически в неофициальный гимн британской армии. Увидеть свой «Типперэри» мечтали парни из Лондона, Манчестера, Глазго, а потом и союзники англичан. В 1914 году песню записали на граммофонную пластинку в России на русском языке — под названием «Далеко до моей деревни».

Пели ее и во время Второй войны, поют и сегодня.

С Типперэри странным образом связана и жизнь героя этой книги. Сидней Рейли утверждал и писал в анкетах, что родился в графстве Типперэри, в городке Клонмель. Это место рождения было даже указано в его паспорте. Хотя на самом деле он, скорее всего, ни разу в Типперэри не появлялся.

Один из многочисленных анекдотов о нем гласит, что, когда однажды Рейли спросили, почему в его паспорте ме-

* Перевод Елены Кистеровой.

стом рождения значится именно Типперэри, он ответил: «Я приехал в Англию работать на англичан. Мне нужен был английский паспорт и, соответственно, английское происхождение, а от Одессы, сами знаете, долгий путь до Типперэри!»

Ну да, конечно, биография какого авантюриста обходится без Одессы?!

* * *

Первая часть жизни Рейли — это наиболее таинственный ее период. Настоящая «зона сумрака». В одной биографической статье о нем, написанной еще в 60-х годах прошлого века, говорилось: «Он, как призрак, возник ниоткуда и исчез неизвестно куда, оставив после себя множество загадок». Сегодня уже точно известно, куда исчез Рейли, а что касается загадок — это правда. Одна из них — как раз место и время его рождения.

...Незадолго до гибели ему пришлось волей-неволей отвечать на вопросы о своей биографии на Лубянке. Вот что он тогда сказал:

«Фамилия, имя, отчество: Рейли Сидней Георгиевич, год рождения — 1874-й. Британский подданный. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность): Клонмель, Ирландия. Отец капитан морской службы. Место жительства (постоянное и последнее): постоянное — Лондон, последнее время — Нью-Йорк. Род занятий: капитан британской армии. Семейное положение: жена за границей. Образование: университетское. Окончил философский факультет в Гейдельберге и Королевский горный институт в Лондоне, по специальности — химик. Партийность: активный консерватор».

Что в его ответах правда, а что вымысел? Ведь у Рейли были весьма веские основания попытаться ввести чекистов в заблуждение относительно своей биографии. Так что верить ему на слово не следует — многое он просто выдумал, в том числе и о месте своего рождения.

Среди настоящих мест рождения Рейли назывались и называются Польша, Херсонская губерния, Петербург, Ирландия и, наконец, Одесса. Что касается родителей, то сам Рейли в разное время рассказывал, что его отец был то ирландским священником, то ирландским же моряком, то русским помещиком, то военным, то аристократом. Своей последней жене Пепите Бобадилье он говорил, что родился

N 2961

Справки
по делу Райлз

Кл. «Коммисіонеръ»

Съ 11-го Сентября 1905 года.

№	111
1	1
1010	

«Справки по делу Райлз, кличка «Коммисіонеръ». Из дела, заведенного на Рейли Петербургским Охранным отделением. Сентябрь 1905 г.

в Петербурге от русской матери и ирландского отца — моряка торгового флота.

Покрыта туманом и дата его рождения — упоминаются 1872, 1873, 1874, 1877 годы. Скорее всего, по рассказам Рейли, которые, в свою очередь, передали Робину Брюсу Локкарту люди, которые знали Сиднея, он и описал раннюю часть жизни будущего «супершпиона». Итак.

Он якобы родился 24 марта 1874 года близ Одессы в семье бедного дворянина, полковника русской армии и обрусевшей польки. Свою настоящую фамилию он никогда не называл, а при крещении, по его словам, ему дали имя Георгий (их семья исповедовала католическую веру).

В детстве он отличался разнообразными способностями, но особенно его привлекали иностранные языки (Рейли, по свидетельствам его различных знакомых, знал то ли четыре, то ли семь, то ли даже одиннадцать языков), фехтование и стрельба из пистолета. Перед ним открывалась карьера военного, но чем старше он становился, тем больше спорил со старшими и отстаивал свою точку зрения. При этом сильно горячился и оживленно жестикулировал руками. В общем, становилось ясно, что его характер мало подходит для военной службы.

В 1899 году тяжело заболела его мать, и семье пришлось вызвать из Вены доктора по фамилии Розенблюм, который давно ее наблюдал. Это был человек, много поездивший по миру. Он рассказывал Георгию удивительные вещи о далеких странах. Его рассказы так увлекли подростка, что, когда его матери стало лучше, он объявил родителям, что хочет уехать в Вену и тоже учиться на врача. Несмотря на уговоры родителей остаться, он не изменил своего решения. Только послушался совета доктора Розенблюма — учиться не медицине, а химии. Тогда эта наука казалась очень перспективной.

В Вене будущий Рейли с головой окунулся в бурную студенческую жизнь. Участвовал в собраниях студенческого кружка социалистической ориентации. Однажды он получил телеграмму от отца — он просил его срочно приехать домой, поскольку матери снова стало хуже. Георгий тут же собрался в дорогу, но один из членов кружка попросил его доставить в Россию некое письмо. Он согласился, и письмо спрятали под подкладкой пальто. Но на русской границе письмо нашли (оно оказалось посланием к нелегальному марксистскому кружку с планом — ни более ни менее — революционного переворота) и Георгия аре-

ставали. Вскоре, правда, выпустили, поверив, что о содержании письма ему ничего не известно, но, пока он сидел, умерла его мать.

И тут-то якобы произошло событие, которое коренным образом изменило его жизнь. Когда Георгия выпустили из тюрьмы, его дядя во всеуслышание обозвал его «ублюдком». И это было не только оскорбление, но и указание на, так сказать, его социальный статус. Оказалось, что на самом деле он не родной сын своего отца-полковника, а появился на свет в результате связи его матери с доктором Розенблумом из Вены. И что настоящее его имя не Георгий, а Зигмунд. Ради сохранения чести семьи эту тайну долго скрывали, но, когда он попал в тюрьму, разъяренный дядя начал кричать, что «дурная кровь все равно даст знать о себе», и выложил всю правду.

Потрясенный таким отношением Зигмунд-Георгий решил оставить семью. Он пробрался на британское судно, которое стояло в одесском порту и собиралось уходить в Южную Америку. Его вскоре обнаружили, но ссаживать не стали. Он представился капитану судна Зигмундом Розенблумом.

Три года Розенблум провел в Бразилии. Он работал на строительстве дорог, на плантациях, был докером, поваром и даже швейцаром в борделе. Его называли Педро. В 1895 году в эту страну, где, как известно, много диких обезьян, а «донов Педро — и не сосчитаешь», прибыли три английских офицера, которые собирались исследовать сельву Амазонии. Педро-Зигмунд-Георгий нанялся в экспедицию поваром.

Через некоторое время на офицеров решили напасть носильщики — они хотели убить англичан, забрав у них деньги и оружие. Как писал Робин Брюс Локкарт, «среди рева животных и птичьего щебетания Педро сразу различил подозрительный треск кустарника». Он выхватил револьвер и в одиночку отбилсся от нападавших. Один из членов экспедиции умер от лихорадки, а двух других Педро Рейли благополучно вывел из сельвы. В благодарность за спасение один из них, некий майор Фозергилл, выдал ему полторы тысячи фунтов, сумел выхлопотать британский паспорт и сопроводил на пароходе в Англию.

Захватывающая история. Трудное детство, семейные тайны, оскорбленный юноша, глухая сельва Амазонки, злые туземцы и подвиги, благодарный друг и наставник-офицер. Все как в приключенческом романе. Что, соб-

ственно, и вызывает скептическое отношение к этому рассказу.

Эндрю Кук в своей книге проанализировал этот романтически-приключенческий сюжет и пришел к выводу, что правды в нем не так уж и много. Так, например, в архивах Венского или Венского технического университетов не сохранилось никаких сведений о студенте из Одессы, который в то время изучал там химию. Ничего не известно о британских экспедициях, которые изучали Амазонию в 1895 году, об участвовавших в них офицерах, в частности, о майоре Фозергилле.

От себя добавим: случай с задержанием будущего Рейли на русской границе с письмом к революционному кружку, спрятанным под подкладкой пальто, почему-то не нашел никакого отражения в донесениях Одесского охранного отделения, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Между тем подобные события должны были фиксироваться и докладываться «по инстанциям» в обязательном порядке. В архивах сохранились сведения о гораздо более мелких происшествиях, а уж о письме «с планом революционного переворота», которое пытались доставить из-за границы, жандармы были просто обязаны отчитаться.

Стало быть, весь этот рассказ — сплошная выдумка? Нет, возможно, не весь.

Роберт Брюс Локкарт в своих мемуарах писал о Рейли, что тот был «еврей без капли британской крови». «Его настоящее имя — Розенблюм. Когда он сделался английским подданным — я не знаю до сих пор», — признавался он.

То, что Рейли в детстве носил эту фамилию, считал и Никита Брыгин — бывший сотрудник Управления КГБ СССР по Одесской области, ставший после ухода в отставку известным в Одессе краеведом и литератором. Он, в частности, установил, что в городе жила состоятельная домовладелица Розенблюм, которой принадлежали два дома — на Троицкой и Маразлиевской улицах. Дом по адресу Маразлиевская, 24, сдавался Союзу военнослужащих-поляков.

У мадам Розенблюм имелся сын, родившийся в 1872 году. Кем был его отец, осталось неизвестным, но, как утверждал Брыгин, позже тот занимался коммерцией в Нью-Йорке, то есть был довольно состоятельным человеком. В 90-х годах сын мадам Розенблюм по подложному паспорту (что заставило его обзавестись фальшивыми документами, тоже

непонятно) уехал из России в Швейцарию, где поступил в Бернский университет. Другими словами, этот самый Розенблюм, возможно, и стал Рейли.

Другая версия, о которой пишут английские биографы Рейли Майкл Кеттл и Эндрю Кук: «супершпион» родился в семье Григория (Герша) и Полины (Перл) Розенблюм. По Кеттлу, отец Зигмунда Розенблюма (будущего Рейли) был польским евреем, довольно крупным землевладельцем, а мать — очень красивой женщиной. Семья Розенблюм была состоятельной и процветающей.

По Куку, Григорий и Полина жили в Одессе, куда приехали, скорее всего, из Херсона. У них было трое детей, и будущего Рейли звали Соломон. Впрочем, по слухам, родным отцом Соломона был не Григорий, а его двоюродный брат — доктор Михаил Розенблюм, проживавший на все той же Маразлиевской улице и получивший диплом врача в 1879 году.

Что же дальше? Вроде бы Розенблюм изучал химию в Новороссийском университете в Одессе. Потом был вынужден уехать из города и вообще из России. Возможно, по политическим причинам — из-за участия в каком-то подпольном кружке.

Как бы там ни было, но в 1895—1896 годах Георгий-Зигмунд-Соломон-Михаил Розенблюм оказался в Англии, преодолев свой первый «долгий путь» от Одессы (Херсона, Польши) до Лондона.

Романтический герой или осведомитель?

Откуда прибывает Розенблюм в Лондон — неизвестно (называются разные места — Вена, Берн, Гейдельберг, Париж, Одесса и даже, как уже говорилось, Бразилия), чем занимается в Лондоне в первое время своего пребывания там — тоже. Вроде бы по-прежнему изучает химию, создает небольшую фирму*, которая продает лекарственные препараты. По данным Кука, некоего Розенблюма вскоре приняли в члены Королевского химического общества, а затем он стал и членом более престижного Химического института.

* Кстати, откуда у него могли быть деньги на открытие собственного бизнеса? Может быть, ему все же помогала семья, оставшаяся в России?

Его видят в клубах и пабах, где собираются эмигранты. Майкл Кеттл утверждает, что в этих клубах преобладали анархисты и поляки, по другим данным, Розенблюм знакомится в Лондоне с русскими народниками, а также с писательницей Этель Лириан Буль (в замужестве Войнич), автором прогремевшего на весь мир романа «Овод», вышедшего в 1897 году.

Робин Брюс Локкарт передает (скорее всего, со слов Рейли) очередную романтическую историю — о том, как между Розенблюмом и Буль, которая была старше его на 10 лет, возник бурный роман. На последние 300 фунтов, которые оставались у него от денег майора Фозергилла, они отправились в путешествие по Италии и островам Средиземного моря. Он рассказывал ей о своем детстве и молодости. Побывали они и на острове Эльба, где, как известно, в 1814 году находился в ссылке Наполеон.

Именно там якобы Розенблюм-Рейли и «заболел» Бонапартом, а личность французского императора породила в его душе небывалые амбиции. Наполеон стал его кумиром на всю жизнь. Как писал Локкарт, он с трудом наскреб последние 100 фунтов и купил картину с изображением императора на фоне Триумфальной арки в Париже, в углу которой были рукой самого Наполеона были начертаны критические замечания в адрес художника и его полотна. Так это было или нет — остается только гадать, но Наполеон действительно всю жизнь оставался для Рейли любимым историческим героем и объектом восхищения. По Локкарту, купленная на Эльбе картина положила начало его страстному увлечению — коллекционированию предметов, связанных с жизнью и эпохой императора. Со временем Рейли действительно собрал уникальную и, наверное, одну из лучших в мире коллекцию наполеонистики, которую, впрочем, был вынужден распродать на торгах. Но к этому эпизоду его биографии мы еще вернемся.

Совместное с Этель «романтическое путешествие», писал Локкарт, оставило свой след в мировой литературе. Ведь вроде бы именно Розенблюм стал прототипом главного героя главного героя «Овода» Артура Бертонна. Так, по крайней мере, гласит одна из очень популярных версий.

Утверждение о том, что именно Розенблюм стал прототипом Бертонна, во многих современных публикациях встречается как практически неоспоримый факт, хотя на самом деле нет никаких доказательств того, что это было так. Почему именно он? Биография Розенблюма была не так красоч-

на и богата приключениями, как у многих других знакомых Войнич. Да и сама писательница, прожившая 96 лет и умершая в 1960 году, ни разу не упоминала об этом. Как, кстати, и о романе с молодым эмигрантом из России по фамилии Розенблюм. Впрочем, историк Дмитрий Белановский разыскал в архиве Заграничной агентуры Департамента полиции составленный в 1903 году любопытный документ, в соответствии с которым за неким Сигизмундом Розенблюмом из Англии должно быть установлено негласное наблюдение в случае его возвращения в Россию. В справке о Розенблюме, в частности, говорилось: «Близкий приятель Войнича*, а, в особенности, его жены. Всюду сопровождает последнюю, даже когда она уезжает на континент... Приметы 33 лет, роста среднего, длинный нос, брюнет, остроко-нечная борода, внешний вид приличный».

Тот ли это был Розенблюм? Некоторые приметы, указанные в справке, вроде бы подходят к нему. С другой стороны, в 1903 году его уже не было в Англии. Правда, можно предположить, что агенты Департамента полиции дали маху и составили документ, исходя из своих старых данных, упустив из виду интересующее их лицо. К тому же Розенблюм уже сменил фамилию на Рейли.

Судя по всему, примерно в 1896—1897 годах будущий Сидней Рейли начал сотрудничать со спецслужбами. Но когда точно и с какими — вопрос. По версии Локкарта, его рекомендовал в Секретную разведывательную службу (СИС) тот самый майор Фозергилл из Бразилии, который сам был разведчиком. Правда, названия СИС в Великобритании тогда еще не существовало — оно появится позже. Но, вероятно, Локкарт имел в виду не конкретную структуру, а разведку вообще. Встречаются предположения, что на Розенблюма обратили внимание из-за его способности к языкам и связей с Россией — англичанам нужны были агенты для работы в этой стране, с которой у них никогда не прекращалось соперничество.

А по другой версии, путь Рейли в беспокойную и опасную шпионскую жизнь начался вовсе не с разведки, а с работы на контрразведку — среди политических эмигран-

* Имеется в виду Михаил Войнич (псевдоним — Вильфред) — польский революционер, приговоренный в России к тюремному заключению и ссылке, бежавший по дороге в Сибирь из России и оказавшийся в 1890 году в Лондоне. В 1902 году Войнич женился на Этель Буль.

тов. Он стал осведомителем полиции или, попросту говоря, «стукачом» — его мог завербовать Уильям Мелвилл, с 1893 года занимавший должность начальника Особого отдела полиции (Скотленд-Ярда), который занимался эмигрантами, экстремистами, а потом и охраной королевской семьи и высокопоставленных особ из других государств, приезжавших в Англию.

У Мелвилла была целая сеть собственных агентов. В 1892 году с помощью одного из них он, например, фактически организовал, а затем и успешно «раскрыл» заговор в городе Уолсолл. Шестеро анархистов якобы изготавливали бомбы, которые собирались использовать их против русского царя. Тогда агент Мелвилла по имени Огюст Кулон сыграл роль провокатора — он предложил анархистам изготовить бомбы, а затем донес на них.

Считается, что раскрытие заговора и привело к тому, что Мелвилла повысили по службе, назначили руководителем Особого отдела, и он весьма успешно боролся с экстремистами в Англии. «В 1896 году, — пишет автор книги «Шпионы Первой мировой войны» Джеймс Мортон, — Мелвилл принял на службу Шломо Розенблюма — позже ставшего намного более известным как Сидней Рейли — как информатора в организации, которую подозревали в связях с русскими анархистами».

Все это, разумеется, только версии и предположения. Как констатировал Майкл Кеттл, на самом деле «никто не знает, когда и как» эмигрант из Одессы вступил на тот путь, который превратил его в Сиднея Рейли.

Но ведь все-таки как-то превратил.

Розенблюм превращается в Рейли

«Передо мной неторопливо сконденсировался бледный, весьма корректный человек в превосходно сидящем сером костюме». Эта строчка из культовой повести «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, казалось бы, не имеет никакого отношения к нашему повествованию. Но она очень точно описывает, как из биографической «зоны сумрака» начинает постепенно возникать более определенный образ человека, ставшего Сиднеем Рейли. Именно так — он «неторопливо конденсировался».

В 1897 году Зигмунд Розенблюм познакомился с Маргарет Томас, женой священника Хьюго Томаса. У них была

большая разница в возрасте: ему — 63, ей — 23. Как и где произошла первая встреча Зигмунда и Маргарет, мы опять-таки точно не знаем.

Вроде бы они познакомились потому, что Розенблюм продавал Хьюго Томасу некие медицинские препараты — тот страдал тяжелым хроническим заболеванием почек. Он пробовал лечиться ими несколько месяцев, но состояние его здоровья никак не улучшалось. В марте 1898 года супруги отправились в путешествие по Египту. Перед поездкой Хьюго написал завещание, в котором оставлял все свое «движимое и недвижимое имущество» своей жене, а через 10 дней скончался в отеле «Лондон и Париж» городка Нью-Хейвен от сердечной недостаточности. Оттуда они собирались переправиться на пароме во Францию, чтобы ехать дальше в Африку.

Вдова Томаса Маргарет унаследовала дом и состояние в размере более восьми тысяч фунтов. А всего лишь через пять месяцев после его смерти вышла замуж за Зигмунда Георгиевича Розенблюма, химика-консультанта по профессии.

Такое странное развитие событий позволяет Эндрю Куку подозревать Розенблюма в самом нехорошем — в том, что он отравил Томаса. Возможно, при участии его жены и своей любовницы Маргарет. Зачем? Чтобы завладеть его состоянием и создать себе новую биографию. Как именно отравил? Ну, например, постепенно «подкармливал» его мышьяком, входившим в состав тех препаратов, которые он продавал Томасу. Или они подкупили его сиделку, и она дала ему смертельную дозу яда уже в самом отеле «Лондон и Париж».

Как бы то ни было, но уже 22 августа 1898 года Маргарет Томас вышла замуж за Зигмунда Розенблюма. Маргарет была родом из Ирландии, ее отцом был моряк (точнее, рыбак) по имени Эдвард Каллагэн. Однако, регистрируя брак с Розенблюмом, она заявила, что отец — капитан Королевских ВМС Великобритании Эдвард Рейли Каллагэн, уже скончавшийся (на самом деле, он был еще жив).

Для чего она так приукрасила статус папы (при этом похоронив его при жизни), можно только догадываться. Но, вероятно, ей подсказали сделать это для мужа — чтобы он на официальных основаниях мог ходатайствовать о получении фамилии своего тестя для нового, уже британского паспорта. А кому был нужен Розенблюм с новой фамилией и паспортом подданного Великобритании? Может быть,

людям из специальных служб, которые, вероятно, уже тогда собирались использовать его в разных частях мира?* Не исключено, что идея сделать из одесского еврея Розенблюма ирландца принадлежала тому же Уильяму Мелвиллу. Он-то и сам был ирландцем — родился в городе Сним, графстве Керри на юго-западе Ирландии, поэтому вполне мог придумать ирландскую биографию Рейли.

Молодые супруги провели медовый месяц в Брюсселе и Остенде, потом в доме Маргарет рядом со знаменитым Гайд-парком. Восемь тысяч фунтов наследства были очень серьезным капиталом (в пересчете на сегодняшние деньги, это составило бы, по различным оценкам, 500—600 тысяч фунтов стерлингов). Розенблюм занимался верховой ездой и ходил по антикварным магазинам. Возможно, тогда он и начал собирать свою коллекцию наполеонистики.

Второго июня 1899 года ему был выписан паспорт на имя Сиднея Джорджа Рейли. Вероятно, Сидней — это англоизированный вариант имени Зигмунд, Джордж пошло от отчества Георгиевич, ну а ирландская фамилия Рейли теперь заменила еврейскую Розенблюм.

...Вскоре после получения паспорта новоиспеченный британский подданный покинул Туманный Альбион. Вряд ли он решил просто посмотреть мир и насладиться впечатлениями от путешествия — дальнейшие события это никак не подтверждают. Но куда он поехал? Здесь снова разночтения в версиях.

Робин Брюс Локкарт утверждает, что Рейли был в Голландии и собирал там информацию о голландских военных поставках в Южную Африку — там как раз англичане воевали с потомками голландцев — бурами. Потом его якобы направили в Персию собирать сведения о добыче нефти и политико-экономической ситуации в стране.

По другим данным, уже летом 1899 года Рейли с женой выехали в Россию. Она поселилась в Петербурге, а он некоторое время колесил по Закавказью, действительно собирая данные о русских нефтеносных районах. Затем они оказались в одной из самых дальних «русских точек» — в городе Порт-Артур на Желтом море. Они прибыли туда в

* Если британские спецслужбы уже тогда хотели использовать связь Розенблюма и Маргарет Томас в своих интересах, то вряд ли они не проверили обстоятельства смерти Хьюго Томаса. Можно предположить, что ничего необычного они в ней не нашли, и никаких подозрений против Розенблюма у них не возникло.

начале 1901 года. И, естественно, снова напрашивается вопрос — зачем?

Это самое «зачем?» неизбежно преследует исследователя жизни Сидней Рейли, особенно ее первой части. На него не раз придется отвечать и в этой книге. Вернее, пытаться отвечать. Цели его многих передвижений, поездок и миссий до сих пор точно неизвестны, в документах, по крайней мере доступных для изучения, о них ничего не говорится, так что приходится предполагать и строить версии, опираясь в том числе и на косвенные данные.

Итак, Порт-Артур.

У самого Желтого моря

В 1898 году Китай под давлением России передал ей в аренду сроком на 25 лет этот город (китайское название Люйшунь) вместе с прилежавшим Квантунским полуостровом.

В Порт-Артуре начали строить военно-морскую базу русского Тихоокеанского флота. На берегу возводилась порт-артурская крепость. Население города в начале XX века составляло чуть более 42 тысяч человек. Русская военная и экономическая экспансия, разумеется, не могла оставить Лондон равнодушным. Английская разведка внимательно следила за действиями своего конкурента. Еще с середины 80-х годов XIX века она начала сбор информации о русских крепостях и портах в Азии на Дальнем Востоке.

Генерал Джордж Астон в книге «Британская контрразведка в мировой войне» (она была выпущена в СССР еще в 1939 году) рассказывал о таком случае: англичане никак не могли узнать о том, как устроена система береговой охраны Владивостока. Тогда помочь вызвался некий молодой офицер из Гонконга — видимо, явный авантюрист по своей натуре. В зимнюю ночь, когда мела сильная метель, он пробрался во Владивосток, составил план его охраны и даже обозначил на нем места установки артиллерийских орудий и их калибр.

Англичане вообще любили привлекать к выполнению разведывательных заданий различного рода искателей приключений. Некоторые из них работали из-за любви к риску, некоторые — за деньги. Относился ли к таким любителям риска и приключений Сидней Рейли? Безусловно. Выполнял ли он какие-то задания британской разведки на берегах Желтого моря? Это весьма интересный вопрос. Но

именно с Порт-Артура за Рейли, как за кометой, начинает все заметнее тянуться хвост слухов и подозрений о том, что он чей-то шпион.

В далеком Порт-Артуре Рейли занял должность представителя датской «Восточно-Азиатской компании» и ее дочерней структуры — основанного в 1899 году «Русского Восточно-Азиатского пароходства». Суда пароходства курсировали на океанских и морских пассажирских линиях, возили грузы и морскую почту. 4(17) января 1902 года выходящая в Порт-Артуре газета «Новый край» сообщила: «“Восточно-Азиатская компания” имеет честь довести до всеобщего сведения, что сего числа открыто ею отделение в Порт-Артуре, и что Сидней Георгиевич Райллэ будет управлять всеми нашими делами в Квантунской области и Манчжурии.

Контора “Восточно-Азиатской компании” помещается по Бульварной улице».

Потом это объявление появлялось в газете еще неоднократно.

Рейли хорошо понимал ее преимущества своей должности. Порт-Артур бурно развивался. «Желтороссия», как иногда называли русские территории в Китае, притягивала к себе военных, купцов, банкиров, шпионов, коммерсантов и авантюристов всех мастей. В этом центре международных интриг появлялись хорошие возможности для того, чтобы заводить полезные знакомства (эту задачу Рейли выполнил на «пять с плюсом») и проворачивать различные коммерческие операции, чтобы заработать неплохие деньги. Ради этого можно было пожить несколько лет в этом странном и отдаленном месте у Желтого моря.

Бизнес, в котором он участвовал, был поистине разносторонним. Помимо морских перевозок, компания Рейли занималась также доставкой и продажей леса, цемента, угля, кровельного железа, гвоздей, муки, масляных красок, мыла, ананасов из Сингапура, керосиново-калильных ламп, датского пива «Карлсберг», французского коньяка «Мартель», шампанского, ликеров, американских консервов, «лучшей углекислотной минеральной воды “Аполлинариус”» и т. д. Вообще почти все необходимое в Порт-Артур завозили с Большой земли.

Двадцатого января (2 февраля) 1902 года фамилия Рейли снова упоминается в «Новом крае». И опять в рекламном объявлении «Восточно-Азиатской компании»: «Имеется на складе строительный лес, доски и брусья всех размеров. Т. Д. Грюнберг и Райллэ».

Он также сотрудничал с торговым домом «Моисей Гинсбург и К°». Рекламные объявления этой конторы неоднократно встречаются в газете Порт-Артура. Ее владелец Моисей Гинсбург, родившийся в Волынской губернии, в возрасте 17 лет уехал в Америку, затем в Японию, и еще с 1877 года стал чуть ли не главным поставщиком русских военно-морских эскадр, находящихся на Дальнем Востоке. В том числе, естественно, и поставщиком Порт-Артура.

Рейли довольно быстро освоился в «колониальной» жизни у Желтого моря. У него появились друзья. Позже, когда он осядет в Петербурге, среди его знакомых будет много «портартурцев», занимавших уже видное положение в обществе. Ну а пока он каждый вечер посещал порт-артурские варьете, рестораны и клубы, где собирались «сливки» местного света, и, в общем, неплохо проводил время.

В Порт-Артуре существовала небольшая колония иностранцев из Европы и Северной Америки. Это были торговцы, коммерсанты, врачи, преподаватели иностранных языков. Приезжали с гастролями различные знаменитости. Работал в городе даже собственно Американский театр.

При желании в городе «у Желтого моря» можно было и не скучать, но вот жена Рейли Маргарет, наоборот, впала в депрессию. Жизнь в Порт-Артуре как раз казалась ей слишком уж бледной. У нее начались проблемы с алкоголем, а отношения с мужем ухудшились — вроде бы Рейли завел роман с некоей женщиной по имени Анна. Как бы там ни было, но осенью 1903 года они впервые надолго расстались. Маргарет уехала в Японию, потом в Америку, а оттуда — в Европу. Это был первый шаг на пути к их семейной катастрофе.

Есть, впрочем, и другая версия: Рейли специально отослал жену из Порт-Артура, чтобы не подвергать ее жизнь опасности. Он якобы уже тогда знал, что японцы вот-вот нападут на Порт-Артур. Откуда знал? Либо от английской разведки, либо от японской. Поскольку шпионил то ли на тех, то ли на других, то ли на тех и других сразу.

...Но вот наступил 1904 год. 26—27 января (8—9 февраля) японская эскадра атаковала русские военные корабли в Порт-Артуре. Фактически это стало началом Русско-японской войны, хотя формально Япония объявила войну России только 28 января (10 февраля) 1904 года. 17(30) июля началась сухопутная осада Порт-Артура японцами. Она продолжалась 156 дней.

Самая распространенная легенда о порт-артурском периоде жизни Рейли состоит в том, что он умудрился вы-

красть планы укреплений города и передать их японцам. Другими словами, именно его «шпионство» стало одной из причин падения Порт-Артура. Причину, по которой Рейли якобы передавал чертежи японцам, часто объясняют так: в 1902 году Великобритания и Япония подписали союзный договор, который гарантировал их «особые интересы» в Китае и Корее. Считается, что договор был направлен, прежде всего, против России, и планы укреплений Порт-Артура Рейли мог выкрасть и передать союзникам-японцам по приказу британской разведки.

Робин Брюс Локкарт утверждает, что Рейли подкупил одного морского инженера и от него получил и скопировал чертежи. Потом он передал их англичанам.

По другой версии, Рейли был платным агентом японцев.

В английском телесериале «Рейли — король шпионов», премьера которого состоялась в Великобритании в сентябре 1983 года, Рейли (его играет известный актер Сэм Нил) передает эти самые чертежи непосредственно японскому офицеру. Как говорится — из рук в руки.

История с похищенными чертежами встречается сегодня почти в каждом описании биографии Рейли. Но никаких конкретных подтверждений шпионажа Рейли в пользу японцев до сих пор никто обнаружил. Да и вообще непонятно — передавал ли им кто-нибудь планы обороны Порт-Артура. А если и передавал, то какую роль это сыграло в падении города во время Русско-японской войны?

В самом деле: неожиданное нападение японских кораблей на русскую эскадру в Порт-Артуре было организовано далеко не блестяще. Оно, конечно, нанесло ей серьезный ущерб, но и японские корабли пострадали не меньше. 27 января (9 февраля) 1904 года командующий японским флотом адмирал Того почему-то подвел свои корабли прямо под огонь крепостной крупнокалиберной артиллерии, а затем вообще предпочел сбежать от Порт-Артура. Станный образ действий, если предполагать, что у японцев уже имелись схемы обороны города и гавани. По сути, спасли их плохая стрельба русских артиллеристов и нерешительность русского командования, которое предпочло не преследовать японскую эскадру.

Последующая осада Порт-Артура носила чрезвычайно упорный характер и стоила японской армии огромных жертв — около 60 тысяч человек (потери русских войск оцениваются в 30—32 тысячи). Город пал только 23 декабря 1904 года (5 января 1905 года).

Командующий японскими войсками генерал Ноги, у которого во время осады погибли два сына, писал после осады, что испытывает только одно чувство — «стыд и страдание» и просил у императора разрешения совершить самоубийство — сеппуку («харакири»). Император не разрешил. Но после смерти монарха в 1912 году Ноги все же совершил самоубийство — вместе с женой и своим адъютантом.

То есть если и допустить, что к японцам попали стратегические планы обороны русских, то они мало чем им помогли. Но в России тогда именно шпионаж и измена считались одними из главных причин неудачного ведения войны вообще и падения Порт-Артура в частности. Русская контрразведка, впрочем, предполагала, что схемы укреплений города японцам мог передать подкупленный ими инженер-китаец, но кто мог поручиться, что шпионил он в гордом одиночестве? А, судя по газетным сообщениям, «японских шпионов» в России было тогда так много, что ловили их с пугающей регулярностью.

«Русский листок» 7(20) марта 1904 года со ссылкой на английскую «Дейли экспресс» сообщал, что во многих русских городах имеются японские шпионы, что их число достигает 2500 и все они исключительно — люди с высшим образованием.

Британское агентство Рейтер 3(16) апреля передало заявление, якобы выпущенное русским правительством — «Всякий газетный корреспондент, пользующийся беспроволочным телеграфом, будет считаться шпионом и будет подвергаться расстрелянию».

Газета «Русь» 2(15) мая написала, что около Омска на реке после ледохода рыбаки нашли утопленника, похожего на японца. В его кармане были найдены бумаги, из которых оказалось, что он японский шпион, имевший поручение от своего правительства. Вроде бы японец хотел взорвать на реке мост, но, попав в прорубь, утонул.

Вероятно, эта волна шпиономании настигла и Сиднея Рейли. Писатель Владимир Крымов*, оставивший о нем ценные мемуары, вспоминал: «Известный коммерсант и

* *Владимир Пименович Крымов* (1878—1968) — писатель, публицист, путешественник. В 1913—1917 годах издатель журнала «Столица и усадьба». С 1918 года в эмиграции. Автор романов «За миллионами» (1933), «Фуга» (1935), «Похождения графа Азара» (1938), «Сенсация графа Азара» (1939), «Фенька», воспоминаний «Портреты необычных людей» (1971) и др.

очень добрый человек Гинсбург Порт-Артурский, под каким именем все его знали, рассказывал мне (в 1917 году), когда мы жили в Японии, что в Порт-Артуре во время Русско-японской войны Рейли служил конторщиком, считался очень способным, и Гинсбург рассчитывал дать ему большие полномочия, но во время осады японцами Порт-Артура Рейли вдруг исчез. Среди русских возникло мнение, что он был шпионом, неизвестно чьим, как часто бывает во время психоза шпиономании, но позже стало известно, что японцы предлагали 10 000 иен за голову Рейли».

За что японцы предлагали награду за голову Рейли — осталось непонятным. Наверное, они тоже подозревали, что он шпионил, только против них. А может быть, слухи об этой награде за его голову — всего лишь один из мифов. Почему роль шпиона-виновника падения Порт-Артура в слухах отводилась именно Рейли? Наверное, не ему одному — просто имена других забылись, а имя Рейли, наоборот, потом превратилось в раскрученный «шпионский бренд», а более поздние его биографы еще больше «раскрасили» эту легенду. К тому же Рейли был «великобританским подданным». А англичане считались коварными союзниками Японии. Даже в популярных в то время русских картинках наглядной агитации так называемого «лубочного стиля», высмеивавших японцев, часто изображались Джон Булль и Дядя Сэм, стоящие за спиной японского микадо* и подталкивающие его к войне с Россией.

Вероятно, сыграла свою роль и «многозначительная» таинственность Рейли, которую он всегда любил на себя напускать. Станный англичанин в Порт-Артуре внешностью то ли грека, то ли еврея, свободно говорящий порусски и на других языках и занимающийся какими-то мутными коммерческими делишками, вполне мог сойти за шпиона. Иностранцев (не японцев и не китайцев) в Порт-Артуре насчитывалось не так много. В 1903 году — всего 246 человек.

Почти всех европейцев и американцев, оказавшихся в городе и вообще на территории «Желтороссии», русская контрразведка «опекала» весьма плотно. Наблюдение за

* Джон Булль — собирательный образ типичного англичанина, персонифицированный образ Великобритании; Дядя Сэм — персонифицированный образ США; микадо — устаревший титул императора Японии.

ними особенно усилилось к концу 1903-го — началу 1904 года, когда обстановка на Дальнем Востоке явно начала обостряться. В хранящемся в Российском государственном военном-историческом архиве «Деле Начальника Управления транспортов Штаба Главнокомандующего», озаглавленного «Тайные разведчики», имеется, к примеру, такое любопытное донесение анонимного офицера контрразведки из города Мукден от 14(30) января 1904 года, то есть буквально накануне войны:

«Довожу до сведения Вашего Превосходительства, что военные корреспонденты и некоторые военные агенты прибегают к помощи китайцев для собирания сведений о ходе дел, состоянии армии, где скопление войск, где размещены магазины [то есть склады. — *Е. М.*] и т. д. Тут, в китайской гостинице “Ингошай” проживает англичанин под видом грека, который занимается торговлей и в то же время собирает сведения для корреспондентов.

За ним учрежден строгий надзор.

По другим сведениям..., корреспонденты получают массу сведений о нашей армии от здешнего миссионера, за которым трудно установить систематический надзор, ибо он ходит много к китайцам и ежедневно масса китайцев приходит к нему.

Военный корреспондент австрийской армии граф Шептицкий имеет тоже своих китайцев».

Но если судить по сохранившимся в архивах документам, никакой разведывательной и вообще подозрительной активности Рейли, который, в отличие от англичанина, проживавшего в Мукдене под видом грека, жил под собственной фамилией, русские контрразведчики не зафиксировали. Получается, что то ли русская контрразведка дала маху, то ли Рейли шпионил так филигранно, что она не смогла распознать в нем разведчика.

Конечно, исключать того, что Рейли в Порт-Артуре занимался сбором какой-то разведывательной информации, не следует. Но если так, то, скорее всего, он делал это «по совместительству» со своим основным занятием — бизнесом. И, вероятно, это была слишком общая информация о положении дел в городе. Вряд ли она носила слишком уж «шпионский» характер. Возможно, поэтому Рейли тогда и не попал в поле зрения русской контрразведки.

Что же касается чертежей, подкупленного инженера и т. д. — есть основания предполагать, что это — «легенды и мифы» более позднего времени.

Рейли «исчез» из Порт-Артура, вероятно, в начале 1904 года. Точнее говоря, он уехал, когда война с Японией уже началась, но город еще не был отрезан японцами от сухопутных и морских путей. Куда именно он отправился — точно неизвестно до сих пор. По Локкарту-младшему, он путешествовал по Китаю, учился у китайских философов и даже на некоторое время примкнул к философской школе мудреца Чжо Лима. Потом изучал ламаизм и стал буддистом. Локкарт писал, что в Англии над ним даже подшучивали: «Вот идет сороковое воплощение Будды!»

Затем он вернулся в Лондон, откуда его направили со специальным заданием в Германию. Приключения Рейли в этой стране, датируемые 1904 годом, стали еще одним известным эпизодом мифологизированной шпионской биографии «аса шпионажа».

Задание Рейли якобы состояло в том, чтобы проникнуть на один из военных заводов концерна Круппа, чтобы узнать, какую именно продукцию он разрабатывает и выпускает. Рейли нужно было опять похитить чертежи — теперь из конструкторского бюро.

Он прибыл в город Эссен под видом сварщика, выдавая себя за прибалтийского немца по имени Карл Хан. Ему удалось устроиться на военный завод и к тому же стать членом пожарной команды — эта должность позволяла ему практически круглосуточно оставаться на предприятии. Узнав, где находятся чертежи, он с помощью отмычек и потайного фонаря выкрал их. Правда, ему чуть не помешал начальник пожарной охраны, но Рейли придушил его и связал. Затем он мощным ударом вывел из строя охранника у ворот завода и тоже связал его.

Рейли разложил чертежи в четыре конверта и отправил их по разным адресам в Лондон, Париж, Брюссель и Роттердам. Он рассчитывал, что по крайней мере одно из писем дойдет по назначению. Затем сел на поезд и поехал в Дортмунд. Когда на заводе началась тревога, переодетый в дорожной костюм шпион, покуривая дорогую сигару, спокойно следовал в Париж с британским паспортом в кармане.

Эта история — еще один классический сюжет для шпионского триллера, которых в книге Локкарта буквально навалом. От него настолько отдает «бондианой», что этот эпизод вполне можно было бы включить в одну из серий о приключениях Джеймса Бонда — агента 007.

Как уже говорилось, принято считать, что Рейли был одним из прототипов Бонда. Конечно, у них есть общие черты — Рейли так же часто, как агент 007, появлялся то в одной, то в другой стране. Он знал несколько языков, заводил многочисленных романов с женщинами, любил красивую жизнь и вместе с тем опасность и риск. Но при всем этом очень трудно представить его стреляющим из любых видов оружия или, например, ломающим шею своему противнику с помощью карате или джиу-джитсу. В своих рискованных комбинациях (и коммерческих, и личных, и шпионских) он все-таки предпочитал «работать головой», а не руками и ногами. Так что Рейли, душащий начальника пожарной охраны или одним ударом отправляющий в нокаут охранника — это явно из области фантастики.

Но связь между Рейли и Бондом все-таки есть, хотя и не совсем такая, как обычно говорят. Не исключено, что, работая над биографией Рейли, Робин Брюс Локкарт и сам (или вместе с искусственным в коммерческих делах издателем) придумывал некоторые головокружительные шпионские истории о его приключениях. Как раз для того, чтобы укрепить у публики уверенность, что Рейли — это и есть прототип уже завоевавшего огромную популярность киношного Бонда.

Локкарт впервые выпустил свою книгу в 1967 году, а к этому времени на экраны вышли уже четыре фильма «бондианы» — «Доктор Ноу», «Из России с любовью», «Голдфингер», «Шаровая молния». Пятый — «Живешь только дважды» — появился в том самом 1967-м, почти одновременно с книгой о Рейли. Возможно, что автор вместе с издателем и решили вставить в книгу несколько эпизодов (или переработать рассказы знавших Рейли людей в соответствующем духе), которые бы напоминали хождения агента 007. Для чего? Разумеется, в маркетинговых целях. Проще говоря, для того, чтобы книга лучше продавалась.

Книга Локкарта представляет собой сборник таких «шпионских рассказов», написанных по мотивам биографии ее главного героя. В ее мифологизации эти рассказы сыграли большую роль. И в том, что утверждение «Рейли был прототипом агента 007» стало почти расхожим выражением — тоже.

* * *

Летом 1904 года Рейли появился в Европе. Локкарт пишет, что он был неприятно поражен, узнав, что Маргарет исчезла неизвестно куда, не забыв прихватить все деньги

с их общего банковского счета, а также сдал в магазин его личные вещи, включая и «наполеоновскую коллекцию», которую Рейли пополнял при каждом удобном случае. Однако если и так, то он смог ее довольно быстро восстановить.

На самом деле, Маргарет не исчезала «неизвестно куда», а жила в это время в Брюсселе. Но после их разлада в Порт-Артуре и возвращения Рейли из Азии его отношения с ней так и не наладились.

Вероятно, это не слишком-то его расстраивало. Летом 1904 года Рейли отправился на французский Лазурный Берег, в небольшой городок Сан-Рафаэль. Причем вовсе не в грустном одиночестве. Эндрю Кук отмечает, что в тамошнем отеле «Континенталь» зарегистрировались «мистер и миссис Рейли». Кем была таинственная «миссис Рейли» — осталось загадкой. Некоторые биографы «супершпиона» упоминают, что из Порт-Артура он выехал со своей новой подругой по имени Анна и, возможно, даже женился на ней.

«Мистер и миссис Рейли» прожили в Сан-Рафаэле большую часть лета, а потом уехали в Брюссель. Но с Маргарет он там не встречался. Зато тем же летом 1904 года у него состоялась другая, куда более интригующая встреча. В Париже Рейли увиделся с Уильямом Мелвиллом, — тем самым, который, возможно, завербовал его в качестве своего осведомителя еще в 1896—1897 годах. Мелвилл и сегодня считается одним из самых знаменитых уроженцев ирландского графства Керри. В музее графства, который находится в его административном центре Трали, совсем недавно даже работала посвященная Мелвиллу персональная выставка. Судя по ее материалам, к моменту встречи с Рейли в Париже он изменил свой «профиль» работы. 1 декабря 1903 года он неожиданно подал в отставку с должности начальника Особого отдела Скотленд-Ярда. Эта отставка на самом пике его карьеры многих удивила — ей не находили разумного объяснения. Но очень мало кто знал, что на самом деле Мелвилл перешел в разведывательную службу Военного министерства и стал курировать работу агентов, выполнявших различные задачи как в Великобритании, так и за границей. При этом он изменил имя — теперь его звали Уильям Морган, а свои депеши он подписывал литерой «М».

Естественно, что земляки Мелвилла уверены, что именно он и был прототипом шефа Джеймса Бонда, кото-

рого Ян Флемминг как раз и вывел под псевдонимом «М». Даже выставка, посвященная Мелвиллу, называлась соответственно: «Уильям Мелвилл: мастер шпионажа. Удивительная история подлинного “М”».

В свете вышеизложенного можно долго ломать голову над тем, что значила для Рейли встреча в Париже с «мистером “М”», и существует ли какая-то связь между ней и тем, что через несколько месяцев он вдруг оказался в Петербурге.

ШПИОН-АВИАТОР?

О так называемом Петербургском периоде жизни Сиднея Рейли известно больше, чем о том, что происходило с ним в предыдущие годы. Он, как корабль из тумана, постепенно выплывал из «зоны сумрака».

Однако и здесь нас подстерегает немало вопросов. И главный из них — что делал Рейли в Петербурге? В чем состояла цель его приезда в столицу России? Был ли он лишь пронырливым коммивояжером, который, для того, чтобы заработать, был готов продавать все и вся? Или все это — лишь прикрытие, «крыша», для того, чтобы заниматься своим основным делом — разведкой? А если он занимался ею, то против кого? И для кого? И давал ли ему какое-то задание «М» — Уильям Мелвилл-Морган?

Нельзя не заметить — в Петербурге Рейли вел именно такой образ жизни, который, скорее всего, и выбрал бы и профессиональный разведчик-нелегал. Он активно вращался в светских кругах, заводил друзей из чиновников, военных и представителей высшего света. Он все время оказывался рядом с новейшими технологическими разработками в области авиации, военно-морского флота, связи, которые в то время играли огромную роль для будущего армий, да и не только армий, мира. Он даже завел роман с женой адъютанта морского министра.

И даже вспыхнувшая у него и, безусловно, искренняя страсть к авиации тоже вполне укладывалась в эту схему.

...Когда Рейли появился в Петербурге — известно точно. Потому что сразу же он оказался под негласным наблюдением филеров питерской «охранки». «Под колпаком», как бы сказали позже. Примерно через месяц после его приезда на Рейли составили справку: «Сидней Джордж Рейлли, 30 лет, римско-католического исповедания, великобри-

танский подданный, прибыл 28 января сего года [1905. — *Е. М.*] из Брюсселя, остановился в Европейской гостинице в № 93 (платит за номер 4 рубля в сутки), прописан по национальному паспорту, выданному в Лондоне от 27 июля 1899 г. за № 38371. За время своего проживания в гостинице ни в чем подозрительным замечен не был; занимается коммиссионерством по разным отраслям торговли; предлагает крупным торговым фирмам заграничные товары по имеющимся у него образцам и заключает сделки на поставки таковых».

Почему же за ним установили наблюдение?

Вряд ли Рейли приехал бы в Петербург под своей фамилией, если бы действительно был замешан в каких-то явных шпионских операциях против России в Порт-Артуре. Но за ним на всякий случай все-таки решили последить — ведь Рейли появился в русской столице в очень бурное время.

Совсем недавно в Петербурге случилось Кровавое воскресенье — 9 января солдаты расстреляли демонстрацию рабочих, которая шла к царю в Зимний дворец с петицией удовлетворить «народные нужды». В России назревала революция, и прибывающие иностранцы вызывали повышенное внимание полиции и «охранки» — мало ли, для чего они приезжают и что с собой привозят, и с кем общаются. Да и волна шпиономании, порожденная войной с Японией, не шла на спад.

Газета «Русское слово» как-то поместила ехидную заметку под заголовком «Японский шпион». «Внимая ужасам войны, — писала она, — обыватель стал ловить японцев-шпионов. Охотнее этому занятию отдаются на наших окраинах и в дачных местностях. С открытием дачного сезона добровольцы из публики уже наловили такое количество шпионов, что заглазно хватило бы и на две Японии».

Стоит добавить, что в шпионстве подозревали не только людей с характерными внешними признаками уроженцев Азии, но часто и иностранцев вообще.

* * *

В справке на Рейли верно указывалось, что «великобританский подданный» занимался коммиссионерством. Действительно, он, в частности, представлял в России интересы одной из крупнейших в мире судостроительных компаний, германской «Блом унд Фосс», основанной в 1877 году. На ее верфях строили корабли, аэропланы-амфибии, подвод-

ные лодки. И в этой области Рейли без дела долго сидеть не приходилось.

В начале XX века на военных флотах мира происходили большие изменения. Ведущие морские державы захватила так называемая «дредноутная лихорадка», которая началась после того, как в 1906 году англичане ввели в строй новый линкор «Дредноут» (в переводе «Неустрасимый»). Это был первый в мире корабль с паротурбинной силовой установкой, работавшей на мазуте, и орудиями только большого калибра (десять 12-дюймовых, то есть 305 мм). По тем временам он отличался высокой скоростью (21 узел) и большой огневой мощностью.

Новый линкор стал родоначальником целого класса похожих кораблей, которых так и называли — дредноутами. В гонку по их строительству вступили, прежде всего, Англия и Германия, которые рассматривали друг друга как наиболее вероятных противников в будущей войне. Англичане вскоре объявили, что на закладку каждого нового германского дредноута они ответят двумя.

Включились в гонку и другие страны — Австро-Венгрия, США, Италия, Франция, Япония. Она привела к тому, что всего за три-четыре года дредноуты серьезно устарели, а к началу Первой мировой войны на смену им пришли «сверхдредноуты» — линкоры с орудиями калибром в 13,5 (343 мм), 14 (355 мм), 15 (381 мм) и даже 16 дюймов (406 мм).

Россия тоже не осталась в стороне. В июне 1909 года она заложила сразу четыре дредноута на Балтике, строительство каждого из которых длилось очень долго — в среднем пять с половиной лет. Эти корабли — «Гангут», «Севастополь», «Полтава» и «Петропавловск» — вошли в строй уже после начала войны. В 1911 году были заложены еще три дредноута на Черном море — «Императрица Мария», «Императрица Екатерина Великая» (введены в строй в 1915 году), «Император Александр III» (введен в строй в 1917 году).

Русский флот, восстанавливающийся после разгрома в войне с Японией, нуждался в современном оборудовании, которое зачастую не имели возможности производить заводы в самой России. Многие заказывались за границей — в частности, как в Англии, так и в Германии, у того же концерна «Блом унд Фосс». Разумеется, немцы передавали в Россию не только готовые изделия, но и чертежи, различную техническую документацию, инструкции по эксплуатации. И многое из этого проходило через руки Рейли. Он

получал неплохие комиссионные за размещение заказов на русских заводах. Заодно завязывал нужные знакомства.

Тут, конечно, было где разгуляться — как бизнесмену, так и разведчику.

* * *

Пробыв некоторое время в русской столице, Рейли уехал по делам в Европу, а затем вернулся в Петербург. И снова попал под наблюдение. На этот раз следили за ним довольно долго — 18 дней подряд. Ежедневно филеры Петербургского охранного отделения составляли подробные отчеты, куда и когда ходил их подопечный и с кем он встречался.

В ГАРФ сохранились две папки с этими отчетами — «Справки по делу Рейллэ, кл[ичка] “Комиссионер”» и «Сведения по делу Рейллэ, кл[ичка] “Комиссионер”». Наблюдали за Рейли с 11(24) сентября 1905 года и делали это очень тщательно, буквально по минутам отслеживая, куда он пошел, в какой подъезд заходил и на какой этаж поднимался, сколько времени находился дома или в гостях, с кем встречался и сколько времени продолжалась эта встреча и т. д. Например, из донесения филеров от 12(25) сентября, мы узнаем, что «Комиссионер», проживающий на Казанской улице, 2, вышел из дома в 5 часов 30 минут вечера, пошел по Невскому проспекту, зашел в парикмахерскую в доме 24, где пробыл 20 минут. Потом сел на извозчика и поехал к дому 55 по тому же Невскому. Зашел в подъезд, вышел из него через 10 минут, поехал на извозчике в гостиницу «Европейская», где пробыл 1 час 20 минут. Потом возвратился домой и больше, доносили филеры, «выхода его не видели».

День 13(26) сентября оказался для Рейли куда более насыщенным. В 11.15 он вышел из дома, на извозчике поехал на Итальянскую улицу, 2, там пробыл пять минут, потом возвратился домой. Вторично вышел из дома в 13.05. На извозчике поехал в гостиницу «Европейская», откуда вышел через 40 минут и снова вернулся домой. В третий раз вышел из дома в 14.45. На извозчике поехал по Невскому, зашел в дом 55, но скоро оттуда вышел. «Дойдя до Владимирского проспекта, сел на лихача и проехал по Невскому проспекту, дом № 94 в меняльную контору Цветкова. Через 10 вышел и на том же извозчике поехал домой». В четвертый раз вышел из дома в 15.40. На извозчике поехал по

Морской улице и был упущен филерами из вида. Домой приехал в пять часов.

В пятый раз вышел из дома в семь часов вечера, на извозчике поехал по Невскому проспекту, к дому 55. Пробыл там 20 минут. По выходе поехал на лихаче по Преображенской улице в дом 25, где пробыл три часа. Затем на извозчике возвратился домой, и «больше выхода его не видели».

Так же плотно за Рейли наблюдали и в последующие дни. Места, где он бывал наиболее часто, проверили. Оказалось, что в доме 55 по Невскому находились «Северные меблированные комнаты», а Рейли встречался там с неким уссурийским купцом 2-й гильдии Александром Барашко. В доме 25 по Преображенской, где «Комиссионер» вечером 13 сентября задержался аж на три часа, в квартире 14 проживал Михаил Милонов, тридцати трех лет, служащий Главного управления государственного коннозаводства и городской управы. Жил он вместе с женой Марией Владимировной, сорока четырех лет, платил за квартиру 80 рублей в месяц и имел прислугу.

Выяснили наблюдатели, что делал Рейли и в гостинице «Европейская», где он часто бывал. Обычно он заходил в буфет и читальню и интересовался у швейцара, не приходило ли на его имя писем. В гостинице, отмечали агенты сыска, его хорошо знают — ведь Рейли жил там, когда приехал в Петербург. Чуть позже они докладывали, что Рейли продолжает ежедневно посещать в «Европейской» «великобританского подданного», инженера Георга Генриха Бродегана и встречается с ним «по делу», то есть по коммерческим вопросам.

Филеры сообщали 16(30) сентября, что Рейли накануне дважды заходил в дом 15 по Морской улице, где находятся магазин кроватей, магазин фотографических принадлежностей «Томпсон» и Торговый дом «Гинсбург и К^о». «В какой магазин или торговый дом заходил “Комиссионер”, сведений не добыто», — констатировали они. Ну а мы-то вполне можем предположить, что Рейли заходил к своему знакомому по Порт-Артуру Моисею Гинсбургу. Может быть, и в фотомагазин заглянул — его очень интересовала фотография.

За Рейли следили до 29 сентября (12 октября). Потом наблюдение, судя по всему, сняли. Почему? Логично предположить, что ничего подозрительного в его поведении и передвижениях по городу не обнаружили. Скорее всего, как

и в начале 1905 года, за ним следили по более общим соображениям — как за иностранцем вообще. А, возможно, еще пытались понять, не имеет ли он какого-то отношения к революционному подполью. Впрочем, Рейли еще не раз будет попадать под «негласное наблюдение», и у многих в Петербурге еще будут появляться сомнения — а не шпион ли он?

«Сидней знает то, чего никто не знает»

Бизнес Рейли не ограничивался только сотрудничеством с «Блом унд Фосс». Писательница Нина Берберова, которая вращалась в кругах, в которых хорошо помнили «питерскую тусовку» того времени и знали Рейли, отмечала, что «он был активен в банковских сферах, знал крупнейших петербургских дельцов, знаменитого международного миллионера, ворочавшего всеевропейским вооружением, грека по рождению, сэра Базиля Захарова, строившего военные корабли и продававшего их в Англии и Германии одновременно. Рейли также имел близкое касательство к петербургской фирме Мендроховича и Лубенского, которая занималась главным образом экспортом и импортом оружия».

Иногда Рейли представлялся продавцом телефонных аппаратов. Филеры наружного наблюдения доносили, что 13(26) сентября 1905 года он заходил в дом 2 по Итальянской улице, где размещалось правление «Общества Китайско-Восточной железной дороги». Рейли, говорилось в донесении, «приходил сюда как представитель какой-то фирмы для поставки в названное правление телефонных аппаратов».

А иногда Рейли представлялся антикваром, собирателем ценностей древности и редких книг. В библиотеке Отдела нумизматики Эрмитажа находится, например, редкое издание каталога Ю. Иверсена «Медали, выбитые в царствование Александра II», изданного в 1880 году. Роскошный тяжелый фолиант в переплете со вставками из синей кожи и с золотым тиснением. На форзаце — два экслибриса владельцев, которым принадлежала книга. Один из них — капитан (впоследствии полковник) Алексей фон Ольдерогге, участник обороны Порт-Артура; другой — Сидней Джордж Рейли.

На экслибрисе Рейли — картина Рафаэля Санти «Святой Георгий и дракон», которая находится в Эрмитаже. Как

Равенс. ✓ 11го Сентября 1905 год
Секретарь,
Комиссионера, Казанская ул. н. 2,
в. 11.30. Утром выехал из дому пошел в
Елизаветинский сад в надежде в парке от Казанской ул.
сфотографировать пловца под паролем. Находясь там
в парке наш французский и немецкий
наш пошел домой пошел пошел пошел
на Невскому проспекту, во второй раз выехал из
дому пошел в Покровский сад в 12 часов
вышел из Покровского сада пошел на
Калашникову ул. д. н. 14 в Покровский сад
был паролем. Все выехал пошел домой
что это Шенкара у подезда сел на извозчика
пошел на Невский прот. д. н. 7. в отдаленной
станице отъезда скоро выехал пошел
по Невскому прот. д. н. 53. в подезде.

Донесение агента наружного наблюдения о передвижениях
«Комиссионера» по Петербургу. 11 сентября 1905 г.

считают авторы очерка «Экслибрис как улика. Книжный знак Сиднея Рейли из библиотеки нумизматики. Шпионский роман» С. Павлов и Е. Яровая (очерк помещен во 2-й книге «250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...»), именно эту картину для экслибриса он выбрал не случайно — Святой Георгий был его небесным покровителем. Кроме того, это самый почитаемый святой в Англии.

Судя по всему, Рейли приобрел каталог в Петербурге, а потом, уже со своим экслибрисом, подарил или продал его Алексею фон Ольдерогге, которого он, вероятно, знал еще по Порт-Артуру.

Об «антикваре Рейли» можно найти информацию и в справочно-адресной книге «Весь Петербург» за 1909 год. В ней указано: «Райллэ Сидней Георгиевич, антиквар, ул. Почтамтская, 2».

Обосновавшись в Петербурге, Рейли, вместе с тем, часто ездил в Европу — Лондон, Париж, Берлин, Вена. В Лондоне он «реанимировал» свою компанию по продаже разнообразных патентованных лекарств, которые якобы помогали от практически любых болезней — от облысения до ревматизма. Называлась компания «Озон». Но, судя по всему, этот бизнес у Рейли не пошел. Робин Брюс Локкарт утверждает, что он оказался «человеком наивным и простодушным» (трудно в это поверить!), и в итоге его партнер, американец по фамилии Лонг, сбежал, прихватив последние деньги компании — 600 фунтов. Так это или нет, но факт остается фактом — компания Рейли прекратила свое существование в 1911 году.

* * *

Несмотря на частые поездки Рейли по Европе, именно Петербург оставался его «центром жизни» в эти годы. Постепенно он обрастал полезными знакомствами. Многих из тех, с кем он встречался в столице, Рейли знал еще по Порт-Артуру. Они себя так и называли — портартурцы. Одним из его друзей был, например, Борис Суворин — журналист, издатель и сын известного издателя, драматурга и критика Алексея Суворина, издававшего с 1875 года газету «Новое время». С Борисом Рейли тоже познакомился на Дальнем Востоке.

К тому моменту, когда Рейли появился в Петербурге, издательский бизнес семьи Сувориных процветал. Борис Суворин редактировал самые многотиражные вечерние

газеты Питера и Москвы — «Вечернее время» и «Время», издавал журнал «Конный спорт», возглавлял правление общества издателей периодической печати, которое выпускало справочники «Весь Петербург» и «Вся Москва».

Журналист «Нового времени» Алексей Ксюнин писал о Рейли: «Петербург до войны. Редакция “Вечернего времени”. С раннего утра и до выхода номера кипела жизнь, приходило и уходило множество людей. Рейли был другом редакции и те, кто его считали другом, забывали часто, что он иностранец: до того он казался своим, вросшим в русскую жизнь, в наш быт и привычки, до того он горел и волновался нашими русскими интересами и злобами».

Писатель Владимир Крымов, занявший в 1910 году пост коммерческого директора газеты «Новое время», в своих мемуарах о жизни в Петербурге тоже уделил немало места Сиднею Рейли. «Рейли был близким приятелем Бориса Суворина, младшего сына издателя “Нового времени”, — отмечал он, — и почти каждый день бывал в редакции “Вечернего времени”. Он ничего не писал, никаких статей в газету не давал, но в редакции был свой человек. Уже тогда мне эта дружба казалась странной... Суворин постоянно говорил о Рейли не то шутя, не то серьезно: “Сидней знает то, чего никто не знает”». Он, по словам Крымова, действительно проявлял большие познания в самых удивительных вопросах. И, в общем, не было темы, на которую он не мог бы говорить.

Интересный словесный портрет Рейли оставил и сам Суворин. Судя по нему, в Рейли странным образом уживались самые крайние противоречия. «Очень замкнутый и неожиданно откровенный, — отмечал Суворин. — Очень умный и образованный. На вид холодный и необыкновенно увлекающийся. Его многие не любили, я не ошибусь, если скажу, что не любило большинство. “Это авантюрист”, — говорили о нем... Он был очень верующим (по своему) человеком и очень верным друзьям и любившейся ему идее... Рейли был сильным и спокойным. Я видел его на дуэли. Он был добрым, иногда очень заносчивым, но для друзей своих, весьма редких, он был своим человеком, закрываясь, как ставнями, перед посторонними». О какой именно дуэли с участием Рейли упоминает Борис Суворин — не ясно.

Были среди «портартурцев», окружавших Рейли в Петербурге, и «деловые» люди — тоже его знакомые по Дальнему Востоку. Например тот же Моисей Гинсбург. Или

банкир Абрам Животовский. «Рейли нигде не служил, ничего не делал, — вспоминал Владимир Крымов. — Помогал ему когда-то небезызвестный Абрам Животовский, знавший его по Дальнему Востоку».

Абрам Львович Животовский — личность весьма интересная. Он приходится родным братом Анне Львовне Бронштейн, в девичестве Животовской, матери Льва Троцкого, а следовательно, дядей будущему «демону революции». Как утверждает историк Игорь Лукоянов, свою бурную карьеру Абрам Животовский начинал шулером в Московском купеческом клубе. Потом уехал на Дальний Восток и там сколотил свой капитал. К 1910—1911 годам Животовский был уже купцом 1-й гильдии, крупной фигурой в финансовом мире Петербурга и одним из ведущих акционеров появившегося в 1910 году Русско-Азиатского банка. Председатель правления банка — известный промышленник и финансист Алексей Путилов — за несколько лет превратил его в крупнейший банк России. Вряд ли Рейли мог себе представить, что племянник Животовского вскоре станет одним из руководителей революционной России, а он, находясь в подполье, будет строить планы по его свержению и аресту. История — штука забавная.

В «питерский круг», в котором теперь вращался Рейли, входил и Александр Грамматиков — довольно известный в Петербурге адвокат, общественный деятель, гурман, любивший много и со вкусом поесть в ресторанах, упитанный и жизнерадостный человек. И опять-таки — никто не мог представить, что вскоре именно этот любитель ресторанов будет помогать Рейли скрываться от чекистов, а Рейли — рассматривать его в качестве кандидата на пост министра в новом русском правительстве, которое должно быть сформировано после свержения большевиков.

Пока же Рейли со своими друзьями часто проводил время в таких ресторанах, как «Вена», на углу Малой Морской и Гороховой улиц, или «Кюба» — на углу Большой Морской и Кирпичного переулка. Тогда это были по-настоящему «культовые» места для светского и богемного Петербурга. Их посещали великие князья, промышленники, «миллионщики», известные представители «культурной богемы». Здесь давали ужины и обеды в честь Айседоры Дункан и Матильды Кшесинской, здесь бывали Федор Шаляпин, Иван Бунин и многие другие.

Владимир Крымов описывал один из банкетов в «Кюба», на котором присутствовал и Рейли. «Рейли свободно гово-

рил на нескольких языках, — вспоминал он, — и как-то на юбилейном банкете в ресторане «Кюба», где было много сотрудников «Нового времени» и разные иностранные корреспонденты и дипломаты, речи говорились на разных языках, и все переводил гладко и правильно с одного языка на другой именно Рейли. Его сухое лицо никогда не выражало внутренних переживаний, он был всегда точно в маске».

Комиссионных, которые зарабатывал Рейли, вполне хватало, чтобы посещать «Кюба» и «Вену». Тем более что нередко банкеты их компании оплачивались за счет средств «Нового времени». «У меня была доверенность старика Суворина [Алексея Суворина, владельца газеты. — Е. М.] и деньги были под моим контролем, я подписывал чеки...» — признавался Владимир Крымов. Впрочем, судя по его же воспоминаниям, благосостояние Рейли менялось «скачкообразно». Были и такие плохие для него времена, когда он не имел возможности оплачивать дорогую квартиру один, и ему приходилось снимать ее с кем-нибудь еще. Известно, что осенью 1911 года Рейли делил квартиру с сотрудником «Восточно-Азиатской пароходной компании» Эдуардом Гофманом, которого в октябре того же года нашли в квартире мертвым, с револьвером в руке. Полиция объявила, что он покончил жизнь самоубийством, потому что была обнаружена предсмертная записка Гофмана, в которой тот писал, что присвоил большую сумму казенных денег, а потом проиграл ее в карты. Но никто не слышал, чтобы Гофман страдал игроманией, да и сам Рейли рассказывал своим знакомым, что его сожитель никогда игроком не был и удивлялся, что не видел у него якобы присвоенных денег. Такая вот таинственная история.

Крымов писал, что «до войны денежные дела Рейли были плохи». Но тогда возникает вопрос — на какие средства ему удавалось вести светскую жизнь и ходить к «Кюба»? По мнению Крымова, все дело в том, что он слишком быстро тратил деньги, которые зарабатывал, а тратил он их как раз на прожигание жизни. Но не только, конечно, на нее.

Немало средств уходило у него на покупки различных артефактов, связанных с его кумиром Наполеоном. Рейли хорошо знали в антикварных магазинах и в аукционных домах русской столицы. Да и из поездок по Европе он редко приезжал с пустыми руками. «Наполеоновская коллекция» Рейли пополнялась. «Особенно хорошо он знал эпоху На-

полеона Первого, — писал Крымов. — Он рассказывал о Наполеоне что-то совсем новое, чего другие не знали, находил это в тех же книгах, которые читали и другие, но другие этого не замечали, а он как раз на этом останавливал свое внимание».

Маргарет и Надежда

Как известно, Остап Бендер одно время подумывал о том, чтобы сделаться многоженцем и «спокойно переезжать из города в город, таская за собой новый чемодан с захваченными у дежурной жены ценными вещами». Рейли вряд ли в деталях продумывал такой вариант, да и вообще его «комбинации» были куда масштабнее, чем проделки «великого комбинатора» Ильфа и Петрова, но многоженцем он действительно стал. И оставался им многие годы подряд.

...В Петербурге Рейли вел жизнь не обремененного семьей холостяка. Хотя, как мы помним, он состоял в законном браке. Свою супругу Маргарет Рейли не видел уже больше пяти лет и, конечно, всё это время не отказывал себе в том, чтобы завести какой-нибудь очередной роман. По одной из версий, он даже успел жениться: его жену звали Анна, и она вместе с ним так же жила в Петербурге.

Что же касается Маргарет, то она в последние годы проживала в Брюсселе. У нее были деньги, но она, как писал Робин Брюс Локкарт, слишком сильно «прикладывалась к бутылке», так что средства быстро таяли. Так это было или нет, но не стоит сомневаться, что отношения между Рейли и Маргарет ухудшались еще быстрее — они уже долго не жили вместе, и, хотя время от времени обменивались письмами, было, скорее всего, ясно, что их брак подходит к концу.

Однако в 1909 году Маргарет неожиданно приехала в Петербург. Зачем — сказать сложно. Возможно, она предпринимала шаги по восстановлению их отношений, а возможно, как отмечал Локкарт, у нее просто кончились деньги, а Рейли, по ее убеждению, вел в Петербурге достаточно сытую жизнь.

Вряд ли Рейли обрадовало появление Маргарет. Тем не менее она вроде бы жила некоторое время с ним в одной квартире на Почтамтской улице. Но, очевидно, супружеские отношения все же не налаживались, а семейные ссоры и скандалы не прекращались. Эндрю Кук, относящийся к Рейли, мягко говоря, не очень хорошо, почему-то уверен,

что он был вполне способен убить Маргарет, и что «мы можем только предполагать, почему он все-таки не пошел на убийство своей жены». Возможно, она обладала некоей информацией, которая позволяла ей держать Рейли на «коротком поводке», например, будучи соучастницей убийства Хью Томаса, Маргарет могла оставить написанные ею показания, которые должны были быть обнародованы в случае ее внезапной смерти.

Разумеется, не существует никаких доказательств того, что он на самом деле собирался убивать свою жену. Зато 20 лет спустя Маргарет (тогда она служила в Брюсселе гувернанткой сына некоего Роберта Мессенджера) рассказывала, что сама хотела свести счеты с жизнью. Эту историю приводит тот же Эндрю Кук. По словам Маргарет, Рейли «она любила до самозабвения, но его многочисленные измены и любовные романы с другими женщинами превратили ее любовь в ненависть». Катастрофа в семейной жизни привела ее к тому, что однажды она взяла лежавший в ящике стола Рейли револьвер и выстрелила себе в голову. Однако произошло настоящее чудо — она осталась жива. Ранение привело к тому, что Маргарет полтора месяца пролежала в коме и потеряла правый глаз, вместо которого ей вставили стеклянный протез.

К этому рассказу можно было бы отнестись с недоверием, но ее подтверждение неожиданно обнаружилось в британском Национальном архиве, где сохранилось донесение вице-консула Великобритании в Брюсселе Даррела Уилсона. 29 мая 1931 года он докладывал, что имел беседу с миссис Рейли и сообщал информацию о ней: «Миссис Рейли — жена капитана Сиднея Джорджа Рейли*, агента Секретной службы, о чьих приключениях в настоящее время выходит сенсационная серия в “Лондон Ивнинг Стандарт”...**

Она утверждает, что 28 августа 1898 года она вышла замуж за Зигмунда Георгиевича Розенбаума (или Розенблаума)... Как она поняла, ее муж был польским или русским евреем...

Позже Рейли оставил жену и несколько раз женился на других, не расторгнув брак, и последний раз видел ее в 1923 году...

* О воинских званиях Рейли речь пойдет далее.

** Те самые «Записки», которые были подготовлены последней женой Рейли Пепитой Бобадильей. Подробнее речь о них пойдет ниже.

В настоящее время миссис Рейли находится в тяжелом финансовом положении и работает гувернанткой в семье мистера и миссис Мессенджер (британцы) в Брюсселе, Авеню Наций, 18.

Миссис Рейли находится в состоянии нервного стресса, ее внешность имеет следы попытки самоубийства, которую она совершила, прострелив себе правый висок, узнав о двоеженстве своего мужа».

В 1910 году Маргарет уехала из Петербурга, но формально они с Рейли продолжали оставаться мужем и женой. Мы не знаем, почему они тогда решили не разводиться официально. Возможно, кто-то из них требовал развода, а кто-то не согласился его дать (скорее, на разводе мог настаивать Рейли), но их статус не изменился.

Он всячески скрывал его от других женщин, которые попадали под его чары.

* * *

В 1912 году у Рейли начался роман с 27-летней Надеждой Петровной Залесской, урожденной Массино. Родителями Надежды (или Надин, как ее часто называли) были отставной полковник Петр Массино и Вера Бродская. С отцом Надежды произошла неприятная история. В 1905 году он стал, как бы сейчас сказали, «фигурантом» громкого скандала о коррупции в армии и был изгнан из ее рядов. Полковника Массино обвиняли в том, что он беспощинно перевозил на военно-санитарном поезде различные товары, в том числе вино, а в Иркутске сдавал их «на реализацию» местным коммерсантам, получая высокую прибыль. В августе 1906 года дело полковника Массино рассматривал военный суд в Иркутске, который признал его виновным в злоупотреблении служебным положением и приговорил к исключению из военной службы и тюремному заключению сроком на год и четыре месяца. Массино подал апелляцию, но ее отклонили. А затем произошло то, чего никто не ожидал — в дело вмешался сам император, который распорядился исключить из приговора тюремное заключение. В августе же 1907 года приговор был вообще отменен. Бывшему полковнику вернули чин, мундир, ордена и т. д. Кто именно таким благоприятным для Массино образом вмешался в его судьбу и почему — до сих пор точно не известно. Возможно, что в этом деле свою роль сыграли высокие связи первого мужа его дочери — Надежды Массино.

В 1907 году Надежда вышла замуж за лейтенанта флота Петра Залесского, участника Русско-японской войны и обороны Порт-Артура. Вероятно, там он познакомился с будущим морским министром Иваном Григоровичем. В 1903 году капитан 1-го ранга Григорович был командиром эскадренного броненосца «Цесаревич», который строился для России во Франции. Он привел корабль в Порт-Артур, а во время нападения японцев 27 января 1904 года отражал на нем атаки неприятельских кораблей. Сильно поврежденный броненосец остался на плаву. Григорович был награжден мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени, а 28 марта 1904 года произведен в контр-адмиралы, назначен командиром порта Порт-Артур и в этой должности находился все время осады города. В 1905—1908 годах Григорович занимал должности начальника штаба Черноморского флота и командира Либавского порта. В 1909 году он стал товарищем (заместителем) морского министра, а его адъютантом был назначен Петр Залесский. Через два года Григорович — уже адмирал — переходит на министерский пост, а Залесский остается при нем. В 1912 году он становится старшим адъютантом морского министра.

Как и когда Рейли впервые появился в доме Петра и Надежды Залесских, история умалчивает. Но, очевидно, при его связях и многочисленных друзьях это было не так уж и сложно. Для Рейли имело значение и то, что, благодаря знакомству с семьей Залесских, он укреплял свое положение в свете, и у него могли появиться новые полезные знакомства. Но, думается, это как раз был тот вариант, когда в его отношении к Надежде победили чувства, а не разум. И если Рейли в это время выполнял шпионскую миссию — то точно не профессионализм. В этом случае было бы гораздо выгоднее поддерживать светское знакомство с Залесскими и «тянуть» из них (точнее, из ее мужа) нужную информацию. Но Рейли повел себя как мужчина, а не как разведчик.

Надежда, стройная смуглая брюнетка с большими черными глазами, произвела на него большое впечатление. Он на нее тоже. Еще бы! Загадочная личность, вместе с тем обходительный и светский джентльмен, окруженный каким-то романтическим ореолом. Наверное, это была обоюдная и внезапно вспыхнувшая страсть.

Впрочем, страсть к Надежде была не единственным чувством, которое в это время по-настоящему захватило его.

На «Крыльях»

Владимир Крымов вспоминал, как Рейли, отвечая на какой-то его вопрос, однажды заявил: «Да плевать мне с высокого аэроплана!» Уже не важно, по какому поводу он это сказал. Интересно другое — как он «отредактировал» старинную русскую поговорку «плевать с высокой колокольни».

«Высокий аэроплан» вместо «высокой колокольни» появился вовсе не случайно. Эта оговорка (или же сознательная подмена понятий, сделанная Рейли) имеет самое прямое отношение к тому, чем он тогда занимался. И, как ни странно это может звучать — к его заслугам в развитии русской авиации.

Да, в общем-то, можно сказать и так.

В начале XX века авиация и воздухоплавание захватывали мир, а смелые авиаторы вызывали всеобщее восхищение — спустя полвека так же будут относиться к первым покорителям космоса. Одним из наиболее популярных разделов в русских газетах были новости воздухоплавания — иногда радостные, иногда трагические, а иногда смешные и курьезные. Публика читала их запоем.

О создании Всероссийского аэроклуба в Петербурге было объявлено 16(29) января 1908 года. Среди его 18 учредителей был и Борис Суворин. В мае 1909 года клуб получил название Императорского (ИВАК), его председателем стал великий князь Александр Михайлович.

Сидней Рейли не был исключением. Как человека, любящего риск, авантюризм и приключения, его не могли не притягивать к себе первые попытки человека прорваться в небо. Рейли несколько раз с восхищением наблюдал полеты авиаторов в Европе, а потом и в России. Возможно, тогда ему и пришла в голову мысль, что на одних только смелости и романтизме далеко не улетишь и что воздухоплавание вскоре может и должно превратиться в отлаженный и высокодоходный бизнес.

Действительно, для аэропланов, воздушных шаров и дирижаблей были нужны двигатели, специальные ткани, горючее. Наконец, нужны были и сами аэропланы, которых в России не хватало. Кто-то же все это должен производить, а кто-то и продавать.

В русских газетах и журналах (особенно технических) того времени все чаще и чаще появлялась реклама различных технологий, технических средств и товаров, имеющих

отношение к воздухоплаванию. Судя по количеству рекламных объявлений, дела у новых авиабизнесменов шли очень даже неплохо.

Русское товарищество воздухоплавания «Крылья» было создано 4(17) марта. Его директором-распорядителем стал Борис Суворин (другое название компании «Б. А. Суворин и К°»). 21 апреля (4 мая) «Крылья» начали работу. Контора товарищества находилась по адресу: Большая Морская, 12, кв. 42. В квартире-конторе был и собственный телефон — признак солидности!

Одним из активных участников товарищества был и Сидней Джордж Рейли. Владимир Крымов вспоминал, что в авиационные дела Бориса Суворина втянул именно он. Вряд ли это так — Суворин интересовался ими не меньше англичанина. Другое дело, что в этом вопросе их интересы могли совпасть.

По одной из версий, именно Рейли подал Суворину идею «Крыльев». Хотя в документах о создании товарищества его роль никак не отражена, не исключено, что так оно и было. Локкарт писал, например, что авиационные дела они обсуждали за обедами и ужинами в ресторане «Кюба». Возможно, Рейли преподнес проект создания товарищества под видом весьма прибыльного предприятия для русского рынка, и Суворин, не без оснований, поверил в это. Во всяком случае, он серьезно «вложился» в «Крылья» (по другой версии, деньги на проект «выцыганили» у Алексея Суворина — отца Бориса).

О себе Рейли писал, что он «был одним из учредителей 1-го в России авиационного общества “Крылья”». Как следует из документов, это не совсем так. По крайней мере, формально среди них он не значился. В число учредителей, подписавших основной договор о создании общества, входили капитан Васмунд, князь Вяземский, адвокат Александр Грамматиков, поручик граф Келлер, капитан Фридэ. Но несомненно, Рейли действительно был одним из «духовных вдохновителей» этого проекта, хотя испытывал к нему не только бескорыстный интерес энтузиаста-авиатора. По словам Владимира Крымова, он получал от общества директорское жалованье. Возможно, у него была и еще одна цель, о которой он не говорил даже своим друзьям. Но о ней немного позже.

Торжественное заявление о начале работы «Крыльев» сделал один из первых и известнейших русских авиаторов Николай Попов. Преимущественное право освещения де-

тельности товарищества получила, понятное дело, газета «Новая время». Не поскупилось общество и на рекламу — с майского номера журнала Императорского Всероссийского аэроклуба «Воздухоплаватель» каждый месяц на его страницах появлялось занимавшее всю полосу объявление о том, что «Крылья» — это «единственные представители для всей России» производителей аэропланов «Фарман» и «Телье», «лучшая фирма отдельных частей», а вскоре у общества откроется и своя школа воздухоплавания.

Главной целью товарищества объявлялась поддержка развития авиации и воздухоплавания в России. «Крылья» сразу же стали играть по-крупному — они заявили о себе как о первой компании, которая получила право на продажу иностранных аэропланов в России. Какое-то время даже являлись монополистом в этой области.

В том же 1910 году в Петербурге была напечатана небольшая рекламная брошюра «Русское Товарищество Воздухоплавания “Крылья”», в которой рассказывалось о задачах общества. «Учредители немедленно по основании Товарищества отправили в Париж своих представителей для заключения договоров с лучшими фирмами. В очень скором времени Товариществу удалось заключить договор на исключительное представительство бипланов бр. Фарман*... — говорилось в ней. — Итак, при покупке аппаратов Фармана никто не может обойтись в России без Товарищества “Крылья”, единственных его представителей».

По некоторым сведениям, в делегацию «Крыльев», которая ездила в Париж, входил и Рейли.

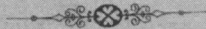
После заключения договора «Крылья», как бы сейчас сказали, получили статус официального дилера аэропланов Фармана в России. Несколько машин были сразу же проданы русской армии, еще несколько начали строить на добровольные пожертвования.

* В 1908 году французские пионеры авиации братья Анри и Ричард Фарманы решили конструировать и выпускать собственные самолеты и создали компанию *Avions Farman*. В 1909 году появился первый самолет фирмы — *Farman III*. На нем Анри Фарман поставил рекорды дальности, преодолев сначала 180 км, а потом и 232 км. В 1909 году он открыл школу пилотов. К началу Первой мировой войны самолеты Фарманов составляли основной костяк французской военной авиации и считались одними из лучших в мире. До 1915 года лицензионные «Фарманы» являлись наиболее распространенными самолетами российской сборки (более 1500), но большинство из них быстро устарели и были списаны уже к 1918—1919 годам.

F 101
С 494
РУССКОЕ

ТОВАРИЩЕСТВО ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ

„КРЫЛЬЯ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910

Русское Товарищество воздухоплавания «Крылья».
Рекламное издание. 1910 г.

«“Но что, если в России будут подделывать этот прекрасный аппарат?” — скажут нам», — задавались вопросом создатели «Крыльев». И сами же отвечали на него: «Наше Товарищество не опасается этого. Оно защищено от подделывателей патентами Фармана... Кроме того, не забудем о трагической гибели немецкого чемпиона Тадеуша Робльля, известного гонщика, доверившего свою судьбу подделке Фармана — его немецкому суррогату. Лица, ищущие дешевки, призадумаются раньше, чем рискнут покупать поддельный аппарат Фармана у этих “грабителей идей”».

«Отец» аэродрома в Петербурге

Весной 1910 года в Петербурге под покровительством Императорского Всероссийского аэроклуба было решено провести «Авиационную неделю». Подобные авиашоу уже не раз проходили за границей, и теперь с ними хотели познакомиться и русскую публику. В программе недели предусматривались как полеты авиаторов, так и выставка-продажа аэропланов, воздушных шаров и т. д.

Праздник произвел огромное впечатление на столичную, да и не только на столичную публику. Произошло несколько комических, а иногда даже трагических случаев.

Общество «Крылья» в ходе недели участвовало в выставке-продаже аэропланов, и не без успеха. Петербуржцы были в восторге от невиданного ранее зрелища. Правда, уже тогда начались разговоры, что Коломяжский ипподром — не слишком удачное место для полетов «летунов». Пространство ограничено, скаковое поле неровное и не слишком безопасное для взлета и посадки аэропланов. В общем, Петербургу нужен был настоящий аэродром. В том, что он появился, город во многом обязан именно Сиднею Рейли.

В поисках места для первого настоящего аэродрома Питера принимали участие различные организации и частные лица. Предлагали устроить его в Царском Селе, на острове Голодай, на Крестовском острове и т. д. Но самым подходящим вариантом как «чрезвычайно удобное по своей величине и близости к Петербургу» считалось так называемое Комендантское поле, расположенное рядом с Коломяжским ипподромом. Тогда на нем были разбиты огороды. Название поля сохранилось еще со времен Петра I, по указу которого право пользоваться им получили коменданты

Петропавловской крепости. В начале XX века поле, в основном, сдавалось в субаренду огородникам.

Если полистать журнал Императорского Всероссийского аэроклуба «Воздухоплаватель» за 1910 год, то можно увидеть, как практически на каждом заседании (журнал печатал их стенограммы) члены клуба поднимали вопрос о собственном аэродроме и его устройстве именно на Комендантском поле. Они вели переговоры с комендантом Петропавловской крепости. Например, на экстренном заседании 26 мая (7 июня) сообщалось, что готов проект договора с комендантом о передаче аэроклубу в аренду на 30 лет 302 десятины 964 сажени земли на Комендантском поле за 10 тысяч рублей в год. Но эта сделка почему-то не состоялась.

В восьмом номере «Воздухоплавателя» за 1910 год в разделе «Хроника воздухоплавания» можно прочитать заметку о подготовке к Всероссийскому авиапразднику. «17 августа, — говорится в ней, — комитет по устройству Всероссийского праздника воздухоплавания в Петербурге заключил окончательный договор с товариществом “Крылья”, владельцем чернореченской комендантской дачи, где будут проходить состязания. По договору, вся спортивная и техническая сторона состязаний останется в ведении аэроклуба. Зато коммерческая часть целиком переходит в руки товарищества “Крылья”».

В общем, оборотистые учредители «Крыльев» смогли «подсуетиться» гораздо быстрее деятелей Императорского аэроклуба и добились права на аренду Комендантского поля, где было решено устроить аэродром. Но как же это произошло?

По легенде, решающую роль в этом сыграл как раз Сидней Рейли. Он действительно показал себя человеком, «который знает все», который может пролезть куда угодно и решить любую задачу.

Рейли узнал, что Комендантское поле арендовала некая пожилая английская (удачное совпадение!) дама по фамилии Клосс. Она вносила небольшую плату и, в свою очередь, пересдавала участки земли на поле огородникам. Тем, в общем-то, и жила.

Рейли отправился к ней. Дама увидела перед собой соотечественника с прекрасными манерами, который, рассыпавшись в комплиментах и проведя светскую беседу в типично английском духе (о погоде и др.), предложил ей выгодную сделку. И мадам Клосс быстро согласилась усту-

пить свое право на аренду Комендантского поля товариществу «Крылья». Императорскому аэроклубу пришлось признать поражение.

Другими словами, Рейли в определенной степени можно назвать «отцом» первого аэродрома в Петербурге.

«Капризный путь аэроплана»

Открытие нового аэродрома приурочили к первому в истории страны Всероссийскому празднику воздухоплавания. Он начался 8(21) сентября и продолжался до 1(14) октября 1910 года. Газеты сообщали, что буквально весь Петербург, даже дамы в великосветских салонах говорили о пропеллерах и моторах, обсуждали дальность и высоту полетов. Реклама папирос «Ева» табачной фабрики Шапошниковой гласила: «Изгибы девственного стана — капризный путь аэроплана!»

Популярный в то время еженедельник «Искры» в № 20 за 1911 год опубликовал большую фотографию тех, кто рисковал своими жизнями ради покорения воздуха. Подпись под ней гласила: «Группа авиаторов, участвующих в выставке». Среди пионеров русской авиации Михаила Ефимова, Владимира Лебедева, Александра Раевского, Александра Васильева можно увидеть и Сиднея Рейли — он стоит в самом центре группы. На подписи под фотографией он значится как «Райль».

Существует еще несколько снимков Рейли с русскими авиаторами. На всех — он в самом центре фотографии. В каком качестве он запечатлен на них? Как один из организаторов открывшейся 10(23) апреля 1911 года в Михайловском манеже Петербурга первой в России Международной воздухоплавательной выставки? Или же он тоже принимал в ней участие в качестве «летуна»? Правда, о полетах авиатора Райля (или Рейли) нет никаких документальных упоминаний, но совсем не исключено, что он тоже поднимался в воздух. Почему бы и нет?

Робин Брюс Локкарт утверждал, что именно Рейли пришла в голову идея организовать и провести грандиозные по тем временам воздушные гонки — от Петербурга до Москвы. Якобы ей он поделился со своими коллегами по обществу «Крылья» за ужином в ресторане «Кюба».

«Гонки» действительно состоялись. «Правительством отпущен кредит в 100 тысяч рублей, из которых на призы

ассигнуется 75 тыс. руб., — писали «Московские ведомости». — Перелет назначен безотлагательно на 10 июля. Весь путь авиаторы должны совершить не более чем в 5 дней. В действительности же, по мнению организаторов, на перелет будет затрачено максимум 2 дня».

Приз авиатору, который первым сядет в Москве, составлял 15 тысяч рублей. В соревнованиях участвовали десять авиаторов, все — гражданские (военным не разрешили участвовать). Первым взлетел знаменитый «летун» Сергей Уточкин.

Но из всех участников соревнований до Москвы добрался лишь один — Александр Васильев. Аэропланы всех остальных потерпели аварии. 15 июля Васильев приземлился на Ходынском поле. Его торжественно встречали московский губернатор и представители общественности, которые поздравили авиатора с «открытием первого воздушного пути между столицами». По словам Локкарта-младшего, Рейли тоже был на Ходынском поле и поздравлял Васильева.

Правда, как только утихли поздравления, газеты обрушились на организаторов перелета с критикой. «Организация наспех дала ужасные плоды», «из-за полной дезорганизации получился грандиозный скандал» — такие оценки явно не улучшали настроения энтузиастов авиации, да и сам победитель заявил, что второй раз такой перелет он не станет делать ни за какие деньги. «Это каторга. Это обречение на смерть», — заявил он.

Но, несмотря на неудачи и просчеты, авиаполеты в Петербурге и Москве становились все более частым явлением. На Комендантском аэродроме ежегодно проводились авиационные недели и праздники (аэродром закрыли только в 1963 году). В 1912 году на нем открылась школа военных пилотов. А в июне 1913 года на нем торжественно встречали французского авиатора Бриндежона де Мулине, совершившего перелет Париж — Петербург. «Люди-птицы перелетают огромные пространства легко, свободно, почти шутя», — с восторгом писали газеты, отмечая, что «красивая сказка превратилась в действительность».

А ведь как ни крути, но английский шпион, международный авантюрист и впоследствии один из главных персонажей в обширной галерее «злостных врагов советского народа» Сидней Джордж Рейли сыграл в этом «превращении» заметную роль. Сам он с гордостью — и вполне исторически достоверно — написал в 1925 году: «С 1910 г. за-

нимался авиацией и могу считать себя одним из пионеров авиации в России».

Такой вот исторический парадокс.

...Деятельность «Крыльев» не приносила учредителям большой коммерческой выгоды. «На аэродроме зарождалась будущая авиация нашей армии, — писал журналист Алексей Ксюнин, — но публика предпочитала смотреть полеты не с аэродрома, где взымались полтинники и двугривенные, а с поля, с травки, с крыш и из-за забора».

Коллеги-конкуренты из более мощного Императорского Всероссийского аэроклуба могли быть довольны. Уже в конце 1911 года они начали обсуждать с товариществом вопросы о переуступке клубу аренды на Комендантский аэродром, о продаже ему ангаров и других построек, которые строились на аэродроме за деньги «Крыльев».

К тому же компании пришлось судиться. В частности, иск на нее подала «вдова великобританского поданного А. В. Клосс», то есть та самая мадам Клосс, которую, по легенде, Рейли уговорил передать аренду на Комендантское поле «Крыльям». Она требовала взыскать с товарищества 43 312 рублей, которые ей задолжали «Борис Суворин и К°». Правда, потом дело удалось решить «мирным путем».

Постепенно Русское товарищество воздухоплавания «Крылья» перестало быть одним из главных «игроков» в области русской авиации, которым оно стало в 1910—1911 годах, а потом, к 1914 году, и вообще сошло с исторической сцены.

Как резюмировал Алексей Ксюнин, «Рейли с Борисом Сувориным сильно “пролетели” на этих “Крыльях”».

«Чьим шпионом может быть Рейли?»

Интересно, что в Петербурге Рейли почти не общался со своими земляками-англичанами. Нет, например, данных о том, чтобы британские послы Артур Николсон (работал в России в 1906—1910 годах) и сменивший его Джордж Бьюкенен встречались с ним и вообще знали о его существовании в то время.

А многим его русским друзьям и знакомым он, как и в Порт-Артуре, казался фигурой странной и непонятной. «Мне, тогда еще молодому человеку, Рейли сразу показался загадочным, я смотрел на него с интересом и подозрением. Рейли это, видимо, понимал и проникся скрытой не-

приятною ко мне — так по крайней мере мне казалось», — вспоминал Владимир Крымов.

По Крымову, бывали периоды, когда Рейли «не имел своей квартиры и ночевал у некоего Г., тоже приятеля Б. Суворина». Причем иногда возникали недоразумения — диван, на котором спал Рейли, время от времени оказывался занятым другим ночлежником.

Так вот, этот самый ночлежник служил осведомителем Охранного отделения и постоянно намекал, что Рейли — английский шпион. «Суворин, якобы обеспокоенный этим, — продолжал Крымов, — навел справки... у Белецкого*, директора полиции, но Белецкий уверял, что все это вздорные слухи: какие там шпионы и чьим шпионом может быть Рейли? Борис Суворин справлялся о Рейли и в контрразведке Генерального штаба, и там тоже удостоверили, что никаких подозрений против Рейли не имеется».

Алексей Ксюнин еще более категоричен. «Рейли тогда не состоял в английской разведке, — писал он двадцать лет спустя. — Не состоял он в ней и во время войны, когда сделался солдатом и офицером союзной армии».

Несмотря на это, Рейли и в Петербурге окружал некий «шпионский флер». И, как и в Порт-Артуре, его считали то английским, то немецким, то японским шпионом, а были и такие, кто предполагал, что Рейли шпионил на несколько разведок сразу. На эти слухи, конечно, можно было бы махнуть рукой, но факт остается фактом: контрразведка и полиция время от времени устанавливали за ним наблюдение. И не просто так — эти ведомства посещали сомнения, что Рейли простой, хотя и экстравагантный коммерсант.

Осенью 1911 года таинственная фигура Рейли заинтересовала, например, контрразведку Генерального штаба. 28 ноября (10 декабря) 1911 года под грифом «весьма секретно» о нем была составлена справка, основанная на данных агентурного наблюдения.

«По сведениям, полученным из агентурного источника, — говорилось в ней, — великобританский подданный

* Степан Петрович Белецкий (1872—1918) был назначен директором Департамента полиции в феврале 1912 года, а до этого с июля 1909 года занимал пост вице-директора. В январе 1914 года назначен сенатором и с сентября 1915-го по февраль 1916 года был товарищем министра внутренних дел. После Февральской революции арестован. В 1918 году вновь схвачен и в качестве заложника отправлен в Москву. После покушения на Ленина он вместе с другими бывшими министрами и чиновниками 5 сентября 1918 года расстрелян.

Сидней Георгиевич Райлэ, 36 лет, проживающий по Ново-Исакиевской улице, 22, кв. 5, поддерживает сношения с лицами, причастными к делу военного шпионства.

В виду изложенного, за названным Райлэ было установлено негласное наблюдение, коим выяснено, что он ранее проживал в Порт-Артуре, а в настоящее время, переехав на жительство в г. С. Петербург, служит в каком-то пароходном обществе и отправляет товары на Дальний Восток. Кроме того, он служит директором общества “Крылья” и ежедневно ездит на аэродром. Райлэ женат, но живет один и занимает квартиру, за которую платит 2000 рублей. Дома он бывает мало, обедает и завтракает в ресторане “Вена”. Из-за границы он получает письма от двух одних и тех же лиц, одно из коих является якобы его невестой, дочерью русского генерала, проживающей за границей.

Посещают его обыкновенно одни и те же лица, а именно: ежедневно по утрам приходит его секретарь Колин, некто Байков и студент Адам Андреевич. Кроме того, его посещают также некие Гофман и Шмит».

«26 сентября утром, — сообщалось, например, в донесении, — Байков пришел к Райлэ вместе с неизвестным молодым человеком (небольшого роста, лет 25—27, с маленькими усиками, одетым в серое пальто)». Неизвестный оказался дворянином Марком Быковым.

Восьмого сентября (так в тексте донесения, но очевидно, это описка, дело происходило 8 октября) из квартиры Рейли вышел другой неизвестный господин — «лет 27—29, светлый шатен, среднего роста, худошавое лицо, нос прямой, с небольшими усами, одетый в черный костюм и черную мягкую шляпу». Филеры отследили, что он заходил в Русско-Азиатский банк, потом в Русский торгово-промышленный банк, оттуда вышел с другим неизвестным, они взяли извозчика и были «наблюдением упущены».

Ну и так далее. Самым же интересным представляется последний абзац этого донесения: «Дальнейшее наблюдение за Сиднеем Райлэ, вследствие малочисленности агентов наблюдательного состава прекращено».

Следует, конечно, поблагодарить неизвестных «бойцов невидимого фронта» того времени за то, что они оставили историкам такие интересные подробности из петербургского периода жизни Рейли. Правда, оставили они и немало загадок. Кем были эти самые Байков и студент Адам Андреевич, которые регулярно посещали Рейли? И зачем они ходили к нему? И с какой именно «невестой» — «доче-

рю русского генерала» переписывался Рейли? О ком идет речь? Может быть, о Надежде Залесской? Но она была дочерью не генерала, а полковника. Впрочем, не исключено, что в данные агентов контрразведки закралась неточность.

И, наконец, если Рейли действительно подозревали «в шпионстве», то почему сняли с него наблюдение по такой странной причине?

Надо сказать, что глава контрразведки Генштаба генерал Николай Монкевиц был не слишком доволен работой своих подчиненных. А как же иначе? Ничего существенного во время слежки за Рейли они не обнаружили, да еще потом его и сняли. Напротив текста о том, что наблюдение снять «по малочисленности агентов», Монкевиц недоуменно поставил знак вопроса. А на докладе оставил раздраженную резолюцию: «Незачем было начинать наблюдение, если нельзя продолжать». И подписался одной буквой — литерой «М». Так же как Уильям Мелвилл или шеф разведки из фильмов об агенте 007.

Кстати, осенью 1911 года британской разведкой тоже руководил человек, который подписывался всего лишь одной буквой английского алфавита — «С» или «Си». За это сотрудники службы часто его так и называли — «Си».

Человек с золотым моноклем

Историк Николай Греков в книге «Русская контрразведка в 1905—1917 годах — шпиономания и реальные проблемы» приводит донесение русского военного агента в Лондоне генерал-майора Николая Ермолова, направленное в Петербург 26 декабря 1907 года. Оно называется «Об организации и личном составе разведывательных отделений в Англии и Индии». Как следует из донесения, разведотделение английского Военного министерства находилось в составе Отдела военных операций и включало в себя две части: Европейскую и Азиатскую. Европейская часть (МО2) занималась всеми европейскими странами, кроме России. Азиатская часть (МО3) вела сбор разведывательной информации в России, Китае, Японии, Корее, Америке (Северной и Южной), а также ведала «сведениями об Индии и сопредельных ей территориях». В МО3 входили четыре отдела — МО3а (Америка), МО3б (Россия), МО3с (Индия, Пакистан, Афганистан, Персия, Бутан), МО3д (Дальний Восток).

В Англии в это время наблюдался ярко выраженный рост шпиономании. Как и в России. Но если в России повсюду искали японских шпионов, то англичане были уверены, что их остров наводнили агенты кайзера Вильгельма. Много шума наделал шпионский роман ирландского писателя Эрскина Чайлдерса «Загадка песков»*, о котором потом очень хорошо отзывались Уинстон Черчилль, Грэм Грин и Джон Ле Карре. По сюжету романа, двое молодых англичан, совершающих на яхте круиз по Северному морю, неожиданно оказываются в центре шпионских интриг и узнают, что немцы замышляют вторжение в Британию с Фризских островов. Смельчаки срывают этот зловещий план. Вроде бы роман как роман, но он произвел такое сильное впечатление на англичан, что британская разведка всерьез стала выяснять, возможно ли германское вторжение на британскую территорию с Фризских островов, и даже командировала туда двоих своих секретных сотрудников. Оказалось, что это маловероятно.

В начале 1909 года, на пике шпиономании в Англии, в организации и работе спецслужб Великобритании произошли серьезные изменения. При Комитете имперской обороны (*Committee of Imperial Defence*) — органа, отвечавшего за координацию и разработку военной стратегии Британии — было создано так называемое Бюро секретной службы (*Secret Service Bureau*). Необходимость его появления объяснялась сведениями об усиливавшейся угрозе немецкого шпионажа против Великобритании. Соответственно, и главная задача, которая была поставлена перед бюро, состояла в борьбе с немецкими агентами и шпионами.

Вскоре бюро разделили на два департамента — внутренний и внешний. Внутренний предназначался для того, чтобы отлавливать вражеских агентов на британской территории. Его возглавил генерал-майор Вернон Келл. В будущем этот департамент превратится в службу контрразведки МИ-5. В эту службу вошел и отдел Уильяма Мелвилла, в круг обязанностей которого теперь входило наблюдение за поведением, передвижением и корреспонденцией лиц, подозреваемых в связях с немцами.

Ну а внешний департамент бюро должен был заниматься сбором разведывательных данных за рубежами Британ-

* *Erskine Childers. The Riddle of the Sands: A Record of Secret Service* (1903).

№ 1292
28 НОЯБРЯ 1911 г.
С-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЕСЬМА
СЕКРЕТНО

3

... По сведениям, полученным из агентурного источника, ...
... великобританский подданный Сидней Георгиевич РАЙЛЗ, 36
... 81 года, проживающий по Ново-Исаакиевской улице в д. № 22
... поддерживает сношения с лицами, причастными к дѣ-
... военному шпионству. ...
... РАЙЛЗ было установ-
... наблюдений, коимъ выяснено, что онъ ранѣе
... проживалъ въ Портъ-Артурѣ, а въ настоящее время, переехавъ
... на хительство въ г. С.Петербургъ, служить въ какомъ-то па-
... отправляетъ товары на Дальній Востокъ.
... Кроме того онъ служитъ директоромъ общества "Крылья" и еже-
... на аэродромъ. РАЙЛЗ женатъ, но живетъ одинъ
... за которую платитъ 2000 рублей. Дома
... обѣдаетъ и завтракаетъ въ ресторанѣ "Въ-
... Изъ-заграницы онъ получаетъ письма отъ двухъ однихъ и
... дочь русскаго генерала, проживавшей за границей.
... По сѣзачтѣ, его обыкновенно одни и тѣже лица, а именно:
... его секретарь КОЛИНЪ, нѣкто
... студентъ Адамъ Андреевичъ. Кроме того иногда его
... посѣщаютъ нѣкіе ГОФМАНЪ и ШИТЬ.
... 28 сентября утромъ БАЙКОВЪ пришелъ къ РАЙЛЗ вмѣстѣ съ

*Не записывать имени
наблюдателя при просмотре*

M

Донесение агента контрразведки Генерального штаба с резолюцией генерала Монкевица. Ноябрь 1911 г.

ской империи. Он стал предтечей британской разведывательной службы МИ-6 или, как часто принято говорить, Секретной разведывательной службы (*Secret Intelligence Service* — СИС). Это не совсем точно, но будем придерживаться устоявшейся традиции.

Руководителем внешнего департамента бюро был назначен капитан Мэнсфилд Смит-Камминг. Он родился в 1859 году, служил на военном флоте, но страдал неприятным для моряка недостатком — время от времени его «накрывали» приступы морской болезни. Вероятно, это сыграло свою роль в том, что в 1885 году он перешел на сухопутную работу, хотя по-прежнему носил мундир морского офицера.

Камминг был человеком чрезвычайно эксцентричным. О его странностях и привычках ходили настоящие легенды. Он носил монокль в золотой оправе и, как вспоминали очевидцы, буквально пронзал их взглядом через него. Он почему-то писал только зелеными чернилами. Камминг подписывал бумаги только одной буквой — «С». Она могла означать как и первую букву его фамилии — по-английски *Summing* — так и первую букву в слове «шеф» (*Chief*). Во всяком случае, за ним, а потом и за его преемниками на посту руководителя МИ-6 закрепилось прозвище «Си». Камминга тоже часто называют прототипом начальника разведки «М» в киноэпопее об агенте 007.

Официально существование Секретной службы в Великобритании не признавалось аж до 1994 года. Как писал историк шпионажа Филип Найтли, с самого начала установилась традиция, по которой пойманный шпион отвечает за себя сам. В этом утверждении, конечно, есть немалая доля преувеличения, и англичане в будущем не раз выручали своих разведчиков, но то, что каждый из них должен был готов к любому развитию событий — это факт.

Итак, Камминг стал главой разведывательного отдела, который со временем превратился в знаменитую МИ-6. Его назначение состоялось в августе 1909 года. Тогда же Камминг начал вести дневник. В первой записи говорилось: «10 августа 1909 года я получил письмо от АБ [Александр Эдвард Бэттел — адмирал, в 1909 году начальник Управления морской разведки британского Адмиралтейства. — *Е. М.*], в котором он просит меня увидеться с ним, так как у него есть для меня некие хорошие новости. Я позвонил ему в 12 часов и поговорил о том, что он имел в виду — о моем новом назначении начальником Бюро секретной службы —

нового отдела, который должен быть создан при Комитете имперской обороны»*.

Сначала в распоряжении Камминга было всего несколько разведчиков, работавших за границей, в основном в Германии и против Германии. Часто на службу брали авантюристов и людей с весьма невысокими моральными качествами. Один из разведчиков, к примеру, устроил якобы собственное самоубийство, а на самом деле сбежал в Америку со всеми деньгами, которые ему выдали на оперативные расходы. Филлип Найтли даже приводит слова одного из сотрудников МИ-5 о своих коллегах из разведки: «Для такой работы нужно быть немножко негодяем».

Что же, по всем этим признакам Рейли мог бы подойти Каммингу. Он часто ездил в Германию, да и вообще разъезжал по Европе, жил в России, где встречался с немцами и германофилами, ну а уж авантюризма в его характере было хоть отбавляй.

Робин Брюс Локкарт считает, что примерно в это же самое время Рейли и был «приглашен» стать агентом Секретной службы. И тогда же он якобы получил предложение работать в Петербурге на британскую разведку, но не против России, а против Германии. Более того, по словам Локкарта, в его задании большую роль играла авиация.

Локкарт рассказывает, что в 1910 году** Рейли приезжал на международную авиавыставку, которая проходила во Франкфурте. Там он познакомился с одним из английских авиаторов по имени Джонс Вельсман — таким веселым парнем, который в первый же день выставки умудрился разбить свой аэроплан и, оставшись без машины, слонялся по ангарам, болтал с коллегами из других стран и отпускал всякие шутки.

На пятый день выставки произошла трагедия — разбился немецкий самолет, а его пилот погиб. Оказавшись у обломков аэроплана, Рейли с удивлением заметил, что больше всех суетится его приятель Джонс. Когда разбитый самолет увезли в ангар, он неожиданно обратился к Рейли с просьбой помочь ему в одном важном деле, и Рейли удивился еще раз — Джонс говорил с ним очень серьезно, что было на него совсем не похоже. Дело же заключалось в

* Дневник Камминга здесь и далее цитируется по кн.: *Judd A. The Quest for C. Sir Mansfield Cumming and the Founding of the Secret Service.* London, 1999.

** На самом деле выставка проходила в 1909 году.

следующем — они пробрались в ангар, где стоял разбитый аэроплан, сняли с его двигателя магнето и поставили на его место другое. Оказалось, что погибший немецкий пилот перед полетом похвастался, что на его машине установлено магнето новейшей конструкции. После этого Джонс сделал чертеж снятого магнето, и они установили его обратно на самолет.

Рейли, по словам Локкарта, удивило еще одно — Джонс прекрасно знал его биографию. Потом они долго беседовали, и Джонс сообщил ему, что является сотрудником британской разведывательной службы. Он якобы и «сделал ему предложение» отправиться в Петербург со специальным заданием. Джонс вроде бы заявил Рейли, что нужно готовиться к войне с Германией, ведь и сами немцы уже полным ходом ведут подготовку к войне с Англией. Следовательно, разведка против Германии — важнейшая стратегическая задача. И работать над ней Рейли может в России.

Миссия Рейли в Петербурге, считал Локкорт, не вписывалась в рамки классического шпионажа. Полученное им от английской разведки задание состояло в том, чтобы искать в русских источниках сведения о военных приготовлениях германской армии и флота. Авиационный бизнес был бы весьма подходящим занятием для выполнения этой задачи — «летуны» и конструкторы аэропланов из разных стран тогда еще вполне свободно обменивались информацией.

В эту же схему, по мнению Локкарта-младшего, укладывается и сотрудничество Рейли с германской компанией «Блом унд Фосс». Он якобы использовал его для того, чтобы добывать чертежи германских военных кораблей и различного оборудования, а потом переправлял копии в Лондон. Как пишет Локкорт, эти копии Рейли изготавливал у себя в квартире на Почтамтской улице, причем «часами ему пришлось прокатывать чертежи горячим утюгом и снимать на промокательную бумагу копии, ничем не отличающиеся от оригинальных фотоснимков». Вплоть до начала Первой мировой войны, по словам Локкарта, британское правительство регулярно получало отчеты о каждой новой разработке или ее модификации. При этом Рейли получил полную свободу действий, а о его миссии в России не знал даже посол Великобритании.

Но и к этому «шпионскому рассказу» Локкарта-младшего возникает ряд вопросов. Во-первых, нет никаких сведений об аварии на авиавыставке во Франкфурте, в кото-

рой погиб некий немецкий пилот. Газеты того времени, в том числе и русские, писали и о гораздо менее серьезных происшествиях в воздухоплавании, а уж новость о гибели авиатора никак не могла бы пройти мимо их страниц. Биограф же Рейли Эндрю Кук утверждает, что в то время в Секретной службе тогда не было агента, который бы подходил под описание Джонса Вельсмана, да и на выставке во Франкфурте вроде бы не было английского пилота, который сразу же разбил свой аэроплан.

«Фантазией» называет Кук и рассказ о том, как Рейли добывал чертежи немецких кораблей. По его словам, копии чертежей Лондон получал от совсем другого человека — завербованного британской разведкой в 1910 году журналиста Гектора Байуотера. «Если бы Рейли в это время действительно работал на английскую разведку и добывал немецкие чертежи, как это утверждает Локкарт, — пишет он, — то англичане вряд ли бы пользовались услугами Байуотера и его товарищей, к тому же подвергавших свою жизнь смертельному риску». Правда, с этим аргументом согласиться как раз нельзя — разведслужбы всегда стараются получать информацию из нескольких источников. А насчет риска — что ж, работа у разведчиков такая.

Можно лишь высказать очередное предположение: Скорее всего, Рейли тогда на самом деле не являлся штатным сотрудником Секретной службы. Но не исключено, что по собственной инициативе все же передавал в Лондон информацию, которая могла заинтересовать англичан. Может быть, он состоял на связи с тем же Уильямом Мелвиллом, которой несколько лет курировал агентов военной разведки, в том числе и за границей. (Интересно, что в 1906 году газета «Дейли экспресс» сообщила, что Мелвилл уехал из Англии в Россию и устроился там консультантом в русскую контрразведку. Потом сам Мелвилл прислал в редакцию письмо с опровержением этой информации.)

Наверное, можно было бы осторожно согласиться с Локкартом-младшим — в России Рейли мог действительно работать против Германии. Неудивительно, что и русская контрразведка, периодически начинавшая за ним следить, быстро прекращала наблюдение — ведь ничего противозаконного по отношению к России он не предпринимал.

Работал ли Рейли за гонорар, из-за своих патриотических убеждений или просто потому, что ему скучно жилось без чувства опасности и риска? Можно предположить, что имели место все три мотивации. Недаром английский пи-

сатель Грэм Грин, некоторое время служивший в МИ-6, считал, что разведка — это отличное место для авантюриста. А Рейли любил и деньги, и авантюры, однако при этом вовсе не был циничным и беспринципным негодяем, как его часто изображают. Нет, у него были и собственные принципы, и дальше мы это еще увидим.

Кстати, любопытная деталь. Из окон одной из квартир Рейли на Почтамтской улице хорошо просматривался особняк посольства Германии, который располагался буквально по соседству — на углу Большой Морской улицы и Исаакиевской площади. В 1911 году здесь началось строительство нового здания посольства по проекту немецкого архитектора Петра Беренса, которое продолжалось два года. То есть довольно долго жизнь посольства могла протекать на глазах Рейли.

Случайность ли это или нет — кто знает.

«Я занимался военными поставками»

Роман Рейли и Надежды Залесской быстро перестал быть тайной. Не сохранилось сведений о том, когда о нем узнал Петр Залесский и как это произошло. Точно можно сказать, что к 1914 году они уже не скрывали своих отношений, оставаясь при этом формально семейными людьми.

В первой половине 1914 года Надежда все-таки смогла получить развод. Робин Брюс Локкарт писал, что дело о нем вел Александр Грамматиков, а Рейли вроде бы предложил мужу Надежды такую сумму отступного, что тот, немного поразмыслив, согласился дать согласие на расторжение брака. Так это было или нет, но летом того же года Рейли и Надежда уже вместе отправились на море.

Они решили провести лето на французском Лазурном Берегу и поселились в городке Сан-Рафаэль. Там самом, где Рейли отдыхал в 1904 году вместе с какой-то неизвестной дамой. Именно там их застали новости о событиях в городе Сараево. 15(28) июня двадцатилетний боснийский серб Гаврило Принцип застрелил прибывшего в Боснию наследника престола Австро-Венгерской империи (Босния и Герцеговина входила тогда в ее состав) эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софию.

Вскоре после сараевских выстрелов Рейли засобирался в Петербург. Надежда пока оставалась во Франции. Они надеялись вскоре снова встретиться.

Похоже, мало кто в первое время после сараевского убийства представлял себе, чем закончится вся эта история. Тем более что всю Европу накрыла небывалая жара. 25 июня (8 июля) московская газета «Русское слово» писала, что «вчера термометр днем показывал +30°, в тени и до +34° на солнце... На центральных улицах — ни души. Публика прячется на бульварах, в Петровском парке. Там хоть иллюзия пролады. Купанье не помогает». Сообщалось и о небывалой жаре в других странах, например в Англии, где температура поднималась до 35° по Цельсию в тени и где наблюдалось «множество смертных случаев от солнечного удара как в городе, так и за городом», а в «Сити был случай помешательства от жары — помешанный выстрелил в продавца газет, который скончался на месте».

Измученные жарой обыватели, чиновники и государственные деятели старались уезжать из городов на природу. Казалась, что политическая жизнь Европы, несмотря на сараевское убийство, совсем замерла.

Сообщение о том, что 10(23) июля Австро-Венгрия предъявила Сербии очень жесткий ультиматум, фактически обвинив ее в организации убийства в Сараеве, прозвучало как взрыв бомбы на тихой улице. Кризис развивался с бешеной скоростью, и уже 18(31) июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Россия вступилась за Белград и начала мобилизацию. Германия в ответ на это заявила, что считает себя в состоянии войны с Россией. В начале августа в войну вступили Франция и Англия. В общей сложности в Первой мировой войне участвовали 38 государств, которые направили на поля сражений 74 миллиона человек и за четыре с половиной года потеряли погибшими 10 миллионов солдат и офицеров и 12 миллионов мирных жителей.

* * *

Рейли вернулся в Петербург незадолго перед тем, как Россия вступила в войну. Но вскоре он отправился в Америку. С весьма важной миссией.

В войне американцы пока держали нейтралитет, но американские компании охотно брались за выполнение военных заказов воюющих держав. Они могли принести (и принесли!) им огромные доходы. В этом смысле Россия была одним из крупнейших клиентов США — на американских заводах производились самые разнообразные виды вооружения и снаряжения для русской армии. Об

объеме этого производства хорошо говорят такие цифры: к 1916 году сумма военных заказов России в США составляла 1 миллион 215 тысяч рублей, а удельный вес США в импорте составлял более 60 процентов (до войны — чуть больше 13 процентов).

Заказы в Америке размещали как государственные структуры, так и частные компании, и как в любом виде бизнеса, вокруг них вертелись многочисленные посредники и комиссионеры. За определенный процент комиссионных они предоставляли свои услуги — свести заказчиков и производителей, «протолкнуть» заказ в ту или иную компанию, повлиять на то, чтобы выполнение заказа шло быстрее, разрекламировать преимущества своего клиента перед его конкурентом. Да мало ли чего еще! Работы таким людям хватало, и, случалось, они сколачивали себе приличные состояния. Историк Павел Виноградов в статье «Деятельность Русского заготовительного комитета и организация заказов военного имущества в США во время Первой мировой войны» отмечает, что использование услуг посредников было мерой вынужденной, так как в условиях войны нейтральные государства не могли продавать крупные партии оружия, поэтому его и приходилось приобретать с помощью услуг комиссионеров.

Одним из таких комиссионеров стал и Сидней Рейли. В Америку его «командировали», судя по всему, сразу две структуры — государственное Главное артиллерийское управление и Русско-Азиатский банк в лице его давнишнего знакомого Абрама Животовского. В частности, он должен был закупать сырье для изготовления взрывчатых веществ.

Интересная деталь — Рейли отправился в Америку в качестве посредника как бы с русской стороны. Ему предстояло конкурировать с американскими комиссионерами — настоящими акулами в своей области. Впрочем, на американском рынке посреднических услуг вскоре толкались локтями подданные самых различных государств и разных национальностей. Иногда даже их национальность и гражданство было трудно определить.

Закупка вооружений для русской армии имела огромное значение для страны. В какой степени Рейли руководствовался патриотическими мотивами — сказать сложно, но вряд ли стоит игнорировать их совсем. Однако не менее важной для него была и коммерческая сторона дела — за совершенные сделки Рейли светили очень солидные комиссионные, и он долго раздумывать не стал. Вскоре он

отправился в Америку — сначала поездом на Дальний Восток, потом пароходом в Японию, затем, опять-таки пароходом, в США.

В январе 1915 года Рейли прибыл в Сан-Франциско, отсюда поездом доехал до Нью-Йорка, где открыл свою контору на Бродвее. «С начала 1915 года я был в Нью-Йорке, где занимался военными поставками; между прочим, и для русского правительства», — не без самодовольства писал он впоследствии.

Опять возникает все тот же сакраментальный вопрос — занимался ли Рейли «шпионством» в США? По Локкарту выходит, что скорее нет, чем да. Вроде бы на время он решил «завязать» с разведкой ради заработка — уж больно выгодное коммерческое предложение ему сделали. Правда, британские агенты попытались убедить его изменить свое решение, но якобы Рейли стоял на своем, хотя и согласился передавать Англии сведения о немецких закупках в Америке и даже организовать сеть собственных информаторов, следивших за немецкими «агентами влияния» и настоящими агентами.

Оставим эту гипотезу без комментариев — ни подтвердить, ни опровергнуть ее сегодня практически невозможно.

В феврале 1915 года из Франции в США приехала Надежда Залесская. Рейли встречал ее в порту Нью-Йорка. Но их свидание после нескольких месяцев разлуки омрачило неожиданное происшествие. Писатель Владимир Крымов вспоминал: «Он встречал ее на пристани, и, когда она сошла с парохода, к Рейли подошел американский полицейский чиновник и арестовал его по обвинению в торговле живым товаром*. Как ни уверял Рейли, что это его невеста, его все-таки задержали и предложили освободить только при условии, если он немедленно женится на этой женщине. Рейли выразил полное согласие, но встретилось непреодолимое затруднение. Как раз был первый день Великого поста, когда по православному обряду венчать нельзя. Пришлось обратиться к русскому митрополиту в Америке — Платону, чтобы тот разрешил венчание. Платон разрешил, и произошел небывалый случай в истории православной церкви, венчание на первой неделе Великого поста... Митрополит Платон сам мне об этом рассказывал».

* В США в это время действовал закон, который предусматривал уголовную ответственность за перевоз женщин из одного штата в другой «в безнравственных целях».

Эндрю Кук считает, что всю эту историю с полицией в порту устроила сама Надежда, провернув «поистине макиавеллиевский» план. Именно она, уже с парохода, дала телеграмму в полицию Нью-Йорка с предупреждением о том, что Сидней Рейли пытается ввезти в США женщину с «безнравственными целями». Зачем она это сделала? Потому что понимала — у Рейли не останется другого выхода, кроме как повести ее под венец. Он-то уже не раз обещал жениться на ней, но все тянул, а теперь вроде как и деваться ему было некуда. Никаких подтверждений этой версии, дополняющей портрет «аморального и циничного Рейли», каким его представляет Кук, нет, но с женитьбой они действительно решили не тянуть.

Венчание Рейли и Надежды Залесской прошло 16 февраля 1915 года в соборе Святого Николая на Манхэттене. В анкете для новобрачных Рейли, как обычно, привирал и наводил тень на плетень — будто бы родился он в ирландском городе Клонмель, его родители — Джордж и Полина Рейли, и что он не женат. Впрочем, Надежда тоже зачем-то убавила себе два года — в графе «возраст» вместо 29 лет указала 27.

«Великий комбинатор»

В конце апреля новобрачные отправились в Россию. На пароходе они прибыли в Архангельск, откуда переехали в Петербург. По данным Эндрю Кука, в столице Рейли вел переговоры с русским Красным Крестом — он предложил стать посредником для приобретения, в частности, автомобилей «скорой помощи». Встречался он и с великим князем Александром Михайловичем (с ним Рейли был знаком еще по авиационным неделям, которые проводились на аэродроме общества «Крылья» на Комендантском поле). Как пишет Кук, великий князь, большой любитель фотографии, восхищался американской автоматической фотокамерой, которую Рейли принес с собой на аудиенцию. Сложно сказать, каковы были деловые результаты этой поездки Рейли в Россию. В Петербурге они задержались до конца июня, когда снова выехали в Архангельск, чтобы сесть там на пароход Русского Восточно-Азиатского пароходства «Царь».

В Архангельске, прямо перед отъездом, с Рейли произошла странная история — вроде бы его задержали и обыскали контрразведчики. Эндрю Кук считает, что причиной

К О П И Я.

АРХАНГЕЛЬСКЪ

Подполковнику К А Ш И Н Ц Е В У. ¹¹⁸

Быль ли задержанъ Архангельскѣ великобританскій подданный Сидней РАЙЛЛЭ, желавшій выѣхать 13 іюня въ Америку чѣмъ было вызвано неразрѣшеніе ему выѣхать. № 3709.

Подписалъ: Подполковникъ ФЕДОРОВЪ.

Телеграмма отправлена "26" іюня 1915 года въ "11" часовъ "45" мин.

Запрос в Архангельск из Петербурга о том, был ли действительно задержан Сидней Рейли при выезде из России и по каким причинам.
Июнь 1915 г.

этого стали подозрения, что партия никелевой руды, закупленная при посредничестве Рейли в США и отправленная в Россию через Швецию, была частично переправлена в Германию и что Рейли имел отношение к этой афере. Но вероятен и другой, более простой вариант — контрразведка и пограничная стража проявила слишком уж «повышенную бдительность» по отношению к странному иностранцу, свободно говорившему по-русски.

Возможно, после этого инцидента Рейли пожаловался в Петроград. Во всяком случае, 26 июня (8 июля) 1915 года начальник Архангельского отделения контрразведки подполковник Павел Кашинцев получил запрос из Генерального штаба, подписанный подполковником Михаилом Федоровым: «Был ли задержан [в] Архангельске великобританский подданный Сидней Райллэ, желавший выехать 13 июня в Америку, чем было вызвано неразрешением ему выехать». В ответ архангельские контрразведчики поспешили заверить, что Рейли никто не задерживал и тем более не арестовывал. Тем не менее вместо 13 июня они с Надеждой отплыли в США только 26-го.

В Америке Рейли с головой окунулся в работу комиссионера. В октябре 1915 года в США был создан Комитет по заготовлению предметов материального и боевого снабжения для русской армии. Его возглавил генерал-майор Александр Сапожников. Комитет должен был навести порядок в закупках продукции и размещении заказов на американских предприятиях. Одна из его задач заключалась в том, чтобы «отсекать» различных аферистов-посредников.

Действительно, среди посредников нередко попадались аферисты. Они пытались, подкупив русских чиновников, «впарить» товар намного дороже его стоимости, или, расписав преимущества своего предложения, просили огромную предоплату. Некий посредник по фамилии Эдвардс летом 1915 года предлагал устроить заказ на продажу русской стороне 1 миллиона винтовок Маузера (плюс тысячу патронов на каждую) общей стоимостью в 16,5 миллиона рублей, но при этом требовал предоплату в миллион долларов. По-видимому, Рейли к таким «чистым» аферистам все-таки не относился, хотя, конечно, он тоже прокручивал различные комбинации. Но неприятных сигналов на него в Петербург не поступало. С генералом Сапожниковым у Рейли сложились хорошие отношения.

Однако работа Комитета шла не лучшим образом. Многие из его сотрудников попросту не обладали нужными

профессиональными качествами и соответствующим опытом. Как ни странно, но проблемы возникли и из-за строгого отношения русских приемщиков к американской продукции. Еще в 1914 году вдруг выяснилось, что некоторые американские виды снарядов, поставленные в Россию, не подходят к русским орудиям и стрелять ими просто нельзя. В Америку ушла директива — относиться к американской военной продукции более внимательно. «Русские приемщики, — писал Владимир Крымов, — получили строгие инструкции принимать снаряды с большей тщательностью, так как доставленные в Архангельск не подходят к русским орудиям и стрелять ими нельзя! Приемщики стали предъявлять самые строгие требования к новым партиям снарядов, слишком перегнули в другую сторону и совершенно остановились, ничего не принимали, все оказывалось забракованным».

В результате сложилась парадоксальная ситуация — из-за добросовестности приемщиков русская армия испытывала дефицит артиллерийских боеприпасов.

Разбираться со всеми этими «недоразумениями» в Америку послали генерал-майора Эдуарда Гермониуса. С началом Первой мировой войны он занимался закупками артиллерийского и другого имущества для русской армии в Японии и Англии. В декабре 1915 года из Петрограда в Лондон, где тогда генерал возглавлял Русский закупочный комитет, ему пришло распоряжение срочно отправляться в США. При этом Гермониуса наделяли широкими полномочиями.

«Для окончательного разрешения всех недоразумений по изготовлению и приему тех предметов, которые даны в Америке... — говорилось в шифровке, подписанной помощником военного министра генерал-лейтенантом Александром Лукомским. — Военный Министр командует Вас теперь же в Америку, передав председательствование в Лондонском Комитете заместителю Генералу Рубану. Ваше присутствие должно быть по возможности кратковременным. Одновременно уведомляется Сапожников.

Кроме того, договоритесь с Сапожниковым относительно снарядов Канадской Компании, имея в виду, что расторговать контракт нежелательно, а необходимо принять все меры, дабы налаживающееся исполнение заказа шло гладко.

Кроме того, Военный Министр предоставляет Вам право в будущем окончательно решать все недоразумения по приему изделий, заказанных в Америке..., между заводчи-

ками и приемщиками, равно Вам предоставляется решение всех недоразумений и по будущим контрактам...»

Сразу после приезда генерала в США Рейли представил ему записку о состоянии закупок вооружения в Америке. Главная, по его мнению, проблема в организации этих закупок состояла в том, что русские представители вели переговоры с десятками различных заводов, поставщиков, банков, представителей. «Предложение, — писал Рейли, — во много раз превышает спрос, и если бы подсчитать, то России за эти восемь месяцев предложено винтовок и патронов в таких количествах, что выразить их можно только астрономическими цифрами»*. Все эти предложения обрабатываются, анализируются, на них тратят время, но после этого часто бывает, что заказы так и не размещаются. Потому что многие из предложений оказываются просто «мыльным пузырем» или «фейком», как принято говорить сегодня. «Причину такого положения надо искать в недостаточной осведомленности со стороны Главного артиллерийского управления в действительном состоянии ружейного и патронного дела в Америке», — отмечал Рейли.

С одной стороны, он был полностью прав. С другой — между строк этой записки явно читается призыв: господа, обращайтесь только к знающим и проверенным людям. Тоже, в общем, правильно. Но кто же эти люди? Прежде всего, конечно, он сам. Уж он-то точно не подведет. А заодно и заработает.

А работать Рейли умел. Вероятно, от того же Гермониуса он узнал, что из Петрограда пришло новое распоряжение — не слишком придираться к поставляемым американцами артиллерийским снарядам, так как русской артиллерии уже катастрофически не хватает боеприпасов. Обладая информацией об этой директиве, Рейли разыграл настоящий спектакль, чтобы облапошить деловых, но слишком прямолинейных американцев. Владимир Крымов так описывал придуманную им комбинацию: «Залесская [жена Рейли. —

* Согласно данным, приводимым историком Павлом Виноградовым, за время Первой мировой войны США поставили в Россию более 1,9 млн винтовок (русская промышленность произвела за то же время 3,3 млн), более 42 тысяч пулеметов (в России произведено 28 тысяч), в США были заказаны 6,5 млн пудов пороха, 655 тысяч пудов пироксилина, к 1916 году на вооружении русской армии состояли 10,5 тысячи американских автомобилей и 5,9 тысячи мотоциклов, причем грузовики, автоцистерны и автобусы поставлялись исключительно из США.

Е. М.] оказалась племянницей генерала Гермониуса, который был в это время председателем русской закупочной комиссии в Нью-Йорке. В руках Гермониуса были десятки или сотни миллионов долларов. Контракт с той или другой фирмой по поставке военного снаряжения для России зависел от него. Генерал Гермониус считался кристально честным человеком, но не отличался большим умом. Рейли это знал...

Он поехал на заводы, которые ставили снаряды (Вестингауз, Канадская Компания и другие), и предложил им наладить сдачу, устранить все трения и устроить еще новые заказы. Те сначала отнеслись недоверчиво, к ним уже являлись ранее десятки лиц с такими предложениями — но Рейли дал неоспоримое доказательство своих возможностей. Он заявил, что генерал Гермониус, человек ни для кого недоступный, его близкий родственник и что он с ним может делать что угодно. Рейли условился с директорами двух заводов, что они приедут завтракать в нью-йоркский загородный ресторан «Кок д'Ор» и убедятся в том, что рядом за столиком будет завтракать он, его жена и генерал Гермониус...

Директорам было известно, что генерал Гермониус никогда нигде не бывает, а тем более не завтракает ни с какими посредниками или поставщиками. Залесская уговорила своего дядю поехать завтракать за город, и Рейли таким образом демонстрировал перед директорами ничего не подозревавшего генерала».

Американцы поверили в возможности Рейли, и еще через несколько дней был заключен договор, по которому он получал 25 процентов комиссионных с каждого снаряда, который будет принят русской комиссией. И тут начались настоящие чудеса: русские представители пропускали снаряды без особых придинок. Не то что раньше. Директора заводов были в восторге. Они окончательно поверили в то, что именно Рейли помог протолкнуть их продукцию русским заказчикам. На самом же деле, он просто использовал «инсайд» — информацию для служебного пользования, а остальное было делом техники и сообразительности. Но американцы искренне благодарили его за то, чего он никогда не делал, да еще с удовольствием платили Рейли деньги.

Если все это было именно так, то ему, наверное, позавидовал бы другой «великий комбинатор» — Остап Бендер.

По различным данным, на комиссионных Рейли заработал от одного до трех миллионов долларов. Скорее всего,

это цифры несколько завышены, но они дают представление о порядках доходов, которые тогда могли получать посредники при размещении военных заказов в Америке. Для полноты картины: дом на типичную американскую семью из готовых разборных компонентов с четырьмя спальнями, который, как утверждала реклама, идеально подходит «для пригорода или фермы» — можно было купить всего за 1152 доллара, а не слишком «навороченный» автомобиль — за 1084 доллара.

То, что Рейли стал состоятельным и даже богатым человеком — это факт. Известно, например, что за размещение русского заказа в компании «Болдуин Локомотив уоркс» (она выпускала паровозы, железнодорожное оборудование, но с началом войны быстро перестроилась и наладила производство винтовок и военного снаряжения) Рейли причиталось 542 825 долларов комиссионных. Другое дело, что эти деньги полностью Рейли так и не получил, а сам контракт позже доставит ему множество волнений и неприятностей. Но к этой истории мы еще вернемся.

А в 1917 году, когда приехавший в Нью-Йорк Владимир Крымов встретил там Рейли, он поразился, насколько тот разбогател. Рейли жил в одном из самых роскошных отелей города «Сент-Реджис» на 55-й Восточной улице между Мэдисон и 5-й авеню, поблизости от Центрального парка. Как вспоминал Крымов, «он занимал уже целый апартамент... и швырял деньгами».

«Один из самых опасных международных шпионов»

В феврале 1917-го пала монархия в России. Как именно встретил Рейли новости о Февральской революции — неизвестно, но, вероятно, она не вызвала у него резкого неприятия. Во всяком случае, таких данных нет.

В России тогда еще царила настоящая эйфория. Революцию поддерживало подавляющее большинство населения. Впрочем, «весна свободы», как пафосно писали русские газеты, очень скоро превратится в «осень», а потом и в «зиму».

Для союзников же главным было то, что несмотря на смену политического режима, Россия заверяла их, что будет воевать до победного конца. К союзникам присоединились и США: 6 апреля 1917 года Конгресс большинством голосов проголосовал за объявление войны Германии. Теперь уже в

Америке развернулась кампания по соблюдению «бдительности» и выслеживанию «немецких шпионов». Например, все радиостанции — особенно те, что находились вблизи Атлантического побережья, — взяли под охрану военные. Считалось, что германские агенты могут по радио наводить на цели немецкие подводные лодки или координировать высадку с них вражеских разведчиков и диверсантов. Вводилась цензура на все сообщения, передаваемые за пределы США, а телеграфные и телефонные линии на суше и на море переходили под контроль, соответственно, военного министерства и ВМС. 15 июня Конгресс принял «Закон о шпионаже», по которому предусматривались тюремное заключение и штраф за сбор и передачу информации, так или иначе затрагивавшей национальную оборону США. (В мае 1918 года были приняты поправки к этому закону, а он сам получил название «Закон о мятеже». Согласно поправкам, запрещались критика военной деятельности внутри страны или за ее пределами, слова одобрения в адрес противника, оскорбления правительства, флага и конституции. Предусматривалось уголовное преследование за ложные заявления, которые препятствовали военным усилиям или нарушали производство продукции, необходимой для войны. Почтовое ведомство получало право перехватить практически любое письмо, а подозрительные печатные издания могли быть запрещены. Закон действовал до 1921 года.)

Как и граждане других воюющих стран, рядовые американцы тоже принялись активно выслеживать и ловить «вражеских шпионов». Они регулярно «сигнализировали» в полицию, ФБР и военным о разного рода «подозрительных личностях», которые якобы подавали сигналы немецким подводным лодкам, рассылали зашифрованные письма, встречались со странными людьми и т. д.

Впрочем, нельзя сказать, что поиски шпионов в Америке были обусловлены только шпиономанией. Реальные основания для беспокойства тоже имелись. 30 июля 1916 года Нью-Йорк потрясли два чудовищных по силе взрыва. Сначала взорвался склад боеприпасов на острове Блэк-Том-Айленд, а затем сдетонировали снаряды, которые погрузили уже на баржу и в железнодорожные вагоны. Среди жителей города ходили слухи, что немцы сбросили на Нью-Йорк какую-то невиданную прежде бомбу огромной силы. 11 января 1917 года взорвался завод боеприпасов в Кингсленде, штат Нью-Джерси. Через месяц, 10 апреля, произошел взрыв на заводе в штате Пенсильвания, погибли

132 человека. Многие были убеждены, что все это дело рук немецких диверсантов. 22 марта бизнесмен Альберт Бриггс объявил о создании «Американской лиги защиты» — организации добровольцев для борьбы со шпионами и агентами врага. Как пишет автор книги «Шпионы XX века» Филлип Найтли, он ставила перед собой цель сделать из каждого патриотически настроенного рядового американца контрразведчика. В Лигу, по различным оценкам, входили от 80 до 200 тысяч человек. Они изображали из себя секретных агентов и в поисках немецких шпионов часто незаконно обыскивали квартиры, прослушивали телефоны и подвергали граждан допросам.

Вскоре в поле деятельности американских спецслужб и агентов-добровольцев попал и иностранец-коммерсант непонятного происхождения по имени Сидней Рейли.

Первым о подозрительном поведении Рейли сообщил некий инженер — консультант компании «Флинт и К°» Уинфилд Проски. Офис этой компании находился в одном здании с конторой Рейли по адресу: Бродвей, 120. Проски сообщил, что Рейли: а) по слухам, шпионил во время Русско-японской войны в пользу японцев, б) в настоящее время занимается враждебной деятельностью, в частности, он приобрел для России партию бракованных винтовок, в) несмотря на свое имя, он имеет ярко выраженную восточную внешность и очевидное семитское происхождение. Позже Проски добавил, что считает Рейли «одним из самых коварных и самых опасных международных шпионов нашего времени», а также врагом союзников и крупным аферистом.

Заявление бдительного инженера попало в военную разведку. Оттуда сделали запрос резиденту английской разведки в США Уильяму Уайсману (Рейли все-таки был обладателем британского паспорта). Однако Уайсман не смог сообщить американцам ничего конкретного, кроме уже достаточно известной информации о том, что Рейли — на самом деле еврей из России, что ходили слухи о его работе на японцев в Порт-Артуре, что в Америке он занимается закупками оружия для России и, хотя он «относительно честно основал свое дело», комиссионные при заключении контрактов он получает «мошенническим способом». Уайсман еще добавил, что Рейли постоянно путается с различными темными личностями и его не удивит, если выяснится, что он завербован вражескими агентами в целях пропаганды или какой-либо другой деятельности.

После этого отзыва военная разведка начала расследование деятельности Рейли. На него были брошены два агента-добровольца из той самой «Американской лиги защиты». Расследование длилось полтора года. Уже закончилась война, Рейли давно уже уехал из Америки, пытался свергнуть правительство большевиков в России, а агенты все еще изучали различные стороны его жизни и бизнеса в США. Эндрю Кук, ознакомившийся с собранным на Рейли досье, заметил, что агенты накопили действительно много информации, но не смогли ее профессионально проанализировать. Что интересно, желающих дать показания против Рейли оказалось немало. Но это объяснить легко: Рейли очень жестко вел свой бизнес и попортил много крови своим конкурентам. Теперь же они с готовностью делились с агентами своими наблюдениями и слухами о том, как он жил, с кем и как работал, и с кем спал.

Понятное дело — в их показаниях Рейли выглядел далеко не самым симпатичным человеком, жестоким и циничным дельцом, готовым ради денег практически на все и проворачивавшим какие-то темные сделки и махинации, с мутным прошлым, из которого тянулся хвост слухов о том, что он шпионил на японцев, аморальным типом, оставившим, по слухам, в Петербурге «жену и двоих детей», многоженцем, имеющим нескольких любовниц.

Одну из таких любовниц агенты разыскали. 28-летняя Беатрис Мадлен Тремен работала моделью в ателье по пошиву дамской одежды. Потом Рейли поселил ее в пансион благородных девиц в городке Орандж, штат Нью-Джерси, и платил за ее содержание 280 долларов в месяц. Вскоре ей начали предлагать небольшие роли в кинокартинах. Тремен рассказывала, что они с Рейли собирались в будущем пожениться. Он якобы говорил ей, что вскоре разведется с Надеждой. Знала ли сама Надежда о его связи с Беатрис — неизвестно.

Следователи-добровольцы допрашивали Беатрис Тремен несколько раз и явно добивались от нее каких-то фактов, которые бы подтвердили их версию о возможной причастности Рейли к шпионажу в пользу Германии. Но, к их явному разочарованию, она категорически отвергла эту возможность, заявив, что никогда не поверит, что Рейли мог бы предать свою страну. К тому же она добавила, что, несмотря на то, что он уехал неизвестно куда, он по-прежнему присылает ей деньги.

Затем агенты решили вскрыть сейф в конторе Рейли (большой вопрос, насколько законной была эта операция).

В конторе они нашли чемодан, а в нем связки каких-то писем. С помощью переводчиков письма прочитали, но оказалось, что это любовная переписка между Рейли и Надеждой — она подписывала свои письма «котик» или «кисонька». В сейфе же обнаружили большое количество заключенных военных контрактов и чеков на крупные суммы. Следователи-энтузиасты сделали глубокомысленный вывод, что Рейли пользовался «колоссальной политической поддержкой в России».

Даже Эндрю Кук, мягко говоря, не симпатизирующий Рейли, признает, что результаты расследования оказались скудными и неубедительными. Рейли, конечно же, не занимался шпионажем против США. Учитывая дальнейшие события, логично было бы предположить обратное: он каким-то образом поддерживал негласную и неафишируемую связь с кем-то из британских спецслужб. Возможно, со своим прежним «куратором» Уильямом Мелвиллом.

Что касается показаний против него, то опять-таки можно согласиться с Куком; возникает вопрос: насколько они были объективны и насколько им можно верить? Ведь многие из этих свидетелей сами занимались подобным же бизнесом, сами зарабатывали свои комиссионные, вели жесткую конкурентную борьбу с тем же самым Рейли и были бы не прочь потопить своего конкурента.

А их конкурент к тому времени занимался уже другими, куда более глобальными и куда более опасными делами. Он был уже не предполагаемым, а настоящим, «штатным» шпионом. Или разведчиком — кому как нравится.

«ТАК ЗА РАБОТУ, ШПИОН!»*

Весной 1917 года в жизни Рейли происходят резкие изменения. Вскоре после вступления Америки в войну он исчезает из отеля «Сент-Реджис» и из Нью-Йорка вообще. Перед этим он кладет большую сумму денег на счет своей жены Надежды.

Где же он находился весной, летом и осенью 1917 года? Робин Брюс Локкарт и последняя жена Рейли Пепита Бобадилья утверждали, что он выполнял специальные задания в тылу немецких войск и даже несколько раз пробирался на территорию Германии, перелетая линию фронта на аэро-

* Строка из «Марша шпионов» Редьярда Киплинга.

плане. «Его заслуги высоко оценили, а его подвиги в Германии стали легендой», — писала Пепита. Какие это были подвиги она, правда, не уточнила. Американский историк Ричард Спенс считает, что летом—осенью 1917 года Рейли приезжал в Россию в группе летчиков-канадцев Королевского летного корпуса (почему именно канадцев — об этом немного ниже). О том, что Рейли был в 1917 году в Москве, вспоминал и журналист Алексей Ксюнин. В очерке «Джентльмен — Сидней Рейли», опубликованном в сентябре 1931 года в русской эмигрантской газете «Руль» в Берлине, он отмечал: «Свиделись снова в совершенно неожиданной обстановке — в дни Московского Совещания*.

Кабинет “Эрмитажа”. Борис Савинков, Аладьин** ... Борис Суворин и Рейли.

Последний пришел вместе с Савинковым и держался все время около него... Разговаривали о Корнилове*** и о его выступлении на Совещании, — о Викторе Чернове****, который поднялся на эстраду Большого театра в калошах и с зонтиком, о Керенском, который во время речей обрывал представителей армии и не дал слова генералу Алексееву*****. В театре меня вызвали на галерку, где скромный Михаил Васильевич Алексеев, взволнованный до слез, уговаривал Корнилова и Каледина немедленно покидать

* Московское государственное совещание проходило в Москве 12(25)—15(28) августа 1917 года в Большом театре. Было создано Временным правительством как всероссийский политический форум. В нем участвовало 2500 человек, представляющих различные политические силы. Открывая совещание, министр-председатель Временного правительства Александр Керенский заявил, что «железом и кровью» раздавит все попытки сопротивления «законной власти». В советское время совещание расценивалось как попытка сговора всех контрреволюционных сил, хотя делегация большевиков тоже участвовала в нем.

** Эсер Борис Викторович Савинков (1879—1925) на тот момент был товарищем военного министра Временного правительства. Алексей Федорович Аладьин (1873—1927) — бывший трудовик и депутат Государственной думы, поддержавший выступление генерала Л. Г. Корнилова.

*** Генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов (1870—1918) занимал пост Верховного главнокомандующего. 28 августа (10 сентября) выступил против Временного правительства, за что был обвинен в мятеже и арестован.

**** Виктор Михайлович Чернов (1873—1952) — один из лидеров партии социалистов-революционеров.

***** Имеется в виду бывший Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918).

Москву и возвращаться на фронт. Все три генерала чувствовали себя оскорбленными, подавленными и не видели никакого исхода. Тут же был Савинков, что-то горячо доказывал Корнилову, потом отошел и мрачный забился в угол. Создавалось впечатление, что он оторвался от Керенского и не пристал к Корнилову.

Говорили Рейли и Аладьин. Оба ругали Керенского. Обоих возмутила разница в поведении председателя Совещания в отношении главнокомандующего, и атаманов, и тех большевиков, которые занимали ложи бенуара и чувствовали себя уже хозяевами положения.

— Предательство, — кричал Аладьин, — неужели вы не видите, что всюду предательство, что на фронте предают и что Керенский этого не видит!..

Рейли в подтверждение слов Аладьиного стал рассказывать историю путешествия Ленина в Россию, выкладывал факты, ссылаясь на данные английского посольства и говорил, что надо идти на разрыв с Керенским...

Савинков, от которого ждали каких-то значительных слов, копировал Керенского и Чернова и рассказывал про ставку, а когда Рейли поставил вопрос ребром — “с кем он идет и пойдет”, — Савинков так же мрачно ответил:

“Мы привыкли работать в подполье и очевидно ослепли от слишком яркого солнца... Будем ждать, когда история снова нас загонит в подполье”».

Нельзя не признать — все это написано весьма ярко и живо, и вроде бы нет сомнений, что Алексей Ксюнин видел всю эту сцену своими собственными глазами.

О том, что Рейли был в России в 1917 году, говорится и еще в одной книге. Ее, конечно, нельзя рассматривать как исторический источник, но упомянуть, пожалуй, следовало бы. В 1956 году в Москве вышел роман-эпопея «Большевики». Три солидных синих тома с золотыми буквами названия на обложках. Автор романа — писатель с громким именем Илья Кремлев. На самом деле, это псевдоним Ильи Шехтмана (1897—1971). Раньше он писал утопические, фантастические и сатирические произведения, но теперь вот обратился к крупным и серьезным историческим формам. В «Большевиках» действуют множество героев, как вымышленных, так и исторических — от Ленина до генерала Корнилова и от Николая II до... Сиднея Рейли. Да, пожалуй, впервые в советской литературе именно Кремлев вывел образ британского разведчика. Правда, в совершенно фантастическом виде.

Том №4. Про огнь

376 130

Дати ррн.

Дядя

Повозку до вилки восточной, мисс Фелли
визуально аи все равно речемерно, в 43
визуально из моря сарматим огнь мисс.
Вилки в 8 1/4 ч. вост. 9 1/2-25. и изредка
в пригоро-восточной вилки-мисс.
во дворе прогулок вилки. Фелли огнь,
мисс Фелли мисс мисс вилки восточной,
мисс мисс Фелли мисс восточной его Фелли мисс
мисс Фелли мисс, восточной мисс Фелли мисс
мисс Фелли мисс в 10-10 1/4 ч. вост. 9 1/2-25.

Фелли мисс

10/11-25.

Вилки мисс Фелли мисс

Рапорт Григория Федулева о казни и захоронении Сиднея Рейли

Рейли появляется в романе в виде «угрюмого человека лет сорока, с небритым лицом, высоким покатым лбом и беспокойными глазами... На очень бледном, почти белом лице выделялись полные, чрезмерно красивые губы...». По сюжету, уже в апреле 1917 года под видом оборванного солдата-фронтовика Орловского Рейли пробирается на конференцию большевиков в Петрограде с пистолетом в кармане. Он слушает только что прибывшего из эмиграции Ленина и размышляет, что «достаточно подстеречь этого человека с пронизывающими глазами где-нибудь в коридоре, в подъезде, за углом в переулке и разрядить в него обойму, — и миру больше ничего не будет угрожать». Затем он оказывается в виде алжирского коммерсанта Массино на совещании контрреволюционной организации, уже «выбранный до синевы, надушенный и одетый в легкий спортивный костюм». В октябрьские дни 1917 года, снова в образе солдата, «делегата от Пулеметного полка», оказывается в Смольном, где разыскивает Ленина, с целью покушения на него.

Не исключено, что автор «Большевиков» отталкивался именно от мемуарного очерка того же Ксюнина, а дальше пустил в ход свое писательское воображение. А вот насколько был правдив в своих воспоминаниях Ксюнин — остается загадкой. Сам Рейли никогда не упоминал, что приезжал в 1917 году в Россию. Уже на Лубянке, описывая свою жизнь, о 1917 годе он оставил всего лишь несколько слов: «Поступив добровольцем в британскую армию, был назначен в авиационный корпус... где и прослужил до 1 января 1918 года, а с января 1918 года перешел на службу в секретную политическую службу...»

Может быть, Рейли не хотел, чтобы большевики знали, что он находился в России непосредственно перед Октябрьской революцией? А может, Алексей Ксюнин перепутал даты или просто нафантазировал?

* * *

По другой версии, весну, лето, осень и зиму 1917 года Рейли провел за несколько тысяч километров от России — в канадском городе Торонто, где проходил обучение в военной авиашколе. Он действительно поступил в армию добровольцем и был направлен на учебу в Канаду.

Обучение в школе военных пилотов при Королевском летном корпусе проходило с июля по декабрь 1917 года. Известно также, что 19 октября Рейли присвоили звание

второго лейтенанта (оно соответствует чину подпоручика русской дореволюционной и званию младшего лейтенанта в российской армии).

То, что Рейли оказался в авиашколе, в общем-то, не удивительно, учитывая его увлечение воздухоплаванием. Другое дело, почему он вообще решил идти в армию? Миллионер (если верить рассказам о нем), авантюрист, который вел весьма благополучную жизнь с деловыми обедами в ресторанах и моделями-любовницами, и вдруг решил пойти на фронт? Для этого у него должны были быть весьма веские причины.

Робин Брюс Локкарт был уверен, что Рейли принял это решение, «повинуясь внезапному душевному импульсу». Он писал, что поступить ему в авиашколу помог резидент британской разведки в США Уильям Уайсман. Другой сотрудник британской разведки в Америке майор Норман Твейтс в своих мемуарах, вышедших в 1932 году, уверял, что в авиашколу Рейли рекомендовал именно он. По его словам, тот попросил помочь ему, поскольку хотел внести свой вклад в войну. Твейтс утверждал, что он же потом рекомендовал его и на работу в разведку, так как Рейли очень хорошо знал Россию и Германию, а такие люди тогда были очень нужны СИС. Забавно, однако, что и Уайсман, и Твейтс вскоре после отъезда Рейли из США будут весьма негативно отзываться о нем, называя его «беспринципным человеком», повторяя слухи о том, что он был японским шпионом, отмечая, что он ведет бизнес с помощью мошеннических приемов и т. д.

Эндрю Кук раскритиковал версию о том, что Рейли решил пойти в армию по «душевым порывам». По его мнению, «Рейли был тем человеком, который никогда в жизни не руководствовался патриотическими или идейными соображениями. Единственным двигателем его поступком была алчность и корысть». Но это не совсем так, и дальнейшая судьба Рейли — тому подтверждение. Отнюдь не идеализируя его, нельзя отрицать очевидного — авантюрист и далеко не образец морали и нравственности мог руководствоваться и идейными соображениями. Во многом именно они и привели его к гибели. Почему же они не могли привести его и на военную службу?

Возможны, конечно, и другие варианты. Может быть, он узнал о расследовании, которое затеяли против него американские спецслужбы. Может быть, его подтолкнули к этому какие-то личные причины.

Можно также предположить, что такой вариант подсказал ему все тот же Уильям Мелвилл. Возможно, это был самый надежный путь на должность штатного сотрудника Секретной службы. Этот статус, с одной стороны, позволил бы более эффективно использовать Рейли в интересах Британии, с другой — обезопасил бы его от различного рода слухов и домыслов, которыми Рейли был постоянно окружен. Была и еще одна причина, по которой «мистер “М”» мог хотеть перевести своего «подопечного» на «легальное положение» в разведывательной службе — Мелвилл к тому времени уже тяжело болел и жить ему оставалось всего несколько месяцев.

Историк Аллан Джадд со ссылкой на дневник шефа британской разведки Менсфилда Камминга отмечает, что Рейли был рекомендован ему сотрудником СИС в Петрограде майором Джоном Скейлом, а тот услышал о способном лейтенанте-авиаторе, свободно говорившем на нескольких языках, от офицера авиашколы в Торонто.

Слежка в Лондоне

Если в версиях о том, где находился Рейли летом—осенью 1917 года, существуют большие разночтения, то нет никаких сомнений, что в конце декабря он вместе с несколькими летчиками прибыл в Англию. Вскоре его однокашники по школе военных пилотов отправились на фронт, а он остался в Лондоне. 13 января 1918 года он написал письмо в Военное министерство. Рейли сообщал, что при рассмотрении его кандидатуры на должность сотрудника Секретной службы можно опереться на мнение нескольких человек — директора компании «Виккерс»* Оуэнса-Тарстона, русского генерала Эдуарда Гермониуса и майора Страбелла, который принимал его в Королевский летный корпус.

К письму Рейли приложил и рекомендацию Оуэнса-Тарстона. Она сохранилась в британском Национальном архиве. «Я имею удовольствие заявить, что я знаю мистера Сиднея Дж. Рейли на протяжении тринадцати лет, и за это время у меня было много возможностей убедиться в его необыкновенных способностях к языкам, — говорилось в ней. — Насколько я знаю, в Петрограде мистер Рейли вел

* «Виккерс Лимитед» — британская компания, основными видами деятельности которой были судостроение и производство оружия.

многочисленные дела с русским правительством, а его знания о России всегда казались мне очень обширными и точными. Многие высокопоставленные русские официальные лица также свидетельствовали мне о его хорошей работе и глубоком знании дел в России... За тринадцать лет, в течение которых я знаком с мистером Рейли, я не знал и не слышал ни о чем таком, что бы порочило его».

К этому времени о Рейли уже знали в СИС. Важное значение для Секретной службы имело как раз то, то он свободно говорил по-русски, хорошо знал Россию и сам вызвался работать именно в этой стране. После Октябрьской революции 1917 года в России и прихода к власти большевиков британские власти пребывали в сильном замешательстве. Они никак не могли определиться — как им вести себя с новой властью? Робин Брюс Локкарт писал, что, например, ни один из действующих сотрудников МИД Великобритании не знал русского языка, а Джордж Натаниел Керзон 1-й маркиз Керзон Кедлстонский, занявший в 1919 году пост министра иностранных дел, «никогда не слышавший о Марксе, принялся наводить справки, какая разница в терминах “марксист” и “большевик”».

Британский политический истеблишмент, разумеется, не испытывал никаких симпатий к социально-политическим взглядам большевиков. Те платили англичанам той же монетой. В декабре 1917 года британский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен возмущался, что они делают из англичан предмет «грубых нападок», осыпают насмешками и подстрекают к восстанию против империи ее подданных в Индии и на Востоке и даже обвиняют в «союзе с контрреволюционерами». «Я хочу, — заявлял Бьюкенен, — чтобы русский народ знал, что ни я сам, ни кто бы то ни было из находящихся в моем распоряжении агентов не имеем ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела России». Но, как говорится, дипломаты на то и имеют языки, чтобы говорить не то, что думают на самом деле.

Гораздо больше Лондон беспокоила другая проблема — планы Ленина заключить перемирие с Германией. Ради того, чтобы это не произошло, они были готовы на многое, в том числе и на военную помощь большевикам, и не исключено, что и на их официальное признание. В общем, Лондону была нужна объективная информация с места события, причем желательно, чтобы ее собирали и анализировали те, кто хорошо знал Россию, русских и понимал загадочную «русскую душу». Сидней Рейли вполне подходил для этой задачи.

...Если шеф разведки Камминг и получил какие-то серьезные рекомендации относительно Рейли, то это не значит, что он поверил им просто так, на слово. Нет, в первые месяцы 1917 года он собирал сведения о нем, поступавшие от различных подразделений разведки и контрразведки. Агенты МИ-5 даже вели за Рейли слежку в Лондоне. На всякий случай.

Весной 2014 года британский Национальный архив сделал настоящий подарок для исследователей. Он оцифровал и выложил в открытый электронный доступ более 150 ранее секретных дел контрразведки МИ-5 о различных лицах, в той или иной степени имевших отношение к шпионажу в время Первой мировой войны. Была среди них и довольно объемистая коллекция документов о Сиднее Рейли*.

Из этих документов следует, что 30 января 1918 года МИ-6 направила запрос коллегам из контрразведки МИ-5. Очень короткий: «Нет ли у вас возражений против того, чтобы означенный ниже [человек] работал в разведывательной службе?» Далее следовали данные о Рейли. 2 февраля последовал ответ контрразведчиков: «Мы не имеем никаких зафиксированных данных, свидетельствующих против упомянутого выше [лица]». 12 февраля они добавили: «Полиция также не располагает никакими предосудительными сведениями о нем».

Однако из Нью-Йорка, куда тоже был послан запрос, пришла телеграмма с весьма нелицеприятной характеристикой Рейли. Упоминалось, в частности, о слухах о том, что он шпионил в пользу японцев. «Мы считаем, — говорилось в телеграмме, — что этот человек не заслуживает никакого доверия и не подходит для предложенной работы». Самое интересное, что автором характеристики был тот самый майор Норман Гвейтс, который потом вспоминал, что именно он рекомендовал Рейли в авиашколу в Торонто и на службу в разведку.

* * *

В феврале и первой половине марта Камминг, похоже, взвешивал все «за» и «против» принятия Рейли на штатную работу в разведку. Тем временем контрразведка заинтере-

* Ранее эти документы использовал биограф Рейли Эндрю Кук, но после того, как британский Национальный архив выложил их в Сеть, появилась возможность ознакомиться с ними полностью.

9th March, 1918.

REILLY, 2nd Lieut. Sidney George.

I have made discreet enquiries re the above and find he is an Irishman, born at Clonmel in 1874. He has resided at St. James Palace Chambers, 22, Ryder Street, S.W., since 10th January, 1918, and was previously stopping at the Savoy Hotel. He occupies a suite of chambers at RYDER STREET, the number of same is 21, for which he pays £8.8.0. per week. He is said to be very respectable and pays his bills quite regularly, has very little correspondence which is British, and has only been known to have two friends to visit him, viz:- British Army Officers, names not known. It is said that he rarely leaves his rooms before after mid-day, and usually returns about tea time, and goes out in the evening to dinner, about 8 to 9 p.m. He has no meals at his chambers, but is known to lunch and dine at the Savoy or Berkeley Hotel. He does not keep late hours, the front door of the house is closed at 12.p.m. and he is always in before that time. He originally took the chambers for a week or so, but has been ill, and has said that he is expecting to be recalled to his unit at any time. I was informed that he was recommended by an old servant of the proprietor, and interviewed this man, but found that the truth was not a strong point with him, so deemed it unwise to question him directly about REILLY, in case he should be the means of letting REILLY know that enquiries had been made about him.

Continuing my enquiries I visited the Savoy Hotel, and learned that REILLY arrived there on the 1st January, 1918. It is not known from where, he signed as 2nd Lieut. Sidney George REILLY, R.F.C. Air Board. He occupied a suite of rooms No. 32, with Lieut. ^{DECARDED} J. KELLY, R.F.C. (A.B.) and Lieut. ^{DECARDED} M. MARKS, R.F.C. Lieuts. KELLY and MARKS left the Savoy on the 6th January, 1918, the former for American University Union, PARIS, and the latter for 39th Squadron, Shropshire. REILLY left on the 10th January, 1918, for St. James Palace Mansions. I am informed

Донесение агента наружного наблюдения британской контрразведки, следившего за Рейли в марте 1918 года

совалась кандидатом всерьез. Неудивительно: человек собирается работать в Секретной службе, а информация о нем поступает, мягко говоря, странная и противоречивая. То ли он не тот, за кого себя выдает, то скрывает свое прошлое. На всякий случай его решили взять под негласное наблюдение.

Теперь уже английские филеры незаметно «топали» за Рейли по пятам и, как когда-то русские «топтуны», ежедневно направляли отчеты своему начальству. Они сохранились в «досье Рейли» в британском Национальном архиве. Надо сказать, что эти доклады производят несколько комическое впечатление. Английские агенты работали менее эффективно, чем их русские коллеги. Они то и дело теряли Рейли из виду, несмотря на то, что начинали следить за ним сразу же после того, как он выходил из дома (он жил по адресу Райдер-стрит, 22). Агенты, например, жаловались в «контору», что Рейли обычно передвигался по городу на такси, а им удавалось не всякий раз «поймать» следующую машину, чтобы ехать за ним.

Первое из их донесений от 6 марта 1918 года было вообще очень коротким: «Сегодня я вел наблюдение на Райдер-стрит, 22, с часу дня, и в 6.25 вечера вышеупомянутый [Рейли] вернулся на такси, номер H6533. Он не появлялся до 8 вечера, когда наблюдение было прекращено». 7 марта в донесении сотрудника «наружки» сообщалось: «...Я вел наблюдение на Райдер-стрит, 22, начиная с 9 утра. Вышеупомянутый [Рейли] вышел в 13.25, сел в такси на улице Сент-Джеймс и уехал в направлении к Пэлл-Мэлл*. Пока я следил за этим такси, А. Л. В. [другой сотрудник «наружки». — Е. М.] подошел к другому такси, которое стояло на обочине.

Водитель сообщил А. Л. В., что его машина была двухцилиндровая, а та, на которой уехал Рейли, была четырехцилиндровая, поэтому догонять его не имело смысла. Мы продолжили наблюдение на Райдер-стрит, 22; Рейли вернулся в 3.40 дня и не появлялся до 8.15 вечера, когда наблюдение было прекращено».

Эта ситуация повторялась каждый раз — если Рейли несколько часов по вечерам не выходил из дома, слежка за ним попросту прекращалась. Вариант, что он может отправиться куда-нибудь по каким-то таинственным делам поздно вечером или ночью, филеры почему-то не рассматривали. Или приказа следить за Рейли ночью не получали?

* Улица в Лондоне, где расположены многие престижные клубы.

«Вместе с А. Л. В., — докладывал сотрудник «наружки» 8 марта, — я вел наблюдение на Райдер-стрит, 22, с 9 утра. Вышеупомянутый [Рейли] вышел из дома в 1.50 и пошел по улице Сент-Джеймс к Пикадилли. Перед Белингтон-хаус Рейли сел в такси с номером L. F. 4653 и послышалось, что он сказал водителю ехать к отелю “Савой”. Так как свободных такси не было, мы поехали туда на автобусе.

Прибыв в отель “Савой”, мы не смогли найти Рейли ни в одном из общественных мест, поэтому мы вернулись на Райдер-стрит, 22. Вышеупомянутый [Рейли] вернулся в 4.35 и, так как он не вышел снова до 8.15 вечера, наблюдение было прекращено».

Девятого марта «наружники» сообщили кое-какие подробности о жизни Рейли в Лондоне: он живет на Райдер-стрит с 10 января, занимает большую квартиру, состоящую из «многих комнат», за которую платит 8.80 фунтов в неделю. Отзываются о нем хорошо, по счетам он платит аккуратно и регулярно, писем получает немного, и его за это время посещали лишь двое друзей — офицеров британской армии. Возможно, это были летчики, которые приехали вместе с ним из Канады.

Как правило, докладывали агенты, Рейли уходит из дома около полудня, возвращается примерно к пяти вечера, когда англичане садятся за традиционный чай — фэйф-о-клок, потом уходит в город поужинать. Ужинает обычно в отелях «Савой» (там сообщили, что он свободно говорит по-французски) или «Беркли». Около 12 ночи он уже дома и вскоре ложится спать.

...По большому счету, слежка за Рейли ничего существенного не дала, и никакой важной информации контрразведка о нем не узнала. Главное же — наблюдение никак не повлияло на его устройство в разведку. 15 марта Рейли попросили явиться на собеседование к «Си» — Каммингу — последнюю формальную процедуру перед зачислением кандидата в штат Секретной службы.

Шеф принял решение. Время не ждало. Рейли должен был как можно скорее отправиться в Россию, где события развивались с калейдоскопической скоростью.

Роберт Брюс Локкарт и другие

В рождественскую ночь 1917 года в британском посольстве в Петрограде состоялся праздничный вечер. На нем присутствовали более ста его служащих и членов военных

миссий. Посол Джордж Бьюкенен вспоминал: «Мы начали с концерта и разного рода дивертисментов, организованных полковником Торинхиллом, а закончили обедом. Несмотря на крайнюю скудность припасов, мой повар изготовил нам самое пышное угощение».

Как потом оказалось, это было последнее торжество в истории посольства Великобритании в Северной столице России. «Дух расставания» англичан с городом на Неве уже витал в воздухе.

...Мирные переговоры, которые советское правительство начало с немцами в Брест-Литовске, то срывались, то возобновлялись снова. 23 февраля 1918 года в Петрограде были получены очередные — самые тяжелые — немецкие условия мира — Россия должна была признать независимость Украины, вывести войска с Украины и из Финляндии, немедленно демобилизовать армию, отвести свой флот в Черном и Балтийском морях и в Северном Ледовитом океане в российские порты и разоружить его. России предстояло выплатить шесть миллиардов марок репараций и еще убытки, понесенные Германией в ходе русской революции, — 500 миллионов золотых рублей. Кроме того, советское правительство должно было прекратить революционную пропаганду в Германии, на территории ее союзников и новых государств, образованных на российских территориях.

В «советском лагере» вокруг вопроса о заключении мира шла ожесточенная борьба. Но Ленину удалось убедить своих товарищей и 3 марта советская делегация подписала в Белом дворце Брестской крепости мирный договор. Формально Россия потеряла территорию площадью 780 тысяч км² с населением 56 миллионов человек.

...Германская угроза Петрограду заставила иностранных дипломатов подумать о своей безопасности. Они решили эвакуироваться в более безопасное место. Обсуждались несколько вариантов. Во-первых, в Москву. Но для пропуска дипломатов в Златоглавую большевики требовали от них вручения верительных грамот, что фактически означало признание Советов. К тому же и само советское правительство переехало в Москву 11 марта 1918 года, официально объявив ее столицей. Переезд туда и дипломатического корпуса при отказе официально признать новый режим выглядел бы странно и двусмысленно. Второй вариант состоял в отъезде из России вообще — через Финляндию. Но это был далеко не самый безопасный путь. Он проходил

бы слишком близко от территорий, оккупированных немцами. И, наконец, третий вариант — эвакуация вглубь России. Подальше от немцев и революционной неразберихи.

Дуайен дипломатического корпуса, американский посол Дэвид Фрэнсис выступал за третий вариант. Он заявил, что он едет в Вологду. Когда же посла спросили, что он предпримет, если и в Вологде все же будет небезопасно, он заявил, что поедет в Вятку, а если понадобится, то в Пермь, в Иркутск, в Читу, наконец, во Владивосток, где будет защищен американским флотом. Его поддержали большинство дипломатов. 28 февраля в город прибыли сотрудники американского, английского, французского, сербского, бельгийского, сиамского, итальянского посольств, бразильского консульства, английского вице-консульства, японской, китайской и шведско-датской миссий.

«Вологодское сидение» иностранного дипломатического корпуса продолжалось до 24 июля. Тогда дипломаты отправились в Архангельск, где вскоре высадились американские, британские и французские войска.

Пока дипломаты обустроивались в Вологде, главными поставщиками информации из России стали совсем другие люди. Они имели странный полуофициальный статус или вообще работали «на грани легальности».

Кроме сбора информации, перед ними стояли и другие задачи. Они должны были, во-первых, попытаться убедить советских руководителей прервать сотрудничество с немцами, во-вторых, вступить в контакт с теми, кто готовил свержение советской власти.

Поскольку Великобритания не признало правительство Ульянова (Ленина), а посол Бьюкенен покинул Россию «по состоянию здоровья», полуофициальным английским представителем и главой такой же полуофициальной миссии в Москве предложили стать Роберту Гамильтону Брюсу Локкарту (отцу одного из первых биографов Рейли Робина Брюса Локкарта). Он прибыл в Россию в январе 1918 года.

К этому времени Локкарт, которому уже перевалило за 30, успел пожить жизнью, полной приключений и интриг. Он хотел поступить на гражданскую службу в Индии, но дядя уговорил его отправиться работать управляющим на каучуковые плантации на Малайский архипелаг — он говорил, что там племянника ждет возможность быстро разбогатеть.

Локкарт уехал в Малаю, путешествовал там по ночным джунглям и учился преодолевать страх. «Это было хорошей

подготовкой для большевистской России», — вспоминал он. В свободное время Локкарт играл в футбол, читал и, как он писал в мемуарах, поэтому-то и избежал увлечения «восточной троицей — опиумом, пьянством и женщинами». Впрочем, не совсем избежал — Локкарт завел роман с племянницей султана, и это стало одной из его причин отъезда из Малайи. Второй была болезнь — желтая лихорадка.

Вернувшись в Англию, Локкарт поступил на консульскую службу в МИД. Вскоре он получил назначение на должность британского вице-консула в Москву, куда прибыл в январе 1912 года. В России ему понравилось. Он изучал русский язык, писал корреспонденции в британские газеты, завел широкий круг знакомых — от известных писателей до купцов. Он посещал торжественные приемы и ходил в рестораны и, описывая русские обеды, замечал, что количество и названия всех подававшихся на них блюд запомнить было невозможно, а с обедами «вряд ли справился бы сам Гаргантюа». Но русские справлялись легко.

Локкарт оказался тонким и проницательным наблюдателем. Его замечания о русских нравах и обычаях похожи на афоризмы:

«Я попал в мир, где единственным богом был Маммон. Но бог рубля был легкомысленнее, щедрее и добродушнее бога долларов».

«По какому-то странному закону природы в России первенствующее положение повсюду занимают чужеземцы».

«И в Петербурге, и в Москве места, в которых происходят кутежи, расположены далеко за городом не потому, что русские хотят прикрыть свое поведение флером, а просто для того, чтобы иметь возможность проветрить на обратном пути свою голову и внутренности».

Локкарт играл в футбол за один из первых русских клубов — команду «морозовцев» из Орехово-Зуева. Она была создана при текстильной мануфактуре, которая принадлежала семье знаменитых фабрикантов Морозовых.

В 1915 году Локкарт занял пост генерального консула Великобритании в Москве. Он стал свидетелем краха царского режима и Февральской революции. Но в сентябре 1917 года его отозвали в Англию якобы в отпуск по болезни, а на самом деле из-за «неподобающего для английского дипломата» поведения — он завел очередной роман с некоей «русской еврейкой», и о нем стало известно в Лондоне. Однако после прихода к власти большевиков он снова понадобился.

Сам Локкарт считал, что «было бы безумием не войти в сношения с людьми, державшими в своих руках судьбы России». Отправившись в Россию, он, по его словам, «получил весьма неясные инструкции» и «не был облечён никакими полномочиями». «Моя задача, — писал Локкарт, — заключалась в том, чтобы завязать сношения...»

В Смольном его приняли Ленин и нарком по иностранным делам Лев Троцкий. Говорили о мире с Германией. Ленин отвечал на вопросы Локкарта с полной откровенностью. Условия мира возмутительны, но приходится на них идти. Как долго продержится мир? Этого он не может сказать. Если немцы вмешаются и захотят поставить буржуазное правительство, большевики будут бороться, даже если им придется отступить за Волгу или за Урал. Но они будут бороться своими средствами. Они не хотят быть орудием в руках союзников.

«Наш путь — не Ваш путь, — сказал Ленин. — Но мы можем временно работать рука об руку с капитализмом... До тех пор, пока будет сохраняться германская опасность, я согласен принять на себя риск сотрудничества с союзниками. Если бы немцы на нас напали, я даже принял бы помощь союзников. Но я думаю, что Ваше правительство не разделит нашу точку зрения на этот вопрос: Ваше правительство реакционно и станет на сторону русских реакционеров».

Ленин, по мнению Локкарта, среди большевиков был «полубогом», и даже такой великий организатор и человек огромного мужества, как Троцкий, «производил впечатление блохи перед слоном». Но, считал англичанин, с Троцким вполне можно работать в «антинемецком направлении». После одной из встреч с ним Локкарт записал в дневнике: «Его озлобление против Германии показалось мне вполне честным и искренним... Он оскорблен в своем достоинстве. Он полон воинственного возмущения против немцев за унижение, которому они подвергли его в Бресте. Он производит впечатление человека, который охотно умер бы, сражаясь за Россию, при том условии, однако, чтобы при его смерти присутствовала достаточно большая аудитория». К несчастью, добавлял Локкарт, он был полон озлобления и по адресу англичан. «Мы не сумели в свое время подойти должным образом к Троцкому», — сокрушался он позже.

Тогда же, в Петрограде, Локкарт познакомился с Марией Закревской-Бенкендорф, которая вскоре станет его

очередной любовницей и сыграет заметную роль в его «похождениях» в России. Мария (или Мура) вращалась в русско-английских кругах в Петрограде, хорошо знала помощника Локкарта Хикса и военно-морского атташе британского посольства Фрэнсиса Кроми. По случаю его дня рождения Мура устроила небольшой праздник. «Мы истребили большое количество блинов с икрой и водкой. Я сочинил куплеты на всех присутствующих, а Кроми произнес одну из своих самых юмористических речей. Мы пили за здоровье хозяйки и смеялись от всей души», — рассказывал об этом вечере Локкарт.

Шестнадцатого марта 1918 года Локкарт в одном вагоне с Троцким переехал в новую столицу Советской России — Москву. Кстати, он был одним из первых, кто поздравил Троцкого с новым назначением — на должность наркома по военным и морским делам.

Кроме Локкарта, который выполнял хотя и «полу», но все же частично «официальные» обязанности, англичане направляли в Советскую Россию и людей, которые должны были работать там «на грани легальности», а то и полностью нелегально. Этих разведчиков привлекли к сотрудничеству с Секретной службой во время войны, как людей, хорошо знающих Россию и, волей различных обстоятельств, связанных с ней. Все они сыграют заметные роли в событиях 1918 года и в жизни главного героя этой книги. Вот, так сказать, краткие «объективки» на некоторых из них.

Стивен Эллей.

Родился в 1876 году. На разведработе в России с 1914 года. Возглавлял британскую резидентуру в Петрограде. Майор.

Эллей родился в Подмосковье. Его отец — инженер-путеец — тогда работал в России. Эллей учился в русской гимназии, потом изучал английскую литературу в Лондоне и инженерное дело в университете Глазго.

В 1910 году он вернулся в Россию, где работал на строительстве нефтепровода. В Секретной службе начал служить во время Первой мировой войны и вскоре получил назначение в Петроград. Существует версия, что Стивен Эллей вместе с другими британскими разведчиками Освальдом Райнером, Гудбертом Торнхиллом и Джоном Скейлом имел отношение к убийству Григория Распутина с 17 на 18 декабря 1916 года (по старому стилю).

Работал в России до марта 1918 года.

Эрнст Бойс.

Лейтенант-коммандер, а потом и коммандер* Эрнст Бойс тоже не был кадровым разведчиком. До войны, как и Эллей, он провел некоторое время в России, работая в качестве горного инженера. В Секретную службу Бойс попал уже после начала войны. Шеф СИС Камминг описывал его как «седовласого лейтенанта, имеющего значительный опыт в области военного саботажа».

Бойс прибыл в Россию в марте 1918 года. Сменил на посту британского резидента майора Стивена Эллея.

Должен был руководить несколькими разведчиками, задача которых состояла не только в сборе разведывательной информации о большевиках и положении дел в стране вообще, но и в организации диверсий и борьбы против немцев и немецкой агентуры в России.

Джордж Хилл.

Родился в 1892 году в Казани. Имя этого британского разведчика, тоже работавшего в России, будет еще не раз упоминаться на страницах этой книги. В отличие от своих коллег, капитан Джордж Хилл оказался весьма «писучим» человеком и уже начиная с 1926 года стал издавать мемуары о своей жизни у русских. В Англии их даже сначала запретила цензура. Слишком много деталей шпионской действительности он показал в своей книге. Тем не менее его воспоминания выдержали несколько изданий и переиздаются до сих пор.

Хилл в детстве долго жил в России. Его отец, крупный английский торговец и промышленник, вообще родился в Петербурге в семье «русских англичан», владел кирпичным заводом на реке Ижора и до 1917 года проживал в Петрограде. Хилла воспитывала русская няня, которая научила его русскому языку — им он владел свободно. Он окончил колледж в Англии, стал, как и отец, коммерсантом. После начала войны попал на фронт, участвовал в боях и разведывательных операциях против немцев. Хилла, например, нелегально забрасывали в оккупированную германскими войсками Бельгию.

Затем, уже в качестве секретного агента британской политической разведки, его направили в Грецию, на Салоникский фронт. Там он учился пилотированию самолета и сотрудничал с русской контрразведкой.

* Звание ВМФ Великобритании: лейтенант-коммандер соответствует капитану 3-го, а коммандер — капитану 2-го ранга.

Летом 1917 года Хилла командировали в Россию как специалиста по боевым самолетам. Там его и застала Октябрьская революция. Хилл сумел установить хорошие отношения с большевистскими руководителями России — он не раз подчеркивал это (если не врет, конечно) в своих мемуарах. «Ленин и Троцкий, — писал он, — вот великие люди России... Ленин захватывал меня, когда говорил... Я слышал его выступление на одном из съездов. Он был великолепен. Он много бывал за границей, и многому там научился».

Главная задача Хилла (агента ИК1) состояла в том, чтобы во что бы то ни стало убедить новое русское правительство в необходимости продолжения войны с Германией. Если ради этого возникала необходимость сотрудничества с большевиками, Хилл охотно шел и на это. Он утверждал, что помогал Троцкому организовать военную разведку и авиацию Красной армии, и, при их молчаливом согласии, вел диверсионную работу против немцев на оккупированной ими Украине и против германской агентуры в Москве. Одновременно агент ИК1 собирал разведывательную информацию о том, что происходило в Советской России, и передавал ее в Лондон. Создавал он и свою собственную сеть агентов.

Фрэнсис Кроми.

Родился в 1882 году. Военный моряк, один из первых британских подводников, добровольно поступивших на службу в подводный флот. Во время Первой мировой войны командовал подводной лодкой, которая в сентябре 1915 года совершила прорыв в Балтийское море. Она действовала на Балтике против немцев в составе флотилии британских субмарин. Кроми был награжден русскими орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, орденом Святой Анны 3-й степени с мечами.

Седьмого ноября 1915 года лодка Кроми потопила германский легкий крейсер «Ундине». За это он был удостоен русским орденом Святого Георгия 4-й степени и британским орденом «За выдающиеся заслуги». Русская императорская семья пригласила его к обеду. Он был назначен командиром флотилии подводных лодок.

В мае 1917 года командер Кроми назначается исполняющим обязанности военно-морского атташе британского посольства в Петрограде.

После октября 1917-го, по условиям перемирия между Советской республикой и Германией, британские подлодки

на Балтике должны быть переданы немцам. Но Кромби отказался делать это. Под его командованием лодки перешли в Гельсингфорс, а когда немцы высадились в Финляндии, он приказал взорвать и затопить их.

В 1918 году Кромби оставался в Петрограде и занимался уже не столько дипломатической, сколько разведывательной работой. Он установил связь с несколькими контрреволюционными организациями, куда, в частности, входили и русские морские офицеры.

Среди офицеров британской разведки, направленных в Россию, вскоре оказался и Сидней Джордж Рейли.

«Вывезет 500 фунтов банкнотами и бриллианты»

Рейли прибыл в штаб-квартиру СИС 15 марта 1918 года для собеседования с шефом службы Менсфилдом Смитом-Каммингом. Это был обязательный ритуал — Камминг беседовал практически со всеми разведчиками перед отправкой на задание.

Рейли не оставил описания своего «похода» к Каммингу, но вот другие разведчики, на счастье историкам, это сделали. Штаб-квартира СИС тогда находилась в центре Лондона по адресу Уайтхолл-Коурт, 2 (сейчас это часть пятизвездочного отеля «Ройял Хорсгардс»), и занимала верхний этаж здания. Сам «Си» сидел в маленьком кабинете, который располагался в башенке, возвышающейся над домом. Майор Стивен Эллей вспоминал: «Чтобы попасть в офис Камминга, посетителю приходилось подниматься по лестнице и ждать, пока секретарь нажмет тайную кнопку, и Камминг приведет в действие систему подъемников и педалей, сдвигающую в сторону часть кирпичной стены и открывающую еще один лестничный пролет». Попасть в кабинет, по словам Эллея, можно было только через люк в полу — как на корабле или в подводной лодке.

Другой знаменитый британский разведчик Пол Дьюкс (о нем еще пойдет речь) о люке не упоминал, зато рассказывал, как его поразил вид самого кабинета. В темном помещении стояло два стола. На одном, заваленном бумагами, располагались полдюжины телефонов. Другой был заставлен моделями аэропланов, подводных лодок и различных механизмов. Здесь же стояли пробирки, какие-то склянки, перегонный аппарат, лежали чертежи и карты. Затем Дьюкс заметил и самого хозяина этого странного кабинета, сидев-

шего за столом. «Этот необычный человек не был слишком высокого роста, но отличался крепким телосложением, — вспоминал он. — У него были седые волосы и круглое лицо. Очертания губ говорили о решительном характере, а сквозь золотой монокль меня буквально пронзил острый взгляд. Плащ, который висел на спинке стула, свидетельствовал о том, что хозяин кабинета — морской офицер».

Скорее всего, в такой же обстановке и такой же атмосфере оказался и Сидней Рейли. Но, как уже говорилось, никаких подробностей их разговора до нас, к сожалению, не дошло. Известен только его результат: «Си» согласился послать Рейли в Россию с особой миссией. 15 марта 1918 года — как раз после собеседования с Рейли — Камминг в первый раз упомянул его в своем дневнике. «Майор Скейл представил мистера Рейли, который хочет ехать в Россию работать на нас, — писал «Си». — Очень умен — очень подозрителен, — был везде и делал все. Вывезет 500 фунтов банкнотами и бриллианты, пользующиеся сейчас большим спросом, на сумму 750 фунтов. Должен признаться, что дело очень рискованное, так как ему предстоит встретиться с нашими людьми в Вологде, Киеве, Москве и т. д.». Интересно, что через неделю, как опять-таки отметил Камминг в дневнике, он со своим помощником купил в ювелирном магазине бриллианты, которые должен был взять с собой в Россию Сидней Рейли.

А контрразведка тем временем все еще продолжала следить за Рейли и изучать его биографию, обнаруживая в ней все новые и новые белые пятна. В «досье Рейли» в британском Национальном архиве есть, например, переписка между МИ-5 и командованием Ирландского военного округа в Дублине. 22 марта МИ-5 направила запрос в Дублин: «О Сиднее Рейли. Мы были бы признательны, если бы Вы сообщили нам, действительно ли упомянутый человек родился в Клонмеле 24 марта 1874 года, а также предоставили бы любую информацию о его родителях. Не могли бы Вы дать ответ как можно скорее, так как дело является очень срочным». Еще бы не срочным — до отъезда Рейли в Россию оставались считанные дни, а у МИ-5 появлялось все больше сомнений: можно ли доверять секретное задание этому человеку?

Повторный запрос в Дублин МИ-5 отправила 30 марта, вежливо попросив ирландцев поторопиться с ответом, и на следующий день ответ наконец-то пришел: «На Ваши запросы... сообщаем, что, согласно полученным сведе-

ниям из полиции, документов о рождении упомянутого человека в Клонмеле не обнаружено». 3 апреля МИ-5 передала результаты своего запроса коллегам из разведки, пообещав вскоре сообщить дополнительные детали. Тем временем в Ирландии нашли человека, который мог отдаленно напоминать Сиднея Рейли. В депеше от 5 апреля, направленной в МИ-5 под грифом «Секретно!», говорилось, что в Клонмеле жил некий брандмейстер по имени Уильям Рейли. У него было пятеро сыновей. Один из них — Бернард — родился 12 марта 1874 года. О его дальнейшей судьбе, как и о судьбе его братьев ничего не известно. По некоторым данным, они все поступили на военную службу. 7 апреля эти сведения тоже были переданы в ведомство Камминга.

Но Рейли к этому времени уже приступил к выполнению секретного задания британской разведки в России. Решение о направлении Рейли на задание Камминг принял несмотря на солидное количество «компромата», которое к тому времени он уже получил на своего нового агента и который все еще продолжал поступать. Вряд ли он не понимал, что Рейли не совсем тот человек, за которого он себя выдает, и по своему происхождению он уж точно не ирландец. Можно предположить, что он уже и сам знал об этом. Например, от того же Уильяма Мелвилла, который и неформально порекомендовал ему Рейли как весьма способного агента.

Второй вариант — Камминг просто решил рискнуть. О нем ведь не зря говорили, что он любил брать на службу различных авантюристов. И «Си», судя по всему, остался доволен своим выбором. Несмотря на подозрительное отношение к Рейли со стороны контрразведчиков, в ближайшие годы он оставался на «секретной службе Его Величества» и работал весьма интенсивно.

«В марте месяце 1918 года, служа на секретной службе, я был командирован в Россию как член Великобританской комиссии для ознакомления в качестве эксперта с тогдашним положением (в то время я был в чине лейтенанта)», — вспоминал Рейли.

Осталось, впрочем, не совсем понятным — почему он предложил свою кандидатуру для поездки в Россию. Ведь именно от Рейли исходила эта инициатива. Чем он руководствовался? Мы не знаем точно, как именно отнесся Рейли к приходу к власти большевиков. Однако более поздняя его позиция отличалась крайним радикализмом — борьба с

большевизмом в любых условиях и любыми способами стала одной из главных целей его жизни. Вряд ли в 1917 году она была принципиально иной.

Но мог ли он поехать в Россию по идейным соображениям, чтобы бороться с большевиками, которых он потом называл более опасным врагом для человечества, чем Германия? Или его мотивы лежали в другой области? Может быть, он рассчитывал, выполнив сложное задание, быстро продвинуться по службе и сделать карьеру в качестве профессионального разведчика? Или были еще какие-то причины, о которых нам неизвестно? Существует, например, гипотеза о том, что в Петербурге (точнее, уже в Петрограде) Рейли оставил какие-то ценности или большую сумму денег, которые стремился любым способом вывезти за границу. Однако никаких следов этих «сокровищ» или «денег из России» в дальнейшей его биографии не заметно.

...Перед отъездом в Россию Рейли обратился к советскому представителю в Лондоне Максиму Литвинову с просьбой принять его. Статус Литвинова в Англии был «призрачным». Представитель Советской России как бы существовал, а как бы и нет. С января 1918 года он считался уполномоченным (с июня того же года — полномочным представителем) Наркомата иностранных дел Советской России в Англии. Британское правительство его полномочий не признавало, но неофициальные контакты с ним поддерживало. Для этого был даже выделен специальный чиновник Форин Оффис.

Когда в январе 1918 года в качестве такого же неофициального представителя в Россию собирался Роберт Брюс Локкарт, он перед отъездом встречался с Литвиновым в одном из лондонских ресторанов. Сам Литвинов вспоминал: «Каковы были мои отношения с английским правительством и английской общественностью? В этом отношении резко различаются два периода: до и после заключения Брестского мира. До заключения Брестского мира отношение ко мне официальной и неофициальной Англии было, учитывая время и обстоятельство, сравнительно благожелательно».

Литвинов жил в Лондоне по адресу Виктория-стрит, 82. Рейли дважды пытался с ним увидеться, но что-то никак не срасталось. 22 марта он отправил Литвинову телеграмму: «Сожалею, что не получил от Вас ответа на мою вторую телеграмму. Не могли бы Вы телеграфировать мне, когда и где я могу увидеться с Вами завтра утром, в субботу. Я также

буду ждать завтра Вашего телефонного звонка по номеру Риджент 11-32 с восьми до десяти тридцати утра».

Британская полиция, следившая за Литвиновым, перехватила эту телеграмму и направила ее копию в контрразведку МИ-5 с просьбой уточнить, о чем и о ком, собственно, может идти речь. 17 апреля, когда агент СТ1 уже был в России, там действительно уточнили (этот ответ сохранился в «досье Рейли» в британском Национальном архиве): «Меня проинформировали, — писал составитель ответа, некий майор из МИ-5, — что это тот самый Рейли, который работает в МИ1с [так тогда называлась будущая разведслужба МИ-6. — *Е. М.*]».

Рейли все же встретился с Литвиновым 23 марта. Он получил от него разрешение на въезд и пребывание в Советской России. Знал бы тогда Литвинов, кому он его выдает и чем вскоре будет заниматься Рейли в стране большевиков... Но, как бы там ни было, 25 марта 1918 года Рейли отплыл в Россию. Именно там ему предстояло приобрести ореол «суперагента», «короля шпионов» и «аса шпионажа».

В Лондоне отныне ждали донесений от агента СТ1 — таким теперь был его оперативный псевдоним.

АГЕНТ СТ1

Он прибыл в Россию только в самом конце марта 1918-го. Согласно директивам руководства, Рейли должен сойти на берег в Архангельске, а оттуда добраться на поезде до Москвы, заехав по дороге в Вологду, где обосновались иностранные послы в России. Вскоре после его отъезда из Англии Менсфилд Камминг направил в британскую миссию в Вологде телеграмму, в которой довольно ярко описал внешность Рейли и указал, что именно он везет с собой: «25 марта Сидней Джордж Рейли, лейтенант Королевского летного корпуса, выехал из Англии в Архангельск. Имеет еврейско-японскую внешность [! — *Е. М.*], карие навывкате глаза, морщинистое землистого оттенка лицо, может носить бороду, рост пять футов девять дюймов [примерно 175 см. — *Е. М.*]. Даст о себе знать в апреле. Имеет при себе шифрованное сообщение, по которому Вы установите его личность. По прибытии должен явиться к консулу и спросить, где можно найти чиновника, занимающегося оформлением паспортов. Спросите, по какому вопросу он пришел, он ответит “Покупка бриллиантов”. В его рас-

поряжении имеются бриллианты стоимостью 640 фунтов 7 шиллингов и 2 пенса как наиболее удобная валюта. Он будет полностью в Вашем распоряжении, если нужно, пусть станет членом Вашей организации, так как он должен иметь свободу передвижений. Его необходимо отправить в Стокгольм до конца июня. Ждите дальнейших распоряжений».

Забегая вперед заметим, что практически ни одна из этих директив выполнена не была. Рейли начал действовать по своему усмотрению уже с того момента, когда на горизонте показался русский берег.

С корабля он сошел не в Архангельске, а в Мурманске. Совсем недавно этот город был занят небольшими силами союзников — под предлогом того, что скопившиеся в мурманском порту военные грузы, приходившие в Россию из стран Антанты, могут теперь, после заключения большевиками мира с немцами, попасть в руки Германии*. Но в Мурманске Рейли никто не ждал. Более того, англичане его там сразу же арестовали как весьма подозрительного типа. Для установления личности Рейли военным пришлось прибегать к помощи британского резидента Секретной службы в России майора Стивена Эллея. Он как раз закончил свою командировку и направлялся в Англию, поэтому и оказался в Мурманске.

На встрече с ним Рейли предъявил шифровку Секретной службы, которая была спрятана в бутылочке с таблетками аспирина, и все вопросы к нему отпали. Его тут же освободили.

Из Мурманска Рейли отправился в Петроград, что тоже было нарушением указания Камминга. Почему он решил поступить именно так, сказать сложно. Робин Брюс Локкарт считает, что ему надо было увидеться и обсудить свою предстоящую работу с новым английским резидентом Эрнстом Бойзом, который сменил Эллея.

* Высадка союзников в Мурманске состоялась 6 марта 1918 года по соглашению с местным Советом и по прямой санкции Л. Д. Троцкого из Москвы. При этом англичане и французы обязались не вмешиваться в русские внутренние дела. Главной целью «интервенции» была защита Мурманска и Мурманской железной дороги от возможного наступления немецких войск и прогермански настроенных «белых финнов». В марте—мае 1918 года в районе Мурманска, Печенги и в Карелии прошло несколько необычных по меркам Гражданской войны в России боевых операций — в них подразделения англичан и французов вместе с красногвардейцами действовали против «белофиннов».

Эндрю Кук не исключает, что его поездка в Питер была связана с какими-то ценностями, спрятанными в бывшей русской столице. Рейли якобы рассказывал о своей коллекции ценных монет и наполеоновских реликвий, которые еще оставались в России и которые он хотел бы вывезти за границу. Но, скорее всего, это тоже из области легенд. 16 апреля Рейли направил в Лондон пространную телеграмму с описанием ситуации в России. Она была адресована Каммингу. Ее текст приводит в своей книге Эндрю Кук: «Все источники информации заставляют меня сделать вывод о том, что сегодня большевики единственная реальная власть в России. В то же время оппозиция в стране постоянно возрастает, и если ее своевременно поддержать, то она в конечном счете добьется свержения большевиков. Поэтому с нашей стороны представляется целесообразным действовать сразу в двух направлениях. Сотрудничество, во-первых, с большевиками — ради достижения ближайших практических целей, во-вторых, с оппозицией — с целью постепенного возвращения порядка и обороноспособности страны.

Нашими непосредственными задачами должны быть: защита Мурманска и Архангельска; эвакуация огромного количества металлов, боеприпасов и артиллерийских орудий из Петрограда, оккупация которого немцами — дело нескольких недель; уничтожение или приведение в полную негодность кораблей Балтийского флота, чтобы он не достался немцам; также возможная замена моратория на окончательное возвращение иностранных кредитов. Все перечисленные выше цели можно достигнуть путем прямого соглашения с большевиками. Касательно менее значительных вопросов, таких как Мурманск—Архангельск, полупризнание их правительства и более благосклонное отношение к их послам в союзных державах будет вполне достаточно».

Для выполнения этих задач он просил денег — миллион фунтов! Причем часть этой суммы, по его словам, может понадобиться безо всяких гарантий на успех и в ближайшее время. «Что касается оппозиции, то вопрос, по существу, стоит так: либо ее поддерживаем мы, либо немцы».

На намек прислать ему денег Камминг никак не отреагировал. Позже Рейли утверждал, что нашел способ достать их самому. Но его оценка положения в России кажется весьма реалистической. Не теряя времени на получение положительного ответа из Лондона, он начал действовать в соответствии со своими представлениями самостоятельно.

«Состояние кошмарного сна»

«Петроград, который прежде мог выдержать сравнение с любой столицей мира, теперь имел ветхий и разрушенный вид. Улицы были грязные, покрытые копотью и запущенные. Всюду попадались развалины домов... Магазины были закрыты... а движения на улицах не было. Город был погружен в состояние кошмарного сна, и, казалось, что нормальная жизнь города прекратила существование... Теперь в 1918 году, очереди за хлебом превратились в типичную картину. Массы людей голодали. Извозчика нельзя было достать ни за какие деньги». Это — цитата из записок Рейли, которые в 1931 году издала его последняя жена Пепита Бобадилья. Прежде, чем описывать дальнейшие приключения нашего героя, надо все-таки пояснить, откуда, собственно, они появились.

К тому времени с момента таинственного исчезновения Рейли прошло уже шесть лет, и Пепита говорила, что он оставил множество бумаг, в том числе и написанные мемуары о его участии в московских событиях 1918 года.

Она утверждала, что изданная ею книга «является правдивым и документально обоснованным рассказом о деятельности моего мужа, рассказом, который читается, как самая удивительная выдумка». Последнее действительно так — не раз высказывались сомнения в подлинности этих записок Рейли, слишком большом налете на них литературности и т. д. То же самое говорили и о воспоминаниях самой Пепиты Бобадильи, вышедших тогда же, в 1931 году, и составивших вторую часть ее книги о Рейли. Кстати, в редактировании этих двух книг принимал участие и Роберт Брюс Локкарт.

Судя по всему, в основе мемуаров Рейли, выпущенных его вдовой, все же лежали его собственные записи и рассказы. Другое дело, что потом они были обработаны литературно и, без сомнения, приукрашены. Где именно — сказать уже сложно, но, скорее всего, их сделали более «острыми», добавили экшена. Так что использовать их будем, но с оговорками.

...Приехав в Петроград, Рейли отправился на квартиру своей старой приятельницы на Торговой улице, и, пока шел, ему казалось, что прохожие оглядывали его с нескрываемым подозрением. «К своему смущению и удивлению, я обнаружил, что сильно вспотел, когда наконец достиг цели», — признавался он.

Переведа дух, он приступил к работе.

В Петрограде Рейли познакомился с Эрнстом Бойсом и Фрэнсисом Кроми. С Кроми они разработали план, о необходимости которого Рейли сообщал в своем донесении в Лондон — он касался уничтожения кораблей Балтийского флота в случае попытки его захвата немцами. Судьба этих кораблей очень беспокоила англичан — ведь захват Петрограда и военно-морской базы Кронштадт германскими войсками рассматривался в то время как весьма реальное событие.

Большевики тоже не хотели, чтобы корабли попали к немцам, да и вообще они весной 1918 года не исключали возможности сотрудничества с союзниками по Антанте — в том случае, если вдруг германские войска действительно двинутся на Петроград. Поэтому неудивительно, что британские дипломаты и разведчики поддерживали контакты с советскими руководителями. Кроми и Рейли представили свой план вывода из строя кораблей Балтфлота одному из самых высокопоставленных советских военных того времени — бывшему генерал-майору Михаилу Бонч-Бруевичу. Он был, наверное, первым царским генералом, который перешел на сторону большевиков и отличался явными анти-немецкими взглядами. В феврале 1918 года Бонч-Бруевич участвовал в организации обороны Петрограда от наступающих немцев. А в марте его назначили военным руководителем Высшего военного совета Республики (руководителем политическим вскоре стал Лев Троцкий). Родной брат Михаила Бонч-Бруевича Владимир состоял управляющим делами Совнаркома и считался ближайшим соратником Ленина. Легко понять, что любой разведчик может только мечтать о хорошем знакомом с таким положением и такими связями.

И Рейли, и Кроми не раз встречались с Бонч-Бруевичем. Сам он тоже не обошел молчанием этот любопытный эпизод своей биографии. В 1957 году, вскоре после его смерти, вышли мемуары генерала, названные по тем временам весьма ортодоксально — «Вся власть Советам!» (литературным обработчиком воспоминаний являлся, кстати, тот же Илья Кремлев, который буквально на год раньше выпустил роман «Большевики»).

«Перед тем, однако, как перейти к деятельности Высшего военного совета в Москве, — отмечал Бонч-Бруевич, — мне хочется кое-что рассказать об его кратковременном, но крайне напряженном петроградском периоде.

Не успел мой поезд прибыть в Петроград, как ко мне зачастили всякого рода представители еще недавно союзных с Россией стран... Зная о враждебном отношении к Советской России ищущих дружбы со мной иностранных атташе и сотрудников посольств, я был очень осторожен и, встречаясь с ними по службе, каждый раз докладывал на Высшем военном совете о тех разговорах, которые вынужден был вести.

Среди зачистивших ко мне иностранцев был и разоблаченный впоследствии профессиональный английский шпион Сидней Рейли, неоднократно являвшийся ко мне под видом поручика королевского саперного батальона, прикомандированного к английскому посольству».

О чем же говорил с Рейли осторожный бывший генерал? Ну, вот, например, об этом: «Ко мне Рейли явно тяготел и всячески пытался создать со мной какие-то отношения, — писал Бонч-Бруевич. — Однажды он пришел ко мне с предложением разместить наши дредноуты и некоторые другие военные корабли на Кронштадтском рейде по разработанной им схеме.

— Вы знаете, господин генерал, — сказал он, щеголяя своим произношением, лестным даже для коренного москвича или тверяка, — что к России я отношусь, как к своей второй родине. Интересы вашей страны и ее безопасность волнуют меня так же, как любого из вас. Предстоящий захват немцами Финляндии для вас не секрет. Кстати, он уже начался.

Чутье опытного и талантливого полководца, — польстил он, — подсказывает вам, что возможность германского десанта не исключена. Поэтому меня больше всего беспокоит судьба вашего Балтийского флота. Оставаться ему в Кронштадте на старых якорных стоянках нельзя, — вы это понимаете лучше меня. Вот поглядите, Михаил Дмитриевич, — бесцеремонно обращаясь ко мне по имени-отчеству, продолжал Рейли, — на всякий случай я нарисовал эту схему. Мне думается, если корабли расположить так, как это позволит рейд Кронштадта, то...

Вручив мне старательно сделанную схему с обозначением стоянки каждого броненосца и с указанием расположения других кораблей, он начал убеждать меня, что такая передислокация большей части нашей эскадры обеспечит наилучшее положение флота, если немцы, действительно, предпримут наступательные операции со стороны Финского залива».

Но Бонч-Бруевич, по его словам, заподозрил неладное. Дело в том, что еще до Рейли к нему зачастили бывшие морские офицеры. Они якобы откровенно возмущались большевиками и, «касаясь возможного захвата и уничтожения Балтийского флота немецкими морскими силами, подобно Рейли предлагали изменить расположение наиболее мощных кораблей на Кронштадтском рейде».

«Внимательно рассмотрев предложенную Рейли схему, нанесенную им для большей убедительности на штабную десятиверстку, — вспоминал Бонч-Бруевич, — я понял, что и он и навещавшие меня морские офицеры преследуют одну и ту же предательскую цель — подставить стойвшие многих миллионов рублей линкоры и крейсера под удар германских подводных лодок.

Доложив обо всем этом Высшему военному совету, я отдал распоряжение часть судов, входивших в состав Балтийского флота, ввести в Неву и, поставив в порту и в устье реки ниже Николаевского моста, то есть совсем не так, как это предлагал Рейли, сделать их недостижимыми для подводных лодок, неспособных пользоваться Морским каналом.

Несмотря на то, что план его провалился, Рейли продолжал изобретать предлоги для того, чтобы посетить мой вагон. Я перестал его принимать, а секретарям ВВС, к которым все еще наведывался подозрительный английский сапер, запретил всякие с ним разговоры. Сообщил я о сомнительном иностранце и моему брату».

Разумеется, Бонч-Бруевич изложил только ту версию своих разговоров с Рейли, которую и мог изложить в 50-х годах. Скорее всего, они действительно обсуждали возможность уничтожения кораблей Балтфлота в случае немецкого наступления. Но не мог же в 50-е годы Бонч-Бруевич написать, что вел подобные переговоры с «матерыми английскими шпионами и заговорщиками»! Да и вообще он вел себя тогда несколько двусмысленно, что мы еще удивим.

* * *

«Первый шаг, после того, как я устроился... — было восстановление контакта с некоторыми членами моей прежней петербургской компании, которые, как я полагал, могут оказаться полезными», — говорится в «Записках» Рейли. Он почти не знал о том, что с ними произошло в последние годы. Может быть, они умерли, уехали или начали работать с большевиками...

Однако одного из «своих» людей он быстро нашел. Это был Александр Грамматиков, на помощь которого он и надеялся в большей мере. И теперь, в 1918 году, Грамматиков действительно неоднократно помогал ему. Часто рискуя жизнью.

Как вспоминал Рейли, именно он познакомил его с Бонч-Бруевичем. В Петрограде Грамматиков заведовал библиотекой, а Михаил Бонч-Бруевич был страстным библиофилом. На этой почве и состоялось его знакомство с бывшим генералом. Они с Грамматиковым пришли к нему вдвоем, и друг Рейли представил его Бонч-Бруевичу — открыто, как Сиднея Рейли. Рейли объяснил, что он родился в России, очень интересуется большевизмом и победа большевиков снова привела его на родину. «Большевицкий начальник, — писал он, — немедленно снабдил нас необходимыми документами... Никто не мог быть тогда более полезен для нас, чем Бонч-Бруевич».

Вскоре у Бонч-Бруевича и Рейли появился еще один общий знакомый — высокопоставленный сотрудник Петроградской ЧК Болеслав Орлинский. На самом деле под этой фамилией в ЧК (в интересах Белого движения) работал бывший действительный статский советник, следователь по особо важным делам при штабе Западного фронта в период Первой мировой войны и талантливый русский контрразведчик Владимир Орлов. Когда-то Орлов был следователем по политическим делам, в частности, он вел следствие по одному из дел Феликса Дзержинского.

После октября 1917 года Орлов умудрился устроиться в Петроградскую ЧК под именем поляка Болеслава Орлинского и вскоре был назначен на солидную должность — председателя Центральной уголовной комиссии. Любопытно, что в качестве начальника-чекиста он встречался и с Дзержинским, который его сразу же узнал и вызвал к себе. Орлов так описывал эту встречу: «— Вы Орлов? — спокойно спросил меня самый могущественный человек Советской России. Выражение его лица при этом нисколько не изменилось.

— Да, я Орлов.

Дзержинский протянул мне руку:

— Это очень хорошо, Орлов, что вы сейчас на нашей стороне. Нам нужны такие квалифицированные юристы, как вы. Если вам когда-нибудь что-то понадобится, обращайтесь прямо ко мне в Москву. А сейчас прошу извинить меня, я очень спешу. Я только хотел убедиться, что я не ошибся. До свидания».

Работая в ЧК, Орлов передавал важные сведения как разведчикам стран Антанты, так и белым. Он смог организовать канал для переброски офицеров из Петрограда в армию Деникина. Тогда же он начал составлять картотеку на видных большевиков — с фотографиями и различным, как бы теперь сказали, компроматом.

Но как же с подобной биографией Орлов смог проникнуть в ЧК? Существует весьма интересная версия — о том, что, став военруком Высшего военного совета, его рекомендовал туда под чужой фамилией Михаил Бонч-Бруевич. Разумеется, рекомендация такого человека дорогого стоила, и «товарища Орлинского» особо проверять не стали.

А потом, возможно, Бонч-Бруевич свел своего старого знакомого Орлова с Рейли. Если так, то роль родного брата ближайшего соратника Ленина и «первого генерала, перешедшего на сторону советской власти» в событиях весны—лета 1918 года предстает в несколько другом ракурсе. Возможно, он сам играл в какую-то другую игру.

Кстати, в своей книге Бонч-Бруевич писал, что вскоре Рейли исчез из Петрограда, а в Москве «ко мне он уже не заходил, и о преступной деятельности его я узнал лишь из дела английского консула Локкарта, организовавшего вместе с лжесапером заговор против Советского правительства». Это, мягко говоря, не совсем так, а грубо выражаясь — вранье. Бонч-Бруевич в Москве не раз встречался с Рейли, и эти встречи в какой-то степени помогают понять смысл той игры, в которой, вероятно, участвовал бывший генерал вместе с Орловым и Рейли (а возможно, и с другими британскими агентами).

В каком-то смысле весной 1918 года Рейли и Орлов были коллегами. Они оба оказались во враждебном им лагере и оба выполняли разведывательную работу. Их знакомство перешло в дружбу. Не случайно Орлов называл Рейли «отличным парнем» и «моим великим другом».

* * *

В Петрограде Рейли находился больше месяца. По некоторым данным, в это время он ездил и в Одессу — на родину, но подтвержденных сведений об этом нет. Ездил Рейли и в Вологду. С этими поездками связана еще одна легенда о нем — о том, как британский агент прятал в Вологде клады. Разумеется, биография любого авантюриста без упоминаний о кладах была бы неполноценной.

В апреле 2012 года вологодские газеты сообщили, что в одном из домов, где в 1918 году жили иностранные дипломаты (а сейчас там Музей дипломатического корпуса), был действительно найден клад. Во время ремонта в стене одной из комнат дома, которая тогда использовалась как туалет, обнаружили тайник, а в них — пачку банкнот того времени. Директор музея Александр Быков тогда предположил, что эта находка может быть связана с Рейли, который несколько раз бывал в Вологде в 1918 году и сделал в городе несколько тайников, где по частям оставил немалую сумму для нужд заговора против большевиков. В доме, где сейчас располагается музей, Рейли тоже был, поскольку тогда все посольства, включая британскую миссию, какое-то время располагались здесь. Так что Рейли мог устроить тайник в туалете, который почти сто лет оставался нераскрытым. Ну и еще одна занимательная подробность этой истории. Клад состоял из банкнот царского образца, но напечатанных уже после Октябрьской революции. «Николаевские» деньги и после свержения самодержавия пользовались большой популярностью у населения и считались одним из самых «твердых» видов ходивших по России валют. Большевики были вынуждены считаться с этим, поэтому и печатали их.

Как говорил впоследствии Рейли, именно из Вологды в начале мая 1918 года он отправился в Москву, где пробыл почти до середины сентября. Это был один из самых бурных и опасных периодов его биографии. Во многом благодаря своей деятельности в советской столице весной и летом 1918 года Рейли и приобрел ореол «суперагента». Да и сам он отзывался о тех планах, которые пытался осуществить в это время, весьма пафосно: «Успех этого плана изменил бы историю мира» и «Я чуть было не стал повелителем России».

«Планов громадье», как выразился бы классик советской поэзии.

«Наглый господин» в Москве

Рейли появился в Москве 7 мая 1918 года. «Было жарко. Бульвар купался в солнечных лучах. Непонятно, как солнце могло так сиять, а мир продолжать свое прежнее существование, когда в Москве происходили такие страшные вещи. Неужели небо равнодушно? Неужели солнце не мер-

кнет, взирая на человеческие преступления?» — вспоминал он позже.

Москву в то время вполне можно было назвать «городом контрастов». «Жизнь в Москве в 1918 году была странная, — замечал в мемуарах белый офицер и эмигрант Сергей Мамонтов. — С одной стороны, ели воблу, с другой — тратили большие деньги, так как чувствовали, что все пропало. Большевицкая власть еще не вполне установилась. Никто не был уверен в завтрашнем дне».

Люди, попадавшие в Москву из уже голодного Петрограда, с удивлением замечали, что революция еще не уничтожила в старой русской столице все «пережитки проклятого прошлого», в том числе и ночную богемную жизнь, которая проходила в многочисленных кафе. «Москва все еще любила поесть, — вспоминал писатель Илья Кремлев, — на всех углах торговали давно исчезнувшими в Питере пирожными и шоколадом “Жорж Борман”, жареный гусь перекочевал из закрывшихся трактиров в артистические кафе и тайные кабачки, расплодившиеся в невероятном количестве, но его подавали уже холодным, почти миниатюрными порциями и с красной, сильно проперченной капустой...

Врубелевская мозаика на фронтоне гостиницы “Метрополь” была побита пулями и осколками трехдюймовых снарядов, у Никитских ворот чернели обгорелые руины дома Голицына, на Тверской стены многих домов были исцарапаны пулями, и эти несмываемые следы октябрьских боев подчеркивали своеобразный облик послереволюционной Москвы».

«Своеобразный облик послереволюционной Москвы» с еще весьма зыбкой новой властью дополняли различные политические, дипломатические, коммерческие, криминальные и прочие интриги, проекты, заговоры и переговоры, которые возникали как грибы после дождя и исчезали так же быстро, как будто по лесу прошла целая толпа грибников.

Московский май, июнь и июль 1918 года по понятным причинам оказались как бы в тени событий петроградского октября 1917-го. А зря. Это время было не менее важным или даже судьбоносным, как любили выражаться в советскую эпоху. Именно тогда начала окончательно вырисовываться политика советского правительства — как на внутреннем, так и внешнем фронтах. В стране разгоралась Гражданская война, и именно эти месяцы стали перелом-

ными в отношениях большевиков еще с оставшимися у них союзниками в лице левых эсеров и с бывшими союзниками России по Антанте.

Легенда гласит, что Рейли приехал в новую столицу Советской России чуть ли не в полной форме офицера британской армии. Писательница Нина Берберова описывала его так: Рейли был «высокого роста, черноволос, слегка желоват, с крупными чертами самоуверенного, несколько надменного лица... Рейли, несомненно, был человек незаурядный, и даже на фотографиях лицо его говорит об энергии и известной “магии”, которая в этом человеке кипела всю жизнь».

Свою самоуверенность и энергию Рейли продемонстрировал сразу же после приезда в Москву. Вроде бы чуть ли не с вокзала он отправился прямо в Кремль и потребовал встречи с Лениным. Он заявил, что прибыл в Россию по поручению правительства Великобритании. Как ни парадоксально, но Рейли разрешили пройти в Кремль, но встречу с Лениным все же организовывать не стали. Вместо Ленина его принял управляющий делами Совнаркома Владимир Бонч-Бруевич. Странный англичанин объяснил ему, что приехал по личному распоряжению премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойд Джорджа с целью получить сведения о целях и деятельности правительства большевиков. Рейли сказал, что в Лондоне не удовлетворены теми донесениями, которые присылает туда глава британской миссии в Москве Локкарт, поэтому ему и поставили задачу восполнить дефицит информации.

Изумленный Бонч-Бруевич не знал, как ему реагировать на столь необычное появление «посланца британского премьера», но пообещал передать все в нужные инстанции. И передал. В шесть часов вечера Локкарту позвонил заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан и, рассказав об этой удивительной встрече в Кремле, поинтересовался: кто такой этот Сидней Рейли? Он серьезный человек или нет? Или просто какой-то авантюрист? Но Локкарт ничего не смог ответить, потому что сам ничего не знал. Он уже был готов сказать, что это, очевидно, какой-то ненормальный или переодетый англичанином русский, но в последний момент сдержался и ответил, что все узнает и сообщит о результатах своего расследования позже.

Локкарт вызвал к себе главу резидентуры СИС в Москве Эрнста Бойса и спросил у него, что это все могло бы значить. К его удивлению, Бойс ответил, что знает о Сид-

нее Рейли и что этот офицер разведки действительно должен был прибыть на работу в Москву. На следующий день сам Рейли пришел на прием к Локкарту. Он рассказал, что действительно был в Кремле и говорил с Бонч-Бруевичем, а все остальное — насчет задания премьер-министра и прочее — это лишь плод его фантазии. «Я не мог прийти в себя от наглости этого господина, — вспоминал Локкарт, — передо мной был английский агент, за безопасность я в некоторой степени являлся ответственным... которого мне, может быть, придется спасать и который, если я от него не отрекусь, может меня скомпрометировать. Он был значительно старше меня, но я все же отчитал его, как школьника и пригрозил ему, что приму меры к его отъезду. Он выслушал мою филиппику, не протестуя и не моргнув глазом, и начал извиваться в извинениях, что мне, в конце концов, стало смешно. Мне удалось кое-как уладить дело, не возбуждая подозрений Карахана». Так, по словам Локкарта, он и познакомился с человеком, который потом прославился «во всем мире как образцовый английский шпион».

Вскоре Рейли познакомился и со своим коллегой Джорджем Хиллом. «Ему было дано задание выяснить обстановку в России, сложившуюся в результате прихода к власти большевиков... — рассказывал Хилл в своих мемуарах. — Это был черноволосый джентльмен, ухоженный, весьма экзотического вида, который великолепно владел английским, русским, французским и немецким языками, хотя, странное дело, на каком бы языке он ни говорил, он сохранял свой иностранный акцент». В отличие от встречи с Локкартом знакомство Рейли с Хиллом прошло успешно. Хилл отмечал, что они понравились друг другу с первой встречи и он увидел, что Рейли — человек дела, «с невероятной ясностью охватывающий ситуацию». И хотя они работали на разные организации, но быстро договорились о сотрудничестве.

* * *

Странное появление Рейли в Москве вызывает много вопросов. Зачем ему понадобился этот спектакль с попыткой встретиться с Лениным в Кремле? Стояло ли за ним что-то более серьезное, чем просто самоуверенность и блеф британского агента? Ведь он не мог не понимать: вся эта история с его походом в Кремле не может не привлечь

к нему внимания со стороны советских спецслужб, что серьезно усложнит выполнение его задания в будущем.

Самое интересное, что, получив от Локкарта разнос за «наглость» и извинившись за это, Рейли вовсе не прекратил своих попыток встретиться с кем-нибудь из руководства большевистского режима. Буквально на следующий день после встречи с Локкартом он, например, беседовал с Михаилом Бонч-Бруевичем.

Как уже говорилось, в своих мемуарах Бонч-Бруевич заявлял, что не встречался с Рейли в Москве. Но нет — они встречались неоднократно, и в первый раз — 9 мая 1918 года. Об этих встречах агент регулярно информировал Лондон. Из его отчетов становится понятно, почему потом бывший генерал предпочитал не вспоминать о беседах с Рейли — ведь его тогдашние суждения, мягко говоря, не совсем соответствовали канонической версии советской истории, которая утвердилась к 50-м годам.

В книге Эндрю Кука приводится несколько донесений Рейли в Лондон. Бонч-Бруевич весьма резко высказывался о мире с немцами. О наркоме иностранных дел Георгии Чичерине он, например, сказал, что не знает, пошел ли он на уступки немцам «из страха или потому что немцы его купили». Выступал он и за переговоры с союзниками, потому что только при их поддержке можно будет, по его мнению, противостоять Германии. Впрочем, свои взгляды на мир с немцами Бонч-Бруевич не очень-то и скрывал. 27 мая 1918 года — как раз в то время, когда он встречался с Рейли — бывший генерал отправил письмо Ленину, в котором, в частности, открыто писал о том, что существует «фактически уже установившееся германское рабство» в России. Такие резкие суждения ему прощали — Бонч-Бруевич играл важную роль в формировании новой армии, которой, в случае нового немецкого наступления, предстояло схватиться с германской армией.

В том, что Рейли встречался с Бонч-Бруевичем, не было ничего из ряда вон выходящего. До середины 1918 года большевики поддерживали довольно плотные контакты с союзными миссиями, в том числе и с миссией Локкарта. Сам Локкарт неоднократно встречался с Троцким, Чичериным, Караханом и другими советскими руководителями.

Ну а Джордж Хилл (возможно, он несколько приукрасил свою роль в этих событиях) вообще утверждал, что Троцкий сделал его «инспектором авиации» и он должен был давать наркомку по военным и морским делам советы по формиро-

ванию новых авиационных частей. Два-три раза в неделю они с Троцким устраивали дискуссии по вопросам авиации. Если верить Хиллу, он также помогал большевикам организовать наблюдение за германскими войсками на оккупированной немцами территории, службу контрразведки — для наблюдения за германскими агентами и помогал организовывать эвакуацию различного имущества из районов, находившихся вблизи оккупированных немцами территорий. Он, согласно его воспоминаниям, также организовывал диверсионные группы, которые забрасывались на Украину и на другие территории, оккупированные немцами и австро-венграми. Эти группы были организованы из русских офицеров, и сам Хилл иногда тоже ходил с ними в рейды.

Через семь лет после этих событий, уже в последние дни своей жизни, Рейли будет говорить, что, по его мнению, «советское правительство в то время вело неправильную политику, по крайней мере, по отношению к английской миссии, так как Локкарт вплоть до конца июня месяца в своих донесениях британскому правительству советовал политику соглашения с советской властью». Перелом в отношении к союзным миссиям, по мнению Рейли, начался со времени приезда в Москву германского посла Мирбаха, сопровождавшегося постоянными уступками советского правительства требованиям нового посла и германского правительства вообще.

В определенной степени Рейли был прав. Но его версия — только часть правды о том, что происходило в Москве весной—летом 1918 года. На самом деле, она была гораздо сложнее и многограннее. Как и вообще вся дипломатическая и шпионская игра, которая велась в это время.

БОЛЬШАЯ ИГРА

Посол Германии в Советской России граф Вильгельм фон Мирбах-Харфф прибыл в Москву 26 апреля. Он вручил верительные грамоты председателю ВЦИКа Якову Свердлову. Прием немецкого послу оказали холодный — несмотря на мирный договор с Германией, у большевиков накопилось к немцам много претензий. Главное — после подписания договора их войска продолжали продвигаться на Восток и фактически оккупировали Украину.

Шестнадцатого мая Мирбаха принял Ленин. Председатель Совнаркома откровенно сказал ему, что положение

советского правительства крайне сложное — против него с антинемецких позиций выступают не только контрреволюционеры, но и союзники — левые эсеры и многие анархисты. А агенты Антанты подливают масла в огонь разногласий. Обеспокоенный Мирбах сразу же сообщил об этом в Берлин.

С «агентами Антанты» у германского посла в Москве начались столкновения буквально сразу же после приезда. В своих мемуарах Роберт Брюс Локкарт рассказывает, что большевики сначала хотели реквизировать у британской миссии помещения в отеле «Националь» — более 40 комнат — и передать их германскому посольству. Но он начал протестовать, обращаться к Троцкому и Чичерину и в итоге добился того, что от англичан отстали. А немецкое посольство разместили в Денежном переулке, в бывшем особняке миллионера-сахарозаводчика Сергея Берга. Причем если немцы занимали в Денежном переулке дом под номером 5, то в доме номер 17 — в том же переулке — находилась французская миссия. В доме номер 11 — германское консульство, а доме номер 18, напротив, жил французский военно-морской атташе. Но эти «квартирные споры», конечно же, всего лишь забавный казус. Особенно по сравнению с теми грандиозными политическими, дипломатическими и шпионскими играми, которые велись в Москве весной—летом 1918 года.

Советское правительство, несмотря на мир с немцами, окончательно не хотело лишать англичан и французов надежды на то, что Россия снова может вступить с ними в войну против немцев, если вдруг отношения с Берлином осложнятся.

Вместе с тем большевики постоянно сталкивали дипломатов и агентов двух лагерей и, как отмечал все тот же Локкарт, находили в этом «детское удовольствие».

Позиция Локкарта по «русскому вопросу» весной 1918 года сводилась в том, что союзники должны помочь большевикам. И даже направить на русский фронт свои части, чтобы вместе с формирующейся Красной армией ударить по немцам. Он не раз сообщал о преимуществах такого плана в Лондон, но там его не поддерживали.

Но британский дипломат не был одинок. Почти такие же идеи высказывали работавшие в Москве руководитель американской миссии Красного Креста полковник Ричард Роббинс и атташе при французской военной миссии капитан Жак Садуль. Садуль, например, считал, что гер-

манская ориентация большевиков — это выдумка и что большевики разорвут Брестский мир при первой же возможности.

Потом, летом 1918-го Локкарт резко изменит свою позицию и поддержит интервенцию, направленную против советской власти. А Жак Садуль по-прежнему будет убежден в том, что большевикам надо помогать. «В тот день, когда союзники приняли бы это решение, они покорили бы Россию, — считал он. — Если они этого не сделают, они не сумеют сделать ничего». Что, собственно, и произошло*.

Впрочем, и союзники, и немцы действовали в Москве сразу в нескольких направлениях. И те, и другие контактировали с советскими руководителями и пытались давить и на них. И вместе с тем налаживали связи с контрреволюционным подпольем, искали среди противников большевистской власти людей, которые в случае переворота могли бы сформировать дружественное им правительство.

«Те самые круги, которые яростно поносили нас раньше, — писал Мирбах в Берлин, — теперь видят в нас если не ангелов, то, по крайней мере, полицейскую силу для их спасения». Германский посол установил, например, контакты с нелегальным «Правым центром» — блоком, в котором объединились контрреволюционеры самых разных направлений: от либеральных кадетов до крайне правых монархистов. Лидером блока был бывший главноуправляющий землеустройством и земледелием и будущий глава правительства барона Петра Врангеля в Крыму Александр Кривошеин. Впрочем, ориентировавшиеся на Антанту кадеты вышли из «Центра», но во встречах с Мирбахом их представители участвовали. Речь на этих встречах шла о возможности переворота и о том, какой режим будет установлен в России после него.

Но и представители Антанты не отставали от своих врагов-коллег. Помимо английских разведчиков в Москве действовали французы во главе с капитаном 2-го ранга Анри Вертамоном, американская миссия была связана с

* В том же 1918 году Жак Садуль (1881—1956) решил уйти с французской военной и государственной службы. Он остался в Советской России, вступил в РКП(б), работал в Коминтерне. В 1924 году вернулся во Францию, где был обвинен в дезертирстве, но оправдан по суду. Состоял во Французской компартии, в 1927 году был награжден советским орденом Красного Знамени.

так называемым «информационным бюро», которое создал американец-бизнесмен русско-греческого происхождения Ксенофонт Каламатиано. Это «бюро» собирало экономическую, политическую и военную информацию о ситуации в России и передавало ее американским дипломатам. Сам Каламатиано, впрочем, утверждал, что считает свою работу «совершенно безвредной, так как организация никакой военной, политической или противоправительственной цели не преследовала».

Однако особую активность проявляли англичане. В мае 1918 года Локкарт помог бежать из России скрывавшемуся Александру Керенскому. Весной Керенский нелегально перебрался в Москву из Петрограда, где он скрывался до этого, и установил контакты с подпольными организациями «Союз возрождения России» (в него входили представители эсеров, народных социалистов, меньшевиков, кооператоров и т. д.) и «Всероссийский Национальный центр» (состоял из представителей кадетов, умеренных октябристов, военных и т. д.). Как утверждал сам Керенский в мемуарах, он «принял предложение “Союза возрождения России” для переговоров с союзниками».

Керенскому достали паспорт на имя капитана сербской армии, возвращавшегося на родину, а Локкарт предоставил в нем британскую визу. С этими документами Керенский отправился в Мурманск и оттуда на британском военном корабле отплыл в Лондон. В Мурманск его сопровождали два человека — тоже в мундирах сербских офицеров. Причем один из них буквально сдал его с рук на руки союзникам, передав им его подлинные документы и визы. Существует легенда, что этим человеком был переодетый Сидней Рейли.

Эта версия (иногда даже указывается, что Рейли даже «организовывал бегство Керенского за границу») кочует по интернет-публикациям, газетным и журнальным статьям и даже историческим исследованиям в качестве факта, не требующего доказательств. Между тем, это далеко не так. Ни сам Рейли, ни Керенский, ни Локкарт, ни даже Пепита Бобадилья никогда не упоминали об этом эпизоде в бурной биографии английского разведчика. Нет упоминаний об этом и в известных к сегодняшнему времени архивных документах о деятельности Рейли в Москве.

Мог ли он сопровождать Керенского в Мурманск? Теоретически, конечно, мог. Но это пока больше предположение, нежели подтвержденный факт.

Весной 1918 года английская миссия и агенты британской разведки установили связь еще с одной подпольной организацией, которая готовила восстание против большевиков, разрыв с Германией и возобновление войны на стороне Антанты — «Союзом защиты Родины и Свободы», созданным Борисом Савинковым. Этот человек сыграет в жизни Рейли огромную роль, он еще часто будет возникать на страницах нашего повествования, так что скажем о нем немного подробнее.

Савинков родился в 1879 году и начинал свою революционную деятельность как социал-демократ и марксист (о чем потом старался не вспоминать). Более того — тогда он был даже противником насилия. Был сослан в Вологду, там познакомился с эсерами, бежал вместе с эсером Иваном Каляевым за границу (с ним он учился в Варшавской гимназии), и в эмиграции окончательно перековался — стал эсером и сторонником террора.

В Боевую организацию эсеров его принимал сам Евно Азеф, тогдашний ее руководитель и один из крупнейших в истории провокаторов и полицейских агентов по совместительству. Савинков организовывал громкие убийства министра внутренних дел Вячеслава Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, и, как он потом говорил, «лично провожал на смерть Егора Сазонова и Ивана Каляева» (исполнителей этих терактов).

Постепенно он вошел во вкус этих «опытов смерти». О себе он писал в стихах:

Гильотина
 Острый нож?
 Ну так что ж?
 Не боюсь я гильотины,
 Я смеюсь над палачом,
 Над его стальным ножом.
 Гильотина — жизнь моя,
 Каждый день казнят меня...

В 1906 году Савинков, находившийся на тот момент в Севастополе, где он готовил покушение на главного командира Черноморского флота вице-адмирала Григория Чухнина, был арестован и приговорен к смерти. Потом он не без рисовки вспоминал, что его больше всего занимало: «Режет ли веревка шею, больно ли задыхаться?»

Савинкову устроили побег. За границей они с Азефом разрабатывали покушение на императора Николая II. Сначала хотели разбомбить императорскую яхту с воздуха, потом потопить ее с помощью подводной лодки, но тут как раз вдруг выяснилось, что Азеф — провокатор*. Это был тяжелый удар для партии эсеров и идее террора в целом. Боевая организация от него так и не оправилась и вскоре была распущена.

Савинков взялся за литературу. Он выпустил свои «Воспоминания террориста», повесть «Конь бледный», роман «То, чего не было...». Они появлялись в печати под псевдонимом Виктор Ропшин и сделали ему имя в литературных кругах.

Во время Первой мировой войны он записался добровольцем во французскую армию, а заодно стал военным корреспондентом русских газет. В Россию он вернулся в апреле 1917 года и тут же активно включился в политическую деятельность. Поддерживал Временное правительство и Александра Керенского. Был назначен комиссаром Юго-Западного фронта. В июле стал управляющим Военным министерством (военным министром был сам Керенский) и товарищем военного министра.

Во время так называемого мятежа генерала Корнилова в августе 1917-го вел с ним переговоры от имени Керенского. Был назначен военным губернатором Петрограда. Предлагал Корнилову подчиниться Временному правительству, но потом сам подал в отставку из-за несогласия с политикой Керенского. Говорили, что в это смутное время Савинков всерьез подумывал о возможности самому стать диктатором в России, но приход к власти большевиков поставил на его раздумьях и планах жирный крест. Сразу же после октября 1917 года он начал борьбу с ними. Готовил покушение на Ленина, помогал формировать Добровольческую армию на Дону, потом перебрался в Москву, где и создал свой «Союз защиты Родины и Свободы». Ее целью было свержение Советов и возобновление войны с Германией. Савинков снова подумывал о своем будущем. В виде диктатора, разумеется. На меньшее он бы не разменивался.

* ЦК партии эсеров приговорил Азефа к смерти, однако тот сумел скрыться. Потом он жил в Берлине, где его в июне 1915 года как русского секретного агента арестовали немцы. Его освободили только в декабре 1917 года, но в тюрьме он тяжело заболел и в апреле 1918 года умер от почечной недостаточности.

...Весной 1918 года «Союз» Савинкова был, пожалуй, наиболее крупной контрреволюционной подпольной организацией в стране. Его отделения действовали в Москве, Казани, Ярославле, Рыбинске, Муроме, а число участников, по различным данным, доходило до пяти тысяч человек. «Союз» состоял из тщательно законспирированных пятерок, члены которых знали только руководителя пятерки и в случае провала не могли никого, кроме него, выдать.

Любопытные мемуары о руководителе «Союза» и своей подпольной работе в нем оставил капитан Василий Клементьев*. Он знал начальника штаба организации Савинкова полковника Александра Перхурова** и, во многом благодаря знакомству с ним, тоже вошел в штаб — ответственным за «связь между чинами штаба и лицами, желающими их видеть». Еще в апреле 1918 года, писал Клементьев, «Союз» впервые получил денежную поддержку от иностранцев — то ли от чехословаков, то ли от англичан, то ли от французов. Вскоре всем чинам назначили жалованье. Сам Клементьев получал 500 рублей в месяц. Командир полка и батареи — тоже 500, командир батальона — 400, роты — 375, взвода — 350, рядовые и командиры отделений — 300 рублей. От всех офицеров при вступлении в «Союз» требовалось выполнение только двух условий: хранить абсолютную тайну и по приказу штаба явиться на сборный пункт для вооруженного выступления.

Полковник Перхуров подсчитал, что в случае начала восстания на улицы Москвы с оружием в руках сразу же выйдут в лучшем случае 300—400 человек, и то в основном студенты и гимназисты («идейные офицеры» в организацию, возглавлявшуюся бывшим террористом, шли неохотно). Но пока его пессимизм вроде бы не находил подтверждения. Время от времени заговорщикам устраива-

* *Василий Федорович Клементьев* (1890—1981) — капитан, член штаба «Союза защиты Родины и Свободы». 30 мая 1918 года был арестован. Летом 1920 года был освобожден и мобилизован в РККА. В октябре 1920 года нелегально перешел советско-польскую границу. Жил в Польше, где продолжал сотрудничать с Савинковым, потом переехал в США.

** *Александр Петрович Перхуров* (1876—1922) — генерал-майор (1919), начальник штаба «Союза защиты Родины и Свободы». Один из руководителей восстания в Ярославле 6—22 июля 1918 года. Затем воевал у А. В. Колчака, в марте 1920 года был взят в плен. Через два года осужден и расстрелян.

лись смотры. И в назначенный час десятки бравых людей, в которых можно было легко узнать офицеров, проходили мимо определенного места на какой-нибудь улице или бульваре то в шинелях нараспашку, то с красными бантами на груди. Доказательством принадлежности к организации, своеобразным паролем, был вырезанный из картона треугольник с буквами «О. К».

Роберт Брюс Локкарт в воспоминаниях ничего не пишет о своих контактах с Савинковым в этот период, а вот Джордж Хилл оказался более откровенным. Он указывает, что тогда близко познакомился с Савинковым, который оказался «черноволосым человеком, коротконогим с пронзительными глазами, несомненно одаренным способностями к гипнозу». Хилл дискутировал с ним на тему убийств и терроризма и поинтересовался, почему против руководителей большевиков организовать покушения оказалось сложнее, чем против царских сановников. Савинков ответил, что это действительно трудно, потому что даже офицеры, проявившие отвагу на фронте, часто не хотят становиться убийцами политических врагов, а идейные противники большевиков среди революционеров вообще «хранят ненужную память о долгих годах сотрудничества с ними». Савинков даже признавался Хиллу, что он сам дважды хотел для блага России убить Керенского, но так и не мог решиться на это, и горько сожалел о своей слабости.

«Я никогда не любил Бориса Савинкова, — писал Хилл, — мое недоверие к нему было предметом частых дискуссий с Сиднеем Рейли, который слепо верил в этого человека и потратил целое состояние, чтобы помочь ему бороться с большевизмом».

Состояние он действительно потратил, только позже. Однако из этого фрагмента мемуаров Хилла не очень понятно, когда они с Рейли дискутировали о Савинкове — в Москве или уже несколько лет спустя? И знал ли Рейли Савинкова уже весной—летом 1918 года?

«Был тесно связан с организацией Савинкова и мой старый “знакомый” — Сидней Рейли», — утверждал, например, Михаил Бонч-Бруевич. В некоторых советских романах Рейли тоже имеет к заговору Савинкова прямое отношение. Или, по крайней мере, выступает в роли связного между его организацией и англичанами. В «Большевиках» Ильи Кремлева Рейли оказывается прямо в центральном штабе организации Савинкова — он находился в доме 2 по Молочному переулку и был замаскирован под

видом частной электро- и водолечебницы. Рейли появляется перед читателем в виде доктора — он одет в белый халат и докторскую шапочку — и принимает заговорщиков, приходящих под видом пациентов. Это еще не все — медицинской сестрой в лечебнице по сюжету романа работает любовница Рейли, бывшая балерина, которую он завербовал еще до революции. Он занял ей крупную сумму денег и подsunул на подпись расписку, которую она подписала не читая. А бумага оказалась обязательством сотрудничать с германской разведкой. Потом Рейли сказал ей, кем он был на самом деле, он держал ее в страхе, грозил ее убить, обращался по-скотски (балерину тошнило при воспоминаниях о близости с ним) и заставлял ее выполнять свои приказы. Она его ненавидела и несколько раз собиралась рассказать о нем чекистам, но ей для этого не хватало решимости. Такая вот очередная картинка из жизни крайне малоприятного человека и шпиона. Пожалуй, единственно правдоподобным моментом в описании характера Рейли является его страсть к вещам, связанным с Наполеоном. Но и в ее описании любовница британского разведчика видит проявление его крайне неприятной сущности: «Только однажды она обнаружила в Рейли настоящую увлеченность, он оказался ярым коллекционером, фантастически предававшимся этой своей страсти. Коллекционировал он неожиданные и малопривлекательные вещи. Страстный поклонник Бонапарта, он жадно собирал все, что было связано с обожаемым им корсиканцем. Он дрожал от нетерпения, когда разоренный революцией аристократ предлагал ему через комиссионера семейную реликвию: брошенную при позорном отступлении из Москвы запасную треуголку французского императора, его подзорную трубу, случайно сохранившуюся записку, носовой платок с витиеватой меткой под короной...» Несмотря на то, что автор и здесь нафантазировал — треуголки и подзорной трубы Наполеона у Рейли никогда не было — он действительно дрожал от нетерпения, когда видел редкие предметы, относящиеся к Наполеону. Но что в этом плохого? Далее в романе в клинику неожиданно врываются чекисты вместе с матросами, но Рейли в самый последний момент удается захлопнуть перед ними дверь на замок и бежать через антресоли...

На самом деле, о связи Рейли с «Союзом» Савинкова в 1918 году не известно ничего конкретного. Сам он утверждал, что познакомился с Борисом Викторовичем лишь год спустя в Париже. Сохранившаяся переписка между ними

показывает, что тогда они действительно еще не были в таких тесных отношениях, как позже.

...Планы «Союза» Савинкова устроить восстание в Москве не удались. Неприятности у него начались из-за случайности. В мае 1918 года медсестра одной из больниц рассказала чекистам, что под видом больного у них скрывается юнкер, который говорит, что вскоре в городе вспыхнет восстание против большевиков. ЧК отследила связи этого юнкера и 29 мая арестовали группу заговорщиков — у них были обнаружены программа «Союза», различные инструкции агентам, пароль в виде картонного треугольника с буквами «О.К.».

Чекистам удалось арестовать около ста человек, но Савинков и другие руководители «Союза» как будто растворились в воздухе. В 1918 году Савинкову повезло.

* * *

Резкое охлаждение в отношениях между большевиками и союзниками произошло в мае 1918 года по вопросу о Чехословацком корпусе.

В России к этому времени находилось около семидесяти тысяч чехов и словаков, которые дезертировали из австро-венгерской армии. Они хотели продолжать войну против немцев и австрийцев и из них в 1917 году был сформирован Чехословацкий корпус. Но поскольку советское правительство заключило с Германией и Австро-Венгрией Брестский мир, то была достигнута договоренность перебросить чехословаков во Владивосток, а оттуда французскими кораблями на Западный фронт.

Первый эшелон вышел 27 марта и месяц спустя прибыл во Владивосток. Всего насчитывалось 63 эшелона по 40 вагонов в каждом. В них ехали, по различным данным, от 50 до 60 тысяч вооруженных солдат и офицеров. Весной 1918 года эшелоны с чехословаками растянулись по всей стране до Дальнего Востока.

Многие из руководящих большевиков весьма подозрительно относились к Чехословацкому корпусу, видя в нем серьезную потенциальную угрозу советской власти. «Было ясно, что корпус надо ликвидировать или, во всяком случае, разоружить, — писал Михаил Бонч-Бруевич. — Мы, военные специалисты, входившие в ВВС, стояли на самой радикальной точке зрения и были готовы пойти на любые крайние меры, лишь бы устранить угрозу вооруженного выступления чехословаков против Советской власти.

— Утопить их в Днепре, если не будет другого выхода, — весьма недвусмысленно предлагали и я и кое-кто еще из обычно сдержанных и не очень решительных бывших генералов.

Союзники требовали скорейшего продвижения чехословаков на Восток, немцы же настаивали, что большевики сначала должны вывезти из Сибири германских и австро-венгерских военнопленных. Весной 1918 года эшелоны с ними потянулись по той же железной дороге, по которой следовали чехословаки, только в противоположном направлении — на Запад. 21 апреля Чичерин под давлением Мирбаха потребовал от Красноярского совета приостановить движение чехословаков на Восток и начать эвакуацию пленных немцев и австрийцев. Это распоряжение вызвало возмущение в Чехословацком корпусе и протесты союзных миссий в Москве.

Считается, что «искрой», которая «взорвала» наэлектризованную до предела атмосферу вокруг корпуса, стал, в общем-то, мелкий инцидент. 14 мая эшелон с чехословаками встретился на станции Челябинск с эшелоном бывших пленных венгров, который шел на Запад. Между чехословаками и венграми отношения были, мягко говоря, напряженными. Кто-то из венгров бросил в чехов камень (по другой версии — чугунную ножку от печки), который тяжело ранил чешского солдата. Чехи бросились разбираться и убили одного из венгров. На следующий день советские власти в Челябинске арестовали нескольких чехословаков.

В ответ на это чехословаки силой освободили своих товарищей, а заодно разоружили местный отряд Красной гвардии, разгромили оружейный арсенал, захватив 2800 винтовок и артиллерийскую батарею, и разогнали местный Совет. В Москве приказали немедленно разоружить всех чехословаков. 25 мая Троцкий дал телеграмму «всем совдепам по линии от Пензы до Омска», в которой говорилось: «Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожных линиях, должен быть расстрелян на месте; каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных...»

Между чехословаками и отрядами Красной гвардии начались стычки. Затем бои запылали по всей линии Транссибирской магистрали, на которой находились чешские эшелоны. Хорошо вооруженные и спаянные общей целью

чехословаки в большинстве случаев одерживали верх. 27 мая они заняли Челябинск, затем — Курган и Петропавловск, 29 мая — Канск, Нижнеудинск (ныне — Улан-Удэ) и Новониколаевск (ныне — Новосибирск) и Пензу, в начале июня — Томск и Самару. К чехословакам присоединялись и различные антибольшевистские силы. В Самаре, например, было создано новое правительство — Комуч — Комитет членов Учредительного собрания (распущенного большевиками в январе 1918 года). 23 июня в Омске возникло Временное Сибирское правительство.

В Москве тем временем кипели дипломатические битвы. Англичане и французы считали, что большевики пытаются разоружить чехословаков, выполняя указания немцев. Большевики, в свою очередь, утверждали, что союзники давно подстрекали Чехословацкий корпус к мятежу.

Четвертого июня Антанта объявила Чехословацкий корпус частью своих вооруженных сил и заявила, что будет рассматривать его разоружение как недружественный акт в отношении союзников. Локкарт, который, по его заверениям, всячески старался разрулить «чехословацкий инцидент», получил из Лондона ноту советскому правительству. Передавать ее он пошел в Наркомат иностранных дел вместе с французами и итальянцами.

«Прием был холодно-формальный, — писал Локкарт в мемуарах. — ...Большевики выслушали наши протесты молча. Они были преувеличенно вежливы. Несмотря на то что у них был повод, они не сделали никаких попыток возражения. Чичерин, более чем когда-либо похожий на мокрую крысу, смотрел на нас грустными глазами. Карахан казался совершенно сбитым с толку. Наступило тяжелое молчание. Нервы у всех были несколько натянуты, и больше всех у меня, так как совесть моя была не совсем чиста. Затем Чичерин кашлянул.

“Господа, — сказал он, — я принял к сведению все сказанное вами”.

Мы неловко пожали друг другу руки и один за другим вышли из комнаты».

В конце мая — начале июня 1918 года Большая игра большевиков с Антантой закончилась и отношения между ними стремительно покатались под откос. Тогда и Локкарт начал все больше и больше склоняться к мысли о вооруженной интервенции в Россию против большевиков. Ему казалось, что правительство Ленина окончательно встало на путь союза с Германией.

«Нехорошая квартира» и «наполеоновские планы»

Это переломное время — май, июнь и, возможно, июль 1918 года — Рейли жил и работал в Москве вполне открыто и под своим настоящим именем. До начала июня продолжались, например, его встречи с Михаилом Бонч-Бруевичем. В донесении в Лондон от 29 мая он сообщал, что они с генералом обсуждали очередные требования Германии, предъявленные советскому правительству устами графа Мирбаха: 1) проведение демаркационной линии в Донбассе, причем город Батайск оставался бы под контролем немцев; 2) перемещение кораблей Черноморского флота из Новороссийска в Севастополь (фактически в руки немцев) с обещанием вернуть их обратно после окончания войны*; 3) передача Финляндии Западного Мурмана и установление германо-финского контроля над полуостровом Рыбачий. Рейли приводил в донесении слова возмущенного Бонч-Бруевича: «Неужели союзники не понимают, что, держась в стороне, они протягивают руку Германии... если они прождут еще немного, то никакой России уже не надо будет спасать. Наш Чичерин просто подарит им ее».

В другой раз, 31 мая, они, по словам Рейли, говорили о проекте приказа к войскам и населению о мобилизации всех ресурсов и подготовке борьбы с немцами. Бонч-Бруевич, выслушав предложения Рейли, позвонил Троцкому, который их одобрил. Потом Бонч-Бруевич заявил англичанину, что «очень скоро комиссары начнут понимать, что единственное спасение правительства — это открытая война с Германией».

Все это, однако, происходило уже в самый разгар «мятежа Чехословацкого корпуса», когда отношения между союзниками и советским правительством накалялись буквально с каждым часом.

...В Москве Рейли жил в доме 3 по Шереметевскому переулку — между Воздвиженкой и Большой Никитской. Этот переулок сменил за долгое время своего существования множество названий — Никитский, Хитров, Шереме-

* Чтобы корабли не достались немцам, 18 июня 1918 года по приказу Л. Д. Троцкого большая часть Черноморской эскадры (16 кораблей, включая линкор «Свободная Россия») была затоплена в Новороссийской бухте. Девять кораблей во главе с линкором «Воля» отказались подчиниться приказу о затоплении и ушли в Севастополь, после поражения Германии они перешли к союзникам, которые, в свою очередь, передали их белым.

тевский, улица Грановского, Романов. Дом 3, или доходный дом графа Шереметева, был построен в 1895—1898 годах по проекту архитектора Александра Мейснера. До 1917 года в нем жили известные врачи, адвокаты, артисты Большого театра и ученые, ну а с 20-х годов в доме начали селиться советские руководители и военачальники. Здесь жили и Молотов, и Буденный, и Ворошилов, и Фрунзе, и маршалы Жуков, Рокоссовский, Тимошенко, Малиновский, известные ученые и конструкторы. И даже Лев Троцкий, после того как он уже оказался в опале и был выселен из Кремля, некоторое время прожил здесь. Сегодня на стенах дома буквально нет места от многочисленных мемориальных досок. Но имени Сиднея Рейли на них не увидеть — ни на мраморе, ни на граните оно не высечено. Что, собственно, и понятно — его реноме в Советском Союзе было таким, что никак не подходило для увековечивания.

Тем не менее в мае 1918 года Рейли поселился в этом доме, в квартире 85. «В Шереметевском переулке было тихо и пусто, — вспоминал он. — Я с облегчением вздохнул, свернув сюда с центральной многолюдной улицы. У дома 3 я остановился и оглянулся. В переулке никого. За мной не следили.

Я скользнул в дом и поднялся по грязной, вонючей лестнице. Во всем доме стояла мертвая тишина. Казалось, жильцы покинули здание. В действительности же в каждой из двухсот квартир этого дома ютились по несколько семей. Подойдя к двери одной из квартир, я прислушался и осторожно заглянул в пролет лестницы, прежде чем постучать. Дверь приоткрылась на полвершка, и в щель выглянул кончик носа.

— Это вы, Тамара? — спросил я.

— Господин Константин!

Звякнула упавшая цепочка, дверь раскрылась, и я проскользнул в квартиру. Дверь тихо затворилась за мной.

Здесь я был господином Константином, представителем английской разведки в Советской России».

Рейли (если, конечно, эти мемуары действительно писал он сам) несколько приукрасил «шпионскую» сторону своего заселения в Шереметевском переулке. В русском издании биографии Рейли Эндрю Кука есть любопытное примечание: согласно справке домового комитета, которая сохранилась в архиве ФСБ в «деле Локкарта», в домовых книгах жилец квартиры 85 зарегистрирован как «лейтенант Сидней Рейли», то есть под своим собственным именем.

Ну а кем же была «Тамара», открывшая дверь Рейли? Она служила в Московском Художественном театре танцовщицей. На самом деле ее звали Дагмара Карозус, по происхождению она была немкой. По одним данным, Дагмара приходилась племянницей Александра Грамматикова, и именно он попросил ее предоставить Рейли «надежное жилье». Об этом упоминает и сам Рейли в своих записках. Встречается еще версия, что Дагмара приходилась какой-то родственницей Михаилу Бонч-Бруевичу, но, скорее всего, это не так.

В рассказах о похождениях Рейли Дагмару часто называют его любовницей («Затем он переходит к любовным отношениям с актрисой МХТа Дагмарой Грамматиковой...» — писала, например, Нина Берберова в своем романе «Железная женщина»), но, видимо, их все-таки связывали только «деловые» отношения. Роман у Рейли начался с другой актрисой, которая снимала со своей подругой комнаты в той же, 85-й квартире дома 3 по Шереметевскому переулку. Ее звали Елизавета Оттен.

Елизавета родилась в 1896 году. Всегда мечтала быть актрисой. После гимназии поступила в частную школу театрального искусства мхатовцев Николая Александрова, Николая Подгорного и Николая Массалитинова («Школа трех Николаев»). С 1916 года играла во 2-й студии МХТ, в которую была преобразована «Школа трех Николаев», получая, как она потом говорила на допросах в ЧК, 250—300 рублей жалованья. Хорошо знала английский, немецкий и французский языки, была очень общительной девушкой.

Позже Елизавета вспоминала, что Рейли при знакомстве и не думал скрывать, что он англичанин, и представился ей как «офицер английской службы». Он, по ее словам, почти сразу начал за ней ухаживать, обещал устроить ее в театральную постановку в Англии. В общем, она тоже прониклась к нему симпатией. Неудивительно — агент СТИ был настоящим асом в области соблазнения женщин. Пожалуй, не хуже, чем придуманный Яном Флемингом Джеймс Бонд.

Планировал ли он уже тогда привлечь Елизавету для выполнения своих шпионских заданий? Или пошел на это потому, что у него не было другого выхода? Кто знает. Но в итоге все равно привлек. И не только ее. Женщин, с которыми он общался в Москве, Рейли не без гордости и некоторого самодовольства называл «моими самыми верными и преданными помощницами».

«Квартира в Шереметевском переулке была моим штабом», — вспоминал Рейли. Постепенно он начал создавать собственную разведывательную сеть. Рейли, как и все англичане в Москве в 1918 году, работал сразу в нескольких направлениях — поддерживал контакты с большевиками, собирал разведывательную информацию и передавал ее в Англию и, наконец, изучал возможность антибольшевистского переворота, в котором, вероятно, собирался принимать участие и сам.

Вряд ли это было его задание, полученное в Лондоне — скорее всего, личная инициатива и импровизация. Практически во всех биографиях Рейли содержатся довольно-таки ехидные пассажи в его адрес: мол, известный почитатель Наполеона и подражатель этому французскому императору, он и сам не исключал возможности в какой-то степени повторить головокружительный взлет Бонапарта. И — чем черт не шутит! — самому стать главой нового русского правительства.

Если верить опубликованным «Запискам» Рейли, то планы у него действительно были наполеоновские. Роберт Брюс Локкарт тоже признавал, что «Сидней Рейли отличался крупным размахом, невольно вызывающим мое изумление». И действительно Рейли уже составлял список будущего кабинета, который должен был приступить к работе сразу же после свержения режима большевиков. На пост военного министра, например, он намечал генерала Николая Юденича*, на пост министра внутренних дел — своего друга Александра Грамматикова, на пост министра юстиции — тоже своего друга Владимира Орлова и т. д.

Вроде бы именно тогда Рейли и произнес свои знаменитые слова: «Если артиллерийский лейтенант [Бонапарт. — *Е. М.*] смог раздуть тлеющие угли французской революции, то почему бы лейтенанту разведки не стать диктатором Москвы?» Да что там диктатором — через 13 лет после этих событий Локкарт запишет в дневнике, что иногда Рейли

* *Николай Николаевич Юденич* (1862—1933) — генерал от инфантерии (1915). Во время Первой мировой войны — начальник штаба, затем командующий Кавказской армией, в 1917 году — фронтом. В 1918 году нелегально жил в Петрограде и, возможно, встречался там с Рейли. В январе 1919 года по поддельным документам выехал в Финляндию. С июня 1919 года главнокомандующий всеми русскими сухопутными, морскими вооруженными силами против большевиков на Северо-Западном фронте. В январе 1920 года объявил о формировании армии и уехал в эмиграцию.

казалось, что он — Иисус Христос. Правда, добросовестно оговорился Локкарт, он услышал это от бывшей секретарши Рейли, а та утверждала, что он страдал каким-то странным недугом и во время обострения может страдать даже помутнением рассудка.

Но все-таки наполеоновские устремления вряд ли играли главную роль в его замыслах лета 1918 года. Не ограничиваться только разведывательной деятельностью его заставляла сильнейшая и «пламенная» ненависть к большевизму. Рейли почувствовал ее в себе сразу же после того, как Ленин и его сторонники пришли к власти, и сохранил до конца жизни. «Мы сражаемся не на той войне, — считал он. — Большевизм — гораздо худший враг, чем Германия. Это самая отвратительная болезнь, поражающая основы цивилизации. Немцы — человеческие существа, мы даже можем потерпеть от них поражение. Здесь же, в Москве, набирает силу архивраг человеческой расы».

Для него деятельность на «русском фронте» была не просто профессией. Рейли видел в ней нечто большее, что-то вроде особой миссии. И, возможно, на самом деле представлял себя кем-то вроде мессии, тем человеком, который освободит Россию от большевиков. «Было совершенно очевидно, — самоуверенно писал он, — что противники большевиков легко захватят власть, если их подстегнуть. Численностью они во много раз превосходили своих врагов*. Но у них не было вождя. Русские беспомощны, если у них нет лидера. Без вождя они дадут избивать себя, как стадо овец. Я был уверен, что террор [в смысле, режим террора и репрессий, установленный большевиками. — *Е. М.*] может быть уничтожен в течение часа и что я сам смогу совершить это. Почему бы и нет?»

Это странное сочетание авантюризма, склонности к сомнительным комбинациям, поиска личной выгоды с преданностью идее, от которой он не отступал даже в самые тяжелые моменты своей жизни, во многом, возможно, и определило его дальнейшую судьбу. Впрочем, подобных «идейных авантюристов» во время революции и Гражданской войны в России было немало и у красных, и у белых. И большинство из них закончили свою жизнь трагически.

* Через несколько месяцев Рейли изменит свою точку зрения на этот вопрос. Он будет информировать Лондон о том, что для разгрома большевиков необходима крупномасштабная военная помощь белым армиям со стороны западных стран.

...Рейли старался как можно меньше встречаться с Локкартом. Это тоже было условием его шпионской работы в Москве. Во-первых, не нужно было бросать лишнюю тень на полуофициального представителя Великобритании в Советской России, а во-вторых, по условиям конспирации, Рейли нужно было иметь автономную разведывательную сеть, чтобы в случае ее провала не пострадали агенты, с которыми работали другие разведчики. Забегая вперед отметим, что этот принцип ему все-таки не удалось соблюсти в полной мере.

Любопытно, что в своих дневниках, записи в которых он вел, что называется, «по горячим следам событий», Локкарт очень редко упоминает Рейли. Он не пишет о нем ничего существенного. Зато в написанных гораздо позже мемуарах, наоборот, очень часто. Возможно, он просто не хотел в Москве 1918 года полагаться на бумагу и записывать содержание тех разговоров, которые они вели.

Вскоре Рейли познакомился еще с одной женщиной. Ее звали Мария Фриде. Она работала надзирательницей в 5-й женской гимназии, потом сестрой милосердия в госпитале «Вдовый дом» и в отряде Красного Креста при американской миссии. Фриде была хорошо знакома с обитателями 85-й квартиры дома 3. Во всяком случае, она нередко заходила к ним в гости. Рейли в своих записках упоминал, что она одно время тоже занимала какую-то должность в Художественном театре.

Мария была значительно старше своих подруг. В 1918 году ей уже перевалило за тридцать. Стала ли она очередной любовницей Рейли? История умалчивает. Сам он признавался, что вскоре после знакомства с ней он понял, что оно может принести ему большую практическую пользу. И дело было не в Марии, а в ее старшем брате — бывшем подполковнике русской армии 34-летнем Александре Фриде, который летом 1918 года служил в Управлении начальника военных сообщений Всероссийского Главного штаба Красной армии (по другим данным — в Управлении военных сообщений Московского округа путей сообщения). Для любого разведчика такой человек, безусловно, крайне ценный источник информации.

Если верить Рейли, он откровенно рассказал Марии о своей цели пребывания в Москве (сообщил ли он ей о том, что он британский разведчик или нет — осталось загадкой). «Когда мадмуазель Фриде доверилась мне, я изложил ей свое предположение, — говорится в записках Рейли, опу-

бликованных его вдовой, — а именно, чтобы ее брат поставлял мне копии всех документов, которые проходят через его руки. Фриде приветствовала это предложение и уверила меня в том, что ее брат только и думает, как о возможности нанести удар большевизму». Последнее, по крайней мере, весьма похоже на правду. Александр Фриде к тому времени уже сотрудничал с «информационным бюро» американца Ксенофонта Каламатиано и значился в зашифрованном списке его информаторов под номером 5.

Вербовка бывшего подполковника прошла, по утверждению Рейли, легко. Он тоже заходил в «нехорошую квартиру» в Шереметевском переулке и стал для английского агента одним из его самых ценных источников информации. Да к тому же еще и помог ему в критической ситуации.

Интересное знакомство завязалось у Рейли и с заведующим автомастерскими и автомобильным складом Московского военного округа Максимом Трестером. Точнее говоря, не завязалось, а возобновилось. На самом деле, Рейли и Трестер познакомились еще в Америке в 1915 году, куда последний был командирован русским военным ведомством для приемки автомобилей для армии, поставляемых американцами. По меркам 1918 года Трестер мог считаться весьма благополучным и состоятельным человеком — он жил на даче, а в город ездил на собственном авто. Ездил на нем и его жена — Зинаида Чеснокова. Позже Чеснокова рассказывала, что Рейли весной—летом 1918 года не раз приезжал к ним на дачу. Он представлялся им американским бизнесменом, который прибыл в Россию для ведения крупного автомобильного дела. После этих встреч и бесед он иногда оставался ночевать на даче, а иногда Чеснокова «из любезности» отвозила его в Москву на автомобиле. По просьбе Рейли она всегда высаживала его на углу Пятницкой улицы, откуда он куда-то уходил уже пешком. Бывало, что Рейли попросту соскакивал с машины на ходу, сказав ей, что собирается зайти к своим знакомым.

Вероятно, в разговорах с Трестером Рейли тоже получал интересующую его информацию, но, судя по всему, он не пытался сделать из него своего агента. Трестер, по-видимому, интересовал его как владелец личной дачи и автомобиля, которые можно использовать в опасный момент (быстро скрыться или, скажем, пересидеть за городом облаву на себя), и как человек с деньгами.

Летом 1918 года Рейли попросил у Трестера в долг 15 тысяч рублей. Трестер деньги дал, но попросил Рейли не

возвращать их ему, а уплатить оставленные им в Америке долги, в частности, по зарплате прислуге. Рейли согласился, деньги взял, но так и не вернул их. Оплатил ли он потом долги Трестера в Америке — об этом ничего не известно.

В августе 1918 года Рейли, приехав, как обычно, к ним на дачу, сообщил, что так как отношения между Россией и Америкой изменились и вести коммерческое дело ему трудно, он теперь будет называть себя по фамилии жены — Массино.

Время от времени Рейли ездил в Петроград, где передавал собранные им данные капитану Кроми, а тот уже направлял их в Лондон. Почему Рейли выбрал этот способ? Скорее всего, по двум причинам. Во-первых, из Петрограда передавать информацию за границу было легче, чем из Москвы. Это происходило через соседние Финляндию или Прибалтику, границы с которыми были закрыты пока еще не слишком плотно. Во-вторых, в соответствии с полученными из Англии инструкциями Локкарт оставался как бы в стороне от того, чем занимались Рейли или Хилл, хотя, конечно, прекрасно знал об этом и поддерживал с ними связь.

Эти поездки, разумеется, были связаны с определенным риском. Владимир Орлов в своих мемуарах приводил, как он сам выражался, несколько «анекдотов» о бурных приключениях Рейли того времени. Скорее всего, Рейли сам рассказывал ему об этом и, возможно, привирал. Но тем не менее Орлов зафиксировал их для истории.

Итак, однажды Рейли ехал в поезде из Петрограда в Москву. Большевики сумели выследить английского агента и сообщили на ближайшую станцию о том, что он находится в одном из вагонов. Поезд остановили. «Все коридоры и окна были закрыты, пока матросы обыскивали каждое купе, — писал Орлов, — Рейли нигде не было. Его искали повсюду, но так и не нашли, потому что он, переодевшись в форму одного из матросов, которого сбросил с поезда, был одним из самых активных участников поисков!»

Как вспоминал сам Рейли, со временем он понял, что ему нужно как-то обезопасить свои передвижения между Москвой и Петроградом. В этом, по его словам, ему очень помог Александр Фриде. Он по просьбе Рейли раздобыл для него постоянный пропуск на проезд по железной дороге. Он же сказал, что ему следовало бы получить документы на имя сотрудника какой-нибудь важной советской организации, и посоветовал обратиться по этому вопросу к тому

же Владимиру Орлову. Даже написал ему от своего имени рекомендательное письмо.

Сразу же после очередного приезда в Петроград Рейли направился прямо в Петроградскую ЧК и разыскал там «товарища Орлинского», то есть Орлова. Орлов выписал ему подлинный мандат на имя «уполномоченного ВЧК Сиднея Георгиевича Рейлинского». Разумеется, с подобным документом он мог чувствовать себя гораздо увереннее. «Одно время, — вспоминал Рейли, — я был комиссаром по перевозке запасных автомобильных частей во время эвакуации Петрограда, что мне давало возможность свободно двигаться между Москвой и Петроградом, даже в комиссарском вагоне».

* * *

Выводы Рейли о том, что власть большевиков опирается лишь на меньшинство и террор чекистов и что русским контрреволюционерам, которых во много раз больше, не хватает только вождя, чтобы совершить переворот и привести к власти новое правительство, которое тут же объявит войну Германии, разделяли далеко не все. Прежде всего Роберт Брюс Локкарт. Он не без основания считал, что подобные донесения подталкивают Великобританию к принятию решения о военной интервенции в Россию. Сам Локкарт был ее противником настолько долго, насколько мог позволить себе в своем положении полуофициального представителя правительства Его Величества.

Более того, Локкарт был уверен, что та ситуация в России, которая описывалась в разведывательных донесениях из Москвы, далеко не всегда соответствовала истинному положению дел. Вину за это он возлагал непосредственно на разведчиков. «Покупка информации толкает к ее придумыванию, — писал он. — Но даже выдуманные сведения менее опасны, чем честные доклады людей несомненно храбрых и одаренных лингвистическими способностями, но не умеющих формировать надежное политическое суждение». Здесь Локкарт весьма прозрачно намекал на Рейли.

В своих донесениях в Лондон он пытался доказать, что подобная оценка ничем не оправдана и что все обстоит куда как серьезнее. Симпатий к большевикам Локкарт не питал, но понимал, что «большевизм, независимо от его пропаганды мира и его фанатичной экономической про-

граммы, одухотворен идей и не является просто восстанием черни, руководимым германскими агентами». «Если каждый, — писал он, — кто понимал, что здесь нарождается нечто даже большее, чем во Французской революции, заслуживает эпитета “красный”, в таком случае я был красным».

Надо сказать, что позиция «товарища Рейлинского» в это время оказалась ближе руководству британского Форин Оффис, нежели доводы Локкарта. К ним отнеслись холодно, и жену Локкарта, которая находилась в Лондоне, предупредили — если ее муж не угомонится, его карьера может закончиться.

«Мне следовало выйти в отставку и вернуться домой», — вспоминал Локкарт. Но он этого не сделал. Среди главных причин он называл личные обстоятельства (хотел остаться в России из-за своей любовницы Марии Закревской-Бенкендорф) и желание все-таки способствовать успеху британской политики в России, даже несмотря на то, что совсем недавно он был с ней не согласен. Локкарт перешел в лагерь сторонников интервенции, но продолжал надеяться, что в Лондоне учтут его опыт и знание русской действительности. «До самого конца, — отмечал Локкарт в мемуарах, — я продолжал твердить, что без отправки крупных воинских сил со стороны союзников все предприятие обречено на неудачу... Я проповедовал глухим».

Вскоре Локкарта известили: британское правительство приняло решение о начале интервенции. Но еще до ее начала вокруг союзных миссий в Москве начали сгущаться тучи. «Чем больше становились надвигавшиеся на них опасности, тем энергичнее затягивали большевики поводья», — констатировал Локкарт.

Это объяснялось еще и тем, что по Москве начали ходить слухи о том, что кто-то скоро должен убить графа Мирбаха — немецкого посла.

«Одним ударом раскрыть все нити заговора»

«Средний обыватель был в полной уверенности, что именно [посол Германии] Мирбах контролирует пролетарский режим. Любые жалобы на действия Кремля адресовались только ему, и даже монархисты всех мастей искали защиты у Мирбаха» — так описывал свои ощущения от обстановки в Москве перед своим отъездом из России Александр Керенский.

«Все антисоветские части русского общества считали, что большевики продались немцам, и люди, не бывшие германофилами, стали сторонниками Антанты исключительно из-за ненависти к большевикам», — подтверждал и Джордж Хилл.

Весь июнь в Москве действительно ходили слухи о возможном покушении на Мирбаха. Глава ВЧК Феликс Дзержинский вспоминал, что немцы были очень встревожены. Они даже передавали в ВЧК и Наркоминдел данные о подготовке заговора против посла, а заодно и против советской власти, и даже предоставили список адресов, где можно было задержать заговорщиков. Как говорил Дзержинский, немцы предлагали «одним ударом раскрыть все нити этого заговора».

Чекисты произвели обыски по указанным немцами адресам (для тех, кто считал, что большевики действуют по указке Мирбаха, это был еще один аргумент в пользу подобных подозрений). На Петровке в доме 19, в квартире 35 взяли какого-то подозрительного типа. Да еще англичанина — преподавателя английского языка по фамилии Уайбер. У этого самого Уайбера обнаружили «шесть листов шифрованных». Один из этих листов отослали немцам, и они вернули текст уже расшифрованным, а также прислали и ключ шифра. Но тут Дзержинского начали тревожить смутные сомнения. Он встретился с представителями посольства и поинтересовался, откуда вообще у немцев появились сведения о заговоре против них, но ничего конкретного не добился. В итоге Дзержинский пришел к выводу, что «кто-то шантажирует и нас, и германское посольство и что, может быть, гр. Уайбер — жертва этого шантажа».

Кем был этот таинственный «кто-то», существовал ли он на самом деле, или всю эту историю придумали сами немцы — похоже, никто так никогда и не узнал. Но одного из своих осведомителей немцы все же Дзержинскому представили. Это был некий кинематографист Владимир Иосифович Гинч. Он рассказал, что убийство графа Мирбаха готовит подпольная организация «Союз союзников», членом которой он состоит. «Союз» якобы связан с дипломатическими представителями Антанты в Советской России, его целью является свержение режима большевиков и возобновление войны с Германией.

Надо отдать «железному Феликсу» должное — он быстро понял, что Гинч не более чем банальная «подстава» со стороны немцев, которые хотят, чтобы большевики покрепче

прижали союзников в Москве. «После свидания с этим господином, — сделал вывод Дзержинский, — у меня больше не было сомнений, для меня факт шантажа был очевиден».

При этом он, конечно, вовсе не исключал, что спецслужбы союзников на самом деле могут готовить покушение на германского посла. Действительно, желающих свести счеты с Мирбахом тогда было хоть отбавляй, и большевики прекрасно знали об этом. Убийство посла грозило войной с Германией, которой они по-прежнему очень опасались. Лозунг «Война — это смерть Советской власти!» летом 1918 года по-прежнему оставался актуальным. Тем более что в стране уже разгоралась и другая война — Гражданская.

Неудивительно, что в число первых подозреваемых в подготовке покушения на Мирбаха попали дипломатические миссии союзников и связанные с ними агенты. И не случайно и Локкарт, и Джордж Хилл, и Рейли чуть ли не в один голос заявляли, что уже в июне работать им стало гораздо труднее и что большевики постепенно обкладывали их со всех сторон. «Наше положение уже в июне и июле стало становиться все невыносимее», — подчеркивал Локкарт.

Время от времени приходится встречать публикации, в которых утверждается, что Рейли по приказу из Лондона действительно готовил убийство Мирбаха. И что вроде бы исполнителями теракта должны были стать некие русские офицеры, завербованные им.

Согласно этой версии, с немецким послом в Москве собирались покончить почти так же, как в 1914 году в Сараеве с эрцгерцогом Францем Фердинандом: заговорщики должны были отследить выезд Мирбаха из посольства, по его пути стояли бы метальщики с бомбами, а если бы взорвать посла не удалось, его планировалось расстрелять из револьверов.

Но откуда «растут ноги» подобных утверждений — непонятно. Сам Рейли никогда не вспоминал о том, что готовил покушение на Мирбаха, и никакие документы, связанные с ним, за прошедшие сто лет на поверхность не всплывали. Да и вообще — подготовка покушения на Мирбаха вряд ли тогда входила в круг обязанностей и интересов Рейли. Он занимался другими делами — работой и борьбой непосредственно против большевиков. Если уж кто-то из англичан и мог готовить устранение германского посла в Советской России, то это был Джордж Хилл, который возглавлял в Москве как раз антинемецкую линию.

Но и Хилл в своих мемуарах (их, напомним, критиковали за то, что автор вроде бы приукрашивает свои заслуги)

не упомянул об этой операции. Хотя вполне мог бы похвастаться своим участием в ней — литературные способности у Хилла имелись и другие свои операции против немцев он описывал в подробностях. Подробно он описал, как германские агенты пытались убить его самого — ему под ноги бросили бомбу, но она не взорвалась, затем шпион некоторое время преследовал убегающего Хилла с пистолетом в руках, но он спрятался за дверью какого-то ангара, и когда в него вбежал немецкий шпион, швырнул ему в голову кирпич. Шпион упал без чувств, а Хилл в качестве трофея отобрал у него пистолет Маузера в деревянной кобуре, который всегда хотел иметь.

Факт остается фактом: спецслужбы союзников не смогли (не успели или не хотели) устроить покушение на жизнь немецкого посла. Это сделали совершенно другие люди.

* * *

Несмотря на то что в марте 1918 года, после заключения Брестского договора, левые эсеры вышли из состава Совнаркома и критиковали большевиков за «мир с империалистами», рвать с ними окончательно они не собирались.

Вопрос о Брестском договоре и необходимости ради спасения революции следовать условиям «похабного», по определению Ленина, мира с Германией был тогда одним из самых больных. Некоторые «левые коммунисты» рассматривали возможность создания оппозиционной Ленину коммунистической партии. Но левые эсеры были не меньшими, чем их друзья-соперники большевики, ревнителями мировой революции. Ждать они не хотели и стремились «подтолкнуть» ее развитие.

Проходивший 17—25 апреля 1918 года II съезд партии левых эсеров одобрил применение «интернационального» или «центрального» террора против «империалистических лидеров». В числе потенциальных «объектов» значились, к примеру, кайзер Вильгельм II, гетман Украины Павел Скоропадский, посол Германии в РСФСР граф Вильгельм фон Мирбах, главнокомандующий группой армий «Киев» и глава оккупационной администрации занятых германскими войсками областей Украины генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн. В списке значились также президент США Вудро Вильсон, премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж, премьер-министр Франции Жорж Клемансо.

Особую ненависть у них вызывал «германский империализм» в связи с ситуацией на Украине. После подписания Брестского мира там фактически установилась немецкая диктатура, которую не могли прикрыть марионеточные украинские режимы. К тому же противников ленинской политики передышки в войне с Германией терзала еще одна мысль — им казалось, что большевики ради самосохранения попросту предали украинских революционеров. Да и не только их.

Одним из главных врагов России левые эсеры, как и контрреволюционеры, считали Мирбаха. Он, по их мнению, «дирижировал политикой большевиков, а они «плясали под дудку германского посла». Центральный орган левых эсеров газета «Знамя Труда» призывала: «Долой Брестскую петлю, удушающую русскую революцию!», «Да здравствует беспощадная борьба трудящихся с акулами международного империализма!», «На помощь восставшим против своих угнетателей крестьянам и рабочим Украины!», «Да здравствует международная социалистическая рабочая и крестьянская революция!»

Кроме Брестского мира, между большевиками и левыми эсерами углублялись и другие противоречия — по крестьянскому вопросу (левые эсеры выступали против начинавшейся политики продразверстки и «наступления на кулачество», обвиняя большевиков в том, что на самом деле они наступали на «трудовое крестьянство»), по вопросу введения смертной казни (левые эсеры выступали против), случаев «красного террора» и т. д.

Генеральное сражение между ними должно было развернуться на V Всероссийском съезде Советов. 2 июля костромская газета левых эсеров «Пламя борьбы» писала, что победа их партии на съезде станет «величайшей победой революционного русского народа».

«Опера-буфф»

V съезд Советов начал свою работу 4 июля 1918 года в Большом театре. На нем присутствовали 1164 делегата, в том числе 733 большевика и 353 левых эсера. В воздухе плавали густые клубы дыма — запрещать курение тогда еще никому не приходило в голову. Правую сторону зала занимали большевики, левую — левые эсеры. На сцене восседал президиум во главе с председателем ВЦИКа Яковом Свердловым.

Две ложи заполнили дипломаты. В одной находились члены союзнических миссий, а в другой — представители германского, турецкого и болгарского посольств.

Уже в первый день работы съезда в Большом театре оказался и Сидней Рейли. Потом следователи ВЧК и Ревтрибунала будут допытываться — как он смог очутиться там? — но так и не смогут ответить на этот вопрос. Сам же Рейли в своих записках утверждал, что попал на съезд благодаря знакомству с Михаилом Бонч-Бруевичем. Именно он якобы и устроил ему пропуск в Большой театр. Рейли то появлялся в театре, то исчезал, то приходил снова.

С самого начала в атмосфере съезда чувствовалось приближение грозы. Левые эсеры резко критиковали политику правительства большевиков, обличали Брестский мир, комитеты бедноты, введение смертной казни. Критиковали они и проект Конституции РСФСР, которую съезд должен был принять.

Троцкий предложил принять резолюцию, в соответствии с которой все красноармейские части предполагалось очистить от «провокаторов и наемников империализма», и прежде всего от тех, кто провоцирует столкновения с немцами. Левые эсеры в знак протеста решили покинуть заседание. Большевики проводили их аплодисментами и насмешливыми возгласами.

На следующий день они вернулись на съезд. Обе стороны применили «сверхтяжелую артиллерию». Сначала Свердлов в своей речи доказывал, что Россия слишком слаба, чтобы вести войну с немцами. Затем ехидно прошелся по выступлениям левых эсеров против смертной казни. «В то же время они работают с большевиками в чрезвычайных комиссиях, — говорил он. — Один из членов их партии — зампред московской ЧК, который привел в исполнение много смертных приговоров без суда. Следует ли это понимать так, что левые социалисты-революционеры против смертной казни по суду и за нее, когда нет суда?»

Потом поднялась лидер левых эсеров Мария Спиридонова. Поначалу говорила монотонно, но постепенно перешла почти на крик. Обвиняла большевиков в том, что по отношению к крестьянству их партия «начинает становиться на путь гибельной политики» и что эта политика «убьет у крестьян любовь к советской власти». «Началась диктатура теории, диктатура отдельных лиц, влюбленных в свою теорию, в свою схему, в свои книжки!» — кричала она, обращаясь к появившемуся в президиуме Ленину. Большевики

устроили ей обструкцию, кто-то громко и грязно выругался в ее адрес. Когда в некоторых местах дело уже шло к потасовке, к краю сцены вышел Ленин.

Ленина тоже встретили криками и насмешками. Но он заговорил спокойно, будто на лекции в университете, и зал постепенно затих. Ленин холодно анализировал унижительность, но необходимость Брестского мира, продовольственной диктатуры и смертной казни во время революции. Снисходительно, но и язвительно несколько раз отозвался о партии левых эсеров и ее лидерах: «Те социалисты, которые уходят в такую минуту... те — враги народа, губят революцию и поддерживают насилие, те — друзья капиталистов! Война им, и война беспощадная!»

В конце речи, вспоминал Локкарт, зал разразился овациями, в которых участвовали не одни большевики.

Впрочем, вскоре обстановка вновь накалилась. Левый эсер Камков, выступая, повернулся к ложе, где сидел Мирбах, и кричал, что «диктатура пролетариата превратилась в диктатуру Мирбаха». Из других источников известно, что делегаты грозили Мирбаху кулаками, показывали неприличные жесты и кричали: «Долой Мирбаха! Долой немецких мясников!» Интересно, что во время речи Камкова в дипломатической ложе союзников бурно аплодировал один офицер из французской контрразведки.

Мирбах сидел невозмутимо, не вынув даже монокля из глаза, и читал газету.

Вечером того же дня немцы совершили роковой для графа Мирбаха поступок — они уговорили его больше не появляться на съезде. Впрочем, аргументы об угрозах покушения на его жизнь не подействовали. Посол согласился не посещать съезд на следующий день только после того, как ему сказали, что он, как первый представитель Германской империи, не имеет права подвергать себя подобного рода оскорблениям. А ведь если бы Мирбах поехал на съезд 6 июля, все могло бы пойти совсем по-другому...

* * *

Уже вечером 4 июля в ЦК партии левых эсеров было принято решение совершить теракт против Мирбаха. Они надеялись таким образом сорвать «унизительный для революционеров и предательский Брестский договор» и начать вооруженную борьбу против германского и вообще международного империализма. Исполнение теракта получили

18-летнему Якову Блюмкину. Он служил в ВЧК, занимался борьбой с немецким шпионажем и хорошо знал расположение всех помещений в посольстве Германии.

Шестого июля заседание съезда было назначено на 14.00. Однако оно никак не начиналось. Зал был полон, но места в президиуме пустовали. Никого не было ни в немецкой ложе, ни в ложе союзников.

Около 16.00 в своей ложе появился Локкарт. Он так описывал обстановку в зале: «День был душный, и в театре было жарко, как в бане. Партер был почти полон делегатами, но на сцене оставалось много пустых мест. Не было ни Троцкого, ни Радека. К пяти часам исчезла большая часть большевиков — членов ЦИКа. Ложа, отведенная представителям центральных держав, пустовала».

В шесть часов вечера в дипломатическую ложу к Локкарту вошел Сидней Рейли и рассказал, что на улицах началась стрельба. Он же сообщил, что Большой театр оцеплен войсками, а все входы и выходы из него блокированы вооруженными часовыми. Что именно происходило в Москве, Рейли не знал.

Рейли и еще один французский агент на всякий случай начали проверять содержимое своих карманов и рвать в клочья различные бумаги. Их обрывки они рассовывали под обивку кресел, а некоторые, наиболее опасные, по словам Локкарта, даже глотали.

В полной неизвестности они сидели у себя в ложе примерно до семи часов вечера. Потом вдруг появился известный большевик Карл Радек — тогда он был членом коллегии Наркомата иностранных дел — и объявил дипломатам, что они свободны, и рассказал о том, что произошло.

Выяснилось, что примерно в 15.30 в здании посольства Германии в Денежном переулке был убит германский посол граф Мирбах. Личности убийц даже не пришлось устанавливать — явившись в посольство, они сами отрекомендовались немцам и предъявили им удостоверение ВЧК за подписью Дзержинского. Ими оказались сотрудники ВЧК левые эсеры Яков Блюмкин и Николай Андреев. После покушения, во время которого Блюмкин был ранен в ногу, они скрылись в расположении Боевого отряда ВЧК под командованием левого эсера Дмитрия Попова.

Ленин лично ездил в посольство Германии приносить извинения, а Дзержинский отправился в отряд Попова арестовывать Блюмкина и Андреева. Но в итоге там арестова-

ли его самого. Там же, в особняке отряда Попова в Трехсвятительском переулке, оказались и члены ЦК партии левых эсеров. Они заявили, что Мирбах убит по постановлению ЦК их партии и что всю ответственность за этот акт руководство левых эсеров берет на себя.

Но, арестовав Дзержинского, левые эсеры начали долго обсуждать, что им делать дальше. ЦК партии чего-то ждал. После шести часов вечера Спиридонова в сопровождении группы матросов отправилась в Большой театр, на съезд. Левые эсеры надеялись, что убийство Мирбаха сможет переломить настроение делегатов и «линия революции» «выправится» мирным путем.

Спиридонову в Большой театр пропустили беспрепятственно. Но там-то она и узнала, что вся левоэсеровская фракция уже арестована большевиками. Отряд латышских стрелков окружил здание театра.

К этому времени левые эсеры в зале уже наверняка знали об убийстве Мирбаха, но Спиридонова, как говорится, расставила все точки над «і». Она сообщила, что ответственность за эту акцию берет на себя ЦК ПЛСР и что по его же решению задержан Дзержинский.

«Русский народ свободен от Мирбаха!» — провозгласила она.

...К активным действиям левые эсеры приступили только вечером. Они заняли телефон и телеграф, а также попробовали подойти к Большому театру, но были отброшены латышами. «Но этим их фантазия и ограничилась», — записал Локкарт.

Зато большевики, наоборот, действовали весьма энергично, и уже в 16.00 Совнарком объявил, что восстание в Москве ликвидировано.

«Единственным результатом этой оперы-буфф социалистов-революционеров явилось усиление большевистской фракции и партии мира, — констатировал Локкарт. — Неудача этого восстания должна была бы открыть глаза союзникам. Воля России избежать какой бы то ни было войны, против ли немцев или против союзников была, очевидно, непоколебима».

* * *

О том, что делал Рейли в дни работы съезда Советов и выступления левых эсеров, сведений мало. Но кое-какие всё же остались. И весьма любопытные.

Он никогда не упускал случая познакомиться с симпатичными барышнями. Во-первых, из-за свойства своего характера — Рейли, судя по всему, был явным дамским угодником или просто «бабником». Ну а во-вторых, он никогда не исключал возможности использовать своих подруг для дела. Влюбленные в него женщины выполняли его просьбы беспрекословно. До сих пор, впрочем, не совсем понятно, использовал он их «втемную» или они все-таки были в курсе его шпионских задач.

В Большом театре, в перерыве между заседаниями съезда, он познакомился с 25-летней машинисткой Ольгой Старжевской. Она была весьма симпатична, а кроме того, представляла весьма ценный потенциальный источник информации — Ольга работала в распорядительном отделе ВЦИКа. К тому времени она успела уже выйти замуж и развестись. В этом браке у нее родилась дочь, которая жила вместе с бывшим мужем на Кавказе.

Старжевская потом говорила, что она понятия не имеет, как Рейли попал на съезд и как он получил пропуск на вход в Большой театр. Ольга рассказывала, что он представился ей Константином Массино, «советским служащим». Через четыре месяца после начала их знакомства, 11 ноября 1918 года, когда вынужденный бежать из России Рейли как раз прибыл в Англию, она, находясь в Бутырской тюрьме, написала заявление в Общество Красного Креста помощи политическим заключенным, в котором описывала свои отношения с «женихом» Массино-Рейли, которого, как она признавалась, «очень любила и с которым решила уже вместе жить».

Рейли называл себя Константином Марковичем, хотя иногда в материалах следственного дела он фигурирует как Константин Павлович. Но не в этом дело. По словам Старжевской, она всерьез полюбила этого человека. «Во время нашего знакомства он выдавал себя за русского, и только перед тем, как скрылся, он сказал мне — кто он, — писала Старжевская. — До того момента у меня никаких сомнений не было, что он русский. Я ему верила, и любила и видела в нем человека очень честного, благородного, интересного и очень большого ума, и в душе гордилась любовью его...»

Роман между ними развивался быстро. В день знакомства он проводил ее домой и дал свой адрес. Второе свидание состоялось уже на следующий день. Потом они встречались в парках, в ресторане «Прага», у нее на квартире. Потом

Рейли предложил ей снять квартиру получше — на Малой Бронной. Перед тем как окончательно оформить сделку, он осмотрел ее и даже оставил свой паспорт — для прописки. Разумеется, фальшивый. Затем он дал ей 20 тысяч рублей. Первый «транш» составил 15 тысяч, а остальную сумму он доплатил потом, в несколько приемов. Скорее всего, часть этих средств составляли деньги, одолженные Рейли у своего старого знакомого Максима Трестера.

Любопытная деталь — по словам Старжевской, Рейли говорил, что у него есть еще и другие знакомые женщины, и обещал ее с ними познакомить. Впрочем, в подобной ситуации «многоженства» он оказывался не в первый и не в последний раз. О его «слабости по женской линии» знали и в Лондоне, и там это далеко не всем нравилось. Начальники Рейли, наверное, вполне могли бы повторить слова вожака банды из фильма «Место встречи изменить нельзя»: «Говорил я ему, говорил: кабаки и бабы доведут до цугундера!» Впрочем, в этом смысле они были бы не правы — до цугундера Рейли как раз довели не женщины.

Интервенция

«Смерть Мирбаха немедленно вызвала репрессии против нас, — заявлял Рейли в 1925 году. — Мы предвидели, что за этим последует требование немцев среди других их требований высылки всех союзных миссий. Это и случилось».

Странное на первый взгляд заявление. Казалось бы, почему немцы после убийства своего посла левыми эсерами, которые были одинаково враждебно настроены как по отношению к «германскому милитаризму», так и к «англо-французскому империализму», должны были требовать высылки миссий стран Антанты? 10 июля французский атташе капитан Жак Садуль записал: «В союзнических кругах ходят самые невероятные разговоры о требованиях Германии, выдвинутых ею после убийства Мирбаха. Она якобы потребовала немедленной высылки союзнических миссий и чуть ли не оккупации Петрограда и Москвы немецкими войсками. В частности, Москве придется мириться с присутствием целой дивизии... Я давно привык видеть, с какой величайшей легкостью самые серьезные деятели воспринимают подобные смехотворные слухи, и не придаю им большого значения».

Но в отношении закрытия союзнических миссий это могли быть не только слухи. И немцы, и советское правительство могли подозревать, что между убийством Мирбаха и союзниками есть некая связь.

Еще 6 июля, узнав о покушении на Мирбаха, Ленин написал текст телефонограммы во все райкомы РКП, районные Совдепы и всем штабам Красной армии. «Около 3-х часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха, это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших и чехословаков».

Даже потом, когда ЦК левых эсеров взял на себя всю ответственность за покушение и восстание в Москве, подозрения, что англичане и французы имели какое-то отношение к этим событиям, не исчезали. Усугублялись они и тем, что практически сразу после убийства Мирбаха началось восстание в Ярославле и Рыбинске (его готовил «Союз защиты Родины и Свободы» Бориса Савинкова)*, а через несколько дней поднял мятеж главком Восточного фронта (ключевого в тот момент фронта Советской Республики) Михаил Муравьев. Он провозгласил себя «главкомом армии, действовавшей против Германии» и телеграфировал в Совнарком и германское посольство в Москве об объявлении войны Германии. 12 июля Муравьев был убит в Симбирске во время ареста.

Все эти выступления, вне зависимости от их политической окраски, носили явный антигерманский характер. Это действительно могло выглядеть как инспирированная и скоординированная кем-то акция. Почему нельзя было допустить, что к ней имели отношение союзники? Ведь срыв Брестского мира был бы в их интересах. Наконец, не желая разрыва отношений и войны с Германией, советское руководство могло демонстративно пойти навстречу их требованиям ужесточить контроль за работой союзных миссий.

* Существует версия, что восстания в Ярославле и Рыбинске именно в это время начались не случайно. Якобы «Союз защиты Родины и Свободы» получил от англичан и французов информацию о том, что вскоре начнется высадка войск союзников на Севере. Восставшие надеялись, что их части придут к ним на помощь, после чего начнется наступление на Москву. Однако высадка началась почти на месяц позже, и к этому времени восстания были уже подавлены. «Никто не пришел, никто не поддержал», — с горечью писал Савинков позже.

«Сейчас же начались обыски в консульствах и аресты отдельных членов миссий, которые, впрочем, вскоре были освобождены, — вспоминал Рейли. — Также было издано распоряжение о запрещении союзным офицерам путешествовать». Здесь Рейли кое-что перепутал — обыски и аресты начались немного позже, в начале августа.

* * *

Второго августа 1918 года союзные войска начали высаживаться в Архангельске. Советская власть там прекратила свое существование. Вскоре было образовано «правительство» — Верховное управление Северной области во главе с одним из старейших на тот момент русских социалистов-народников Николаем Чайковским (в 1918 году ему было 67 лет, его называли «дедушкой революции»). Появление иностранных сил и антибольшевистского правительства в Архангельске привело к образованию нового фронта Гражданской войны — Северного.

За несколько дней до высадки союзников их послы из Вологды переехали в Архангельск. Таким образом, миссии стран Антанты в Москве и Петрограде оказались почти в роли заложников.

В Москве ходили слухи о грандиозной армии интервентов, которая теперь с севера начнет наступление на столицу Советской России. Говорили, что в Архангельске высадились чуть ли не сто тысяч человек, а японцы готовятся в ближайшее время послать семь дивизий в Сибирь на помощь чехословакам. Эти слухи были такими упорными, что в них вначале поверил даже Локкарт. Тем более когда заместитель наркома иностранных дел Карахан доверительно сказал ему, что для большевиков теперь все проиграно.

Однако вскоре оказалось, что дела у союзников на Севере идут совсем не блестяще. Никакими десятками тысяч солдат и офицеров там, конечно, и не пахло. Даже к концу 1918 года в Архангельской группировке насчитывалось примерно 6300 англичан, 5300 американцев, 1700 французов и около 3000 белогвардейцев. Конечно, с такими силами нечего было и думать о наступлении на Москву. Как писал Локкарт, произошло именно то, чего он опасался и против чего всегда выступал — «интервенция с безнадежно слабыми средствами явилась одной из тех полумер, которые в политике равнозначны преступлению».

Уже на следующий день после высадки сотрудники ВЧК окружили и обыскали английскую и французскую миссии в Москве и арестовали многих их сотрудников. Локкарта и французского генерального консула Фернана Гренара, впрочем, не тронули. У Локкарта потребовали освободить помещения в отеле «Националь» — они были переданы профсоюзам. В ответ на обыски англичане и французы заявили, что разрывают с Советской Россией дипломатические отношения и требуют свободного выезда. Чичерин против этого не возражал, но сказал, что в Архангельск дипломатов они все равно не выпустят, а других путей в Европу нет — на Западе его перекрывают немцы. Если только через Афганистан или Персию, но вряд ли эта дорога устроит их. Так что придется им задержаться в Москве.

Разведчики оказались еще в более тяжелых условиях, чем дипломаты. Теперь они могли с полным правом рассматриваться советскими властями как шпионы враждебных государств — с соответствующими последствиями. Джордж Хилл вспоминал, что накануне интервенции они обсудили ситуацию и решили, что он и Рейли останутся в России после предполагаемого отъезда союзных миссий на нелегальном положении. При этом Рейли должен был по-прежнему вести разведку против большевиков и заниматься «активными мероприятиями», то есть борьбой с ними, а Хилл продолжил бы организовывать диверсионные акции против немцев на Украине и отвечать за работу курьерской службы — агентов, доставляющих сведения «за линию фронта».

Рейли в своих записках высказывает немного другую версию этой договоренности. Из нее вытекает, что он должен был остаться в Москве «главным»: «Было принято решение, что капитал Хилл останется в Москве, чтобы помогать мне в разведывательной работе. Никто не мог пожелать себе более храброго и более преданного помощника. Кроме того, американский агент Каламатиано и французский Вертамон должны были скрываться в городе. Мне, как агенту британской разведки в Москве, предложили встретиться с ними и договориться относительно нашего дальнейшего сотрудничества».

Хилл был уверен в том, что его арестуют одним из первых. Узнав по своим каналам, что приказ о его аресте действительно подписан, он не стал долго ждать и быстро покинул свой номер в отеле «Унион». Все вещи он оставил на месте, даже «трофейный» «Маузер», которым очень дорожил. С собой он захватил лишь шпагу-трость. На другой

конспиративной квартире он сжег в печке свою английскую одежду, надел косоворотку, кепку и поношенные сапоги. Вскоре один из его людей принес ему паспорт на имя некоего прибалтийского немца, торговца Георга Бергмана.

Таким образом, Джордж Хилл исчез, а Георг Бергман поселился в небольшом домике в Замоскворечье вместе со своей секретаршей и ее подругами — англичанками по рождению, но русскими по воспитанию*. Еще несколько дней Хилл просидел дома, отращивая бороду, которая оказалась ярко-рыжей, неаккуратной и, по его словам, «рождала ощущение ничтожности».

Перед тем как проделать с собой все эти шпионские трансформации, Хилл еще успел позвонить Рейли и описать ему ситуацию. Вероятно, сказал он, Рейли теперь тоже могут арестовать, поэтому он советует ему перейти на нелегальное положение.

Так это было или не совсем так, но именно тогда Рейли тоже окончательно ушел в подполье. «С этого момента и начинается моя активная борьба с сов. властью, выразившаяся главным образом в военной и политической разведке, а также изысканий тех активных элементов, которые могли бы быть использованы в борьбе с сов. правительством», — вспоминал он.

Другими словами, получается, что Рейли пытался организовать переворот с целью свержения большевиков. Во всяком случае, сам он признавал это. И так же утверждали чекисты. Но что же было на самом деле?

«ЗАГОВОР ПОСЛОВ»

О том, что происходило дальше, известно, в основном, из материалов так называемого «дела Локкарта», которое в советской истории получило еще название «заговора послов». «Заговор» был раскрыт ВЧК, и, согласно официальной советской версии, его готовили Роберт Брюс Локкарт, посол Франции Жозеф Нуланс и посол США Дэвид Роулэнд Фрэнсис и другие иностранные представители в Советской России. Цель заговора состояла в том, чтобы за-

* Интересно, что в переводе с английского на русский «Хилл» означает «холм», а «Бергман» — с немецкого на русский — «горец», «человек гор». Специально ли Хилл так переименовал свою фамилию или это было просто совпадение?

хватить Кремль, арестовать Ленина и других большевистских руководителей, совершить военный переворот, занять Вологду и открыть дорогу иностранным интервентам, высадившимся в Архангельске, на Москву. Сидней Рейли вроде бы играл в заговоре ключевую роль — он должен был организовать операцию по захвату Кремля и аресту Ленина. Именно Рейли, по версии чекистов, возглавлял боевое крыло заговорщиков.

Впрочем, до сих пор продолжают споры: в какой степени заговор на самом деле готовился противниками большевиков, а в какой был инспирирован ВЧК с целью проникнуть в планы контрреволюционных организаций, связанных с иностранцами, а потом, после покушения на Ленина 30 августа 1918 года, использован как один из поводов для развязывания «красного террора»?

Да и других вопросов немало. Например: действовал ли Рейли самостоятельно или взаимодействовал с Локкартом? Одобряло ли идею переворота и ареста Ленина британское правительство? В общем, туман вокруг «заговора послов» окончательно не рассеялся и сегодня, через сто с лишним лет. Но тем не менее...

«В Москве я немедленно приступил к заговору по свержению режима террора, — говорится в записках Рейли, изданных позже его вдовой. — При этом я должен был действовать весьма осторожно. ЧК имела своих осведомителей везде. Исходя из этого, схема организации была составлена по системе “пятерок”. Каждый участник заговора знал только еще четверых членов ячейки. Я сам находился вверху пирамиды и знал единомышленников не лично, а лишь опосредованно... Таким образом, если бы одно из звеньев было разоблачено, остальные риску провала не подвергались и раскрытие заговора коснулось бы только узкого круга лиц».

Уже в этом рассказе много неясного. Когда Рейли начал создавать свои «пятерки» — сразу после появления в Москве или после того, как был вынужден уйти в подполье? Кто входил в эти ячейки? Сколько их было? И вообще — существовали ли они на самом деле или Рейли, так сказать, приукрасил свою деятельность в Москве?

В августе 1918 года Рейли находился уже на нелегальном положении. Он отпустил бороду и одевался в стиле «а-ля рюс» — кепка, сапоги, косоворотка, подпоясанная ремешком. Джордж Хилл, с которым они конспиративно встретились в одном из московских парков, ехидно сказал,

что Рейли похож на «противного черта». Тот ответил в том смысле, что и Хилл выглядит не лучше.

Как утверждает Хилл, они встречались почти ежедневно, обменивались во время этих встреч новостями, а Рейли посвятил его в детали своего плана по свержению большевиков. Но любопытно, что о никаких «пятерках» Рейли Хилл ничего не упомянул. Хотя, по его словам, тот поделился с ними самыми мельчайшими подробностями замысла, и «если бы с Рейли случилось что-нибудь, я бы смог довести его задачу до конца». Но оба разведчика надеялись на то, что «первую скрипку» в перевороте сыграют вовсе не боевики-подпольщики, а совсем другие люди.

* * *

Если предположить, что Рейли еще с июня—июля начал заниматься разработкой плана по свержению советской власти, то, следовательно, его работа в этом направлении шла параллельно с операцией ВЧК по внедрению в организации контрреволюционеров. Она началась тоже в июне. Ну а в августе 1918 года эти две операции пересеклись, и заключительная фаза заговора развивалась уже, судя по всему, под наблюдением чекистов, которые в определенный момент нанесли по заговорщикам удар.

«Его план, — писал Хилл о Рейли, — был смелым и далеко идущим и предусматривал ни больше ни меньше как арест всего большевистского руководства, включая Ленина и Троцкого руками их латышской охраны. Успех этого плана изменил бы историю мира до такой степени, какой мы не можем даже представить». Вполне возможно, что и так, но, как видно, главной ударной силой переворота, по замыслу Рейли, должны были стать не русские контрреволюционеры, а латыши. Но почему же именно они?

Национальные латышские батальоны воевали в составе русской армии в 1915—1916 годах в Курляндии, Лифляндии, под Ригой. В 1916 году была сформирована Латышская стрелковая дивизия. Ее части мужественно сражались в сентябре под Ригой и в декабре того же года под Митавой (в так называемых «Рождественских боях»). Большинство из латышских стрелков поддержали Октябрь. По решению собственного руководящего органа — Исполкома Комитета латышских стрелков их части снимались с фронта и отправлялись в Петроград «для защиты революции». Постепенно именно латыши стали играть роль своего рода «преториан-

ской гвардии» большевиков. Они участвовали в разгоне Учредительного собрания в январе 1918 года, обеспечивали переезд советского правительства в Москву, охраняли Кремль и Большой театр во время проведения V съезда Советов, подавляли выступление левых эсеров 6 июля 1918 года и восстания в Ярославле, Муроме, Рыбинске. К осени 1918 года в Красной армии их насчитывалось 25 тысяч, а в целом на стороне красных воевало, по различным оценкам, 70—80 тысяч латышских стрелков. Это было самое крупное «национальное меньшинство» в Красной армии.

Латышская советская стрелковая дивизия была образована 13 апреля 1918 года приказом Совнаркома, ее командиром стал Иоаким Вацетис.

После Гражданской войны латышские стрелки оставили о себе противоречивую память. С одной стороны — многих из них канонизировали как «преданных борцов и героев революции», наиболее надежных и храбрых красных бойцов. С другой — о них ходили слухи как о хладнокровных убийцах и палачах русского населения, особенно крестьян. Была в ходу такая поговорка: «Советская власть держится на еврейских мозгах, латышских штыках и русских дураках!»

«Ленин, — писал Джордж Хилл, — ...превратил латышей в спинной хребет большевиков и “построил” на них свое могущество... Они хорошо питались, размещались в прекрасных казармах. Все было сделано для того, чтобы они были довольны своей судьбой».

Все это так, но это лишь одна сторона правды. Была и другая. Далеко не все латыши поддержали большевиков. «Белые латыши» (около 10 тысяч человек) сражались в армии Колчака. А в Москве и Петрограде они участвовали в работе различных подпольных организаций. Самую крупную из них возглавил командир 1-го Латышского стрелкового полка полковник Фридрих Бредис (Бреде), георгиевский кавалер. Она вступила в контакт с «Союзом защиты Родины и Свободы» Бориса Савинкова, а Бредис даже занял в штабе «Союза» должность начальника разведки, контрразведки и ответственного за пропаганду в советских латышских частях. Судя по всему, у Бредиса была связь и с французскими разведчиками в Москве.

Положение в Латышской дивизии и возможная контрреволюционная пропаганда в ее рядах очень волновали большевиков. В 1918 году латыши действительно охраняли главные советские объекты в Москве. Достаточно им было всего лишь повернуть штыки, и переворот, о кото-

ром мечтал Рейли, стал бы реальностью. А для того чтобы распропагандировать их, можно было прибегнуть к самой элементарной схеме: ваша родина под немецкой оккупацией — большевики, заключив мир с немцами, предали интересы России, но и предали интересы Латвии, оставив ее под «немецким сапогом» — давайте свергнем большевиков, возобновим войну с немцами, освободим от них Латвию, и тогда вернетесь домой.

Было и еще одно важное обстоятельство. Многие латыши в то время занимали ответственные посты в партийных и советских органах, а также в ВЧК, где они вообще составляли около половины сотрудников. Как бы они повели себя в случае восстания их земляков в Москве? Наверняка заговорщики задавались и этим вопросом.

Шестого июля левые эсеры попытались подбить латышей на восстание против большевиков. Тогда, правда, Латышская дивизия осталась верной большевикам и сыграла ключевую роль в подавлении левоэсеровского выступления. Но советские руководители прекрасно понимали, что эта попытка перетянуть латышей на свою сторону может быть далеко не последней. И оказались правы — весь так называемый «заговор послов» основывался как раз на предполагаемой измене красных латышских стрелков большевикам.

«Агент английского посла»

В сентябре 1920 года бывший зампред ВЧК Яков Петерс* (тоже, кстати, латыш), а теперь член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и полномочный представитель ВЧК в Туркестане, подготовил объемный доклад о «заговоре послов». В архиве ФСБ он сохранился под названием «Работа т. Петерса об истории возникновения дела Локкарта».

Как полагают редакторы издания «Архив ВЧК. Сборник документов», вышедшего в Москве в 2007 году, доклад Петерса готовился для «Красной книги ВЧК», два тома которой вышли, соответственно, в 1920 и 1922 годах. В них были помещены материалы по таким крупным делам, которым приходилось заниматься чекистам, как раскрытие заговора

* Яков Христофорович Петерс (1886—1938) служил в органах госбезопасности до 1930 года, затем в органах партийного контроля. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и расстрелян.

«Союза защиты Родины и Свободы» Бориса Савинкова, убийство германского посла Мирбаха и восстания левых эсеров в Москве, взрыв анархистами здания Московского комитета РКП(б) в сентябре 1919 года и т. д. Но вот материалы по «делу Локкарта» в «Красную книгу» по какой-то причине не вошли.

В своей работе Петерс изложил историю начала «дела Локкарта» и раскрытия «заговора послов» в том виде, в которой она стала на 45 последующих лет официальной советской версией.

Петерс утверждал, что «дело» возникло случайно. «В деле Локкарта, — писал он, — не коммунист, но честный командир одной из частей молодой Красной армии тов. Берзин, получивши предложение от агента английского посла Локкарта Шмитхена [в некоторых источниках встречается написание Шмидхен. — *Е. М.*] изменить своему долгу красного командира, с возмущением отвернулся от этого предложения и пришел сообщить о нем мне, как заместителю председателя ВЧК...»

По словам Петерса, в десятых числах августа 1918 года к нему на квартиру пришел «командир первой тяжелой Латышской артиллерийской дивизии» Берзин* и заявил, что агенты английской миссии обратились к нему с предложением, чтобы он, оставаясь на занимаемом им посту, использовал свое положение для службы англичанам, а заданием для него «ставили содействие свержению Советской власти и оккупации Москвы английскими войсками и установлению военной диктатуры».

Посоветовавшись с Дзержинским, Петерс предложил Берзину не отклонять предложение англичан, «быть с ними в сношениях и обо всем осведомлять ВЧК». Так чекисты начали игру, которая, в конце концов, и закончилась разоблачением всего «заговора послов».

Однако из версии Петерса не очень понятны несколько весьма важных деталей. Кто такой «агент английского по-

* На самом деле Эдуард Берзин (Берзиньш) в 1918 году командовал артиллерийским дивизионом Латышской стрелковой дивизии. С 1920 года он — сотрудник ВЧК, с 1929-го — начальник исправительно-трудовых лагерей, руководитель строительства целлюлозно-бумажного комбината на Урале, в котором использовался труд заключенных. С 1931 года — директор треста «Дальстрой». В 1937 году арестован по обвинению в создании «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации» и в 1938 году расстрелян.

сла Шмитхен»? Какова была его связь с Локкартом? Был ли он до своего обращения к Берзину знаком с Рейли? Наконец, когда и как этот самый Шмитхен вышел на Берзина? Наконец, после того, как заговор был раскрыт, и Шмитхен куда-то исчез. К ответственности он не привлекался и на судебном процессе по делу заговорщиков не был.

Петерс прекрасно знал ответы на все эти вопросы, но сознательно умолчал о них и вообще ни словом не упомянул о первой части операции ВЧК, которая, собственно, и привела Шмитхена к Локкарту. И не случайно — она тогда считалась совершенно секретной. Дело в том, что «агент английского посла Локкарта» Шмитхен тоже являлся сотрудником ВЧК и еще с июля участвовал в «заговоре» по личному приказу Дзержинского и Петерса. И, кстати, не только он один.

Новые сведения о деталях, скрытых в работе Петерса, начали появляться только в 60-х годах. Тогда вышли статьи, а потом и книга полковника КГБ Владимира Кравченко, который в то время работал начальником пресс-бюро этого ведомства. Она называлась «Под именем Шмитхена». Из книги следовало, что летом 1918 года Дзержинский и Петерс поручили нескольким чекистам проникнуть в одну из контрреволюционных организаций. Для этого двое чекистов отправились в Петроград. Это были Ян Буйкис и Ян Спрогис (тоже латыши!). Буйкис и действовал под псевдонимом Шмитхен или Шмидхен.

Спустя еще 35 лет после выхода этой книги генерал-лейтенант ФСБ и историк Александр Зданович высказал версию о том, что группа, в которую должны были проникнуть чекисты, тоже состояла из латышей (белых) и была связана с британским военно-морским атташе, командером Фрэнсисом Кромми*. Она готовилась взорвать корабли

* А. Зданович считает, что на самом деле в Петроград ездили Ян Спрогис, который и действовал под псевдонимом Шмитхена, и секретный агент ВЧК, известный рижский аристократ по фамилии Энгельгардт, которому Петерс передал рекомендательное письмо Бредиса к Кромми. Что касается Буйкиса, то, по мнению Здановича, его «назначили Шмидхеном» уже в 20-е годы, задним числом. Причины для этого могли состоять в том, что Спрогис к тому времени пропал без вести на фронте, а кроме того, потому, что он успел поссориться с Петерсом, отказавшись, в частности, выступить на процессе по «делу Локкарта» в качестве обвиняемого, несмотря на требования зампреда ВЧК. Тем более что адвокаты подсудимых недоумевали, почему некий Шмидхен не привлекается к ответственности, и использовали этот факт в обращении во ВЦИК с просьбой смягчить приговор осужденным.

Балтийского флота в том случае, если немцы вдруг попытаются захватить их. Выход на эту группу мог дать чекистам Фридрих Бредис, арестованный ВЧК 23 июля и расстрелянный в ночь с 27 на 28 августа.

Почему он сделал это? Зданович полагает, что Петерс мог сыграть на его национальных чувствах и подбросить ему идею о спасении соотечественников, оказавшихся в России и волей-неволей выступивших на стороне красных. Этот план якобы состоял в том, что Кроми должен сообщить командованию интервентов в Архангельске о том, что латыши больше не желают воевать за Ленина. Затем латышские стрелки сдались бы англичанам на фронте. После победы над Германией Антанта признала бы независимость Латвии и латышские стрелки свободно бы отправились на родину.

Таким образом, от Бредиса чекисты и узнали, что Кроми связан контрреволюционным подпольем, и решили внедриться в его доверие. Буйкис и Спрогис (или Спрогис и Энгельгардт) выехали в Петроград. В книге Кравченко рассказывалось, что в Петрограде они проводили время в латышском клубе, флиртовали с официантками, танцевали, вообще весело проводили время, а заодно завязывали различные полезные знакомства. В том числе и с военными моряками. А затем, через морских офицеров, уже вышли на капитана Кроми.

Но, возможно, все было и гораздо проще. Если у чекистов имелось рекомендательное письмо Бредиса к Кроми, то вряд ли им нужна была вся эта прелюдия с танцами и музыкой. Они могли просто обратиться к нему самому. По версии Кравченко, на то, чтобы познакомиться с Кроми, у них ушло почти два месяца, однако если поверить в то, что «путь» к нему указал арестованный 23 июля Бредис, то все произошло в течение одной-двух недель.

Первая встреча Кроми с чекистами состоялась в гостинице «Французская». Он же познакомил их и с «господином Константином» — то есть Сиднеем Рейли, который тогда тоже находился в Петрограде. После различных проверок, переговоров и встреч Кроми передал им закрытый пакет с рекомендательным письмом к Роберту Брюсу Локкарту. Вскоре чекисты выехали обратно в Москву, причем, как они рассказывали, Рейли старался не упускать их из виду и контролировал, чтобы письмо Кроми не попало в чужие руки.

В Москве Шмидхен и его спутник сразу же отправились

к Петерсу. Они не исключали, что английские агенты могут следить за ними, поэтому пошли с вокзала пешком, через тихие переулки и подворотни. Идти пришлось довольно долго — путь от Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала до Лубянки неблизкий. Тем не менее в тот же день письмо Кроми к Локкарту уже читали в ВЧК.

Как считает Александр Зданович, тогда же на Лубянке возникла идея скорректировать прежний план и нанести основной удар по главе британской миссии и другим иностранцам, выставив их в виде организаторов и спонсоров контрреволюции в России. Действительно: успешное выполнение этого плана имело бы огромное политическое и пропагандистское значение.

Чекисты решили продолжать игру.

«Поднять восстание в Москве»

Первая встреча Шмидхена с Локкартом состоялась в начале августа в здании английской миссии в Москве. Это произошло, вероятно, буквально накануне начала высадки союзников в Архангельске, так как сразу же после начала интервенции, 5 августа, британская и французская миссии были закрыты большевиками. Устроил эту встречу, судя по всему, Рейли.

Что происходило на встречах латышей с Локкартом и другими иностранцами, можно судить по нескольким источникам. Причем каждый из них описывал их по-своему.

Версия Петерса

По официальной версии ВЧК, Локкарт, заинтересовавшись знакомством, попросил латышей познакомить его с каким-нибудь командиром Латышской дивизии. Именно тогда и состоялся «выход» Берзина. Петерс утверждал, что после того, как Берзин с согласия руководства ВЧК принял предложение «агента Шмидхена» о сотрудничестве с англичанами, последний сообщил ему, что «сам английский посол хочет иметь с ним свидание для политического разговора».

Встреча состоялась 14 августа на квартире Локкарта в Хлебном переулке. Локкарт интересовался настроением в латышских частях и спрашивал, можно ли рассчитывать на них при перевороте. «Он указывал, — писал Петерс, — что надо работать в том направлении, чтобы латышские стрел-

Cyrus Terian

Одесса. *Конец XIX — начало XX в.*

Зигмунд Розеблум. 80-е гг. XIX в.

Зигмунд Розенблум. 1897—1899 гг.

Начальник Особого отдела
Скотленд-Ярда
Уильям Мелвилл.
Человек, который,
возможно, впервые
завербовал Сиднея Рейли

Объявление в порт-артурской газете «Новый край». 4 (17) января 1902 г.

Порт-Артур. *Начало XX в.*

Торжественное открытие I Всероссийского праздника воздухоплавания на Комендантском аэродроме в Санкт-Петербурге. 8 сентября 1910 г.

Аэроплан над Комендантским аэродромом. Сентябрь 1910 г.

Великий князь
Александр
Михайлович
беседует
с Сиднеем Рейли
(справа)
на первом
Всероссийском
празднике
воздухоплавания.
Сентябрь 1910 г.

Сидней Рейли
на трибуне
аэродрома
на Комендантском
поле.
Сентябрь 1910 г.

Сидней Рейли (Райль) (в центре) с группой русских авиаторов – участников Международной воздухоплавательной выставки.
Фото из журнала «Искры» (№ 20. 1911 г.)

Сидней Рейли (в центре) с авиаторами на аэродроме. 1911 г.

Экслибрис Сиднея Рейли
на каталоге Ю. Иверсена
«Медали, выбитые
в царствование Александра II»

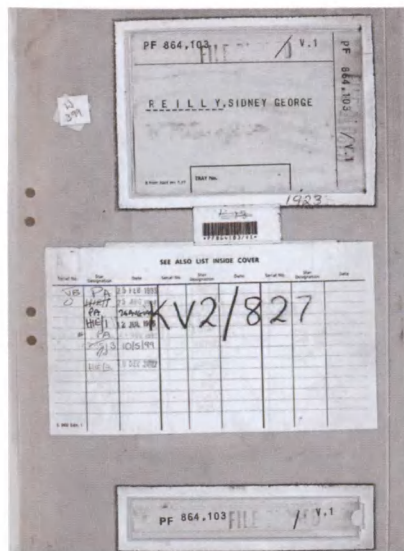
Сэр Мэнсфилд Смит-Камминг,
первый руководитель
британской разведки МИ-6

Здание Уайтхолл-Корт в Лондоне, где находилась штаб-квартира британской разведки

Заметка Рейли в американской газете «Бруклин дейли игл» от 29 марта 1917 года о том, что Россия нуждается в военной помощи

Обложка доось Сиднея Рейли, заведенного на него в контрразведке МИ-5

we
fear
ater
the
ill-

U. S. Could Present Old Jorgensen Rifles to That Country.

Editor Brooklyn Daily Eagle:

In view of the fast-approaching possibility of war against Germany, numerous suggestions are being made in the press and at public meetings how best America could assist the Allies in their struggle against the Central Empires.

Among the Allied Nations no country stands in such need of every form of assistance as Russia, and at no moment was this assistance so urgent as now, when the Central Empire are eagerly searching for a weak spot in the armor of the new Russian Government, with a view to converting it into a factor of possible success for themselves.

Russia's greatest need today is rifles and rifle ammunition, and the Government of the United States, which has already proved its sympathy with the new Russian Republic by being the first to recognize it, has it in its power, in the event of war, to render Russia an immediate and vital service. The United States Government owns about 300,000 old Krag Jorgensen rifles, with about 1,000 rounds of ammunition for each. These rifles have been discarded by the United States Government since the introduction of the Springfield military rifle, and are probably lying idle in the government arsenals.

The Russian Government has since the very beginning of the war always been anxious to buy these rifles, and at various times negotiations have been carried on by representatives of the Russian Government, but naturally these negotiations had to fail as long as the government of this country was obliged to maintain its strict neutrality.

By the entry of the United States into the war, this situation would be radically altered and no form of assistance could be so welcome to Russia as the cession to her of this armament.

SIDNEY G. REILLY,
Manhattan, March 24, 1917.

th
to
fe
tr)
re
th
M
dr
th
of
th
In
ci
mi
by
no
of
of
an
ar
let
na
ro
lig
mi
Hi
Ca
ly
na
Ge
Ge
mi
fr
no
ha
Ca
Al
an
po
Di
Ed

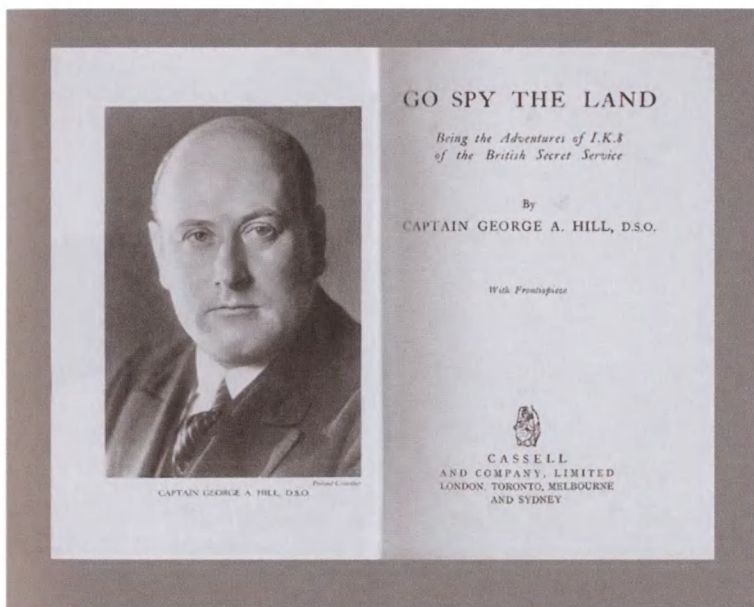
Иностранные дипломаты в Вологде. *Март 1918 г.*

Роберт Брюс Локкарт

Командер Фрэнсис Кроми,
военно-морской атташе посольства
Великобритании в России

Мемуары британского разведчика Джорджа Хилла с его портретом

Британский разведчик Пол Дьюкс во время работы в Советской России в различных «ипостасях»

Генерал Михаил Бонч-Бруевич

Председатель ВЧК Феликс Дзержинский и его заместитель Яков Петерс

Русский контрразведчик
Владимир Орлов,
он же сотрудник
Петроградской ЧК
Болеслав Орлинский

Латышские стрелки охраняют Большой театр, где проходит Пятый
Всероссийский съезд Советов. *Июль 1918 г.*

Дом 3
в Романовом переулке
Москвы (в 1918 году –
Шереметевский переулок),
в котором находилась
явочная квартира
Сиднея Рейли

Елизавета Оттен,
одна из «связных» Рейли.
Фотография 1920-х гг.

Полковник
Фридрих Бредис

Эдуард Берзинь
в Магадане.
1930-е гг.

Интервенция. Американские солдаты на улицах Архангельска. 1918 г.

Интервенция. Парад британской морской пехоты на Соборной площади Архангельска

ки восстали против советского правительства и низвергли его. При этом Локкарт сильно и неоднократно подчеркивал, что за деньгами дело не станет». Для возбуждения недовольства среди латышских стрелков он якобы рекомендовал Берзину задерживать им выдачу продуктов. В конце разговора Локкарт попросил латышей зайти к нему на следующий день, чтобы познакомить их с его французским коллегой. 15 августа они встретились снова. Локкарт познакомил Берзина с французским генеральным консулом Гренаром и «господином Константином», то есть Рейли. Гренар вроде бы пообещал латышам признать самоопределение Латвии, если они помогут союзникам в Москве. Самому Берзину Локкарт и Гренар пообещали крупный пост в независимой Латвии.

После разговора о численности и настроениях в латышских частях Локкарт и Гренар спросили, сколько нужно денег для того, чтобы подкупить их командиров. «Берзин, — отмечал Петерс, — делал вид, что денежный вопрос его мало интересует, намекнул, что в будущем, может быть, понадобится 4—5 миллионов. Гренар и Локкарт эту сумму приняли без возражений и тут же сообщили, что 2 000 000 руб. «Константин» Берзину скоро принесет, а недельки через три будут выданы остальные, а если понадобится, то они дадут и еще. На этом свидание и окончилось.

В дальнейшем все переговоры и сношения Локкарта с Берзиным [велись] через агентов английской миссии Шмидхена и Рейли».

Петерс, конечно же, не упоминал о главном — не только Берзин, но и Шмидхен, и другие латыши работали на ВЧК. Так что все рассказы о том, что Берзин принял предложение «агента Шмидхена» работать на англичан — это неправда. С самого начала эта часть операции велась под полным контролем чекистов.

Версия Локкарта

Локкарт вспоминал, что после закрытия британской и французских миссий в Москве их сотрудники находились в состоянии вынужденного отпуска. Они обедали друг у друга, играли в бридж и покер с американцами и «резались» в футбол во дворе американского генерального консульства. О первой встрече с латышами Локкарт не упоминает вообще, а, описывая следующие, называет иные даты, чем те, которые указаны в работе Петерса. Так, например, с Берзи-

ным он, по его словам, действительно познакомился у себя на квартире в Хлебном переулке, но не 14, а 15 августа.

«Я сидел за завтраком у себя дома, когда раздался звонок и лакей доложил мне, что меня хотят видеть два латвийских джентльмена, — вспоминал он. — Один невысокий юноша с бледным лицом, по имени Шмидхен, другой, Берзин, высокий мужчина могучего сложения с резкими чертами лица и жестким стальным взглядом, назвавший себя полковником. Он на самом деле командовал одним из латышских батальонов, которые образовали преторианскую гвардию советского правительства. Шмидхен передал письмо от Кроми».

Локкарт тщательно проверил письмо и решил, что его действительно писал Кроми. И почерк, и особенности языка, и даже правописание («бедный Кроми не умел писать грамотно», отмечал Локкарт). Письмо заканчивалось рекомендацией Шмидхена как человека, способного оказать англичанам «некоторые услуги».

«Я спросил их, чего они хотят, — продолжал Локкарт. — Говорил больше Берзин. Он объяснил, что, хотя латыши поддерживали большевистскую революцию, они не могут бесконечно сражаться за большевиков. Им хотелось бы вернуться к себе на родину. Пока Германия была могущественна, это было невозможно. С другой стороны, если союзники, что вполне возможно, выиграют войну, им, а не Германии, будет принадлежать последнее слово при решении дальнейшей судьбы Латвии. Поэтому они решили не ссориться с союзниками. Они не намереваются сражаться с войсками генерала Пуля* в Архангельске. Если их пошлют на этот фронт, они сдадутся в плен. Не могу ли я договориться с генералом Пулем, чтобы их не расстреляли союзные войска?»

Локкарт заинтересовался этим предложением, но решил проявить осторожность. Он сказал, что не имеет возможности помочь латышам, поскольку не имеет никакой связи с генералом Пулем и в любую минуту сам может уехать из России. Поэтому самое лучшее для них — это послать своего представителя к самому генералу Пулю. И в этом он им может помочь.

Они договорились, что встретятся на следующий день.

* *Фредерик Катберт Пуль* (1869—1936) — британский генерал-майор (1917). С мая по октябрь 1918 года командовал британскими и союзными войсками на Севере России, сначала в Мурманске, а потом и в Архангельске.

Вечером Локкарт побеседовал с Гренаром и генералом Жаном Франсуа Лавернем, французским военным атташе в России, и они решили помочь латышам, хотя и вести себя очень осторожно. Поскольку они, по их убеждению, уже «сидели на чемоданах» и готовились уезжать из Москвы, то, как утверждал Локкарт, решили передать их Сиднею Рейли, который оставался в России. «Рейли будет наблюдать за ними и поддерживать в них нежелание воевать против наших войск», — писал он.

На следующий день Локкарт передал латышам записку: «Прошу пропустить через английские линии подателя сего, имеющего сообщить важные сведения генералу Пулю». Затем, поговорив с Рейли по телефону (интересная деталь: оказывается, находясь на нелегальном положении, Рейли говорил по телефону, рискуя, что его могут засечь), он направил их к нему вместе с этой запиской.

Еще через два дня Рейли сообщил, что переговоры прошли гладко и латыши «не имели никакого намерения впутываться в неудачи большевиков». «Он, — утверждал Локкарт, — выдвинул предложение поднять после нашего отъезда контрреволюционное восстание в Москве с помощью латышей. Проект этот был категорически отвергнут генералом Лавернем, Гренаром и мною самим, и Рейли было дано особое предупреждение никоим образом не участвовать в столь опасном и сомнительном деле. После этого Рейли ушел в “подполье”, то есть скрылся, и я уже не встречался с ним до его бегства в Англию».

Таким образом, версия Локкарта — это попытка отстраниться от планов подготовки переворота в Москве. Если верить ему, то дело о заговоре должно называться не «делом Локкарта», а, скорее, «делом Рейли».

Версия Рейли

В своих записках, изданных его вдовой, Рейли на первый взгляд подтверждает версию чекистов о том, что вопрос о подкупе латышских стрелков действительно обсуждался, хотя Локкарт об этом ничего не упомянул.

«Деньги для подкупа латышей должны были скоро прибыть, — писал он. — В Москве не было недостатка в противниках коммунистического режима, которые были готовы пожертвовать всем необходимым, чтобы свергнуть ужас, царивший в России. В поразительно короткий промежуток времени сотни тысяч рублей уже были собраны и хранились в шкафу на квартире... в Шереметевском переулке».

Но, с другой стороны, по его запискам можно сделать вывод и о том, что план подкупа латышей принадлежал именно ему и что он разрабатывал его еще до того, как началась вся эта история со Шмидхенем, Кроми и Локкартом.

«Самым значительным препятствием на нашем пути был латышский гарнизон, который находился буквально на жалованье у большевиков, — писал он. — Я должен был буквально купить их поддержку». Деньги, по его словам, были собраны до того, как он встретился с Берзиным. «Наконец, я познакомился с полковником Эдуардом Берзиным...» — замечал Рейли. А уже в 1925 году он указывал, что «кульминационным пунктом» своей работы считает его переговоры с полковником Берзиным, с которым он познакомился у Локкарта.

Что стояло за этой версией Рейли — можно только догадываться. Не исключено, что ему в голову действительно приходили подобные идеи и раньше, но возможен и другой вариант — в мемуарах он просто хотел «перетянуть одеяло» на себя. Излишней скромностью Рейли явно не страдал, поэтому вполне мог «подкорректировать» историю и выставить себя в качестве «самого главного» борца с большевиками, которому не хватило всего лишь самого малого для того, чтобы осуществить свержение большевиков чуть ли не в одиночку.

Убить Ленина и Троцкого

Семнадцатого августа Рейли встретился с Берзиным наедине. Встреча состоялась в кафе «Трамбле».

Английский разведчик заранее навел о своем собеседнике справки и остался доволен. Рейли вспоминал о нем, как о «солдате и джентльмене», «заклятом враге Германии и коммунизма». Даже через несколько лет после этих событий, когда роль Берзина, как агента чекистов, уже, в принципе, была ясна, он отказывался до конца верить в это. «Если позже он раскрыл большевикам некоторые подробности нашего заговора, то это было сделано под давлением пыток, слишком ужасных, чтобы их выдержать, — считал он. — Я уверен, что сообщение большевиков о том, что он с самого начала был их агентом-provokатором, является гнусной клеветой».

То ли Берзин оказался выдающимся актером, то ли Рейли просто не мог (или не хотел) поверить, что его, уже

достаточно опытного разведчика, большевики так легко обвели вокруг пальца. Ему, конечно, было легче считать, что Берзина потом раскололи с помощью пыток.

Именно там, в кафе «Трамбле» Рейли рассказал Берзину основные детали плана заговора и, как он вспоминал, «спросил его, можно ли рассчитывать на сотрудничество его латышских товарищей». Берзин ответил утвердительно. Он сказал, что латыши ненавидят своих хозяев-большевиков и служили им потому, что у них просто не было другого выхода. Как ни странно, но Рейли поверил в эти байки.

В конце разговора он передал Берзину объемный пакет, в котором находилось 700 тысяч рублей, и предложил ему снять конспиративную квартиру.

Но в чем же заключались те детали плана переворота, которыми Рейли поделился с Берзиным?

В «Заключении Обвинительной комиссии» по «делу Локкарта», которое хранится в ГА РФ, утверждается, что два латышских полка должны были быть направлены в Вологду, где, перейдя на сторону союзников, они бы помогли их продвижению от Архангельска и захвату Северной области. Здесь следует напомнить, что Северная область, или Союз коммун Северной области, существовала с мая 1918 года по февраль 1919 года и представляла собой крупнейшее региональное объединение Советской Республики. В Северную коммуну входили Петроградская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Вологодская, Северо-Двинская и Череповецкая губернии, а ее «столицей» был Петроград. Совет комиссаров Северной области возглавлял Григорий Зиновьев.

Занятие Северной области подразумевало и занятие Петрограда. Если бы все это произошло, советской власти был бы нанесен очень тяжелый удар. Но и это еще не все.

Одновременно с захватом Вологды оставшиеся в Москве латышские полки должны были начать восстание — арестовать участников пленарного заседания ВЦИКа, а также Ленина и Троцкого. В то же время захватывались бы Госбанк, Центральный телеграф и телефон. Отряды офицеров поддерживали бы порядок в «освобожденной от большевиков» Москве, а равно конвоировали бы арестованных комиссаров, а церковь в лице тогдашнего патриарха Тихона якобы пообещала Рейли на другой день после переворота устроить во всех храмах богослужения, на которых духовенство будет объяснять народу значение

переворота и «оправдывать действия союзников и бело-гвардейцев»*.

Джордж Хилл тоже писал о том, что план государственного переворота был разработан в мельчайших деталях. Но допустим, все так бы и произошло. Какая судьба в этом случае ожидала бы Ленина, Троцкого и других лидеров большевиков?

Ленин в 1918 году часто появлялся на митингах и заседаниях практически без охраны. Поэт Рюрик Ивнев, работавший секретарем наркома просвещения Анатолия Луначарского, однажды столкнулся с «вождем революции» в холле отеля «Метрополь» (в 1918 году «Метрополь» превратился во «2-й Дом Советов», «1-м Домом Советов» стал отель «Националь»), в котором проводились заседания ВЦИКа и жили видные большевики — Николай Бухарин, Георгий Чичерин и др. Ленин, записал Ивнев в дневнике, зашел в лифт, но тут к нему подскочил помощник коменданта «Метрополя»: «Товарищ Ленин, на второй этаж лифт у нас не поднимают». Ильич покорно вышел и пошел за ним пешком. Эта сценка показалась Ивневу забавной.

Забавной-то забавной, только совершить покушение на Ленина в таких условиях было проще простого. Даже странно, что до конца августа оно так и не состоялось. Но для Рейли просто покушение на вождя, видимо, не являлось главной целью. Для него было важнее нанести удар по всей «верхушке» большевиков сразу.

По словам Хилла, Рейли говорил ему, что не собирает-ся никого убивать. Он предлагал провести большевиков по московским улицам без штанов, чтобы посмешить жителей города, а затем посадить под усиленной охраной в одну из тюрем. Вряд ли стоит воспринимать эти слова Рейли всерьез, хотя Локкарт писал, что, когда узнал о нем, сразу же подумал, что «этот курьезный план вполне соответствовал кипучей фантазии Рейли». Но у него были и другие пред-

* Позже Рейли признавался, что в это время он «передал патриарху Тихону крупную сумму денег, предназначенную для нужд духовенства, в то время находящегося в чрезвычайно бедственном положении». «Я особо подчеркиваю, — сообщал Рейли, — что между мною и патриархом или каким-нибудь из его приближенных никогда не было разговоров о контрреволюционных делах и что моя работа и мои намерения патриарху и его людям были особенно не известны. Деньги были ему переданы из предоставленных мне ассигнований; в моем распоряжении были весьма крупные суммы...» Робин Брюс Локкарт указывал, что Рейли и Хилл передали патриарху Тихону 5 млн рублей.

ставления о будущем Ленина и Троцкого. Сначала он считал, что Ленина и К° нужно арестовать и отправить в Архангельск к союзникам. Однако потом он решил, что такой вариант вряд ли целесообразен.

По версии «Обвинительной коллегии», «Ленин и Троцкий должны были быть убиты» практически сразу, в момент ареста, без всякого суда. Такое развитие событий кажется куда как более реальным — мятежники одним ударом обезглавили бы руководство Советской России. «Ленин, — говорил Рейли, — обладает удивительнейшей способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону конвойных, и те его освободят. Поэтому было бы наиболее верным Ленина и Троцкого немедленно после ареста расстрелять».

Берзин быстро «снял» себе «конспиративную» квартиру по адресу Грибоедовский переулок, дом 4. 19 августа в этой квартире состоялось его второе свидание с Рейли, который попросил его выполнить несколько поручений — узнать о дислокации военных частей в Подмосковье, разведать, правда ли на станции Митькино находятся несколько вагонов с золотом и кредитными билетами, которые охраняют 700 латышей (в случае переворота вагоны с золотом и деньгами не должны были исчезнуть), поехать в Петроград и связаться с петроградской латышской группой, найти людей, которые бы начали распространять прокламации среди латышских стрелков. 21 августа они встретились снова, причем Берзин наврал Рейли, что он уже передал одному из латышей 400 тысяч рублей для ведения агитации и что ему еще нужны деньги — для передачи другим командирам латышских стрелков. На следующий день Рейли принес Берзину еще 200 тысяч рублей и пообещал в ближайшее время принести еще миллион*.

* Оклад Ленина как председателя Совнаркома составлял весной 1918 года 500 рублей в месяц. С 1 марта 1918 года его попробовали увеличить до 800 рублей, но Ленин возмутился и объявил за это выговор своему секретарю Николаю Горбунову. Вместе с тем оклады некоторых наркомов, в частности наркома финансов Исидора Гукковского, были подняты до 2000 рублей в месяц. (См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2)

Вот некоторые цены на продукты в Москве в конце 1918-го — начале 1919 года:

фунт (0,4536 кг) пшеничной муки — 1,03 руб. в советских лавках и 32,50 на «вольном рынке».

Координационное совещание участников заговора состоялось 25 августа (по другим данным 23—24-го) в американском генеральном консульстве в Москве. На нем присутствовали американский генконсул Дью Клинтон Пул, французский генконсул Гренар, французский военный атташе генерал Лаверн. Что касается Локкарта, то Петерс писал, что он там тоже был, хотя во многих советских исторических работах указывается, что «Локкарт к Пулу не приехал, однако британскую разведку на совещании представляли Сидней Рейли и Джордж Хилл». Были на совещании и глава разведгруппы, работающей на американцев — Ксенофонт Каламатиано, и французский военный разведчик Анри Вертамон, несколько американских, английских и французских офицеров, а также французский журналист Рене Маршан из газеты «Фигаро».

По версии ВЧК, заговорщики согласовали свои действия для подготовки переворота и распределили «сферы действия» между собой. Например, задача дезорганизации Красной армии с помощью подкупа, а также создания искусственного дефицита в снабжении продуктами красноармейских частей (предполагалось взорвать эшелон с продовольствием, следующий в Москву) поручалась Рейли, Хиллу, Берзину и бывшему подполковнику Александру Фриде, служащему в Управлении военных сообщений. В Петрограде диверсиями и саботажем должна была заняться группа Фрэнсиса Кроми. Диверсионная работа возлагалась на Вертамона и его помощников из французской военной миссии. Сбор разведывательной информации поручили Ксенофонту Каламатиано и его агентам.

Фунт говядины — 4 и 27,50 руб.

Фунт копченой колбасы — 7 и 45 руб.

Яйца, 10 шт. — 6 и 50 руб.

Фунт сливочного масла — 6 и 83,50 руб.

Пара сапог — 556 руб.

Самовар — 625 руб.

Фунт керосина — 7 руб.

Фунт махорки — 50 руб. (См.: Красная Москва. 1917—1920. М., 1920)

28 июня 1918 года «Петроградская газета» отмечала, что все вагоны трамваев заклеены объявлениями об уроках танцев и «нельзя сказать, чтобы цены были доступными. За урок мазурки берут 25 р., за вальс 15 р. и т. д.».

Рейли вспоминал, что ему ужасно не понравилось, что на совещании присутствовал журналист Маршан, который производил на него крайне неблагоприятное впечатление. Когда его познакомили с ним (не назвав настоящего имени британского разведчика), он почувствовал, что «чувство беспокойства, мучившее меня, стало особенно острым». Эти подозрения, по его словам, быстро подтвердились — когда они с Вертамоном вышли в другую комнату, чтобы обсудить свои шпионские дела, Рейли заметил, что Маршан, тоже проскользнув в плохо освещенное помещение, подслушивает их.

Если все это правда, то интуиция его не подвела. Маршану действительно крайне не понравилось то, что происходило на совещании, и он даже демонстративно ушел из американского генконсульства раньше его окончания. На следующий день (оно помечено 26 августа) Маршан направил письмо президенту Франции Анри Пуанкаре, с которым поддерживал неофициальные отношения и которого также неофициально он информировал о положении в России.

Маршан был убежденным противником Германии, сторонником франко-русского союза и, поскольку большевики подписали с немцами мир, считал необходимым отстранить их от власти, чтобы возобновить войну с Германией на русском фронте. Однако, по его мнению, в своей борьбе с большевиками союзники взяли совсем другое направление. «Я считаю себя одним из тех, кто боролся, руководимый глубокими убеждениями, против большевизма, — писал он. — Я с горечью констатирую, что за последнее время мы позволили увлечь себя исключительно в сторону борьбы с большевизмом. На совещании ни одного слова не было сказано о борьбе с Германией. Говорили о другом. Я знаю, что один британский агент подготовил разрушение железнодорожного моста через Волхов недалеко от станции Званка... Разрушение этого моста равносильно обречению Петрограда на полный голод, ибо отрезаются пути доставки основной массы продовольствия».

Все это, считал Маршан, делается для того, чтобы «бросить Россию во все более кровавую политическую бесконечную борьбу, обрекая ее на нечеловеческие страдания от голода». Интересно, что письмо Маршана к Пуанкаре было перехвачено как французской контрразведкой, так и ВЧК. Французы осудили журналиста за то, что он фактически разгласил планы заговорщиков, а чекисты постарались ис-

пользовать его письмо в пропаганде — позже оно было опубликовано в советской печати*.

Рейли писал, что заговорщики определили день, когда должен был произойти переворот — 28 августа. Он получил сведения о том, что тогда в Большом театре состоится расширенное заседание ВЦИКа. Предполагались выступления Ленина и Троцкого — последний планировал выступить с докладом о положении на Восточном фронте. Именно тогда подкупленные латыши и должны были арестовать все советское руководство.

Можно предположить, что Рейли рассчитывал не только на латышей и контрреволюционеров-подпольщиков, но и на некоторых бывших высокопоставленных генералов и офицеров, служивших к тому времени в Красной армии. Например, на того же Михаила Бонч-Бруевича. Интересно, что в самый разгар подготовки к перевороту — 20 августа — Бонч-Бруевич подал в отставку с поста военрука Высшего военного совета по состоянию здоровья, и она, после некоторых колебаний Ленина и Троцкого, была принята. Подлинной причиной отставки Бонч-Бруевича считается его расхождение во взглядах и «карьерная война» с Иокимом Вацетисом, ставшим 2 сентября 1918 года главкомом всеми вооруженными силами Республики**. Но как бы он отреагировал на предложение присоединиться к восстанию, которое привело бы к возобновлению войны с Германией? И намекал ли ему Рейли на то, что с Брестским миром, который Бонч-Бруевич считал унижением для России, вскоре может быть покончено? Об этом ничего не известно, но предположение о том, что в случае успешных первых шагов заговорщиков он мог бы присоединиться к ним, не лишено оснований.

О «дне X» Рейли сообщил Берзину. Вскоре, однако, выяснилось, что заседание откладывается до 6 сентября. Однако у Рейли эта отсрочка не вызвала подозрений. Наоборот, она давала ему возможность съездить в Петроград и «сверить часы» с капитаном Кроми. В день выступления

* По другой версии, Маршан сотрудничал с ВЧК, и письмо к А. Пуанкаре написал чуть ли не по просьбе Ф. Э. Дзержинского, чтобы потом оно было как бы случайно обнаружено чекистами во время обыска его квартиры и использовано в качестве доказательства планов заговорщиков.

** На это указывает, например, историк Андрей Ганин. См.: *Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком.* М., 2017.

в Москве должно было начаться и восстание в Петрограде. Одной из главных «мишеней» питерских заговорщиков был председатель Петроградской ЧК Моисей Урицкий.

* * *

Двадцать седьмого августа Рейли передал Берзину еще 300 тысяч рублей. Тогда же он еще раз настойчиво попросил его съездить в Петроград и дал ему связной адрес — Торговая улица, дом 10, второй подъезд, квартира 10, спросить у Елены Михайловны «господина Массино» — под этой фамилией его там знали.

В тот же день Берзин отправился в Питер, но перед отъездом отнес в ВЧК деньги, полученные от Рейли. Их сложили в большой холщовый мешок, и командир Латышской дивизии Карл Петерсон, который тоже был в курсе операции, взвалив мешок на спину, вместе с Берзиным пошел в кабинет председателя ВЦИКа Якова Свердлова.

Советская писательница Елизавета Драбкина, которая в 1917—1919 годах работала секретарем Свердлова, вспоминала об этом эпизоде в своей художественно-мемуарной повести «Черные сухари»: «Я видела его, этот миллион, когда Петерсон и Берзин принесли его, чтобы показать Свердлову. Миллион лежал в сером холщовом мешке. Петерсон нес его за плечами, как носят мешки с картошкой. Развязав веревку, стягивавшую мешок, Петерсон вывалил на диван груды грязноватых пачек. По словам Локкарта [на самом деле об этом говорил не Локкарт, а Рейли. — *Е. М.*], эти деньги были собраны для нужд заговора “богатыми русскими людьми” в обмен на чеки, которые должно было впоследствии оплатить английское правительство.

Свердлов оторвал кусок газеты, подошел к дивану, на котором лежал миллион, и прихватил через бумагу пачку, чтобы поближе рассмотреть деньги своими близорукими глазами.

— Противно в руки брать, — сказал он...

На лице Берзина блуждала смущенно-счастливая улыбка.

— И дурак же этот Локкарт, — сказал Яков Михайлович, глядя на Берзина. — Нашел кого вербовать!..»

Затем Берзин поехал в Петроград.

Елены Михайловны, хозяйки явочной квартиры на Торговой улице, дома не оказалось, но швейцар дал Берзину ключ от ее квартиры, чтобы он мог ее подождать. В квартире он увидел конверт с визитной карточкой «Сиднея Ге-

оргиевича Рейли», а на ее обратной стороне был написан адрес: «Шереметевский переулок, № 3, кв. 85...». Это, конечно, была важная информация для чекистов, и они вскоре ее использовали.

Хозяюку Берзин так и не дождался. Он отправился в город, где вдруг неожиданно увидел Рейли, который ехал на извозчике. Действительно, он тоже приехал в Питер. Накануне отъезда он сказал Хиллу, что ему нужно увидеться там с капитаном Кроми и еще с некоторыми лицами. Вероятно, он имел в виду и латышей, с которыми его должен был свести Берзин.

Увидев на извозчике Рейли, Берзин удивился тому, что англичанин весьма необычно одет — он был в плаще защитного цвета и в очках, которые раньше никогда не носил. Они коротко обменялись последними сведениями. Берзин сказал, что связь с петроградскими латышами он пока еще не установил, и, в свою очередь, попросил Рейли познакомить его с местными белогвардейцами. Рейли обещал, но проявил осторожность и от знакомства Берзина с питерскими белыми подпольщиками уклонился.

В тот же день Берзин вернулся в Москву, а Рейли еще оставался в Питере.

До нанесения главного удара в Большом театре еще было время.

«Я чуть было не стал повелителем России»

«ВЧК видела всю подноготную интригу представителей Антанты, — писал Яков Петерс. — Но дело разведки еще далеко не было доведено до конца... Предстояла еще большая работа для раскрытия этой обширной шпионской организации, имеющей глубокие корни как среди против Советской власти настроенного офицерства, так и среди советских служащих. Но этой работе помешал белый террор».

Утром 30 августа в вестибюле Народного комиссариата внутренних дел Петроградской коммуны на Дворцовой площади был убит председатель ПетроЧК Моисей Урицкий. Застрелил его 22-летний бывший студент Петроградского политехнического института, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, поэт и член партии народных социалистов Леонид Каннегиссер.

Вечером 30 августа в Москве, после митинга на заводе Михельсона, выстрелами из пистолета был тяжело ранен

Ленин. Считается, что стреляла в него эсерка Фанни Каплан, которую схватили на месте покушения (точнее, рядом с ним).

Эти покушения заставили чекистов действовать еще быстрее. Они подумали, что заговорщики начали осуществлять свой план переворота до заседания ВЦИКа в Большом театре, и нанесли ответный удар.

* * *

Как вспоминал Рейли, в Петрограде он вскоре обнаружил, что за ним довольно плотно следят. Тогда он решился на рискованный шаг и пошел прямо в Петроградскую ЧК, где работал его хороший знакомый Владимир Орлов (Болеслав Орлинский). Посоветовавшись, они решили, что Рейли должен действовать не под именем Константина Массино, а как сотрудник ЧК «товарищ Рейлинский». По своим каналам Орлов сумел узнать, что по отношению к «Рейлинскому» никаких подозрений нет.

Однако убийство Урицкого и покушение на Ленина заставили его еще раз изменить свои планы.

Об убийстве Урицкого ему сообщил по телефону Александр Грамматиков. «Врачи преждевременно сделали операцию, и положение больного стало в высшей степени серьезным. Если хотите видеть меня, приезжайте немедленно», — сказал он. Рейли поехал к Грамматикову. «Идите, они выступили слишком рано», — возбужденно говорил тот. Вероятно, как и чекисты, он сначала решил, что петроградские заговорщики уже выступили. Посоветовавшись, они решили, что Рейли должен уехать из Петрограда.

Рейли сжег кое-какие секретные бумаги, а на следующий день условился по телефону встретиться с капитаном Кроми. Встреча должна была состояться в одном из ресторанов в полдень. Рейли пришел точно в назначенный срок, когда настенные часы в ресторане начали отбивать двенадцать. Он сел за стол и задумался. Его снова начали посещать «наполеоновские мысли».

«Я снова мысленно возвращался к событиям последних двух месяцев, к моим радужным надеждам и их позорному концу, — вспоминал Рейли. — Я чуть было не стал повелителем России. Свое начальство в Лондоне я удовлетворил бы тем, что повернул Россию против Германии. Но я бы сделал больше. То, что происходит здесь, гораздо опаснее всех войн, которые когда-либо велись. Любой ценой необ-

ходимо с корнем вырвать ту непристойность, которая появилась в России. Мир с Германией? Да, мир с Германией, мир со всеми. Имеется только один враг. Человечество должно объединиться в священном союзе против кошмарного террора».

Между тем прошло уже пятнадцать минут, а Кроми все еще не было. Рейли это насторожило — капитан слыл образцом пунктуальности и аккуратности. Тогда он решил осторожно подойти к британскому посольству и разведать обстановку. Там, по его словам, он увидел следующую картину: «Перед зданием посольства лежала груда солдатских трупов. Четыре грузовика стояли у ворот. Улица была оцеплена двойным кордоном красноармейцев. Двери в посольство были взломаны, флаг над ним сорван. Мертвые тела на мостовой свидетельствовали, что защитники оказали отчаянное сопротивление.

Внезапно чей-то голос окликнул меня по имени. Я очутился лицом к лицу с усмевающимся красноармейцем.

— Что, товарищ Рейлинский, пришли полюбопытствовать?

— Да, хотелось бы посмотреть на это зрелище, — дружелюбно ответил я. — Но мне всегда не везет. Бежал всю дорогу и опоздал. Расскажите, товарищ, что здесь произошло?

Этого красноармейца я часто встречал, когда появлялся в роли товарища Рейлинского — сотрудника уголовного отдела ЧК».

А произошло вот что. Отряд чекистов и красноармейцев ворвался в здание бывшего британского посольства. Существует несколько версий о том, почему это произошло. По одной, они намеревались арестовать англичан, поскольку чекистам уже была известна их причастность к «заговору послов». По другой, чекисты подозревали, что в посольстве находятся документы, имеющие отношение к убийству Урицкого и связям Кроми с белым подпольем. По третьей (которую приводит в своих записках и Рейли), они искали именно его и считали, что он скрывается в посольстве.

До сих пор идут споры, пользовалось ли это здание тогда правом экстерриториальности. Англичане утверждают, что да, пользовалось. Советские историки всегда утверждали обратное — ведь Великобритания официально не признавала Советскую Россию, следовательно, и официальных дипломатических представительств со всеми вытекающими из их особого статуса правами на российской территории у нее быть не могло.

Чекисты показали ордер на обыск, но Кроми захлопнул перед ними двери. В посольстве на втором этаже тем временем спешно жгли секретные бумаги. «Нападавшие явно видели в Кроми главного заговорщика», — писал корреспондент газеты «Таймс» Джордж Добсон, видевший всю эту сцену своими глазами. Когда чекисты, взломав двери, поднялись на второй этаж, Кроми открыл по ним огонь сразу из двух браунингов, но и сам был смертельно ранен в перестрелке. Погиб также один чекист, а еще две были ранены. Так что «груда солдатских трупов» у здания посольства — это явный плод фантазии Рейли или более поздних редакторов его записок...

Узнав о событиях в Москве и покушении на Ленина, Рейли решил вернуться в столицу. Он считал, что в Петрограде его схватят гораздо быстрее — здесь его знали слишком многие. Они с Грамматиковым разработали такой план: Рейли доезжает до Клина и покупает там московские газеты. Если новости не будут слишком тревожными, он едет в Москву. В противном случае — возвращается в Питер.

По пропуску на имя чекиста Рейлинского Рейли проник на вокзал и сел в поезд. В Клину он купил газеты и понял, что проиграл. Заговор был раскрыт. Тем не менее он все же решил вернуться в Москву, но не на поезде, а на подводе. Из Клина он выехал в половине десятого утра и к ночи был уже в Москве. Там он укрылся на квартире одной из знакомых Дагмары Карозус, представившись офицером царской армии Михаилом Марковичем, которого ищет ЧК. Оказалось, что и сама Дагмара скрывается здесь же. Из ее рассказа Рейли окончательно понял, что все дело, которое он готовил, полностью проиграно.

Охота на Рейли

Сразу после покушения на Урицкого чекисты начали действовать и в Москве. В первую очередь они нагрянули в дом 3 по Шереметевскому переулку. Этот адрес им стал известен от Берзина, который подсмотрел его в явочной квартире в Петрограде. Там они арестовали Елизавету Оттен. А вскоре в квартиру 85 пришла и Мария Фриде, которую тоже арестовали. У нее обнаружили информационные сводки и донесения о поездках в Тулу, Орел, Воронеж и другие города.

И Оттен, и Фриде сначала отрицали, что были как-то связаны со шпионскими делами Рейли и других иностранцев. Оттен признала, что передавала ему письма, но утверждала, что их содержания не знала, и делала это только потому, что хотела с ним встречаться. Но ей не поверили.

Позже она утверждала, что только на допросах узнала о том, чем занимался Рейли в Москве, и возмущалась, что он «самым гнуснейшим образом» обманывал ее, пользуясь ее «исключительным отношением к нему для своих политических целей». Но похоже, что для нее гораздо более сильным ударом стало то, что у Рейли, оказывается, был роман не только с ней. Она заявляла, в частности, что Рейли «своим будто бы отъездом из Москвы хотел замаскировать перемену своего отношения ко мне, так как в это время он собирался переехать на квартиру к одной разведенной даме, на которой обещал жениться». Под этой дамой имелась в виду другая любовница Рейли Ольга Старжевская.

Мария Фриде сначала тоже утверждала, что ничего не знает. Ее допрашивал Петерс. Комендант Кремля Павел Мальков, присутствовавший на допросе, описывал ее так: «Чуть выше среднего роста, лет тридцати—тридцати двух, была очень хороша собой. Ее красивое лицо обрамляли густые каштановые волосы, с изящной небрежностью выбивавшиеся из-под модной шляпки. Одета она была в скромное, но очень элегантное, с большим вкусом сшитое платье, ловко облежавшее ее стройную фигуру. Через левую руку было перекинута легкое летнее пальто, а в правой она держала жестяной бидон, совсем не шедший ко всему ее облику. Держалась она спокойно, уверенно».

Фриде говорила, что она шла за молоком, когда к ней подошел какой-то мужчина и попросил отнести письмо в Шереметевский переулок. Ей не поверили. У нее дома провели обыск, при этом один из чекистов заметил, что ее мать выбросила в уборную какие-то бумаги. В квартире задержали и брата Марии Александра Фриде, который признал, что это он попросил свою мать выбросить бумаги. Бумаги оказались сводками о положении в Петрограде и других городах России.

Сначала Александр Фриде говорил, что собирает информацию «как журналист» для американцев. Но потом признался, что связан с Ксенофонтом Каламатиано, которому передавал информацию за вознаграждение, и что посылал с пакетами по различным адресам свою сестру Марию. Фриде, между прочим, сообщил, что он, пользуясь

своим служебным положением, выдал Каламатиано удостоверение на имя Сергея Серповского, с которым тот уехал на Восточный фронт. У Фриде обнаружили 50 тысяч рублей (его зарплата составляла 600 рублей в месяц), якобы оставленные ему на хранение Каламатиано. Мария Фриде также признала, что по просьбам брата доставляла письма по различным адресам.

Первого сентября чекисты накрыли несколько явочных квартир французской разведки. В том числе провели обыск в частной французской гимназии, где, по их данным, скрывался Анри Вертамон. Самому Вертамону удалось спастись чудом — ему пришлось уходить по крышам. Но были взяты шесть его агентов, при обыске нашли 18 фунтов пироксилина, спрятанных в железных банках, 39 капсюлей от динамитных шашек, шифр и 28 тысяч рублей, причем 16 тысяч было спрятано в тросточке.

Джордж Хилл, узнав от своего информатора в ВЧК об арестах и обысках, а также о том, что чекистам стало известно о каком-то гигантском заговоре, который готовят латыши вместе с союзниками, послал своего курьера в Петроград, чтобы предупредить Рейли, но того по дороге арестовали чекисты. Правда, доказать его связь с англичанами они не смогли.

В ночь на 1 сентября, у себя на квартире, был арестован и Локкарт. В мемуарах он писал: «В половине четвертого меня разбудил грубый голос, приказывающий мне немедленно встать. Когда я открыл глаза, я увидел направленное на меня стальное дуло револьвера. В комнате было около десяти вооруженных людей. Я узнал одного из них, он был старшим. Это был Манков [на самом деле, комендант Кремля Павел Мальков. — *Е. М.*], бывший комендант Смольного. Я осведомился, что значит это нарушение наших прав. “Никаких вопросов, — ответил он грубо. — Одевайтесь скорее. Вы сейчас отправитесь на Лубянку, 11”. На Лубянке, 11 находилась Московская ЧК.

Такая же группа агентов ЧК явилась к [помощнику Локкарта Уильяму] Хиксу, и, пока мы одевались, большинство налетчиков начали обыск квартиры в поисках компрометирующих документов. Как только мы были готовы, нас посадили в автомобиль, по сторонам сели конвоиры, и повезли в ЧК».

При описании сцены ареста Локкарт не упомянул, что в ту ночь в доме британского дипломата находилась и его любовница Мария (Мура) Закревская-Бенкендорф. Как бы

то ни было, в ту ночь ее тоже арестовали, но Локкарт узнал об этом немного позже.

После довольно долгого ожидания Локкарта провели в большую темную комнату, освещенную только лампой на письменном столе. За столом сидел Петерс. «Черные вьющиеся, длинные, как у поэта, волосы были зачесаны назад над высоким лбом, — описывал его Локкарт. — На левой руке были надеты большие часы. В тусклом свете его лицо выглядело более бледным, чем обычно. Губы его были плотно сжаты. Когда я вошел в комнату, он устремил на меня пристальный стальной взгляд. Вид его был мрачен и внушал опасения».

Локкарт заявил протест по поводу своего ареста и потребовал встречи с наркомом иностранных дел Чичериным. Петерс не обратил на это никакого внимания. Он спросил, знает ли Локкарт Фанни Каплан и где сейчас Сидней Рейли. Англичанин ответил, что Петерс не имеет права его допрашивать. Тогда Петерс показал ему пропуск к генералу Пулю, который Локкарт написал латышам, и спросил, его ли это почерк. Локкарт опять сказал, что не намерен отвечать. «Для Вас будет лучше, если Вы скажете правду», — заметил Петерс и через некоторое время вызвал конвой и приказал увести Локкарта.

Советские газеты сообщали, что в ВЧК Локкарту заявили, что его не допрашивают как арестованного, а обращаются к нему с вопросом, чтобы дать ему возможность доказать, что некий господин Локкарт — организатор антисоветского заговора и господин Локкарт — английский дипломатический представитель — разные лица. «На подобное предложение оправдаться, — писали «Известия», — избалованный английский дипломатический представитель ничего не ответил и в большом смущении покинул ВЧК». На самом деле, не покинул. Его и Хикса продержали под арестом несколько часов. Попросившись в уборную, он смог там незаметно уничтожить бумагу с шифром, которая оказалась у него в кармане. В шесть утра в их комнату ввели женщину, одетую во все черное. Она все время молчала и смотрела в окно. Потом ее увели. Локкарт считал, что это была Фанни Каплан*.

Утром 2 сентября их с Хиксом освободили. Больше всего Локкарта беспокоили вопросы Петерса о Рейли и ока-

* Фанни Каплан была расстреляна 3 сентября 1918 года во дворе автобоевого отряда имени ВЦИК в Кремле.

завшийся в его руках пропуск для латышей. Тогда он начал подозревать, что приходившие к нему латышские стрелки были агентами ВЧК, и не ошибся в этом.

* * *

Третьего сентября «Известия ВЦИК» официально сообщили о том, что «ликвидирован заговор, руководимый британско-французскими дипломатами, во главе с начальником британской миссии Локкартом, французским генеральным консулом Гренаром, французским генералом Лаввернем и другими, направленный на организацию захвата, при помощи подкупа частей советских войск, Совета народных комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве».

Тем временем охота на заговорщиков продолжалась. Американский и французский генконсулы Пул и Гренар, а также некоторые сотрудники французской миссии укрылись в посольстве Норвегии. Нарушать экстерриториальность посольства большевики не решались — нападение на британское посольство в Петрограде все-таки вызвало в мире слишком негативную реакцию. Но здание норвежской миссии было оцеплено, его отключили от электро- и водоснабжения (правда, забыли перекрыть одну из труб), внутрь никого не пропускали.

Однако «дипломаты-заговорщики» не выходили, хотя в хорошую погоду даже прогуливались в саду посольства, и чекисты и красноармейцы их прекрасно видели. А если начинался дождь, они выбегали на улицу со всякими емкостями, чтобы набрать воды. Продуктов в посольстве хватало — в погребах хранились консервы, сухари, масло, вино, табак и свечи. Так они продержались до конца всей этой истории.

Зато 18 сентября был задержан Ксенофонт Каламатиано. История с местом его ареста достаточно противоречива — во многих работах о «заговоре послов» указывается, что его арестовали в момент, когда он хотел проникнуть в норвежское посольство. Однако в докладе Петерса и в «Заключении Обвинительной комиссии» по «делу Локкарта» говорится, что его взяли у здания бывшего американского генерального консульства.

Каламатиано предъявил паспорт на имя Сергея Серповского, но его быстро опознали. Во время допроса чекисты обратили внимание на его слишком толстую трость. Внутри

ее обнаружили тайник, а в нем — записки, расписки в получении денег и шифровки. Агенты значились под номерами. Скажем, Александр Фриде имел номер 5, а сам Каламатаиано — номер 15. Нашли у него и инструкцию агентам. В ней говорилось: «В сообщениях следует зашифровывать особо важные данные следующим образом: номера войск обозначаются как количество пудов сахара и патоки, а также цена на них. Дух войск — положение в сахарной промышленности. Номера артиллерийских частей — мануфактура и цены на нее. Дезертирство из рядов Красной армии — эмиграция на Украину».

Любовницу Рейли Ольгу Старжевскую арестовали 12 сентября. Она признала, что была знакома с Рейли, но знала его как Константина Массино, а свою настоящую фамилию он сообщил ей совсем недавно. «Мне он казался сторонником Советской власти, — утверждала она, — хотя серьезно на политические темы я с ним не говорила, т. к. была занята исключительно устройством личной жизни, своей новой квартиры, хозяйством и службой».

Версия следствия состояла в том, что Рейли использовал ее для добывания информации о работе советских учреждений и в качестве связника. Она категорически отрицала это, заявляя на допросах, что «Рейли никогда не ставил ей вопросов, из которых она могла бы заключить, что он пытался у нее те или иные сведения и никогда не предлагал ей, Старжевской, чтобы она, воспользовавшись своим служебным положением, раздобыла те или иные документы».

Уже после процесса по делу о «заговоре послов», 11 ноября 1918 года, Ольга Старжевская написала заявление в Общество Красного Креста помощи политическим заключенным. Она заявляла, что осуждает замыслы своего несостоявшегося жениха. «То, что открылось предо мною о нем на допросах, — было для меня ужасно, — писала Старжевская. — Получилось два ничего общего не имеющих человека. Я увидела и почувствовала до боли — обман, грязь, низость поступков этого человека. Об этом заговоре я узнала только из газет. Никогда он мне о нем не говорил».

Сообщала она и о том, что никогда не участвовала «ни в каких противоестественных организациях», не высказывалась против существующего порядка, а, наоборот, «всегда была за большевизм и коммунизм», как она их понимала, и все, кто ее знали, называли ее большевичкой.

Существуют различные версии о том, насколько сильно Старжевская, как и другие подруги Рейли были вовлечены

в его шпионские дела. Следствие, кстати, не поверило в ее полную непричастность к заговору. «Утверждение Старжевской, что она никаких сведений Рейли не сообщала и даже не знала о его деятельности в связи с получением от него такой крупной суммы как 20 000 рублей, теряет всякую достоверность. Романтическая же подкладка такого щедрого подарка в той сфере, в какой вращался Рейли, совершенно должна быть исключена», — говорилось в «Заключении Обвинительной комиссии Революционного трибунала» по «делу Локкарта».

«Это был загнанный человек»

Рейли вспоминал, что в начале сентября 1918 года в Москве только и говорили о нем. Конечно, проверить его слова уже невозможно, не исключено, что он в очередной раз преувеличивал собственную популярность, но очевидно, что в «заговоре послов» советское руководство видело в нем одну из центральных фигур. Нет сомнений также в том, что на поиск Рейли были брошены значительные силы чекистов.

О том, где он скрывался, ходили самые разные слухи. То ли в Петрограде, то ли в Финляндии, то ли в Москве, то ли он уже успел сбежать в Англию. «Не могу сказать, что такая известность льстила моему самолюбию», — признавался он.

Это понятно — подобная известность заставляла его быть в несколько раз осторожнее и причиняла массу различных неудобств. Каждую ночь он проводил в новом месте, представляясь то скрывающимся от большевиков царским офицером, то греческим торговцем, у которого реквизировали квартиру, то служащим, уклоняющимся от призыва в Красную армию. Как вспоминал Рейли, вряд ли он был желанным гостем, хозяева квартир не скрывали своего страха, но все-таки ни один из них не отказал ему в приюте. Он всегда помнил об этих людях с глубоким чувством благодарности.

Помогло ему и то, что в советских газетах печатались имена арестованных заговорщиков и их сообщников, и Рейли имел представление, куда ему можно идти, а куда нельзя.

Сложно сказать, смогли ли в это время чекисты выйти на его след. О своих приключениях в эти дни Рейли рассказывал так. Однажды рано утром он вдруг услышал на улице шум подъехавшего грузовика. Хлопали двери, раздавались

голоса и топот сапог. Из нижних квартир дома слышались глухие крики. Рейли понял, что в доме происходит обыск. Он быстро оделся и вышел из квартиры, в которой скрывался, на лестницу. В подъезде стоял красноармеец с винтовкой и папиросой во рту. Рейли лениво подошел к нему, тоже вынул папиросу и сказал: «Дай прикурить, товарищ!» Прикурив, он поблагодарил красноармейца, вышел во двор, потом — на улицу и скрылся. Тогда ему повезло.

В другой раз, по словам Рейли, ему пришлось провести ночь в публичном доме. Он сильно рисковал, так как хозяйка борделя знала, кто он такой на самом деле. Тем не менее Рейли устроили в комнате одной из проституток, а потом даже отказались принять от него деньги. Более того, «мадам» добровольно вызвалась сообщить друзьям Рейли, где он находится. «Падшие женщины часто оказываются лучшими патриотками, чем их добродетельные сестры», — резюмировал он.

Друживший с Рейли Владимир Орлов приводит в своих мемуарах еще один эпизод (точнее, анекдот, как называет его сам автор) о приключениях британского агента в Москве: «Однажды он [Рейли. — *Е. М.*] приятно проводил время с одной московской актрисой. Надо сказать, что Рейли был красивым, обаятельным мужчиной и пользовался большим успехом у прекрасного пола, благодаря чему получал много полезной информации. От одного ревнивого и менее удачливого соперника большевики узнали, где находится Рейли. Они окружили дом и ворвались внутрь, но нашли лишь актрису и синий костюм Рейли, а самого его нигде не было. Чекисты обыскали весь дом, начиная с чердака и кончая подвалом, перевернули все вверх дном. Но тщетно! Рейли не мог ускользнуть — дом был окружен плотным кольцом. Актрису допрашивали, угрожали смертью, но она не имела ни малейшего представления о том, куда делся Рейли. Он просто неожиданно вышел за дверь — совершенно раздетый! Но куда он скрылся?

Никто этого так и не узнал. Рейли не сказал об этом даже актрисе, но вскоре после того, как разочарованные ищейки ушли, он появился вновь, как будто только что пришел с улицы.

— Я не позволю этим негодьям отвлекать меня от такого приятного времяпрепровождения, — спокойно сказал он и оставался в квартире перепуганной актрисы до тех пор, пока она не уговорила его не ставить ее в такое неловкое положение».

История на самом деле больше походит на анекдот. Но, возможно, в ее основу легли реальные события, которые уже потом трансформировались в легенду о «неуловимом суперагенте Рейли». А события были такие: в ночь на 4 сентября он ночевал у Ольги Старжевской (они виделись последний раз в жизни). Именно тогда Рейли признался ей, что он ни русский, ни грек, а англичанин, и что ему придется уехать из России. Уходя, он оставил у нее в квартире свой костюм, который Старжевская хотела продать, но не успела — ее арестовали...

Тем временем Джордж Хилл считал, что Рейли арестован или убит в Петрограде. Никаких сведений о его возвращении в Москву он не получал. «Я думал, — вспоминал Хилл, — что потерял большого друга и замечательного соратника по оружию». Хилл и его агентурная сеть не пострадали, и он был готов взять на себя и дела, которыми занимался Рейли. Однако к нему неожиданно пришла некая женщина (вероятно, это и была хозяйка публичного дома) и сообщила, что с Рейли все в порядке. Он сумел нелегально добраться из Питера до Москвы и теперь скрывался в какой-то двухкомнатной квартире на окраине города. Хилл тотчас же отправился на встречу с ним и нашел его «в прекрасной форме».

«Это был загнанный человек, — вспоминал он, — его фотографии и подробные приметы были повсюду; был даже указан размер премии за его поимку. Рейли провел ужасные дни в Петрограде перед тем, как уехать из города, но, несмотря ни на что, оставался абсолютно спокойным и хладнокровным. Он не был обескуражен и хорошо владел собой. Единственное, что его беспокоило — это необходимость восстановить порванные связи и начать все сначала».

* * *

Покушения на Ленина и Урицкого подняли самую мощную волну красного террора в России за время Гражданской войны. Террор по отношению к своим противникам применялся всеми противоборствующими сторонами и раньше, но большевики пытались обосновать его теоретически и идеологически. Еще 22 августа 1918 года «Правда» писала: «Не только никаких прав буржуазии: наши задачи в том, чтобы сделать всех буржуа нашими военнопленными. Не только не благодушная терпимость по отношению к ним, но самый жестокий красный террор против всякого буржуа, поднимающего руку на рабоче-крестьянскую власть».

Особенно активным сторонником «террора против буржуазии» стал председатель Союза коммун Северной области Григорий Зиновьев*. Возможно, потому, что его тоже чуть не убили еще 27 августа — охрана Зиновьева пресекла покушение на его жизнь в гостинице «Астория», где он проживал. Почти сразу после убийства Урицкого Зиновьев, выступая в Петросовете, предложил разрешить рабочим расправляться с буржуазией и интеллигенцией «по-своему, прямо на улице». Расправы действительно начались. 2 сентября газета «Известия» сообщила, что за два дня после покушения на Ленина в Петрограде расстреляно 512 человек из ранее взятых в заложники контрреволюционеров. 4 сентября в газетах появился приказ наркома внутренних дел РСФСР Григория Петровского, в котором местным Советам предписывалось немедленно провести аресты заложников из числа правых эсеров, офицеров и представителей буржуазии и поместить их в концлагеря. В случае необходимости разрешалось применять и массовые расстрелы.

На следующий день, 5 сентября, Совнарком принял постановление «О красном терроре». В нем говорилось, «что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры». Постановление подписали нарком юстиции Дмитрий Курский, нарком внутренних дел Григорий Петровский и управделами Совнаркома Владимир Бонч-Бруевич.

Газеты призывали: «За одного вождя революции — тысячу буржуев!», «Класс убийц, буржуазия, должен быть подавлен». 2 сентября пензенская газета «Ополчение бедноты» писала: «У нас нет гильотины, которой французские революционеры отрубали сто лет назад головы врагов трудового народа. Но у нас есть пулемет. Под пулемет буржуазию и ее лакеев. Под пулемет».

Историк Илья Ратьковский определяет примерное количество жертв расстрелов ЧК в 1918 году в восемь тысяч

* *Григорий Евсеевич Зиновьев* (Овсей-Герш Аронович Радомысльский; 1883—1936) — член РСДРП с 1901 года, с 1907 года член ЦК, с 1919 года кандидат в члены, в 1921—1926 годах член Политбюро ЦК. На процессе по делу «Антисоветского троцкистско-зиновьевского центра» приговорен к смертной казни и расстрелян.

человек, из которых пять тысяч приходится на период с 30 августа по конец года. Одно из первых мест занял Петроград — к октябрю там было расстреляно 800 человек и арестовано 6229. Среди расстрелянных были, в частности, пять великих князей, два бывших члена Временного правительства, 407 офицеров, 13 правых эсеров. Среди арестованных — более тысячи граждан иностранных государств, прежде всего Германии, Великобритании и Франции.

* * *

Локкарт, отпущенный из-под ареста и увидевший в газетах требования «бесцеремонной расправы с заговорщиками», писал, что весь «заговор послов» в советской версии больше походил на «сказку». У него дома все было перевернуто вверх дном. Тем не менее, приведя себя в порядок, он сразу же начал хлопотать об освобождении Марии Закревской-Бенкендорф. Ходил по этому поводу к заместителю наркома иностранных дел Карахану, но тот ничем не смог ему помочь. 4 сентября Локкарт отправился к Петерсу на Лубянку. Тот выслушал дипломата, пообещал разобраться с делом Муры, а потом сказал: «Вы сэкономили мне работу. Мои люди ищут вас вот уже целый час. У меня есть приказ арестовать вас. Ваши французские и английские коллеги уже под замком». Так Локкарт оказался под арестом во второй раз — на целый месяц.

В чем была причина этого ареста? В реакции британского правительства на гибель капитана Кроми и штурм чекистами английского посольства в Петрограде. После этого в Лондоне были задержаны полуофициальный советский представитель в Англии Максим Литвинов и еще 60 большевиков. Тогда в Москве было принято решение задержать иностранных дипломатов союзников — прежде всего британских, французских и американских. Впрочем, как уже говорилось, всех арестовать не удалось. Но, скажем, глава британской резидентуры в Советской России Эрнст Бойс действительно оказался за решеткой.

Незадолго до второго ареста Локкарта американский генеральный консул Пул сказал ему, что, по-видимому, во всех их неприятностях виноват Сидней Рейли. Он даже предположил, что Рейли был большевистским провокатором и организовал весь этот так называемый «заговор» в интересах Советов. Но Локкарт только посмеялся над его подозрениями. Он ответил, что если бы это было так, то

другие разведчики, работавшие в Москве, наверняка что-то пронюхали бы о его «двойной игре» (Локкарт, прежде всего, имел в виду Джорджа Хилла). Сам же он был весьма высокого мнения о Рейли, и хотя тот, по его словам, обладал «разнообразными, но поверхностными знаниями как в политике, так и в искусстве», но его «мужество было безгранично, и он буквально не знал, что такое опасность».

Локкарт считал, что в своих переговорах с латышами Рейли зашел слишком далеко, и ему действительно могла мерещиться фантастическая перспектива наполеоновского характера. Рейли, по словам Локкарта, позже говорил ему, что сначала латыши совершенно искренне сотрудничали с ним, но когда поняли, что интервенция союзников оказалась не такой масштабной, как они ожидали, и что она не приведет к захвату Москвы, то они изменили Рейли, чтобы спасти самих себя.

Сам Локкарт всегда отрицал свою причастность и к планам Рейли, и к заговору вообще, и к подготовке убийства Ленина и Троцкого в частности. Но споры об этом продолжаются до сих пор. В 2008 году известный британский историк и автор биографии Ленина Роберт Сервис заявил, что «заговор послов», вероятно, был настоящим заговором, а не выдумкой большевиков, как считалось в Великобритании. «Сегодня внешняя политика Британии не предусматривает свержение иностранных лидеров и их устранение руками спецслужб, — сказал он в интервью газете «Дейли мейл». — Наше правительство хочет, чтобы мы думали, что так было всегда, что руки Британии неизменно были чисты. Но на самом деле это отнюдь не так. В ту эпоху методы Британии были такими же грязными, как и методы других стран».

Сын Локкарта Робин Брюс косвенно подтвердил это предположение, заявив: «Если в Форин Оффис кто-нибудь еще упражняет мозг вопросом об отношениях моего отца с Рейли, то из его книги “Воспоминания британского агента” явствует: едва в 1918 году было принято решение об интервенции в Россию, он активно поддержал контрреволюционное движение, с которым, естественно, активно работал Рейли. Мой отец сам четко разъяснил мне, что сотрудничал с Рейли намного более тесно, чем сообщал публично».

Конечно, все это пока остается на уровне версий и предположений. Окончательную ясность в этот вопрос могут внести соответствующие документы из британских архивов, но они пока еще не рассекречены.

Побег

Но вернемся в сентябрь 1918-го. Встретившись с Хиллом, Рейли сказал, что подумывает о том, чтобы добровольно явиться в ЧК и потребовать взамен освобождения Локкарта и других. Хилл принялся его отговаривать — мол, Локкарта большевики все равно не отпустят, и никакого смысла от явки Рейли в ЧК не будет. А вот если он сможет выбраться из России — это, наоборот, будет в интересах Секретной службы.

Поколевавшись, Рейли согласился, и они начали обсуждать возможные варианты побега. Хилл предлагал переправить его по своим каналам на Украину, оттуда — в Баку, где были английские войска. Но Рейли решил выбрать другой путь — через Петроград, Прибалтику и Финляндию. Он был гораздо рискованнее первого, но зато короче. Рейли хотел как можно скорее оказаться в Лондоне.

Но пока что для него нужно было найти более надежное убежище в Москве. Как утверждал Хилл, он решил поселить его у одной дамы, которая принимала его курьеров. «Эта дама, — деликатно отмечал он в мемуарах, — находилась на последней стадии той проклятой болезни, которая столь часто поражает членов ее корпорации». Если называть вещи своими именами, то «дама Хилла» была проституткой и, скорее всего, больна сифилисом.

Рейли, по словам Хилла, был очень брезгливым человеком. Но в жизни шпиона встречаются еще и не такие ситуации. Так что ему пришлось спать чуть ли не в одной постели с больной знакомой Хилла. Зато выбранный вариант оказался беспроегрешным — в этом месте чекисты его не нашли.

Хилл принес Рейли продукты и новую одежду. Он решил отдать ему паспорт на имя Георга Бергмана, по которому в последнее время жил сам. Теперь Бергманом должен был стать Рейли, а Хилл снова превратился в самого себя, Джорджа Хилла. Правда, мифический Бергман по документам был лет на десять старше Рейли, но это шпионов никак не беспокоило — ведь в паспорта тогда не клеивали фотографии.

Несколько дней Рейли провел в своем убежище. Тем временем его люди узнавали, как ему лучше выбраться из Москвы. Как вспоминал сам Рейли, один из его агентов, «госпожа Д.», в результате сумел достать («по благу», как сказали бы в более поздние времена) для него билет в международный вагон поезда Москва—Петроград. Более

того, его место находилось в купе, зарезервированном для персонала германского посольства. Это избавляло Рейли от тщательных проверок документов.

Поезд отходил в 8.30 вечера. Рейли попрощался с Хиллом — тот передал ему большой пакет с продуктами — и отправился на Николаевский вокзал. «За последние четыре дня Рейли впервые проявил эмоции», — вспоминал Хилл об этом моменте.

В одном купе с Рейли оказался молодой сотрудник германского посольства. Рейли представился ему прибалтийским немцем-антикваром, который ездил в Москву для покупки редких старинных вещей. Вскоре они решили поужинать и достали свои припасы. У немца было столько еды, что у шпиона потекли слюнки. За время своей подпольной работы в России он уже отвык от кулинарных изысков. Но и Рейли смог удивить своего спутника. В его пакете с продуктами, помимо сала, яиц, масла, сахара и черного хлеба, лежала и внушительная головка голландского сыра. Увидев его, немец очень оживился. Оказалось, что он очень любит сыр, но не ел его очень давно — во время войны гражданскому населению в Германии сыр не выдавали ни за какие деньги.

В Твери у них попытались проверить документы, но Рейли сердито (с немецким акцентом) закричал, что в купе едут сотрудники посольства Германии. Комиссары, по его словам, сразу же удалились. На всякий случай Рейли дал денег проводнику, и тот пообещал приклеить к дверям купе бумажку с надписью: «Германское посольство». Во всяком случае, до Петрограда ему удалось добраться благополучно.

На вокзале в Петрограде спутника Рейли встречали двое немецких солдат, с которыми тот направился в консульство Германии. Надвинув на глаза шляпу, Рейли буквально «приклеился» к ним и вместе с ними сумел миновать проверку документов. «Не думаю, чтобы за все время войны какой-нибудь британский офицер так радовался виду германских солдат, как я в тот день», — вспоминал он. У вокзала они любезно распрощались с немцем, который еще раз поблагодарил Рейли за сыр.

Рейли решил бежать в Финляндию через пограничный мост на станции Белоостров. Его в то время переходило немало беженцев из Советской России. Рейли рассчитывал, что сможет дать крупную взятку пограничному комиссару и часовому на мосту — денег у него было достаточно.

Ожидая подходящего момента, он пробыл в Петрограде около десяти дней. У кого он жил все это время, Рейли ни-

когда не рассказывал. Говорил только, что постоянно старался менять квартиры и всегда держал в кармане заряженный револьвер. Если верить Рейли, один из его знакомых раскритиковал план побега через Белоостров, потому что, возможно, его там уже поджидали чекисты. Он же нашел владельца голландского торгового судна по фамилии Ванденбош, который согласился вывезти Рейли из Петрограда за 60 тысяч рублей.

Договорились, что Рейли должен прибыть на судно следующим вечером, прямо перед отплытием. Но ему пришлось долго ждать и мокнуть под дождем — с проверкой к голландцу нагрянул какой-то комиссар. Он просидел на корабле до половины второго ночи, причем Ванденбош все это время усердно подливал ему горячительные напитки. В итоге комиссара в буквальном смысле вынесли на берег, и только после этого Рейли смог подняться на борт. «Ванденбош приготовил для меня теплую одежду и стакан грога, — вспоминал он. — От звука воды за бортом меня охватило радостное возбуждение. Я чувствовал, как будто пальцы вокруг моего горла разжались, и я получил возможность вдохнуть полной грудью. Медленно таяли огни Петрограда. Впереди чернело открытое море, Хельсинки, Копенгаген, Англия. В тот момент даже германская морская база в Ревеле казалась нестрашной. Предрассветный ветер разгонял тучи. В небе кое-где заблестели звезды. На востоке уже показалась несмелая заря».

В общем, вот такая вот шпионско-романтическая история. Еще раз — она рассказывается в мемуарах Рейли, которые выпустила его вдова уже после смерти агента.

Рейли вернулся в Англию в горячее время. В России все сильнее разгоралась Гражданская война. В Германии вспыхнула революция, которая привела к свержению кайзера Вильгельма. Шли последние дни Первой мировой войны. 11 ноября 1918 года было заключено перемирие и военные действия в Европе прекратились.

В Лондоне и других британских городах в этот день на улицы высыпали тысячи возбужденных людей. Газеты вышли с огромными заголовками: «Мир!», «Мировая война окончена!», «Перемирие подписано! Германия капитулирует!», «Весь мир радуется падению милитаристской автократии!». Конечно, большинство солдат и офицеров еще находились на фронтах, но те, кто уже успел вернуться домой или лечился в госпиталях, радостно горланили на улицах «Долог путь до Типперэри».

Был ли где-то у Рейли, «солдата тайной войны», свой собственный «Типперэри»? Наверняка был. И наверняка он тоже хотел когда-нибудь окончательно вернуться туда, раз и навсегда преодолев весь этот «долгий путь».

Но не судьба.

СНОВА В РОССИЮ

После возвращения в Лондон Рейли первым делом решил хорошенько «отмокнуть» в ванне с горячей водой. Такого он не позволял себе уже несколько месяцев. Затем он нанес визит шефу Службы Каммингу и доложил ему о своем прибытии в Англию. Потом отправился на банкет в ресторан отеля «Савой», где его ждали Роберт Брюс Локкарт и Эрнст Бойс.

Пока Рейли тайно выбирался из России, Локкарта освободили из тюрьмы. Он просидел месяц — сначала на Лубянке, потом в Кремле. За это время он видел, как на расстрел увозили бывших царских министров, встречался с лидером партии левых эсеров Марией Спиридоновой, которая тоже сидела в Кремле под арестом, несколько дней в одной камере с ним пробыл и латыш Шмидхен — тот самый. Скорее всего, его подсадили к Локкарту, но, как он пишет в мемуарах, они не обменялись ни словом.

Часто его навещал Петерс, а потом и Мария Закревская-Бенкендорф, которую освободили благодаря хлопотам Локкарта и приказу Петерса. Локкарта хотели предать суду революционного трибунала, но потом решили выслать из страны — в обмен на арестованных в Англии большевиков. Сидевшему там под арестом Литвинову представители британского МИДа предлагали ему дать телеграмму Ленину — с тем, чтобы обменять Локкарта на него. Но Литвинов заявил, что сделает это только в том случае, если окажется на свободе. Ситуация казалась патовой. Большевики вполне могли под горячую руку расстрелять Локкарта. Тогда пришлось бы расстреливать и Литвинова, но кому от этого стало бы лучше? В общем, англичане решили его выпустить, и, просидев десять дней за решеткой, Литвинов вышел на свободу и передал в Москву предложение Лондона об обмене, который вскоре и состоялся.

Перед освобождением Петерс попросил Локкарта передать письмо его жене, которая находилась в Англии (до революции, когда он жил в эмиграции в Лондоне, Петерс

женился на дочери британского банкира Мэйзи Фримэн). Локкарт выполнил эту просьбу. Петерс подарил ему и свою фотографию с дарственной надписью, и... уговаривал его остаться в России. «Вы сели в лужу. Ваша карьера закончена, — говорил он. — Правительство Ваше никогда не простит Вашего поведения. Почему Вы не останетесь у нас, где Вы могли бы быть счастливы и создать новую жизнь. Работа для Вас здесь найдется. Время капитализма все равно прошло».

Но это любезное предложение Локкарта не заинтересовало. 2 октября его освободили, а вскоре посадили в поезд вместе с другими освобожденными англичанами и французами под охраной латышских стрелков и отправили к финской границе. На вокзале Локкарта провожала Мура*...

Обо всей этой истории Рейли узнал уже в Англии. Локкарт и Бойс восторженно встретили его в «Савое», и он за обедом, в свою очередь, тоже рассказал им, как ему удалось ускользнуть от большевиков. 11 ноября в Англию вернулся и Джордж Хилл. После доклада в штаб-квартире разведки ему предоставили месячный отпуск. Судя по книге Робина Брюса Локкарта, это время недавние коллеги по работе в России, включая и его отца, «отрывались по полной программе, посвящая его пирушкам и банкетам, которые организовывал Рейли. Некоторые вечеринки проходили с участием русских балерин из эмигрировавшей из России труппы, а иногда, по словам Локкарта-младшего, Рейли «очаровывал лондонских проституток».

Пока разведчики «расслаблялись» в Лондоне, в Москве с 25 ноября по 3 декабря 1918 года прошел судебный процесс по «делу Локкарта». Формально судили 24 человек, но четверых из них в зале не было — Локкарта и французско-

* Локкарт и Мария Закревская-Бенкендорф будут потом нередко видятся за границей. Вскоре после его отъезда из России она переехала в Петроград, где устроилась секретарем к Максиму Горькому, а затем стала и его любовницей. Жила вместе с Горьким в Италии. В 1920—1933 годах писатель посвятил ей роман «Жизнь Клима Самгина». Считается, что именно она уговорила Горького вернуться в СССР. В 1920 году, еще в Петрограде, познакомилась с Гербертом Уэллсом. В 1933 году она переехала в Лондон и там снова возобновила их связь с английским писателем. Он просил ее выйти за него замуж, но она отказалась. О Марии и сегодня ходят различные слухи. Ее подозревают в работе как на советскую, так и на британскую разведку, в том, что она похитила и передала СССР архив Горького, есть даже версия, что она участвовала в отравлении Горького по приказу И. Сталина. Она умерла в 1974 году.

го генерального консула Гренара выпустили из Советской России, а Рейли и капитан Анри Вертимон скрылись.

Заседание Верховного ревтрибунала проходило в Сенатском дворце в Кремле, в Митрофаньевском зале. «Было холодно и неудобно, — вспоминал один из защитников обвиняемых Сергей Кобяков. — Всюду заплывано, всюду грязь и какие-то рваные бумажки, словом, обычная картина всех помещений, где работают большевики. Зато зал блистал “отборной” публикой. В креслах, на которых ранее сидели присяжные заседатели, расположились “коммунистические генералы”. Господин Иоффе, одетый, как истинный дипломат, в великолепной шубе с седым бобром, в лакированных ботинках и в голубых перчатках; молодой “дипломат” Карахан, тоже одетый с иголки, газетный диктатор Стеклов, Петерс и другие из коммунистической знати, все тепло и прекрасно одетые. Какой контраст производили они с обвиняемыми и защитниками! Ведь была уже вторая зима коммунистического рая, и часть одежды была уже пущена в обмен на продукты».

Третьего декабря ревтрибунал вынес приговор. Восемь человек были оправданы. Несколько человек получили по пять лет заключения. Американского разведчика Ксенофонта Каламатиано и подполковника Александра Фриде приговорили к расстрелу (первому расстрел заменили двадцатью, потом пятью годами тюрьмы, а в августе 1921 года амнистировали и выслали в Эстонию, а второго действительно расстреляли 17 декабря 1918 года).

Ольгу Старжевскую приговорили к трем месяцам тюрьмы и лишению права поступления на советскую службу, что тогда значило остаться без куска хлеба и умереть с голоду. Выйдя из тюрьмы, она обратилась с апелляцией в ревтрибунал и, получив разрешение, вскоре устроилась на работу в сельскохозяйственную коммуну «Труд» под Москвой. «После окончания судебного процесса я не поступила на службу, а уехала в деревню, где жила вне политической жизни, — писала она. — Работая в сельскохозяйственной Коммуне, я с 5—6 часов утра до 10—11 вечера была занята огородами, работами в поле, уходом за коровами и тому подобной работой. В Москве за это время я была раза два по делам Коммуны». Но в сентябре 1919 года ее снова арестовали. На этот раз по какому-то нелепому обвинению в том, что она дала удостоверение на покупку коров для кооператива мужу своей знакомой. В ГА РФ сохранилось ее очередное заявление в Политический Красный Крест от

22 сентября 1919 года, в котором она утверждала, что ни в чем не виновата: «Мне было предъявлено обвинение в том, что будто бы я дала удостоверение на покупку коров для какого-то кооператива мужу моей знакомой и землячки А. А. Решетову, приехавшему недавно с Кавказа, и, кроме того, были названы несколько фамилий, неизвестных мне. Предъявленное мне удостоверение я увидела первый раз, никаких удостоверений ему не давала, и вообще мало его знаю... Обвинения в чем бы то ни было против Советской власти я не принимаю, совесть моя в отношении ее совершенно чиста. Прошу выяснить и ходатайствовать о моем освобождении». Вскоре она действительно была освобождена. Дальнейшая ее судьба точно неизвестна.

Что же касается Локкарта, Гренара, Рейли и Вертимо-на, то они были объявлены «врагами трудящихся, стоящими вне закона РСФСР» и подлежали расстрелу «при первом же обнаружении их в пределах территории России».

После вынесения приговора прошло всего лишь три недели, а Рейли снова появился «в пределах территории России».

* * *

Долго расслабляться разведчикам не дали. Осенью—зимой 1918 года Секретная служба снова «объявила аврал». Ей как воздух нужна была информация из России. Камминг даже послал специальную телеграмму в Стокгольм, где находилась резидентура британской разведки, как бы ответственная за сбор информации о русских делах. «Единственными нашими врагами сегодня должны рассматриваться большевики», — отмечал он. 28 ноября Камминг записал в дневнике, что Форин Оффис согласился в ближайшие месяцы выделять разведке три тысячи фунтов в месяц для проведения операций в России.

В ноябре через финскую границу в Советскую Россию был заброшен Пол Дьюкс (он же агент СИС СТ25), имевший при себе документы сотрудника ЧК и позже прославившийся как один из самых успешных и выдающихся британских агентов. Его называли «человеком с сотней лиц».

Рейли и Хилла вскоре тоже «подняли по боевой тревоге». В середине декабря 1918 года Джордж Хилл, который еще не отгулял положенный ему отпуск, неожиданно получил приказ срочно явиться в «контору». В кабинете Камминга Хилл увидел Рейли. Начальник разведки пояс-

нил — они вместе едут в Россию. Нужно собрать информацию о положении на юге страны, чтобы предоставить ее на открывающейся вскоре в Париже мирной конференции, на которой державы-победительницы в Первой мировой войне должны были договориться об устройстве послевоенного мира и определить свои отношения с побежденными. Планировалось обсудить на конференции и «русский вопрос». Шли споры — приглашать в Париж делегацию из России или нет? И какую именно — красную или белую? Или оказать на обе стороны международное давление с целью, чтобы они прекратили войну, а потом уже приглашать их в Париж?

Некоторые из южных районов России к тому времени уже находились под контролем белой Добровольческой армии, которой командовал генерал-лейтенант Антон Деникин.

Рейли вспоминал, что его назначили политическим офицером при Ставке Деникина. Во время этой поездки он побывал в Крыму, на Юго-Востоке России и в Одессе.

Хиллу явно не хотелось возвращаться в Россию. «Мы должны были выехать из Лондона после обеда, — вспоминал он, — но, поскольку война уже закончилась, я не слишком хотел оставаться на службе. Я предпочел бы служить в авиации и поэтому колебался перед тем, как дать ответ». Но шеф, то есть Камминг, «не как начальник, а как друг», убедил его поехать с Рейли. А вот Рейли, наоборот, всей душой стремился в Россию. Еще в ноябре он писал Локкарту, что считает своим долгом «продолжать службу, если она может принести пользу России и борьбе с большевизмом» и пока это возможно, то он не собирается возвращаться к занятиям бизнесом. «Я посвящу всю свою чертову жизнь этой работе», — отмечал Рейли.

Их поезд отходил через два часа. Когда они вышли от шефа, Рейли, по словам Хилла, начал подкалывать его. «Хилл, — сказал он, — я не верю, что вы очень-то хотите успеть на этот поезд. Спорю на 50 фунтов, что вы опоздаете!» Хилл сначала отмахивался, но Рейли настаивал на пари, и в конце концов его компаньон согласился. Самое интересное, что Хилл действительно чуть не опоздал. Он едва успел собрать вещи, сел в машину, которая доставила его на вокзал «Ватерлоо» буквально за минуту до отхода поезда. Рейли был уже в вагоне и, высунувшись из окна, пытался разглядеть Хилла на перроне. Хилл вскочил в поезд, когда он уже тронулся. Рейли признал свое поражение в

пари и, по словам Хилла, «как истинный спортсмен», отдал ему проигранные 50 фунтов.

Они ехали под видом коммерсантов, изучающих возможность восстановления торговых отношений между Англией и Россией. Добравшись на поезде до Саутгемптона, Рейли и Хилл хотели сесть на судно, идущее в Гавр. Но все билеты на него были проданы. Миссия оказалась под угрозой, но тут Рейли вдруг заметил знакомую фигуру — это был знаменитый польский пианист и композитор Игнацы Ян Падеревский, которого он неплохо знал. Падеревский возвращался в Варшаву, где вскоре стал первым премьер-министром польского независимого государства. Он провел Хилла и Рейли в свою каюту. До Гавра они добрались, обсуждая положение в Европе и «большевистскую угрозу, нависшую не только над Польшей, но и над всем цивилизованным миром».

Затем, снова на поезде, доехали до Парижа, где задержались на несколько часов. Для того чтобы пообедать в ресторане «Ля Рю», владельцем которого был знакомый им еще по довоенному Санкт-Петербургу шеф-повар ресторана «Кюба». Обед оказался превосходным, а вино и бренди, которые они пили из глубоких хрустальных бокалов, великолепными.

Этот обед позволил им перетерпеть поездку до Марселя — людей в вагоне как сардин в банке. Они буквально сидели на головах друг у друга. Помимо обычных пассажиров поезд был еще набит французскими солдатами, которые возвращались домой из госпиталей.

В Марселе они сели на греческий миноносец. Никто им не удивлялся — тогда военные корабли часто перевозили коммерсантов. Рейли и Хилл добрались до Мальты, там пересели на другой корабль, шедший в Константинополь, а уже оттуда британский военный корабль доставил их в белый Севастополь. Это было 24 декабря 1918 года.

«Все, как при старом режиме»

Новый, 1919 год они встречали в Ростове-на-Дону, одной из тогдашних столиц белого Юга России. Город, вспоминал Хилл, был переполнен самой разнообразной публикой и буквально «гудел от возбуждения», но все время чувствовалось, что война идет где-то совсем рядом. Царил повсеместный дефицит — англичанам сразу же бросилось в глаза отсутствие мыла.

Рейли и Хилл поселились в «Палас-отеле» и в нем же встречали Новый год. В центре огромного зала шумел великолепный фонтан, струи воды, подсвеченные лампами, вздымались вверх. За столиками сидели дамы в невероятно дорогих кольцах и колье, которым могли бы позавидовать ювелиры из «Картье». Но при этом на них были надеты поношенные платья и стоптанные туфли, а у некоторых под дорогими шубами «скрывались убогие лохмотья». Если верить Хиллу, одна барышня особо выделялась своим нарядом, но он с удивлением увидел на ее ногах грубые носки ручной вязки и лапти.

Большинство же мужчин носили военную форму. Кто-то еще шеголял в довоенных мундирах русской императорской армии — как будто дело происходило на балу в Петербурге в 1913 году, но в основном преобладал более скромный цвет «хаки». Среди гостей было много и иностранных военных из армий союзников России в Первой мировой войне.

Рейли и Хилл надели фраки, причем Хилл отметил, что фрак Рейли укорочен по последней американской моде. Они сидели на балконе, который был разделен на небольшие отдельные «кабинеты». Оркестр в зале то и дело начинал играть «Боже, Царя храни!», и им приходилось то вставать, то садиться. «Когда мы в очередной раз сели, — вспоминал Хилл, — я бросил взгляд на лицо Рейли — длинный, прямой нос, темные, пронизывающие глаза, большой рот и черные волосы, зачесанные назад со лба. Он маленькими глотками пил кофе по-турецки, иногда запивая его ледяной водой, и неторопливо курил одну папиросу за другой. С такой же методичностью он наблюдал за всем, что происходило вокруг, и постоянно делал пометки о своих наблюдениях и впечатлениях. Я знал, что на следующий день они будут тщательно проанализированы в его подробнейших отчетах».

Ну а пока новогодний бал был в самом разгаре. Они хорошо повеселились и порядочно выпили. Хилл танцевал то с одной, то с другой русской барышней. В конце концов он понял, что больше веселиться больше не в состоянии, поднялся к себе в номер, снял фрак, надел пижаму и хотел лечь спать. Но тут оркестр внизу заиграл один из гвардейских маршей, и он, не в силах устоять, накинул на себя халат, сбегал вниз и повел за собой «хоровод» из музыкантов и гостей по коридорам отеля, на кухню и лестницу — так они добрались даже до чердака.

Рейли тоже зафиксировал этот эпизод в своем дневнике (его цитирует Эндрю Кук): «Шумные новогодние празднества, все страшно напились. Хилл в домашнем халате вел за собой оркестр. Все, как при старом режиме».

* * *

Восьмого января 1919 года было объявлено о создании Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В их состав вошли Добровольческая армия, войска Всевеликого войска Донского, Кубанской рады и другие антибольшевистские формирования — общей численностью до 70 тысяч человек. Главкомандующим остался генерал Деникин.

Под контролем белых на юге к тому времени уже находились Крым, Кубань, Северный Кавказ. 31 января французские и греческие части заняли Одессу, Херсон и Николаев. Среди белых это событие вызвало настоящее ликование — они решили, что войска союзников наконец-то выступили на их стороне. Но, в общем, радость была преждевременной...

Хотя ситуация начала 1919 года для белых внушала оптимизм. Большевики были сжаты со всех сторон. С востока — войска Верховного правителя России (таковым его 12 июня 1919 года признает Антанта) адмирала Александра Колчака, с севера — армия генерал-губернатора Северной области генерал-лейтенанта Евгения Миллера, с северо-запада — Северная армия (в июле 1919 года командование белыми войсками на этом участке фронта примет генерал Юденич), с юга — Вооруженные силы Юга России. Тогда многим казалось, что правительство Ленина в Москве долго не продержится.

В такой ситуации Рейли и Хиллу и предстояло собрать как можно больше объективной информации о положении дел во ВСЮР и на территориях, которые они контролировали. Несмотря на то, что время от времени посланцы Лондона во время этой поездки не упускали хорошенько отдохнуть и повеселиться, они подошли к заданию весьма серьезно.

Уже 27 декабря 1918 года, через три дня после прибытия в Севастополь, Рейли и Хилл встретились с начальником Военного и морского управления и помощником главкома генерал-лейтенантом Александром Лукомским. Затем была встреча с самим Деникиным, в потом они побывали в Екатеринодаре, Новочеркасске, Новороссийске.

5 января 1919 года (18 января по новому стилю) Деникин подписал приказы о награждении Рейли и Хилла орденами Святой Анны 3-й степени с мечами и бантами. Рейли именовался в приказе «английской службы лейтенант резерва». Документ о награждении сохранился — он и сейчас находится в Российском государственном военном архиве (РГВА). Что же касается самого ордена, то, как отмечает Эндрю Кук, он тоже по сей день хранится в архиве МИ-6. Чуть позже Рейли и Хилл узнали, что в Лондоне Камминг представил их к награждению Военными крестами — орденом, который выдавался за «пример или примеры образцовой храбрости во время активных действий против врага...».

За время пребывания на юге России Рейли и Хилл узнали многое. Проблема, однако, заключалась в том, как передать всю эту информацию в Лондон. Телеграфной связи с Англией в этих районах не было. Посоветовавшись, Рейли и Хилл решили, что после того, как они доберутся до Одессы, один из них доставит в Лондон все отчеты, а другой останется в России. Конечно, в таком случае собранная ими информация попала бы в Англию немного позже, чем нужно, но зато попала бы точно. К тому же Рейли или Хилл могли бы лично дать пояснения своему начальству. Но кто поедет? Они решили этот вопрос просто: бросили жребий. Ехать в Лондон выпало Хиллу, а оставаться в России — Рейли.

Из Екатеринодара до Новороссийска они добирались в вагоне для скота. Было жутко холодно, вагон продувал ледяной ветер, и вскоре Хилл понял, что заболевает. У него начался приступ малярии. А уже в Новороссийске, где они, по словам Хилла, поселились в «нишей гостинице», он почувствовал, что его еще кто-то кусает, и с омерзением обнаружил, что буквально с головы до ног покрыт вшами.

На помощь коллеге пришел Рейли. Сказав, что вылечит его, он ушел в город и вскоре вернулся с бутылкой какого-то дезинфицирующего раствора в руках. Возможно, это был керосин, который применяется для этих целей до сих пор. Хилл разделся, и Рейли сначала побрил его буквально с ног до головы. Затем Хилл начал мазаться жгучей и пахучей жидкостью. В своих мемуарах он писал, что в тот день Рейли, возможно, спас ему жизнь, иначе от вшей он мог бы подцепить тиф — от него в те годы умирали тысячи людей (через год от тифа скончался и отец Хилла).

«В Одессе все спокойно»

Третьего февраля 1919 года они наконец-то прибыли в Одессу. Капитан посудины, на которой они добирались по морю из Севастополя, отнесся к двоим «английским коммерсантам» очень любезно и даже выделил им четырех вооруженных матросов, чтобы те помогли им донести вещи до гостиницы. Этим предложением они воспользовались с удовольствием: во-первых, в порту было невозможно найти ни одного экипажа или извозчика, а во-вторых, матросы с винтовками, сопровождавшие двух англичан, представляли неплохую страховку от различных неприятных неожиданностей.

На протяжении 1918 года власть в Одессе менялась так часто, что одесситы даже сбивались со счета. Одесса была вольным городом, советской республикой, находилась в оккупации австро-венгров и немцев, более недели в декабре 1918 года ее занимали украинские войска Симона Петлюры, пока, наконец, в городе не появились войска Антанты. 7 декабря в Одессу прибыла французская дивизия, французские и английские корабли встали на рейде Очакова и Николаева и высадили десант на берег. Англичане и французы высадились также в Феодосии, Евпатории, Ялте, Керчи. Войска союзников заняли также порты Мариуполь, Бердянск и Геническ на Азовском море.

Одесса, с населением в 600 тысяч человек, была самым крупным русским портом на Черном море, который заняли союзники. Французская корабельная артиллерия помогла белогвардейцам и прибывшим ранее польским легионерам выбить из города петлюровцев. Бои продолжались два дня. От Петлюры союзники потребовали отвести свои войска из Одессы, и тому ничего не оставалось делать, как согласиться. 20 декабря 1918 года город перешел под контроль сил Антанты и белогвардейцев.

При поддержке французов военным губернатором Одессы был назначен генерал-майор Алексей Гришин-Алмазов, 38-летний способный военачальник, недавний организатор белой армии в Сибири. В Одессе он начал формировать добровольческие отряды. Гришин-Алмазов сразу же заявил о своем подчинении Деникину, но в Ставке белых его подозревали в «бонапартизме» и «сепаратизме». Генерал не раз жаловался, что ему не верят, и не столько ценят, что «прилучили» Одессу под трехцветное знамя Единой России, сколько боятся «одесского самостийничества».

«В Одессе все спокойно», — гласило одно из первых донесений Гришина-Алмазова Деникину. Но наверняка сам военный губернатор вскоре понял, что это, мягко говоря, не совсем так...

Рейли и Хилл поселились на Приморском бульваре в «Лондонской» — лучшей гостинице города. В ней тогда жили самые известные люди, оказавшиеся в городе. Некоторое время квартировал тут и Гришин-Алмазов, пока не переехал в отдельный особняк. Когда сюда заселились Рейли и Хилл, им первым делом бросилось в глаза то, что «Лондонская» была буквально набита французскими офицерами. Но, конечно, не только ими. «И кого только не было в эти памятные дни в этом шикарном убежище? — вспоминал один из современников, штабс-капитан В. Маевский. — Укрывались в нем недавние царские министры и генералы, высшие сановники рухнувшей империи и известные артисты (Фигнер, Смирнов, Собинов), знаменитые писатели (Бунин, Чириков, Аверченко), оперные (Липковская) и кинематографические звезды (Вера Холодная), финансовые тузы (Манташев, Путилов, Лианозов) и всякие дельцы».

Один из основателей кадетской партии известный юрист, политик и профессор Евгений Трубецкой эвакуировался в Одессу из Киева и также останавливался в «Лондонской». Позже он вспоминал: «Дороговизна была такая, что за один ночлег и еду приходилось тратить до 60 рублей в сутки, обедая в столовых третьего разряда и заменяя ужин колбасой да хлебом. Те же, кто, как я, жил в “Лондонской” гостинице, тратили на одну еду да кофе сто или более рублей... Имея достаточный литературный заработок, я не терпел нужды, но имел денег, что называется, в обрез. Поэтому я с немалым удивлением спрашивал себя, откуда же добывают средства все остальные, то огромное большинство, которое не зарабатывает. А ведь живут люди при этом не хуже, а лучше меня. Есть и такие, что ни в чем себе не отказывают, платят за завтрак тридцать, за обед сорок рублей, да еще требуют вина и даже шампанского. Огромный ресторан “Лондонской” гостиницы, где я не позволял себе обедать, был всегда переполнен этими людьми, бывшими землевладельцами и богачами. Они просто не были в состоянии сократить свои привычки и жили мечтой о “здоровенном кулаке”, который вернет им их имения, жили изо дня в день, стараясь не приподымать завесу будущего».

Джордж Хилл, впрочем, вспоминал, что в первый день пребывания в Одессе их с Рейли обед в «Лондонской» был

неплох, но и не сказать, чтобы уж слишком роскошен. Он состоял из икры (не очень свежей), бифштексов, кофе со сливками, четырех мандаринов и бутылки красного вина. Все это стоило 350 рублей — семь фунтов стерлингов по тогдашнему курсу. Дороговато, конечно.

* * *

В Одессе с Рейли произошел странный случай. В один из первых дней пребывания в этом городе они с Хиллом отправились прогуляться. Неторопливо шли по Александровскому проспекту — одной из самых известных и красивых улиц «жемчужины у моря» — обменивались впечатлениями, разговаривали. И вдруг Рейли замолчал, побледнел и упал на мостовую. Хилл бросился его поднимать, но буквально через пару минут тот уже пришел в себя. Однако он не помнил, что с ним случилось, и ничего объяснить не мог. Хилл предполагал, что с Рейли произошло что-то вроде нервного потрясения, которое спровоцировали нахлынувшие на него эмоции и переживания, связанные с тем, что он оказался в местах своего детства. Он писал, что припадок с Рейли произошел у дома 15 по Александровскому проспекту, из чего делал вывод, что, возможно, его коллега по разведывательной миссии в детстве жил именно в нем. Но, конечно, это всего лишь версия, и не слишком-то убедительная.

Рейли обладал крепкими нервами, он не раз бывал в различных передрягах и вряд ли бы один вид его собственного дома мог повлиять на него так, что он тут же грохнулся в обморок, как гимназистка. Другое дело, что шпионская жизнь, которую он вел в последние годы, не способствовала укреплению здоровья. К тому же Рейли уже перевалило за сорок — солидный возраст по тем временам. Так что этот припадок в Одессе, скорее всего, был связан с каким-то «сбоем» в работе его организма, а то, что это произошло на Александровском проспекте — просто совпадение.

Вскоре Хилл уехал из Одессы и через Констанцу и Бухарест добрался до Лондона. С собой он вез и объемистый сундук, в котором хранилась секретная корреспонденция. В сундуке были проделаны несколько отверстий — на тот случай, если вдруг в случае опасности его придется выбрасывать в море. Тогда бы он быстрее пошел на дно и никаких секретов враг не узнал.

Скорее всего, в этом «дырявом» сундуке лежали и донесения Рейли, которые Хилл тоже должен был доставить в Англию. 1 марта 1919 года он прибыл в Лондон.

«Русские нуждаются почти во всем»

Рейли передал Хиллу 12 отчетов и донесений. Первое из них он составил уже 28 декабря 1918 года, через четыре дня после приезда в Севастополь. Рейли сообщал о своих «предварительных впечатлениях».

Главной антибольшевистской силой на Юге Рейли считал Добровольческую армию. Хотя и объективно отмечал ее недостатки: немногочисленность (около 60 тысяч человек), постоянный недостаток оружия, боеприпасов и снаряжения, большое количество тыловиков, среди которых отмечались «недовольство и деморализация», трения между генералом Деникиным и правительствами Кубани и Дона.

Тем не менее Рейли утверждал, что именно Добровольческая армия представляет собой «единственную конкретную и надежную силу, живое олицетворение Русского Единства». «Она, — писал Рейли, — прошла свой героический период и достигла в развитии критической точки, после чего должна стать либо главным фактором для сплочения всех конструктивных элементов, либо медленно, но верно начать приходить в упадок». В этом смысле, считал он, судьба добровольцев будет полностью зависеть от поддержки союзников. Например, Крым даже «при умеренной помощи союзников может быстро стать моделью политической и экономической реконструкции для всей России».

В своих последующих донесениях в Лондон Рейли настойчиво продвигал одну и ту же мысль: Белое движение обречено на поражение без помощи иностранных союзников, прежде всего англичан. При этом он имел в виду не только военную, но и, как сейчас принято говорить, «гуманитарную помощь». Рейли высоко оценивал ее роль в качестве морального и даже пропагандистского фактора — ведь ситуация с продовольствием и потребительскими товарами в России была, по его словам, ужасающей. Поэтому «даже несколько транспортов с грузами» улучшили бы ситуацию и стали бы эффективным средством пропаганды «в пользу союзников и против большевизма».

Он особо подчеркивал, что «время не ждет», и призывал начать оказание помощи России как можно скорее. И пред-

лагал, чтобы русские представители тоже участвовали в этом процессе. Рейли, например, выдвинул такую идею — в Симферополе должны собраться на конференцию делегаты от «провинциальных властей» (Кубани, Крыма, Дона), добровольцев и союзников. На этой конференции они бы сформировали делегацию, которая бы отправилась в Европу и там бы провела переговоры о том, какая помощь необходима России.

Рейли не слишком высоко оценивал тех русских гражданских чиновников, с которыми ему удалось поговорить на занятых белыми территориях. Он сообщал в Лондон, что они «абсолютно беспомощны», не в состоянии справиться с «колоссальной катастрофой», которая постигла русскую экономику и финансы, и не могут разработать даже каких-либо «набросков финансовой политики». Они просили Рейли донести до союзников просьбу: напечатать для «белых территорий» России 500 миллионов старых, царских рублей. Несмотря на свое скептическое отношение к этим людям, Рейли ее поддержал. Он тоже предлагал, что нужно печатать именно царские рубли, а не какие-то «специальные» денежные знаки, поскольку они, по его наблюдениям, пользовались наибольшим спросом в России и считались одной из самых надежных валют.

Но, конечно, далеко не все сводилось к помощи из-за рубежа.

Рейли, например, указывал, что и сами русские «антибольшевики» должны ясно сформулировать цели своей борьбы. Он подробно описал разногласия между Деникиным и местными властями. Что же касается самого Деникина, на которого сам Рейли делал главную ставку, то четкое декларирование его политических целей представляло собой «срочную необходимость». Рейли сообщал в Лондон, что добровольцев многие подозревают в монархизме (сам он весьма скептически относился к возможности восстановления монархии в России), и это препятствует увеличению численности Добрармии.

В депеше от 8 января 1919 года Рейли информировал Секретную службу о положении в Добровольческой армии: «Состояние ее боевой техники, снабжение провизией и вооружением, а также ее технические средства не могут быть охарактеризованы иначе как ужасающие... из этого можно заключить, что немедленная помощь союзников в настоящее время сейчас даже более важна, чем ее объем». Он призывал Союзников показать себя «настолько щедрыми,

насколько это возможно». Рейли писал, что «русские нуждаются почти во всем» — от обмундирования до аэропланов-бомбардировщиков и танков *Mark A Whippet*.

Десятого января 1919 года в Екатеринодаре Рейли и Хилла принял Деникин. В своем отчете в Лондон Рейли цитировал его весьма пространно: «Народ думает, — говорил Деникин, — что для того, чтобы восстановить мир в России, все, что нужно сделать, — это взять Москву. Снова услышать звук кремлевских колоколов, конечно, было бы очень приятно всем, но мы не можем спасти Россию, просто взяв Москву. Россию нужно снова завоевать всю, а для этого нам нужно предпринять большое наступление с юга через всю Россию. Мы не можем сделать это в одиночку. Нам нужна помощь союзников. Недостаточно только боевой техники и оружия. Здесь должны быть союзные войска, которые двигались бы позади нас, удерживая занятые нами территории, держали бы свои гарнизоны в городах, поддерживали бы порядок и обеспечивали бы защиту наших коммуникаций. Только тогда мы сможем мобилизовать новые войска на занятых территориях, гарантировать порядок и спокойно двигаться вперед... Мы будем сражаться до конца, но и вы должны быть всегда наготове и защищать нас от удара в спину».

На следующий день Рейли и Хилл беседовали с председателем Особого совещания генералом от кавалерии Абрамом Драгомировым, который оценивал масштабы прямой военной помощи в 15 дивизий союзников. Сам Рейли, впрочем, не был согласен с тем, что эти войска должны находиться только в тылу и удерживать взятые белыми города. Он поддерживал тех, кто считал, что «умеренная поддержка» иностранных частей непосредственно на фронте окажет огромное моральное влияние на настроения и в белом лагере, и в лагере большевиков.

Нужно, отмечал Рейли, «сформулировать принцип, что ни одна жизнь солдата из союзнической армии не должна быть принесена в жертву в России. Позволим себе некрасивое сравнение: не стоит рисковать большим ради малого».

По прогнозам Рейли, к весне 1919 года Красная армия будет насчитывать более миллиона человек (на самом деле, РККА к этому времени увеличилась до 1,5 миллиона бойцов и командиров), но дальше делал неожиданный вывод. По его мнению, даже такая масса войск не выдержит ударов менее крупных, но гораздо более лучше подготовленных и экипированных сил. Рейли, однако, предупреждал,

что если к лету 1920 года не будет закончен разгром большевиков, то ситуация станет роковой для России и очень опасной для Европы — не исключено, что ей придется столкнуться лицом к лицу с мощной армией большевиков.

Любопытная деталь: в одной из депеш Рейли сообщал, что получил от своего источника информации сведения о положении дел в Совдепии. Рейли называл его «отчаянным»: «Сыпной тиф и другие инфекционные заболевания опустошают города и села... Топлива практически нет... Вся частная торговля прекратилась, и 9/10 магазинов закрыты... Промышленная жизнь страны почти мертва».

«Совдепия, — сообщал Рейли, — полностью отрезана от остального мира», ее население получает «полностью искаженные новости» о событиях в мире из советской прессы, а среди ее населения растет настроение «всеобщей психической депрессии и усиливается ощущение безнадежности любой борьбы против большевизма». Рейли призывал союзников как можно быстрее «освободить население Совдепии», потому что когда долго не приходит обещанная помощь, то, писал он, «безнадежность и страшные условия жизни заставляют многих присоединяться к большевикам и тем самым еще больше укрепляют их власть».

Рейли указал еще на один парадокс — в то время, как Советская Россия действительно находилась в тяжелейшем положении, а ее население страдало от голода, холода и войны, влияние идей большевиков вне ее постепенно росло. Он отмечал, что оно чувствовалось даже в военных частях союзников в Севастополе, где Рейли с Хиллом дожидались судна, которое должно было бы переправить их в Одессу. Особенно восприимчивы к большевистской пропаганде оказались, по его словам, французские войска.

Рейли прекрасно понимал притягательность коммунистических идей, а потому считал их вдвойне опасными для Европы. Он писал, что различные мнения могут высказываться относительно различных вариантов военной и экономической помощи России. Но когда дело касается пропаганды — здесь двух мнений быть не может: «необходима всемирная пропаганда против большевизма как против величайшего зла, угрожающего цивилизации».

Что же можно сказать о той информации, которую Рейли сообщил в Лондон? Пожалуй, ему удалось довольно точно определить условия, при которых действия белых на юге России хотя бы теоретически могли бы оказаться успешными.

В это время он оценивал силы большевиков иначе, чем весной—летом 1918 года, когда он работал в Москве. Теперь позиция Рейли была близка к прогнозам Локкарта лета 1918 года: если уж начинать интервенцию, то крупными силами.

Изучив положение в России, Рейли, будучи при всем своем авантюризме реалистом, быстро понял, что задача разгрома красных практически невыполнима без масштабной и, главное, немедленной помощи со стороны союзников. Пока большевики еще окончательно не укрепили свой режим и не закончили создание своей армии. Впрочем, понимал это не только Рейли, но и вожди Белого движения на юге России, чью точку зрения он также передавал в Англию.

«Завелась смерть, которая видит»

После отъезда из Одессы Хилла Рейли записал в дневнике (эту запись приводит Эндрю Кук): «Проводил Хилла, в нас стреляли». И все. Больше никаких подробностей. Кто в них стрелял и почему — осталось неизвестным. Хотя в Одессе того времени стрельба на улицах была не таким уж редким явлением. Не исключено, что кто-то пытался убить именно нашего героя, но, может быть, в него палили просто так, «по случаю» — в этом городе тогда могло случиться все, что угодно.

В своих мемуарах Джордж Хилл отмечал, что, когда они с Рейли сошли на берег в Одессе, им сразу же бросилось в глаза, что улицы буквально заполнены французскими солдатами в серо-голубой форме. Среди них было много чернокожих сенегальцев. Знаменитый певец Александр Вертинский писал о том же самом: «По улицам этого прекрасного приморского города мирно расхаживали какие-то экзотические африканские войска: негры, алжирцы, марокканцы, привезенные французами-оккупантами из жарких и далеких стран, — равнодушные, беззаботные, плохо понимающие, в чем дело. Воевать они не умели и не хотели. Они ходили по магазинам, покупали всякий хлам и гоготали, переговариваясь на гортанном языке. Зачем их привезли сюда, они и сами точно не знали».

Командовал этими разноплеменными войсками дивизионный генерал Филипп д'Ансельм, а начальником его штаба был полковник Анри Фрейденберг (по некоторым

данным, уроженец Одессы, где его отец служил в бельгийском трамвайном обществе). Отношения с белыми добровольцами у них как-то не складывались.

Сначала французы вступили в переговоры с представителями украинских националистов, что вызвало резкое недовольство русских. Затем на восемь дней французами была закрыта газета «Россия», которую издавал известный политик, журналист и националист Василий Шульгин, правая рука военного губернатора Одессы. Она резко критиковала украинский сепаратизм. В знак протеста Шульгин отказался возобновлять выпуск газеты, а Гришин-Алмазов направил по этому поводу французам резкое письмо.

Французы запретили проводить в Одессе и мобилизацию офицеров и населения в Вооруженные силы Юга России. Деникин увидел в этом ущемление национального достоинства русских и заявил, что не потерпит «ничьего вмешательства в вопросы формирования Русской армии». Правда, мобилизация все равно проводилась, хотя, конечно, в ограниченном масштабе и при постоянном выяснении отношений с французами. К марту 1919 года Отдельная Одесская стрелковая бригада в количестве пяти тысяч человек под командованием генерал-майора Николая Тимановского заняла район Очакова.

Все эти особенности ситуации в Одессе нашли свое отражение и в донесениях Рейли. В депеше от 18 февраля он писал, что отношение французов к добровольцам «исключительно недружественное». По его словам, они относятся к русским офицерам «не только без элементарной вежливости, но часто и с оскорбительной грубостью». Особенно не понравился Рейли начальник штаба генерала д'Ансельма полковник Фрейденберг. До него доходили гулявшие по Одессе слухи о том, что этот «одесский француз» не слишком-то чист на руку. В своем отчете в Лондон Рейли прямо обвинил его в том, что он саботирует поставки вооружений армии Деникина.

У самого же Рейли отношения с добровольцами, судя по всему, наладились быстро. Он ведь искренне считал, что Белому движению надо помогать как можно больше, и не скрывал своих взглядов во время встреч с Гришиным-Алмазовым и другими высокопоставленными русскими офицерами. В лице британского агента добровольцы видели настоящего союзника. Им наверняка пришлось по душе, что Рейли открыто возмущался поведением французов и

их пассивностью. В своем докладе в Лондон он, например, подчеркивал, что они даже не могут наладить в Одессе нормальную жизнь, превратив ее «в один из самых плохо управляемых и наименее безопасных городов мира».

«Охотник на подпольщиков»

Красная Москва придавала огромное значение подпольной работе и, прежде всего, революционной пропаганде в Одессе, совершенно справедливо полагая, что разложение армии Антанты приведет к провалу планов широкомащтабной интервенции. Соответственно, и количество подпольщиков и разведчиков, направленных большевиками в Одессу, было весьма значительным. Так что контрразведке белых и французов хватало работы.

Первого марта были арестованы члены Коллегии иностранной пропаганды при Одесском обкоме Компартии (большевиков) Украины, которая работала среди иностранных солдат и готовила восстание на французских военных кораблях. Среди арестованных была и знаменитая французская революционерка Жанна Лябурб. А всего лишь через несколько часов после ареста одиннадцать агитаторов были расстреляны без суда и следствия французской контрразведкой, а их трупы выброшены на дорогу. Есть версия, что «дружина» Котовского собиралась совершить нападение на контрразведку и освободить революционеров, но не успела сделать этого.

Расстрел «группы одиннадцати» вызвал в Одессе волну протестов — даже среди противников большевиков. Похороны расстрелянных превратились в манифестацию, а городская дума выразила протест против бессудных казней. Но они все равно продолжались.

Начальником контрразведки при Гришине-Алмазове в Одессе стал хороший знакомый Рейли Владимир Орлов, бывший «белогвардейский шпион» в Петроградской ЧК.

В сентябре 1918 года Орлов, опасаясь провала, бежал в Финляндию, откуда переехал в Одессу, где в начале февраля 1919 года и занял должность главного борца со шпионами и подпольщиками. На этом посту ему пришлось попотеть. Одесса тогда буквально кишела различными агентами, шпионами, подпольщиками, разведчиками и просто сомнительными элементами, которые продавали важную информацию направо и налево.

Рейли встречался с Орловым в Одессе. Встречался он и с Василием Шульгиным, создавшим еще весной 1918 года свою разведывательную и контрразведывательную сеть под названием «Азбука». В Одессе «Азбука» выявляла разведчиков большевиков и деятелей революционного подполья. Так вот, не исключено, что Рейли тоже принимал участие в «охоте» за красными подпольщиками. Тем более что в Одессе тогда работали некоторые из чекистов, к которым у него имелись, что называется, старые счета. Еще с московских дней 1918 года.

Одним из таких подпольщиков был и чекист Георгий Лафар*. По заданию Москвы он устроился переводчиком в штабе французских войск, то есть непосредственно в ведомстве полковника Фрейденберга, которого Рейли подозревал в саботаже поставок вооружений армии Деникина. Одесский историк Никита Брыгин подозревал его в том, что он получил крупную взятку — как раз от Лафара — за полное прекращение помощи и поспешную эвакуацию союзников из Одессы. К тому же сразу после бегства из Одессы полковник вышел в отставку и открыл в Константинополе собственный банк.

«Азбука» Шульгина в середине февраля 1919 года сумела перехватить донесение некоего агента большевиков «Шарля» в Центр. Сотрудники Шульгина и Орлова установили примерный круг подозрительных лиц, откуда ниточка повела уже к Лафару. Возможно, что где-то на этом этапе к охоте за неуловимым доселе «Шарлем» подключился и Рейли. Может быть, именно он опознал в одном из переводчиков французского штаба чекиста, которого видел в Москве.

Дальше началась весьма интригующая история.

В то время в Одессе выходило множество самых разнообразных газет. Была и газета под названием «Призыв». И вот в этом самом «Призыве» появились несколько любопытных материалов. 3 марта в «Призыве» был напечатан очерк «Иностранец, который знает Россию». В нем шла речь о... Рейли. О том, как он участвовал в «заговоре послов», о том, что в Совдепии он заочно приговорен к смертной казни, и

* *Георгий Георгиевич Лафар* (1894—1919) — один из первых советских разведчиков, был сыном обосновавшегося в России французского инженера. Во время войны работал в экспедиционной конторе, по политическим воззрениям анархист. С декабря 1917 года сотрудник ВЧК.

других его похождениях. По сути, это была первая биография Рейли, которую предоставили на всеобщее обозрение. Подписи под очерком не было, но почти нет сомнений, что он написал его сам, или же с его слов. Но зачем? 20 марта в «Призыве» появилась еще одна, маленькая, но очень важная заметка. Называлась она «Большевики — “гастролеры” в Одессе». В ней было всего лишь несколько строк:

«По улицам Одессы совершенно свободно разгуливают следующие большевистские гости из Совдепии.

Грохотов — комиссар по иностранным делам на Мурмане, в свое время арестованный английским командованием и благополучно скрывшийся.

Петиков — тоже архангельский гастролер, убийца адмирала Кетлинского*.

Граф де Ля-Фар — член Московской чрезвычайки».

Одесский историк Никита Брыгин полагал, что и эта заметка принадлежит Рейли. О ком же в ней идет речь? Граф де Ля-Фар, он же Георгий Лафар, он же Жорж Лафар, нам уже знаком. Интересно, что в заметке он назван по своей настоящей, французской фамилии. Говорили, что Лафары ведут свой род действительно от графов, и одним из их предков был чуть ли не граф де ла Фер — знаменитый мушкетер Атос. Тот, кто писал заметку, хорошо знал историю их семьи. Леонид Грохотов и Алексей Петиков тоже были подпольщиками, заброшенными в Одессу, но, думается, что главная цель этих публикаций состояла все-таки в том, чтобы спровоцировать на какие-то действия агента «Шарля». И Рейли (если он действительно принимал участие в этих публикациях) с Орловым все просчитали точно.

В первой статье Рейли напомнил о себе. И о «заговоре послов», в расследовании которого непосредственное участие принимал Лафар. Для агента «Красной Москвы» это был повод занервничать — ведь Рейли мог знать Лафара. «Шарль», похоже, действительно занервничал. В архиве ФСБ сохранилось его последнее донесение, датированное 9 марта 1919 года:

* Контр-адмирал Казимир Филиппович Кетлинский (1875—1918) с сентября 1917 года занимал должность Главнамура (главного начальника Мурманского укрепрайона и отряда судов Кольского района). 1 января 1918 года арестован, но через два дня освобожден. 28 января 1918 года был смертельно ранен неизвестными по дороге к штабу. Рейли считал, что его убил архангельский большевик Алексей Петик (или Петиков).

«В городе крупные провалы. Третьего дня [6 марта] схвачен Калэ*. Могу быть засвечен и я...

Погибла почти вся интернациональная группа**. Конспирировать для них — это пригибаться. Пригибаться перед врагом — бесчестье и трусость. Коммунары сражались во весь рост. Но, человек, который стоит, мишень для врага. Я старался предупредить, пристыдили...

...На Ф[рейденберга] действуют две взаимоисключающие силы: добровольцы и петлюровцы. Третья сила [большевики. — *Е. М.*] заставляет [его] нервничать и бросаться в крайности. На днях он чуть не сдал с рук на руки [начальнику французской контрразведки майору] Порталю нашего третьего, но вовремя оборвался. Сумма — есть сумма***. Она гипнотизирует и... понуждает делать другие крайности...

По третьему каналу удачно произведен экс в гостинице «Лондонской» в номере Портала. Изъята его записная книжка с именами, записями, цифровыми выкладками. Есть интересные:

...Рейлей [так в тексте. — *Е. М.*]. Против написано: «Тов. Константин. Проверить». Живет тоже в «Лондонской». Там все друг друга проверяют. Кажется, я этого Рейлея знаю...»

Это донесение дает массу интересной информации. Во-первых, легко понять, что «Шарль» был действительно опасным агентом, раз уж под его руководством удалось похитить записную книжку самого начальника французской контрразведки. Во-вторых, он действительно нервничал и понимал, что вокруг него сжимается кольцо. В-третьих, мы узнаем, что и сам Рейли, вероятно, находился под наблюдением французов. Им нетрудно было установить, что человек с такой фамилией в прошлом году в Москве выдавал себя за сотрудника ЧК по фамилии Константинов, то ли называл «товарищем Константином». Французам нуж-

* *Калистрат Григорьевич Саджая* (1895—1937) — руководитель подпольного большевистского ревкома во время немецкой и французской оккупации Одессы. Был арестован, но сумел бежать, выпрыгнув с третьего этажа во время допроса. В 1919 году был начальником Одесской ЧК, затем служил в органах госбезопасности. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и расстрелян.

** «Группа одиннадцати».

*** Эта фраза, по мнению сторонников версии о подкупе Фрейденберга, подтверждает предположения, что он получил деньги от большевиков.

но было понять, действительно ли британский коммерсант или разведчик пожаловал в Одессу, а не «товарищ Константин». И, наконец, в-четвертых, Лафар, как следует из донесения, «кажется, узнал» Рейли. Но и Рейли мог узнать его.

Конечно, мог. Не исключено, что они встречались в Москве в 1918 году. Лафар, всегда имевший склонность к литературе, выступал, например, в московских литературных кафе. Скажем, во «Дворце свободного искусства», то есть в бывшем ресторане «Эрмитаж» на Неглинной улице. Там его не раз видел писатель Лев Никулин, который описал Лафара так: «Молодой человек, красивый блондин с вьющимися пепельного оттенка волосами, светло-серыми, почти белыми глазами. Одет он был в бархатную блузу с небрежно подвязанным галстуком и почему-то в высокие охотничьи сапоги..., читал с эстрады свои переводы из книги “Эмали и камни” Теофиля Готье и поэму о мировой революции... Только два-три человека знали, что он сын обрусевшего француза, что он сотрудник ВЧК и вел расследование по заговору Локкарта, Гренара и Рейли, английского разведчика».

Есть, правда, еще одна версия провала Лафара. Якобы в том же «Доме свободного искусства» он завел роман с танцовщицей, которая потом оказалась в Одессе и танцевала там в 1919 году. Вроде бы Лафар не удержался, пришел в театр, чтобы увидеть ее, а она его выдала белым.

Как бы там ни было, но финал операции по разгрому «красной сети» в Одессе состоялся в ночь на 2 апреля 1919 года. Георгий Лафар был арестован, арестовали и председателя Одесского подпольного обкома большевиков Ивана Смирнова (он же Николай Ласточкин), о чем 2 апреля газета «Наша слово» сообщила: «За последнее время одесская администрация зорко следила за большевистским подпольем. Когда главные нити были в руках властей, отдан был приказ о захвате наиболее ярых деятелей.

Первым был арестован комиссар большевистской разведки Ласточкин, за которым долго и упорно охотилась полиция.

Вторым был арестован большевистский деятель, известный под кличкой граф де-Лафер. Он появился на Одесском горизонте сравнительно недавно. Средства в распоряжении арестованного имелись довольно солидные. Задержан был граф Лафер после тщательной слежки за ним.

В данное время точно установлено, что арестованный — бывший секретарь петроградской “чрезвычайки” в области допросов с “воздействием”.

Минувшей ночью удалось арестовать трех видных большевиков, на днях лишь прибывших в Одессу из Финляндии и назначенных сюда комиссарами...»

В ту же ночь Смирнова-Ласточкина расстреляли, а следы Лафара затерялись. То ли его тоже расстреляли, то ли утопили, то ли вывезли в Константинополь и убили уже там. Во всяком случае, агент «Шарль» исчез навсегда и можно предположить, что Рейли сыграл не последнюю роль в одесской охоте на него.

Когда арестовывали Лафара, Рейли в Одессе уже не было. Впрочем, если он на самом деле принимал участие в этой охоте за красным подпольщиком, его присутствия тогда уже и не требовалось. Главное он уже сделал.

«Я был там в роли градусника»

Журналист «Нового времени» Алексей Ксюнин вспоминал: «Последняя встреча с Рейли в Одессе, незадолго до ухода союзников. Рейли, командированный уже из Лондона, старался выяснить политические группировки, был свидетелем бесконечных совещаний в Лондонской гостинице...»

Тем временем положение под Одессой складывалось серьезное. На город наступали войска Никифора Григорьева, бывшего штабс-капитана, затем «атамана повстанческих войск Херсонщины, Запорожья и Таврии Украинской Народной Республики» и, наконец, командира 1-й бригады 1-й Заднепровской советской дивизии. На сторону красных Никифоров перешел в начале февраля 1919 года, а в апреле его бригада была развернута в 6-ю Украинскую советскую дивизию.

В марте войска Григорьева заняли Херсон и Николаев. На французских военных кораблях нарастало брожение. Моряки все настойчивее требовали возвращения домой. Да и к тому же отношения между французским командованием и белогвардейцами обострились до предела. 15 марта генерал д'Ансельм объявил Одессу на осадном положении и принял на себя командование, фактически отстранив Гришина-Алмазова. Деникин заявил на это «самый решительный протест».

Все эти дразги происходили совершенно не вовремя: войска Григорьева уже подошли к Одессе вплотную, а он сам предъявил Гришину-Алмазову ультиматум с требованием сдать город, пообещав в противном случае снять с генерала кожу и натянуть ее на барабан.

Двадцатого марта в Одессу прибыл главнокомандующий французскими войсками на Востоке дивизионный генерал Луи Франше Д'Эспере. Он отрешил от должности главнокомандующего в Одессе генерал-лейтенанта Александра Санникова и военного губернатора генерал-майора Гришина-Алмазова, после чего обоих генералов фактически выслали из Одессы в Екатеринодар, к Деникину. Генерал-губернатором города назначили генерал-лейтенанта Алексея Шварца. Шварц послал соответствующее донесение в Екатеринодар, но Деникин ему даже не ответил. 23 марта Одессу покинул Гришин-Алмазов*, а вскоре и начальник его контрразведки полковник Орлов.

Второго апреля генерал д'Ансельм объявил, что получил приказ об эвакуации в течение 48 часов. Решение об этом было принято руководителями «Большой четверки» стран Антанты на Парижской мирной конференции. За три дня до эвакуации в Одессе начались восстания. Активное участие в них приняли и «городские партизаны» Мишки Япончика и Григория Котовского.

Воспользовавшись паникой, какие-то люди в форме офицеров Добровольческой армии подъехали на трех грузовиках к зданию Одесского госбанка и, предъявив соответствующее предписание, загрузили их деньгами и ценностями на пять миллионов рублей золотом. Стоит ли говорить, что предписание было фальшивым, а офицеры — ряжеными. Когда через полчаса в банк явились настоящие представители Добровольческой армии для эвакуации денег и ценностей, его сотрудники только развели руками. Куда пропали эти пять миллионов, до сих пор точно неизвестно. Неизвестно также, кем на самом деле были люди. По одной из версий — «партизаны» Япончика и Котовского. Говорили, что потом ценности были якобы спрятаны где-то рядом с Одессой, и отзвуки этой легенды о «кладе Котовского» можно иногда слышать и сегодня.

Третьего апреля в одесских газетах появилась заметка под маловыразительным заголовком «Объявление». «Союзники сообщили, что лишены возможности доставить в ближайшее время продовольствие в Одессу, — говорилось

* Алексей Гришин-Алмазов впоследствии будет направлен в главе военной делегации к адмиралу А. В. Колчаку. 5 мая пароход «Лейла», на котором делегация переправлялась через Каспийское море, был перехвачен советским эсминцем «Карл Либкнехт». Не желая сдаваться в плен, генерал застрелился.

в нем. — Поэтому в целях уменьшения числа едоков решено приступить к частичной разгрузке Одессы. Командующий союзными войсками в России генерал Д'Ансельм».

«Разгрузка» превратилась в настоящее паническое бегство. При этом французы не взяли на свои корабли русскую бригаду Тимановского и польскую дивизию Люциана Желиговского. Фактически их бросили на произвол судьбы. Им пришлось с боями пробиваться в Бессарабию. Очевидцы эвакуации называли ее не иначе как «позором французов»*. 6 апреля в Одессу торжественно вошли части Григорьева. Одесский журналист Кантерович так описывал их вступление в город: «Население высыпало на улицу, чтобы увидеть воочию море солдатских голов, лес штыков и т. д. Но каково было всеобщее изумление, когда подошедшими незначительными частями конницы и пехоты исчерпана была вся армия “победителей”. Она не превышала 3-х тысяч человек всех видов оружия. Одетые не по сезону (уже было по-весеннему тепло) в папахах и рваных зипунах, на неубранных низкорослых лошадях партизаны поражали своей численностью и несоответствием тому внешнему великолепию, которым ослепляла исчезнувшая только что французско-греческая компания».

Сам бывший атаман, а ныне красный командир въехал в город, стоя в открытом автомобиле. На Пушкинской улице собралась огромная толпа, которая кричала «ура!». Автомобиль еле двигался. Кто-то из жителей схватил руку Григорьева и поцеловал ее. «Освободитель Одессы» довольно улыбался.

За взятие Одессы его представили к ордену Красного Знамени. Заняв город, Григорьев наложил на одесскую буржуазию контрибуцию в 500 миллионов рублей**. В своих знаменитых «Окаянных днях» живший тогда в Одессе Иван

* 19 апреля премьер-министр Ж. Клемансо приказал разобраться в организации эвакуации союзных войск с Юга России специальной военной комиссией и направил материалы на полковника Фрейденберга в Верховный военный суд. Комиссия не нашла его вины, в дальнейшем полковник был восстановлен на военной службе. Во время Второй мировой войны командовал 2-й французской армией, которую сдал немцам.

** В мае 1919 года Н. А. Григорьев поднял восстание против советской власти. Его отряды были разбиты Красной армией. Он попытался объединиться с Н. И. Махно, но 27 июля 1919 года был убит махновцами, обвинившими его в тайных контактах с А. И. Деникиным и организации погромов.

Бунин недоумевал: «Вообще, что же это такое случилось? Пришло человек шестьсот каких-то “григорьевцев”, кривоногих мальчишек во главе с кучкой каторжников и жуликов, кои взяли в полон миллионный, богатейший город! Все помертвели от страха, прижукнулись».

В Одессе установилась советская власть. Но пока только на пять месяцев — до августа 1919 года.

А что же Рейли? Он исчез из Одессы за две недели до ее «разгрузки» союзниками. «В Одессе я оставался до конца марта 1919 года и приказом Верховного комиссара Британии в Константинополе был командирован сделать доклад о положении деникинского фронта и политического положения на юге руководящим офицерам в Лондоне, а представителям Англии на мирной конференции», — вспоминал Рейли в 1925 году. Правда, он не вспомнил об одной любопытной детали: он покинул Одессу на следующий день после того, как из города уехали Гришин-Алмазов и Орлов. По одной версии, ему теперь просто не имело никакого смысла оставаться там — надежной «крыши» у него теперь не было, у французов он доверием не пользовался, а попасть в руки к красным ему совсем не хотелось. Однако возможно, что и французы постарались его «вытурить» из города сразу вслед за бывшим военным губернатором и начальником его контрразведки. Своей родной Одессы он больше не увидит никогда.

В 1922 году Рейли писал Борису Савинкову из Нью-Йорка: «Здесь я часто вспоминаю Одессу в период послереволюционного межвластия. И там тоже я был вовлечен в суетную борьбу. Но одесские страсти были мне чужды, и я был там в роли градусника, с помощью которого измеряли политические страсти те, кому это было необходимо. Соответственно мои возможности приобщиться к сладкому пирогу любой власти были ничтожны...»

Лукавил, конечно, Сидней Георгиевич. «Одесские страсти» совсем не были ему чужды.

«РУССКАЯ ПРОБЛЕМА»

В Лондоне донесения Рейли из России оценили положительно. Ознакомившись с ними, один из сотрудников русского отдела Министерства иностранных дел сделал вывод, что они «содержат множество полезных сведений о нынешней ситуации на Юге России». А в отделе политиче-

ской разведки подчеркивали, что «его доклады всегда были очень интересными и надежными и... дают нам возможность ознакомиться с той политической информацией, которая нам необходима». Его информация использовалась потом в докладах Его Величеству. Но дальше положительных оценок дело не пошло.

Парижская мирная конференция, которой предстояло определить послевоенное устройство Европы, да и всего мира, открылась 18 января 1919 года. В ней участвовало 27 государств и пять доминионов Великобритании. После некоторых раздумий бывшие союзники по Антанте решили русскую делегацию в Париж не приглашать — они считали Россию «предательницей», поскольку она заключила сепаратный Брестский мир с немцами, да и режим большевиков они не признавали, поэтому приглашения Москве тоже направлено не было. Однако накануне конференции и в самые первые дни ее работы вокруг русского вопроса разгорелись горячие дискуссии.

Британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж предложил рассмотреть три возможных способа его решения — военную интервенцию, блокаду или попытку соглашения.

Что касается интервенции, то он оценивал исходную ситуацию в России примерно так же, как и Рейли (возможно, что он опирался и на собранную им информацию) — белые без союзников победить не могут (Ллойд Джордж сказал, что надеяться на Колчака, Деникина и другие белые армии — это то же самое, что «вести строительство на сыпучем песке»), и если уж направлять туда войска, то крупные силы — миллионную армию. Только такими силами, по его словам, можно победить большевиков. А вот выводы премьер-министра кардинально отличались от тех, что сделал Рейли. Он назвал идею интервенции губительной. «Если, — заявил Ллойд Джордж, — сейчас предложить послать для этой цели в Россию английские войска, в армии поднялся бы мятеж. То же относится и к американским частям в Сибири, и к канадским, и к французским войскам. Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие». К тому же, добавил он, никто из союзников просто не может направить в Россию такие силы.

Ллойд Джордж высказался и против организации длительной блокады Советов. По его мнению, полезнее всего было бы пригласить советских представителей в Париж. Президент США Вудро Вильсон поддержал английского

премьера. Против интервенции выступили также японцы, канадцы, австралийцы. Были, однако, и голоса «за»: итальянцы предлагали направить в Россию армию из добровольцев, а премьер Польши Игнацы Ян Падеревский (тот самый пианист и композитор, который приютил Рейли и Хилла в своей каюте, когда они плыли из Саутгемптона до Гавра) просил западные страны о срочной помощи против Красной армии. Французы же сначала выступили против приглашения в Париж советских представителей, но потом скрепя сердце согласились.

Уже через четыре дня после начала конференции, 22 января, в печати появилось обращение президента Вильсона ко всем воюющим сторонам России прекратить боевые действия и прислать свои делегации на Принцевы острова в Мраморном море близ Стамбула для переговоров.

Владимир Ленин объяснил инициативу президента США попыткой «закрепить за собой Сибирь и часть Юга, не надеясь иначе удержать почти ничего», однако на переговоры согласился. 4 февраля советское правительство заявило по радио, что хотя оно и не получало прямого приглашения, но готово участвовать в переговорах.

Однако белые правительства категорически возражали против этой затеи. Для них идея переговоров с Советами были неприемлема. К тому же они опасались, что на переговорах красные станут восприниматься Западом как легитимная власть, ну а кроме того, рассчитывали на крупные военные успехи в наступившем 1919 году. Как раз в это время на Востоке готовилось наступление армий Колчака. Так что на белых территориях проект конференции на Принцевых островах встретили почти враждебно. В Архангельске из витрин магазинов убрали портреты президента Вильсона. Генерал Деникин отправил личный протест маршалу Фердинанду Фошу, а Колчак сказал, что, услышав о нем, он потерял сон. 16 февраля 1919 года все небольшевистские правительства одновременно сообщили о своем отказе встречаться со своими оппонентами, так что идея «мирной конференции по русским делам», едва родившись, тут же и скончалась...

В британском правительстве принципиальным противником линии Ллойд Джорджа был военный министр Уинстон Черчилль (вскоре Рейли познакомится с ним лично). Он выступал за оказание помощи белым и решительную борьбу с большевиками. Черчилль заявлял в парламенте, что англичанам важно понять, что «не мы сражались в

интересах Колчака и Деникина, но что Колчак и Деникин сражались в наших интересах».

Тем не менее сторонники отправки в Россию крупных воинских контингентов потерпели поражение*. Англичане остановились лишь на «ограниченном вмешательстве» — предпочитая оказывать противникам большевиков помощь оружием, снаряжением и военными советниками, да и то в весьма ограниченных объемах. Такой же тактики придерживались и другие бывшие союзники России по Антанте. Антон Деникин сравнил британскую позицию с двумя руками, одна из которых дает, другая забирает.

Предупреждая Лондон о том, что без масштабной помощи союзников через год с небольшим Европа окажется лицом к лицу с набравшей силу и мощь Красной армией, Рейли оказался абсолютно прав. Летом—осенью 1920 года положение белых было уже фактически безнадежным, а Красная армия рвалась к Варшаве и дальше — на Берлин.

* * *

Жизнь шпиона тревожна и хлопотлива. Не успел Рейли передохнуть в Лондоне после бурной Одессы, как получил новое задание. Опять с приказом выезжать немедленно. И снова вместе с Хиллом. Их новая командировка была связана с конференцией в Париже. В обязанности Рейли и Хилла входил сбор информации в Париже о том, что на ней происходило (прежде всего, информации неофициальной и кулуарной) в связи с «русскими делами». «Я служил связью по русским делам между разными отделами в Лондоне и Париже», — вспоминал Рейли.

Вместе с Хиллом они поселились в Париже в отеле «Маджестик». В нем же жили и члены британской делегации. Именно здесь состоялось знакомство, которое сыграло в дальнейшей жизни Сиднея очень большую роль. Его представили 44-летнему Уинстону Черчиллю, который всего лишь полтора месяца назад занял посты военного министра и министра авиации в правительстве консерватора Ллойд Джорджа. Черчилль считал, что большевизм однозначно надо «придушить в колыбели». Хотя позиция

* Уже 17 февраля США заявили о намерении вывести все американские воинские контингенты из России, а 4 марта британское правительство приняло решение о выводе войск с Севера России и из Закавказья.

Черчилля в то время не являлась определяющей и Ллойд Джордж ее не разделял, в лице Рейли он нашел ярого единомышленника.

Заодно Рейли познакомился с личным военным секретарем Черчилля баронетом Арчибальдом Синклером* и Альфредом Хармсуортом виконтом Нортклиффом, владельцем влиятельной газеты «Дейли мейл». В Париже он также познакомился еще с одним человеком, с которым будут тесно связаны несколько следующих лет его жизни и деятельности. «В этот период я, между прочим, и познакомился с Б. В. Савинковым», — писал он позже**.

Савинков, который к этому времени уже оказался в эмиграции, готовился к масштабной вооруженной борьбе против Советов. Рейли свел его с Черчиллем. Готовность бороться с большевиками военный министр всячески приветствовал.

В отеле «Маджестик» Рейли и Хилл жили несколько дней. Затем они решили перебраться в другое место. Им казалось, при их неофициальной миссии не следует жить там же, где обитают члены официальной британской делегации. Они переехали в отель «Мерседес», где, как вспоминал Хилл, буквально купались в слухах, сопровождающих работу конференции. И многие из них давали почву для серьезных размышлений. Так, например, они услышали о том, что в Париж якобы прибывают два американца, которые должны вступить с большевиками в переговоры по вопросу их признания США.

Этими американцами были Уильям Буллит (в 1933 году он станет первым послом США в СССР) и Джозеф Линкольн Стеффенс (в будущем — известный журналист, писатель, коммунист и один из основателей направления разоблачительной журналистики, получившей название «разгребание грязи»). Якобы Буллит должен был встретиться с Ллойд Джорджем, чтобы обсудить возможность совместного признания советского правительства, но Рейли и Хилл нанесли упреждающий удар — они передали информацию о миссии американцев в «Дейли мейл» и «Таймс»,

* Арчибальд Синклер (1890—1970) в течение 10 лет (в 1935—1945 годах) будет бессменным лидером Либеральной партии, а в 1952 году получит титул 1-го виконта Тёрсо из Улбстера в графстве Кейтнесс.

** Как уже говорилось, не исключено, что Рейли и Савинков могли познакомиться еще весной—летом 1918 года в Москве. Но Рейли утверждал, что их знакомство состоялось именно в Париже.

которые выступили с резкими статьями против тех, кто собирается признавать «зло, именуемое большевизмом».

Хилл утверждал, что встреча Ллойд Джорджа с Буллитом в результате так и не состоялась, а британский премьер под влиянием скандала был вынужден несколько «притормозить» в вопросе о признании правительства Ленина. Ну а Буллит и Стеффенс все-таки съездили в Москву, там встречались с Лениным и Чичериным. Стеффенс потом написал: «Я видел будущее, и оно работает». Впрочем, США официально признали СССР только в 1933 году...

В свободное от своей шпионской работы время Рейли бродил по Парижу, который он всегда очень любил. Помимо всего прочего, это ведь был еще город его кумира Наполеона. Так, например, они с Хиллом встречались с чиновниками британского МИДа Гарольдом Николсоном и Уолфордом Селби в небольшом старомодном отеле на улице Сен-Рок. Разговор за завтраком, вспоминал Хилл, вращался, в основном, вокруг личности Наполеона, и Рейли рассказывал, что в этом отеле в 1795 году как раз находился штаб Бонапарта. «Рейли, — отмечал Хилл, — обладал одной из лучших коллекций вещей, связанных с Наполеоном, а кроме того, знал практически каждый дом, который имел историческую связь с его героем».

Несколько раз он устраивал что-то вроде экскурсий по наполеоновским местам для своих знакомых англичан, и те всегда поражались глубине его знаний о наполеоновской эпохе. Рейли продолжал пополнять свою коллекцию, разыскивая в антикварных и букинистических лавках Парижа различные артефакты, связанные с личностью или временем Бонапарта.

Впрочем, как писал Робин Брюс Локкарт, величайшим героем для Рейли был все-таки Иисус Христос. Но Наполеон, а потом и Черчилль, с которым он познакомился совсем недавно, «следовали за ним, отстав всего на полшага».

«Никогда ты не будешь майором»

Вскоре после возвращения из Парижа Хилла снова направили в Россию, а Рейли на некоторое время остался в Лондоне. Между тем его уже несколько месяцев разыскивала первая жена Маргарет. Упоминания о своем неизвестно куда исчезнувшем муже она увидела в газетах после скандала в Москве с «заговором послов». Еще в октябре

1918 года она попыталась навести справки о Рейли через британских представителей в Брюсселе, где жила.

Через месяц Маргарет обратилась уже непосредственно в Военное министерство в Лондоне с просьбой сообщить ей о судьбе Рейли. Она снова ссылалась на газеты. «Лидером этого движения, кажется, был полковник Локкарт, — отмечала она, — правой рукой которого являлся английский агент лейтенант Рейли... Я пришла к выводу, что этот агент не кто иной, как мой муж... Так как я не получала никаких известий от своего супруга с 28 июля 1914 года, то вы, господа, наверное, хорошо поймете мое беспокойство о его судьбе, жив он или нет, и желание передать ему весточку. Молю Бога, чтобы он был жив, и прошу вас дать мне ответ как можно скорее».

Она написала еще несколько запросов и писем, но никакого конкретного ответа от коллег Рейли так и не получила. Ей предложили лишь написать ему письмо, которое обещали переслать ее мужу при первом же удобном случае. Но Маргарет проявила настойчивость. Не получив из Англии ответа по почте о своем муже, она сама в феврале 1919 года приехала в Лондон и начала ходить «по инстанциям».

Сам Рейли, очевидно, знал, что его разыскивает Маргарет, но не хотел подавать о себе никаких вестей. Во-первых, из соображений секретности, а во-вторых... Во-вторых, он просто не хотел больше встречаться с ней, потому что считал, что все осталось в прошлом...

Шеф СИС Камминг не мог не знать о многоженстве Рейли. Джордж Хилл вспоминал, что он вызвал его и поручил выяснить, сколько все-таки у Рейли жен на самом деле. Хилл предложил спросить об этом у него самого — когда он вернется в Лондон. Когда Рейли вернулся, Камминг с ним долго беседовал, но о чем они говорили, никто так и не узнал — беседа велась с глазу на глаз. После нее шеф приказал Хиллу расследование о женах Рейли свернуть.

Маргарет вскоре снова уехала из Лондона в Брюссель. Позже супруги встречались еще раз, и, как она утверждала, он заплатил ей весьма солидную сумму отступного — 10 тысяч фунтов стерлингов. Вполне возможно, тем более что чуть позже мы увидим, что у Рейли вдруг начали катастрофически кончатся деньги. Не исключено, что Маргарет тоже сыграла в этом определенную роль.

Весной 1919 года из Америки в Лондон приехала и Надежда Залесская. С Рейли она увиделась впервые за последние полтора года, но вместе они провели всего лишь около

двух недель. Им было очевидно, что отношения между ними подходят к концу, но в полужамороженном состоянии они продолжались еще почти год. В марте 1920 года они все же решили официально развестись. В принципе, никакой необходимости в этом разводе не было, так как их брак не мог считаться законным с юридической точки зрения, но Рейли предпочел начать бракоразводный процесс. Он должен был состояться в Париже, куда они вместе и отправились.

Вскоре после развода Надежда уехала в Америку и больше никогда не встречалась с Рейли. По некоторым сведениям, потом она вышла замуж за шведского нефтепромышленника Густава Нобеля (члена знаменитого клана Нобелей) и умерла в 1954 году в Женеве.

* * *

Весной 1919 года Рейли был, конечно, занят не только своими матримониальными делами. «В это время, — писал он несколько лет спустя, — я проводил у английского правительства очень обширный финансовый план поддержки русских торгово-промышленных кругов во главе с Ярошинским, Барком и т. д.». Из этой фразы сложно понять, выполнял ли он очередное задание Секретной службы либо участвовал в этом «обширном плане» как частное лицо, надеясь получить по его выполнению весьма солидный куш. Рейли этого так и не объяснил.

Пятнадцатого апреля 1919 года, как пишет сам Рейли, он отплыл в Нью-Йорк на трансатлантическом лайнере «Олимпик». Как раз по делам «обширного финансового плана». Получил ли он в «конторе» отпуск или уехал, просто предупредив шефа — не совсем ясно, но, как будет видно ниже, эту поездку он сам объяснял «срочным заданием правительства».

В чем же был главный смысл плана, которым занимался Рейли? Речь в нем шла о создании огромного синдиката с участием американских и британских (а возможно, и французских) банкиров, финансистов и промышленников для многомиллионных инвестиций в Россию. Разумеется, после падения большевиков. В то время и Рейли, и многие представители политико-финансовых кругов Запада еще тешили себя мыслями, что режим большевиков вскоре может быть свергнут.

Опять же не совсем ясно, в какой мере сам Рейли был автором плана и в какой он выступал посредником между

русскими торгово-промышленными кругами и западными капиталистами. Не исключено, что в данном случае он был «един в двух лицах».

Имена людей, от которых он поехал в Америку, многое значили в торгово-промышленном мире. Петр Барк (1869—1937) — последний министр финансов Российской империи, видный финансист и банкир. В 1920 году он поселится в Англии и возглавит там Лондонское отделение Объединения деятелей русских финансовых ведомств, станет он также советником управляющего Банком Англии по делам стран Восточной Европы, будет занимать руководящие посты в других банках. Барк вел финансовые дела эмигрировавших членов Императорской Фамилии, а король Георг V в 1935 году возвел его в рыцарское достоинство.

Король Ярошинский — крупный сахарозаводчик, банкир, финансист и миллионер, приближенный к Царской семье. Под его контролем находилось несколько крупных банков, он имел акции Восточно-Сибирской железной дороги и нефтяных компаний в Баку. Ярошинский был известным меценатом — он, к примеру, основал университет в Люблине и долго поддерживал пианиста Артура Рубинштейна. Впрочем, это не мешало ему же спускать огромные деньги в казино Монте-Карло. По некоторым данным, в 1918 году он финансировал план по устройству побега Царской семьи. Рейли хорошо знал его по довоенному Петербургу.

Пока Рейли добирался до Америки, шеф разведки Камминг размышлял над очередной «телегой», которая пришла на его агента. На этот раз — из посольства США в Лондоне, в виде секретного меморандума:

«Секретно.

11 апреля Министерство иностранных дел Великобритании запросило посольство проставить визу в паспорте лейтенанта Сиднея Джорджа Рейли, который направляется в Соединенные Штаты по срочному заданию правительства на судне “Олимпик” 14 числа этого месяца.

Это было сделано, и власти в Вашингтоне были извещены телеграммой об этом.

Сейчас же посольство получило информацию из Вашингтона, что до властей доходят сведения о нежелательной деятельности мистера Рейли. Согласно полученным данным разведки, мистер Рейли родился, как утверждает, в “русской части” Польши, жил несколько лет в России и шпионил в пользу японцев в Порт-Артуре во время

русско-японской войны. Он считается богатым человеком и занимался военными контрактами. Он приехал в Соединенные штаты из Японии в 1915 году и 16 февраля того же года женился на даме, которая приехала в США вскоре после него. Ее звали мисс Надин Массино — она бывшая жена русского морского офицера по имени Залесский, с которым развелась еще в России.

Позже сообщалось, что мистер Рейли вернулся в Россию в 1916 году, и пока он был там, он бросил другую жену с двумя детьми. Мистер Рейли затем, скорее всего, возвратился в США и поступил на военную службу в Королевский летный корпус в Торонто, Канада, в декабре 1917 года. Считается, что он уехал за границу в январе 1918 года, и позже был послан в Москву, где он был прикреплен к Британскому консульству.

Как сообщается, его репутация в Москве была очень плохой, и он был связан с русскими... подозреваемыми в шпионаже [в пользу немцев. — *Е. М.*].

Известно, что полковник Туэйтс* подозрительно относился к Рейли во время его последнего пребывания в Соединенных Штатах.

Власти в Вашингтоне хотели бы как можно скорее получить точную информацию, касающуюся характера бизнеса мистера Рейли, и другие имеющиеся о нем подробности.

Лондон, 17 апреля 1919».

Вероятно, в ответ на этот «секретный меморандум» в СИС подготовили справку с биографией Рейли и следующим заключением: «Детали этого документа по состоянию дел на сегодняшний момент не должны передаваться США, ни их здешним военным атташе, но, если необходимо [подчеркнуто в документе. — *Е. М.*], было бы не вредно поинтересоваться у американского военного атташе, известно ли еще что-нибудь о С. Дж. Рейли или где он сейчас находится».

Как видим, «Си» по-прежнему прикрывал Рейли. Но одновременно и собирал информацию о его делах. Впрочем, слухи и подозрения, изложенные в «секретном меморандуме» и других справках и донесениях, не мешали Рейли приезжать в Америку по своим делам — ни в 1919 году, ни позже.

* Это тот самый офицер британской разведки в США, который позже в своих мемуарах будет утверждать, что это именно он рекомендовал Рейли в авиашколу и на службу в СИС.

ри, назвав его при этом «величайшим из воинов». Точнее было бы назвать его «величайшим шпионом» (или разведчиком, кому как нравится), но факт остается фактом — Дьюкс до сих пор остается единственным человеком, которого посвятили в рыцари за успехи в области разведки.

А что же с Рейли? В этой части его биографии тоже множество неясностей.

Как мы помним, 19 октября 1917 года Рейли было присвоено звание второго лейтенанта Королевского летного корпуса. После его возвращения из России, по его просьбе, начальник агентурного отдела СИС майор Мортон составил ходатайство о присвоении ему звания майора. В нем говорилось, что Рейли выполняет особые задания, встречается с высокопоставленными военными и гражданскими людьми, а его невысокий нынешний чин является помехой для выполнения им своих обязанностей. Однако ходатайство не имело успеха. Отказ обосновали тем, что Военное министерство все равно не утвердит это повышение, так как «в случае смерти этого офицера оно должно будет платить пенсию его вдове». Да и вообще — Рейли ведь формально состоит в ВВС, почему бы не обратиться в Министерство авиации?

То есть повышение Рейли так и не состоялось. Возможно, кадровые британские офицеры из аристократов не питали никаких симпатий к человеку с такой мутной биографией, а, возможно, просто завидовали его способностям. Не исключено, что это стало следствием недовольства начальников Рейли тем, что он все время впутывается в какие-то сомнительные проекты, что не красит офицера британской разведки.

Так что майором он не стал. Как там у Высоцкого: «Я обидел его, я сказал: “Капитан, никогда ты не будешь майором”». Но вот загадка — был ли сам Рейли капитаном?

По логике вещей — должен был быть. Сложно поверить, чтобы в СИС могли всерьез рассматривать присвоение ему звания майора сразу после второго лейтенанта Летного корпуса.

Да и во многих книгах и публикациях — например, мемуарах его последней жены Пепиты Бобадильи, — он фигурирует именно в качестве капитана. Да что там книги. Даже во внутренних документах, которыми обменивались разведка, контрразведка, полиция и Военное министерство и в которых по-прежнему аккумулировались слухи и рассказы о его «темной биографии», Рейли начиная с весны 1919 года называли то лейтенантом, то капитаном. И наконец, некролог

Рейли, помещенный через несколько лет в газете «Таймс», начинался словами: «Капитан Сидней Дж. Рейли...».

В чем же здесь дело?

По одной из версий, Рейли попросту «произвел» в капитаны себя сам. И представлялся именно так. Ему многие верили. Так потом и пошло. Но почему тогда в документах спецслужб Рейли фигурирует в качестве капитана? Там-то уж точно должны были знать о его настоящих и мнимых званиях.

Если уж Рейли и мог сам себя произвести в капитаны, значит, это должно было быть сделано не на пустом месте. Возможно, он невольно или сознательно воспользовался теми изменениями, которые происходили в британских ВВС во время и сразу после войны.

...В августе 1914 года Королевский летный корпус был преобразован в Королевские ВВС Великобритании. А 1 августа 1919 года в ВВС были введены новые звания. По идее, «второй лейтенант Рейли» теперь должен был именоваться «пайлот-офисер Рейли» — то есть «пилот-офицер». Следующие за этим, более высокие «авиационные» звания — «флайинг-офисер» (соответствует званию «лейтенант» в британской армии) и «флайт-лейтенант» (соответствует армейскому званию «капитан»).

О том, что ему официально присваивали звание «флайт-лейтенант», сведений нет, но Рейли мог рекомендоваться «лейтенантом ВВС», а не «вторым лейтенантом Летного корпуса» (пайлот-офисером), кем он был на самом деле. В военном мундире он не ходил, погон и знаков различия не носил, а учитывая послевоенную неразбериху, британскую неповоротливую бюрократию и авантюристическую натуру самого Рейли, можно предположить, что в результате звание «лейтенант ВВС» начали понимать, как флайт-лейтенант, то есть армейский капитан. Теперь, ходатайствуя о повышении, логично было просить присвоить себе следующее воинское звание — майор.

Интересно, что ходатайство о присвоении ему майора было подано по инициативе Рейли не по линии Министерства авиации, а по Военному министерству, в котором сведений о его настоящем звании тогда могло и не быть. Но тут Рейли не повезло — британский бюрократизм сыграл против него. Ходатайство было рекомендовано подать тому, кого оно касается напрямую — Министерству авиации, и, что примечательно, Рейли этого так и не сделал. Он наверняка понимал, что в этом случае майорское звание

ему уж точно не светит, а вот различные неприятности могли бы произойти.

Майором Рейли не стал, но до капитана себя все-таки повысил. Да так, по убеждению многих его современников, им и остался.

Такое положение дел его не устраивало — он был честолюбивым и тщеславным человеком. В конце концов, он ведь тоже участвовал в важных операциях, рисковал жизнью и был награжден британским и русским орденами. Разве он не заслужил повышения? На его взгляд, более, чем заслужил.

* * *

Время со второй половины 1919-го по осень 1920 года было, наверное, одним из самых спокойных в его биографии. В том смысле, что Рейли не приходилось колесить по опасным районам в других странах. Камминг решил использовать его в Лондоне и Париже — по крайней мере, до тех пор, пока он снова не понадобится в России, где ситуация по-прежнему оставалась запутанной.

В общем, Рейли получил небольшую передышку. Робин Брюс Локкарт утверждает, что в это время он вел весьма роскошную жизнь. По его словам, он даже снял апартаменты в Олбани — знаменитом трехэтажном особняке на Пиккадилли, который всегда считался одним из самых престижных и дорогих жилых комплексов Лондона. В его 69 квартирах с огромными окнами в разное время жили такие люди, как лорд Джон Гордон Байрон, писатель Олдос Хаксли, премьер-министр Великобритании Эдуард Хит, философ Исайя Берлин и многие другие. Несколько лет назад одну из квартир в Олбани выставили на продажу за два миллиона фунтов стерлингов, и это, судя по всему, была еще не самая дорогая «жилплощадь» комплекса.

Предоставим опять слово Брюсу Локкарту-младшему. Он приводит весьма любопытные детали об образе жизни Рейли, которые мог узнать только из рассказов своего отца, не раз бывавшего у него в гостях. «Сняв апартаменты в Олбани, Рейли окружил себя экспонатами любимой “наполеоновской” коллекции и сотнями дорогих фолиантов, — пишет Локкарт. — Впервые он завел себе личного камердинера по имени Алекс Хамфрейс, который, по мнению окружающих, выглядел так же хищно, как и сам хозяин. Дюжинами он заказывал новые костюмы в элитном ателье “Дж. Дэниэлс и К”», не скупился на шумные

вечеринки в компании старых друзей — Дьюкса, Локкарта, Хилла, Бойса и Эли... Еще одним влиятельным знакомым Рейли оказался сэр Бэзил Томпсон, начальник специальной полиции Лондона, который сам решал, кто из русских беженцев может получить вид на жительство, а кого следует немедленно депортировать, как большевистского агента.

Сидней был и радушным хозяином, и остроумным собеседником. С ним было легко разговаривать не только о России и русских, но и на массу других тем — история, искусство, бизнес, религия... И все-таки главной темой бесед в его доме оставались Россия и ненависть к большевизму.

Кроме вечеринок в Олбани, Рейли получал огромное удовольствие от посещений кафе “Ройял”, где майор Эли организовал “обеденный клуб”, в который входили исключительно сотрудники СИС и МИ-5. Эти собрания не привлекали к себе внимания посторонних, поскольку члены клуба приходили в кафе пешком, оставляя такси в двух-трех кварталах».

«Свержение власти большевиков только насильственное»

Нужно отдать Рейли должное — в богатстве или при финансовых трудностях, в счастливой любви или уже расставшись со своими женами и подругами, он никогда не забывал о главной идее своей жизни — о борьбе с большевиками. Ненависть к ним у него была настолько сильной, что он даже в личных письмах называл их не иначе как сволочами. И ждал момента, чтобы свести с ними счеты.

В архиве Уинстона Черчилля в Кембридже хранится документ, направленный будущему знаменитому премьеру Великобритании в октябре 1919 года. Это почти 20-страничный меморандум Рейли, озаглавленный лаконично, но более чем понятно: «Русская проблема». В ней он высказывал свои мысли о том, что необходимо предпринять для свержения большевиков.

Собственно говоря, вся суть меморандума была заключена в выводах:

«1. Свержение власти большевиков только насильственное, так как других эффективных способов сделать это у нас нет или же они вообще невозможны.

2. Силы, необходимые для осуществления этой задачи, могут быть сформированы с помощью сотрудничества

между русской национальной армией и армиями Финляндии, Польши и пограничных государств.

3. Для того, чтобы это сотрудничество стало возможным, Деникину необходимо прийти к соглашению с другими государствами по вопросу политических и территориальных разногласий, которые должны обсуждаться на специальном межгосударственном совещании.

4. Условиями для достижения этого соглашения... должны быть:

4.1. Подписание договора между правительствами союзнических государств о конкретных условиях, которые будут обсуждаться на межгосударственном совещании.

4.2. Готовность союзнических правительств навязать эти условия другим сторонам с помощью морального и, если необходимо, экономического давления; и, с другой стороны, немедленное оказание всей необходимой помощи сторонам, принявшим эти условия.

4.3. Некоторые изменения в составе и политике польских и деникинских властей.

5. Ликвидация вредного влияния Германии с помощью попытки достижения экономических соглашений, в которых бы учитывались интересы России. Для этого необходимо следующее:

5.1. Подготовить соответствующие настроения во Франции с тем, чтобы она не создавала препятствий этим соглашениям, а по возможности даже участвовала в них.

5.2. Убедить некоторых английских финансистов создать британо-германское объединение для осуществления контроля над акционерным капиталом русских банков.

5.3. Выполнение всех этих пунктов... необходимо для решающего права голоса Англии и Франции в этом объединении».

Это была не единственная «аналитическая записка», поданная Рейли Черчиллю. Летом 1920 года, уже после возвращения из Парижа, где они с Надеждой начали бракоразводный процесс, он написал еще два документа по русскому вопросу. В архиве Черчилля сохранилось сопроводительное письмо его помощника Арчибальда Синклера, в котором содержатся «конкретные предложения о том, какие конкретные экономические меры нужно принять, чтобы способствовать падению советского правительства и как можно скорее воспользоваться этим, чтобы получать сырье и продовольствие из Советской России».

Меры, предложенные Рейли, на этот раз сводились к

следующему: найти способ убедить командование Красной армии заключить союз с Деникиным и совместными усилиями свергнуть большевиков; заручиться поддержкой Русской православной церкви; убедить петлюровцев заключить союз с Деникиным и создать единый фронт против большевиков.

О реакции Черчилля на эти предложения Рейли не известно, но, судя по всему, хода им так и не дали. Неудивительно — идеи Рейли явно не соответствовали сложившейся в России реальности. Любопытно, однако, другое: прожекты в области «большой политики», высказываемые хотя и весьма неординарным человеком, но все же всего лишь лейтенантом Королевских ВВС, рассматривались и обсуждались на самых высших этажах британского политического истеблишмента. Это было не просто необычным делом, но и нарушением субординации (впрочем, не исключено, что с молчаливого согласия Камминга, который, несмотря на все, ценил Рейли).

* * *

В британской Секретной службе, разумеется, имели место и интриги, и склоки, и зависть по отношению к более успешным коллегам и прочее, прочее. В этом смысле она мало чем отличалась от любого другого коллектива или учреждения в любой другой стране мира.

С тем же Джорджем Хиллом, после его возвращения из России в 1918 году, произошла, например, неприятная история. Перед бегством Хилла из России Роберт Брюс Локкарт разделил между ним и еще двумя англичанами-разведчиками деньги, которые предполагалось истратить на организацию переворота в Москве — «повстанческий фонд». После приезда в Лондон они должны были сдать их. Хиллу, по некоторым данным, достался примерно миллион рублями. Но если двое других офицеров сдали свои деньги, то Хилл этого не сделал. Он объяснил, что был арестован, и во время этого ареста деньги то ли отняли, то ли он сам их потерял. Доказать факт своего ареста Хилл не мог (о нем действительно ничего неизвестно), и у проверяющих сотрудников СИС возникли подозрения, что деньги он то ли присвоил себе, то ли банально потерял. Над Хиллом возникла угроза увольнения, но, по некоторым данным, за него заступились высокопоставленные знакомые, в том числе Черчилль, и Хилла вскоре снова отправили вместе с Рейли в Россию (через несколько лет ему все же было

предъявлено обвинение в присвоении казенных денег, хотя доказать его так и не смогли).

Рейли тоже испытал на себе последствия подобных интриг. Камминг по-прежнему получал доносы на него и запросы о его личности. Немалое число таких запросов и донесений о Рейли шло через майора Десмонда Мортон — начальника 5-го отдела СИС, ответственного за контрразведку и борьбу со шпионажем. Мортон, связанный с Рейли несколькими годами службы, тоже, по-видимому, старался не очень-то давать ход этим «сигналам».

Третьего сентября 1920 года агенты СИС сообщили из Парижа, что «этого субъекта», то есть Рейли, «видели в Париже в мундире морского офицера, причем он явно не отличался достойным поведением. Он до сих пор работает на “Си”?». Несколько дней спустя Камминг раздраженно ответил: «На Ваше донесение сообщаю, что мистер Сидней Рейли был принят мною на службу и в настоящий момент занят выполнением чрезвычайно ответственного и конфиденциального задания. Прошу Вас связаться с Вашим информатором и попросить его дать более подробные объяснения, в каком именно недостойном поведении был замечен экс-офицер. Я уверен, что утверждение, что он носит морской мундир, не соответствует действительности, равно как и обвинение его в недостойном поведении». Шефу ответили, что информация получена от одного русского эмигранта, который якобы слышал, как Рейли хвастался своими знакомствами с высокопоставленными англичанами, в том числе и с военным министром, и на нем действительно был мундир офицера военного флота*. Камминг наложил на ответ резолюцию: «Этих дополнительных фактов недостаточно для обвинения».

* В морском мундире Рейли в Париже видели, судя по всему, неоднократно. В британском Национальном архиве хранится, например, совершенно секретное донесение в СИС на имя майора Мортон от 11 января 1921 года, написанное по результатам разговора с капитаном Лейтоном, который во время войны служил в Союзной комиссии по вооружениям. По словам автора донесения, значащегося в документе как Н. М. М., этот самый Лейтон во время беседы вдруг спросил: «А вы знаете Сиднея Рейли? Мне он кажется человеком, не вызывающим доверия, и мне говорили, что он служит в нашем Военном министерстве. Недавно он был в Париже и расхаживал там в морском мундире. Я запросил Адмиралтейство, но они мне сказали, что у него там нет никаких дел по их части». «Я, — отмечает автор документа, — согласился и сказал, что мы знаем о нем и продолжаем за ним наблюдение».

Камминг, безусловно, знал все «темные» стороны биографии Рейли. Но его грехи и грешки, несомненно, не красящие сотрудника его ведомства, перевешивали результаты работы, информацию, которую он умел вытаскивать из самого пекла. И Камминг, и Мортон это ценили.

Тем не менее пока Рейли находился «в тылу» — между Лондоном и Парижем. Он завидовал своим друзьям по разведке, которых шеф снова отправил в «горячие точки». Джордж Хилл уже несколько месяцев был в России, в войсках Деникина. Пол Дьюкс вскоре после своего триумфального возвращения из России отправился в Польшу, практически на границу с Россией. Рейли же считал, что его отстранили от настоящего дела.

Летом 1920 года он даже написал письмо Роберту Брюсу Локкарту с просьбой помочь ему и посодействовать в том, чтобы его отправили в Россию. Он отмечал, что «имеются серьезные обстоятельства, вынуждающие меня работать и дальше в случае, если речь идет о России и большевизме».

«Абсолютно уверен в том, что не имею морального права вернуться к бизнесу, пока эти обстоятельства существуют, — продолжал Рейли. — Рискну также утверждать, что мои знания и опыт также примутся во внимание, и это позволит мне продолжить свою деятельность. Именно в деятельности подобного рода я нахожу отдых в своей непростой жизни...

Думаю, будет излишним объяснять Вам мои собственные мотивации. Я уверен, что Вы поняли их без объяснений. Если Вы сможете что-нибудь сделать для меня в сложившихся обстоятельствах, моя благодарность не будет иметь границ. Нет ничего лучше, чем служить на пользу России под Вашим началом. Я не верю, что русские смогут успешно бороться с большевизмом без нашей максимально активной помощи. Спасение России заключается в громадном потенциале, заключенном в несчетном количестве людей, верящих в нашу поддержку».

Просил ли Локкарт за Рейли или нет, но осенью 1920 года его действительно направили в более «горячее» место.

РОКОВОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Теперь он должен был собрать информацию о деятельности своего знакомого — Бориса Савинкова. В Польше. Там Савинков развил бурную деятельность. Он формировал вооруженные отряды и готовил «поход на Кремль».

Естественно, в Лондоне хотели бы побольше узнать и об этих планах, и о самом Савинкове от надежного источника. В качестве такового и был выбран Рейли. В Польше уже работал такой выдающийся разведчик, как Пол Дьюкс, но Лондону, очевидно, этого не хватало.

К концу 1920 года, особенно после эвакуации Русской армии барона Врангеля из Крыма, отряды Савинкова остались одними из последних реальных сил сопротивления большевикам, по крайней мере в Европейской России. Савинков, несомненно, интересовал британскую разведку. Помимо всего прочего и потому, что он пытался предложить (или навязать с помощью военных средств) России некий «третий путь», который бы отличался и от большевизма, и от «диктатуры реакционных белых генералов». По вполне справедливому выводу Савинкова, в народе, особенно среди крестьянства, последние популярностью не пользуются, поэтому делать ставку на них бессмысленно.

Рейли никак не мог сказать, что его отправляют на малозначительный участок работы.

После знакомства с Савинковым к концу 1919 года между ним и Рейли уже шла переписка. Но, видимо, тогда они были еще не слишком знакомы, и Савинков путал имя и отчество Рейли, который в письме от 15 декабря 1919 года деликатно напоминал ему: «Кстати, мое имя отчество Сидней Георгиевич».

Савинков жил в эмиграции и не переставал вынашивать различные планы свержения большевиков. В этом они были похожи с Рейли. Как, впрочем, и в личной жизни: Савинков тоже не был похож на человека, который бы свято чтит заповеди «не прелюбодействуй» или «не возжелай жены ближнего своего». Уже два с лишним года у него был роман с женой его ближайшего помощника и советника Александра Дикгоф-Деренталья Любовью Ефимовной. Теперь их жизнь всегда проходила фактически втроем. Александр Дикгоф-Деренталь стал советником Савинкова по международным делам, а Любовь Ефимовна — секретаршей и любовницей.

Рейли с Савинковым быстро сошлись в главном — оба считали первостепенной задачей решительную и бескомпромиссную борьбу со «сволочами-большевиками». Рейли пытался вывести своего нового друга на Черчилля и убедить последнего, что Савинков — именно тот человек, на которого можно делать ставку в этой борьбе. 26 февраля 1920 года Рейли писал Савинкову из Лондона:

«Дорогой Борис Викторович!

Получил сегодня Ваше письмо с примечанием для Ч[ерчилля] и немедленно отнес его, причем случилось так, что я одновременно с Ч[ерчиллем] вошел в подъезд Министерства и тут же вручил ему Ваше письмо.

Я видел, как он поднимался по лестнице, открыл конверт и начал читать письмо.

За два дня моего пребывания здесь я видел всех моих друзей, причастных к русским делам, и у всех нашел самое удрученное состояние духа. Все сознают надвигающуюся опасность, но все в один голос заявляют о своем бессилии что-либо сделать. Все считают, что Польша под влиянием великих держав должна [здесь и далее подчеркивание самого Рейли. — *Е. М.*] будет заключить мир, и одинаково все полагают, что и переговоры Англии с большевиками в конце концов выльются в формальный мир, признание и т. д. Пресса, в общем, индифферентна...

Общее внимание поглощено домашними вопросами. Даже в парламенте не слышно сколько-нибудь сильного протеста против решения конференции*. Понятно, что в такой атмосфере всякий голос за Деникина будет голосом вопиющего в пустыне. Только какие-нибудь новые факты могут пробудить или даже изменить общественное мнение. Такими фактами могут быть какая-нибудь значительная победа Деникина или отказ Польши от мирных переговоров. Но, вроде, ни одно, ни другое не особенно вероятно.

Особая комиссия Высшего Экономического Совета обсуждает способы установления торговых сношений с Советской Россией и пока что составила весьма пессимистический доклад.

Не откажите уведомить меня за несколько дней до отъезда о Вашем решении поехать в Польшу. Возможно, что я тоже поеду, т. к. сегодня мне было сделано предложение (Министерством) поехать на пару недель, чтобы осветить настоящее положение в Польше.

Приятно было бы поехать вместе.

Прошу Вас также сообщить мне ответ Ч[ерчилля] на Ваше письмо...

Всегда готовый к услугам, весь Ваш, С. Рейли».

Сделаем на этом месте небольшое отступление.

* То есть решения Парижской мирной конференции не оказывать широкомасштабной помощи Белому движению и не предпринимать интервенцию против Советской России.

В ГА РФ хранятся более сотни писем Рейли Савинкову за 1919—1924 годы. Они написаны от руки перьевой ручкой или карандашом. Интересная особенность — почерк Рейли часто менялся, вероятно от его настроения и душевного состояния. Иногда он был почти каллиграфическим, а иногда походил на настоящие каракули, для того чтобы понять, о чем он писал, приходилось даже пользоваться лупой. К тому же Рейли использовал старые, дореволюционные нормы правописания — с твердым знаком, ятем, буквой «і» и не очень утруждал себя правилами. Знаки препинания он ставил наобум, а иногда вообще полностью игнорировал их, писал «помоему», «незабудьте», «какбудто» и т. д. Но, впрочем, это частности.

Главное в другом. По этим письмам хорошо видно, что Савинков на ближайшие четыре года стал для Рейли самым близким человеком. Не только политически, но и лично. Не случайно он подписывал письма: «Весь Ваш, Сидней Рейли». Более того, в посланиях Савинкову то и дело звучит некая экзальтированность, которая вряд ли бы удивила кого-нибудь в письмах гимназисток или барышень, но в отношениях между двумя взрослыми, безусловно, мужественными и решительными мужчинами, да и к тому же политическими деятелями, она смотрится, пожалуй, странновато:

«Каждое утро с замиранием сердца живу с желанием увидеться... Господи, как это было бы кстати теперь».

«Не могу Вам сказать, как я Вам благодарен за Ваши два письма. Я знаю, что значит, когда Вы говорите, что смотрите на меня как на брата и любите меня. Вы знаете, что Вы для меня — на жизнь и на смерть».

«Нечего говорить Вам, как я жажду Вас видеть».

«Тоскую по нашим беседам длинными вечерами».

«Я знаю одно средство, которое меня хоть временно утешит — это проведение нескольких дней с Вами».

И наконец: «Вы говорите, что ждете меня как любимую женщину, а я говорю Вам, что я никогда не хотел видеть любимую женщину с таким нетерпением, как хочу видеть Вас».

Почему их так тянуло друг к другу? Ни один, ни другой не объясняли этого. Ну а почему одни люди становятся друзьями на всю жизнь, а другие нет? Вероятно, причина была в какой-то «химии» человеческих отношений. Рейли, безусловно, видел в Савинкове близкого себе по духу человека, столько же решительно и непримиримо настроенного по отношению к большевикам, как и он сам. И это его при-

влекало. К тому же на фоне большинства рассуждающих и рефлексирующих эмигрантов Савинков действительно казался человеком дела, он как раз готовил план вторжения в Советскую Россию.

С другой стороны, трудно до конца рационально объяснить, почему Рейли увидел в Савинкове именно того человека, с которым можно связывать надежды на свержение большевиков и «возрождение новой России». Он же наверняка знал его биографию и склонность Савинкова к различного рода «комбинированию».

Хорошо знавший Савинкова Роберт Брюс Локкарт писал о нем: «Я никак не могу понять, почему из Савинкова пытаются сделать человека действия, почти героя. Он был еще более рьяный прожектор, чем большинство его земляков, мог просиживать целые ночи за бутылкой брэнди и выработать планы на следующий день только для того, чтобы по наступлению его поручить осуществление этих планов другим лицам. Я не отрицаю его талантов. Он написал пару прекрасных романов, лучше всех постиг темперамент революционеров и мастерски умел на нем играть... Как и многие русские, он был пламенный оратор, умеющий магнетизировать своих слушателей. Мельком ему удалось ослепить даже Черчилля, который узрел в нем русского Бонапарта. К сомнительным чертам его характера относилась жажда наслаждений, которой он подчас подчинял даже свое огромное честолюбие».

Если в этой характеристике заменить фамилию Савинков на фамилию Рейли, то, в общем, получится весьма похожий портрет нашего главного героя. Тут вам и прожекторство, и личное мужество, и связи с Черчиллем. И даже Бонапарт, кумир Рейли, тоже не забыт.

Но Рейли все-таки решил, что Савинков и есть именно этот человек, с которым можно связать все свои надежды на будущее. И не только связал их, но и фактически поставил на Савинкова все, что имел. На ближайшие четыре года он превратился в ближайшего партнера, советника и лоббиста Бориса Викторовича, который всячески рекламировал и «продвигал» его в различных европейских столицах, искал для него средства и помогал собственными деньгами. Станный поступок человека, который, как принято считать, пытался «делать жизнь» с Наполеона.

Рейли, конечно, не подозревал, чем для него закончится это поистине роковое увлечение Савинковым. Оно во многом и погубило его.

«Русский поход»

В январе 1920 года Савинков пригласил в Польшу его старый знакомый, бывший социалист-террорист Юзеф Пилсудский, ставший теперь «начальником Польского государства». Вероятно, он понимал, что вскоре Польше в очередной раз придется столкнуться с Советской Россией и что Савинков в этот момент может быть полезен ему.

Двадцать пятого апреля 1920 года Войско Польское перешло в наступление по всей протяженности границы с Советами на Украине. 7 мая польские части заняли Киев. Но уже 9 мая в «Правде» появилось знаменитое обращение. Почти что белые стихи:

«На Запад, рабочие и крестьяне!
Против буржуазии и помещиков,
за международную революцию,
за свободу всех народов! Бойцы рабочей революции! <...>
Через труп белой Польши лежит путь к мировому по-

жару.

На штыках понесем счастье
и мир трудящемуся человечеству».

Наступление Красной армии началось 4 июля, 23 июля был сформирован Временный революционный комитет Польши, 26 июля советские войска вступили на польскую территорию. Ну а затем было знаменитое «чудо на Висле», когда поляки при военной помощи стран Антанты нанесли мощный контрудар под Варшавой. Красная армия так же стремительно покатила на Восток и на Украине, и в Белоруссии. 12 октября поляки заняли Минск. Поход на Запад и «революция в Европе» на штыках Красной армии не получились. Разочарованный Ворошилов тогда писал: «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к “русским”».

Но и поляки выдохлись почти полностью. 12 октября 1920 года представители Польши, РСФСР и Украинской ССР подписали в Риге договор о перемирии.

Во время советско-польской войны Савинков не сидел без дела. В Варшаве он создал Русский политический комитет, в который вошли его старые соратники: Дмитрий Философов, Александр Дикгоф-Деренталь, его брат Виктор Савинков и др. Известные литераторы Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус руководили службой пропаганды.

Савинков начал формировать в Польше и армию. В нее вошли русские части, которые уже воевали на стороне Войска Польского под началом недавнего атамана, а теперь генерала Станислава Булак-Балаховича, интернированные остатки Северо-Западной армии Юденича и группы генерала Николая Бредова, военнопленные красноармейцы.

Главным лозунгом новой армии стал призыв «За Учредительное собрание!». Савинков просил поддержки у Черчилля, которому послал несколько писем. «Насколько бы наша задача была легче, если бы те, кто богат, уделили бы нам хоть малую часть ненужного им теперь своего или германского оружия, — писал он. — Я не смею, однако, рассчитывать на это. В Европе дует ветер безумия. Большевики умело пользуются им».

Пытался Савинков установить контакт и с Врангелем. 27 августа 1920 года он направил генералу телеграмму: «Я заявляю, что признаю Вашу власть и готов Вам подчиниться». 2 сентября Савинков и другие члены Русского политического комитета подписали уже официальную декларацию о своем подчинении Врангелю. Но барон готовности сотрудничать с Савинковым не проявил, хотя против формирования русских отрядов в Польше прямо не возражал. Однако он призывал солдат и офицеров всех русских формирований эвакуироваться в Крым, под его командование. Из Польши в Крым в итоге было перебращено около 4500 человек под командованием генерала Льва Бобошко.

Но пока в Польше создавали русскую армию (она получила название Русской народной добровольческой), война с Советами закончилась, и, по условиям перемирия, отряды Савинкова подлежали эвакуации из страны. Однако их руководители приняли решение — не эвакуироваться, а выступить в свой собственный поход против Советской России. Поляки и французы этот план молчаливо одобрили.

В октябре 1920 года Русская народная добровольческая армия выступила. 3 ноября Савинков в телеграмме Пилсудскому и Врангелю сообщал, что она «перешла границу, установленную прелиминарным миром». Наступление шло по двум направлениям. Бывшие белогвардейцы под командованием генерала Бориса Пермикина двинулись на Украину, на Черкассы, а части Булак-Балаховича — в Белоруссию, на Мозырь и Гомель.

К началу этого похода в Польшу как раз и прибыл Сидней Рейли. 29 октября он направил из Варшавы в Лондон телеграмму. Она касалась недавно заключенного соглаше-

ния о перемирия в Риге. Перемирие, писал Рейли, «следует рассматривать в настоящий момент всего лишь как прекращение боевых действий до 7 ноября. Оно не содержит ни военных ограничений, ни политических условий. Оно фактически явилось следствием инициативы, проявленной командирами некоторых большевистских дивизий, нуждающихся в передышке».

Рейли обладал ценным для разведчика свойством — умение вовремя оказываться на месте событий. Так произошло и на этот раз. «В конце 1920 г. я, сойдясь довольно близко с Савинковым, выехал в Варшаву, где он тогда организовывал экспедицию в Белоруссию, — вспоминал он позже. — Я участвовал в этой экспедиции. Я был на территории Советской России». Кстати, в этом походе участвовал и Пол Дьюкс. Он выступал в роли корреспондента газеты «Таймс».

«Поход» сопровождался террором со стороны савинковцев — особенно там, где оперировали обладавшие низкой дисциплиной отряды Булак-Балаховича. Грабежи, самосуды, еврейские погромы были весьма частым явлением, хотя Савинков категорически отрицал, что они имели место. Но известен такой эпизод — когда в занятом Балаховичем Мозыре он писал очередное опровержение «клеветы на народную армию», его соратники принесли в подарок «дорогому вождю» шубу, снятую с местного зажиточного еврея. Еврею, в общем-то, еще повезло.

О том, что делал в этом походе Сидней Рейли, как он там себя вел и участвовал ли он в нем с оружием в руках — не сохранилось никаких сведений. В известных документах и воспоминаниях, в том числе в показаниях Савинкова и его соратников, захваченных позже чекистами, о нем не упоминается. Судя по всему, на советской территории Рейли пробыл не так уж и долго. «Получив приказание вернуться, я выехал в Лондон», — сообщал он.

Другими словами, его попросту отозвали. Почему? Скорее всего, руководителям СИС не понравилось, что Рейли слишком много на себя берет и проявляет чрезмерно большую активность. Вряд ли у него имелись полномочия участвовать в «русском походе» Савинкова и переходить на советскую территорию.

Ну а «поход» сначала развивался успешно. Булак-Балахович взял Мозырь, где было провозглашено создание Белорусской народной республики. Были также взяты Речицы, Гомель, Проскуров. Однако вскоре Красная армия

нанесла мощный ответный удар. Русская народная добровольческая армия начала отступать на Запад и к декабрю опять оказалась в Польше. Там она была разоружена и интернирована: от 15 до 20 тысяч бойцов Савинкова оказались в лагерях, даже он сам был ненадолго арестован, Русский политический комитет распущен поляками. Впрочем, Савинков тут же учредил Русский эвакуационный комитет почти в том же составе. Теперь он старался привлечь внимание своих союзников в европейских столицах к положению интернированных и собирал деньги, продовольствие, теплое белье и т. д. Но Савинков не был бы Савинковым, если бы добровольно ограничился только этим. Рейли сразу же оказался в курсе его планов.

Наполеоновская коллекция и суд

Весной 1921 года Рейли крайне нуждался в деньгах. Он наверняка задавался вопросом: куда все делось? Куда исчезли деньги? А действительно, куда? Наверное, сказалось все: и деньги, которые он выплатил Маргарет, и шикарная жизнь, и не очень удачные коммерческие проекты Рейли в последние месяцы. На зарплату сотрудника разведки не очень-то пошикуешь. К тому же Рейли охватила настоящая «савинковская лихорадка».

«В 21 г. я продолжал деятельно поддерживать Савинкова...» — признавал потом Рейли. Точнее сказать, в конце 1920-го — начале 1921-го он только начал его «деятельно поддерживать». Но деньги на него уже тратил.

О том, в каком финансовом состоянии находился Рейли весной 1921 года, свидетельствует хотя бы такой факт: он решился даже на очень тяжелый для себя шаг и объявил о продаже в Нью-Йорке с аукциона своей знаменитой коллекции предметов, связанных с именем Наполеона Бонапарта. В конце апреля — начале мая 1921 года в газете «Нью-Йорк таймс» неоднократно появлялись рекламные объявления о том, что Рейли распродает свою коллекцию. Газета отмечала: «Великолепная коллекция жителя Лондона и Нью-Йорка Сиднея Дж. Рейли, в которую входят литературные, художественные и исторические ценности, связанные с жизнью Наполеона Бонапарта, выставляется на продажу в Американской галерее искусств 4 и 5 мая. Это одно из редчайших частных собраний, продающихся в настоящее время в Америке. Оно располагает важнейшими

материалами, которые иллюстрируют жизнь и эпоху великого императора со времени его первых свершений в качестве выдающегося полководца и расцвета его карьеры, до заката и смерти на острове Святой Елены».

Это был тот случай, когда реклама не врала. «Наполеоновская коллекция» Рейли считалась одним из ценнейших частных собраний в области мировой наполеонистики. Весной 1921 года в Нью-Йорке был выпущен «Иллюстрированный каталог коллекции мистера Сиднея Дж. Рейли, жителя Нью-Йорка и Лондона» — Рейли распорядился напечатать его специально к началу торгов. Достаточно полистать его, чтобы убедиться, какие ценности он смог собрать и с чем ему теперь приходилось расставаться.

В каталоге значится 1049 (!) различных предметов — от картин и портретов до автографов самого Наполеона и документов его эпохи, с подробными описаниями и иллюстрациями. Среди них были серебряные и бронзовые бюсты Наполеона, редкие портреты и рисунки, изображавшие французского императора (в том числе и прижизненные), портреты наполеоновских маршалов, книги из личной библиотеки Бонапарта, рукописные документы с его пометками и подписями и многое, многое другое. Сам каталог, кстати, сразу же стал библиографической редкостью и сегодня тоже представляет немалую ценность.

Торги начались, как и объявлялось, 4 мая. А 5 мая газета «Нью-Йорк трибюн» сообщила о результатах их первого дня: «625 долларов за скульптуру Наполеона. Первый день торгов принес 11 985 долларов». Далее перечислялись самые интересные покупки. Некий Э. Л. Бозновентура приобрел сразу несколько лотов, в том числе ту самую скульптуру, изображающую Наполеона во время войны против Пруссии, еще одну (Наполеон во время похода в Египет) за 280 долларов и т. д. Другой покупатель, мистер Уилликонде, купил за 475 долларов бюст Наполеона — первого консула Республики, а за 220 долларов шесть ножей с серебряными ручками из тех предметов, которыми Наполеон пользовался на острове Святой Елены. Рейли оценивал свою коллекцию примерно в 200 тысяч долларов, но от продажи выручил чуть больше 100 тысяч. Тоже весьма солидная сумма, однако для него явно недостаточная.

У Рейли была еще одна надежда раздобыть деньги, а именно отсудить значительную сумму у американской паровозостроительной компании «Болдуин Локомотив уоркс» — *Baldwin Locomotive Works* (BLW).

Еще 26 февраля 1920 года влиятельная американская газета «Уолл-стрит джорнэл» в разделе «Хроника» напечатала коротенькое сообщение о том, что Лев Троцкий «повторил утверждения Ленина о том, что Россия стремится к миру и рассчитывает закупить в США и Великобритании железнодорожные моторы, рельсы и другие товары, в которых она крайне нуждается». Россия, сказал Троцкий, это единственная подлинно миролюбивая страна в мире. А прямо под этой заметкой была помещена другая — о том, что отставной британский офицер Сидней Джордж Рейли подает иск в Верховный суд против компании «Болдуин Локомотив уоркс», ее президента Самуэля Ваклейна и акционера Эндрю Флетчера.

Дело было сложным и запутанным. Как говорилось выше, еще находясь в США во время войны, Рейли организовал с «Болдуином» на поставку в Россию винтовок и военного снаряжения. Оплата поставок должна была производиться в счет английских займов русскому правительству. По контракту компания «Болдуин» (или «Балдвин», как ее тогда называли в России) должна была выплатить Рейли 542 825 долларов комиссионных. Но дотошные и экономные англичане согласились оплатить его при условии, что сумма комиссионных будет урезана на треть.

Дальше произошло следующее. По версии Рейли, Ваклейн и Флетчер, которые тогда испытывали финансовые трудности, попросили его официально расторгнуть контракт в той части, которая касалась выплаты комиссионных, а взамен обещали выплатить их сами, безо всяких бумаг. Поверив им, Рейли согласился и порвал соглашение о комиссионных. Но выплата комиссионных затягивалась. Сначала перед Рейли несколько раз извинялись за эти задержки, потом извиняться перестали, а потом и вовсе отказались ему платить. После чего он и нанял адвокатов и подал иск в суд.

Подать-то он его подал, но вполне осознавал, что слушания по его делу начнутся еще не скоро. И даже если ему выплатят деньги — а в этом Рейли был совершенно уверен, — то этого нужно будет ждать еще не меньше года, а то и больше (в итоге все растянулось более чем на четыре года). А деньги ему нужны были сейчас. Тем более что вырученные после продажи наполеоновской коллекции средства быстро разошлись.

Значительную их часть «съела» поддержка Бориса Савинкова.

definite arrangements have been made.

\$625 FOR NAPOLEON STATUE

First Session of Reilly Library Sale
Totals \$11,985.

The sale of the fine Napoleonic library of Sidney G. Reilly was begun yesterday at the American Art Galleries. E. L. Bonaventure paid \$625 for the equestrian statue of Napoleon during his campaign in Prussia by the Prince Troubetskoy; \$300 for the "Sitting of the Council of Five Hundred at St. Cloud" by Francisco Bartolozzi; \$350 for "Italie, 1796"; Bonaparte standing before a campfire, by Denis A. M. Raffer, and \$280 for a statuette of Napoleon in Egypt.

Mr. Williconde gave \$475 for a bust portrait of Napoleon as First Consul by Piat J. Sauvage and \$220 for six silver-handled steel knives, part of tea silverware used by Napoleon at St. Helena.

The session brought \$11,985. The sale will be continued today.

Информация в «Нью-Йорк таймс» о распродаже «наполеоновской коллекции» Сиднея Рейли. 5 мая 1921 г.

«Третья Россия» Бориса Савинкова

Русский эвакуационный комитет с самого начала работал и как политическая организация. В начале января 1921 года Савинков рассказывал полякам, что он стремится сохранить свои вооруженные силы и в то же время старается поднять восстание в России. Комитет, по его словам, контролирует действующую в Москве террористическую организацию, агентов в Москве, Петрограде и в Красной армии, старается объединить «зеленые» партизанские отряды и армию атамана Махно и поддерживает постоянную связь с многочисленными отрядами в различных районах России.

В январе Савинков приступил к созданию новой партии — Народного союза защиты Родины и Свободы (в некоторых документах он также именуется Национальным). Организация провозглашала следующие цели: Россия — республика, но с «твердой властью», решительная борьба с «монархистами и теми помещиками, которые хотят отобрать землю у крестьян». Савинков считал, что будущая Россия должна управляться союзом трех партий: «крестьянско-казачьей», «социалистическо-рабочей» и «буржуазной», причем основную роль должна была играть «крестьянско-казачья» партия, защищающая интересы мелких хозяев.

Союз начал готовить и специальные диверсионные добровольческие вооруженные отряды и перебрасывать их в СССР. Под руководство Савинкова перешли различные отряды — от казаков, которые служили в польской погранохране и украинских крестьян-повстанцев до офицеров из армий Врангеля и Юденича. Эти отряды получили название «Народная армия вторжения».

Каждый вступивший в Союз принимал присягу: «Клянись и обещаю, не шадя сил своих и жизни своей везде и всюду распространять идеи Народного союза защиты Родины и Свободы, воодушевлять недовольных и непокорных советской власти, объединять их в революционное общество. Разрушать советское правление и уничтожать опору власти коммунистов, действуя, где можно, открыто, с оружием в руках, где нельзя — тайно, хитростью и лукавством».

События весны 1921 года внушали Савинкову и Рейли оптимизм. В конце февраля началось восстание моряков в Кронштадте. Лозунг восставших «Советы без коммунистов!» был близок к политическим установкам Савинкова. Весной—летом в Тамбовской губернии полыхала настоящая крестьянская война, 20 мая там была провозглашена

Временная демократическая республика Тамбовского партизанского края.

В английских газетах время от времени появлялись сообщения о том, что в Петрограде началось восстание, что он уже захвачен повстанцами, о том, что над Кремлем вывесили белый флаг, а Ленин уже сбежал из Москвы. Конечно, многие понимали, что это лишь выдумки газетчиков, но подобные статьи все равно внушали некоторую надежду.

В это время и сам Савинков вынашивал поистине наполеоновские планы. Его организация сумела создать подпольные центры в Белоруссии и на Украине, а «Народная армия вторжения» должна была перейти советскую границу, чтобы подтолкнуть «всеобщее восстание в России». Но выступления в Кронштадте, а потом и в Тамбовской губернии были подавлены Красной армией. Это заставило Савинкова на время отложить вторжение.

Несомненно, деньги Рейли играли не последнюю роль в подготовке этого вторжения. Вскоре их потребовалось еще больше. На июнь в Варшаве было запланировано открытие учредительного съезда Народного союза, на котором должны были присутствовать и военные представители стран Антанты. Буквально накануне съезда, 13 июня 1921 года, Савинков переслал главе французской военной миссии в Польше бригадному генералу Анри Нисселю секретный доклад о его, савинковской, организации, составленный неким британским агентом. В предисловии к докладу Савинков писал, что он «случайно попал» к нему в руки, и что, несмотря на «неточности и даже ошибки», этот документ кажется ему интересным «как доказательство внимания, уделяемого британскими агентами делу, которому я служу». Имя автора доклада нигде названо не было. Однако представляется, что в его составлении как минимум участвовал и Сидней Рейли. Дальнейшее развитие событий подтверждает это предположение.

В докладе содержалось достаточно благожелательное описание деятельности Савинкова в Польше, излагается его политическая программа. «Среди русских антибольшевистских начальников, — говорилось в документе, — Савинков был первым, который признал право на самоопределение народов, отделенных от русской старой империи, и который защищал признание их независимости. Широта политических взглядов является доказательством способности Савинкова суметь оценить “политическую обстановку”».

И еще одно любопытное место. Оденъгах. Вопрос, очень интересовавший Рейли. Савинков, отмечалось в докладе, «наиболее экономный» среди других антибольшевистских вождей, а его организация — единственная, которая может дать точный отчет по финансовым вопросам. Приводились и конкретные цифры. Помощь польского правительства с июня 1920-го по апрель 1921 года, не считая вооружения и снаряжения, составила около 100 тысяч фунтов. Еще 25 тысяч франков он получил от частных лиц. При этом жалование самого Савинкова составляло 40 тысяч польских марок (14 фунтов) в месяц. Зато результаты впечатлили автора — на эти средства, писал он, Савинков создал 25-тысячную армию, новую партию, завербовал «сотни агентов», выпускал ежедневную газету «За Свободу!» и пропагандистскую литературу и имел своих представителей во многих важных центрах.

Другими словами, в докладе «британского агента» явно ощущался посыл — если поможете Савинкову, то не пожалеете. Очень даже в духе Рейли.

* * *

Съезд открылся в Варшаве 13 июня 1921 года в отеле «Бристоль». На нем присутствовало около 140 человек, причем примерно 50 из них нелегально прибыли из России. Савинков предложил почтить память погибших соратников в борьбе с большевиками. Делегаты спели старинную революционную песню «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Затем — гимн Народного союза на мотив революционной песни «Смело, товарищи, в ногу...»:

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Красной ли рати бояться
Иль их комиссаров-вождей?

Свергнем могучей рукою
Коммунистический гнет
И будет свободной землею
Править свободный народ!

Савинков выступил с главным докладом: «Международная и политическая обстановка. Возникновение союза, ориентация союза и основы программы». Он заявил, что Петроград может вскоре восстать, и поэтому Исполнительный

комитет Союза, возможно, даст сигнал о начале всеобщего выступления, чтобы поддержать восставших. Представители Украины, Белоруссии и Кубани заявили о своей солидарности с Союзом при условии признания их самоопределения.

Что же касается положения в России, то было заявлено:

«1. Что возвращение к старой царской России невозможно.

2. Что все завоевания революции должны быть сохранены, не исключая и тех народов, которые входили в старую русскую империю.

3. Что будущее России должно базироваться на мирном сотрудничестве русского народа со своими соседями». Союз, подчеркивалось в резолюции съезда, «без устали» борется за создание «третьей новой России» и отвергает всякое сотрудничество с «реакционными русскими эмигрантами» и призывает всех эмигрантов сплотиться вокруг него для «борьбы русского народа с реакцией черной, красной во имя новой третьей России».

«Мысль моя была такова, — рассказывал Савинков, — чтобы попытаться придать более или менее организованную форму зеленому движению, попытаться вызвать большое массовое крестьянское восстание, посылать в Россию людей именно с этими задачами». В особом пункте резолюции указывалось, что Союз «отказывается от всякого соглашения с Врангелем, бывшим, настоящим и будущим» на основании того, что военная диктатура генералов «носила реакционный характер и вела к установлению полицейского режима и привилегий помещиков, угрожая завоеваниям Великой русской революции и не имея поддержки со стороны крестьян, рабочих и интеллигенции».

Съезд избрал Всероссийский комитет Народного союза (или ЦК) во главе с Савинковым. В него также вошли Философов, Дикгоф-Деренталь и др.

Восстание было намечено на середину августа 1921 года. К этому времени подпольные центры в России должны были подготовить местные повстанческие отряды. «Народная армия вторжения» тремя группами по сигналу должна была начать наступление из Польши на Петроград, Москву и Орел, а союзные украинские части — на Киев. К началу наступления подпольщики в России организовали бы серию терактов против видных коммунистов и важных военно-стратегических объектов.

Летом 1921 года на советскую территорию были переправлены несколько отрядов и диверсионных групп. Дей-

ствовали и дерзко, и жестоко, применяя все возможные средства. 4 августа отряд полковника Сергея Павловского (с ним мы еще не раз встретимся) ограбил и пустил под откос в районе Полоцка пассажирский поезд. При нападении на местечко Любань были убиты 20 его жителей. В Пуховичах расстреляно 15 евреев, а жителей заставили заплатить «контрибуцию».

Савинков утверждал, что об этих «эксцессах» он не знал. Но, скорее всего, это не так. В ГА РФ хранится, к примеру, доклад капитана Овсянникова, одного из участников похода на советскую территорию, направленный именно Савинкову. Он сообщает о фактах «из деятельности работающих в советской Белоруссии отрядов»: отряд полковника Павловского напал на мельницу вблизи деревни Ракошичи, ограбил ее, а жену хозяина изнасиловали. Потом взяли в плен красноармейца и тут же его повесили. До этого было повешено шесть крестьян-проводников якобы для того, «чтобы они не донесли красным войскам о движении отряда».

Боевая работа савинковцев не сводилась только к диверсионным операциям. В Советскую Россию забрасывались и террористы-одиночки. Подполковник Виктор Свежевский, к примеру, получил от Савинкова задание убить Ленина. Были и другие попытки. Савинков, впрочем, пояснял: «Ни один акт не был приведен в исполнение. Попытки слабые были. Был случай, когда Свежевский сказал, что он хочет убить Ленина. Я не верил этому Свежевскому. Он сказал: “Я еду”. Я ответил: “Поезжай”. Понятно, ничего из этого не вышло. Это была попытка с негодными средствами. Разве можно сделать террор при таком разложении?.. На террор люди идут только тогда и только потому, когда они знают точно, что народ с ними, и именно потому, когда стоишь лицом к лицу с виселицей и когда знаешь, что своему народу послужил, то идешь. Это совершенно необходимо. Только при этих условиях может быть террор, потому что террор требует огромного напряжения душевных сил. А вот этого и нет...»

Участвовал ли Рейли в работе съезда Народного союза? По некоторым сведениям, да. О том, что он там все-таки был, можно судить по косвенным упоминаниям о поездке в Варшаву в письмах Рейли. Но то, что он помогал его проведению деньгами и своими связями — это наверняка. «В этом же [1921] году я устроил Савинкову тайный полет в Варшаву», — рассказывал сам Рейли позже.

Деньги по-прежнему оставались главной проблемой Савинкова. Он пытался найти их как среди эмигрантов, так и

у Союзников. Савинков писал Черчиллю, что единственной антибольшевистской силой, не сложившей оружие, является крестьянское повстанчество — «зеленое движение», которому остается только придать «организованную форму».

«Россия ни в коем случае не исчерпывается двумя враждующими лагерями (красными и белыми), — отмечал он. — Огромное большинство России — крестьянская демократия. Пока вооруженная борьба с большевиками не будет опираться на крестьянские массы... пока патриотическая армия не поставит себе целью защиту интересов крестьянской демократии и только ее, большевизм не может быть побежден в России».

Но средств явно не хватало. Вскоре после съезда редактор газеты «За Свободу!» и ближайший помощник Савинкова Дмитрий Философов сообщал Рейли: «Признаюсь Вам честно, что мне было стыдно общаться с людьми, которые приехали на этот съезд и поедут обратно в Россию полные надежды и рискующие ради дела своими жизнями, тогда как мы не в состоянии оказать им никакой помощи в продолжении этой борьбы».

Я повторяю в десятый раз, что все упирается в деньги. Пресса готова, крестьяне ждут своего освобождения, но без тщательно планируемой организации эта затея безнадежна... Это особенно относится к Петрограду, откуда мы получили подробные сведения (уже после Вашего отъезда)*. Из них мы можем заключить, что восстания можно ожидать в любой момент, и, если его не поддержать, оно будет подавлено. Даже Борис Савинков не имеет возможности поехать туда ввиду недостаточности финансовых средств. Другими словами — деньги, деньги, деньги!»

Но Рейли и сам это превосходно понимал.

«Я возил Савинкова в Прагу»

Летом 1921 года Рейли побывал еще не так уж далеко от Варшавы — в Праге. Его поездка в столицу Чехословакии преследовала сразу несколько целей — политических, и лично-коммерческих (о них чуть ниже) и просто личных.

В то время в Праге работал Роберт Брюс Локкарт. Он занимал должность атташе по торговле в британской мис-

* Из письма не очень понятно, откуда и куда уехал Рейли. Может, он действительно был в Варшаве на съезде Союза?

сии, а потом, с 1923 года, стал одним из директоров Англо-австрийского международного банка. По возвращении из Москвы его обвиняли чуть ли не в сговоре с большевиками, «непростительных ошибках». Раздавались даже призывы арестовать его, а правые депутаты парламента (в том числе и Черчилль) требовали расследования его деятельности.

Друзья посоветовали Локкарту «лечь на дно» и переждать, пока скандал стихнет. Он согласился и сначала отправился на родину, в Шотландию, а потом уехал в Чехословакию на весьма скромную должность атташе. В 1920 году у него родился сын Робин Брюс — будущий биограф Рейли, а вскоре после его рождения Локкарт разошелся с женой и жил в Праге вдвоем с сыном.

В 1921 году в Прагу приехал Рейли. Да не один, а с Борисом Савинковым. Локкарт, разумеется, встречался с ними. «Они оба, — вспоминал он, — были полны идеей по организации крестьянского восстания в России. Но теперь их роли изменились. Рейли, который раньше был страстным обожателем Савинкова, превратился в настоящего лидера. Сам же Савинков представлял из себя комок нервов. Иногда, под влиянием бренди, огонь, как и раньше, зажигался в его глазах и он, возможно, как и раньше, чувствовал приливы энергии, но его дух был уже сломлен».

«Я возил Савинкова в Прагу, где познакомил его с руководящими сферами», — рассказывал Рейли. «Руководящие сферы» были представлены президентом Чехословакии Томашом Масариком и премьер-министром Эдвардом Бенешем. Опять же, не совсем понятно, делал ли он это только по собственной инициативе или по заданию руководства Секретной службы? Или же действовал самостоятельно, но согласовывал свои «операции» с Лондоном?

Говоря о том, что именно он познакомил Савинкова с «руководящими сферами» в Чехословакии, Рейли все-таки немного приврал. Савинков познакомился с Масариком еще в 1917 году в Лондоне. Будущий президент очень ценил его повесть «Конь бледный», которую он считал самым глубоким анализом атеизма и кризиса революционности. Масарик поддерживал Февральскую революцию 1917 года в России, был одним из организаторов Чехословацкого легиона. В марте 1918 года он выехал из России через Владивосток в США и перед отъездом в Москве еще раз виделся с Савинковым.

Масарик хорошо понимал, к чему призывал Савинков.

Так что устроить встречу между ним и бывшим русским знаменитым террористом-писателем Рейли удалось быстро. В сентябре 1921 года Масарик принял Савинкова и Рейли в своей пражской резиденции и пообещал финансово помочь Народному союзу защиты Родины и Свободы. Он действительно помог, но получилось так, что от него потребовалась уже несколько иная помощь.

В Праге Рейли попытался также свести Савинкова с его бывшим и непосредственным начальником — Александром Керенским. Но он связываться с Савинковым явно не захотел, сказав Рейли, что тот слишком неосторожен и доверчив по отношению к Борису Викторовичу. Керенский настолько не хотел иметь дела с Савинковым, что даже перестал отвечать на письма Рейли. В одном из последних посланий бывшему министру-председателю Временного правительства, которое Рейли написал 21 июля 1921 года в пражском отеле «Пассаж», британский агент попытался добиться от Керенского, в чем, собственно, причины такого поведения с его стороны:

«Дорогой Александр Федорович!

Очень надеялся встретиться с Вами сегодня, поэтому хотел бы узнать причины, по которым Вы не ответили на мое послание. Помнится, Вы обвинили меня в неосторожности. В интересах нашей работы, пожалуйста, объясните мне предпосылки подобного заявления...

Буду крайне обеспокоен, если в результате нашего недолгого общения Вы воздержитесь от поиска путей исполнения предложенного мной плана... Обязательно встречусь с Вами после моего приезда из Варшавы. Надеюсь, что и Вы взаимно будете ожидать этой встречи.

Полагаю, что Вам понятны мотивы, по которым мне пришлось написать это письмо.

С уважением,
Сидней Рейли».

Но Керенский не ответил, и из идеи привлечь его к делу Савинкова так ничего и не вышло. Впрочем, вряд ли от Керенского была бы большая польза — к этому времени он не имел среди эмигрантов и десятой части той популярности, какой мог похвастаться весной — летом 1917 года.

Сын Локкарта Робин Брюс писал, что Рейли не раз приезжал потом в Прагу, и он запомнил, как в пятилетнем возрасте «видел его живьем». Сам он, конечно, не мог помнить, что там делал Рейли, но, вероятно, со слов своего отца все же рассказал одну деликатную историю.

По его словам, Рейли в 1921 году «закрутил» в Праге новый бурный роман. «Поскольку к тому времени отношения Рейли с Надин окончательно подошли к логическому финалу, у него возник очередной пылкой роман, — писал он. — В свои сорок семь лет он все еще производил неотразимое впечатление на женщин, как на молодых, так и на старых. Двадцатитрехлетняя парижская актриса не стала исключением. Роман был полон огня и страсти. Молодая женщина, не только красивая, но интеллигентная и прекрасно образованная, не скрывала, что хотела бы видеть Рейли своим мужем.

Смущенный агент, формально уже имевший двух жен — Маргарет и Надин, ответил отказом и, как ни странно, был правильно понят. Однако, забеременев, любовница, обливаясь слезами, снова начала настаивать на замужестве. Рейли вновь отказал, оплатив молодой женщине аборт.

Утонченная натура француженки явно не вписывалась в привычную модель его отношений с женщинами, и им пришлось расстаться. Кстати, через несколько лет эта актриса, имевшая шанс быть миссис Рейли-третьей, стала звездой сцены, и ее имя гремело по всей Франции».

Кем была эта женщина — осталось тайной. Если, конечно, все это правда, а не просто слухи. Хотя, с другой стороны, что в этой истории невероятного?

* * *

Положение Савинкова и его организации в Польше между тем становилось все сложнее. 16 марта 1921 года между РСФСР и Второй Речью Посполитой был подписан Рижский мирный договор*. Одновременно с этим советская власть начала постепенно отходить от ненавистной для крестьян продразверстки и заменять ее налогом. В стране начинался НЭП, и многие недавние недовольные

* Договор установил границу между РСФСР, Украиной и Белоруссией с одной стороны и Польшей. К Польше отходили обширные территории Западной Украины и Западной Белоруссии, которые до революции 1917 года входили в состав Российской империи. Советская сторона согласилась возвратить Польше военные трофеи, все научные и культурные ценности, вывезенные с территории Польши начиная с 1 января 1772 года, а также обязалась уплатить Польше в течение года 30 миллионов золотых рублей за вклад Польши в хозяйственную жизнь Российской империи и выплатить еще 18 миллионов репараций.

комиссарами и большевиками увидели в этом шанс на то, что наконец-то наступает нормальная жизнь. Уставшие от войны люди хотели только одного — спокойствия.

Удобный момент для вторжения отрядов Савинкова и начала восстания к концу лета 1921 года был уже упущен. Да и чекисты тоже не сидели сложа руки. Были ликвидированы Западный и Черноморский областные комитеты Народного союза защиты Родины и Свободы, развернута массированная пропаганда против Савинкова. Только в 1921—1922 годах выловили около 500 агентов Народного союза.

Москва не раз требовала от Варшавы пресечь деятельность организации Савинкова и формально была права. Присутствие на польской территории антисоветских вооруженных формирований противоречило мирному договору. Наконец 7 октября 1921 года, после очередной ноты протеста со стороны РСФСР, польское правительство, чтобы не осложнять отношений с Советской Россией, потребовало от Савинкова и руководства Народного союза защиты Родины и Свободы покинуть пределы Польши в течение двадцати дней.

Савинков был возмущен и обижен на поляков. Совсем недавно на съезде его Союза звучали овации в честь Польши. Позже, на своем процессе, он говорил о том, какие чувства обуревали его в момент отъезда: «Я сажился в поезд, и сердце мое радовалось. Слава Богу, я уезжаю из этой проклятой страны, я радовался, что вы меня выкинули вон».

Сотрудничество Савинкова с поляками, конечно, не прервалось. В Варшаве теперь работал якобы благотворительный Русский попечительский комитет, под крышей которого резиденты Савинкова координировали деятельность его агентов и осуществляли связь с польской разведкой. Представителем ЦК Народного союза в Варшаве оставался Дмитрий Философов, в Вильно — Иван Фомичев. Еще в 1922 году савинковские отряды совершали рейды на советскую территорию.

Но самому Савинкову и ЦК Союза пришлось выбирать себе другое место постоянного жительства и работы. Сначала они обосновались в Праге. Тут-то игодились связи Рейли в «руководящих сферах» Чехословакии и встречи с президентом Масариком. Он по старой памяти помог Савинкову, и Прага на некоторое время стала штаб-квартирой его движения.

Позже Савинков перебрался в Париж, но немало его сторонников по-прежнему жили и работали в столице Че-

хословакии. Были среди них и сестра «вождя» Вера Викторовна и ее муж Александр Мягков, геолог и инженер, возглавлявший Пражское отделение Народного союза. Они были хорошо знакомы с Рейли, и он пытался использовать их в своих планах.

Между тем до вождей русской эмиграции и западных разведок из Советской России начали доходить сенсационные слухи. Вдруг выяснилось, что там, в глубоком подполье, действует мощная монархическая организация, которая в скором времени рассчитывает осуществить переворот и возвести на русский трон законного монарха. Первые сведения об этой организации осенью 1921 года привез в Европу сотрудник Наркомата путей сообщения и бывший действительный статский советник Александр Александрович Якушев. Этот скромный на вид человек в пенсне вскоре сыграет роковую роль в судьбе Рейли. Да и к печальному будущему Савинкова тоже будет иметь отношение.

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ»

Итак, в ноябре 1921 года в Таллине появился хорошо одетый, представительный, но скромный господин в пенсне и с небольшой бородкой. 45-летний потомственный дворянин Александр Александрович Якушев окончил Санкт-Петербургский университет, начал служить в Министерстве путей сообщения и 28 января 1916 года был произведен в статские советники — гражданский чин 5-го класса по российской Табели о рангах, учрежденной Петром I. Якушев был высококлассным специалистом. Так что неудивительно, что в 1920 году его охотно взяли на работу в Наркомат путей сообщения, где должен был ведать отделом водного транспорта. По одной версии, его пригласил в Наркомат Лев Троцкий, который с марта по декабрь 1920 года занимал должность в Наркомпути.

Трудно понять, знали ли чекисты уже тогда, что после революции Якушев принимал участие в работе подпольных монархических организаций. Правда, его деятельность в основном сводилась к разговорам и никак не сказывалась на работе Якушева по специальности. Работал он, что называется, на совесть.

Осенью 1921 года его направили в служебную командировку — в Швецию и Норвегию. В Таллине он решил сделать остановку — посетить своего старого знакомого Юрия

Артамонова, которому привез письмо от тетки. Артамонов был ярким противником Советов и имел связи с монархистами в Берлине и других столицах Европы.

На дружеском ужине, посвященном приезду «гостя из Москвы», на котором присутствовал и представитель барона Врангеля, Якушев сделал доклад о положении в России. По его словам, там начала действовать тайная монархическая организация, которая имеет своих сторонников и в Красной армии, и даже во власти. Он также сказал, что эта организация стремится установить контакты с монархистами-эмигрантами.

На Юрия Артамонова это выступление произвело сильное впечатление. Он написал восторженное письмо в Берлин своему бывшему однополчанину князю Кириллу Ширинскому-Шихматову, ныне члену так называемого Высшего монархического совета, а тот рассказал о нем главе этого Совета. Это был очень колоритный человек, бывший депутат Государственной думы, один из лидеров крайне правого Союза русского народа Николай Марков (Марков 2-й). Вспоминая Ильфа и Петрова, можно сказать, что слова о политической ориентации слесаря-интеллигента Полесова «он был настолько правым, что даже не знал, к какой партии принадлежит» вполне подошли бы и к нему.

Он ненавидел в буквальном смысле всех, кто однозначно не поддерживал идею монархии — от анархистов до генералов Корнилова и Врангеля, считая их агентами мировой закулисы и темных сил. Но, узнав о монархической организации в России, Марков 2-й крайне заинтересовался ею и дал «добро» на то, чтобы вступить с этой организацией в контакт. Однако он не мог знать того, что уже знали на Лубянке.

Дело в том, что письмо Артамонова попало в руки одного из зарубежных агентов ВЧК и вскоре его копия оказалась в Москве. Тогда на Лубянке и родилась идея использовать Якушева для создания якобы подпольной монархической организации, которая бы действовала под контролем ВЧК. Главными ее задачами стали бы разведка в среде русских монархистов за границей и срыв возможных диверсионно-террористических актов белоэмигрантов на территории РСФСР. При этом самого Якушева чекисты решили не просто сломать, а переубедить.

Вскоре Якушев вернулся из-за границы. Потом он был направлен в новую командировку — в Иркутск. Сел на поезд, но до Иркутска не доехал, а из поезда исчез. Его род-

ные получили от него телеграмму: он тяжело заболел тифом и лежит в больнице. На самом же деле бывший статский советник сидел на Лубянке.

По версии советских спецслужб, в ходе долгих бесед тогдашний заместитель начальника Особого отдела ВЧК Артур Артузов (Фраучи), его сотрудники Владимир Стырне и Роман Пилляр* убедили Якушева, что, согласившись сотрудничать с ВЧК, он бы тем самым совершил патриотический поступок. В конце концов сам Дзержинский выложил все карты на стол.

«Как вы посмотрите, Александр Александрович, — сказал он, — на наше предложение возглавить пока не существующую, но создаваемую нами организацию под условным названием, скажем, “Монархическая организация Центральной России” (МОЦР)? У вас будут заместители по военной и политической части, вам организуют штабквартиру в Питере и в Москве, вы будете ездить в Европу для контактов с единомышленниками... Правда, как вы, наверное, догадываетесь, все это будет игрой — под условным названием “Трест”»**.

Якушева даже отпустили домой подумать над предложением чекистов. Вскоре он дал свое согласие. Уже с участием Якушева чекисты начали формировать руководство новой организации — Политсовет. В него вошли и настоящие контрреволюционеры. «Главным по военной части» стал, например, генерал-лейтенант Николай Потапов. Он служил военным атташе в Черногории, затем последова-

* Роман (Ромуальд) Александрович Пилляр (1894—1937) происходил из остзейского баронского рода Пиллар фон Пильхау. Приходился двоюродным племянником Феликсу Дзержинскому. С 1920 года на работе в ВЧК. В 1922—1925 годах заместитель начальника КРО ГПУ/ОГПУ. Затем возглавлял ГПУ Белорусской ССР (1925—1930), был полпредом ОГПУ по Северо-Кавказскому краю (1930—1932) и по Средней Азии (1932—1934). С декабря 1934 года начальник УНКВД по Саратовской области; комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). Признан виновным в шпионаже и вредительстве, приговорен к смертной казни и расстрелян.

** В некоторых работах также утверждается, что авторами идеи «Треста» были также польский контрразведчик Виктор Стецкевич, перешедший на сторону большевиков и работавший в ВЧК под фамилией Кияновский, и бывший московский губернатор, а потом и командующий Отдельным корпусом жандармов Владимир Джунковский, также сотрудничавший с ВЧК. См., например: *Палчинский А., Тумиш М.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001; *Гладков Т.* Награда за верность — казнь. М., 2000.

тельно возглавлял несколько отделов Генерального штаба, в том числе и генерал-квартирмейстерскую службу (то есть разведку), и был одним из первых генералов русской армии, который, по некоторым сведениям, пошел на сотрудничество с большевиками еще до прихода их к власти. После Октября 1917 года Потапов занимал различные, хотя и не боевые, должности в Красной армии, а в ноябре 1921 года стал помощником главного инспектора Всеобуча.

Номинальным руководителем МОЦР определили бывшего генерала от инфантерии Андрея Зайончковского. С 1918 года он служил в РККА, а с 1922-го был профессором Военной академии РККА. В оперативных делах «Треста» он почти не принимал участия. Что же касается Якушева, то он стал председателем Политсовета.

Ну а заместителем Якушева по финансовым делам было решено сделать человека с такой головокружительной и таинственной биографией, что ему, наверное, мог бы позавидовать и «ас шпионажа» Сидней Джордж Рейли.

* * *

Об «операции “Трест”» большинству советских граждан стало известно лишь в середине 60-х годов прошлого столетия. Сначала вышел роман-хроника Льва Никулина «Мертвая зыбь», а потом, на основе этой книги, был снят замечательный телесериал в четырех частях режиссера Сергея Колосова «Операция “Трест”». Фильм по тем временам очень смелый.

Телесериал запомнился и отличными актерскими работами Игоря Горбачева (сыгравшего Якушева), Армена Джигарханяна (Артузов), Людмилы Касаткиной (Мария Захарченко-Шульц). Сиднея Рейли сыграл Всеволод Якут, а Донатас Банионис исполнил роль ближайшего помощника Якушева по «Тресту», матерого контрреволюционера и коммерческого мошенника Эдуарда Оттовича Стауница. Сыграл великолепно. Вот только к реальному Стауницу его герой имел весьма отдаленное отношение. Потому, что всю правду о настоящем Стаунице тогда рассказать было невозможно.

У него было около десятка фамилий — Упелишь, Упелинц, Опперпут, Селянинов, Стауниц, Касаткин, Спекторский и т. д. И несколько имен — Александр, Эдуард, Павел и даже Фриц. Но считается, что на самом деле его все же звали Александр Упелиныш. Родился в 1895 году в

Латвии. Вроде бы учился в Риге на инженера, служил в русской армии офицером во время Первой мировой войны, воевал на Кавказе, дослужился то ли до поручика, то ли до штабс-капитана. В 1918 году поступил в Красную армию. И довольно быстро умудрился сделать хорошую карьеру — к осени 1920 года он был помощником начальника штаба войск внутренней службы Западного фронта. Правда, к этому времени он уже носил фамилию Опперпут и служил в Смоленске. Тогда его вроде бы и завербовали агенты Народного союза защиты Родины и Свободы.

Опперпут несколько раз переходил советско-польскую границу, доставлял полякам сведения о Красной армии, обратно приносил листовки и выдвигал различные идеи борьбы с Советами. Ему приписывают план отравить цианистым калием продовольственные склады Красной армии. Якобы в аптеках Варшавы для этих целей уже закупили два килограмма яда, но акция по каким-то причинам не состоялась.

Опперпут принимал участие в разработке программы Народного союза и в подготовке его учредительного съезда. Возглавляемый им Гомельский комитет считался одним из самых боеспособных среди отделений Союза на советской территории. В Красной армии он тоже успешно делал карьеру, стал начальником укрепрайона Минск.

Но 26 мая 1921 года его арестовала ЧК. На Лубянке он быстро рассказал обо всем, что знал*. Разоблачения Опперпута советская сторона использовала для ноты протеста от 4 июля 1921 года польскому правительству, на основании которой поляки потом выслали из страны Савинкова и его соратников.

«Сейчас у меня одно желание: самоотверженной работой на пользу советской власти загладить свой проступок, — писал он 7 июля 1921 года заместителю председателя ВЧК Вячеславу Менжинскому. — Это представилось бы мне возможным сделать, если бы я был отпущен в Варшаву. В месячный срок я сумел бы дать Вам возможность полностью ликвидировать все савинковские организации, польскую разведку, частично французскую разведку и представил бы ряд документов в подлинниках, обрисовывающих истинную политику Польши...

* Согласно другой версии, Опперпут завербовался к Савинкову, выполняя задание ВЧК. Он то ли сам являлся чекистом, то ли сотрудничал с этим ведомством.

Что же касается наказания по отношению лично ко мне, то я частично его понесу, ведь я перед отъездом должен буду нанести себе довольно серьезное огнестрельное ранение, чтобы не вызвать в Варшаве сомнений в действительности моего побега... Ни средств, ни документов я у Вас не прошу. Умоляю только дать мне возможность работать и клянусь Вам тем, что у меня есть дорогого и святого, что Вам, товарищ Менжинский, никогда в своем доверии разочароваться не придется...

Я терплю невероятные муки и дохожу до отчаяния, когда готов разбить голову об стену или перерезать горло стеклом. Я уже дошел до галлюцинаций. Каждый лишний день моего здесь пребывания равносителен самой невероятной пытке. Еще раз умоляю решить мою судьбу скорее...»

Но в Варшаву он не поехал. Зато на некоторое время его перевели в Петроград, где посадили в одну камеру с профессором географии Владимиром Таганцевым, арестованным по обвинению в том, что возглавляемая им Петроградская боевая организация готовила антисоветское восстание. По «делу Таганцева» были арестованы 833 человека, из них расстреляны 96, в том числе сам Таганцев, его жена Надежда и поэт Николай Гумилев.

Напрашивается предположение, что, сидя с Таганцевым, он выполнял там функцию «наседки» или «подсадной утки», хотя сам он потом эти предположения с возмущением отвергал.

Еще во время следствия Опперпут написал брошюру, разоблачающую Савинкова и его Союз. Она вышла в Берлине под названием «Народный Союз Защиты Родины и Свободы. Воспоминания» в ноябре 1921 года.

Опперпут был освобожден из тюрьмы постановлением ВЧК от 28 февраля 1922 года уже под очередным новым именем — Эдуард Оттович Стауниц.

«Я полагал поступить в секретные сотрудники, войти в доверие к главарям ВЧК, изучить ее тайную работу и потом уже расшифровать всю деятельность ВЧК, принеся этим крупную пользу русскому делу», — объяснял он позже. Врал Опперпут-Стауниц или нет, но в итоге что-то похожее у него действительно получилось. Авторы официальных «Очерков по истории российской внешней разведки» признают, что, несмотря на многочисленные проверки, чекисты все же не смогли до конца раскусить Опперпута, и его назначение на одну из ключевых должностей в «Тресте» стало их серьезным просчетом.

«Племянники» в Москве

С весны 1922 года «Трест» начал постепенно набирать обороты. Были установлены контакты с русскими монархистами за границей, а также с польской и эстонской разведками (позже к ним прибавились разведки Финляндии и Латвии). Связи «монархистов подполья» с иностранными спецслужбами поднимали их авторитет в глазах эмигрантов хотя бы потому, что они ослабляли подозрения в том, что «Трест» — это «липа», подброшенная эмиграции чекистами.

В самой эмиграции в это время царили разброд и шатания. Группы, течения, направления, организации эмигрантов активно грызлись между собой. В правом лагере, для работы с которым и создавалась МОЦР, происходило то же самое.

Во-первых, монархисты делились на сторонников великого князя Кирилла Владимировича и приверженцев великого князя Николая Николаевича (последних было гораздо больше). В марте 1923 года Николай Николаевич после долгих уговоров согласился принять на себя «водительство армии и народа». Еще раньше выразил готовность повести армию за Николаем Николаевичем и барон Врангель, постепенно отходивший от активной политической деятельности.

Главные силы монархистов, как и вообще наиболее боевые и активные силы эмиграции, сосредоточились в Объединении Русской армии (ОРА)*, в которое были преобразованы вооруженные силы Врангеля, эвакуированные из Крыма. При этом руководители ОРА и генералы, прошедшие Гражданскую войну, презрительно отзывались о Высшем монархическом совете, называя их членов «старыми перечницами» и считая, что они — это просто пародия на идею монархии.

Но и в среде «врангелевцев» не было уже единства. Все больше активности проявлял генерал Александр Кутепов, командующий Добровольческой армией во ВСЮР, а затем I армейским (добровольческим) корпусом Русской армии Врангеля. Сорокалетний энергичный и популярный в армии Кутепов был склонен продолжать борьбу с большевиками террором и диверсиями. Он даже призывал брать пример с революционеров, которые точно так же не так давно боролись с царским правительством. В 1923 году Кутепов

* 1 сентября 1924 года на основе ОРА был создан Русский общевоинский союз (РОВС).

возглавил созданную из офицеров Боевую организацию. Ее создание одобрил и великий князь Николай Николаевич.

А вот барон Врангель, наоборот, выступал за сохранение армии в боевой форме «на будущее». Чтобы она по сигналу организованно могла выступить против большевиков. Но когда раздастся этот сигнал? На этот вопрос ответить никто не мог, и Врангель сам понимал опасность этой неопределенности. Поэтому, не веря в то, что Кутепов добьется чего-либо своими методами, он, в общем-то, не стал его удерживать.

Весь этот клубок эмигрантских интриг, противоречий, конкуренции и взаимных подозрений был очень удобной средой для деятельности якобы подпольной монархической организации из России. Руководители «Треста» искусно лавировали между различными правыми группами и использовали их борьбу в своих целях.

Программа «Треста» предусматривала, что постепенное проникновение в советские органы, накопление нужных кадров сыграют решающую роль в день переворота. А переворот должен произойти именно внутри страны, без интервенции — это был принципиальный момент программы.

Осенью 1922 года Якушев прибыл в Берлин. По легенде, он находился в служебной заграничной командировке, но как бы сумел найти время для тайной встречи с Высшим монархическим советом. Из конспиративных соображений встречу решили провести ночью в магазине ковров, мебели, бронзы и фарфора. Ночным сторожем в нем служил полковник русского Генерального штаба Роман фон Баумгартен.

Якушев описал в своем отчете для Контрразведывательного отдела ГПУ*, как он, «сидя в золоченом кресле эпохи Людовика XV», произносил пламенную речь. Потом состоялась его встреча с Марковым 2-м. Якушев пообещал ему, что переворот случится через два года, и выдвинул весьма оригинальную формулу будущего правления, придуманную, вероятно, на Лубянке — царь и Советы. Разумеется, что это будут Советы без коммунистов, «истинно народные, глубоко христианские».

Рассуждениям Якушева действительно многие верили. Они очень удачно дополняли слухи и самые невероятные сообщения, появившиеся в это время в европейских и

* Контрразведывательный отдел (КРО) ГПУ был образован 6—8 мая 1922 года, его начальником стал Артур Артузов.

русских эмигрантских газетах. Из них вытекало, что большевизм уже находится на грани краха, рабочие, крестьяне и армия вот-вот «вспыхнут как спичка» и сметут режим комиссаров, подпольщики-монархисты ведут самые последние приготовления к перевороту, в самой РКП(б) углубляется раскол, а лидеры большевиков уже чуть ли не пакуют чемоданы.

В Москве, однако, прекрасно понимали, что не «старые перечницы» из Высшего монархического совета играют главную роль среди эмиграции. Поэтому следующей задачей Якушева стало установление контактов с врангелевцами. 7 августа 1923 года во время очередной «командировки» он встретился в Берлине с их представителями — генерал-майором Алексеем фон Лампе, главой врангелевской контрразведки генерал-майором Евгением Климовичем, бывшим сенатором, товарищем министра юстиции и тайным советником Николаем Чебышевым, известным политиком и журналистом, депутатом Государственной думы Василием Шульгиным.

Фон Лампе записал в своем дневнике основные тезисы доклада Якушева. Происходит распад большевизма. Ищут замену Ленину. Одна из наиболее реальных кандидатур — Георгий Пятаков*, как русский и «ярый антибольшевик». Ориентироваться надо на антибольшевистские силы РККА. Белая армия «свое уже отслужила». Не следует преувеличивать роль эмиграции в борьбе с Советами. Нужны новые люди. Якушев назвал ряд имен бывших царских генералов, входивших в «Трест».

Когда Якушев ушел, проницательный Чебышев сказал, что он уверен в том, что этот человек — провокатор ГПУ**. У Климовича тоже остались от встречи определенные подозрения. Но все же Якушев зародил у них определенную

* *Георгий Леонидович Пятаков* (1890—1937) — большевик с 1910 года, «левый коммунист». В конце 1918 года глава Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. С марта 1922 года заместитель председателя Госплана, затем ВСНХ СССР. В 1923—1927 и 1930—1936 годах член ЦК ВКП(б). Один из лидеров «левой оппозиции» и сторонник Л. Д. Троцкого. Стал одним из главных обвиняемых процесса по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», на котором был приговорен к смертной казни и расстрелян.

** Главное политическое управление при НКВД РСФСР (ГПУ) было создано в феврале 1922 года после упразднения ВЧК. В ноябре 1923 года оно было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (ОГПУ).

надежду: то, что не смогли сделать Белое движение и Антанта, произойдет с помощью мощной подпольной оппозиции в России.

Якушев отправился в Париж, где подписал соглашение, по которому вся деятельность агентов Русской армии в России должна была согласовываться с «Трестом». Он встретился с Николаем Николаевичем и доложил ему, что МОЦР предоставляет себя в его распоряжение.

Тем временем генерал Потапов прибыл в штаб-квартиру самого Врангеля в сербском городке Сремски Карловцы. Их беседа, как принято говорить, прошла в «духе взаимопонимания», но Врангель на всякий случай решил воздержаться от слишком активного сотрудничества с «Трестом». И, как выяснилось, не прогадал. Однако факт остается фактом: уже осенью 1923 года «Трест» (читай — ОГПУ) успешно дотянулся до «головы и сердца» русской монархической эмиграции.

Пока Якушев и Потапов еще находились в разъездах, генерал Кутепов решил послать в СССР своих агентов-наблюдателей, чтобы оценить работу «Треста» как бы изнутри.

В Советский Союз отправились супруги Мария Захарченко и Георгий Радкевич. Оба — люди исключительного мужества, силы воли и преданности Белому делу.

Мария Лысова (девичья фамилия Захарченко) родилась в 1893 году в дворянской семье. Училась в знаменитом Смольном институте благородных девиц. Вышла замуж за гвардейского офицера Ивана Михно. В 1915 году штабс-капитан Михно умер от тяжелого ранения, полученного на фронте. Гибель мужа настолько потрясла Марию, что она решила, как говорится, «заменить его в строю». Поскольку в боевые части русской армии женщин не брали, она обратилась за помощью к дочери Николая II великой княжне Ольге, которая была шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Это помогло: по личному распоряжению императора ей позволили поступить вольноопределяющейся в эту часть... под именем Андрея Михно.

Она воевала до весны 1917 года, была награждена двумя Георгиевскими крестами и легко ранена в руку. После октябрьских событий вернулась к себе на родину, в Пензу. Вроде бы там она создавала отряд самообороны от большевиков и помогала отправлять офицеров к белым. Потом встретила друга своего мужа, штаб-ротмистра (по другим сведениям, полковника) Григория Захарченко, за которого вскоре вышла замуж. Вместе они решили пробираться в Добровольческую армию. Для этого им пришлось совер-

шить длинный путь — через Астрахань, Средний Восток, Персию, Персидский залив и Суэцкий канал, Черное море.

Дальше были фронт, ранение и смерть мужа в боях под Каховкой в 1920 году, эвакуация из Крыма, остров Галлиполи, где она, скорее всего, познакомилась с генералом Кутеповым, переезд в Сербию. В эмиграции Захарченко вышла замуж в третий раз — за друга детства штабс-капитана Георгия Радкевича. Они оба предоставили себя в распоряжение организации Кутепова.

Захарченко и Радкевич перешли в СССР из Эстонии в конце сентября 1923 года. Они успешно добрались до столицы. Поскольку «вожди» МОЦР находились в отъезде, эмиссаров Кутепова (по документам они значились супругами Шульц) принял Стауниц. Некоторое время они жили в его квартире.

Появление эмиссаров Кутепова значительно осложнило для чекистов игру. Но пока все шло нормально. Опперпут-Стауниц якобы занимался какими-то коммерческими операциями (на дворе все-таки был НЭП), зарабатывал неплохие деньги и периодически говорил своим подопечным, что, мол, если так и дальше пойдет дело, то и никакого переворота не надо — большевизм рухнет сам собой.

Захарченко сначала попыталась было диктовать, что и как нужно делать «Тресту», и потребовала познакомить ее с главными фигурами, на которые рассчитывают «подпольщики», но появившийся Якушев решительно дал ей понять, кто в доме хозяин, заявив, что дисциплина в организации железная и возражений и отговорок никто терпеть не будет.

Вскоре на Центральном рынке Москвы Захарченко и Шульц дебютировали в качестве владельцев ларька, в котором торговали всякой всячиной. Одновременно они выполняли роль «почтового ящика» — получали письма для «Треста» от сотрудников польского и эстонского посольств и передавали им послания «подпольщиков». Якушев и Стауниц поручили им еще одну важную, но довольно рутинную работу — шифровку и отправку донесений «Треста» за границу.

До сих пор приходится слышать, что Захарченко приходилась родственницей Кутепову, чуть ли не племянницей. Но это не так. «Племянниками» они значились в секретной переписке с Кутеповым и другими людьми, которые сотрудничали с «Трестом». В этом нет ничего необычного. Того же Савинкова его агенты в Москве называли в посланиях к нему «отцом».

«Племянники» выполнили первую задачу, которую «втемную» им поставило ОГПУ — они подтвердили, что «Трест» действительно существует и это на самом деле весьма мощная и серьезная организация. Теперь можно было переходить к следующему этапу «игры».

И сегодня, почти через 100 лет после всех этих событий, не проходит чувство некоторого недоумения — почему в эмиграции так легко повелись на игры ОГПУ? Резидент генерала Кутепова в Варшаве Сергей Войцеховский, оставивший о деле «Треста» весьма любопытные воспоминания, пытался объяснить этот феномен примерно так: «Мы были молоды и воспитаны в традициях той России, для которой военный мундир был порукой чести. Мы не могли представить себе генералов Зайончковского или Потапова презренным орудием чекистов. Мы были до известной степени одурманены открывшейся перед нами возможностью легкой связи с Россией и благополучного оттуда возвращения.

Мы сознавали себя не бедными, бесправными эмигрантами, а звеньями мощного подпольного центра на русской земле. Мы были готовы на любую жертву, но по сравнению с чекистами были наивными детьми».

Со временем пути «трестовцев» и Рейли еще пересекутся. К несчастью для него.

FREELANCER

Знала ли о «Тресте» британская разведка уже на ранней стадии его существования? Скорее всего, да. Надо полагать, что в Лондоне получили первые данные о «подпольной русской монархической организации» вскоре после того, как о ней узнали поляки, эстонцы и финны.

Советская пропаганда утверждала, что англичане играли разведками этих стран как марионетками. Это, конечно, сильное преувеличение, но то, что поляки или финны делились разведывательной информацией о ситуации в Советской России с Лондоном или Парижем — очевидно. Но знал ли о «Тресте» Сидней Рейли? Скорее всего, нет. Да и к тому же на тот момент у него было много гораздо более важных дел и проблем.

«За годы моего знакомства с Рейли (с 1920 г.) я видел его лишь исключительно занятым устройством больших коммерческих дел (монополия табака в Чехии и Польше

и т. д.), — рассказывал чекистам помощник Савинкова Дикгоф-Деренталь. — Эти дела по разным причинам не удавались. Всецело занятый коммерцией и устройством своих дел, по моему мнению, Рейли сейчас фактически не может вести никакой политической работы и не ведет ее...

Ни Б. В. Савинков, ни я никогда не имели никакого отношения к английской контрразведке. Что касается до Рейли, он со мной на эту тему никогда не разговаривал. Личное мое впечатление, что во время войны он служил там или имел связи. Но теперь, судя по всему, навряд ли. Причины мне неизвестны».

Дикгоф-Деренталь давал эти показания летом 1924 года, и тогда он был и прав и неправ одновременно.

* * *

В 1921 году еще одной «идеей фикс» для Рейли стала организация визита Бориса Савинкова в Лондон. «Возил его несколько раз в Лондон, знакомил его с руководящими сферами и находил для него всякую возможную поддержку», — позже пояснял он. У него были большие планы: Рейли хотел свести Савинкова с Черчиллем. Ему казалось, что уж кто-то, а Черчилль-то должен оценить «вождя» Народного союза защиты Родины и Свободы, и если он этого еще не сделал в полной мере, то потому, что не имел возможности пообщаться с ним лично.

Рейли направил руководству СИС обстоятельный доклад о Савинкове и его организации. Попутно он попросил распространить его как можно шире. «Его нужно размножить на гектографе и начать распространять, — писал он 19 сентября 1921 года. — Так как Савинков собирается приехать ко мне в Лондон, чрезвычайно важно, чтобы с докладом предварительно ознакомились высокопоставленные лица, с которыми у него, возможно, состоится встреча (скажем, Уинстон Ч[ерчилль]; Липер, секретарь депутата парламента сэра Эдв. Григг и кто-нибудь еще, кого Вы сочтете полезным)».

Позже Рейли утверждал, что тогда он начал пересматривать свои взгляды. «Я совершенно разубедился во всех способах интервенции, — заявлял он, — и склонялся к тому мнению, что наиболее целесообразный способ борьбы состоит в таком соглашении с сов. властью, которое широко откроет двери России английской коммерческой и торговой предприимчивости; к этому моменту относится состав-

ленный мною проект образования огромного международного консорциума для восстановления русской валюты и промышленности, проект этот был принят некоторыми руководящими сферами, и во главе его стала компания “Маркони”, точнее сказать, Годфри Айзекс... брат вице-короля Индии».

Впрочем, он несколько лукавил — от идей «вторжения», вооруженного переворота и терроризма Рейли полностью не отказывался никогда. Другое дело, что, будучи умным человеком, Рейли понимал, что в 1921 году надежда на всеобщее восстание и «насильственное свержение» большевиков в России вряд ли оправдается.

Поэтому он и предложил другой план — задушить большевиков в мирных объятиях. В августе 1921 года он подготовил для британского правительства меморандум, в котором описал возможный сценарий ненасильственной «мутации» большевистского режима под давлением Запада (в первую очередь Англии).

Рейли расценил начавшийся в России НЭП как провал прежнего курса Москвы на немедленную мировую революцию. А если так, значит, большевикам вскоре так или иначе понадобится западная помощь в восстановлении экономики, разрушенной двумя войнами. Без иностранной помощи России грозят разруха и голод.

Европейские государства, по мнению Рейли, должны оказать ей помощь, но при этом выдвинуть несколько условий. Во-первых, упразднить ЧК. Во-вторых, отстранить от фактического управления страной сторонников «радикальной линии» — Ленина, Троцкого, Зиновьева (им при этом гарантировалась бы личная неприкосновенность) и передать власть «умеренным» большевикам, например Рыкову и Красину. В-третьих, со временем ввести в правительство представителей других политических партий. В-четвертых, золотовалютные резервы страны передать под контроль международного консорциума.

С планом Рейли были знакомы и премьер Ллойд Джордж, и Савинков, который, возможно, был его соавтором. В августе 1921 года различные вариации плана попали в газеты и стали известны представителям русской эмиграции. 3 августа 1921 года Никанор Савич записал в дневнике: «Она [Великобритания. — *Е. М.*] через Красина и своих купцов договорилась с большевиками на том, что она и Германия придут на помощь России в ее бедствии и избавят от крайностей большевиков. Именно сперва удалят Троцкого,

Дзержинского и вообще крайних большевиков, дав им возможность удрать с награбленным имуществом за границу, в колонии или Южную Америку. Тогда составитс коалиционный кабинет с социал-революционерами и меньшевиками, до милюковцев включительно, который должен дать всякие концессии англичанам, немцам и японцам... Россия будет экономически подчинена: Великороссия — Англии, Украина — немцам, Восток — японцам. Разделят, как делили негров Африки».

Впрочем, не все эмигранты смотрели на возможные договоренности большевиков с Западом так мрачно, как Савич. Переход к НЭПу оказал на русскую эмиграцию и другое влияние. Некоторые были уверены, что в России уже происходит процесс перерождения революции и восстановления национальных начал.

Савинков же считал, что «рано или поздно ход событий приведет к перевороту, который, вероятнее всего, будет не массовым, а термидорианским». Тогда-то, по его мнению, «мы пригодимся». Он, несомненно, рассчитывал, что войдет в новое русское правительство. А может быть, и станет его главой. Рейли же всячески лоббировал его кандидатуру — кто же еще, если не Савинков?!

* * *

Рейли сделал все возможное, чтобы добиться приезда Савинкова в Лондон, но это оказалось не так просто. Из-за интриг в британских верхах и различного отношения к «русскому вопросу» визу Савинкову не дали. Но Рейли решил не отступать. Он отправился в Париж и начал там уговаривать сотрудников английского посольства, чтобы Савинкову поставили в паспорт соответствующую печать. Операция закончилась успешно — Савинков визу получил. Как это удалось Рейли — до сих пор остается загадкой. По одной версии — не без участия Черчилля. Более того, он сказал, что и сам примет Савинкова в Лондоне, и поможет организовать его встречу с премьер-министром Ллойд Джорджем. Но высказал одно условие — до встречи с премьером Савинков должен встретиться с полпредом РСФСР в Лондоне Леонидом Красиным.

Когда Рейли передал Савинкову это условие, тот сначала отказался. Но затем, после колебаний и уговоров, все-таки согласился, заявив, что такая встреча «нужна для революции, для будущей новой России».

Фигура Красина в контексте плана Рейли выглядела очень интригующе. Правда, дипломатических отношений между Москвой и Лондоном еще не существовало, и правительство Ллойд Джорджа было готово общаться с Красиным только как с торговым агентом Советов, на что Красин очень обижался. Но делать было нечего.

«Красный лорд» Красин

Красин был из старых, заслуженных партийцев. Ровесник Ленина, по образованию и специальности — инженер. На него всегда обращали внимание из-за того, что он умел одеваться и держаться с настоящим европейским лоском. Когда Красин работал за границей, тамошние газеты называли его «красным лордом».

К Октябрьской революции Красин отнесся отрицательно. Но Ленин все же уговорил его работать в новом правительстве. Он руководил снабжением РККА, а в 1919—1920 годах был наркомом путей сообщения. В начале 1920 года Красина назначили руководителем делегации, которая должна была восстановить торговые и экономические отношения с Западом. Она была замаскирована под делегацию Центросоюза, то есть неправительственного объединения кооператоров. Красин вел переговоры в Швеции, Дании, а в июне 1920 года добрался до Англии, где вскоре открыл в Лондоне «Аркос» — *All Russian Cooperative Society* или «Всероссийское кооперативное общество». «Аркос» был нужен для ведения торговли между РСФСР и Англией по английским законам, выступал представителем советских внешнеторговых организаций, осуществлял экспортные и импортные операции и имел конторы и отделения в ряде стран Европы, Северной Америки и Азии.

Ну а 16 марта 1921 года было заключено первое торговое соглашение между РСФСР и Великобританией. Торговая блокада Советской России была прорвана. Вскоре Красин стал полпредом и торгпредом РСФСР в Лондоне. «Красный лорд» был сторонником привлечения иностранных инвестиций в Советскую Россию. Красин считал возможным вернуть часть предприятий прежним собственникам и необходимым создавать свободные экономические зоны. Так что Рейли вполне мог делать ставку на такого странного большевика.

Встреча Савинкова и Красина состоялась 10 декабря 1921 года в здании, которое занимал в Лондоне советский полпред. Есть основания предполагать, что и Рейли присутствовал на ней.

Красин пообещал Савинкову, что он сможет поступить на советскую службу за границей, например в представительство Наркомата иностранных дел. Например, он мог бы использовать свой авторитет и свое влияние для того, чтобы помочь России получить у Англии заем в 10 миллионов фунтов, который был необходим для восстановления экономики. Англичане же категорически отказывали большевикам в кредитах и займах.

Но, конечно, подчеркнул Красин, все это возможно лишь при одном условии — Савинков должен отказаться от борьбы против советской власти. Выслушав полпреда, Савинков заявил, что он готов. Но, в свою очередь, выдвинул условия, которые должны для этого выполнить большевики. Они были очень похожи на те, которые изложил в своем меморандуме Рейли: 1) передать власть свободно избранным Советам, 2) ликвидировать ВЧК, 3) признать частную собственность, прежде всего, мелкую земельную собственность. Савинков и Рейли понимали, что Красин не может дать сразу определенного ответа. Свои условия они выдвинули как основу для дальнейших переговоров с Москвой.

Красин возразил, что крестьянское движение, развитием которого «пугал» Савинков Москву в случае невыполнения подобных условий, не так уж и страшно для советского режима. Когда же речь зашла о существовании в партийном руководстве «радикального» и «умеренного» течений, полпред возразил снова, сказав, что было бы ошибочно считать, что в РКП(б) вообще существуют разногласия и некое «правое крыло», о котором говорят его гости. Но он пообещал передать о состоявшемся разговоре в Москву, куда он собирался отправиться уже на днях*. Более того, он сказал, что этот разговор, видимо, не последний. Красин спросил Савинкова, как и где его можно найти, и Борис Викторович оставил ему свой парижский адрес. На этом встреча закончилась.

Рейли же сдержал свое обещание — после Красина Савинкова приняли Черчилль и премьер-министр Ллойд

* В 1923 году Красин был назначен наркомом внешней торговли СССР. Продвигая свою линию на привлечение иностранного капитала, он в то же время выступал за строгую государственную монополию внешней торговли.

Джордж. К последнему они отправились на автомобиле вместе с Черчиллем — британский премьер отдыхал в поместье Чеккерс. Там Савинков, Черчилль и, возможно, Рейли пробыли целый день.

Ллойд Джордж и Черчилль интересовались: на каких условиях можно было бы признать Советскую Россию? Савинков повторил свои три условия, которые он озвучивал Красину. Они с ними согласились. Ллойд Джордж сказал, что разговаривать с большевиками он будет, но ни одного фунта от него они не получат. Пообещал он и денег Савинкову, хотя позже, уже на Лубянке, Савинков утверждал, что разговора о денежной помощи на этих встречах не шло. «У англичан вообще никогда не просил», — заявлял он.

Убить наркома

После лондонских переговоров с Красиным Рейли и Савинков некоторое время испытывали чувство воодушевления. Казалось даже, что в Москве частично пошли на выполнение их условий — 6 февраля 1922 года была упразднена ВЧК. Формально у чекистов отобрали некоторые полномочия, и функции по «наблюдению за социалистической законностью», ранее выполнявшиеся ВЧК, были возложены на Наркомат юстиции РСФСР, при котором чуть позже учредили прокуратуру. Создавалось впечатление, что времена «красного террора», с которым связывали ВЧК, уходят в прошлое.

Рейли же еще некоторое время продолжал обсуждать с Красиным свою идею «международного консорциума», который бы помог восстановить российскую экономику.

«Этот проект в течение долгого времени обсуждался с Красиным, — писал Рейли, — но в конце концов был оставлен; тем не менее именно этот проект был взят почти целиком в основание предполагаемого международного консорциума во время Генуэзской конференции. Я хотел этим добиться мирной интервенции».

С этим событием Рейли и Савинков, похоже, действительно связывали определенные надежды. Конференция Верховного совета Антанты открылась 6 января 1922 года в Каннах. Ллойд Джорджу пришлось отстаивать свой подход к Советской России перед союзниками, особенно перед французами. На встрече с Савинковым и Рейли он пообещал им, что изложит в Каннах их программу, и попросил

Савинкова тоже приехать туда, чтобы находиться поблизости. В случае необходимости, сказал премьер, он привлечет его как эксперта по русскому вопросу.

Каннская конференция приняла предложение Ллойд Джорджа о созыве в Генуе финансово-экономической конференции европейских государств, включая Советскую Россию. Официальное приглашение в Москву от имени Верховного совета Антанты направило правительство Италии. Москва ответила согласием.

Специальный комитет экспертов, работавший в Лондоне 20—28 марта, подготовил проект резолюции, в которой от Советской России требовалось признать все долги, финансовые обязательства всех прежних режимов России, принять на себя ответственность за все убытки от действий как советского, так и предшествующих ему правительств или местных властей.

Какие-то элементы «плана Рейли» в так называемый «Лондонский меморандум», похоже, действительно вошли. Для оценки долгов России и процедуры их выплаты предлагалось создать специальную комиссию и «смешанные третейские суды», большинство в которых составляли бы иностранцы. Отдаленно это напоминало, как писал Рейли, тот самый «проект образования огромного международного консорциума для восстановления русской валюты и промышленности».

Во время Каннской конференции Савинков действительно находился в Каннах, но Ллойд Джордж к нему за помощью так и не обратился. И их с Рейли условия для других участников не довел. Наконец, в тех условиях, которые собирался Запад поставить перед Москвой, не было главных для них пунктов — ни передачи власти «свободно избранным Советам», ни признания принципа частной собственности, ни отстранения от власти «радикальных большевиков». Какое уж тут отстранение, если сначала советскую делегацию в Генуе должен был возглавить сам Ленин!

К весне 1922 года стало очевидно, что обещания британского премьера оказались лишь словами. Нужно было искать другие варианты.

* * *

В марте 1922 года Савинков встретился с Бенито Муссолини. Тогда он был еще главой фракции Национальной фашистской партии в итальянском парламенте. Встреча

произошла в Лугано. Судьба бывшего «пламенного социалиста» и популярного в Италии журналиста, вставшего на весьма необычный для тех времен путь борьбы и с западным капитализмом, и с коммунизмом, очень интересовала Савинкова. Фашизм казался ему похожим на тот «третий путь», который исповедовал он сам.

Встреча с Муссолини прошла в теплой обстановке, хотя дуче Савинкову ничего не обещал. Более того, он сказал, что русские коммунисты ему не очень-то и мешают, пока не вмешиваются в итальянские дела. Может быть, даже хорошо, что они борются против Англии и Франции, которые всячески пытаются лишить Италию статуса великой державы. Но самое главное — денег Муссолини тоже не дал. Обещал в следующий раз.

Савинков предложил устроить слежку за членами советской делегации в Генуе. Муссолини эту идею поддержал, но попросил ни в коем случае не устраивать на территории Италии терактов против них. Теперь согласился Савинков. Хотя планы покушения у него, похоже, действительно были.

Казалось бы, зачем покушения, если совсем недавно Савинков с Рейли говорили о возможности «мирного удушения» Советов? Но это было как раз в их духе — иметь про запас сразу несколько вариантов действий. Тем более что их условия для сотрудничества с Москвой с каждым днем становились все менее и менее реальными. Да и покушения, если верить показаниям помощников Савинкова, готовились именно против «радикальных большевиков» — тех, кого по плану Рейли и Савинкова должны были отстранить от власти. Рассматривались вроде бы кандидатуры Николая Бухарина, Карла Радека, Христиана Раковского, ну и, конечно, Владимира Ленина — если он все-таки поедет в Италию.

Еще в феврале 1922 года Савинков приехал в Геную и поселился там под видом некоего Гуленко — журналиста из Константинополя. Необходимые документы ему, вероятно, помог достать Рейли. Оттуда он выезжал в разные европейские страны, в том числе и в Германию. Считается, что именно там, а точнее, в Берлине должна была произойти попытка покушения на главу советской делегации.

...В 1925 году советскую границу нелегально перешел бывший штабс-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка, георгиевский кавалер Георгий Эльфенгрэн (по другим документам Эльвенгрэн) — один из активных участников Народного союза защиты Родины и Свободы, представи-

тель Савинкова в Финляндии. Его миссия окончилась провалом — вскоре он был арестован чекистами, а в ночь на 10 июня 1927 года расстрелян в числе двадцати других офицеров и вообще видных представителей «бывших» в ответ на убийство советского полпреда в Польше Петра Войкова. Но до этого Эльфенгрэн успел дать весьма подробные показания. В том числе о том, как готовилось покушение на главу советской делегации в Генуе.

Разумеется, проверить то, что рассказывал Эльфенгрэн, уже не представляется возможным, и было ли все именно так, как он рассказал — сказать трудно. Тем не менее «из песни слов не выкинешь» и обойти молчанием версию, изложенную Эльфенгрэном, невозможно.

В 1920 году в Париже был создан Российский торгово-промышленный и финансовый союз (Торгпром) — эмигрантская организация, в которую вошли крупные промышленники, капиталисты и финансисты, в том числе нефтяные «олигархи» братья Абрам и Павел Гукасовы, текстильный фабрикант и общественный деятель Сергей Третьяков, крупные нефтепромышленники Густав Нобель и Степан Лианозов, промышленник Николай Денисов и, наконец, сам «русский Рокфеллер», миллионер Владимир Рябушинский.

По утверждениям Эльфенгрэна, в 1922 году к нему обратился представитель Торгпрома Павел Тикстон и предложил на средства организации создать боевую группу. Эльфенгрэн сказал, что неплохо было бы привлечь к этому плану его давнего «шефа» — Бориса Савинкова, который тогда переживал период разочарования англичанами, которые не дали ему обещанных денег для борьбы. Вскоре в Париже состоялось совещание представителя Торгпрома Густава Нобеля с Эльфенгрэном и Савинковым. Нобель тогда якобы сказал: «Мы люди коммерческие, нас интересует только активная борьба с большевизмом, и мы видим ее сейчас только в том, чтобы уничтожить всех главных руководителей этого движения. Сделайте хоть одно дело, наш кредит к вам сразу вырастет и для дальнейшего... Сейчас, в связи с Генуэзской конференцией, нужно торопиться. Мы ассигновали на это дело пока 70—80 тысяч франков... Только непосредственно на террористическую деятельность. Нас не интересуют мелкие служащие... Нас интересуют такие имена, как Красин, Чичерин».

Савинков и Эльфенгрэн согласились и получили от Нобеля деньги. И тут, по словам последнего, в Париже по-

явился Рейли. Видимо, он тоже знал об этих переговорах (а по другой версии, именно он их и инициировал). Эльфенгрэн называл Рейли представителем Интеллидженс сервис.

Рейли поддержал план покушения на советскую делегацию и обещал свое содействие в Берлине, где делегация должна была остановиться по пути в Геную. В Берлине его помощник, тот самый бывший агент белых в ПетроЧК и начальник контрразведки в Одессе, а ныне эмигрант Владимир Орлов, передал приехавшим Эльфенгрэну и Савинкову пять револьверов со сбитыми номерами, фотографические карточки Чичерина, Красина, Радека и Бухарина, два фиктивных паспорта и прочий «шпионский арсенал». На квартире у Орлова, утверждал Эльфенгрэн, вообще размещался целый склад: «там были банки с ядами, бомбы и тому подобное».

Вскоре в Берлин приехал и сам Рейли. «Как-то мне позвонил по телефону Орлов, — рассказывал Эльфенгрэн, — и сказал мне, чтобы я передал Савинкову, что хозяин приехал... Я очень удивился и не мог понять, кто это может быть. На мой вопрос Орлов ответил, что Савинков поймет... Савинков сказал, что это приехал Рейли и что Орлов его так называет. Савинков быстро собрался для встречи с ним... Первая встреча была на квартире Орлова. Савинков рассказал Рейли о положении, о том, что до сих пор ничего не удастся, о затруднениях с приездом сотрудников и т. д. Рейли спрашивал, доволен ли он помощью Орлова, надеется ли он все же что-нибудь сделать, в чем главное затруднение и т. п. Савинков сказал, что будет пытаться, но не особенно рассчитывает, так как средств совершенно недостаточно... что не знает, как с оставшимися деньгами дотянуть до конца».

Под руководством Рейли террористы вели слежку за вокзалами и отелями, где могли остановиться советские руководители. Но ни Бухарин, ни Рыков, ни тем более Ленин в Берлине не появились. Вскоре стало известно, что советскую делегацию вместо Ленина возглавит нарком иностранных дел Георгий Чичерин, но и «боевая группа» Рейли—Орлова странным образом умудрилась его проморгать. Возможно, благодаря крайне жестким мерам безопасности, которые предприняла полиция Берлина. Чичерину удалось проехать через столицу Германии практически незаметно.

Конференция в Генуе начала свою работу 10 апреля 1922 года. Интересно, что в состав британской делегации входил и уже знакомый нам Джордж Хилл. Он выступал

в роли референта по вопросам нефти при министре иностранных дел Великобритании. Но не исключено, что он должен был подстраховывать Рейли, Савинкова и их людей в операции по покушению на Чичерина.

Поскольку в Берлине Чичерина проворонили, Савинков решил вернуться в Геную. Там он уже успел завести полезные связи. Савинков-Гуленко вышел на резидента советской разведки в Италии, предложил ему свои услуги информатора в стане белой эмиграции и передал несколько весьма важных документов из архива Савинкова (то есть из своего собственного). Для чего? Для того, чтобы войти к нему в доверие. Если верить этой версии, то действовал он весьма успешно, и, когда началась конференция, Савинков смог оказаться в окружении советской делегации (по одним данным, чуть ли не в составе ее охраны).

Все, казалось бы, шло по плану, но закончилось ничем.

«Готового к услугам» советской разведки «журналиста из Константинополя» Гуленко решили проверить на Лубянке. Отследили его поездки. В Берлине чекисты раздобыли временное свидетельство Гуленко, якобы выданное ему итальянским консулом в Константинополе. Этим документом он пользовался для обратного въезда в Италию из Берлина. «Слил» это свидетельство чекистам берлинский полицейский — то ли за деньги, то ли по идейным соображениям.

Все остальное было делом техники. Сличили фотографии и поняли, что журналист Гуленко — это знаменитый Борис Савинков. Советские представители в Италии сообщили местным властям о том, что бывший террорист-эмигрант с подозрительными намерениями крутится вокруг делегации РСФСР.

Итальянцы предприняли в Генуе самые строгие меры безопасности. Джордж Хилл вспоминал, что город был буквально набит полицейскими и секретными агентами — как в форме, так и в штатском. Порядок охраняли карабинеры, которые и днем, и ночью патрулировали все дороги, ведущие к месту проведению конференции — Дворцу Святого Георгия — и окрестности. Никакие ЧП хозяевам были не нужны, поэтому, получив от советской стороны информацию о Савинкове, итальянцы среагировали быстро и 18 апреля 1922 года его арестовали. Вроде бы у него был обнаружен план гостиницы, где останавливалась советская делегация.

Если на Чичерина действительно готовилось покушение, то его попытка с треском провалилась.

Генуэзская конференция продолжалась полтора месяца, но, в общем-то, закончилась ничем. Советская делегация была готова обсуждать вопросы о компенсациях бывшим иностранным собственникам в России и свои обязательства по долгам царского и других правительств, но лишь при условии, что Запад признает большевиков де-юре и выделит им кредиты. Но западные страны были к этому пока не готовы. Зато тогда же, во время конференции, советская делегация совершила неожиданный дипломатический маневр. Она начала переговоры о взаимном признании, урегулировании спорных вопросов и установлении дипломатических отношений с другим тогдашним «изгоем Европы» — Германией. 16 апреля 1922 года соответствующий договор был подписан РСФСР и Германией в городке Рапалло в Италии. Для Советской России это подписание означало окончание международной дипломатической изоляции.

Ну а что же Савинков? После ареста итальянской полицией ГПУ предлагало потребовать его выдачи. Соответствующие предложения были направлены заместителю наркома по иностранным делам Льву Карахану. Но обратиться к итальянцам с таким демаршем просто не успели. На этот раз Савинкова спас Муссолини, благодаря вмешательству которого Бориса Викторовича постарались побыстрее спровадить из Италии во Францию.

Когда Савинкова в 1924 году чекисты на допросах спрашивали о том, «подготавливалось ли Вами покушение на Рыкова и Раковского?», он отвечал: «Нет. Болтовня». А на просьбу рассказать о «берлинском покушении» ответил: «Покушения не было. Были попытки по подготовке его в 22 г. Дело ограничилось наблюдением за советской миссией и за вокзалами. Это “покушение” (в сущности, единственное, в котором я участвовал) убедило меня в невозможности терактов из-за разложения эмиграции».

Что-то, значит, все-таки действительно было.

«Я уже больше не бываю в конторе»

Любопытный момент: судя по сохранившимся в ГА РФ письмам Сиднея Рейли Борису Савинкову, наиболее интенсивная переписка начиналась между ними в 1922 году. Она продолжалась без перерыва два с половиной года, причем писали они друг другу чуть ли не каждую неделю, а то

и чаще. Не всегда, конечно, но в основном. А вот весной 1922 года писем Рейли Савинкову почему-то нет. Почему? Может быть, потому, что в феврале, марте и апреле они встречались? Например, в Берлине или Генуе? В самом деле, зачем же тогда писать ему?

Первое письмо в 1922 году Рейли отправляет Савинкову лишь в Париж — к тому времени Бориса Викторовича уже выслали из Италии. Начинается оно как-то туманно и даже загадочно.

«Мой дорогой друг, — писал Рейли. — Наконец, чувствую себя в состоянии писать Вам. Все эти две недели я находился в таком состоянии нервного напряжения и сосредоточенности, что хватало сил только на телеграммы. Вы, вероятно, не раз испытывали такое состояние и поэтому поймете меня.

Итак, я проиграл большую партию. Комбинация против меня оказалась слишком могущественной. Не стоит описывать, как это случилось — это потребовало бы многих листов, при свидании расскажу Вам устно.

Верьте только, что с моей стороны не было сделано ни одной ошибки и что я дал максимальное усилие. Лучшее доказательство, что я сумел затянуть дело на большее, чем две недели...

Нечего Вам объяснять, что для меня означает это поражение. Я об этом говорить не могу. Что дальше? Не представляю себе очень ясно...»

О чем же идет речь в этом письме? Можно предположить, что о какой-то неудачной коммерческой операции Рейли. Тем более что дальше он как раз рассказывает о своем тяжелом финансовом положении, перспективах табачного бизнеса в Польше и т. д. Но не исключено, что Рейли так иносказательно сообщал Савинкову о другом — своих неприятностях на службе, которые были в том числе связаны и с неудавшейся операцией в Берлине и Генуе.

Если Рейли действительно готовил покушение на Чичерина, то в каком качестве? Как сотрудник британской Секретной службы и по приказу ее руководства или же по собственной инициативе? Это далеко не праздный вопрос. Дело в том, что в начале 1922 года он оставил службу и вышел в отставку. 23 января 1922 года в письме одному из своих недавних сослуживцев он уже отмечал: «Я уже больше не бываю в конторе. [Майор Десмонд] Мортон, возможно, говорил Вам, что в моих интересах лучше там не появляться какое-то время».

То, что Рейли в начале 1922 года уже не числился в штате СИС, видно и из датированного 1 февраля ответа сэра Камминга на запрос разведцентра британской Секретной службы в Вене. Речь в нем идет о Рейли, и весьма примечательна характеристика, которую дает в этом письме шеф разведки своему недавнему агенту: «В ответ на ваш запрос о Рейли, я телеграфировал вам вчера, что ему не следует более давать никакую информацию за исключением той, которую мы сочтем нужной ему сообщить».

Признаться, я склонен разделять ваше мнение и полагаю, что он знает слишком много о нашей организации. Несмотря на то, что он работает на нас неофициально, он знает так много, что, полагаю, нам не стоит портить с ним отношения или давать понять, что к нему стали относиться по-другому.

Он работал на нас во время войны в России и, несомненно, оказал нам ценные услуги. После заключения мира он продолжал контактировать с нами, и, я думаю, мы получили от него куда больше информации, чем он от нас, хотя во многих случаях мы предоставляли ему такие средства и возможности, которые он вряд ли сумел бы получить от кого-то еще.

Вы наверняка знаете, что он является правой рукой Бориса Савинкова. Он, похоже, финансирует его движение и в этой связи представляет для нас большую ценность.

Он необыкновенно умен, настроен вполне пробритански и искренне отдает свои силы борьбе с большевизмом.

Надеюсь, на основании всего того, что я сообщил вам, вы, несомненно, выберете правильную линию поведения с ним; ни в коем случае не подавайте вида, что вы скрываете что-то от него, и не демонстрируйте неискренность; в то же время будьте чрезвычайно с ним осторожны и старайтесь не выдать важной для нас информации.

Мне только что пришло в голову, что он может к вам обратиться с просьбой оказать помощь в организации поездки двум людям Савинкова в Константинополь. Любые подобные просьбы должны переадресовываться компетентным властям, так как менее всего мы бы хотели быть замешанными в историю с Савинковым, хотя, разумеется, мы не прочь быть в курсе дел этого господина».

Вообще-то, в начале 20-х годов, после окончания Первой мировой и Гражданской войны в России, Секретной службе значительно урезали финансирование, и она была вынуждена сокращать штаты. Началось это еще в 1920-м:

например, 15 марта Камминг получил «категорические инструкции» от правительства закрыть сразу несколько резидентур — в Варшаве, Стокгольме, Хельсинки, Копенгагене, Христиании (Осло), Мадриде, Афинах, Триесте.

В 1922 году оставил службу в СИС Джордж Хилл. Известный британский историк шпионажа Филлип Найтли вообще считал, что Хилл был брошен своими коллегами на произвол судьбы, практически без средств к существованию. Он написал книгу мемуаров «Иди, шпион, в страну» о своей работе в миссии Локкарта в Петрограде и Москве в 1918 году, но ее сначала запретили по требованию СИС — там утверждали, что их бывший сотрудник слишком много рассказал о том, о чем говорить вообще бы не следовало.

Хилл пытался заняться бизнесом, но неудачно. Сам он объяснял их происками недоброжелателей из Секретной службы. Он переменял множество профессий и одно время даже сотрудничал со спецслужбами Веймарской республики, составляя для них сводки о работе британского МИДа по открытым источникам. На службу он вернулся только с началом Второй мировой войны, благодаря покровительству своего старого знакомого Уинстона Черчилля.

Сэр Пол Дьюкс в это время уехал из Англии в США. Вскоре Рейли встретит его там и даже привлечет его к сотрудничеству. Перед Второй мировой войной Дьюкс тоже на некоторое время вернется на службу. Возможно, Рейли бы тоже вернулся в СИС с приходом Черчилля на пост премьер-министра. Но до этого времени он просто не дожил.

Другими словами, несостоявшееся покушение на Чичерина в Генуе он готовил уже как частное лицо? Получается, что так. Впрочем, есть и еще одна версия, совсем уж конспирологическая. Возможно, Рейли вывели за штат СИС специально, чтобы в случае убийства советского наркома или, наоборот, в случае провала этой акции и ареста участников покушения нельзя было бы связать его напрямую с британской разведкой.

Но даже если это было так, то факт остается фактом: на службе Рейли больше не восстановили. По словам Эндрю Кука, он был очень недоволен своим увольнением и воспринял его как личное оскорбление. Рейли обратился к Каммингу с просьбой пересмотреть это решение, но получил отказ.

Может быть, именно это он и имел в виду, когда писал Савинкову, что «проиграл большую партию» и что комбинация против него оказалась слишком могущественной?

В последние месяцы жизни шеф британской разведки Камминг уже плохо себя чувствовал и собирался подавать в отставку. Однажды на каком-то званом обеде, когда присутствующие начали расточать ему комплименты, он мрачно пошутил: «Вы пришли сюда не хвалить “Си”, а хоронить его». Но в отставку он так и не подал — не успел. Камминг возглавлял Секретную службу до самой смерти — 14 июня 1923 года. Он скончался в Лондоне в возрасте 64 лет.

Несмотря на все трения между ними, для Рейли это было печальное событие. «Умер мой бывший начальник (на службе)... Его смерть для меня очень большой удар...» — писал он Савинкову.

Преемником сэра Камминга стал контр-адмирал Хью Синклер. 24 июля 1923 года новый «Си» подписал телеграмму одному из сотрудников британского посольства в США, в которой подтверждалось, что Рейли уже не имеет официального отношения к разведке. Телеграмма была отправлена в связи с тем, что Рейли попросил СИС предоставить ему рекомендательное письмо для посольства в Америке на тот случай, если у него вдруг возникнут проблемы с паспортами — в это время он часто ездил в США по делам бизнеса и в связи с продолжавшимся судебным процессом против компании «Болдуин Локомотив». Но СИС отклонила его просьбу.

«С. Дж. Рейли работал на нас во время и после войны в России и достаточно много знает о нашей организации, — отмечалось в телеграмме. — ...Мы отклонили его просьбу, так как, хотя он и полагает, что отдел паспортного контроля является прикрытием для нашего отдела, необходимо, чтобы он не был в этом слишком уверен. Если он будет задавать Вам какие-нибудь вопросы, ответьте ему, что Вы занимаетесь только паспортами и не в курсе того, чем занимаются другие отделы, так как организация претерпела структурные изменения. Так как Рейли ездит по британскому паспорту, я не думаю, что он вообще Вас беспокоит; если все же он объявится, то мы хотим предупредить Вас, что мы более не имеем с ним никаких дел».

Как бы там ни было, а в 1922 году агент СТ1, он же Сидней Джордж Рейли, действительно официально распрощался с разведкой. Но только официально. «Уйдя из конторы», Рейли не потерял интереса к рискованным комбинациям ни в политике, ни в бизнесе.

По существу, он снова остался таким «одиноким охотником» в темном и полном неожиданных опасностей лесу шпионажа и тайных политических операций и интриг, каким, вероятно, и был до своего поступления на службу в разведку. Подобных людей, на свой страх и риск в одиночку добывающих информацию, принято называть фрилансерами (*freelancer* — дословно «вольный стрелок»). А уж событий и мест, в которых могли бы пригодиться его знания опытного разведчика, в мире тогда было более чем достаточно.

«В СКОРОМ ВРЕМЕНИ Я ВЫНЫРНУ»

Снова оказавшись в положении «вольного стрелка», Рейли решил вернуться к занятиям бизнесом. А что ему еще оставалось? Деньги были нужны как на поддержание привычного уровня жизни, так и на помощь другу Савинкову, который оставался теперь его единственным союзником, с которым Рейли на самом деле связывал надежды на изменение положения в России.

Собственно, коммерцию он надолго никогда и не бросал. Например, пытался начать свое собственное дело в 1921 году, еще формально находясь на службе в разведке. Его компаньоном тогда стал отставной британский бригадный генерал, бывший глава британской военной миссии в Париже и хороший знакомый Черчилля Эдуард Луис Спирс. Выйдя в отставку в 1920 году, Спирс вскоре, как он писал Черчиллю, «получил выгодное предложение от влиятельной финансовой группы, заинтересованной в установлении связей с Польшей, Украиной и Румынией для того, чтобы обеспечить в этих странах привилегированное положение Великобритании».

Но Спирс не имел опыта в коммерческих делах. Поэтому и пригласил в компаньоны Рейли — тот хорошо знал ситуацию в Восточной Европе, имел массу полезных знакомств и вообще был ушлым человеком. Позже Спирс, ставший депутатом парламента и крупным предпринимателем, признавал, что именно «Рейли дал мне возможность стать настоящим бизнесменом, и без его своевременной поддержки я бы никогда не обладал тем, что имею сейчас».

Сначала они учредили в Праге табачную компанию. Пытались сделать себя монополистами в продаже табака в Чехословакии, Польше, возможно, даже в Германии. «Возможно, что на будущей неделе заключу несколько крупных

табачных дел, — сообщал Рейли Савинкову. — ...Имею надежды на крупные заказы, хотя и для этого потребуется немало времени».

Но главным проектом в 1921 году была попытка наладить продажу весьма редкого радиоактивного элемента — радия. Именно за его открытие Мария Кюри в 1911 году получила Нобелевскую премию по химии. Добыча радия — процесс очень сложный и трудоемкий.

Когда выяснилась возможность использования радия в медицине, в мире развернулась настоящая «радиевая лихорадка». В Париже, Вене, Варшаве и Петрограде открылись Институты радия. Начали выходить специальные журналы, посвященные этому элементу. Цена на радий начала стремительно расти и вскоре значительно превысила стоимость алмазов (в середине 1910-х годов — почти 180 тысяч долларов за грамм). При тогдашней цене золота (35 долларов за унцию) один грамм радия стоил столько же, сколько 160 килограммов золота. Одним из главных поставщиков этого элемента на рынок была как раз Чехословакия, на территории которой имелись залежи урановых руд, из которых его и добывали.

Во время «радиевого бума» этот элемент считался очень полезным. Его добавляли в состав продуктов и в косметику — в хлеб, шоколад, зубную пасту, пудры и кремы для лица, в средства для повышения тонуса и потенции. Его использовали для покрытия циферблатов часов и елочных игрушек, благодаря чему они светились в темноте. Использовались даже «радиевые удобрения», якобы повышающие урожайность, а художники рисовали открытки со сценами из жизни в XXI веке, на которых люди расслаблялись у каминов, которые тоже топились радием.

Полезной объявлялась и минеральная вода из «радиоактивных источников». Почувствовав «дух времени», многие производители воды объявляли ее «радиоактивной». В советских газетах 20-х годов можно было увидеть рекламные объявления: «Следите за здоровьем. Пейте натуральную углекислую щелочную радиоактивную воду “Боржоми”».

Но в основном, как уже говорилось, радий применяли в медицине. Излучением радия лечили, например, злокачественные опухоли. А различные шарлатаны предлагали «чудодейственный радий» от всех недугов — начиная с психических заболеваний и кончая бессонницей. О том, что радий — чрезвычайно радиотоксичный элемент, который может вызывать тяжелейшие заболевания, стало известно

позже. В 1932 году много шума наделала смерть известного американского промышленника, плейбоя и гольфиста Эбена Макберни Байерса. Для улучшения самочувствия и поднятия тонуса он пять лет принимал патентованное средство «Радиатор» (вода с высокой концентрацией радия), выпил 1400 бутылок этого «лекарства» и умер от рака челюсти, к которому привела якобы полезная «радиоактивность».

Но в 20-е «радиевый бум» был еще в самом разгаре. Так что понятно, почему Спирс и Рейли решили заняться радием — по тем временам эта затея казалась весьма выгодной. Тем более что у Спирса были хорошие знакомства в правительственных кругах Чехословакии.

В июле 1921 года, во время своей деловой поездки в Прагу, Рейли вновь встретился со своим старым знакомым Робертом Брюсом Локкартом, который занимал пост торгового секретаря британской миссии в Чехословакии. Для Спирса и Рейли он оказался весьма ценным человеком. Они пригласили его на обед. После обеда и обсуждения их деловых проблем Рейли предложил Спирсу «продолжить вечер» и показать ему русские увеселительные заведения. Для них пели и танцевали цыгане, которым Рейли щедро платил. Вообще, вспоминал Спирс, Рейли очень любил русских и цыганских певцов.

Однако отношения между партнерами не очень-то складывались. Если верить Спирсу, то Рейли оказался человеком необязательным, «сомнительным», не очень-то выбирающим методы ведения бизнеса. Но Спирс хорошо знал, что Рейли никогда не бросал занятий политикой. Ему-то как раз очень не нравилось, что он все время смешивал ее с бизнесом и не прекращал помогать Савинкову. Из-за этого он пропускал даже деловые встречи, и Спирса это крайне раздражало.

«Подвергает нас риску, общаясь с темными личностями и смешивая коммерцию с политикой, — отмечал Спирс в дневнике, — Рейли, как я опасаясь, скомпрометировал себя в Праге связями с Савинковым, который здесь сейчас не в фаворе. Особенную опасность представляют бывшие компаньоны Рейли — он не слишком-то разборчив в связях».

Дальше — больше. Спирс начал подозревать Рейли не только в разгильдяйстве и необязательности, но и в нечестности. Вроде бы, по его утверждениям, он присваивал себе деньги компании. Трудно сказать, насколько были справедливы эти обвинения, между ними произошло несколько ссор, потом они мирились, но Спирс все больше и больше

STATIONS.
DORKING } ABOUT 1 MILE
BOXHILL }
TELEPHONE, DORKING 190.
TELEGRAMS.

THE DEEPDENE,
DORKING,
SURREY.

15

13. VII. 22.

Дорогой мой Б. В.

Зубовыдво себя уже знаешь
лично лучше и в понедельник
вернется в город и на кабару.
Наименее Омару тебе
важно дать тебе немедленно слово
и тебе с тобой заимчиво
сердца тебе резульманна.
Я даю тебе твой адрес и
№ 1111.

Наименее тебе у тебя нова?
Не упиано-ли тебе меду да.
случайно с тебе.

Я не знаю сказать-ли я
даже в прошлом писем
ты с даем в Таин и
Самуиленя и это уже раз-
говорю с тобой пришедши
узнать это уже конференция

Письмо Сиднея Рейли Борису Савинкову. 13 июля 1922 г.

не доверял Рейли. Сотрудничество Спирса и Рейли продолжалось до августа 1922 года. Было еще несколько ссор, и 2 августа за обедом Спирс вежливо сказал Рейли, что более не нуждается в его услугах. Для последнего это был еще один тяжелый удар. Прежде всего финансовый. 29 августа Рейли писал Савинкову: «Резюме моего теперешнего положения такое: наличный капитал 40 фунтов, неотложных долгов 2000 фунтов, в глубине сознания мучительный долг около 4000 фунтов, который должен быть уплачен до конца года... Это пассив. Теперь активы следующие: нефтяное дело в Румынии, которое будет закончено до 15 сентября (самое позднее) и вероятно даст не менее 2000 фунтов.

С этими деньгами я сумею уплатить часть моих долгов, помочь Вам и самому некоторое время продержаться. Затем одно дело в Италии, которое не может быть закончено раньше конца октября, но вероятно даст 4000 фунтов. Затем несколько более мелких и менее надежных дел, как-то табачные заказы в Праге, а также мое большое табачное дело в Польше, которое совершенно заморозилось ввиду общего европейского положения. К активам же я причисляю мою страховку в 150 000 франков, для получения которой нужно, понятно, умереть (часто подумываю об этом), и процесс в Америке, который подвигается успешно, но очень медленно, и во всяком случае не может дать никаких результатов раньше будущего года.

Вот Вам мое материальное положение — как на ладони. Прелестное? Правда? Теперь прибавьте к этому: здоровье далеко не удовлетворительное; настроение ужасное — потому что сто раз в день себя спрашиваю: какого дьявола продолжать эту муку, если наше дело погибнет, а с ним мой единственный *raison d'être**».

Собственно, все бизнес-проекты, в которых участвовал Рейли, мягко говоря, не имели успеха. Одна за другой проваливались его попытки торговать табаком, радием, нефтью, медицинскими и косметическими препаратами. Если верить самому Рейли, ему просто феноменально не везло — то он сталкивался с кознями недругов, то ему мешали агенты большевиков, то недобросовестные партнеры, которым он слишком доверял.

«Дорогой мой, — сообщал он Савинкову 31 января 1923 года. — Присылаю 2000 франков, больше не могу, т. к. табачник меня совершенно надул, не дал даже половину

* Смысл существования (*фр.*).

того, что обещал. Положение мое ужасное, надежды устроить дело очень мало. Если паче чаяния утрою, так только на самых мизерных условиях, которые дадут возможность только-только перебиться... Дня через два все должно окончательно выясниться, пусть уже лучше все лопнет, лишь бы кончилась эта бесконечная канитель».

Возможно, некоторые из тех причин, о которых говорил Рейли, действительно имели место, но, скорее всего, все было гораздо банальнее — просто талантливый и смелый разведчик оказался плохим бизнесменом. Случается и такое. 5 февраля 1923 года он жаловался: «Мое положение с поиском денег хуже. Если ничего не выйдет на этой неделе, то крышка. Тогда мне только один выход: собрать несколько сот фунтов и шпарить в Нью-Йорк, т. к. только там я могу найти деньги...» Там, впрочем, он тоже их не нашел.

В феврале того же года Рейли был вынужден сменить место жительства. Ему пришлось покинуть Олбани и переехать на гораздо более скромную улицу Адельфи-Террас. Престижный и богатый лондонский район, личный камердинер и пышные вечеринки для друзей остались в прошлом. «Дорогой мой, — сообщал Рейли Савинкову 26 февраля. — Простите, что не писал. Был очень занят... переездом на новую квартиру. Новоселье у меня очень невеселое, т. к. безденежье достигло последних размеров и откуда взять деньги, чтобы еще продержаться — не знаю».

Денег нет, но вы держитесь

Для Рейли 1922 год был неудачным. Коммерческие проекты провалились. Судебный процесс против компании «Болдуин» в Америке шел очень медленно, и быстрыми деньгами, на которые надеялся Рейли, там пока что и не пахло.

Не лучше обстояли дела и в его политических планах. Идея по «мирному удушению Советов» в западных объятиях не имела успеха, поскольку англичане так и не довели до советских представителей условия, разработанные Рейли. Такая же судьба постигла и его проект создания «международного консорциума по восстановлению русской экономики». Даже его отдельные элементы, которые вошли в «меморандум», предъявленный советской делегации в Генуе, Москва отказалась принять.

Менять свое руководство большевики явно не собирались. Рейли оставалось надеяться только на внутрипартий-

ную борьбу, которая начала разгораться в связи с болезнью Ленина. Приходилось вдохновляться слухами из Советской России, да и то весьма ненадежными. «Ясно, что кредитов сволочи не получают, — писал Рейли 13 июля. — Их песня спета и никакие [неразборчиво] относительно сказочных (!) урожаям им не помогут. Характерна одна фраза в письме, которое я сегодня получил из Питера от человека, который верит в возможность “эволюции” — “Все ждут термидора”. Мой корреспондент подтверждает полный уход Ленина. Экономический крах не поддается описанию...»

Но все чаще и чаще на него накатывали приступы злости и отчаяния. Рейли ненавидел большевиков и буквально горел от желания бороться с ними. Но как? Для этой борьбы нужны соратники и деньги. Из соратников — один Савинков, но у него с деньгами еще хуже, чем у самого Рейли. А время-то идет... «Что мы будем делать, если у меня ничего не выйдет? Неужели мы можем погибнуть? Неужели сволочам и в этом удача?» — в отчаянии задавался вопросами Рейли. «Ничто мимо нас не проходит, чаша нам дана глубокая, и сил нам дано, чтобы испить ее. Неужели нам никогда не видеть сладостного успеха и побед? Я не могу этому верить, мы должны победить. Только бы настоящее ужасное время пережить», — философствовал он в другой раз.

Помимо своих коммерческих и судебных дел Рейли старался заниматься и проблемами Бориса Савинкова. Прежде всего сбором денег для его Народного союза защиты Родины и Свободы и для ее органа газеты «За свободу». К 1923 году Савинков уже тяжелым грузом висел на Рейли, хотя, если судить по их переписке, он воспринимал свою помощь ему чуть ли не как священный долг. И очень переживал, когда не мог послать Савинкову денег.

Некоторые биографы Рейли считают, что он всего лишь очень талантливо играл роль «бедного отставного шпиона» и преувеличивал свои финансовые проблемы. Точнее, просто врал Савинкову. Возможно, не без этого. Но, скорее, не врал, а привирал. Некоторые театральные нотки в его жалобах и причитаниях на самом деле присутствуют. «Больше всего страшно за Вас и Ваших, но не имею ни малейшей возможности помочь Вам сейчас, — например, писал он. — Это меня больше всего приводит в отчаяние. Чувствую всю бесполезность моих слов и даже стыжусь их».

Но Рейли действительно находился в нелегком финансовом положении и действительно при этом регулярно помогал Савинкову и посылал ему различные (хотя порой и

не слишком крупные) суммы. В октябре 1922 года он отправился из Лондона в Прагу. По пути остановился на несколько дней в Париже. С собой Рейли захватил оставшиеся в его когда-то роскошной наполеоновской коллекции автографы и гравюры. В Париже он продал их за 10 тысяч франков. Большая часть этой суммы пошла на нужды Савинкова и его Союза.

Он, впрочем, не только сам помогал Союзу деньгами, но и предлагал различные комбинации, которые могли бы принести Савинкову доход. Например, «пробивал» в английской и французской печати публикацию рассказов писателя-террориста, его мемуаров и статей о России. Или даже предлагал такой сомнительный в моральном отношении ход: познакомиться с богатой русской вдовой в Париже. Он даже подходящую кандидатуру подыскал — некая мадам Вальская, проживавшая в Америке.

«Она вышла замуж за величайшего американского богача и получила от него свадебный подарок пять миллионов долларов наличными, — рассказывал Рейли Савинкову 5 сентября 1922 года. — Один мой приятель, бывший ее друг, состоит с нею в переписке. Он — русский. Он получил вчера от нее письмо, в котором она высказывает свое глубокое разочарование (sic!) и много говорит о своей страдающей русской душе.

Она будет в Париже... после 12-го сентября. Она очень умная женщина, способная на энтузиазм, и я уверен, что, если бы Вы с нею познакомились, Вы бы могли увлечь ее на значительную помощь... У меня ведь на такие вещи правильная интуиция. Если привлечь такую женщину, то можно достигнуть громадных результатов и здесь, и в Америке... Помните, я Вам говорил, что нашему делу недостает подходящей, влиятельной женщины... Прошу Вас не отнестись к этой идее с пренебрежением...»

Через несколько дней Рейли снова вернулся к этой щекотливой теме: «Если будете писать ей... имейте в виду, что с тех пор, как у нее вообще появились деньги, а это уже лет шесть, за нею охотятся все русские, и что она натурально склонна относиться с недоверием ко всем, а к русским в частности. Поэтому, если я писал бы, я бы сказал: “Надеюсь, вы мне окажете честь не смешивать меня ест, ест.”».

Но даже в этом деле его постигла неудача. Приятель Рейли, который и рассказывал ему о вдове-миллионерше, вдруг передумал и отказался рекомендовать ей его. Он сам хотел использовать мадам Вальскую в каких-то собственных ин-

тересах. «Впрочем, — писал Рейли Савинкову, — я считаю ее единственно возможной из могущих осуществиться фантазий и нужно, чтобы Вы приложили все старания, чтобы ее повидать. Она могла бы выручить сразу. Другого я никого не вижу». Но все равно ничего не получилось.

* * *

Конечно, Рейли пытался свести Савинкова не только с богатыми вдовами. Главным предметом его интереса в этом смысле были видные политики и бизнесмены. Для этого он прилагал множество усилий и использовал все свои старые связи. 7 мая 1922 года он писал Савинкову из Праги: «Можете себе представить, что я здесь мобилизовал всех и вся. Громадные услуги мне оказал Крамарж*. Вы знаете, почему? Из-за Вас, потому что я ему сказал, на что пойдет часть денег, которые я заработаю. Великолепный старик». 31 января 1923 года Рейли сообщал уже из Лондона: «Только что встретил Черчилля... Спросил его, не может ли он помочь, указав подходящих людей со средствами. Он, по-видимому, был искренне озабочен и просил меня ему написать, т. к. он завтра утром уезжает. Прошу Вас немедленно дать мне схему для письма, кроме того, думаю, что было бы хорошо, если бы Вы приложили собственное письмо...»

Снова он упоминал о Черчилле 5 февраля: «Сейчас отправил Ч[ерчиллю] Ваше письмо с приложением длинного письма от себя, объясняющее все положение, согласно Вашим указаниям. Будем надеяться, что он что-то сделает и скоро ответит». В этом письме Рейли описывал трудное положение, в котором находился Савинков, и весьма дипломатически просил Черчилля достать для него денег: «Если Вы найдете в настоящее время возможность хотя бы немного поддержать его с помощью Вашего влияния и Ваших связей, я уверен, что это поможет ему выбраться из той критической ситуации, в которой он оказался, — писал он. — Позвольте мне вкратце описать ситуацию. На протяжении всего 1922 года Савинков и его организации практически не получали никакой финансовой помощи. Я говорю “практически”, так как польское правительство продолжало выделять ежемесячно несколько миллионов польских

* Карел Крамарж (1860—1937) — чешский политик, премьер-министр Чехословакии (с ноября 1918-го по июль 1919-го). Выступал за проведение активной поддержки Белого движения.

марок на издание газеты Савинкова, которая выходит в Варшаве, а правительство Чехословакии — ежемесячную субсидию в 10 тысяч крон (55 фунтов стерлингов), но примерно 80 процентов денежных перечислений в 1922 году приходилось на меня лично, и это составило несколько сотен тысяч франков.

Мои личные финансовые дела... находятся сейчас в весьма прискорбном состоянии, и у меня фактически нет возможности финансово помогать Савинкову в каких-либо приемлемых масштабах. Поэтому Савинков и его организация находятся на краю гибели... Самому Савинкову необходимо содержать свою семью из 11 человек (женщины и дети), а кроме того, и членов своей организации. Все эти люди сегодня находятся на краю голода.

Вы прекрасно знаете, что Савинков — это человек неукротимой смелости. Несмотря на невиданные трудности, в условиях которых ему пришлось работать в 1922 году, он не просил жертвований.

Его газета “Свобода”, выходящая в Варшаве, несомненно, лучшая газета среди русской эмигрантской прессы и она продолжает выходить. Это единственная газета, которая подвергается нападкам советской печати... Постоянно поддерживаются контакты с “зелеными” организациями в России...

Таким образом, позвольте мне еще раз обратить Ваше внимание на те способы и средства, благодаря которым Савинков может быть “освобожден” от той ужасной ситуации и может получить возможность продолжать свою работу. Возможно, среди Ваших друзей нашлись бы влиятельные люди, которые могли бы быть весьма заинтересованы в работе Савинкова в случае увеличения ему финансовой помощи...

Я позволил себе написать Вам такое длинное письмо, поскольку знаю Вашу заинтересованность в Савинкове и его работе, и я уверен, что Вы простите меня за то, что я отнял у Вас столько времени.

Мне нет необходимости заверять Вас в том, что любые предложения тех, кто обратится ко мне по этому вопросу, будут рассматриваться мной в условиях строгой конфиденциальности, и я буду относиться ко всему тому, что связано с данной темой, с предельной осторожностью».

Впрочем, Черчилль решил пока воздержаться от помощи Савинкову.

Еще одной надеждой для них был Муссолини. Правда, бывший британский агент выходов на него не имел, в

данном случае переговоры вел лично Савинков, но Рейли внимательно следил за ними и готовил различные материалы для Савинкова, когда тот ездил на переговоры в Рим. «Вот если бы Вам к нему найти дорогу! Неужели нет путей? Его симпатии, наверное, на нашей стороне», — писал Рейли.

В его письмах Муссолини проходил под кодовым именем «Р», то есть «римлянин». В 1922 году, после прихода фашистов к власти, Рейли был полон надежд и считал, что появление Муссолини — «громадный удар для «сволочей» и что «в возможность дел с ними здесь никто не верит». Но здесь Рейли сильно просчитался.

Муссолини, по выражению Савинкова, начал «крутить хвостом». И чем дальше, тем больше. Вопреки их ожиданиям, он был не против более или менее нормальных, прежде всего, торговых отношений с Советской Россией. И не очень стремился связываться с какими-то сомнительными предприятиями, которые предлагал Савинков, да еще за собственные деньги. В общем, получение помощи от Муссолини тоже откладывалось на неопределенное время.

Вся эта неопределенность выводила Савинкова из себя. Рейли тоже, но, несмотря на нелегкую ситуацию, в которой она сам оказался, он все же находил в себе силы успокаивать товарища. «Я глубоко уверен, что в скором времени я вынырну и вместе со мной вся наша организация, — уверял он Савинкова в ноябре 1922 года. — Я знаю, что мое выражение “держаться” приводит Вас в неистовство, и я извиняюсь, но, тем не менее, я сейчас никакого другого исхода не вижу. Пока нет денег, никакие планы невозможны».

То есть «денег нет, но вы держитесь». Можно сказать, что это крылатое в наше время выражение возникло уже тогда — в устах отставного британского шпиона.

Кэрилл и Пепита

Рейли томился из-за своей вынужденной политической пассивности. Он рвался что-то делать, но понимал, что ничего из этого сейчас не выйдет. Ведь «пока нет денег, никакие планы невозможны». Деньги все никак не находились. Что же, ждать? Но просто ждать он не хотел. А хотел делать хоть что-нибудь, хоть как-нибудь, в меру сил и обстоятельств бороться против ненавистных ему большевиков. У него просто чесались руки.

К пятилетию Октября Рейли решил немного испортить настроение Советам и организовать в британских газетах серию статей о положении в Советской России. Их основным автором должен был, разумеется, стать Савинков. Зарядно он мог бы подзаработать. При его материальном положении это было бы совсем не лишним. «К 5-му юбилею сволочей — это будет 25 октября/7 ноября — следовало бы Вам заготовить статью об итогах на всех поприщах. Статистические факты и выводы. Я эту статью поместил бы в *Times* или в *Morning Post*», — писал Рейли Савинкову. Впрочем, из этой затеи ничего не вышло. Английские газеты не проявили к ней большого интереса.

Затем он задумал более масштабный проект: выпустить книгу об итогах пятилетнего правления большевиков во всех областях жизни. Осенью 1922 года Рейли побывал в Праге и поделился своей идеей с мужем сестры Савинкова и руководителем пражского отделения Народного союза защиты Родины и Свободы Александром Мягковым. Тому она понравилась, и он начал искать авторов.

Они активно переписывались с Рейли, обсуждали уже написанные главы, спорили, но потом процесс вдруг начал пробуксовывать. Причина оказалась самой что ни на есть банальной — деньги. Рейли, как инициатор и главный инвестор проекта, сначала присылал их, а потом вдруг пропал и на панические письма и телеграммы Мягкова не отвечал. Наконец тот не выдержал: «Сегодня 26 апреля, а я не имею от вас ни звука.

Я никогда еще в деловых отношениях не был некорректным даже в коммерческих, где за формой не всегда гонятся. Здесь же, где я связал себя с целым рядом профессоров и общественных деятелей, с которыми мне придется встречаться в России, я не могу допустить некорректности. Лучше мне прямо признаться, что случилось несчастье и издатель оказался в невозможности довести дело до конца, чем я молчу, увертываюсь, мямлю, а когда принесут статью, то должен сказать: благодарю, статью принимаю, а денежки — подождите. Это для меня абсолютно неприемлемо».

Мягков уже прямо заявил: если у Рейли нет возможности найти деньги на издание книги, то пусть так прямо и скажет. И вернет ему весь уже подготовленный материал. Вряд ли, конечно, Рейли проваливал это дело сознательно. Но денег у него действительно не было, и он, как мог, тянул до самого последнего момента. Протянув еще около двух месяцев, Рейли в конце концов все-таки сдался. 30 июня

он отправил Мягкову обратно все подготовленные статьи, причем некоторые из них уже переведенные на английский язык. «Если найдется издатель, то Бог ему в помощь, — писал он. — Я глубоко жалею, что взял на себя задачу, которую, в виду изменившихся финансовых обстоятельств, не был в силах исполнить. Простите меня за то, что я Вам причинил в этом деле столько забот и неприятностей. Последние 6 месяцев мое положение чрезвычайно трудное. Присылаю при сем 5 фунтов, которые хоть отчасти помогут Вам покрыть Ваши расходы. Прошу Вас сообщить мне, сколько я Вам еще должен выслать».

Увы, и этот проект постигла участь его табачных, нефтяных, медицинских и прочих дел, которые приносили ему одни лишь проблемы. Да, в бизнесе Рейли действительно феноменально не везло.

Но зато в итоге повезло в любви.

Нельзя, конечно, сказать, что после расставания с Надеждой Залесской Рейли испытывал недостаток в романах. Их было достаточно — и коротких, и более длинных. Но, пожалуй, наибольший след в его жизни в это время оставили отношения с Кэрилл Хауслендер, в будущем известной религиозной писательницей, художницей, теологом и философом-мистиком.

Кэрилл была необычным человеком. Она родилась в сентябре 1901 года и потом рассказывала, что уже в детстве и в молодые годы ее несколько раз посещали странные мистические видения. Однажды июльским вечером 1918 года, когда она шла по улице в овощную лавку за картошкой, вдруг увидела в небе что-то вроде огромной русской иконы. По ее словам, как будто распятый Христос парил над миром и смотрел сверху на Землю. Через несколько дней Кэрилл прочитала в газетах о расстреле в России царя Николая II. Увидев фотографию русского царя, она была потрясена — лицо Христа на небе как две капли воды было похоже на лицо расстрелянного императора.

Кэрилл окончила художественную школу в Лондоне и занималась росписью по дереву. Она писала иконы и очень интересовалась русским православием. Однажды (судя по всему, в 1921 году) один знакомый показал Рейли несколько икон, написанных никому не известной молодой художницей. Ему они очень понравились, и он захотел встретиться с ней. Так началось их знакомство, которое вскоре переросло в роман. Рейли был старше 20-летней Кэрилл на 28 лет. Но эта разница в возрасте не смущала ни его, ни ее.

Как и многие другие женщины, она была покорена его мужской харизмой. Рейли рассказывал Кэрилл множество увлекательных историй о своих приключениях и похождениях, в том числе и в России. И, разумеется, «распускал перед ней хвост» и время от времени привирал. В 1950 году Хауслендер писала в одном из своих писем: «Человек, который был моим близким другом и который... одно время был шпионом... стал другом Распутина и, как ни странно, испытывал по отношению к нему противоречивые чувства — частично неприязнь и частично симпатию. Он прожил с ним целый год, ездил вместе с ним по всей России, и Распутин в порыве откровенности однажды рассказал ему историю своей духовной жизни, сказав, что однажды он по собственной воле продал свою душу дьяволу и с тех пор получил возможность исцелять людей».

Все это, конечно, полный вымысел. С Распутиным Рейли никогда не ездил «по России». Что он еще рассказал ей из этой же серии — до нашего времени, к сожалению, не дошло. А жаль, эти байки было бы интересно послушать. Но вообще, стоит ли строго его судить за то, что он таким образом приукрашивал свою биографию перед своей подругой? Кто из мужчин не занимался этим!

Другое дело, что Рейли, как и во время остальных своих романов, умолчал о прежних браках и о том, что он, вообще говоря, многоженец. Она так и не узнала (по крайней мере, тогда) ни о Маргарет, ни о Надежде.

Несмотря на ее метания между религией и страстью к Рейли, они все-таки были вместе более двух лет. Но роман закончился так же резко, как и начался. Рейли попросту бросил ее — ради лондонской актрисы с совсем неанглийским именем, которая, похоже, и стала его последней и самой большой любовью. Случилось это в 1923 году.

Кэрилл Хауслендер умерла в 1954 году. Она так никогда и не вышла замуж.

Ну а кто же была та самая лондонская актриса с неанглийским именем?

Автор этой книги как-то случайно наткнулся в одной из букинистических лавок на лондонском «блошином» рынке Портобелло на старую театральную программку Королевского театра Друри-Лейн от 7 октября 1920 года. В ней говорилось, что каждый день в 8 часов вечера в театре начинается представление мюзикла в четырех частях «Сад Аллаха». Это был довольно популярный спектакль, музыку для которого написал в том числе известный британский

композитор и главный дирижер Шотландского оркестра Лэндон Роланд.

Среди действующих лиц и актеров значится и мисс Пепита Бобадилья, исполнявшая роль Сюзанны. Именно она и стала последней женой и последней любовью Сиднея Рейли.

К моменту встречи с Рейли Пепита была, что называется, богатой вдовой. Что же касается ее биографии, то она не менее запутанная, чем биография главного героя этой книги. Во многом — благодаря ей самой.

В своих интервью Пепита говорила, что родилась то в Эквадоре, то в Чили, то в Аргентине. «Она по отцу эквадорианка, а по матери ирландка», — писал Рейли Савинкову 7 июня 1923 года, вскоре после своей женитьбы.

На самом деле, ее звали Нелли Луиза Бертон. Родилась она в январе 1891 года в Гамбурге, в семье англичанки и немца. Мать Нелли хотела получить в Гамбурге работу прислуги, но уже весной 1892 года вернулась обратно в Англию с двумя маленькими детьми — сыном Францем и дочкой Нелли. Вскоре у нее родилась еще одна дочь — Элис.

В своих мемуарах Пепита ничего не пишет о своем детстве, юности и о том, как она стала актрисой. Но, по некоторым данным, на сцене она появилась впервые в возрасте 19 лет, в 1910 году. Она выступала в различных кафе и кабаре, благодаря чему на нее и обратили внимание агенты из знаменитого парижского «Мулен Руж».

Кабаре «Мулен Руж» на площади Пигаль, открытое в 1889 году, в конце XIX века, да еще и в начале XX века, считалось одним из самых значных и не очень приличных мест Европы. Оно быстро приобрело репутацию места, где, как выразилась одна консервативная газета, «мужчины могут посмотреть на молодых парижанок, чьи уникальные и изумительные движения были такими же гибкими, как и их нравственность».

Танцевали в кабаре «французский канкан», выбрасывая ноги выше головы. Танцовщицы имели своих поклонников среди постоянных посетителей. В истории до нас дошли имена звезд «Мулен Руж» того времени: Луиза Вебер (она же Ля-Гюлю, то есть «Обжора»), Жанна Авриль (Бодон; она же «Динамит) или чернокожая Жозефина Бейкер («Черная жемчужина»).

Нелли Луиза Бертон заметного следа в истории кабаре не оставила, хотя несколько лет участвовала в его программах, и для его сцены взяла себе псевдоним Жозефина Бобадилья. Почему именно такой, до конца непонятно. «Peter

Вам сердечно кланяется, — объяснял Рейли Савинкову. — Ее имя Josephina (Pepita). Ее с детства называют Peter, что по-английски произносится так же как Pita». Хорошо, допустим, но почему «Бобадилья»? Наверное, просто потому, что красиво звучит.

В 1915 году «Мулен Руж» сгорел и закрылся аж на шесть лет. Пепита вернулась в Англию, где довольно быстро нашла себе работу. Ее пригласили в кабаре Чарлза Кокрейна, известного театрального импресарио и организатора цирковых представлений, и начали давать роли в кордебалете.

Сохранились фотографии Пепиты того времени. По современным меркам, танцовщицу в ней угадать сложно. На снимках крупная, даже полноватая женщина. Очевидцы описывали ее как привлекательную блондинку, но на фотографиях она больше похожа на шатенку, а на некоторых из них вообще выглядит скорее брюнеткой.

Ей было уже 29 лет, солидный возраст для танцовщицы. Нужно было как-то устраивать свою дальнейшую жизнь. Пепите повезло. В октябре 1920 года она вышла замуж за 60-летнего драматурга Чарлза Хэддона Чэмберса. Спектакли по пьесам Чэмберса ставили не только в Лондоне, но и в Нью-Йорке, на Бродвее, снимали по ним фильмы. Так что ко времени своей женитьбы на Пепите он был уже весьма состоятельным человеком. Это, вероятно, был тот самый случай, о котором говорят «седина в бороду, бес в ребро». Решение о женитьбе на Пепите было им принято так быстро и неожиданно, что сорокалетняя невеста Чэмберса чуть не упала в обморок, увидев в разделе светской хроники одной из лондонских газет объявление о расторжении Чэмберсом их помолвки с ним.

Теперь Пепита жила в одном из самых уважаемых районов Лондона — Мейфер. Впрочем, их брак оказался недолгим: в марте 1921 года Чэмберс скоропостижно скончался от сердечного приступа. Завещания он не оставил, но по решению суда Пепита получила в качестве наследства очень солидную по тем временам сумму. После уплаты всех налогов она составила 8240 фунтов стерлингов. Она стала, как говорилось в одном старинном водевиле, «богатой молодой привлекательной вдовушкой».

* * *

В 1931 году Пепита выпустила книгу воспоминаний о Сиднее Рейли. Как уже говорилось, ее мемуары не раз подвергались критике за слишком сильный налет художе-

ственности и, так сказать, слишком «авторский взгляд» на события, связанные с жизнью британского разведчика.

Биограф Рейли Робин Брюс Локкарт, к примеру, отмечал: «Еще мой отец, сэр Роберт Брюс Локкарт, чье имя неразрывно связывали с именем Рейли в известном “заговоре Локкарта”, целью которого было убийство Ленина, комментируя книгу Пепиты, писал: “Жизнь Рейли содержит несравненно больше потрясающих эпизодов, намного больше, чем в этой книге”. Сама же Пепита, по словам Локкарта-младшего, говорила, что ей “хотелось бы написать новую версию, без всякой мелодрамы... Тогда она стала бы действительно ‘моей’ книгой”». Впрочем, она ее так и не написала.

Судя по ее рассказу, знакомство с Рейли состоялось так. В декабре 1922 года она вместе с матерью и сестрой жила в берлинском отеле «Адлон». Как-то вечером вместе с своими знакомыми — англичанином и немцем, которые развлекали ее, рассказывая различные занимательные истории, — Пепита пила в отеле чай. Неожиданно англичанин сказал, что в этом же отеле живет некий «мистер С.», «самый таинственный человек в Европе».

«Большевики отдали бы за него — живого или за мертвого — целую губернию, — говорил англичанин. — Трижды они приговаривали его к смерти. Один Господь знает, сколько раз он находился в их когтях. И знаете, я могу почти поклясться: либо он только что из России, либо снова собирается туда.

— Зачем же он отправляется туда, этот мистер С.? — спросила я.

— Зов души, — ответил делегат со смехом. — Этот человек живет опасностью».

Пепита была заинтригована. Вскоре она увидела «мистра С.» за завтраком. Он смотрел на нее, видимо, тоже был заинтригован. Еще через некоторое время их познакомил тот самый англичанин, который развлекал ее за чаем. «Рейли всегда говорил, что это была любовь с первого взгляда, и я не думаю, чтобы он заблуждался, — писала Пепита. — К концу недели мы были тайно помолвлены. Я тщательно скрывала этот факт от моей матери и сестры в течение того короткого периода времени, пока мы были вместе».

Возможно, что эта встреча в Берлине на самом деле была, но, по другим данным, они с Рейли познакомились еще раньше. По одной версии — в январе 1920 года. Рейли совсем недавно прибыл в Англию после своих приключе-

EVERY EVENING AT 8

Matinees : Wednesdays, Thursdays and Saturdays at 2.15

THE GARDEN OF ALLAH

A Play in Four Parts

By

ROBERT HICHENS and MARY ANDERSON

Special Music Composed by LANDON RONALD

CAST OF CHARACTERS

The Characters appear in the following order :

Waiter	Mr. EDWARD MORGAN
Soldier	Mr. GEORGE CRAIG
Domini Enfiliden	Miss MADGE TITHERADGE
Suzanne	Miss PEPITA BOBADILLA
Batouch	Mr. GORDON HARKER
Hadj	Mr. DENIER WARREN
Father Roubier	Mr. ARTHUR LEWIS
Count Anteoni	Mr. BASIL GILL
Captain de Trevignac	Mr. HENRY LUDLOW
Zouave	Mr. DUDLEY TRIPP
Boris Androvsky	Mr. GODFREY TEARLE
Irena (<i>Dancing Girl</i>)	Miss LOUISE MAISIE
Larbi	SAID MANGELIFI
The Sand Diviner	Mr. CALEB PORTER

Arabs from the Desert : Tayeb Ben Ahmed, Zendagui Ben Ahmed, Lagra Amor, Hama Abid, Salah Ben Dahman, Djabalch, Abdou.

Lay Brothers of La Trappe, Algerian Tirailleurs, Kabyles, Mozabites.

Monastic Choir by Chanters from the best Catholic Choirs.

B. C. McCleery

Bruce Smith

Phil Harker

Bruce Smith

B. C. McCleery

FREDERICK
Section.

The following are the names of the items that will be performed by the Orchestra :

1. PRELUDE. Before Part I.
2. VIOLIN SOLO. Before Part II.
... "In an Eastern Garden"
3. Before Part III.
(a. DANCE OF THE OULED-NAÏL
b. A SANDSTORM
4. KYRIE ELEISON. Before Part IV.

Conductor JOSEPH SKUSE.
Violin Solo B. VAN DER MEULEN.

Программка спектакля Королевского театра Друри-Лейн «Сад Аллаха». В роли Сюзанны – Пепита Бобадилья. 7 октября 1920 г.

ний в России, и, вероятно, как солдат после фронта тоже жаждал отдыха и развлечений в обществе актрис и танцовщиц. Поэтому он и пришел на одно из представлений Чарлза Кокрейна, где и увидел Пепиту.

Эндрю Кук считает, что Рейли мог познакомиться с ней благодаря мужу ее сестры Элис, которого тоже знал. Он был весьма состоятельным человеком, благодаря чему они с Элис вели достаточно беззаботную жизнь. Кстати, по тем временам вряд ли его можно было считать мужем сестры Пепиты в полном смысле этого слова. Они находились, как бы сейчас сказали, в гражданском браке, и тогда это считалось весьма смелым образом жизни. В аристократических кругах — почти на грани приличия.

Ходили слухи, что у Рейли были дружеские отношения не только с мужем сестры Пепиты, но и с самой Элис. И якобы не только дружеские.

Но если они тогда и познакомились, то вскоре судьба их снова развела. Пепита вышла замуж, а Рейли занялся своими шпионскими, политическими и деловыми проблемами. Снова встретились они, скорее всего, действительно уже в берлинском отеле «Адлон».

Можно предположить и еще один вариант их знакомства. Английский историк Филлип Найтли в книге «Шпионы XX века» упоминает интересную подробность — бывший коллега Рейли по Секретной службе Джордж Хилл после своего ухода из разведки некоторое время работал менеджером у Кокрейна. Так что вполне возможно, что познакомиться с Пепитой Рейли мог и благодаря ему.

Однако как бы там ни было, но после их берлинской встречи отношения между ними начали развиваться стремительно.

В начале 1923 года Рейли вернулся в Англию, а Пепита еще оставалась в Берлине. По-видимому, их отношения оставались тайной для Кэрилл Хауслендер, и узнала она о предстоящей свадьбе Рейли так же неожиданно, как невеста драматурга Чэмберса узнала о расторжении им помолвки с ней. Это было для нее тяжелейшим ударом, но она утешала себя тем, что все это «ничто по сравнению с духовным единением с Господом».

Семнадцатого мая лондонские газеты сообщили: «Миссис Хэддон Чэмберс, молодая вдова известного драматурга, через несколько дней вновь выходит замуж за капитана Сиднея Дж. Рейли, отставного офицера Королевского летного корпуса. Более известная по своему псевдониму

Пепита Бобадилья, миссис Чэмберс приобрела большую известность в театре “Савой”, сыграв роль Эйлин в спектакле “Игроки в карты”, который был написан ее мужем незадолго до его внезапной трагической кончины...

Капитан Рейли рассказал корреспонденту “Дейли кроникл”, что свадьба состоится практически без промедления.

“Миссис Чэмберс отходит от операции по удалению аппендицита в частной лечебнице, — сказал он. — Она только начинает выздоравливать и, как только ей будет лучше, мы поженимся, и я, конечно, заберу ее отсюда, чтобы она полностью оправилась от операции”.

Отец капитана Рейли был ирландцем и торговцем, а его мать была русской. Так как он может бегло говорить по-русски и по-немецки, он мог оказать существенную помощь во время войны, будучи офицером службы разведки в Германии.

В России он так хорошо скрыл свою личность, что получил официальную должность в советском правительстве. В декабре 1918 он был приговорен к расстрелу, если окажется на территории большевиков.

Позднее, однако, капитан Рейли вновь побывал в этой стране».

Сидней и Пепита обвенчались в лондонской церкви Святого Мартина 18 мая 1923 года. Свидетелями с его стороны были коллеги Рейли по СИС Джордж Хилл и Стивен Эллей, а со стороны Пепиты — ее сестра Элис. Затем был банкет в отеле «Савой». Сохранилась их фотография с этого банкета: элегантный Рейли в черном смокинге и галстук-бабочке и улыбающаяся Пепита с букетом цветом в руках.

Сохранилось также их брачное свидетельство, выданное «Центральным регистрационным управлением, Сомерсет-Хаус, Лондон». Оно и сейчас хранится в британском Национальном архиве. Весьма примечательный документ. Оно похоже то ли на банковский чек, то ли на какой-то отрывной талон серо-голубого цвета с напечатанным на машинке текстом. Никакой торжественности, обычная деловая бумага.

В свидетельстве указано, что Рейли разведен «с Надин Рейли, бывшей Массино». О Маргарет не упоминается вовсе, хотя их брак так и не был формально расторгнут. В графе о профессии отмечается, что он — «капитан Королевских ВВС в отставке». Его отцом назван «скончавшийся Джордж Рейли, капитан флота в запасе». И это не со-

ответствовало действительности. Наконец, и в указанном возрасте — 49 лет — можно сомневаться. Что же касается Пепиты, то в графах о профессии и об отце у нее вообще почему-то стояли прочерки.

«В статьях, появившихся на следующий день в газетах, весь интерес был сосредоточен на мне, Пепите Бобадилья, известной актрисе, вдове знаменитого драматурга Хэддон Чэмберса, а не на человеке, работа которого за кулисами европейской политики была так важна», — вспоминала она.

Это тоже не совсем так. Вот, например, что писала о их женитьбе газета «Эмпайер ньюс» 20 мая 1923 года:

«Красота и отвага: Пепита Бобадилья и секретный агент-герой.

Пепита Бобадилья, одна из самых красивых и талантливых актрис нашей сцены, вышла замуж за человека, который пользуется не меньшей известностью в обществе — капитана Сиднея Дж. Рейли — отставного офицера Королевских ВВС и храброго человека.

Мисс Бобадилья — по этому имени она лучше всего известна публике, — вдова мистера Чарлза Хэддона Чэмберса, который был одним из самых успешных драматургов нашей страны. Именно он написал “Слезы тирании”, “Бездельник” и “Капитан Свифт”.

Во время их медового месяца... Хэддон Чэмберс, вдохновленный, несомненно, своей прекрасной женой, начал писать пьесу, которую он назвал “Игроки в карты”. Главная роль была специально написана для его супруги, и это был тяжелый удар судьбы, когда драматург внезапно и трагически скончался, так и не окончив пьесы и прожив с красавицей — женой актрисой только четыре месяца».

Ну а дальше газета рассказывала о биографии Рейли, причем он был назван «одним из пионеров русской авиации».

Журналисты не пожалели ярких красок, чтобы расписать подвиги Рейли. На войне: «В некоторых случаях ему удавалось проникать в самое сердце Германии, добывая чрезвычайно ценную информацию...» В России: «Жизнь там не стоила ничего, но... галантный капитан все же сумел превратиться в фанатичного друга большевиков... стать известным функционером в советских организациях, которого все комиссары знали, как “товарища Р.”, он был допущен к участию в самых секретных совещаниях и собраниях большевиков... Он изучил самые тайные механизмы рабо-

ты власти... и делал разумные доклады о событиях, происходивших в Советской России...»

Так что Рейли газеты тоже уделили внимание.

Пепита при жизни Рейли и потом еще несколько лет не знала, что, женившись на ней, он стал «официальным многоженцем». Разумеется, многие из друзей Рейли, присутствовавшие на торжественном банкете в «Савое», знали об этой деликатной подробности его жизни, но они тогда предпочли промолчать. Удивительно, но информация о многоженстве Рейли тогда не «утекла» и в газеты.

Свадьба в «Савое» хотя и не поражала роскошью, но все равно требовала немалых расходов. Ведь Рейли, как он утверждал, в это время находился в очень тяжелой финансовой ситуации. За три недели до этого он, например, писал Савинкову: «Еще месяца три придется очень помучиться, т. к. у меня накопилась уйма долгов и я уже 6 месяцев ничего не зарабатываю...» Если так, то гуляли, скорее всего, за счет Пепиты. Хотя сам он предпочитал об этом особо не распространяться.

Рейли сообщил о своей женитьбе Савинкову 21 мая: «А теперь по личному вопросу... Я взял, да и женился. Не сердитесь, дорогой, что я Вам ни слова раньше не тиснул. Это из суеверия. Я очень счастлив и жена у меня с львиным сердцем. Пойдет в огонь и в воду. Сами увидите, оцените и поздравите.

Понятно, положение наше аховое, т. к. мы оба без денег, но зато веры, надежды, любви — море бездонное. Верю, что она и мне, и нашему делу принесет счастье. Вы в ней найдете такого же друга, как и во мне...

Она говорит на всех языках, на днях начинает учиться русскому. Если Вы ей напишете несколько слов, она будет очень счастлива, она все боится, что Вы мой брак считаете помехой делу».

Понятно, какое дело он имел в виду — борьбу со «сволочами» (то есть большевиками). Она сама вспоминала, что Рейли никогда не говорил о своих былых похождениях, но постепенно посвящал в свои текущие дела, в частности, в те события, «которые происходили за кулисами европейской политики»

«Я узнала, — писала она, — что в каждой столице Европы русские эмигранты плели заговоры против тиранов, правящих в их стране... Во всем этом движении Сидней был весьма заинтересован и выделял для него много денег и тратил уйму личного времени».

В том, что русские эмигранты «в каждой столице Европы плели заговоры против тиранов», есть изрядная доля преувеличения. Но что касается денег Рейли, которые он выделял для борьбы с большевиками, — это правда.

Рейли не ошибся в своей жене. Жозефина Францевна или Ж. Ф., как он называл ее в своих письмах, стала его самым близким другом и союзником. И была им до конца.

КРАХ САВИНКОВА

Рейли писал Савинкову из Лондона 15 июля 1923 года: «Я окончательно уезжаю в Америку в понедельник 23-го через Cherbourg». Туда он вместе с Пепитой отправился на пароходе «Роттердам». В Америке у него было множество дел.

Во-первых, Рейли хотел довести до конца судебное разбирательство с компанией «Болдуин Локомотив», которая, по его мнению, задолжала ему 750 тысяч долларов.

Во-вторых, он надеялся раскрутить свой новый фармакологический бизнес. Вместе с несколькими компаньонами, которых он давно знал, они основали фармакологическую компанию и надеялись продавать в Америке некий «чудодейственный препарат гумагсолен», который якобы укреплял организм, возвращал вторую молодость и вообще, как сейчас принято говорить, «способствовал его обновлению».

В-третьих, он собирался объявить сбор денег для организации Савинкова. Он надеялся, что американские правящие круги и капиталисты хорошо понимают опасность большевизма, а следовательно, будут охотно помогать его противникам. Тем более таким известным, как Борис Викторович.

Наконец, он собирался перевести на английский и издать в Америке и Англии недавно написанную повесть Савинкова «Конь вороной»* — о Гражданской войне в России. Рейли считал, что издание этой книги может принести автору и ему немалые средства. Да и к тому же он был искренне убежден в том, что это выдающееся литературное

* Повесть «Конь вороной» была написана Б. В. Савинковым в Париже в 1923 году и там же впервые напечатана. В основе ее сюжета лежали события, связанные с действиями отрядов Булак-Балаховича в Белоруссии в 1921 году и подпольной работой савинковцев в Москве.

произведение. «Я “одним духом” прочел его, — писал он Савинкову. — Великая книга. Лучшее, что написано за время “сволочей” и о “сволочах”. Не только действительно художественное произведение, но и политическая программа, ясновидение, иллюстрация к Апокалипсису. За этот роман я Вас еще больше понял и еще больше полюбил». Забегая вперед отметим, что перевод книги — один из немногих американских проектов Рейли, который хоть немного продвинулся вперед. Переводить ее на английский язык взялся старый знакомый Рейли и его коллега по Секретной службе Пол Дьюкс. Теперь он жил в Америке.

Рейли считал, что перед сэром Полом после возвращения из России открываются блестящие политические перспективы. Он уговаривал его выдвинуть свою кандидатуру на выборах в парламент. «Если бы политические круги были на самом деле расположены ко мне так, как кажется, я бы сам немедленно вернулся в Англию и выдвинул свою кандидатуру, — писал он Дьюксу. — Однако по сравнению со мной Вы обладаете такими исключительными преимуществами, как имя, титул, опыт публичных выступлений и грандиозные знания по животрепещущему вопросу — вопросу о России. На протяжении нескольких ближайших лет “русский вопрос” (признание Советов, торговые отношения между Великобританией и Россией и т. д.) будет главным вопросом всей международной политики, поэтому у Вас есть шанс стать его главным проводником.

Вероятно, излишне упоминать, насколько важно иметь в парламенте такого человека, как Вы, для выполнения нашей единой цели». Рейли советовал Дьюксу баллотироваться в парламент от консерваторов.

В этом же письме он предлагал ему обратить внимание на Савинкова, который, по его словам, «есть и будет единственным человеком, к мнению которого следует прислушиваться...». «Вопреки преследованиям, которым он подвергался, вопреки невероятным трудностям, он сохранил боеспособность своей организации и здесь, и в России, — отмечал Рейли. — Савинков — уникальный представитель русского антибольшевизма, который не говорит, а работает. Излишне напоминать, что я всегда поддерживал его по мере сил и собираюсь поддерживать его и впредь. Это не имеет никакого отношения к нашей личной дружбе или какому-либо преклонению перед ним. Просто я выбрал самый лучший способ, каким могу послужить России в настоящий момент».

Если бы Дьюкс стал депутатом и политиком, у него действительно могло быть блестящее будущее. Однако он выбрал другой путь. «Человек с сотней лиц» уехал в Америку, вел там вполне обеспеченную жизнь, был счастливо женат на весьма состоятельной женщине, ездил по Америке с лекциями о своих приключениях в России. «Он находится всецело под влиянием своей жены (очень интересной особы с сильным характером), а она увлечена одной из многих разновидностей нео-буддизма. Вот они и постоянно превращаются в йоги и ищут нирвану! Как все это просто, даже завидно!» — писал Рейли*.

В общем, Дьюкс чувствовал себя весьма неплохо. Несмотря на это, он согласился переводить роман Савинкова и, более того, заверил, что готов выполнить эту работу просто так, из-за уважения к автору, которого он сам хорошо знал. Впрочем, и сам Рейли принял в переводе активное участие и посылал автору различные замечания.

«Дьюкс отметил около 35 мест, которые ему были не ясны и которые я для него перевел, — писал он. — Но, читая книгу, я нашел еще 135 мест, над которыми ему сильно придется призадуматься. О них я с ним завтра подробно поговорю. Вы должны прислать мне или ему точное указание всех Ваших цитат. Все библейские должны быть переведены точным английским библейским текстом, затем укажите автора строк цитированных стихотворений и фраз. Например: “Как часто в горестной разлуке и т. д.”. Это чье? Из “Горя от ума”? Чтобы не было ошибки, укажите все цитаты.

Мне удалось, надеюсь, весьма недурно перевести на английский цитату из 12-ти Блока. Сто раз пробовал это раньше, но вчера был так воодушевлен чтением Вашей книги, что сразу без заминки хлопнул перевод».

Забавно, конечно. Бывший агент британской разведки в порыве вдохновения переводит «Двенадцать» Александра Блока — один из первых поэтических гимнов революции большевиков, которых сам Рейли иначе как «сволочами» не называл. Но при этом он не знает русской классики. Ведь строчка «Как часто в горестной разлуке» — это вовсе не из «Горя от ума», а, разумеется, из «Евгения Онегина».

* Сам Дьюкс тоже увлекся йогой и позже написал книгу «Йога для западного мира» — одно из первых пособий по йоге, появившихся в Европе. Оно выдержало несколько переизданий.

К лету 1924 года литературный перевод был почти готов. Книга должна была выйти осенью. «Перевод отличный и замечательно передает Ваш стиль. Самая строгая критика не может найти изъяна... — восхищался Рейли. — Лично я считаю Вашу книгу огромным произведением — как с художественной, так и с политической, и, в особенности, философской стороны. Того же мнения и Dukes [Дьюкс] и Ж. Фр.». «Ваш стиль полностью сохранен. Даже частушки отлично переведены», — сообщал он Савинкову в другом письме.

Рейли считал, что если удастся опубликовать по частям, в еженедельнике, то это может принести Савинкову «1500 долларов, что по нынешнему курсу составляет 30 000 франков». «Это Вас здорово устроило бы», — замечал он. Роман, по его мнению, «да еще о революции, ...будет иметь большой успех и в Америке... А если еще в нем будет много сенсационного действия, то можно будет продать фильмовые права за хорошую сумму».

Если с переводом книги Савинкова дела как-никак продвигались вперед, то с собственными проектами и поиском денег на борьбу против большевиков у Рейли все обстояло далеко не так удачно. Читая его письма из Америки, сразу же улавливаешь знакомую интонацию: все плохо, денег нет, что будет дальше, неизвестно. В общем, эти записки мрачного пессимиста.

Теперь причину своих неурядиц Рейли на этот раз видел в американском образе жизни и американском характере. Он быстро понял, что большинству влиятельных и богатых американцев на борьбу с большевиками наплевать. «Отношение здесь к “сволочам” можно охарактеризовать известной формулой Троцкого “ни мира, ни война”, т. е. “ни признания, ни борьба”, — писал Рейли Савинкову 17 сентября 1923 года из Нью-Йорка. — Пусть Россия разделяется с большевиками как хочет — это не наше дело. В сущности, такое же отношение ко всем делам Европы. Это страна самого примитивного звериного эгоизма. Что же касается, в частности, Нью-Йорка, то вот буквально 1/3 населения евреи, и они в глубине души на стороне большевиков...»

«Интереса к русским делам положительно никакого, — сообщал он 26 октября. — Но зато, с другой стороны, полная пассивность к заигрываниям “сволочей”. Во всяком случае, Америка будет последняя страна, которая поддержит их». (Здесь он, кстати, оказался прав. США признали СССР последними из мировых держав — в 1933 году.)

«Вы себе представить не можете, до какой степени чувствую себя здесь оторванным от русских дел, — жаловался он в другой раз. — В газетах почти что никаких сведений, чтобы не потерять связи, читаю в английском переводе “Бр[атъев] Карамазовых” и Петра Успенского* “Tertium Organum” о 4-м измерении. Утешаюсь мыслью, что в 4-м измерении деньги, наверное, не нужны!»

«Американский эгоизм» неприятно удивлял Рейли. Уж казалось бы, не ему, прагматичному, циничному и, что называется, прожженному дельцу, спекулянту, авантюристу и шпиону, осуждать его. Но Рейли все-таки был человеком другого темперамента, с другим, если так можно сказать, кодексом поведения. Американское холодное и расчетливое равнодушие выводило его из себя, пожалуй, даже больше, чем понятная ему ненависть и вражда со стороны «своих» большевиков. С теми-то все понятно — они враги, а эти-то кто? Не поймешь.

Возмущало Рейли и то, что даже хорошо знакомые ему американцы не торопились поддержать и его самого. Ведь для того, чтобы начать свои новые бизнес-проекты (прибыль от них Рейли по-прежнему обещал направлять Савинкову), ему был нужен первоначальный капитал. Он обращался за помощью, но к его просьбам отнеслись очень холодно. Рейли был поражен этим. Ведь он сам в свое время много помогал этим людям. Разве такое возможно в той же России? 27 июля 1923 года он писал Савинкову: «Приехал я сюда и немедленно должен был заняться поиском денег, и что Вы думаете? Ни один из тех людей, которые через меня в первые два года войны заработали миллионы долларов, не дал мне ни одного цента. Многие, узнав о моем положении, совершенно отказались меня видеть...

В результате сейчас я абсолютно на мели. В кармане 60 долл., что, понятно, недостаточно, чтобы уплатить гостиницы. Хочу перебраться из гостиницы куда-нибудь подешевле, но и это сейчас не могу сделать. Бывал я в переделках, но в такой еще не был. Остаться в Нью-Йорке без денег — это прямо гибель. Нет в мире более бессердечного народа, чем американцы. Я только теперь это понял...

Вы поймете, что, будучи из-за безденежья прикованным к месту, я не мог выполнить то, что я хотел в политиче-

* *Петр Демьянович Успенский* (1878—1947) — оккультист, философ, теософ, писатель. С 1921 года жил в эмиграции в Великобритании.

ском отношении. Для этого нужно людей видеть, угощать... Куда нам, когда приходится пешком ходить, чтобы дойти до дешевенького русского кабака!»

«Как только я начинал говорить о своем положении, я всюду встречал каменные лица», — возмущался Рейли позже. Только один человек, судя по его письмам, помог ему в это трудное время — один его бывший служащий, одолживший ему 500 долларов.

В первое время после приезда в Америку они с Пепитой жили в весьма приличном отеле «Готхэм» — у жены Рейли имелись кое-какие средства. «Наконец, с величайшими усилиями удалось выбраться из очень дорогостоящей гостиницы и перебраться в маленькую квартиру, — сообщал Рейли 17 сентября 1923 года, — мужество, проявленное Ж. Ф., не поддается описанию. Вот, действительно, человек первого класса, с ней куда угодно».

С женой ему действительно повезло. Пепита с завидным философским спокойствием переносила все то, что с ними происходило. А ведь, казалось бы, за месяцы, проведенные в этом не очень веселом американском «свадебном путешествии», она могла бы понять, что ее мужа преследуют хронические неудачи на всех фронтах, и бросить его. Но нет, Пепита оставалась единственным человеком, который был готов поддержать его в любой момент. Рейли не скрывал своего восхищения ею и не уставал об этом напоминать: «Единственное мне утешение — Ж. Ф., ее крепость духа не поддается описанию. Без нее я погиб бы. Можете себе представить, как я за нее страдаю».

«Мы оба... так страшно устали, я, к стыду моему, даже больше, чем она. Она бодрится, распевает шансонетки на 5-ти языках и мечтает о том, как мы будем работать...»

«Ж. Ф. самое прямолинейное существо в мире. Любить так любить, ненавидеть так ненавидеть, решить так раз навсегда — и рассуждениям и копаниям уже больше нет места. Что значит не быть русским или полурусским».

«Бедная Ж. Ф. сидит дома и дома ходит без чулок, чтобы сохранить последние две пары — на случай какого-нибудь неотложного выхода. Весело? Не правда ли? Но все это глупости, и глупости то, что вчера мы сосчитали все наши капиталы и досчитались только до 2-х с чем-то долларов и долго затем хохотали».

«Ж. Ф. заложила последнее, и на это можем прожить еще одну неделю. А после этого, если ничего не подтвердится, хоть на улицу не выходи. Если я еще жив — так

только благодаря невероятной стойкости Ж. Ф. — она говорит, что здешнее хождение по мукам один из фазисов борьбы против “сволочей”. Вот и поймите! Эквадор и Россия...»

В каждом письме Савинкову Рейли передавал своему другу-соратнику поклоны и приветы от жены, уверяя, что она, так же как и он сам, очень скучает по Савинкову и многое могла бы отдать за то, чтобы просто провести вечер за беседой с ним. Хотя потом, когда Пепита выпустит свои воспоминания, она будет утверждать, что совсем не так тепло, как ее муж, относилась к Савинкову. Даже более того. Но об этом чуть позже.

* * *

К осени 1923 года Рейли в очередной раз был вынужден признать, что снова потерпел крах в своих бизнес-начинаниях. Проект по продаже «гумагсолена» фактически провалился. У него оставалась только надежда на победу в судебном процессе против компании «Болдуин Локомотив». 10 ноября он писал Савинкову: «Я перед собой ничего конкретного не вижу. Мои все виды, можно сказать, лопнули. Остается мой процесс. Он будет слушаться в январе... Выиграю — хотя бы в скромном масштабе — то успокою частично своих кредиторов, а остальное поделю с Вами. Будем жить, как и где придется (по возможности, ближе к России), и что-нибудь да накрутим. Если проиграю процесс и ничего другого тоже не будет — значит, крышка. Или приличный *accident** или, если к тому времени еще останется достаточно сил и любви к жизни — поступлю на службу. Это тоже крышка, только уж слишком медленная и мучительная. Думаю, что на нее ни я, ни Ж. Ф. не способны. Жить для того, чтобы питаться, да иногда для развлечения замученных нервов сходить в кинематограф — без надежды, без цели, без работы — лучше *accident*. В тысячу раз лучше. Вот Вам все мои перспективы...

Так или иначе, нужно координировать наши действия. Если помирать, то и то лучше вместе. В самом крайнем случае, я всегда сумею доплыть в третьем классе до Европы».

Рейли еще не знал, что вокруг его друга к тому времени уже постепенно сжималось гораздо более опасное кольцо, чем вокруг него самого.

* Несчастный случай.

«Синдикат-2»

Позиции Народного союза защиты Родины и Свободы к концу 1923 года существенно ослабли. В августе 1924 года Савинков рассказывал, что «...к 1923 г. организация была совершенно разбита, Союза, в сущности, не было, людей не было, денег не было. А главное, передо мной стоял вопрос о прекращении работы. Можете этому не верить, но это так и никак иначе».

Однако его деятельность в эмиграции по-прежнему доставляла множество забот советской контрразведке. Савинков по-прежнему имел (или пытался иметь) своих резидентов в СССР. Так что его устранение или — еще лучше — захват и проведение над ним показательного политического процесса оставались одной из главных задач ОГПУ.

Операция ОГПУ против Савинкова была почти на 100 процентов калькой оперативной игры с «Трестом». Почти те же самые рецепты и те же ходы. То ли чекисты не могли придумать что-то более оригинального, то ли были настолько уверены в себе, что решили просто повторить «трестовский» вариант. Так и появилась операция «Синдикат-2», целью которой было заманить Савинкова в СССР. Сидней Рейли тоже не остался в стороне от нее.

Летом 1922 года Савинков отправил в СССР одного из самых доверенных своих сотрудников — Леонида Шешеню. Он должен был стать новым резидентом его организации в Москве. Однако после перехода советской границы Шешеню задержали. На допросах чекисты его быстро раскололи, а потом и перевербовали. Шешеня «сдал» других резидентов Савинкова в Москве и ячейки Народного союза защиты Родины и Свободы в Западном крае. Тогда-то — считается, что по идее Дзержинского — и начали разрабатывать операцию.

Идея заключалась в следующем. Шешеня якобы вступил в Москве в контакт с подпольной антисоветской организацией «Либеральные демократы» (ЛД), которая вроде бы готовит переворот, но собирается опираться не на эмигрантов, а исключительно на внутренние силы. А вот опытного политического лидера со всемирно известным именем ей не хватает. И руководство ЛД большинством голосов решило, что таким лидером может быть только он — Борис Викторович Савинков, собственной персоной. Признанный «вождь антибольшевистского движения». Поэтому она хотела бы вступить с ним в переговоры о сотрудничестве.

Информация об ЛД с помощью завербованных ОГПУ сотрудников Савинкова потекла за границу. На бумаге она смотрелась солидно. Даже польская разведка, изучив документы о положении в Красной армии и приказы по РККА, якобы переданные сторонниками ЛД в армии, высоко оценила их. То есть подделка была высочайшего качества.

В июне 1923 года в Литву и Польшу отправился чекист Андрей Федоров, выступавший в роли члена ЦК ЛД Андрея Мухина. Он потребовал личной встречи с Савинковым, но ему отказали. Вместо этого в СССР «на разведку» послали резидента савинковской организации в Вильно Ивана Фомичева. В Москве чекисты устроили для Фомичева отличный спектакль. Его привели на «заседание» ЦК ЛД, в котором принимали участие четверо чекистов и один настоящий контрреволюционер, которого арестовали сразу же после ухода Фомичева. Ему устроили встречу с «главой ЛД Никитой Твердовым», роль которого сыграл сам глава КРО ОГПУ Артур Артузов! За границу Фомичев вернулся окрыленным и восхищенным, да к тому же еще с целой пачкой «важных документов», касающихся как положения дел в СССР и в Красной армии, так и программных установок, и структуры ЛД.

ЛД настойчиво требовали личной встречи с Савинковым. Посоветовавшись со своим окружением, он в итоге решил принять их представителя. На встречу с Савинковым отправился Федоров-Мухин. Переговоры проходили в савинковской квартире в Париже, причем из соседней комнаты их подслушивал еще один человек. Ему Мухин не понравился сразу.

Затем было еще несколько встреч. Савинков колебался. Ведь раньше он ничего не слышал об ЛД, а организация, по словам ее посланца, была весьма мощной. Савинков решил послать в СССР человека, которому он доверял как себе самому. Это был уже упоминавшийся полковник Сергей Павловский («Серж»). Человек исключительной храбрости, он отличался такой же исключительной ненавистью и жестокостью по отношению к большевикам.

Павловский отчаянно скучал в Париже «без настоящего дела» и предлагал Савинкову различные «боевые» проекты. Что касается Рейли, то он относился к нему с осторожностью. «Напрасно Вы думаете, что я на нем поставил крест, — писал он о Павловском Савинкову 22 ноября 1922 года. — Напротив, я, при известных обстоятельствах, могу себе представить его в качестве идеального исполнителя. В Бер-

лине он уж маху не дал бы*. Но, предназначая ему роль исполнителя, я бы с него глаз не спускал. Эти “смятенные и алчущие правды души” крайне интересны, но никогда не будут иметь моего полного доверия... Мне нужно попроще, побольше вроде большевистской психологии, которая не смятенная, а просто прет. В том-то и вся беда, что большевики, по-видимому, монополизировали “прущую” психологию, а нам оставили людей с мятушейся. Не представляю себе, какие планы С. П. мы можем сейчас выполнить, не имея денег...» Как показало будущее, Рейли был прав.

Именно Павловский подслушивал переговоры Савинкова с Федоровым-Мухиным. О своих сомнениях он рассказал Савинкову. «Вождь» задумался, а потом поручил Павловскому разыграть соответствующее представление. Тот пришел ночью в отель к Федорову и, угрожая ему револьвером, потребовал признаться в связи с ОГПУ. Однако Федоров хорошо готовился к операции и не исключал подобных проверок со стороны савинковского окружения. Он возмутился и написал Савинкову письмо, в котором, изобразив оскорбленного русского патриота, выразил сожаление, что вообще решил не иметь с ним дела. Более того, Федоров напомнил Савинкову о крайне болезненном эпизоде его биографии — вот, мол, он когда-то не смог распознать провокатора в Азефе и с тех пор, очевидно, склонен подозревать в измене и честных людей. Савинкову пришлось это стерпеть и извиниться.

Посылая в Москву Павловского, он рассчитывал, что критическое отношение полковника к московским коллегам пойдет на пользу. Значит, рассуждал он, «Серж» сможет более выпукло отметить слабые или даже подозрительные места в деятельности и поведении представителей ЛД. Кстати, Савинков решил не информировать ЛД о том, что посылает в СССР своего нового представителя. Так, считал он, будет надежнее.

* * *

Павловский с готовностью взялся за «настоящее дело». Нелегально перейдя 17 августа 1923 года польско-советскую границу и убив при этом красноармейца, первым

* Рейли, скорее всего, здесь намекает на провалившееся покушение на жизнь наркома по иностранным делам РСФСР Георгия Чичерина весной 1922 года.

делом он организовал вооруженную группу и занялся эксами, то есть грабежами, в Белоруссии. Группа Павловского, например, ограбила в поезде артельщика, который вез в портфеле зарплату, убив при этом трех человек. Затем ими были убиты еще несколько «советских агентов». Вспомнив, наконец, о своем основном задании, Павловский 13 сентября он сел на поезд в Могилеве, 16-го приехал в Москву, там связался с Шешеней, а 18-го прямо со встречи с ЛД отправился на Лубянку. Чекисты не стали с ним долго возиться и предложили ему на выбор два варианта: либо его расстреливают немедленно, так как (против этого не смог возражать даже сам Павловский) он своими действиями по отношению к советской власти не заслужил ничего другого, либо он сотрудничает с ОГПУ. Павловский сломался. Он выбрал второй вариант и написал Савинкову письмо. Правда, попытался при этом схитрить и дать понять, что он арестован.

Перед отъездом в Москву он с Савинковым договорился, что если он будет писать письмо под контролем чекистов, то в каком-нибудь предложении не поставит точку. Павловский так и сделал. Но переборщил. Он несколько раз интересовался у чекистов, не боятся ли они, что он подаст Савинкову какой-нибудь условный сигнал. В общем, когда письмо внимательно прочитали, то отсутствие в нем нужной точки вычислили довольно легко. Павловскому ехидно посоветовали впредь писать письма без ошибок. И тогда он сдался окончательно*.

На допросах Павловский рассказал не только о своих «подвигах», не только о структуре организации Савинкова, ее основных участниках и связях, но и о личной жизни «вождя». Чекистов очень интересовал и вопрос об отношениях между Рейли и Савинковым. Кое-что Павловский рассказал: «Между прочим, он, Рейли, в последнее время женился в Лондоне (три месяца назад) на американке, английско-го воспитания, но имеющей обширные связи в Америке... Насколько мне известно, он имел комиссионную контору

* По некоторым данным, Павловский все-таки «сломался» не до конца. Считается, в 1924 году он был расстрелян, но существует версия, по которой Сергей Павловский стал единственным в истории человеком, который попробовал бежать из Внутренней тюрьмы на Лубянке. Когда его вели на допрос, он якобы выхватил из кобуры конвоира револьвер, убил его, затем застрелил еще одного чекиста, но и сам был убит.

в Лондоне. Обладал обширными связями в английских и американских промышленных кругах. Б. Савинкову он присылал некоторые суммы из Лондона, и уже будучи в Париже, он также передавал ему какую-то сумму.

Для поездки в Америку он имел свои задачи, но попутно с этим должен был сделать разведку в смысле получения нужных средств на политическую работу. Борис Викторович рассчитывает на получение довольно крупной суммы и возлагает на поездку Рейли безусловно большие надежды и по получении средств поведет контрреволюционную работу в самом широком масштабе».

Спросили Павловского и о финансах Союза. Тот признался, что «в данный момент организация почти никаких средств не имеет», но вот возможности на будущее «очень значительные». В самом первом пункте среди перечисленных «возможностей» он упомянул о Рейли: «1) от американцев, куда сейчас поехал в Нью-Йорк Рейли. Туда же повезено и воззвание, и подписной лист российской организации». Другими словами, в плане финансирования Савинкова Рейли по-прежнему считался одним из главных и важнейших источников, хотя к тому времени это было уже не так.

В письмах Павловского, Шешени и других завербованных чекистами агентов Савинкова из Москвы в самом положительном свете характеризовались «подпольщики» из ЛД. Эта переписка продолжалась до весны 1924 года. При этом в письмах из Москвы все настойчивее и настойчивее повторялся призыв к «дорогому отцу»: приехать в СССР и возглавить борьбу. «Сплю и вижу Вас здесь», — писал, например, Савинкову Павловский.

Федоров-Мухин вновь прибыл в Париж 17 апреля 1924 года, но не застал там Савинкова. Тот снова отправился в Италию просить денег у Муссолини. Соратники «вождя» интересовались: почему с ним не приехал и Павловский? Федоров отвечал, что он готовит крупный экс, а еще собирается освободить своего брата, который сидит в Бутырской тюрьме. Поскольку Павловского все знали хорошо, эти объяснения никого не насторожили.

Через четыре дня Федорову передали, что с ним очень хотел бы встретиться еще один человек — господин Рейли. Московский эмиссар ничего не имел против того, чтобы увидеться с ним. Даже наоборот. Он согласился встретиться с Рейли вечером того же дня в одном из парижских кафе. Рейли пришел не один, а с Жозефиной Францевной.

«Могу мечтать о рудниках на Луне»

В январе 1924 года Рейли и Пепита вернулись из Америки в Европу. Сначала в Лондон. Относительно перспектив дальнейшей борьбы с большевиками бывший секретный агент был настроен мрачно. «Прочел “Кандида”*, — писал он Савинкову 15 января. — Очень поучительная книга, в особенности для нас с Вами. Кунигунда — та же Россия, мы по ней вздыхаем, муки переживаем, а она, сволочь, все блядствует! А когда, наконец, мы ее вызволим из плена, то окажется такой противной, что только ахнем и спросим себя — зачем из-за такой хари всю жизнь себе испортили?»

Но вскоре его настроение меняется — в России происходят важнейшие события. 21 января умирает Ленин.

Рейли отметил: «По имеющимся у меня сведениям, у “сволочей” очень неладно в политическом и экономическом смысле. Есть совершенно серьезные предположения в здешних больших сферах, что Троцкий может устроить *coup d'etat***».

Смерть Ленина... шаг вперед. Как бы они ни старались заговаривать зубы, но теперь ясно, что у них “промеж себя” очень неладно и что скоро должно прорваться».

«В *Times* нашел следующую заметку, которая не лишена интереса, хотя, наверное, не совсем точная, — сообщает он 18 февраля. — Образуется вторая оппозиционная группа т. н. экономистов. Она старается сделать Красина своим лидером. Она готова пожертвовать многими крайними коммунистическими принципами и войти в соглашение с умеренными партиями. По достоверным сведениям, представители этой группы недавно совещались в Праге с лидерами Русск. Соц.-Рев. Партии в главе с Черновым. Результаты совещания неизвестны.

Группа эта делает успехи в Москве, но Дзержинский и Зиновьев зорко за ней следят и приготавливаются с ней расправиться. Однако эта группа имеет приверженцев среди членов ОГПУ, что осложняет задачу Дзержинского.

В общих чертах, это, вероятно, так...»

Но, как говорится, жизнь — штука полосатая. Не успел Рейли порадоваться смерти Ленина и разногласиям среди

* «Кандид, или Оптимизм» — повесть французского писателя и философа-просветителя Вольтера, напечатанная в 1758 году. Кунигунда — героиня повести, возлюбленная главного героя Кандида.

** Государственный переворот.

большевиков, от которых, по его собственному признанию, ему «немного полегчало», как сами англичане испортили ему настроение.

В январе 1924 года парламентские выборы в Англии впервые в ее истории выиграла Лейбористская партия во главе с Рамсеем Макдональдом. 1 февраля кабинет Макдональда признал советское правительство и вступил с ним в переговоры. Все это, разумеется, не могло не повлиять на состояние дел в эмигрантском лагере. Вероятность финансирования антисоветских операций западными правительствами существенно снижалась, и Рейли это прекрасно понимал. Правда, он еще рассчитывал на то, что в России начнутся восстания, и вот тогда деньги к ним польются рекой. «Я думаю, что если бы что-нибудь серьезное началось в России, то будет много предложений финансовой помощи... — уверял он Савинкова. — Вся беда только в том, что скачка еще не назначена, и лошади еще не вышли к старту, и тотализатор еще не открылся! Проблема в том, как до той поры дотянуть». Дотянуть, но как?

В Лондоне Рейли вдруг почувствовал, что здоровье его подводит. Напряжение последних лет давало о себе знать. Его мучили бессонница и кошмары, он плакал по ночам от необъяснимых приступов страха. Время от времени он просил Пепиту пообещать ему, чтобы она никогда не вздумала ехать в Россию. Даже в том случае, если он напишет оттуда и будет просить ее об этом.

«Осталось всего два или три человека, с которыми у большевиков особый счет, — говорил Рейли. — Большевики дорого заплатили бы за этих людей — живых или мертвых. Один из них — генерал Кутепов. Другой — Борис Савинков. Большевики постараются заманить их в Россию и затем...» — он вытянул руки и сделал выразительный жест. В том смысле, что следующим должен быть он. Если этот разговор действительно имел место (его описывает в своих мемуарах Пепита Бобадилья), то Рейли оказался необыкновенно проницательным.

Врачи нашли у него признаки истощения нервной системы и посоветовали отдохнуть где-нибудь на Средиземном море. Они уже купили билеты и забронировали места в отелях, но тут, как опять-таки утверждает Пепита, произошло довольно странное событие. Однажды к ним пришел некий человек, который представился Уорнером. На англичанина он похож не был — густая черная борода, голубые глаза, густые черные брови. Скорее, он походил на

итальянца или француза. Хотя по-английски он говорил чисто, без акцента.

Он попросил разрешения поговорить с Рейли наедине. Тот возразил: у него нет никаких секретов от жены. Помедлив, гость начал рассказывать. Он только что приехал из России. Там он состоит в подпольной организации. С ними работают все бывшие агенты Рейли. Организация работает, но у нее нет вождя. Члены этой организации уполномочили его, Уорнера, обратиться к Рейли. Далее, по описанию Пепиты, произошла такая сцена. Рейли спросил, какова настоящая фамилия их гостя.

«Дребков, — ответил Уорнер. — В настоящее время — руководитель белогвардейской организации в Москве. Вижу, что вы все еще не доверяете мне, капитан Рейли. Вот мой паспорт. Я воспользовался английскими документами, чтобы попасть в Англию. Вы продолжаете сомневаться? Вот рекомендательное письмо Савинкова, с которым я виделся в Париже. А вот письмо от... (Уорнер назвал имя видного английского государственного деятеля) с просьбой посетить его, как только я приеду в Лондон.

Сидней тщательно осмотрел все документы и, по видимому, оставил всякие подозрения.

— Да, это рука Савинкова, — подтвердил он.

— А это, — продолжал Дребков, — письмо, или, вернее, петиция, от наших друзей в России. Они умоляют вас, капитан Рейли, приехать в Москву и взять на себя руководство организацией. Смотрите, у меня все для вас готово. Вот паспорт на имя Сергея Ивановича Коновалова, сотрудника Чрезвычайной комиссии. Заметьте, на паспорте нет фотографии и описания особых примет, хотя он подписан и подпись скреплена печатью.

Тут я не выдержала и вмешалась:

— Мой муж не может ехать. Он не здоров. Доктор прописал ему полный покой. Он не может ехать в Россию.

Мои слова прозвучали диссонансом. Сидней задумался. Дребков бросил на меня злобный взгляд.

— Жена права, — сказал Сидней. — Ни на какую работу я теперь не годен. Мне необходимо отдохнуть, восстановить силы. Через некоторое время вы и мои друзья можете рассчитывать на меня.

— Через некоторое время будет поздно, — произнес Дребков. — Мы готовы теперь. Если организация вынуждена ждать, она может распасться. Люди не могут вечно жить надеждой. О, моя несчастная страна! Все пропало.

Вероятно, последняя прижизненная фотография Сиднея Рейли, сделанная уже после его ареста

Дом 19
в Хлебном переулке,
в котором жил
Роберт Брюс Локкарт

Мария Закревская-
Бенкендорф-Будберг

Фотография Рейли на фальшивом паспорте на имя немецкого коммерсанта-антиквара Георга Бергмана, с которым он бежал из России. 1918 г.

Запись о награждении второго лейтенанта Королевского летного корпуса Сиднея Рейли Военным крестом Британской империи

Name.		Corps.	Rank.	Regtl. No.
REILLY (MC)		RFC x	2 nd Lt.	
Sidney George.		RAF	2/lieut	
Medal.	Roll.	Page.	Remarks.	
VICTORY				
RFC ВЪЕТНЬ	x OFF/668	64 F.	209m - 10.X/2409 of 22. 11. 13 - N 107/24704.	
STAR			But Medal Rate CIV/203/36 d/28-3-36 m/15/2404.	
Theatre of War first served in		Соранга		
Date of entry therein		NW/4/24704 K. 1380		

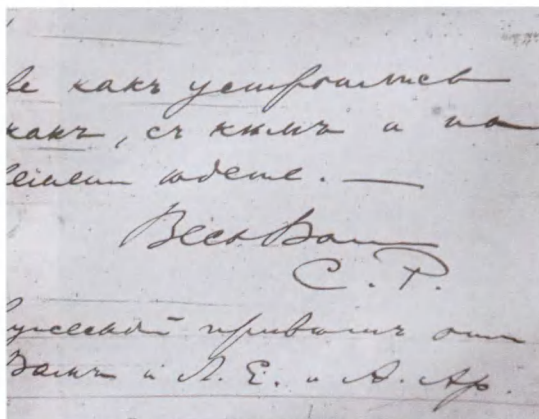
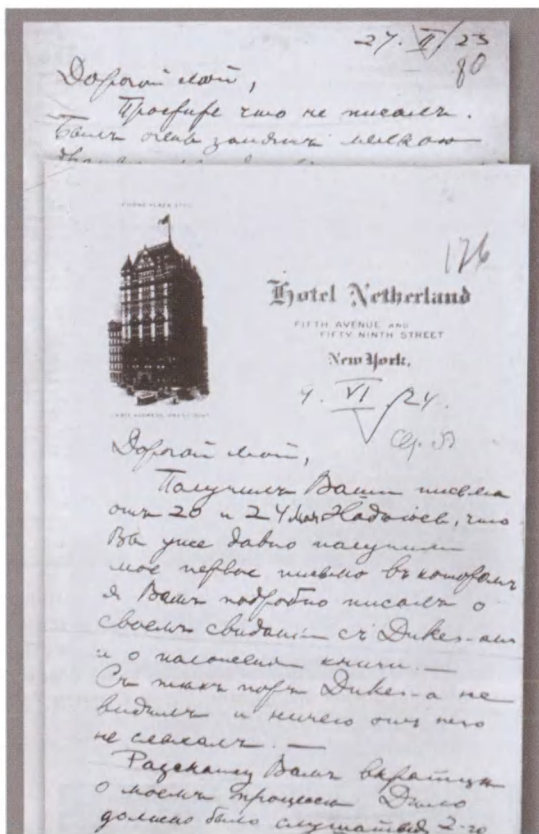

Олбани-хаус
на Пиккадилли
в Лондоне.
Здесь Сидней
Рейли жил
в 1919–1921 годах

Борис Савинков.
1917 г.

Письма Сиднея
Рейли Борису
Савинкову

Свои письма
Савинкову
Рейли обычно
подписывал
«Весь Ваш
Сидней Рейли»

ILLUSTRATED CATALOGUE OF
 THE NOTABLE COLLECTION OF
 MR. SIDNEY G. REILLY
 OF NEW YORK AND LONDON
 LITERARY, ARTISTIC AND HISTORICAL PROPERTIES
 ILLUSTRATIVE OF THE LIFE OF NAPOLEON

TO BE SOLD WITHOUT RESERVE OR RESTRICTION
 BY ORDER OF MR. REILLY
 ON WEDNESDAY AND THURSDAY, MAY 4TH AND 5TH
 AT 2:15 O'CLOCK IN THE AFTERNOONS
 AND 8:00 O'CLOCK IN THE EVENINGS

THE SALE TO BE CONDUCTED BY
 MR. THOMAS E. KIRBY AND HIS ASSISTANTS, OF
 THE AMERICAN ART ASSOCIATION, MANAGERS
 NEW YORK CITY

AND TOMORROW (WED.) NIGHT AT 8
 Concluding Thursday at the Same Hour

At The American Art Galleries
 Madison Square South, New York
 TO BE SOLD AT UNRESTRICTED PUBLIC SALE
 THE SIDNEY G. REILLY COLLECTION
 OF LITERARY, ARTISTIC AND HISTORICAL PROPERTIES
 ILLUSTRATIVE OF THE LIFE OF
NAPOLEON BONAPARTE

"It is one of the finest gatherings of material on this interesting subject that has ever been brought together by a private collector and sold in America. It contains some of the most important items illustrative of the life and times of the great Emperor from his first appearance as a factor in the military life of France, through the eventful days following down to the final stage of his career and death on St. Helena." — THE TIMES.

"As a tribute to the memory of Napoleon Bonaparte, the hundredth anniversary of whose death occurs Thursday, Sidney G. Reilly, of New York and London, has strangled to him his famous collection of art, documents and literature relating to the life of the great Emperor placed on exhibition and sale this week."

"The Reilly collection, comprising more than a thousand historic items, valued in the neighborhood of \$200,000 and said to be the finest assemblage of objects on the subjects in the hands of a private collector, may be seen at the American Art Galleries. Aside from his personal interests in the sale, which commences Wednesday, it was said to be Mr. Reilly's desire to see his collection dispersed in America from educational and patriotic motives and to cement relations, artistic and otherwise, between France and America."

The vast amount of historical matter is featured by the fine display of Napoleonic portraits in painting, enamel, miniature and black and white engraving, manuscripts and letters in the consul's hand, others by his marshals and the Empress Josephine, broadsides, documents and elaborately bound volumes with color plates. Besides the purely personal works there are many that relate to the events of the times and to the associates of Bonaparte."

EMBRACE WHOLE CAREER
"These embrace the period from Napoleon's first appearance as a military factor through the final stages of his career to his death in exile at St. Helena." — ROYAL CORTISSOL, THE TRIBUNE.

***Profusely illustrated Catalogue mailed on request at cost. The sale will be conducted by MR. THOMAS E. KIRBY and his assistants of the
AMERICAN ART ASSOCIATION, MANAGERS
 Madison Sq. South, Entrance 6 X, 124 Street, New York.

«Иллюстрированный каталог коллекции мистера Сиднея Дж. Рейли, жителя Нью-Йорка и Лондона», выпущенный в Нью-Йорке в 1921 году. В нем значилось 1049 предметов, связанных с жизнью и деятельностью Наполеона Бонапарта

Рекламное объявление в «Нью-Йорк таймс» о предстоящей продаже на аукционе «наполеоновской коллекции» Сиднея Рейли. *Май 1921 г.*

Леонид Красин

Сидней Рейли.
1922–1923 гг.

Сидней Рейли.
1924–1925 гг.

Кэрил Хауслэндер.
Фото 1940-х гг.

Пепита Бобадилья

Пепита Бобадилья
в костюмах героинь
своих театральных
ролей

CERTIFIED COPY of an Entry of MARRIAGE
(6 & 7 Wm. IV., cap. 86).

Given at the **GENERAL REGISTER OFFICE,**
SOMERSET HOUSE, LONDON.

Application Number: 9839

REGISTRATION DISTRICT **ST MARTIN**

1922. Marriage solemnized at the Register Office in the **Sistrict of St. Martin** in the County of **London**.

No.	When Married	Name and Residence	Age	Condition	Rank or Profession	Address at the Time of Marriage	Partner's Name and Residence	Rank or Profession at Time of Marriage
20	Eighteenth day 1923	Sidney George Reilly	48	Divorced Husband of Madeline Reilly formerly Messins Steamer	Captain R.A.F. (Retired)	8 Adelphi Terrace Strand W.C.	George Reilly (deceased)	Captain Royal Reserve
		Nelly Fyfe Louise Haddon Chambers	29	Widow		14 Gerrard Street Savoy Strand		

Moved in the Register Office by License before **Sidney Reilly** N.F. Haddon Chambers

The Marriage was solemnized by **Allen Henzies** George Alexander Hill Stephen Alley

By License before **S.D. Parkhouse** Registrar
To Lee Superintendent Registrar

CERTIFIED to be a true Copy of an Entry in the Certified Copy of a Register of Marriages in the District above mentioned.
Given at the **GENERAL REGISTER OFFICE, SOMERSET HOUSE, LONDON,** under the Seal of the said Office, the **12th** day of **June** 19 **23**.

M 3439

Свидетельство о заключении брака между Сиднеем Рейли и Нелли Пепитой Хэддон Чэмберс. 29 мая 1923 г.

Рейли и Пепита в день свадьбы

Афиша лекции
Пола Дьюкса
в Нью-Йорке
«Секретная служба
в красной России».
1923 г.

LEE KEEDICK presents
SIR PAUL DUKES
RENOWNED ENGLISH JOURNALIST, AUTHOR and TRAVELER
RECENT MEMBER of the BRITISH SECRET SERVICE

*Whose amazing adventures in Russia constitute one of the
most thrilling stories ever related on the lecture platform*

Lecture Subject
"SECRET SERVICE IN RED RUSSIA"
Tuesday, February 14th, at 3:30
At the TOWN HALL, 113 West 43rd Street
Under the Auspices of the NEW YORK COLLEGE SETTLEMENT

Exclusive Management of LEE KEEDICK, 437 Fifth Avenue, New York

Борис Савинков
дает показания
в суде.
Август 1924 г.

Chartwell Manor,
Westerham, Kent.

5th September 1924.

Dear Mr. Reilly,

I was deeply grieved to read the news about Savinkoff. I do not, however, think that the explanation contained in your letter to the "Morning Post" is borne out by the facts. The "Morning Post" today gives a fuller account of the proceedings, and I clearly recognise the points we discussed at Chequers about pre-Soviet elections, etc. You do not say in your letter what was the reason and purpose with which he entered Soviet Russia. If it is true that he has been pardoned and liberated, I should be very glad. I am sure that any influence he could acquire among those men would have been powerfully exerted towards bringing about a better state of affairs. In fact their treatment of him, if it is true, seems to me to be the first decent and sensible thing I have ever heard about them.

I shall be glad to hear anything further you may know on the subject, as I always thought Savinkoff was a great man and a great Russian patriot, in spite of the terrible methods with which he had been associated. However it is very difficult to judge the politics in any other country.

Письмо Рейли редактору газеты «Морнинг пост», в котором он требует «защитить честь и доброе имя Бориса Савинкова» и утверждает, что «Савинков был просто убит еще при переходе границы, а его роль на суде "за закрытыми дверями" сыграл загримированный московский чекист». Сентябрь 1924 г.

The Editor of the Morning Post,

Sir,

My attention has been drawn to the article "Savinkoff's Sentential Sentence" published in your column on September 1st. In this article your informant, without adducing any proofs whatsoever and basing himself merely upon rumours, makes the suggestion that Savinkoff's trial was a "stunt" arranged between him and the Krealia aliqne and that Savinkoff has already for some time contemplated a reconciliation with the Bolsheviks.

No more ghastly accusation could be so carelessly hurled against a man whose whole life has been spent fighting tyranny of whatsoever denomination, Czarist or Bolshevik, and whose name all over the world has stood for "No Surrender" to the sinister powers of the Third International.

I claim the great privilege of having being one of his most intimate friends and devoted followers and upon me you devolve the sacred duty of vindicating his honour. Contrary to the affirmation of your correspondent, I was one of the very few who knew of his intention to penetrate into Soviet Russia. On receipt of a cable from him, I hurried back, at the beginning of July, from New York where amongst other things, I was assisting my friend Sir Paul Dukes to translate and to

«Ваше письмо в "Морнинг пост" содержит больше эмоций, чем фактов... Считаю Савинкова великим человеком и великим русским патриотом, хотя и не являюсь сторонником террористических методов, к которым он прибегал в своей борьбе».

Письмо Уинстона Черчилля Сиднею Рейли. Сентябрь 1924 г.

Александр Якушев

Мария Захарченко-Шульц

Тойво Вяха
с орденом
Красного Знамени,
полученным
за его участие
в операции «Трест»

Контрабандист
переходит
пограничную между
Советской Россией
и Финляндией реку
Сестру вблизи
от деревни Алякюль.
1919 г.

Артур Артузов

Станислав Мессинг

Григорий Сыроежкин

Дом 13 на улице Маросейка, в котором был арестован Рейли

Тело Рейли в морге санчасти ОГПУ на Лубянке

В его голосе звучало непритворное отчаяние. Он встал с убитым видом:

— Что скажут наши друзья? С каким ужасным ответом должен я вернуться к ним. Какой удар для их долго лелеянных надежд. Я не посмею показаться им на глаза. Капитан Рейли, вы единственный человек в мире, на которого они рассчитывали. Несчастливая страна! Несчастный народ!»

Рейли предложил на пост «вождя» кандидатуру Савинкова, но Уорнер-Дребков только покачал головой: за Савинковым не пойдут. Расставаясь, он попросил Рейли еще раз встретиться с ним. Они встречались еще дважды. За это время британский агент осторожно навел справки о Дребкове у Савинкова и получил от него самый восторженный отзыв. У Пепиты, однако, сохранялись по отношению к нему какие-то смутные подозрения. Наконец настал день, когда Дребков уезжал в Финляндию. Рейли поехал проводить его на вокзал.

Через некоторое время в квартиру Рейли прибежал какой-то человек и сказал Пепите, что с ее мужем случилось несчастье — он попал под машину. Они сели в автомобиль и поехали в больницу, куда якобы отвезли Рейли. По дороге Пепита вдруг почувствовала укол в руку и потеряла сознание. Очнулась она через некоторое время в аптеке и сразу же позвонила домой. Трубку снял сам Рейли.

Разумеется, ни под какую машину он не попадал. Более того, когда он вернулся домой с вокзала, в квартиру тоже постучался какой-то незнакомец, сообщивший на этот раз, что автомобиль сбил Пепиту и она находится в больнице. Он предложил Рейли подвезти его, но тут как раз раздался звонок — звонила сама Пепита. Незнакомец тут же исчез.

«Их план совершенно ясен, — сказал Сидней Пепите. — Меня хотели похитить и отвезти в Россию. А для этого нужно было удалить тебя на какое-то время. Мы спасены чудом».

Это — очередная история «почти как из шпионского романа». Мемуары Пепиты Бобадилья появились на свет в 1931 году. К тому же рассказы о «длинной руке ОГПУ» были модной темой в Европе. И, кстати, не без оснований. Так что не исключено, что Пепита вставила этот эпизод в свою книгу для того, чтобы придать более драматический, острый характер своему повествованию. А заодно лишний раз подчеркнуть, что ее муж всегда оставался для Советов одним из главных врагов, наравне с Кутеповым и Савинковым.

В конце января 1924 года они все же выехали из Лондона на юг Франции. Остановились недалеко от Канн, на Лазурном Берегу, в городке Теуль-сюр-Мер. Там же проводила отпуск и сестра Пепиты Элис. Правда, отдых их настроение улучшил не слишком сильно. Погода была холодной, да и к тому же Рейли с Пепитой заболели гриппом. Рейли снова хандрит.

«Вот уже две недели мы здесь и все время хвораем. Раздираемся на части от кашля и насморка. Погода сквернейшая... У меня хандра страшная, потерял всякую работоспособность. Причиняю Ж. Ф. массу огорчений... Читаю Ключевского и делаю из него самые пессимистические выводы относительно долготерпения русского народа. Ведь столетиями... терпели и удельных князей, и татар, и московских царей, и Романовых» (24 января).

«От злости, омерзения и тоски прямо рычать хочется. Хочешь спасти Россию (не сволочь, а — Р-а-с-с-е-ю!), а нуждаешься в 50 долларах. С ума сойти!..

В игре в покер выигрывают не тот, у которого лучше карты, а тот, который лучше блефует. Большевики блефовали — Россию выиграли.

Настроение прескверное — боюсь заглядывать в близкое будущее. Только Ж. Ф. не падает духом, уверена, что все хорошо будет — и разбогатеет и “сволочей” победим!» (18 февраля).

«Нечем больше жить. Оставаться дольше здесь, это быть тем лежащим камнем, под который вода не течет. Написал ряду приятелей, которые в совокупности должны мне около 200 £ (sic!), и ни от одного не получил ни франка...

Хотя для окончания моего процесса мое личное присутствие в Нью-Йорке необходимо, я не вижу ни малейшей возможности туда поехать. Для этого и для обратного проезда (надо иметь в виду и проигрыш процесса) нужно по меньшей мере 500 фунтов. Сейчас с таким же успехом могу мечтать о рудниках на Луне... Ввиду всего этого решил приехать в Париж, и, если там не найду ни поддержки, ни “быстрых” денег, поеду искать работу. Думаю, что удастся устроиться так, что пока что не умереть с голоду...» (15 марта).

Другими словами, полноценного отдыха на море у него не получается. Его голова постоянно забита разными неприятными мыслями и главная из них — где взять деньги?

Серьезным ударом по его надеждам стало, например, подписание в Риме 7 февраля 1924 года итало-советского договора о торговле и мореплавании. И Савинков, и Рей-

ли надеялись на помощь Муссолини до самого последнего момента. Летом 1923 года Савинков в очередной раз ездил к нему за помощью, но безрезультатно.

Когда же стало известно, что СССР и Италия ведут переговоры о заключении соглашения, Рейли возмущался в письме Савинкову: «Относительно Р. [«Римлянина», то есть Муссолини. — *Е. М.*] — что теперь сказать? О его подлой интриге со “сволочами” Вам там больше известно, чем мне. Это да — предатель и только!»

Но мало того, тогда же, в феврале 1924 года, правительства СССР и Италии обменялись нотами об установлении дипломатических отношений. Все эти новости выводили Рейли из себя: «Да-с, на Р. можно окончательно плюнуть. Тоже фашист!»

В апреле 1924 года Рейли и Пепита решают уехать с юга Франции в Париж. «Приеду в Париж приблизительно с 1000 франков в кармане, — сообщает Рейли Савинкову незадолго до отъезда. — Главная задача будет вопрос квартиры. На первые несколько дней придется поселиться в гостинице... Отыщите, пожалуйста, маленькую, но чистую гостиницу... где можно было бы найти приличную комнату и приличную ванну каждый день. Авось найдется номер с ванной или с ванной поблизости в коридоре... Можно найти за 40 франков... Простите, что затрудняю Вас такой житейской просьбой, но не к кому больше обратиться».

«Состоялось свидание с Рейли и его женой»

Савинкова они в Париже не застали. Несмотря на убеждение Рейли о том, что больше надеяться на Муссолини нельзя, Борис Викторович в очередной раз уехал на встречу с ним. Так что пока ему пришлось довольствоваться беседой с посланцем «русских подпольщиков» Мухиным-Федоровым.

О том, как именно проходили эти встречи в Париже, существует весьма интересный документ, который хранится в архиве ФСБ и носит название «Доклад А. П. Федорова о 8-й командировке за рубеж. Москва — Варшава — Париж (по савинковской линии)».

Согласно докладу, вечером 21 апреля «состоялось свидание с Рейли и его женой». Встретились они в одном из кафе. Любопытная деталь — Любовь Ефимовна Дикгоф-Деренталь передала Федорову просьбу Савинкова: пока

ничего не говорить Рейли об организации и организационных вопросах, а ограничиться только информацией о Советской России.

На встрече, по словам Федорова, Рейли очень интересовался самыми различными вопросами — экономикой, положением в РКП(б), возможностью раскола в партии, внутрипартийной оппозицией. Затем он начал спрашивать об условиях жизни в России, необходимых для этого документах, строгостях в прописке, поездках по железным дорогам, проверке документов при переходе через границу. Рейли спросил: возможна ли по техническим условиям поездка Савинкова в СССР? Федоров ответил, что вполне возможна, добавив от себя, что такая поездка вообще дала бы максимум пользы. Рейли сказал, что 22 апреля он уезжает в Америку, но вернется недели через три-четыре, как раз к моменту приезда «Сержа» (Павловского) в Париж. Но на следующий день Любовь Деренталь сообщила Федорову, что англичанин решил дожидаться Савинкова и отложить поездку на две недели.

Рейли, отмечал чекист, заявил, что в данное время «никто из политдеятелей эмиграции не пользуется никаким доверием у французов, англичан, чехов, итальянцев и пр., кроме Б. Савинкова. Все пока к нему относятся с уважением, но все-таки финансовая сторона мертва, никто не дает ни копейки».

Кстати, по некоторым данным, в беседах с Федоровым Рейли тоже высказал пожелание лично познакомиться с работой подполья. Федоров обещал сообщить об этом своему начальству и не соврал: пожелание Рейли он передал в ОГПУ. Так что в каком-то смысле можно говорить о том, что британский разведчик сам взвел механизм собственного уничтожения. Но пока об этом никто, естественно, еще не догадывался.

По словам Федорова, Рейли был очень доволен и переводил разговор своей жене, не понимавшей по-русски. Она сама отделивалась ничего не значащими фразами. Дело в том, что она, в отличие от своего мужа, никакого восхищения от Савинкова не испытывала, скорее наоборот. Но, вероятно, из уважения к Рейли держала свое мнение при себе. И только в 1931 году, когда вышли ее мемуары, Пепита рассказала все, что она думала о нем. Образ Савинкова в ее книге получился даже чересчур карикатурным.

Еще в июле 1923 года, незадолго до своего отъезда в Америку, Рейли и Пепита встретились с Савинковым в

парижском отеле «Чатэм». Он явился на встречу, окруженный многочисленной охраной, заявив, что всерьез опасается, что его может похитить ОГПУ. Разумеется, жена Рейли не была в курсе всех подробностей его жизни и деятельности, но субъективно он, по ее утверждению, произвел на нее неприятное впечатление: «Мое первое свидание с великим русским героем [тут она даже не смогла скрыть своей иронии. — *Е. М.*] состоялось в гостинице “Чатэм”. Увидев Савинкова, я была разочарована. Зная, что мой муж очень восхищается им и смотрит на него как на надежду России, я решила держать свое неблагоприятное мнение при себе. Маленький осанистый человек важной походкой вошел в комнату. Нависший лоб, маленькие глаза и срезанный подбородок. Этот человек встал перед камином в позу императора. Он поворачивался к нам то одной, то другой стороной своего профиля. То клал руку за борт своего пиджака, подражая Наполеону, то потрясал ею в воздухе театральным жестом. Когда он хмурился, облако заволакивало всех представителей его свиты. Если он улыбался, ответные улыбки появлялись на их лицах. Когда он шутил, что было весьма редко, то шутку встречали скромными и почтительными улыбками».

Этот разговор, как писала Пепита, касался главным образом денежных фондов. Деньги были необходимы не только на организацию контрреволюции, но и на содержание самого Савинкова.

Вряд ли за прошедший год ее отношение к «русскому герою» изменилось.

Кстати, в материальном отношении в Париже Савинкову и его окружению действительно жилось не слишком легко. Тот же Рейли, например, по-прежнему уверял его, что готов помочь ему, но денег у него сейчас нет. Эндрю Кук, впрочем, считает, что в письмах Савинкову он просто приbedнялся. И что ему начало надоедать выступать в роли его денежного мешка. Приbedнялся — это вряд ли. А вот некое раздражение от того, что он столько лет, и безрезультатно, ищет деньги для Савинкова, у него вполне могло возникнуть. «Антибольшевистским вопросом я усиленно занимался всегда и посвящал ему большую часть времени, энергии и личных средств, — вспоминал Рейли. — Касаясь личных средств, могу, например, указать, что савинковщина с 1920 по 1924 год обошлась мне самому по скромному расчету в 15—20 тысяч фунтов стерлингов». Очень большая сумма по тем временам. Впрочем, тогда, весной 1924 года,

он всячески заверял Савинкова, что по-прежнему будет искать для него средства. И, вероятно, не врал.

28 апреля 1924 года в Париж из Рима вернулся разочарованный Савинков. Как и предполагал Рейли, на Муссолини надежд не было никаких. Начались переговоры Савинкова с представителем ЛД. Чекист Федоров сразу же заметил — Савинков не скрывал, что будет очень благодарен за материальную помощь из Москвы.

Федоров встречался с Савинковым, Рейли и его женой, Деренталями в кафе, на прогулках, и они довольно живо обсуждали как общеполитические проблемы, так и совместные дела, совмещая это с игрой в шахматы или бильярд. «30.04 были в кафе, — сообщал Федоров, — было нас пять: я, Рейли с женой, Савинков с Л. Деренталь. Играли в шахматы и бильярд. Шахматист Савинков хороший, на бильярде играет плохо». Разговор шел, в частности, об отношениях Англии и СССР. Рейли по этому поводу высказался так: «Большевики требуют кредитов, думая, что английское правительство может их дать. Ничего подобного. Крупных денег, кредитов у английского правительства нет. Их могут дать только коммерсанты, но ничуть не правительство».

Что говорила на этих встречах Пепита, и говорила ли она что-то вообще, кроме светских пустяков, осталось неизвестным. Но любопытно, что позже Рейли утверждал, что она прекрасно понимала, кем действительно является Андрей Федоров. «Она очень много перестрадала за это время, — писал он в письме Александру и Вере Мягковым 20 сентября 1924 года. — Поразительно, что она единственная из нас всех, которая ни на минуту не переменяла своей глубокой уверенности в провокаторской роли Андрея Павловича».

Второго мая отмечали именины Савинкова в Булонском лесу. Федоров вручил ему 100 долларов в качестве содержания председателя ЦК объединенной организации ЛД и савинковцев. Савинков был очень растроган. Вечер провели в кафе «Трокадеро», куда пришел и Рейли. Опять играли в шахматы и на бильярде, и вели разговоры.

Переговоры в Париже продолжались до 8 мая. Савинков начал склоняться к тому, чтобы действительно поехать в СССР. Когда Федоров спросил его, как же он, такая крупная величина, скроет свой отъезд из Парижа, Савинков ответил, что замаскирует его якобы поездкой в Японию. Правда, Савинков согласился ехать только при одном ус-

ловии — за ним в Париж должен приехать сам Павловский. Он настолько верил ему, что у него даже не возникало мысли, что его могут завербовать чекисты*.

Вечером 8 мая Федоров, съездив с Савинковым и Любовью Деренталь на скачки в Булонский лес, проводил его на ужин в кафе «Трокадеро», расцеловался с ним и с ней и отправился на вокзал. Затем он отбыл в Варшаву, а еще через несколько дней якобы нелегально (на самом деле, через устроенное чекистами «окно») перешел советскую границу и вернулся в Москву.

На последних встречах с «московским гостем» в Париже Рейли и Пепита не присутствовали. 7 мая они отплыли в Нью-Йорк. Потом Рейли считал, что совершил ошибку и что ему не надо было оставлять Савинкова наедине с Федоровым, но в Америке его ждали очень срочные дела, которые еще могли изменить и его жизнь, и жизнь Бориса Савинкова.

«С очень тяжелым сердцем думаю о Ваших намерениях»

Приехав в Нью-Йорк, Рейли и Пепита, несмотря на свое безденежье, снова поселились в престижном районе — в отеле «Незерлэнд» на углу Пятой авеню и 59-й улицы.

Рейли в Америке действительно ждали срочные дела. На 2 или 4 июня были назначены судебные слушания по его делу. Он целыми днями совещался с адвокатами, которые всячески обнадеживали его. Тем временем компания «Болдуин» предложила ему закончить дело миром и выплатить компенсацию в 25 тысяч долларов. Но Рейли эта сумма

* Потом, уже в тюрьме, Савинков, впрочем, напишет о Павловском следующее: «В сущности, Павловский внушал мне мало доверия. Помню обед с ним в начале 23-го года с глазу на глаз в маленьком кабаке на рю де Мартин. У меня было как бы предчувствие будущего, и я спросил его: “А могут быть такие обстоятельства, при которых вы предадите лично меня?” Он опустил голову и ответил: “Поживем — увидим”. Я не мог думать, что ему дадут возможность меня предать. Чекисты поступили правильно и, повторяю, по-своему, гениально. Их можно за это только уважать. Но Павловский! Ведь я делился с ним, как с братом, делился не богатством, а нищетой. Ведь он плакал у меня в кабинете. Вероятно, страх смерти? Очень жестокие лица иногда бывают трусливы, но ведь не трусил же он сотни раз... Я не имею на него злобы. Так вышло...»

показалась смехотворной. Еще бы, ведь он рассчитывал получить аж 750 тысяч! «Или пан, или пропал... — писал он. — Живу надеждой на выигрыш процесса. Что будет, если проиграю — не знаю».

Однако еще через несколько дней выяснилось, что слушания переносятся на осень. 9 июня 1924 года он отправляет Савинкову большое письмо. В его первой части он рассказывает о том, как обстоят дела с его процессом: «Дело должно было слушаться 2 июня. Пошли отсрочки со дня на день. Противная сторона прилагает все усилия, чтобы отложить слушание дела на осеннюю сессию. Настоящая (летняя) сессия закрывается 24 июня — значит, через 2 недели... Я очень боюсь, что противникам удастся получить... отсрочки и что мое дело будет выкинуто из настоящей сессии. Со стороны я знаю, что мои противники надеются таким образом взять меня измором и принудить меня пойти на мировую за незначительную сумму. Они готовы были дать до 25 000 долларов — чтобы покончить. Т. к. мой иск на 750 000 долларов и т. к. все маневры противников показывают, что они боятся проиграть дело, то я решил слохнуть, но не сдать. Если дело будет отложено на октябрь, то мне придется остаться здесь, т. к. на отъезд и обратный приезд я ни в коем случае не могу найти денег. Чтобы оставаться здесь, тоже нужны деньги, но значительно меньше. Как только буду знать окончательно, что дело в текущую сессию не попадает — начну искать какое-нибудь занятие, которое дало бы возможность прожить здесь. Если это не удастся (что весьма вероятно), уеду в деревню и буду жить где-нибудь холуем на ферме. Для этого тоже нужны деньги, но я думаю, что их-то я соберу. Пока что у меня в кармане 11 долларов. Завтра пойду искать денег.

Вот Вам мое прелестное положение. Бывает хуже, но не часто.

Остаться здесь еще на 4 месяца для меня величайший ужас по многим причинам, из которых самая большая та, что за это время Вы можете уехать и что мы так с Вами можем разъехаться, что, пожалуй, никогда больше не увидимся.

Но я совершенно не вижу другого решения для себя. Вернуться сейчас нет никакой возможности. Из-за этих проклятых денег жизнь превратилась в полнейший кошмар; нужно попытаться с этим раз и навсегда покончить, благо на это есть кое-какие шансы. Я думаю и надеюсь, что Вы одобрите мое решение.

Если дело все-таки попадет в текущую сессию и я его выиграю или закончу миром на хороших условиях, то я, понятно, незамедлительно приеду. Если же я его проиграю (что почти что невероятно), то, считайте, что моя песенка спета. Слишком запутался. Ну, посмотрим — ведь все равно, судьбы не миновать».

Конечно, тратить ему приходилось немало: адвокаты стоили недешево и деньги на их услуги, как признавался Рейли, «улетали, как в открытую форточку». В Америке ему пришлось даже окончательно распродать остатки своей наполеоновской коллекции. Так что если он и прибудет перед Савинковым, то не слишком сильно.

В этой части письма обращает на себя внимание и строчка о том, что самым большим ужасом для Рейли было бы то, что Савинков за это время мог бы уехать, и они больше никогда не увидятся. Далее Рейли развивал эту мысль и открыто указывал Савинкову на опасность его возможной поездки в СССР.

«С величайшим нетерпением буду ждать Ваших сведений о приезде Serge* и о Ваших планах после его приезда. Из того, что читаю здесь о сволочах, я вынес убеждение, что их положение сейчас крепче, чем было в начале года, и что время для каких-нибудь решительных действий еще не пришло. Поэтому я с очень тяжелым сердцем думаю о Ваших намерениях. Если у Serge есть действительно что-нибудь серьезное в смысле организации, так пусть попытаются смастерить хоть какую-нибудь средней величины ликвидацию. Это показало бы, насколько Ваша подготовка может быть рационально допустимой. Я отлично понимаю, что помимо всяких “рациональных” соображений есть еще и более важное душевное состояние “невозмогу больше” (нечто вроде “категорического императива”), и, верьте, что душевное состояние я давно уже с Вами разделяю, но, что касается Вас, страшно, чтобы сволочи получили лишний триумф». Впрочем, Рейли оговаривался: «Написав это, я вдруг почувствовал, что, сидя здесь, я даже бормотать не имею права...»

Тяжелые предчувствия на самом деле тревожили его — это потом подтверждала и Пепита. Рейли все-таки решил вернуться в Европу — до суда было еще много времени. Хотя и писал, что для этой поездки ему «нужно достать минимум 1200 долларов. Тогда у меня хватит на покупку туда

* То есть о Сергее Павловском.

и обратно на грузовые пароходы и на жизнь до середины октября. Рыщу с высунутым языком. Главный мотив — жажда повидаться с Вами...».

Деньги он нашел, и в начале июля они с Пепитой снова были во Франции. Успели как раз вовремя. 24 июля в Париж прибыл и посланец ЛД Федоров-Мухин. Начинались решающие переговоры о поездке Савинкова в Советский Союз, хотя Рейли все-таки не терял надежды уговорить его отказаться от этой затеи.

«Савинков давно уже не был наш»

Когда Федоров привез в Москву согласие Савинкова приехать в СССР, но с условием, что за ним приедет Павловский, на Лубянке пришлось устраивать настоящий «мозговой штурм». Придумали следующее: вроде бы Павловский не выдержал бездействия, уехал на юг и там пытался ограбить почтовый вагон поезда с деньгами. Во время ограбления его якобы тяжело ранили в грудь и в пах, так что приехать в Париж он никак не может. Павловский под контролем сотрудником ОГПУ написал Савинкову соответствующее письмо.

Резиденту Савинкова в Вильно Ивану Фомичеву, прибывшему для очередной проверки, предъявили как «раненого» Павловского, так и «партизан» в горах Кавказа, с которыми полковник, по легенде, участвовал в нападении на поезд. Главаря этих партизан сыграл сотрудник КРО ОГПУ Ибрагим Абиссалов, служивший во время Первой мировой войны офицером знаменитой Кавказской туземной конной дивизии, известной еще как «Дикая дивизия». Запомним этого человека.

В ночь на 15 июля Федоров и Фомичев перешли границу с Польшей. 24 июля они были уже в Париже. Устроившись в отеле, Федоров и Фомичев сразу же отправились искать Савинкова. Нашли его в ресторане, где он ужинал вместе с Любовью Ефимовной. Они очень обрадовались приезду «гостей». Савинков поинтересовался, почему не приехал Павловский, и был, по словам Федорова, вполне удовлетворен, когда услышал рассказ о его «ранении во время экза».

В тот же вечер в кафе Федоров встретился с Рейли. Он тоже интересовался положением дел в России, состоянием здоровья Павловского и т. д. Пепита, которая, по ее словам, тоже была на этой встрече (Федоров о ней почему-то

не упоминает), в своих мемуарах описывала ее так: «Тот, которого знал Савинков [Фомичев. — Е. М.], был бледен, а его глаза тревожно бегали по комнате. Другой, Андрей Павлович [Федоров], холодно усмехался и не сводил глаз со своего товарища. Этот взгляд был жесток и пронизателен. Картина эта напомнила мне игру кошки с мышью. Тот, которого знал Савинков, видимо, находился во власти панического страха: даже в безопасном, цивилизованном Париже он чувствовал, как щупальца ЧК сжимают его».

На следующий день на квартире Савинкова начались уже более конкретные переговоры. Прочитав письмо Павловского о том, что он ранен и что не может лично приехать за ним в Париж, он неожиданно задал вопрос Федорову — как его писал Павловский, сидя или лежа? Это еще раз подтверждало, что, несмотря на все неприятности, Савинков по-прежнему оставался, как он о себе говорил, «старой подпольной крысой». Но и в ОГПУ готовились основательно. Павловский играл роль раненого так, как надо, и писал письмо лежа.

Федоров докладывал, что Савинков «сейчас же сообщил, что едет со мной, но пока не знает, поедут ли Л. Е. и А. А. Дерентали... На другой день он сообщил, что едут все трое...». По версии жены Рейли, все обстояло иначе. Первой реакцией ее мужа, по ее утверждениям, были слова: «Не надо ехать». «Не верьте, это провокация», — говорил он каждый раз, когда спрашивали о его мнении.

«Госпожа Деренталь горячо приняла сторону московских эмиссаров и заявила, что немедленно едет в Россию, независимо от того, как поступят остальные, — отмечала Пепита в мемуарах. — Каждый вечер мы встречались и продолжали спорить. Эмиссары Павловского иногда присутствовали, иногда нет. Но порознь мы их никогда не видели. И каждый вечер был повторением прошлого: Сидней возражал, Савинков сомневался, Деренталь становился все более озабоченным, а его жена все более многословной. На лбу посланца Павловского выступали капли пота, губы его дрожали. Три недели Савинков обдумывал свое решение».

Сам Рейли в письме сестре Савинкова Вере Мягковой и ее мужу Александру Мягкову позже утверждал, что действительно до самого конца пытался отговорить Бориса Викторовича от этого шага. «Ведь я ему в течение месяца ежедневно рисовал картину провокации точно в том виде, в котором она в действительности и произошла! — негодовал он. — А из-за поездки Л. Е. я ведь с ним почти что разо-

шелся! Что же больше можно больше сделать? Ведь он абсолютно никого и ничего слышать не хотел! Никто все это так хорошо не знает, как Вера Викторовна...»

Понимал ли Савинков, что вся эта подпольная организация — лишь ширма, за которой стоит ОГПУ? Неужели у него не появилось никаких подозрений? А если появились, то почему все-таки не послушал Рейли? Бывший английский шпион был уверен в том, что все это Савинков прекрасно понимал, но давно уже «психологически созрел» к измене и только ждал каких-либо «сигналов» из Москвы, чтобы начать «торговлю» с большевиками.

«Вам, Вера Викторовна, мучительнее всего примириться с мыслью, что Савинков давно уже не был наш и что, по-видимому, он давно нас всех обманывал... — писал он сестре Савинкова. — Вероятнее всего следующее: уже целый год Савинков душевно очень шатался, прежней цельности уже не было (это теперь, по-моему, видно), один удар за другим ясно доказывает ему, что за границей он в тупике; естественно, что огненная натура всеми фибрами ухватилась за заманчивые перспективы, рисованные провокаторами. Он так желал деятельности, так боялся эмигрантской “водосточной трубы”, что он цеплялся за эти перспективы, несмотря на все наши увещевания. При его уме и опытности он провокацию видел так же ясно, как мы, но он надеялся ее перехитрить».

Существует, кстати, еще одна, похожая версия. Согласно ей, Савинкова действительно «купили» не тем, что он возглавит в СССР мощную подпольную организацию, а некими перспективами сотрудничества с «умеренными» большевиками в руководстве страны и, возможно, даже создания нового правительства с его участием. То есть якобы продолжалась игра, которую Рейли и Савинков затеяли еще в декабре 1921 года на переговорах с Леонидом Красиным. И что, возможно, именно тогда Борис Викторович через пресловутых ЛД наконец-то получил какие-то сигналы из Москвы о том, что с ним готовы договориться. Вот он и ехал договариваться, прекрасно понимая, что за московскими гостями стоят чекисты, и не слушая предупреждений Рейли.

Известно, что сам Савинков обсуждал с Рейли вариант своего «внедрения» в советское руководство неоднократно. В письме Черчиллю от 5 февраля 1923 года Рейли, например, писал: «Совсем недавно большевики сделали попытку найти подход к Савинкову с помощью одного весьма вид-

ного парижского банкира, друга Красина, с целью выяснить, не прекратит ли Савинков свою борьбу и не присоединится ли к правому крылу большевиков.

Все сообщения, получаемые из России, свидетельствуют о том, что финальная схватка между правыми и левыми приближается... Конфликт не может быть разрешен иначе как с помощью оружия, но среди правых нет решительных людей. Главная причина их союза с Савинковым в том, что они хотят привлечь его как человека, который уничтожит левых.

По нашему мнению, время для такого союза (даже если он был бы только временным) еще не пришло. Необходимо ждать, пока конфликт между правыми и левыми обострится. Таким образом, Савинков поступает мудро, действуя пока сдержанно. Однако для меня предельно ясно, что время Савинкова придет, что такой человек, как он, не может погибнуть. По моему глубочайшему убеждению, и я осмеливаюсь считать, что Вы придерживаетесь того же мнения, он предназначен для того, чтобы сыграть великую роль в истории России».

Сложно сказать, продолжал ли Рейли летом 1924 года по-прежнему надеяться на «перерождение большевиков», как и полтора года назад. Но идея поездки «к «сволочам» у него явно вызывала подозрение. Правда, ходили разговоры о том, что и сам Рейли сначала собирался ехать вместе с Савинковым «внедряться». Но потом передумал.

Савинкова от поездки ему отговорить не удалось. Рейли был прав в одном — он очень боялся постепенного политического угасания и забвения в эмиграции. А поездка в СССР давала ему хоть какой-то шанс на будущее.

Писатель Александр Куприн вскоре напишет: «Савинков уже не мог жить без стремительного движения, без яростной борьбы, без хождения по ниточке между жизнью и смертью, без громадных чувств напряжения и победы. Это — страсти сильнее и неотвязнее всех наркотиков. Бессознательная инерция движения довела его до московского судилища и... позора». Как бы то ни было, он сам выбрал свой путь.

* * *

Решившись на поездку в Советский Союз, Савинков написал завещание с подробными указаниями о том, как делить в случае его гибели между родственниками его деньги, архивы и сочинения. Часть средств он, вероятно, пере-

дал на хранение Рейли, поскольку в его завещании есть и такая строчка: «Все деньги, принадлежащие, находящиеся в этот момент у сестры моей Веры Викторовны Мягковой или у Сиднея Георгиевича Рейли... разделить между моими близкими».

Незадолго до отъезда он увиделся с Владимиром Бурцевым, которого называли «охотником за провокаторами». Савинков с восторгом начал рассказывать о «могучей революционной организации», действующей в России. Опытный Бурцев, однако, потребовал от него не ехать в СССР, так как, по его мнению, это была поездка на верную гибель, и Савинков неминуемо угодил бы в сети чекистов. «Я не могу поверить в существование такой крупной и разветвленной организации, — говорил он. — Все это так далеко от советской действительности. Такая большая организация не может ускользнуть от ока ГПУ. Она насквозь проедена провокацией. И если она еще не ликвидирована, то только потому, что ее ликвидация не входит в планы ГПУ. Вас ожидает грандиозный провал. Подумайте о возможных трагических последствиях».

Но Савинков прервал Бурцева взволнованной речью: «Моя поездка в Россию решена. Остаться за границей я не могу. Я должен ехать... Я еду в Россию, чтобы в борьбе с большевиками умереть. Знаю, что в случае ареста меня ждет расстрел... Своим судом и своей смертью я буду протестовать против большевиков. Мой протест услышат все!»

«Да, я подозревал, что мной играют, — писал Савинков в своих показаниях на Лубянке. — Да, я считал, что у меня есть 20% на арест. Но моя революционная совесть не позволяла мне оставаться в Париже. Я *должен* [курсив Савинкова. — Е. М.] был, все равно какой ценою, решить для себя вопрос: ошибся ли я, начиная борьбу против РКП, или нет? С РКП русский народ или нет? Хочет русский народ освобождения или нет? И не навязываю ли я ему своей воли?.. Если бы посланные ко мне люди сказали мне правду о России, т. е., сказали бы, что народ с РКП, я бы еще в Париже заявил, что прекращаю борьбу, как и хотел это сделать».

Девятого августа в Париже устроили прощальный обед по случаю отъезда Савинкова и Деренталей. В нем участвовал и Рейли, который оставался во Франции до конца августа. Потом он снова собирался вернуться в Америку.

На следующий день Савинков, Дерентали и Федоров выехали в Варшаву. 13 августа они уже были в Вильно. 14-го Федоров один перешел советскую границу, чтобы подгото-

вить переход Савинкова. Там он провел совещание с чехистами Сергеем Пузицким, Яном Крикманом, Романом Пилляром, которые под видом активистов ЛД должны были ждать прибывающего из-за границы «вождя освободительного движения». 15 августа 1924 года группа во главе с Савинковым (по советскому паспорту — Виктор Иванович Степанов) перешла польско-советскую границу.

**«Рвуть кричать на весь мир,
что Савинков не предатель»**

Друзья Савинкова за границей в первое время, разумеется, понятия не имели о том, что с ним происходит в СССР. Рейли не был исключением.

Первые признаки беспокойства у них появились где-то через неделю после перехода Савинкова и его спутниками советской границы.

Рейли знал о маршруте, по которому Савинков и его спутники должны были добраться до Москвы. По всем расчетам, они должны уже были дать знать о себе. Но почему-то молчали. Да и могущественные и вездесущие «Либеральные демократы» вдруг бесследно исчезли.

В первую очередь беспокоились, конечно, родные и близкие Савинкова. 8 августа Рейли написал ободряющее письмо его сестре Вере и ее мужу Александру Мягкову в Прагу. Вероятно, это был ответ на их тревожно-недоуменное послание о том, что с Борисом Викторовичем, возможно, случилось что-то нехорошее. Но Рейли еще пытался успокоить их.

«Как ни велико наше беспокойство за дальнейшую судьбу Б. В., каким возмущенным догадкам мы ни предавались бы, мы все здесь единодушно поняли, что иначе он не мог поступить ни с точки зрения политической, ни по своему психическому состоянию, — писал он. — На все есть времена и сроки, и если в течение последних двух лет я всячески, по мере моих сил, старался сдерживать стремление Б. В. уехать, то на этот раз я чувствовал, что дальнейшие убеждения будут и бесполезны, и неуместны, ибо, совершенно объективно рассуждая, я думаю, что действительно времена и сроки близки теперь и что он не мог упустить этого момента.

Если все обойдется благополучно (а я инстинктивно верю в звезду Б. В.), то я убежден, что его поездка ознаме-

нует собою эпоху в ходе событий. Во всяком случае, она откроет пути к широкой деятельности. Если даже предположить, что он не сделает ничего окончательного, вернется через 6—9 месяцев и оповестит мир (посредством соответствующей книги) о своей поездке, о том, что он видел, и о своих выводах, то и одно это будет огромно и сразу выдвинет его на первое место как в России, так и всюду, и откроет новые перспективы работы.

Тяжелее всего нам, которые должны оставаться по эту сторону, надеяться и ждать. Теперь важной становится более тесная связь между нами...»

Далее он сообщал, что 6 октября собирается уехать в Нью-Йорк, где должно, наконец, состояться слушание его дела в суде.

Однако тревога за судьбу Савинкова нарастала. 20 августа Рейли вновь пытается успокоить его сестру: «Можете себе представить, с каким лихорадочным вниманием я следил эти дни за всеми газетами. Т. к. до сегодняшнего дня никаких тревожных известий нигде не появлялось, то мы можем с полным удовлетворением принять, что самый критический момент, т. е. проезд до места, прошел вполне благополучно. Если бы что-нибудь случилось в пути, то эти господа не преминули бы раструбить это всему миру. Теперь можно хоть немного успокоиться».

Рейли как в воду глядел. В Москве просто не очень то ропились раструбить на весь мир о том, что на самом деле произошло с Савинковым. Только в ночь на 29 августа советское информационное агентство РОСТА взорвало сразу три информационные бомбы. Оно распространило сообщения: «Арест Б. В. Савинкова», «Суд над Б. В. Савинковым» и «Последние известия», в которых говорилось о датированном «20-ми числами августа» аресте, двухдневном судебном слушании и последнем слове самого Бориса Викторовича.

Каждое из них представляло настоящую сенсацию. Но главной сенсацией было все-таки то, что Савинков на суде признал свою вину, публично отрекся от своей прошлой борьбы и, наконец, объявил, что признает советскую власть. Все это казалось настолько невероятным, что сообщениям из Москвы многие просто не поверили, а большевиков сначала обвинили в провокации и вранье.

Узнав 29 августа от своих знакомых журналистов о сенсационных новостях из Москвы, потрясенный Рейли тут же написал письмо сестре Савинкова и ее мужу в Прагу.

Он не дожидается даже появления этих сообщений в газетах. Но его первая реакция — им не надо верить: «Дорогие друзья, завтра Вы, вероятно, прочтете в Ваших газетах это потрясающее известие (прилагаю вырезку из сегодняшнего “Temps”). Мне оно было сообщено от одной знакомой редакции сегодня утром. Исходит оно из Агентства Navas*, которое его получило от своего московского агента вчера ночью с датой 28-го.

Оставляя в стороне все наши личные переживания (и Ваши, и мои), я спешу поделиться с Вами теми соображениями, которые вызваны у меня этим известием.

1. До получения точных подтверждающих данных, это сообщение не следует считать положительным и окончательным. Для этого есть целый ряд оснований.

а) Если арест произведен 20-го, а суд 25-го, почему эти факты предаются гласности только 28-го? Казалось бы, все говорит за то, чтобы немедленно похвастались бы.

в) От 20—28 прошло достаточно времени, чтобы за границей появилось перепечатки из “Известий”, в которых такой крупный факт непременно был бы напечатан. Обычно самые интересные известия из сов. прессы передаются за границу телеграфно из Риги и из Ревеля.

с) Возможен ошибочный арест совершенно другого лица.

d) Возможно, что арестован Ал. Ар., [Александр Аркадьевич Дикгоф-Деренталь. — *Е. М.*], намеренно выдающийся за Б. В.

е) Возможно, что большевики, что-то такое зная, прибегли к такому способу, чтобы усыпить внимание и т. д.

2. Считаю поэтому, что до полного подтверждения мы все должны занять в высшей степени сдержанную позицию и даже подчеркивать крайнюю невероятность этого события.

3. Если же событие подтвердится (впрочем, уже в течение 2—3 ближайших дней), то каждому, по мере своих сил и связей, поднять самую энергичную агитацию, в основу которой положить защиту человека с огромным прошлым и с большим литературным талантом (слишком большое ударение на антибольшевистской деятельности могло бы отозваться крайне прискорбно).

* «Гавас» — французское телеграфное агентство, существовавшее в 1835—1940 годах, считается первым в мире агентством новостей. Получило название по фамилии своего основателя — Шарля Луи Гаваса.

4. Слишком большая поспешность и потому нежелательна, что каждый час может одному из нас принести известие, дающее нужное руководство...

5. Приложенная вырезка явно содержит в себе невероятные несуразности, на которых даже не стоит останавливаться...

Надеюсь, Вы согласитесь с высказанными мною выше соображениями и моим способом действия.

Совершенно нет слов сказать Вам, что переживаю...

Жена совершенно убита горем, горячо обнимает Веру Викторовну».

Тем временем газеты сообщают: Савинков приговорен к смертной казни, но приговор ему смягчают до 10 лет тюрьмы. Каждый следующий день наносил новый удар по предположениям Рейли. По его письмам Мягковым видно, что под тяжестью поступавшей из Москвы информации он был вынужден постепенно признавать то, что, казалось бы, признать вообще невозможно.

Сначала приходится признать, что арестован действительно Савинков. 30 августа Рейли пишет: «Все мои вчерашние соображения (продиктованные естественным чувством осторожности) оказались “бормотанием” (по выражению Б. В.). Сегодня уже нет никакого сомнения, что арест, суд, осуждение на смерть и изменение приговора на 10 л. тюрьмы — состоялись. Понятно, не нужно придавать никакого значения так называемым “признаниям”. Это очередная большевистская грязь. Напротив, даже из этих отрывочных сведений ярко выступает, что Б. на суде держался так, как именно ему подобает... Ясно, однако, что теперь ввиду смягчения приговора у всех нас вырвана почва для какой-никакой агитации в личную пользу Б. В... Быстрый (можно сказать, скоропалительный) процесс и смягчение приговора указывает на боязнь и слабость противника, а созданная гласность и тюремное заключение увеличивает легенду, славу и силу».

Он еще не склонен верить признаниям и раскаяниям Савинкова, хотя уже 2 сентября признает, что «положение с каждым днем становится кошмарнее». «Одна агентская телеграмма хуже другой, — возмущается Рейли. — Последняя уже долгалась до того, что Б. В. назначен начальником иностранного отдела ГПУ!!! Но, понятно, не в этих клеветниках дело! А главное в двух вопросах: 1) какова действительная судьба Б. В.? 2) как реагировать по отношению к мировому общественному мнению...»

В это же время он пишет статью на английском языке, которую собирается разослать в редакции британских и американских газет. В ней он опровергает «домыслы» о предательстве Савинкова.

Второго сентября орган Народного союза защиты Родины и Свободы газета «Свобода» предложила вывести Савинкова из числа членов ее редколлегии. Рейли высказался против. На следующий день он не выдержал и все-таки отправил свою статью в британскую газету «Морнинг пост». Это была даже не статья в чистом виде, а письмо к редактору. Его напечатали 8 сентября 1924 года. Приведем его полностью:

«Сэр!

Мое внимание привлекла статья “Условный приговор Савинкова”, напечатанная в Вашей газете. Ваш информант, без приведения каких-либо доказательств, на основании одних лишь слухов выдвигает предположение, что Савинков вступил в соглашение с кремлевской кликой, причем это решение было якобы принято им задолго до возвращения в Россию.

Это не более чем огульное обвинение, не имеющее под собой ровно никаких оснований. Оно брошено в лицо человеку, который всю свою жизнь посвятил борьбе с тиранией во всех ее проявлениях, будь то царизм или большевизм, человеку, которого во всем мире называли “несгибаемым” в борьбе против зловещей деятельности Третьего Интернационала.

Будучи одним из его ближайших друзей и соратником по борьбе, принимаю на себя предъявленное обвинение и решительно требую защиты чести и достоинства Савинкова...

Где же доказательства всей фантазмагории, напечатанной в Вашей газете? Кто источник безобразной клеветы? Отвечу. Это большевистское агентство новостей РОСТА.

Неудивительно, что сообщения РОСТА, этого инкубатора гадких газетных “уток”, без зазрения совести, более того, с радостью глотаются и будут глотаться коммунистической прессой всего мира. Однако то, что и антисоветские газеты подхватили явную ложь, находится за пределами моего понимания.

Я не требую от Вас опровержений за действия большевистских махинаторов по дискредитации честного имени Савинкова, но прошу принять во внимание следующие приводимые мною факты:

1. РОСТА утверждает, что Савинкова судили за закрытыми дверями. Таким образом, мы должны принять, что ни

один из антибольшевистски настроенных корреспондентов Европы или Америки не присутствовал на процессе. В противном случае мы непременно прочитали бы о нем подробнейший отчет.

2. Вплоть до 28 августа “Известия”, официальный орган советской прессы, ни разу ни словом не обмолвились о “величайшем триумфе” ГПУ — аресте Савинкова. Спрашивается, почему в течение целой недели — а Савинкова арестовали 20 августа — большевики хранили молчание?

3. Что делают все так называемые его искренние последователи и почитатели? Все те старые сладкоголосые политики, бесконечно апеллировавшие и к мнению европейской общественности, и к большевикам, теперь вставшие на путь лжи в узких пропагандистских целях? Нет ни единого факта, который бы указывал на отношения Савинкова с союзниками, по крайней мере за последние два года.

Какие же логические выводы напрашиваются сами собой? Думаю, что Савинков был просто убит еще при переходе границы, а его роль на суде “за закрытыми дверями” сыграл загримированный московский чекист...

Сэр! Я обращаюсь к Вам, чей печатный орган всегда был флагманом антибольшевизма и антикоммунизма, с просьбой защитить честь и доброе имя Бориса Савинкова.

С уважением,
Сидней Рейли».

Рейли не ограничился только письмом в газету. Его копию он направил и Уинстону Черчиллю. Он опасался, что ложные, как ему казалось, известия из Москвы о раскаянии Савинкова могут оказать влияние даже на взгляды «неистового Уинстона». Вместе с копией письма в «Морнинг пост» он направил ему и небольшую записку.

«Дорогой мистер Черчилль!

Известие о несчастье, происшедшем с Борисом Савинковым, несомненно доставило Вам немало боли. Ни я, ни мои близкие друзья и коллеги не смогли получить каких-либо достоверных известий о его судьбе. Наше убеждение, что он пал жертвой хитроумной комбинации ЧК, имеет под собой все основания. Некоторые соображения на этот счет я выразил в письме, направленном мной сегодня в “Морнинг пост”. Зная Вашу постоянную заинтересованность, беру на себя смелость отправить его копию.

Всегда к Вашим услугам, с искренним уважением,
Сидней Рейли».

HOTEL MONTPENSIER
12, RUE DE RICHELIEU
PARIS (1er Arr^t)

TELEPH. : CENTRAL 90-91.
ADRESSE TELEGR. : MONTPENTEL-PARIS

(118)

3rd September 1924

Dear Mr. Churchill,

The disaster which has overtaken Boris Savinkoff has undoubtedly produced the most painful impression upon you.

Neither I nor any of his intimate friends and co-workers have so far been able to obtain any reliable news about his fate. Our conviction is

I enclose the liberty of enclosing a copy for your information

I am, Dear Mr. Churchill,
Yours very faithfully
Sidney Reilly
The Right Hon.
Winston Churchill
London.

Письмо Сиднея Рейли Уинстону Черчиллю из Парижа о судьбе Бориса Савинкова. 3 сентября 1924 г.

Черчилль ответил. Копия этого письма к Рейли сохранилась в его архиве. Будучи опытным политиком и проницательным человеком, он отметил, что у Рейли не хватает фактического материала. Поэтому и ответное послание Черчилля хотя и было теплым, но носило весьма обтекаемый характер.

«Дорогой мистер Рейли!

Я был глубоко потрясен, прочитав новости о господине Савинкове. Тем не менее Ваше письмо в “Морнинг пост” содержит больше эмоций, чем фактов. Из него мне так и не удалось узнать, какие, собственно, причины заставили его уехать в Советскую Россию, какие цели он при этом преследовал. Если Савинков действительно прощен большевиками, я был бы этому исключительно рад. Уверен, что влияние Савинкова в среде большевиков никогда не будет служить ухудшению дел. Факт его прощения, если это, конечно, правда, — первое скромное известие, которое достигло моих ушей.

Буду всегда рад узнать все, что Вам удастся разузнать по этому вопросу, поскольку считаю Савинкова великим человеком и великим русским патриотом, хотя и не являюсь сторонником террористических методов, к которым он прибегал в своей борьбе. Судить о политике чужой страны — весьма тяжелое занятие.

С уважением,
Уинстон С. Черчилль».

Между тем в западных газетах появились и фотографии, сделанные во время суда. Увидев их, Рейли был вынужден признать — судили действительно Савинкова. «Прилагаемая фотография из Times совершенно уничтожает мою теорию о том, что Б.В. погиб и что вместо него судят подставное лицо, — писал он 4 сентября. — Приходится искать другое объяснение этой убийственной клеветы». Объяснение и в самом деле не заставило себя ждать. Но такое, что Рейли был окончательно раздавлен им...

Пятого сентября он получил номер «Известий» от 30 августа и, как признавался он сам, «два раза прочел его от первого до последнего слова». «Пусть это будет официальный орган “сволочей”, пусть это будет величайший в мире рассадник лжи и клеветы, но под заглавиями “Письменные показания Савинкова” и “Заключительное слово Савинкова” говорит никто иной, как Б. В. С., — с горечью признавал он. — Это его слова, это все его стиль, это его образные выражения. Подбить его подписать они могут — сколько

угодно, но этого даже они не могут сфальсифицировать; это только его, это неподражаемо!»

Вывод Рейли был безжалостным: «Мы стоим перед абсолютным фактом (мне слишком тяжело его квалифицировать); оспаривать этого факта мы не можем — единственное, что мы можем, это — искать мотивы и разбираться в них... Факт свершился; оправдать его ничем нельзя. Совершился величайший грех — “грех против Св. Духа” — это неизмеримо больше, чем грех против родины, друзей, товарищей и пр., и пр., нанесен величайший удар антибольшевистскому движению во всем мире, дан неоценимый по размерам триумф большевикам (куда больший, чем победа над Колчаком, Деникиным и др.)».

Нетрудно представить себе, что в эти дни творилось с Рейли. Арест Савинкова и «провокация ОГПУ» — это было еще полбеды. В конце концов, «на войне, как на войне», и от поражений и гибели никто из ее участников не застрахован. Но измена, не только физическая, но и идейная, покаяние, опубликованное в большевистских газетах, вывели Рейли из себя. Рушилось одно из главных дел жизни Рейли последних лет, на которое он потратил столько времени, сил и денег (часто — последних). Ставка на Савинкова в антибольшевистской борьбе оказалась не просто проигрышной, Рейли в этой игре не просто потерпел поражение — нет, все закончилось позорным и унижительным «пшиком». И всего-то за несколько дней.

«Простите, если сегодня я не буду писать больше... — писал Рейли Мягковым. — Сегодня физически и душевно не в силах...»

«У Иуды тоже были мотивы»

Советские газеты обрушили на своих читателей вал сенсационных и пропагандистских материалов. Репортажи из зала суда, отклики на процесс известных людей... В бой брошены лучшие советские пропагандисты: Карл Радек, Емельян Ярославский, а 3 сентября с разоблачительной статьей в «Правде» «Савинков и его друзья» выступил Василий Ульрих — недавний председатель суда. «Подтягивают» даже вдову Георгия Плеханова Розалию Марковну, которая напомнила, что «Георгий Валентинович... был всегда очень невысокого мнения о его теоретическом понимании революционных задач и решительно не любил в нем склон-

ности к легкомысленным выступлениям как в литературе, так и в политической деятельности. Этот элемент в характере Бориса Викторовича он называл *авантюристическим*, а всем известно, как строго Плеханов относился к авантюризму, в какой бы среде он ни появлялся».

Общий смысл этих выступлений сводился к тому, что раз силу и справедливость советской власти признал такой ее выдающийся враг, как Борис Савинков, то это говорит о многом. Значит, и другим стоит подумать над вопросом: не сложить ли оружия и им?

Но большинство эмигрантов явно не собирались этого делать.

Савинкову сполна припомнили вот эти его «загробные фантазии». Оценки и характеристики «раскаявшегося Савинкова» в эмигрантской прессе — «Живой мертвец», «заживо похороненный», «давно уже в гробу», «разложившийся при жизни отступник» — часто удивительным образом совпадали с тем, что писала советская пресса. 21 сентября 1924 года в газете «За свободу!» писатель Михаил Арцыбашев отмечал: «Савинков умер. То, что теперь становится на ходульки и тщится играть всероссийского Гамлета от революции на красных подмостках, — это уже не Савинков. Это — смердящий труп Савинкова. Это ужасно... Мы будем бороться без Савинкова, будем бороться против него, но мы будем бороться и не сложим оружия до тех пор, пока большевики не падут».

А тот же Алексей Куприн изобразил Савинкова настолько гадливо, что и читать-то не очень приятно: «Большевикам нечего радоваться и нечем гордиться. В их руках не Савинков, а его “выползень”... Это редкое словечко... означает тонкую внешнюю оболочку на змеиной шкуре. Каждый год, линяя, змея трется меж камней и вылезает из нее, как из чулка. Выползень так и остается валяться на земле. Я однажды видел в музее выползень удава длиною в десять метров».

Призывы «не судить павшего вождя слишком строго» раздались, пожалуй, только от родственников Савинкова*.

Рейли не собирался жалеть «старого друга». Он до последней возможности сомневался в его предательстве и пытался найти какие-то другие причины того, что с ним про-

* Александр и Вера Мягковы отказались осудить поступок Савинкова и единственными из его ближайшего окружения не прерывали с ним переписки до самой его гибели.

изошло. Но теперь, когда картина стала ясной, обрушил на него всю мощь своего гнева. «Дорогие друзья, — писал он Мягковым 7 сентября 1924 года. — ...Я всей душой с Вами в Вашем горе, я глубоко понимаю, что Вы, как родные, переживаете, но даже из уважения к Вашей скорби я не могу молчать. Я имею право сказать, что я никому не уступал в моей любви, дружбе, преданности и жертвенности по отношению к Б. В-у, и поэтому я имею право сказать, что предательство Б. В. для меня вне всякого сомнения. А раз я в этом убежден, то мой долг, как врага большевиков и друга России — резко отмежеваться от Б. В-а и всюду, всячески клеймить его измену и предательство...

Разве... мы, его политические товарищи, можем его простить? Нет, и в тысячу раз нет. Он был наш идейный и политический вождь... он не мог не знать, какой чувствительный удар он наносит своей изменой антибольшевистскому делу. Он сделал ошибку, он попался в ловушку, он должен был исполнить свой последний долг, т. е. достойно умереть. От исполнения этого долга никакие политические соображения, а тем паче, никакие личные чувства его не должны были удержать. Но он не умер, а предпочел игру с большевиками, надеясь, что он их перехитрит. Нет — не перехитрит! Потому что левые его ненавидят, а правые его презирают, оба действуют заодно и проявили величайший ум; использовали его гениально, как для внутреннего, так и для внешнего употребления, используют еще, выжмут его, как лимон и или выбросят за границу, или, по первому предлогу, пристрелят. Нет, нет ему оправдания!..»

Чем дальше — тем больше Рейли распался. Он пишет:

«Нет, довольно! Нужно прозреть и уметь посмотреть правде в глаза. Б. В. изменник, подобного которому мировая история не знает со времени Иуды, и нужно иметь храбрость заявить это громогласно... Я говорю Вам все это, зная, что рискую потерять Вашу дружбу, которая мне очень дорога. Но я смотрю на Вас не только как на своих друзей, но еще больше, как на политических товарищей, служащих той же идее, и потому считаю своим неотступным долгом говорить Вам всю правду до конца» (10 сентября).

«Верьте, мне бесконечно больно за вас. Я, тем более, Вас могу понять, потому что Б. В. был мне — в чисто личном отношении — как брат, несравненно больше, чем брат. Но согласиться с Вами я ни в коем случае не могу. В служебной идее — разграничение должно быть резкое: белое или

черное; верность или измена, с нами или с ними. Борис с ними; для меня он перестал существовать. Мотивы, побуждения его измены могут быть очень сложны, разнообразны и интересны, но его измена остается во всей своей чудовищности. У Иуды тоже были мотивы» (11 сентября).

«Никто не может изменить моего убеждения: Б. В. был вождь, он посылал людей на смерть; его час пришел — он должен был умереть. Умереть как Каляев, которого он так часто упоминал на суде. Своей смертью он оказал бы движению величайшую услугу, поднял бы его на небывалую высоту и стал бы для всех символом... Он этого не сделал, он отрекся, предал “их”, и он жив...» (13 сентября).

«Дорогая Вера Викторовна*,

...Для меня Савинков теперь еще существует только как злейший враг, для Вас он остается тем же горячо любимым братом, для которого Вы и теперь готовы “всем пожертвовать”. Это разное отношение создает между Вами и мною пропасть, в которую, казалось бы, навеки должны кануть наши дружеские отношения...

Раньше Борис был самым дорогим для меня человеком, теперь он для меня злейший враг. Я его ненавижу несравненно больше, чем большевиков — потому что они меня никогда не обманывали, они мне в дружбе не клялись. И если я выиграю свой процесс, если у меня снова будут средства, то я посвящу большую часть их, чтобы при помощи лучших русских людей беспощадно бороться — не против Савинкова, который теперь только живой труп, а против Савинковщины, той ужасной гангрене, той смердящей заразы, которую он внес в антибольшевистское движение» (25 сентября).

Рейли посчитал своим долгом отказаться и от своего недавнего письма в газету «Морнинг пост», в котором он требовал «защитить честь и доброе имя Бориса Савинкова». Ознакомившись со стенографическими отчетами судебного процесса в Москве, Рейли написал еще одно письмо в «Морнинг пост» и так же, как и прошлый раз, направил его копию Черчиллю. Он выражал признательность за публикацию первого письма в защиту Савинкова в то время, как, по его словам, «вся имеющаяся информация говорила о том, что я, скорее всего, ошибаюсь». Теперь, признавал Рейли, он хотел бы «открыто заявить, что некоторая доля сомнений теперь коснулась и меня».

* В. В. Мягкова — сестра Б. В. Савинкова.

«Подробные и много раз проверенные стенографические отчеты, подтвержденные свидетелями, а также надежными и беспристрастными очевидцами, говорят о предательстве Савинкова без всякого сомнения, — отмечал Рейли. — Он не только предал своих друзей, свою организацию, свое дело, но и повернулся лицом к тем, кого раньше называл врагами... Своими действиями он навсегда зачеркнул свое имя на доске почета борцов с коммунизмом.

Его прежние друзья и последователи скорбят об этой потере, но среди них нет никого, кто был бы обескуражен. Духовное самоубийство их лидера только прибавило им сил в политической борьбе».

Письмо тоже было опубликовано. А «хитрый лис» Черчилль не согласился с Рейли, как и прежде:

«15 сентября 1924 г.

Дорогой мистер Рейли!

Очень заинтересовался Вашим письмом. События развернулись именно таким образом, как я и предполагал. Полагаю, Вам не следовало бы судить Савинкова столь жестко, следует учесть, в какое ужасное положение он попал. Осуждать его могут только те, кто прошел через такие же тяжелые испытания, как и сам он. При любых обстоятельствах я буду ожидать конца этой запутанной истории, пока мое личное мнение о Савинкове не изменится.

С глубоким уважением,

У. С. Черчилль».

Что же, Рейли весьма скоро представится случай пройти «через такие же тяжелые испытания». И наверняка тогда он не раз будет вспоминать своего друга Савинкова и сравнивать свое поведение с тем, как вел себя он. Но это будет немного позже.

СМЯТЕНИЕ

Удивительное дело, но операция «Синдикат-2», закончившаяся арестом Савинкова, практически никак не сказалась на репутации операции «Треста» — якобы еще более мощной подпольной организации в Советском Союзе. При том, что логично было бы предположить, что если одна из них вдруг оказывается «филиалом советской контрразведки», то и другие же подобные структуры должны попасть под подозрение. Трудно поверить, чтобы Кутепов, Захарченко и Радкевич, да и многие другие представители

«боевой эмиграции» не сопоставили бы эти странные обстоятельства. Но они этого почему-то не сделали. Найти разумное объяснение этому сложно, почти невозможно.

Крах Савинкова совпал с невиданным расцветом «Треста». Именно в 1924—1925 годах его авторитет среди руководителей эмиграции (несмотря на наличие отдельных скептиков) достиг небывалых высот.

«Трест» (как и ЛД) тоже делал попытки «пригласить» в Россию некоторых эмигрантских лидеров. Такое «приглашение» поступило, например, председателю Высшего монархического совета Николаю Маркову 2-му — его звали принять участие в работе съезда «советских» монархистов-подпольщиков. По каким-то причинам он все-таки не поехал, но вряд ли они были связаны с недоверием к «Тресту».

В это время на первые роли в военной эмиграции все более явственно выдвигался генерал Кутепов, а менее доверявший «Тресту» барон Врангель постепенно отходил от активной деятельности. В марте 1924 года генерал от инфантерии Александр Кутепов перешел под непосредственное подчинение великого князя Николая Николаевича и — уже вполне официально — возглавил всю «внутрирусскую (боевую) работу».

Свои действия Кутепов был готов согласовывать с «Трестом», руководство которого (то есть чекисты) делало все возможное, чтобы сдержать и ограничить всю эту работу. Сначала аргументы «русских подпольщиков» против немедленных терактов действовали на Кутепова и его представителей в Москве — Захарченко и Радкевича, но постепенно все меньше и меньше.

В июне 1924 года Кутепов впервые лично встретился с Якушевым в Данциге (затем они вместе отправились к Николаю Николаевичу). Осенью того же года Якушев и «военный руководитель» «Треста» генерал Потапов уже вдвоем поехали в Париж на встречу с великим князем. На переговорах Потапов впервые озвучил точную цену вопроса свержения власти большевиков — 25 миллионов долларов. Мол, окажите нам эту помощь, и в течение года мы устроим победоносное восстание в России. Но у Николая Николаевича даже части этих денег не было. Он посоветовал обратиться к русским промышленникам в эмиграции, но и те уклонились от финансовой помощи на дело «освободительной борьбы».

Со стороны «Треста» (читай — ОГПУ) просьба о крупной финансовой помощи представлялась хорошо просчи-

танном шагом. В самом деле: организация выложила все карты на стол: в условиях подполья собрать необходимую для переворота сумму нереально, и раз уж «возглавители освободительного движения» за границей не могут помочь в этом, то зачем же упрекать «Трест» в бездействии и откладывании решающего удара на будущее? Возразить было нечего.

Но Кутепова и его боевиков удержать от «активных действий» было куда сложнее. Он был человеком действия во что бы то ни стало и считал террор самым надежным и эффективным способом борьбы с большевиками. В этом его активно поддерживала Мария Захарченко, которая просто-таки томилась в Советском Союзе от бездействия и рвалась совершить какой-нибудь теракт.

Правда, отношение Кутепова к «Тресту» было не таким простым, как может показаться. Он, например, отклонил приглашения лично приехать в СССР. Но при этом считал, что «Трест» все-таки может стать платформой для развертывания «боевой работы» в России. К тому же Кутепов претендовал на руководство всем РОВСом, и, если бы его планы с «Трестом» хотя бы частично удались, это явно добавило бы ему авторитета даже по сравнению с Врангелем.

В июле 1925 года Якушев вместе с Захарченко отправились на встречу с Кутеповым в Париж. Переговоры закончились успешно — генерал согласился стать представителем организации во Франции. Якушев убедил его попридержаться своих боевиков и отказаться от терактов на Дзержинского, Менжинского и других руководителей ОГПУ, которые планировала организация Кутепова — это, мол, может сорвать планы готовящегося переворота и вызвать репрессии со стороны чекистов, в которых пострадают и члены «Треста».

После переговоров в Париже Якушев и Кутепов вместе выехали на очередную аудиенцию к Николаю Николаевичу. В своем отчете, направленном в ОГПУ, Якушев, не скрывая сарказма, сообщал об этой встрече:

«Разговор о положении в России. Говорю:

— Нарастает недовольство. Народ стосковался по самодержавной власти.

— Как мыслится переворот?

— Объявляется военная диктатура. Но не скоро. Позовем ваше высочество от нашего имени, от имени монархической организации Центральной России.

Он задыхается от волнения:

— А как же народ?

— А народ не спросим. Ни Земского собора, ни Учредительного собрания. Позовем мы. Мы и есть народ.

Радостный хохот...

О поляках: он должен сделать вид, что не знает о нашем договоре с поляками.

О евреях: “народный гнев”, то есть погромы, организует Марков. Затем последует высочайшее повеление о прекращении насилий» (Интересно, что почти такой же точки зрения придерживался и Рейли. Кто у кого украл идею?)

Между прочим, Рейли тоже приглашали на эту встречу Якушева и Кутепова в Париже. К этому времени уже несколько месяцев делались попытки привлечь Рейли к работе «Треста» и, по возможности, сделать так, чтобы он приехал не только в Париж, но и в Москву.

Рейли в это время уже фигурировал в разработках чекистов, которые собирались выйти на него. Но он сам об этом пока что ничего не знал.

Рейли и «письмо Коминтерна к британским рабочим»

Потрясение Рейли от капитуляции Савинкова было действительно велико. Он испытал целую гамму переживавшихся между собой чувств — от возмущения поведением недавнего друга до осознания того, что его деньги были выброшены фактически на ветер.

С капитуляцией Савинкова Рейли терял не только влиятельный и «активный ресурс» для борьбы с большевиками, но еще и близкого друга, пожалуй, единственного, кроме жены, конфиденнта, с которым он позволял себе делиться самыми откровенными мыслями и планами. Таких людей у него больше не осталось. Рейли вдруг почувствовал, что начал терять почву под ногами. С исчезновением Савинкова с политического горизонта он перестал понимать, что ему делать дальше. Буквально в несколько дней обрушились все его планы, которые он с огромным трудом пытался выстраивать несколько лет подряд.

Пепита Бобадилья отмечала в мемуарах, что Рейли чувствовал, что часть ответственности за «измену Савинкова» лежит и на нем. И переживал, поскольку он, несмотря на

все усилия, все же не смог убедить его отказаться от поездки в СССР. Хотя, конечно, арест, провал операции — это одно, а отказ от своих взглядов, моральная и политическая капитуляция — да и к тому же публичная, — совсем другое.

Рейли признавался, что осень 1924 года была для него одним из самых тяжелых периодов в жизни. А в Европе как раз в это же время разгорался громкий скандал, связанный, как считали многие, с «происками Москвы». Он серьезно изменил расстановку политических сил в Англии. И ведь что интересно, есть версия, по которой вездесущий Рейли имел к этим событиям самое непосредственное отношение.

В апреле 1924 года, докладывая о своих беседах в Париже с Савинковым и Рейли, чекист Андрей Федоров, в частности, сообщал в Москву об оценке политической ситуации в Англии, которую делал британский разведчик. «Макдональд месяца через два слетит, и к власти вернуться консерваторы, — говорил Рейли. — Вскоре в Англии будут две борющиеся силы: консерваторы, к которым примкнут правые либералы, и рабочая группа, к которым примкнут левые либералы». В этих оценках он оказался прав. Кабинет лейбориста Рамсея Макдональда действительно «слетел» — правда, не через два, а через шесть месяцев после разговора Рейли с Федоровым, в октябре 1924 года.

Поводом для отставки правительства и новых парламентских выборов стал политический скандал. 25 июля шотландский коммунист и заместитель редактора газеты «Уокерс уикли» Джон Росс Кэмпбел напечатал «Открытое письмо вооруженным силам», в котором призвал армию отказаться воевать, не стрелять в рабочих, если этого вдруг потребует правительство, а, наоборот, готовиться к свержению капиталистов.

Кэмпбела арестовали, обвинив в подстрекательстве к мятежу, но затем, уступив давлению слева, правительство отказалось от его преследования. Теперь уже возмутились правые. В парламенте против кабинета Макдональда объединились либералы и консерваторы, имевшие большинство голосов. Дальнейшее существование правительства стало невозможным, и досрочные выборы были назначены на 29 октября. Но и это было еще не все.

Газета «Дейли мейл» 25 октября напечатала письмо, якобы написанное главой Коминтерна Григорием Зиновьевым и адресованное ЦК Компартии Великобритании, датированное 15 сентября. Сенсационный заголовок гла-

сил: «Хозяева социалистов планируют гражданскую войну. Москва отдает приказания нашим красным. Разоблачен масштабный заговор». Согласно опубликованному тексту, Зиновьев призывал коммунистов мобилизовать трудящихся на поддержку ратификации советско-британских соглашений, а заодно активизировать подрывную работу в армии и на флоте, готовить собственные кадры для грядущей гражданской войны. Коммунистам предлагалось создавать ячейки «во всех войсковых частях, а также на фабриках, изготовляющих вооружение». В тот же день британский МИД направил специальную ноту полпреду СССР в Великобритании Христиану Раковскому, в которой «письмо Зиновьева» трактовалось как «инструкции для британских подданных для насильственного свержения существующего строя в этой стране и разложения вооруженных сил Его Величества». В ответной ноте Москва назвала письмо фальшивкой.

Острая дискуссия по этому вопросу между Лондоном и Москвой шла до января 1925 года. Зиновьев, авторству которого письмо приписывалось, в своих интервью назвал его публикацию провокацией вождей либерально-консервативного блока Великобритании и обещал обратиться от лица Коминтерна в Генеральный совет английских профсоюзов с просьбой назначить комиссию для проверки его подлинности. 17 ноября 1924 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение настаивать на создании третейского суда. От имени Исполкома Коминтерна английским профсоюзам было направлено предложение расследовать вопрос о подлинности документа. Делегация британских профсоюзов изучила протоколы заседаний Исполкома Коминтерна в Москве и не нашла следов антианглийской деятельности. Однако министр иностранных дел уже нового британского правительства Остин Чемберлен продолжал настаивать на подлинности письма. В общем, стороны остались при своем мнении. Но это было уже потом.

«Письмо Зиновьева», безусловно, бросало тень на лейбористское правительство Макдональда, которое признало СССР и договорилось с его правительством о выделении кредитов. На смену лейбористам пришли консерваторы во главе со Стэнли Болдуином. Друг и покровитель Рейли Уинстон Черчилль стал в новом кабинете канцлером казначейства. Правительство Болдуина отказалось ратифицировать подписанные 8 августа между СССР и правительством Макдональда общий и торговый договоры, а три года спу-

стя вообще разорвало с Москвой дипломатические отношения.

Рейли не скрывал своего удовлетворения. «В Англии песенка Макдональда, по-видимому, спета, — писал он Владимиру Бурцеву. — Опубликованные инструкции Зиновьева Британской коммунистической партии пришлось очень кстати». А еще позже признавался: «Победа консерваторов в Англии меня чрезвычайно обрадовала».

Но откуда же взялось это «письмо Зиновьева»? И при чем здесь Рейли?

Споры о том, кто именно был настоящим автором письма, продолжаются до сих пор. Время от времени появляются все новые версии, объясняющие обстоятельства его возникновения.

В 20-е годы в его фабрикации был обвинен русский эмигрант Сергей Дружиловский, в прошлом царский офицер, который вроде бы сотрудничал с польской, французской и другими разведками. В Берлине вместе с другими эмигрантами он занялся составлением фальшивок о Советском Союзе и Коминтерне. Помимо «письма Зиновьева» Дружиловский якобы составил и «Приказ Коминтерна о вооруженном выступлении в Болгарии 16 апреля 1925 г.», который был использован болгарским правительством для начала преследований коммунистов.

В 1926 году Дружиловский был задержан ОГПУ при попытке перейти латышско-советскую границу, на суде в Москве признал, что «по заданию разведывательных органов иностранных государств составлял подложные документы, исходящие якобы от Советского правительства и от Коминтерна», и был расстрелян.

Еще одна версия состоит в том, что фальшивку «сработала» группа эмигрантов из Риги под руководством некоего бывшего офицера Покровского. Она занималась подделкой советских документов, печатей и др. Группа Покровского поддерживала связь и с Владимиром Орловым в Берлине, и с англичанами. К ней и обратился связанный с британской разведкой и живущий в Лондоне бывший русский генерал Корнев*. Он попросил изготовить документ, который бы смог бросить тень на лейбористов накануне выборов.

* Генерала с такой фамилией ни в Русской армии, ни в Белом движении не существовало. Единственный человек с похожей фамилией: генерал от инфантерии Владимир Петрович Корнеев, но он был убит большевиками в Кисловодске в 1918 году. — *Примеч. ред.*

«Письмо Зиновьева» отправили в советское полпредство в Лондоне, предварительно сообщив о нем полиции.

Дальше дело обстояло так: письмо в полиции изъяли, зарегистрировали в присутствии свидетелей, а в конверт вложили чистый лист бумаги. После того как в полпредстве СССР получили конверт, власти потребовали сообщить текст находившегося в нем послания (оно не являлось дипломатической почтой). Советские дипломаты утверждали, что в нем был только чистый лист, но, разумеется, им никто не поверил, и на свет всплыло якобы «настоящее письмо Зиновьева», находившееся в полиции.

В расследовании обстоятельств появления «письма Зиновьева» большую роль играли и британские лейбористы, который пытались доказать, что скандал был организован их главным политическим противником — консерваторами.

В 1998 году министр иностранных дел лейбористского правительства Энтони Блэра Робин Кук поручил главному историку своего ведомства доктору Джилл Беннет, наконец-то установить истину. Беннет представила объемистый доклад, из которого вытекает, что появление «письма Зиновьева» стало результатом «нечистоплотной» операции СИС, которую курировал майор Десмонд Мортон, большой друг Черчилля.

По данным Беннет, именно Мортон получил «письмо» от своего агента в Риге. А в Ригу его доставил некий русский эмигрант, живущий в Берлине. Майор Мортон также якобы потом помог обеспечить «утечку» текста письма в газету «Дейли мейл». Беннет, впрочем, считает вероятным, что сперва Мортон действительно принял письмо за настоящее.

Ну а Рейли? Дело в том, что и его имя упоминалось в числе возможных авторов или организаторов появления «письма Зиновьева» в английской прессе.

Биограф Рейли Робин Брюс Локкарт выдвигал такую версию: Рейли узнал, что Коминтерн снабжает английских коммунистов подрывными материалами (в том, что такие материалы были на самом деле — сомневаться не приходится), и понял, что опубликовать один из таких материалов по-настоящему взрывного характера — значило бы склонить мнение английской общественности в пользу русского антикоммунистического движения. Он же вышел на группу русских эмигрантов в Берлине и объяснил, что именно ему нужно, не посвятив их, однако, в конечную

цель своей операции. Эти предположения не кажутся абсолютно невозможными, но никаких документальных доказательств своей гипотезы Робин Брюс Локкарт не привел. Но это еще не все.

В конце 60-х годов в архивах Гарвардского университета был обнаружен рукописный экземпляр «письма Зиновьева». Историк Майкл Кеттл, основываясь на анализе почерка, которым оно написано, утверждает в своей работе «Сидней Рейли. Правдивая история», что именно Рейли и был его настоящим автором. Вывод Кеттла подтвердил и графолог Джон Конвей. Эта версия, однако, вызвала возражения другого известного биографа Рейли — Эндрю Кука, утверждающего, что выводы Кеттла и Конвея носят как минимум сомнительный характер, поскольку за прошедшее со времени публикации работы Кеттла стали известны многочисленные документы, написанные рукой Рейли, по которым видно, что его почерк не имеет ничего общего с рукой, писавшей «письмо Зиновьева».

Конечно, «убойных» доказательств своей правоты не может предъявить ни одна из сторон, но, скорее всего, причастность Рейли к «письму Зиновьева» — это один из мифов, которым обросла его жизнь. Любопытно, кстати, его оценка этого «письма» в переписке с тем же Бурцевым. 25 октября, то есть в тот самый день, когда «письмо Зиновьева» было опубликовано, Рейли писал: «А знаете, что я в этих инструкциях не чувствую стиля Зиновьева? Как бы они не оказались сфабрированными — хотя содержание, несомненно, от Коминтерна...»

«Хочется крикнуть ему: “П-пшел вон!”»

В октябре 1924 года Рейли с Пепитой снова отправились в Нью-Йорк. Там его ждали судебные слушания. Несмотря на мрачное настроение (часто по утрам ему не хотелось вставать с постели, и он лежал, тупо глядя в потолок, пока все-таки не заставлял себя подняться), Рейли поехал с охотой. Во-первых, от исхода судебного процесса зависело очень многое, а во-вторых, он рассчитывал, что предстоящие сражения в суде выведут его из депрессии, в которую его ввергла история, случившаяся с Савинковым.

«Дорогой Владимир Львович! — писал Рейли 25 октября из Нью-Йорка Бурцеву. — Прибыли мы сюда во вторник 21-го после чудесного переезда. Дело мое назначено на

30-е с. м., но, вероятно, не будет слушаться раньше 7-го ноября. Все зависит от скорости, с которой будут двигаться дела, предшествующие моему. Но так или иначе около половины ноября можно ожидать результатов и, по всей видимости, хороших».

Он еще не знал, что принесет ему ноябрь.

Рейли с треском проиграл процесс. Суд отказал в удовлетворении его претензий на формальном основании: истец не мог предоставить соответствующим образом оформленное и заверенное дополнительное соглашение к контракту о выплате комиссионных. Английский биограф Рейли Эндрю Кук, впрочем, пишет, что адвокаты компании «Болдуин» приложили максимум усилий для того, чтобы собрать и огласить на суде различный «компромат» о Рейли, в том числе и о его личной жизни. И все это для того, чтобы доказать, что он человек с дурной репутацией и ему верить нельзя. По словам Кука, Рейли даже запретил своей жене присутствовать на слушаниях, поскольку она могла узнать о его прошлом много такого, чего ей знать бы не следовало.

А вот Пол Дьюкс был в суде и позже вспоминал, что Рейли впал в настоящее бешенство. Дьюкс даже подумал, что лишился рассудка. Он не был похож на самого себя. Потеряв остатки самообладания, он кричал и изрыгал проклятия. Его лицо приобрело багрово-красный оттенок, по щеке стекала слюна, а изо рта во все стороны летела пена. В общем, зрелище было действительно безобразное.

Вспышка ярости снова сменилась депрессией. По-человечески понять его легко. Всего лишь за два месяца полностью рухнули все его планы и надежды на будущее — и политические, и финансовые, и во многом личные. Фактически все нужно было начинать сначала.

Немного успокоившись, Рейли решил начать все сначала. Да, он потерпел тяжелые поражения. Но ведь и у его любимого Наполеона после всех поражений были еще знаменитые 100 дней, которые вполне могли закончиться триумфом. А что, если у него самого, у Сиднея Рейли, впереди тоже «100 дней»? И что, если для него они станут более успешными, чем для французского императора?

Рейли по-прежнему не отказывался от мысли найти в Америке деньги и на борьбу с большевиками. Правда, как и в прошлый раз, дело в этом направлении почти не двигалось. 16 марта 1925 года он жаловался на американцев тому же Бурцеву: «Индифферентизм ужасающий, я и не верю,

что здесь можно будет что-либо сделать раньше, чем что-нибудь серьезное зашевелится в России. Я ни на кого не рассчитываю, кроме как на самого себя и на возможность составить здесь снова состояние. Это я считаю единственным верным шансом на деньги для дела. Искать здесь среди американцев, желающих помочь деньгами, все равно, что ловить вошь в соломе. Мне прямо надоело говорить с американцами о наших делах... Еле заговоришь о реальной помощи... то начинает веять таким холодом, что поскорее переходишь на другие темы».

Поразило его и то, что история с Савинковым, о которой трубили все газеты Европы, оставила американцев равнодушными. Настолько, что его повесть «Конь вороной», переведенную на английский язык Дьюксом, издательства не захотели печатать. Хотя, казалось бы, самое время. «Выходит она [книга] пока только в Англии, — писал Рейли. — Тут история Савинкова абсолютно никакого впечатления не произвела — до того тут царит полная неосведомленность о русских делах. Американского издания “Коня вороного”, вероятно, совершенно не будет»*.

* * *

Что же касается самого Савинкова, то после приговора он оставался во Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. Условия его были весьма комфортные: большая камера, обставленная мягкой мебелью, картины на стенах, регулярные свидания с Любовью Дикгоф-Деренталь, прогулки в парке «Сокольники», обеды из ресторана отеля «Савой», поездки в театр.

В феврале 1925 года группе иностранных журналистов устроили экскурсию во Внутренней тюрьме и, так сказать, напоследок продемонстрировали Савинкова. Бывший террорист любезно поговорил с гостями по-французски. «Почему вы вернулись в Россию?» — спросили его. «Я предпочитаю сидеть в тюрьме “чрезвычайки”, нежели бегать по мостовым в Западной Европе», — ответил он. «А те ужасы, в которых обвиняют Лубянку — это правда?» — задали ему еще один вопрос. Савинков замаялся: «Что касается меня, это неточно...» Тут гостям дали знак, что пора уходить.

* Американское издание книги действительно не состоялось, а в Англии она все-таки вышла в том же году, но уже после суда над Савинковым. Рейли пытался остановить издание, но уже безуспешно.

Прочитав в газетах описание «экскурсии», Рейли написал Бурцеву из Нью-Йорка: «Посылаю Вам последние вырезки. Обращаю Ваше внимание в особенности на вырезку о посещении корреспондентами Лубянки и их свидания с Савинковым. Вот подлец!»

Савинков в тюрьме часто вспоминал своих старых знакомых, в том числе и Сиднея Рейли. Он очень переживал, что многие из них теперь «клеветают» на него.

«С[иднею] [Георгиевичу] я еще нахожу оправдание: он в России и русских понять не может», — писал Савинков своей сестре Вере Мягковой 4 января 1925 года.

В дневнике он записывает: «Клевета меня трогает только, если она исходит от близких людей (напр. С[иднея] [Георгиевича]» (10 апреля); «А теперь клеветают, даже С[идней] [Георгиевич]» (28 апреля).

Савинков писал заметки, рассказы и, самое главное, — письма. В этом ему нисколько не препятствовали, скорее, наоборот. Можно предположить, что письма Савинкова были частью его соглашения с ОГПУ, хотя прямых доказательств подобной сделки у нас нет. Он отправил немало писем за границу — своей сестре, своему сыну, своим недавним соратникам и видным представителям эмиграции. Все писания имели большое пропагандистское значение. Савинков уверял, что искренне понял, что бороться с советской властью — значит бороться с самим народом. А за народ он сам многие годы рисковал жизнью, да и эмигранты тоже ссылались на интересы народа в своей борьбе.

Бурцева он уговаривал: «Вы мне сказали в Париже, что готовы ехать в Россию, даже рискуя тюрьмой. Я предлагаю Вам следующее: приезжайте в Россию посмотреть своими глазами и, посмотрев, решите вопрос, кто из нас прав. Вам, революционеру и человеку большой честности, Бурцеву, я доверяю вполне.

Большевики Вас не арестуют и дадут Вам возможность вернуться за границу, когда Вы того пожелаете. В этом меня заверил Менжинский...

Вы можете получить свой паспорт в любой советской миссии. Если уже Вы этого не хотите, то телеграфируйте заранее, на какой пограничный пункт Вы приедете. В этом случае будет отдано распоряжение о пропуске Вас через границу на основании любого удостоверения Вашей личности». Бурцев на эти посулы не клюнул, зато переслал письмо в Нью-Йорк Рейли. 3 ноября 1924 года Рейли ответил: «Спасибо за присылку письма Савинкова. Возмути-

тельно, но стоит ли отвечать ему? Ведь втянуть Вас в полемику — это как раз то, чего ему хочется. Зачем доставлять ему это удовлетворение? Пусть варится в собственном соку. Он добился того, чего так страстно желал: послужить “русскому народу”, признав большевистскую сволочь, — ну и отлично! Чего же ему еще надо? Зачем он нас беспокоит? Хочется крикнуть ему “П-пшел вон!”, да еще что-то прибавить».

Бурцев так и сделал — отвечать на письма Савинкова он не стал. А Савинков все писал и писал. Отправил он письмо и Рейли — оно датировано 7 октября 1924 года. Трудно сказать, на что именно он рассчитывал, но это было, пожалуй, самое большое и пространное письмо, написанное им на Лубянке:

«Дорогой друг Сидней Георгиевич!

Я получил возможность написать Вам и рад этому... Вы один из тех немногих людей, которых я не только люблю, но и мнением которых дорожу. Поэтому позвольте рассказать Вам все, как было...

Истина заключается в следующем. При аресте (арестован я был в Минске, немедленно по переходе границы) и потом на допросах для меня выяснилось: 1) А[ндрей] П[авлович] [Мухин, он же Федоров, сотрудник ОГПУ. — Е. М.] — член РКП, Фомичев — мерзавец, С. Э. [Павловский] давно работает вместе с большевиками, и что никакой организации нет и в помине, 2) что действовавшие отряды “савинковцев” не только не были поддержаны населением, но были им ненавидимы, ибо грабили, убивали и жгли за редчайшими исключениями.

И то и другое меня потрясло.

Истина заключается в следующем. Уже в 1923 г. я пришел к убеждению, что бороться с большевиками нельзя, а может быть и не нужно. Нельзя, ибо все мы (и эсеры, и меньшевики, и кадеты, и “савинковцы”, и прочие) разгромлены окончательно. Не нужно, ибо если все мы разгромлены, то это значит, что русский народ не с нами, а с Советской властью. Я об этом с Вами не говорил. Не говорил и ни с кем, кроме Л[юбови] Е[фимовны] Дикгоф-Деренталь], да немного с покойной матерью, которая, помню, назвала меня “коммунистом”. Не говорил я не потому, что не было мужества признаться в своем поражении, а потому, что признаться в нем для меня не означало бы просто отойти в сторону, уехать на Средиземное море и, как чиновник в отставке, доживать свои дни, а означало бы признание

советской власти... Ну, а на это тогда я решиться не мог... Скажу Вам: если бы не приехали А. П. [Мухин] и Фомичев, я, вероятно, к осени 1923 г. заговорил бы с Вами, и не только с Вами одним, о своей и нашей общей ошибке. Но приехали “друзья из Москвы”...

“Друзья из Москвы” открыли новые перспективы. Этим перспективам я верил мало, как мало верил им лично (кроме С. Э. [Павловского]) — вы это знаете. Но как же я мог заговорить о прекращении борьбы, если было хоть 20% за то, что они не вводят меня в заблуждение. Мне стало казаться, что мой пессимизм продиктован усталостью. И я решил поехать в Россию.

Зачем? Если организация действительно существует, существует не на иностранные деньги и не при поддержке нас, эмигрантов, а самостоятельно, черпая силы от крестьян и рабочих, то должен прийти к ней на помощь, т. е. должен продолжать бороться с большевиками всеми средствами, не исключая террора. Но если “друзья из Москвы” обманули, если в России ничего нет, то... Сделайте вывод сами.

Не только обманули “друзья из Москвы”, но и прошлые — Короткевичи и Павловские — оказались гнилыми.

Передо мной встал вопрос. Встал он не в гостинице “Савой”, а на Лубянке, накануне процесса. Что мне делать? Замкнуться в молчании и молчанием своим снова звать на борьбу, в моих глазах уже бесполезную, то есть несправедную, ибо народ не с нами, а против нас, либо иметь мужество сознаться в своей ошибке и признать Советскую власть. Говорю “мужество”, ибо мне стало страшно, что меня закидают грязью. Не эмигранты, конечно, а Вера Викторовна, вы и Дмитрий Владимирович [Философов], единственные мне близкие люди...

Но когда я понял, что в глазах миллионов русских людей я не освободитель, а враг народа, когда я понял, что московские рабочие, без всякого принуждения, придут и будут требовать моей смерти, которую я в их глазах заслужил, мои колебания исчезли. Вы знаете, что суд совещался 4 часа раньше, чем вынес приговор. Да, это был “забавный и глупый фарс”. Легко умереть с сознанием своей правоты и очень трудно, чувствуя, что ошибался...

Вы скажете: “дело не в московских рабочих и даже не в русском народе”. Дело в борьбе двух миров. На одной стороне баррикады старая, великолепная в своем прошлом Европа, на другом — новый “грядущий хам”. Нет, Сидней

Георгиевич, я никогда не боролся за Европу и за ее сомнительное великолепие. Я русский. Я боролся за Россию и исключительно за нее, т. е. за русский народ. А что до того, грядет ли “хам” или нет, послушайте меня до конца.

Скоро два месяца, как я сижу в тюрьме. Да, конечно, сидя в тюрьме, видишь мало, как бы легок ни был режим. Но все-таки я неизмеримо больше знаю о положении в России, чем знал за границей...

Начну с малого, с ГПУ. Что такое чекист? Уголовный преступник и прирожденный палач... Александр Аркадьевич [Дикгоф-Деренталь] при аресте вполне серьезно задал вопрос: “а будут ли нас пытаться?” Ну так вот. Я встретил в ГПУ людей, к которым я привык с юности и которые мне душевно ближе, чем бормотальщики из “Национального центра” или из “заграничной делегации ПСР”. Я встретил убежденных революционеров. Они расстреливают? Да. А мы не расстреливали... А “мученики” эсеры? За подготовку террора их приговорили всего на 5 лет тюремного заключения, т. е., по здешним законам, на 2,5 года, и не посадили в тюрьму, а поселили в деревне, в совхозе. И что такое здешняя тюрьма? Больше 3-х лет люди вообще не сидят и сидя, пользуются отпуском в город. В какой стране возможны такие порядки? Но я уже сказал: это мелочь.

Вопрос не в тюрьмах... Вопрос, конечно, прежде всего, в том — восстанавливается ли Россия. Что народ за Советскую власть, в этом нет никакого сомнения. Разве без поддержки народных масс можно победить белых, можно уничтожить зеленых, можно преодолеть Волжский голод, можно пережить убийственную блокаду и неудачную войну с Польшей. Подумайте, дорогой мой, об этом, подумайте, забыв о “дневнике Гиппиус”, т. е. о “страданиях интеллигентов”. Да, было время, когда все, и в том числе “интеллигенты”, питались супом “карие глазки”, т. е., супом из воibly и “шрапнелью”, т. е. необмолоченной рожью... Ну-ка, а теперь бы, во время войны предложили французам такое “меню”? Долго бы продержался Париж? Борьбу за существование, за право жить на Земле, большевики выдержали и в ней победили. Это не все, конечно. Предстоит другая задача — задача восстановления России. Приступила ли к решению ее Советская власть?

В Москве магазины, театры, синема, автомобили, трамваи, электричество, извозчики, даже лихачи. Это не доказательство, разумеется. Возьмите доклад Зиновьева на 13-м съезде. Вы его не читали, конечно. А я утверждаю, что, если

в словах Зиновьева только четвертая доля правды, да и тогда совершенно ясно, что революционный развал закончен, что, пусть медленно, пусть с напряжением всех сил, но восстанавливается хозяйство России и восстанавливается не вопреки, а с помощью Советской власти и РКП.

Вам за границей все снятся 1918—1919 гг., вот эти самые “карие глазки”, тьма, грабежи, “стенка”, “бей его в морду”, повальный тиф и проеденные вшами теплушки. Этого давно уже нет. В России порядок. Поля засеяны и засеваются с каждым годом еще больше. Промышленность поднимается. Червонец стоит дороже фунта. Вы не верите? Вы думаете, что мы пустили пыль в глаза? Нет, говорю еще раз: перелом уже совершился. Уже доказано, что без помещиков и крупной буржуазии можно восстанавливать государство. А Вы все еще ждете, что не Россия, а “Совдепия” сама собой лопнет, потому что Англия денег не дает. Англия денег не дает, но год был закончен без дефицита. Растет новое, не похожее на европейское, государство. Я говорю “растет”, я не говорю “выросло”. Да, конечно, еще долг и долг путь, много и много труда впереди, много бедствий и много лишений. Но нас, русских, десятки миллионов. И эти десятки миллионов хотят жить человеческой жизнью, и непременно с Советами, т.е. со своею властью, поймите это. Когда-нибудь, очень скоро, Вы убедитесь, что правы не Вы, а я...

Церкви полны, но бабами, стариками, старухами. Мужчин видно мало. В деревне теперь четыре религии: православная..., колдовская (выявившаяся с большой силой, ибо язычество и колдовство не преследуются, как не преследуется никакая вера), бандитская (!) и “атеистическая” (!!). В “атеистической” почти вся молодежь поголовно. Вам это может не понравиться, но это неоспоримый факт, как факт, что теперь насчитывается 600 тысяч коммунистов, около миллиона комсомольцев и свыше 300 тысяч пионеров, т.е. в общей сложности почти два миллиона взрослых, юношей и детей, объединенных в РКП. Надо правду сказать, Советская власть завоевывает деревню. Она завоевывает ее потому, что искренне и честно стремится к улучшению крестьянского быта. Сумели ли бы это сделать меньшевики и эсеры?.. О монархистах говорить, конечно, не стоит...

Кого же я предал? Идею? Но белой, зеленой идеи давно уже нет, она скомпрометирована не мною. Несуществующую организацию Андрея Павловича и Фомичева? Дмитрия Владимировича, Арцыбашева и Португалова? Но ведь

они не борются против большевиков, а в сущности просто живут, и, кроме того, могут вернуться в Россию. Они обиделись на это мое предложение. Пусть. Они его примут, рано или поздно будут вынуждены принять или станут вечными эмигрантами. Эсеров? Но эсеры несправедливо исключили меня из партии, в которой я пробыл 14 лет; в 1918 году давали в своих газетах мои приметы в надежде, что большевики арестуют меня; окружали в Казани шпионами; посылали на самые опасные предприятия, опять-таки в надежде, что я не вернусь; клеветали; травили. Кадетов? Но кадеты поступали так же, как эсеры... Нет, ни с эсерами, ни с кадетами я давно не связан ничем. Монархисты? Но ведь они сознательно и преднамеренно выдавали членов "Союза" большевикам, а обо мне говорили только с точки зрения расстрела. Иностранцев? Но разве я, русский, могу предать иностранцев? И разве я когда-нибудь сомневался, что они готовы помочь мне постольку, поскольку полагают, что я могу быть полезен им. Вы знаете, я люблю Францию почти так же, как Вы любите Россию. Но ведь... надо же когда-нибудь громко сказать, что иностранцы преследовали свои и только свои интересы, и что благодарить их не за что нам. Я счастлив, что теперь независим, как я счастлив, что теперь не в эмиграции.

Вот, дорогой мой, что я хотел Вам сказать. Я не думаю, что Вас убедил, да этой цели и не ставил себе. Я хотел только, чтобы Вы знали, что именно произошло со мною в Москве, и еще, чтобы Вы знали, что Россия не та, какую кажется из Лондона и Парижа. Кончаю же я тем, что говорил Вам всегда: Вас я буду помнить и любить всегда, и если Вы даже от меня отречетесь и закидаете грязью, то и тогда я не отрекусь от Вас. Поклонитесь низко Вашей жене.

Мой адрес: гражданину В. В. Малиновскому, 1-я мещанская, д. № 43, кв. № 1. Москва.

Прибавлять ничего не нужно, мне передадут.

Обнимаю Вас, Ваш Б. Савинков.

P. S. С этим письмом делайте, что хотите, т. е. если найдете нужным напечатать в выдержках или целиком».

Письмо производило странное впечатление. Хотя вроде бы со многими изложенными в нем фактами спорить не приходилось (на тот момент, а лет через пять все уже было по-другому). Но напрашивался вопрос: как Савинков мог увидеть все эти картины возрождающейся России? Из тюремного окна? Или во время редких поездок в рестораны и парки на прогулки вместе с чекистами?

В общем, Савинков спутал жанры — у него получилась смесь агитационной проповеди с объяснительной запиской и исповедью. Со стороны такого талантливового литератора, как он, это было явной ошибкой, и письмо выглядело путаным и не слишком убедительным.

Рейли решил не отвечать. Он считал, что с Савинковым вообще не о чем больше говорить, и не понимал, зачем с ним вступили в переписку Философов и Арцыбашев. «Удивительная страсть к совершенно ненужной и, по-моему, даже к недостойной переписке, — писал он. — Я теперь очень рад, что я никогда в нее не ввязывался».

В марте 1925 года Рейли послал перевод письма Савинкова Черчиллю и руководству британской разведки. В сопроводительной записке Рейли назвал его смесью «лицемерия, цинизма и бездушия». Кроме того, он был уверен, что оно «написано под диктовку и прошло цензуру». И в этом был не так далек от истины.

«Козни большевиков»

Поиск денег в Америке (в очередной раз неудачный) Рейли совмещал с попытками их заработать. Он решил остаться в Нью-Йорке и снова попробовать заняться собственным бизнесом. Вместе со своими знакомыми вскоре Рейли основал компанию и открыл ее офис на Бродвее. Начало выглядело солидно.

Компания получила название «Трейдинг венчурз инкорпорейтед» (*Trading Ventures Incorporated*), у Рейли в ней был контрольный пакет акций, и он занимал пост ее директора. «Самым модным бизнесом здесь сейчас является выпуск облигаций для заграничных муниципальных корпораций и иностранных промышленных компаний, — писал он в письме одному из своих знакомых. — ...Я был бы чрезвычайно заинтересован в организации экспортно-импортных операций между Великобританией и Соединенными Штатами, как, впрочем, и во внедрении и финансировании здесь английских изобретений и технологий».

Но и это дело у него не пошло. Весной 1925 года он уже подумывал о сворачивании бизнеса. «Я окончательно решил ликвидировать свои коммерческие дела здесь, — сообщал он Бурцеву. — У меня абсолютно ничего не выходит, и я трачу свою энергию на переливание из пустого в порожнее. Кроме того, и для меня, и для моей жены жизнь здесь

стала совершенно неспособна. Мы никак не можем ужиться с американским хамством».

Эти самые «хамство» и «равнодушие» американцев были, по убеждению Рейли, только одной из причин его провалов и неудач. Другую он видел в кознях большевиков.

* * *

Рейли внимательно следил за тем, что происходило в отношениях США с Советами. Американцы не торопились официально признавать СССР, хотя кое-какие деловые связи с советским правительством уже налаживались. Например, в 1923 году в Америку приехал представитель советского текстильного синдиката, который вел переговоры о закупке крупной партии американского хлопка. 6 декабря 1923 года, президент Кулидж обратился с посланием к Конгрессу: «Наше правительство не имеет ничего против заключения американскими гражданами торговых сделок с русскими. Однако наше правительство не намерено вступать в сношения с правительством, отказывающимся от признания международных обязательств». Президент потребовал выплат компенсаций американским гражданам, которые понесли убытки от национализации предприятий в СССР, и признания долгов, числящихся даже не за царем, а за «новой Российской республикой» 1917 года. Несколько дней спустя государственный секретарь Чарлз Эванс Юз добавил, что американское правительство не вступит в переговоры с Советами, пока Москва не перестанет быть центром пропаганды против существующего в США строя.

Рейли делал все от него зависящее, чтобы это признание не состоялось. Он старался всячески привлекать внимание к отрицательным сторонам советской действительности — как в статьях, так и в лекциях, с которыми он время от времени выступал. Не стоит, конечно, преувеличивать его влияние в этом вопросе, но он старался как мог. В феврале 1925 года Рейли, например, предупреждал американские власти о том, что недопустимо коммунистам разрешать свободно проводить митинги. «Если так пойдет, то еще немного, и вы не заметите, как они будут сидеть в Конгрессе и Белом доме», — заявлял он. 16 февраля Рейли писал Бурцеву: «Я именно хотел указать, какие успехи большевики здесь уже делают (это ведь не шутка собрать 15 000 коммунистов на митинг), и дать Вам случай указать

на грозящую Соединенным Штатам опасность и предостереечь от последствий признания [СССР], впрочем, совершенно невероятного».

Впрочем, эти предупреждения мало к чему привели.

Пепита Бобадилья считала, что убежденность ее мужа в «кознях Москвы» была не просто манией преследования, обострившейся в результате очередного нервного потрясения. Нет, по ее словам, «интерес большевиков» действительно преследовал в то время ее мужа везде — и в Европе, и в Америке. И даже, когда они еще в августе 1924 года плыли на пароходе в Нью-Йорк, один из стюардов явно следил за ними. В мемуарах Пепита описывала, как, присмотревшись к этому стюарду, она сразу же узнала его: это был тот самый Дребков-Уорнер, который уговаривал Рейли поехать в Россию и возглавить там антибольшевистскую борьбу. Но муж тогда сказал ей, что Дребков шпионит слишком явно и, скорее всего, он лишь прикрытия, а настоящий соглядатай, вероятно, кто-то другой.

На пароходе было много русских, но, когда Пепита спросила у Рейли, неужели они едут в Америку, чтобы следить за ним, тот со смехом ответил, что нет — просто Советы хотят получить за океаном кредиты. Но и, конечно, кроме своих официальных представителей, шлют туда и секретных агентов, но к нему это вряд ли относится.

О другом эпизоде из серии «козней» упоминает Робин Брюс Локкарт. Якобы ОГПУ пыталось внедрить своего агента в нью-йоркскую контору Рейли под видом секретарши. Он раскусил ее довольно быстро, но не подал вида, а целый год подбрасывал ей фальшивые документы и корреспонденцию, которую она аккуратно копировала и отправляла в Москву. Основную работу приходилось выполнять поздно вечером, когда секретарша уходила домой. Постепенно определив круг ее контактов, Рейли без труда вычислил большую часть тайных большевистских агентов, работавших в Нью-Йорке.

Конечно, эта история больше похожа на сюжет из романа о «невероятных приключениях короля шпионов», но нельзя исключать, что Рейли действительно опасался происков советской разведки. Для этого у него были все основания. С 1918 года над ним висел смертный приговор, вынесенный большевиками, а свои способности «доставать» своих смертельных врагов они наглядно продемонстрировали в истории с Савинковым. Известия о странной смерти его бывшего соратника в Москве дошли до Рейли в

середине мая 1925 года*. «Вы, вероятно, уже осведомлены о трагическом конце Савинкова. Излишне говорить Вам о впечатлении, которое это известие на меня произвело. Вообще не могу писать об этом», — писал он Бурцеву. Рейли не исключал, что большевики сначала использовали Бориса Викторовича, а потом просто устранили его за ненужностью.

Впрочем, уже в 1925 году существовало и простое, весьма циничное объяснение поступка Савинкова. Известный эмигрантский журналист-фельетонист Александр Яблоновский, которого называли «королем шуток», высказался о «драме Савинкова» в берлинской газете «Руль» следующим образом: «Драма Савинкова рисуется мне в самом простом, даже простеньком виде. Обещали свободу. Несомненно, обещали. Надули. Нагло, жульнически надули. Человек не стерпел и выбросился в окно. Туда ему и дорога».

...«Очень прошу Вас собрать для меня все, что Вам попадется под руку по этому поводу. Это необходимо для округления моего трагического архива о Савинкове», — писал Рейли Бурцеву в мае 1925 года. Для чего ему был нужен этот архив? Кто знает. Может быть, для будущих мемуаров, а возможно, для того, чтобы изучить его опыт «грехопадения» и превращения в «изменника». В то время Рейли уже затеял собственную весьма опасную игру, но он и понятия не имел о том, что во многом ему тоже предстоит пройти по пути Савинкова. И испытать многое из того, что испытал и пережил он.

«ХОЧУ СДЕЛАТЬ ЧТО-НИБУДЬ ВЫДАЮЩЕЕСЯ»

К весне 1925 года Рейли почти оправился от потрясения, вызванного арестом Савинкова и своим поражением в судебном процессе. И хотя его письма по-прежнему были полны жалоб и сетований на трудности с деньгами и манеры американцев, чувствовалось, что вскоре он снова будет готов выйти на «тропу войны» с большевиками. Сам Рейли в своих письмах начал туманно намекать, что у него появи-

* Седьмого мая 1925 года после поездки в Царицыно, прогулки и хорошего ужина с коньяком Савинков, вернувшись на Лубянку, выбросился из окна кабинета № 192, где ждал конвой, который должен был доставить его в камеру.

лись кое-какие «политические дела» и, возможно, вскоре они потребуют его возвращения в Европу.

«У меня на этой почве ведутся весьма серьезные переговоры, о которых я Вам не могу еще сообщить подробностей. Возможно, что в связи с этими переговорами мне скоро придется вернуться в Европу и тогда я посвящу Вас в суть их», — сообщал он Бурцеву 3 апреля 1925 года. «Мои политические планы развиваются медленно, но, я думаю, верно, и мы скоро о них переговорим устно», — писал он ему 15 мая.

Что же представляли из себя эти «политические планы»? В двух словах: теперь ему, как раньше Савинкову, предлагали вступить в связь с «мощной подпольной организацией» в Советской России и совместно с ней бороться против большевиков. Главная загадка, на которую, по большому счету, нет ответа до сих пор, почему такой опытный человек и разведчик, как Рейли, всего лишь несколько месяцев назад предупреждавший в точно такой же ситуации Савинкова о возможности «советской провокации» и видевший потом, как оправдались его подозрения, так легко сам пошел на контакт с представителями еще одного «треста» из Советской России? Ведь этот роковой шаг и привел его к гибели.

Что же все-таки его заставило сделать это? Но обо всем по порядку.

В конце января 1925 года Рейли получил письмо от своего старого знакомого — командера Эрнста Бойса, в то время резидента СИС в Финляндии. Оно было написано эзоповым языком, но Рейли сразу же понял, о чем в нем шла речь. Возможно, с этим шифром (собственно, это был даже не шифр, а некая иносказательность) он уже встречался раньше.

«Дорогой Сидней! — писал Бойс. — В Париже к Вам могут явиться от моего имени супруги Красноштановы. Они сообщат Вам известие из Калифорнии и передадут Вам письмо со стихотворением Омара Хайяма, которое Вам необходимо выучить наизусть. Если их дело Вас заинтересует, попросите их остаться. Если же дело Вас не заинтересует, скажите просто: “Спасибо, до свидания”».

Красноштановы, по его словам, представляют предприятие, которое вскоре — года через два — приобретет большое влияние на европейском и американском рынках. Пока же оно не афиширует свою деятельность из-за притоков конкурентов, особенно двух крупных группировок.

Первая — это международная группировка очень влиятельных людей, которые опасаются, что успех предприятия «может неблагоприятно отразиться на их финансовых делах». Вторая — «германская группировка» — сама хотела бы сотрудничать с предприятием, но руководители проекта боятся, что она приберет к рукам все дело. Поэтому они установили связи с французской группой, «состоящей из менее амбициозных людей», а теперь хотят привлечь к совместной работе и английскую группу. Но дело это настолько серьезное, что они даже отказываются сообщить, кто стоит во главе их предприятия.

Тут самое время дать перевод со шпионского языка на русский. Итак: Красноштановы — это Мария Захарченко-Шульц и Георгий Радкевич; Калифорния — Россия; стихотворение Омара Хайяма — пароль, предприятие — это якобы подпольный монархический «Трест»... (То, что предприятие «года через два приобретет большое влияние на европейском и американском рынках», означало, что «Трест» планирует переворот в России через два года. Действительно, руководство «Треста» не раз давало понять, что свержения Советов следует ожидать не раньше 1926—1927 годов, после того, как организация накопит силы и будет готова выступить.) ...конкуренты из двух группировок — это, во-первых, руководство СССР и ОГПУ, а во-вторых, прогермански настроенные монархисты-эмигранты. Соответственно, под французской группой подразумеваются кутеповцы и других эмигранты, базировавшиеся в Париже, а английская группа — вероятно, британская разведка и британский политический истеблишмент.

Далее Бойс просил Рейли высказать свое мнение о том, насколько серьезно и реально «это предприятие». «Думаю, — писал он, — что этот план, возможно, заменит тот, над которым Вы в свое время работали и который так катастрофически рухнул. Вы окажете мне очень большую услугу, если согласитесь заниматься этим делом. Единственное, о чем бы я хотел бы Вас попросить, так это не посвящать в наши с Вами дела отдел, в котором я работаю, поскольку, как государственный чиновник, я не имею права заниматься подобными вещами. Я знаю Ваш интерес к делам, которые требуют терпения и выдержки в отношении всевозможных происков и враждебных действий». Опять-таки перевод: под планом, над которым работал Рейли и который катастрофически рухнул, подразумевалось, естественно, сотрудничество с Савинковым и его провал. Еще одна

важнейшая деталь — британский резидент прямо указывал в письме, что привлечение Рейли к «делам предприятия» — это исключительно его личная инициатива. И Секретная служба ничего не знает об этом.

Письмо очень заинтересовало Рейли. Оно пришлось как нельзя более кстати. Ведь он уже затратил столько сил и средств на попытки воплотить похожие идеи в жизнь, но пока все пошло прахом. А вдруг у него появляется еще один шанс?

Не последнюю роль, видимо, сыграл и тот факт, что предложение поучаствовать в «делах предприятия» поступило Рейли не от эмигрантов и не от «подпольщиков из России», которым после истории с Савинковым он вряд ли бы поверил, но от сотрудника и резидента британской разведки, которого он хорошо знал. Ведь рекомендации Бойса дорогого стоили.

Тогда Рейли и совершил первую ошибку. Он клюнул. Ведь идея письма была инспирирована в ОГПУ и оно было виртуозно подброшено Бойсу в Финляндию. О чем сам Бойс, конечно, тогда не подозревал.

«Окно в Европу»

Чекисты решили сыграть с Рейли в ту же самую игру, которую они совсем недавно блестяще провели против Савинкова. Но почему они выбрали в качестве своей цели именно Рейли? Ведь в эмиграции было немало более крупных и более символических фигур. И их захват мог бы иметь еще больший резонанс, чем в случае с Савинковым. Однако все дело как раз в том, что чекисты, по-видимому, не стремились проводить операцию против Рейли в пропагандистских целях. Нет, он был нужен им совсем не для этого.

Автор «романа-хроники» «Мертвая зыбь» Лев Никулин так описал момент зарождения идеи «заманивания Рейли» в СССР. Дело происходило во время разговора Феликса Дзержинского и его заместителя Вячеслава Менжинского:

«— Этот злодей, пока жив, не оставит в покое советский народ.

И тогда было решено поймать Рейли».

Но это, конечно, весьма художественное упрощение всего сюжета операции. На самом деле, в истории о том, как появился план заманить Рейли в «сети ОГПУ», еще остается немало белых пятен и нестыковок.

Считается, что Дзержинский поставил перед КРО ОГПУ задачу «по выводу Рейли на территорию СССР» еще в ходе операции с Савинковым. Данные о том, что Рейли проявляет большой интерес к обстановке в России, начали поступать по каналам ОГПУ еще в 1924 году. Об этом, например, докладывал Андрей Федоров. Поступали подобные сигналы и от других разведчиков. Разумеется, чекисты были не прочь поймать Рейли, так сказать, «из принципа». Ни 1918 год, ни его помощь Савинкову в Москве никогда не забывали. Но это была далеко не главная причина.

В январе 1921 года руководство ВЧК приняло решение о создании постоянно действующих курсов подготовки оперсостава. Занятия проходили в центре Москвы, по адресу Покровка, дом 27. В 1922 году они получили название Высших курсов ГПУ, а потом они неоднократно меняли название: Центральная школа ОГПУ/ ГУГБ НКВД СССР/ НКВД СССР/ МГБ СССР, Высшая школа МГБ СССР/ КГБ СССР. Первыми преподавателями курсов стали чекисты, проводившие, в частности, операции «Трест» и «Синдикат-2».

С февраля по май 1928 года на Высших курсах ОГПУ лекции по контрразведке читал и Артур Артузов. Он также выступал с лекциями в Центральной школе ОГПУ и в Высшей пограничной школе ОГПУ. Среди прочего, Артузов рассказывал и об операции «Трест», и о том, как шла разработка операции по выманиванию Рейли в СССР: «От “Треста” имелись послы в Риге, Ревеле, Париже и Лондоне. С ними считались как с представителями второго (подпольного) правительства России... Пожалуй, в некотором недоверии остались англичане. И они решили прощупать истинную силу “второго” правительства. Для этого выбрали Рейли».

Другими словами, нейтрализация Рейли могла бы, по мнению чекистов, отвести угрозу от «Треста». Еще большую ценность Рейли представлял для них как источник информации о британской секретной службе и ее агентах, а также о положении дел в английских политических сферах. Ведь в Москве господствовало убеждение, что за многими эмигрантскими организациями и поддерживающими их поляками, финнами, эстонцами, румынами стояли именно англичане.

Правда, в этом смысле чекисты переоценивали значение Рейли. Он уже несколько лет не работал в Секретной службе, да и его сведения о ситуации в британском исте-

блишменте были явно «второй свежести». Наконец, главное: непонятно, откуда у Артузова появилась информация о том, что англичане хотели использовать Рейли для того, чтобы прошупать «Трест». Известно, что он начал интересоваться контактами с «Трестом» только после того, как получил письмо от Эрнста Бойса. То есть сами же чекисты и заставили его действовать.

Согласно официальной версии советских, а потом и российских спецслужб, идея «привлечь Рейли» к работе «Треста» возникла на Лубянке. Потом ее с помощью Якушева подбросили Марии Захарченко и Георгию Радкевичу.

В январе 1925 года Захарченко и Радкевич (они же «супруги Шульц») появились в Финляндии. Главная задача их поездки состояла в организации «окна» на советско-финской границе, которое бы использовалось для нужд «Треста». Впрочем, «окно» на советско-финской границе уже существовало, и им в своих интересах пользовались финны. Они же потом как бы «сдали его в аренду» русским контрреволюционерам. Но ни они, ни представители белой эмиграции еще не догадывались, что «окно» — это тоже часть операции ОГПУ.

* * *

Теперь необходимо познакомиться еще с одним человеком, сыгравшим огромную роль в операции с Рейли и вообще во всей «операции “Трест”».

В 1925 году ему только-только исполнилось 24 года. По национальности он был финном, родился в Гельсингфорсе, участвовал в Октябрьской революции в России и в гражданской войне в Финляндии в 1917—1918 годах (естественно, на стороне красных). После поражения красных в Финляндии снова вернулся в Россию, участвовал в Гражданской войне, окончил школу красных командиров и был направлен служить на советско-финскую границу начальником 13-го кордона (в мае 1924 года кордоны были переименованы в заставы) под Сестрорецком и Белоостровом. Направление это было опасное. До Петрограда рукой подать, и если нарушитель благополучно сумеет перейти границу, вряд ли его потом вообще найдешь в большом городе. Звали этого человека Тойво Вяха.

После событий 1925 года он бесследно исчез. И появился только спустя 39 лет, когда консультировал писателя Льва Никулина, работавшего над романом «Мертвая зыбь».

А в начале 70-х годов в Петрозаводске вышла небольшая книжка «Красные финны», автором которой значился «И. М. Петров (Тойво Вяха)».

Откуда у него появился такой псевдоним — об этом немного позже. Что же касается книги, то это были его «литературные мемуары» о различных эпизодах жизни и службы. В том числе и об «операции “Трест”». Конечно, необходимо сделать скидку на то, что воспоминания Вяха, скорее всего, были записаны и потом обработаны кем-то из литературных редакторов в духе требований того времени. Но и при этом они остаются ценным и ярким свидетельством о тех событиях.

В то время граница между СССР и Финляндией проходила по реке Сестре (Раяйоки). Никаких инженерных сооружений и контрольно-следовых полос на ней еще не было, да и проложить их не могли — вся земля находилась еще в частном пользовании. «Но выход нашли, — писал Вяха. — В лесных массивах стебельки травинки связывали вершами одну к другой. И так на протяжении многих сотен метров. Местами даже по два-три ряда. Получается неплохая контрольная полоса! Внимательно, метр за метром, осматривали береговые откосы — изучали, какие следы на них оставляет нарушитель».

Весной 1924 года Вяха срочно вызвали к руководителю Ленинградского ОГПУ Станиславу Мессингу и дали секретное задание. Он должен был установить связи с финскими контрабандистами, доставляющими через границу дефицитные товары. Расчет чекистов состоял в том, что вскоре «продажным пограничником» заинтересуется и финская разведка, которая будет с его помощью переправлять в СССР своих агентов.

Почему выбор пал именно на него, Вяха так никогда не узнал. Да и задание ему не понравилось. Однако он приступил к его выполнению. Дела пошли удачно. Вскоре у него уже действительно имелись связи с контрабандистами, а затем с той стороны границы прибыли и более важные люди. Они прямо заявили ему: контрабанда — это ерунда, он может заработать гораздо больше, а потом и вернуться на родину, в Финляндию, если будет выполнять их указания. При этом намекнули — в случае чего, о связях Вяха с контрабандистами они могут сообщить и советским властям.

Вяха начал демонстративно сомневаться, спросил, как ему будут переводить деньги. Попросил, чтобы деньги пе-

реводили на банковский счет в Финляндии — зачем ему они в Советском Союзе? Но, в общем, согласился.

Прошло еще некоторое время. Его снова вызвали к Мессингу, который сообщил, что Вяха теперь поступает в распоряжение русских монархистов. Финны остаются лишь в роли связных. «А вы через границу будете переправлять людей. Опасных врагов. И туда, и обратно», — сказал Мессинг.

Люди через его «окно» проходили разные. Были всякие, «и опасные враги, и пустышки. Проходили также и свои». Некоторых он помнил и спустя сорок с лишним лет. Был некий капитан царского флота, который не умел плавать и жутко боялся воды. Вяха перетягивал его через пограничную реку веревкой — как бревно.

Однажды он перебрасывал за границу родственников важных особ. Это делалось для того, чтобы показать могущество «Треста», а эти люди, как сказали Вяха чекисты, обычные «лоботрясы» и не нужны даже в тюрьме. Один вроде бы даже приходился племянником самому Врангелю, другой был музыкантом и даже границу переходил с каким-то инструментом в футляре.

Но больше всего ему запомнились Георгий Радкевич и Мария Захарченко. Умные, сильные, смелые, решительные, волевые и идейные противники. Особенно Захарченко. Правда, Вяха в своих мемуарах написал, что она прошла путь от патриотки России до садистки, которая наслаждалась «страданиями всех пролетариев и мужиков, захвативших Россию, Россию ее дяди [Вяха считал ее настоящей племянницей генерала Кутепова. — *Е. М.*] и монарха... Веревки, виселицы, взрывчатки, крови ей надо!». Ну, да можно подумать, что на другой стороне были только душевные и добрые люди...

«Шульц — женщина средних лет, — отмечал Вяха. — Хорошо сложенная, с красивым лицом, только немного зеленоватого оттенка. Одевалась со вкусом, но скромно, под сельского врача. И саквояж в руке носила маленький, рыжий, как у врачей тех лет. И инструменты в нем. Но не медицинские, а те, которыми отправляют на тот свет. Таких “инструментов” у нее всегда было много. Малюсенькие — в руке, под перчаткой. Покрупнее — в кармане пальто и совсем внушительное оружие — в саквояже».

Захарченко, по его словам, в любой момент могла проверить его. Даже по мелочам. Однажды, например, хотела подарить ему кожаный портсигар, отделанный золотом.

Вяха взять его отказался — сразу же возникнет вопрос: где он раздобыл эту дорогую вещь? А если бы взял? Значит, он таких вопросов не боится. Тогда одно из двух: либо он глупый и неосторожный человек, либо агент ОГПУ. В любом случае, доверие к нему было бы подорвано.

Несколько раз через границу Вяха переводил и Якушева. Однажды Мессинг вызвал пограничника к себе, а у него в кабинете сидел какой-то человек, закрывшийся газетой. Мессинг поинтересовался у Вяха мнением о «господине», которого он накануне переводил через «окно». Тот сказал, что это опаснейший и умный враг. Тогда человек с газетой сложил ее и оказался Якушевым. «Было вначале неловко. Потом посмеялись», — вспоминал Вяха.

За время работы «окна» он не раз встречался и с финнами, но те, по его словам, вели себя очень осторожно и были всегда в штатском — Вяха особо отметил этот факт после того, как в сериале «Операция “Трест”» на границе появился финский офицер в полной военной форме. Если же с ним встречались русские монархисты, то финны тут же исчезали: все должно было быть обставлено так, как будто финские власти ничего не знают об «окне». К нему финны относились корректно, и его счет в банке регулярно пополнялся — словом, с ним вели честную игру.

Роль «хозяина окна» Вяха играл полтора года. Он очень устал. К тому же его начали подозревать сослуживцы. Еще бы, странно себя ведет, отлучается с заставы. Раскрывать его роль раньше времени было нельзя, поэтому особо бдительных пограничников отсылали с 13-й заставы подальше, «без права выезда до особого приказа».

* * *

В январе 1925 года Вяха переправил в Финляндию «супругов Шульц» — Марию Захарченко и Георгия Радкевича. Через некоторое время они встретились с представителем генерала Кутепова в Хельсинки Николаем Бунаковым. Он также представлял и интересы «Треста» — был как бы его «послом».

Эмигрант, бывший эсер Бунаков сотрудничал также с британской разведкой и имел кодовое имя СТ28. Благодаря своим «шпионским» связям он свел «Шульцов» с резидентом СИС в Финляндии Эрнстом Бойсом и сотрудниками финской военной разведки, в том числе с начальником пограничной полиции Выборгского округа (по другим дан-

ным — начальником разведотдела финской пограничной полиции) капитаном Густавом Эриком Розенстремом.

Во время встреч с Бойсом они и изложили ему предложение «Треста» — привлечь к активной работе против большевиков Сиднея Рейли. Мол, многие члены организации хорошо помнят его по 1918 году, и вообще, участие такого опытного офицера и разведчика в борьбе, несомненно, приблизит «день победы».

Бойс согласился с «Шульцами» и написал Рейли в Нью-Йорк о том, что с ним хотят встретиться «супруги Красноштановы».

Удочка была заброшена — теперь оставалось только ждать, как поведет себя «большая рыба». И Рейли, как уже говорилось, клюнул.

«Дело освобождения России есть самое важное дело в жизни»

В ответном письме Бойсу Рейли выразил сожаление, что не смог встретиться с «калифорнийцами» в Париже, но подчеркнул, что «план, который предлагают калифорнийские купцы, представляет исключительный интерес». Он отметил, что «рядовые акционеры» хорошо понимают, что они хотят и какими средствами могут осуществить свои цели. Но им, по мнению Рейли, не хватает денег и понимания, «кто главные игроки на этом международном рынке».

О деньгах Рейли писал, что найти их можно, но только при условии, что план будет полностью готов и что из него будет ясно — трест действительно готов справиться с «реорганизацией предприятия». Он даже называл людей, которые могли бы помочь как деньгами, так и «связями с международным рынком». Первым он назвал «крупного представителя автомобильной промышленности» — имелся в виду знаменитый Генри Форд. Осталось, правда, непонятным — всерьез ли Рейли писал о возможности поддержки со стороны Форда и Черчилля, или же все это было из области его очередного политического прожектерства?

О Черчилле Рейли писал: «Я всегда находился с ним в добрых отношениях, а прошлым году, после краха моего предприятия, у меня с ним состоялась интересная переписка по этому вопросу. Он готов выслушать любые здравые

идеи, особенно если они представляют интересы меньшинства. Он заявил об этом в одном из своих конфиденциальных писем ко мне».

В конце письма Рейли замечал: «Я был бы рад, если бы калифорнийцы вступили в связь со мной лично либо путем переписки».

Получив ответ Рейли, Бойс связался с Николаем Бунаковым и соединил их между собой напрямую. Между агентами СТ1 и СТ28 завязалась переписка.

«Бунаков изъявил желание связаться с Рейли, видя в нем не только представителя “владычицы морей”, помощь которой неплохо заполучить, но и человека, который обладает определенным опытом колонизаторских методов свержения неугодных режимов, — рассказывал Артузов. — Отсюда и оживленная переписка с ним. Бунаков снабжал англичан некоторыми сведениями из России». Так Рейли с ОГПУ соединила еще одна ниточка.

Рейли очень быстро вошел во вкус. Уже 27 марта 1925 года он написал Бунакову длинное письмо, почти трактат (чувствуется, что после того, как прервалась его переписка с Савинковым, соскучился по таким «политическим» письмам), в котором высказывал свои соображения о средствах борьбы с большевиками в России.

Это послание крайне любопытно. Во-первых, оно не только дает представление о том, как Рейли видел тактику и стратегию действий контрреволюционных сил в Советском Союзе, но и показывает его способности аналитика, пытающегося нарисовать картину развития событий в ближайшем будущем. И, судя по письму, аналитиком Рейли оказался далеко не блестящим:

«7/III—925

Глубокоуважаемый Н. Н.

Я надеюсь, что этот первый обмен письмами положит начало полезной совместной работы с Вами и Вашими друзьями. Считаю необходимым поэтому, чтобы мы поняли друг друга до конца и нашли общую почву по некоторым основным вопросам.

Решение общерусского вопроса (я оставляю в стороне проблемы национальностей, федерации и т. д.) зависит от трех главных моментов: 1) положения власти, 2) отношения населения, 3) способов борьбы. Ограничусь самым кратким разбором первых двух, т. к. вероятно, в их оценке мы сходимся.

1) Положение власти. [здесь и далее подчеркнуто Рей-ли. — *Е. М.*] Власть медленно, но неминуемо разлагается и отмирает. Героический период закончен весной 1921 г.; наступивший затем период попыток консолидации власти и стремления к строительству (НЭП) не мог дать желательных результатов в виду страшного напора голода и экономического развала (о других причинах — лишнее говорить). С момента смерти Ленина начинается уже явное разложение (склока, уступки, чередующиеся с “реакцией” Троцким и т. д.). Пафос исчерпан, мировая революция не удалась, крестьянство не завоевано — власть должна пасть. Это аксиома. Вопрос только когда? Следует думать, что процесс отмирания будет медленный, т. е. может продлиться еще 2—3 года, т. к. огромное число людей (миллионов 5—6), занимающих в стране так или иначе привилегированное положение, кровно заинтересованы в сохранении власти. Как падет власть? Следует думать, что не иначе как революционным, насильственным путем, как падала всякая другая негодная и ненавистная власть в мире.

2) Отношение населения. Все указывает на то, что оно — в своих широких массах — настроено к власти определенно отрицательно. Я не склонен переоценивать этого явления. Отношение населения не действенное. Население (т. е. крестьянство) просто ускользнуло от власти, но оно ни к кому другому не пристало и, вероятно, долго еще не пристанет. — Ближайшими активными факторами могут явиться только рабочие (я включаю кооперативы всякого рода) и армия. Первые, при удачном стечении обстоятельств (неуплата жалованья, недостаточный подвоз продуктов, забастовки), могут быть быстро подняты против власти, но успех будет зависеть всецело от отношения армии. Красная армия до сих пор для меня неразрешимая загадка. Существенный вопрос: что идет быстрее — инфильтрация в армию здорового крестьянского элемента или коммунизация рекрута? Вероятно, в первых стадиях переворота больше всего нужно считаться с специальными частями ГПУ и ЧОН. О них я мало знаю достоверного, но допускаю, что и они, хотя бы ввиду своей численности, не могут в удачный момент избежать действия общего закона солдатского бунта, т. е. должны поддаться массовому настроению окружающей среды.

Мы это видели в марте 1917 г. на примере столичной полиции, жандармерии и т. д.

Перехожу к самому важному: способам борьбы. Оставим в стороне все применявшиеся до сих пор способы: белые и зеленые вооруженные действия, сшитые белыми нитками заговоры, интервенции и все эмигрантские предприятия. Все они изжили свою целесообразность. Так или иначе импульс борьбы должен исходить из России и материал для организации борьбы должен быть найден там же (я оставляю в стороне вопрос о введении в удобный момент врангелевских войск и т. д.). Существует ли этот материал? Я думаю, что да — население, враждебно настроенное к власти, откидываю, как материал непригодный или негодный в период организации борьбы. Приходится рассматривать его только как благоприятную среду. Но в этой среде заметна уже агломерация пригодного материала. В первую очередь я ставлю все так называемые оппозиционные группы. Мне кажется, что ими можно воспользоваться как “саперными частями” в предстоящей борьбе. Всех их объединяет по крайней мере одно страстное желание: “ô t toi que je m’y mette”*. Они меньше всего способны минировать крепость власти. Но самый надежный и, с нашей точки зрения, желательный материал нужно искать в беспартийной среде соработников, офицеров и т. д. — Поэтому первый и главный способ борьбы я вижу в организации тесного контакта со всеми теми группами, которые, хотя, близко соприкасаясь с властью и составляя часть ее, все-таки являются естественными ее врагами и жизненно заинтересованы в ее свержении. Это значит постоянное проникновение в армию, в ГПУ, во все части аппарата власти, в рабочие союзы, в кооперативы. Это значит будничная кропотливая темная работа на значительный срок. Возможна ли такая работа при настоящих условиях, совершенно ускользает от моего кругозора — но без нее я не жду успеха.

Такого рода организация предполагает исключительно крепкий и конспиративный центр. Возможно ли его длительное существование при настоящих условиях — не знаю — Русская история являет несравненный пример такой организации — это “Народная Воля”. Я думаю, что, чтобы спасти Россию, нужно воскресить целиком (только минус социализм) Исполнительный Комитет Народной Воли со всеми его способами борьбы. На первый я уже указал. Второй я вижу в пропаганде (насколько она сейчас воз-

* Если бы не было тебя, я бы занял твое место (фр.).

можно), а главным образом, в создании органа (хотя бы за границей), но питаемого исключительно Русскими силами изнутри. Эмигрантская пресса потеряла всякое значение, как за границей, так и в России; из боевой она превратилась или в узкую партийную, или, за немногими исключениями, в просто обывательскую. — Каждое движение должно иметь голос! Этот голос должен быть достаточно могучим, чтобы его слышали и в России, и за рубежом, и этот голос должен быть авторитетным.

Третий способ, вне которого, по моему глубокому убеждению, нет спасения — это террор. Террор, направляемый из Центра, но осуществляемый маленькими независимыми группами или личностями против отдельных выдающихся представителей власти. Цель террора всегда двойка. Первая — менее существенная — устранение вредной личности; вторая — самая важная — всколыхнуть болото, прекратить сплавку, разрушить легенду о неуязвимости власти, бросить искру!

Нет террора — значит, нет пафоса в движении, значит, что жизнь с такой властью еще не сделалась решительно невозможной; значит, что движение преждевременно или мертворожденно.

Вы скажете, что хорошо говорить о терроре тем, кто сидит за границей, а я отвечу Вам, что я знаю людей, потративших громадную энергию на его подготовку (соответственно с настоящей обстановкой и с последними требованиями техники) и готовых пойти на него, как только будут в наличности нужные средства.

Итак, вот три главных способа: организация, пропаганда и террор. Повторяю: я не знаю, насколько при настоящих условиях эти способы доступны, но я уверен, что в них “все законы и пророки”.

Перехожу теперь к другой проблеме, удачное разрешение которой будет играть огромную роль в борьбе против власти. Это отношение правительств Европы и Америки. Разочарование в прошлых интервенционных попытках и царящая в Европе индифферентность к русским делам вызвали среди русских политических деятелей настроение “сами обойдемся”. Это настроение имеет нечто сродни со старым “шапками закидаем” и так же опасно. Я считаю напротив, что моральная и материальная поддержка Европы и Америки означают половину победы в период борьбы против власти и почти что всю победу после свержения власти. Это тем более верно, что даже большевики, проиграв

все кампании, видят теперь свое единственное спасение в признании их Европой и Америкой. И они отчасти правы. Если бы Европа и Америка признали их три года тому назад, то они были бы спасены надолго.

Я вижу из Вашего письма к Б[ойсу] от 5 с[его] м[есяца], что в этом вопросе между нами нет разногласий. Остается неразрешенным вопрос, какими путями может быть приобретена активная моральная и материальная помощь Европы и Америки. По этому вопросу я хотел бы высказаться более подробно, предполагая, что моя оценка отношения Европы и Америки к русскому вопросу может быть бесполезной.

Русский вопрос, как всякая затяжная болезнь — потерял для внешнего мира свой поначалу жгучий интерес. Для большинства государственных людей он утратил даже свою прежнюю цену тактического фактора в их внутренней и внешней политике. Так, например, советско-японский договор (при всех других обстоятельствах крупнейший факт) еле произвел зыбь на поверхности всемирной политики... Коммунистический и даже социалистический год в Европе — что бы ни говорили алармисты и русская эмигрантская пресса — проходит. Разгульные дни революционного подъема на исходе, наступают будни социального замирения и экономического строительства. Жупелы Красной Армии и Коминтерна — разоблачены. Они не в силах нарушить устанавливающееся политическое и социальное равновесие. Военная авантюра со стороны большевиков мыслима только как последний конечный акт (“хлопнуть дверью”). Экономически, Россия хотя только временно, но определенно сброшена со счетов. Концессии больше не прельщают даже самых больших оптимистов или спекулянтов. Русские долги попали в категорию “Американских наследств”. Вопли и заявления русской эмиграции — голос, вопиющий в пустыне; споры и претензии русских политических партий вызывают недоверие и презрение, а такие манифесты, как “царя” Кирилла, служат темой для юмористов. Дело Савинкова окончательно подорвало всякое доверие Европы и Америки к русским антибольшевицким начинаниям.

Удивительно ли после этого, что создалась атмосфера как будто бы полного индифферентизма к русскому вопросу? Я говорю “как будто”, потому что глубоко уверен, что при первом известии о каком-нибудь серьезном начинании против Советской власти внутри России индифферентизм

этот исчезнет и русский вопрос снова займет подобающее ему место (как, например, укажу на историю с Троцким: весь мир насторожился в чаянии событий!). Я уверен, что крупный террористический акт произвел бы потрясающее впечатление и всколыхнул бы по всему миру надежду на близкое падение большевиков, а вместе с тем деятельный интерес к русским делам.

Но такого акта налицо нет и возможно долго еще не будет, а поддержка Европы и Америки необходима уже в начальных стадиях борьбы. Я вижу только один путь приобрести ее.

Возвращаясь к примеру “Народной Воли”. В самом начале своей деятельности Исп[олнительный] Ком[итет] Нар[одной] Воли объявил через мировую печать, что он начинает борьбу против царского правительства, и определил конечные цели борьбы. Эта декларация и многие другие, которые последовали за нею, возбудили, в свое время, необыкновенный интерес по всему миру; заявлений и действий Нар[одной] Воли ждали; они влияли на политику некоторых держав по отношению к России и на русский кредит за границей. Одно время с Нар[одной] Волей считались почти что как с тайным правительством. Это было во время величайшей прочности царской власти!

Не целесообразен ли тот же метод теперь? Тем более что теперь весь мир жаждет падения советской власти! Что весь мир хочет верить, что падение это возможно. Не произвела ли бы подобная декларация в тысячу раз большее впечатление теперь?

Нужно, чтобы мир знал, что есть в России еще одна сила — помимо большевицкой; нужно, чтобы мир услышал из России еще один голос — не большевицкий! Если в России образовался Центр, объединяющий активные и влиятельные элементы, стремящиеся к свержению власти, и при наличии благоприятных обстоятельств способные свергнуть и заменить власть, то необходимо, чтобы этот центр заявил о своем существовании. Практически (не называя, конечно, имен) это вполне выполнимо. Такая декларация должна быть сделана и в заграничной прессе, и отдельно и формально всем правительствам. Декларация была бы подписана за центр его заграничными представителями. Впечатление, произведенное ею, в значительной мере зависело бы от имен этих представителей.

Нужно особенно тщательно избегать имени тех, которые за границей уже идентифицированы с каким-нибудь

определенным политическим направлением, иногда одиозным или не возбуждающим доверия. Это весьма трудно-разрешимый вопрос. Не буду останавливаться на тексте декларации. Ясно, что в ней должно быть сказано о нынешнем положении страны, о разрастающемся против власти движении, о неминувости падения ее, о необходимости канализации движения, чтобы избежать возможной анархии, об элементах, на которые центр опирается, о политическом и социальном строе после переворота и т. д., и т. д.

Поскольку декларация рассчитана для заграницы, она должна заявить об аннулировании всех большевицких декретов, договоров, концессий и т. д., вредных интересам России, о подтверждении создавшегося аграрного Status quo о предоставлении народу окончательного выбора государственного строя и формы правления, о предоставлении отдельным народностям права автономии или федерации; о признании всех русских долгов (в зависимости от решения особой конференции), о согласии вступить в Лигу Наций и присоединиться к разоружительным трактатам, о раскрепощении торговли и промышленности и предоставлении всем нациям равных экономических возможностей.

Одновременно с этим необходимо принять меры, чтобы, по крайней мере, главные правительства через своих представителей, агентства и т. п. были бы в нужной и возможной мере осведомлены о качественном составе (без имен, понятно) Центра, о его влиянии в разных отделах аппарата власти, периодически о его деятельности и т. д. Это чрезвычайно важно. Основание политики каждого правительства есть правильное и проверенное осведомление, исходящее от его собственных доверительных агентов. Чем интенсивнее эти агенты будут снабжаться сведениями, выдерживающими проверку, чем больше центр будет идти им в этом отношении навстречу, тем более энергично они будут работать для Центра своих правительств. Я в этом отношении имею опыт большой и знаю, как много может быть достигнуто этим путем.

Я нисколько не претендую на то, что мое предложение включает в себе нечто новое... Я уверен, что предлагаемая мною декларация, исходящая из России, от сильного, внушительного Центра, произвела бы огромное впечатление и нанесла бы тяжелейший удар советской власти в ее заграничной деятельности.

Понятно, что не должно ограничиваться одной декларацией. Она обязывает. Должны последовать дела. Нужно вступить в переговоры с выдающимися деятелями за границей. Нужно изыскать серьезные денежные средства. Последнее очень трудно, но при правильной постановке дела вполне возможно... Все будет зависеть от реальности организации Центра, от конкретности его планов и от выбора его представителей.

Мне кажется, что я высказал все, что, по-моему, фундаментально важно сейчас. Я недостаточно осведомлен, чтобы рискнуть вдаваться в детали.

За себя скажу следующее: для меня дело освобождения России от большевицкой власти есть самое важное дело в жизни; я готов служить ему всем, чем только могу. Каждая несоциалистическая организация или группа лиц, которая работает над свержением большевицкой власти и над восстановлением политически, социально и экономически здоровленной России, может всецело мною располагать.

Я надеюсь, что наша последующая переписка ближе определит те направления и роли, в которых я могу быть наиболее полезным Вам и Вашим друзьям.

Я прилагаю все усилия к тому, чтобы по возможности скоро на некоторое время вернуться в Европу. Я надеюсь, что мне удастся выехать отсюда в середине апреля, и в таком случае я направлюсь отсюда прямым пароходом в Гельсингфорс или Прибалтику на свидание с Вами или Б. В случае надобности я готов на короткое время съездить для свидания с Вашими друзьями в Москву.

Искренне преданный Вам. С. Р.».

Многие пассажи из этого письма (оно попало в ОГПУ) позже не раз цитировались в советских газетах и трудах по истории как доказательство террористических планов самого Рейли и стоявшего за его спиной Запада.

Конечно, из песни слов не выкинешь — Рейли все это действительно писал, однако никаких терактов он организовать не успел. А вот генерал Кутепов и его подчиненные, которые, наверное, могли бы подписаться под каждой строчкой рассуждений Рейли о терроре, позже попробовали провести в жизнь идеи, изложенные в письме. Но самого Рейли тогда уже не было в живых.

С этим письмом мы еще встретимся — с ним в дальнейшем вышла интересная и весьма загадочная история. Но о ней чуть позже.

«Не желаю уходить на отдых»

Тридцатого марта Рейли написал Бойсу: «Мне исполнился 51 год, и я хочу сделать что-нибудь выдающееся, пока еще позволяют силы. Я не желаю уходить на отдых. Хотя Вы и моложе, чем я, мне почему-то кажется, что Вы мыслите таким же образом. Нет смысла говорить, насколько глубока моя благодарность за Ваши предложения. Я ощущаю уверенность, что в случае договоренности с нужными людьми мы сможем сделать работу не только в величайших интересах в общем понимании, но и для себя лично».

Узнав об ответе Рейли, Мария Захарченко почувствовала себя по-настоящему счастливой. Еще бы, она прекрасно знала, кто такой Рейли, а его позиция не вызывала сомнений — англичанин заявил о себе как стороннике террора, и в этом он совпадал во взглядах с генералом Кутеповым. Захарченко торжествовала: она была уверена, что именно Рейли сможет переломить ситуацию внутри самого «Треста», который от тактики ожидания, неопределенности и пассивности перейдет, наконец-то, к «прямым действиям» против большевиков. То есть к терактам.

Теперь оставалось только ждать.

Четвертого апреля Рейли сообщил Бойсу, что должен «лично осмотреть фабрику». Только после этого, по его словам, можно будет «прийти к окончательному соглашению относительно дальнейшего “плана производства и его усовершенствования”». «Я не только этого хочу, но страстно желаю это сделать и готов выехать немедленно после того, как улажу все свои личные дела», — отмечал он. Сначала он собирался встретиться с «трестовцами» в июне—июле 1925 года. Но все получилось по-другому.

Он должен был приехать в Европу весной—летом 1925 года. Но не приехал. В июле генерал Кутепов провел в Париже совещание, в котором участвовали прибывший из Москвы Якушев, «супруги Шульц» и Эрнст Бойс. Последний написал Рейли несколько писем, приглашая его приехать в Париж. 4 июля Бойс отправил ему телеграмму: «Все готово для общей встречи. Просим сообщить, когда приедете. Е.».

Но Рейли в Париже так и не появился. Чем же объяснялось это промедление с его стороны? Самая распространенная версия состоит в том, что он задержался из-за проблем в своем бизнесе. Действительно, дела шли у Рейли не

очень хорошо, о чем он и писал в одном из писем Бойсу. Но, возможно, это была не единственная причина.

Не исключено, что на планы Рейли повлияла и странная смерть Савинкова в мае 1925 года. Возможно, в этот момент его вдруг стали одолевать сомнения — ведь Савинкова тоже заманили в Советский Союз от имени некой подпольной организации. Может быть, он взвешивал все риски и анализировал возможные последствия своего непосредственного контакта с «трестовцами»? Точно ответить на этот вопрос уже, по-видимому, невозможно.

Тем временем чекисты провели операцию, которая еще больше укрепила авторитет «Треста». У представителя «Треста» и генерала Кутепова в Финляндии Николая Бунакова в Москве остался родной брат Борис. «“Посол” [Николай Бунаков. — *Е. М.*] был связан со своим братом, на родине, давшим согласие сотрудничать с нами, — рассказывал Артузов. — Брат регулярно информировал Бунакова о делах в России, в частности о состоянии “Треста”, представляя его как вполне дееспособную организацию, способную повернуть судьбу России».

Якушев в Финляндии не раз встречался с Николаем Бунаковым, и во время одной из этих встреч тот попросил передать брату привет. Пообещав это сделать, Якушев вдруг неожиданно предложил: «А не хотели бы вы повидаться с ним? Мы могли бы доставить его к вам, в Гельсингфорс». Через некоторое время, в августе 1925 года, братья действительно встретились в Финляндии. Тойво Вяха перевел Бориса Бунакова через «окно» на советско-финской границе.

Разумеется, доверие Николая Бунакова к «Тресту» после встречи с братом возросло еще больше. К тому же он теперь чувствовал себя в долгу перед московскими «подпольщиками». На этом чекисты тоже строили свой расчет — позже, когда Рейли будут уговаривать «прокатиться» на несколько дней в Ленинград и Москву, Бунаков горячо поддержит эту идею, указав на надежность канала, по которому «Трест» переправляет людей через границу.

Но ни в июле, ни в августе 1925 года от Рейли по-прежнему не было никаких вестей. Вернее, вести-то были, но о своих планах приехать из Америки в Европу и встретиться там с представителями «Треста» он не сообщал ничего конкретного. В Москве уже начинали тревожиться. Дзержинский, Менжинский и Артузов забрасывали Якушева указаниями и просьбами — срочно узнать, где нахо-

дится Рейли и когда он собирается в Европу. Однако Якушев тоже не мог сообщить ничего нового.

Дзержинский уже терял терпение. Казалось, что так удачно стартовавшая операция оказалась под угрозой и, возможно, Рейли разгадал игру ОГПУ. Но тут, наконец, из Нью-Йорка пришла телеграмма от Рейли и Пепиты: «Выезжаем 26 августа, будем в Париже 3 сентября». Действительно: они купили билеты на пароход и 26 августа отплыли из Нью-Йорка. Рейли тогда еще не мог знать, что для него это был *one way ticket* — билет в один конец.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Рейли и Пепита прибыли в Париж 3 сентября. Здесь их встретил Эрнст Бойс. Затем на некоторое время Рейли с Пепитой расстались — она уехала в Бельгию навестить свою мать. Он же встречался в Париже с Александром Гучковым, Бойсом и, вероятно, с кем-то из «Треста».

Уже в Москве Рейли рассказывал, что ездил еще и в Лондон, где встречался с Черчиллем. На вопрос о поддержке «Треста» он ответил, что не обещает ее — по крайней мере до тех пор, пока «московская организация» не предъявит «конкретные свидетельства» своей дееспособности. Но осторожность Черчилля не повлияла на планы Рейли. Судя по всему, он уже тогда принял решение. Когда из Бельгии вернулась Пепита, она нашла мужа в боевом и решительном настроении. Рейли сказал, что убежден в подлинности и потенциале «Треста». Он так рвался в бой, что даже радикально настроенные эмигранты советовали ему вести себя осторожнее.

В Париже Рейли, Пепиту и Бойса пригласил на ужин генерал Кутепов. Отношения между Рейли и Кутеповым были сложными: бывший агент британской разведки считал, что «Трест» вообще должен отказаться от контактов с «правыми монархистами», поскольку они, по его мнению, могут стать препятствием для получения иностранной помощи.

Но даже Кутепов за ужином предупредил Рейли — ни в коем случае не следует поддаваться на уговоры «трестовцев» перейти советскую границу. «Пусть они приедут к вам, — сказал генерал, — с московским Центром можно договориться, чтобы они приехали в Гельсингфорс на свидание с вами».

Трудно сказать, чем руководствовался Кутепов, предупреждая Рейли. Действительно ли он думал в этот момент о его безопасности или опасался, что в России окажется сильный конкурент его эмиссарам? Но парадоксальным образом повторялась недавняя ситуация с Савинковым, и теперь уже сам Рейли мог в полной мере ощутить, какие мучения и раздумья овладевали его бывшим другом перед отъездом в СССР. Фактически на кон ставилась его жизнь.

Рейли принял совет Кутепова к сведению, но его в итоге не послушался. Почему? Неужели он настолько уверовал в свою счастливую звезду? Или трезвый анализ ситуации отступил перед желанием во что бы то ни стало отомстить большевикам, а заодно и добиться каких-то личных бонусов от всей этой истории? Непонятно. Одно можно сказать — Кутепова он не послушался зря.

Из Парижа они выехали вместе с Пепитой. Доехали поездом до Кёльна. Здесь их пути разошлись. Рейли отправлялся через Берлин в Финляндию, а Пепита ехала в Гамбург, где должна была дожидаться его возвращения. Последний раз они видели друг друга на перроне. Перед самым отходом поезда в Берлин Пепиту вдруг охватили дурные предчувствия и ее начали душить слезы. Поезд тронулся, и Рейли махал ей рукой, пока совсем не исчез из виду.

В Хельсинки Рейли прибыл 22 сентября. Он писал Пепите, что поездка прошла ужасно: ужасной была погода, на «посудине», на которой он плыл в Финляндию, у него ужасно болел живот и ужасно раскалывалась голова.

В первые же дни своего пребывания в Финляндии Рейли сначала встретился с Николаем Бунаковым, а потом с Марией Захарченко и Георгием Радкевичем («Шульцами»). Последние, особенно она, произвели на него очень сильное впечатление.

«Шульцы (они поддерживают связь между К[утеповым] и внутрироссийским миром) удивительная пара, — писал он Пепите. — Он совсем почти мальчик, очень славный и, видно, очень храбрый. Она же настоящий командир. Это тип американской школьной наставницы, довольно распространённый в России. Серая и невзрачная, но волевая и упорная женщина. Говорить с ней было очень интересно (вернее, слушать, потому что она сама все время говорит). Сведений у нее масса. Понятно, повторять в письме то, что я узнал, не могу, но если четверть того, что она говорит, основано на фактах, а не на воображении, то действительно Россия находится накануне важных и решительных собы-

тий. Во всяком случае, я не уеду отсюда, пока всего не выясню».

Встреча с представителями «Треста», на которую должны были прибыть руководители организации из СССР, планировалась в Выборге. Тогда этот город принадлежал к Финляндии и находился недалеко от советско-финской границы.

Во вторник, 22 сентября, Рейли сообщили, что переговоры состоятся 24—25-го. Он тут же написал Пепите: «Завтра утром еду в Выборг и пробуду там четверг и пятницу. Вернусь сюда в субботу утром и в субботу же сяду на пароход. Из Штецина телеграфирую: поеду ли прямо в Гамбург или заеду в Берлин. Во всяком случае, в понедельник, 28-го, я обниму тебя, родная...» Вскоре от него пришла еще телеграмма: «Должен провести здесь конец недели. Выеду пароходом в среду. Буду в Гамбурге в пятницу. Телеграфирую мне в Выборг, отель “Андреа”*».

Из этих сообщений видно, что в Советский Союз Рейли изначально не собирался. Но это пока. «Все шло по драматическому закону нарастания действий, — рассказывал Артузов в своей лекции курсантам ОГПУ. — Для пушей впечатлительности, а главное — чтобы заставить Рейли отправиться в далекое путешествие, были командированы наши люди, разумеется, от имени “Треста”. Они стали своего рода снарядом для начала атаки, убеждая Рейли, что он должен все посмотреть своими глазами, лично оценить состояние организации. Само появление Рейли как английского представителя вызовет еще большую активность “Треста”. Ему гарантирована полная безопасность в переходе границы».

Операция по заманиванию Рейли в СССР подходила к своему апогею. В двадцатых числах сентября через границу с помощью «окна» переходили Захарченко и Радкевич. «Последний раз через мое “окно” она прошла за два-три дня до перехода к нам С. Дж. Рейли, — вспоминал Тойво Вяха. — Не просто прошла — еще раз проверила. За день или за два до этого в Финляндию проследовал Радкевич. Тоже проверял, конечно. “Окно” выдержало эти проверки».

По словам Вяха, в этом переходе Захарченко лишь жаловалась, что в реке много воды и она слишком холодная.

* Отель «Андреа» на углу Екатерининской и Церковной улиц (финский адрес — Пиисранкату, 6, современный — улица Подгорная, 6) считался самым фешенебельным отелем Выборга.

Она разделась, и ее одежду перенес на другой берег сам Вяха. А вот саквояжа она ему не доверила и сама держала его в руке.

В этот же день Вяха срочно вызвали к начальнику Ленинградского ОГПУ Станиславу Мессингу. Тот предупредил его, что «сегодня же» надо будет переправить «Графа». Он вернется через сутки, а затем границу перейдет еще один господин. «Для нас этот господин в сотни раз важнее Савинкова!» — подчеркнул Мессинг. Его надо будет благополучно довести до станции и посадить в поезд. Там его «примут» двое чекистов, с которыми тут же познакомил Вяха.

В ночь на 24 сентября финскую границу через «окно» перешел Якушев, он же «Граф». И уже в тот же день состоялась его встреча с британским разведчиком.

* * *

В архиве ФСБ сохранился отчет Якушева об этой встрече. Еще раз можно убедиться — псевдоруководитель псевдоконтрреволюционной подпольной организации обладал неплохим пером. Отчет написан не на сухом информационном языке, а как литературный или журналистский очерк.

«Рейли был одет в светлое серое пальто и безукоризненный серый в мелкую клеточку костюм, — писал Якушев. — Впечатление неприятное. Что-то жесткое и колючее было во взгляде его выпуклых черных глаз, резко выпяченная нижняя губа. Очень элегантен. В тоне разговора — высокомерие, надменность. Сел в кресло, поправил складку брюк, выставил носки и желтые новенькие туфли».

Встреча проходила в довольно представительном составе. Кроме Рейли и Якушева на ней также присутствовали Мария Захарченко и Георгий Радкевич, Николай Бунаков и капитан Розенстрем*.

В самом начале разговора Рейли заявил, что долго и тщательно обдумывал предложение «Треста», но считает, что пока он не готов к поездке в Советскую Россию. Пре-

* В книге Эндрю Кука «Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества» упоминается еще один участник этих переговоров — представитель ленинградского отделения «Треста» Семен Шукин. По другим данным, со Шukiным Рейли познакомили уже после его перехода советской границы, в Ленинграде. В роли «Шукина» выступал сотрудник КРО Григорий Сыроежкин.

жде всего он хотел бы ознакомиться с подпольной организацией, которую представляет Якушев, а месяца через два три вновь вернуться к этому вопросу.

Но такой ответ Якушева категорически не устраивал. Он неплохо изучил своего собеседника — данные, собранные на него чекистами, оказались в этом случае весьма полезными. Якушев предполагал, что смелый, самолюбивый и весьма тщеславный Рейли никак не может допустить, чтобы его заподозрили в трусости. Поэтому он решил деликатно взять англичанина «на слабо».

«Когда Рейли заявил, что он в данное время не может ехать, я как можно спокойнее сказал, что если встает вопрос о сроке, то берусь организовать поездку в Москву таким образом, чтобы в субботу утром [26 сентября. — *Е. М.*] быть в Ленинграде, вечером оттуда выехать в Москву, проведя день в Ленинграде до вечернего поезда, а в воскресенье утром быть в Москве, — писал Якушев. — Целого дня достаточно для знакомства с Политическим советом “Треста”. Затем вечером выехать в Ленинград, понедельник провести в Ленинграде, а ночью через “окно” направиться в Хельсинки. Это будет вторник, в среду [30 сентября. — *Е. М.*] есть пароход, направляющийся в Штеттин».

Якушева с энтузиазмом поддержали Захарченко и Радкевич. Они только что перешли границу через «окно» и всячески убеждали Рейли в безопасности подобного «путешествия». Захарченко заявила, что визит Рейли будет важен и в качестве символического жеста — ведь подпольщики в СССР с нетерпением ждут поддержки от «внешних сил». Да и к тому же «Тресту» нужна встряска, ведь многие члены организации привыкли к удобному и как бы подпольному «ничегонеделанию». Рейли задал несколько вопросов об «окне» на границе. Все хором принялись убеждать разведчика о его надежности. Свою небольшую, но важную лепту в уговоры Рейли внес и Николай Бунаков (не зря же чекисты переправляли в Финляндию его брата для встречи с ним!).

В конце концов Якушев вытащил из кармана заверенное гербовыми печатями командировочное предписание. Оно якобы было выдано советскому военному специалисту и позволяло ему ездить в отдельном купе с подчиненными, так как он имел при себе секретные документы и военное имущество. Это был сильный ход. «Рейли сосредоточенно думал минуту, потом сказал — “Вы меня убедили, решено, я еду с вами”, — отмечал в своем отчете Якушев. — ...Рейли

сразу оживился. Мы заговорили о деталях путешествия... Рейли соглашался со всем, что я ему говорил, и заметил, что Кутепов также рассказывал ему обо всем и совершенно в том же духе, как и я».

Якушев еще заметил, что Рейли следовало бы переодеться — его слишком элегантный и несоветский вид сразу же привлечет к себе внимание по другую сторону границы. Он посоветовал ему взять пальто Радкевича, купить кепку, га-лоши и небольшой дорожный чемоданчик.

Рейли написал еще одно письмо Пепите, она получит его, когда он уже «исчезнет» по ту сторону границы.

* * *

Итак, Рейли все-таки решился.

Его присутствие в СССР нужно было многим. Он оказался в таком же положении, как самолет, который попадает в перекрестье лучей сразу нескольких зенитных прожекторов.

Чекисты хотели «выманить» его и захватить. Настоящие монархисты вроде Захарченко надеялись, что приезд Рейли активизирует работу «Треста», «погрязшего» в «накоплении сил», политических интригах и переговорах с эмигрантами. Эмигрантам он был нужен как дополнительный и авторитетный источник информации об организации Якушева. К тому же его работа в СССР поднимала бы акции тех, кто считал, что «Трест» — это не фикция, а настоящий боевой союз русских монархистов в подполье.

И, наконец, еще один вопрос: какое все-таки отношение к этой миссии Рейли имели СИС или британское правительство? Скорее всего, официально никакого. Но это не значит, что в Лондоне о ней не знали. Вероятно, он действительно встречался в Лондоне с Черчиллем перед совещанием с представителями «Треста» в Финляндии; он упоминал о том, что обсуждается вариант его поездки в Москву*. Не исключено, что об этом же докладывал в Лондон и Эрнст Бойс. Не-

* В 1927 году советские газеты писали, что У. Черчилль на этой встрече дал ему указание проводить теракты и диверсии: «Рэйли [так в тексте. — Е. М.] показал, что он, проездом из Америки, был у канцлера казначейства и одного из ответственных министров британского короля Черчилля, который лично давал ему инструкции по организации террористических покушений и других диверсионных актов. Его письменные показания имеются в распоряжении правительства».

смотря на то, что Секретная служба, как говорилось в телеграмме контр-адмирала Синклера в Нью-Йорк от 24 июля 1923 года, «более не имеет никаких дел» с Рейли, вряд ли бы она отказалась от лишней информации из России.

Для англичан поездка Рейли была бы полезной. В СССР, несмотря на утверждения чекистов в пропагандистских материалах, они имели не так уж и много ценных источников информации. В случае успеха Рейли мог привезти с собой данные, как говорится, «из первых рук». И при этом официальный Лондон не нес за него никакой ответственности, поскольку он направлялся в Советскую Россию как фрилансер от разведки.

Есть, впрочем, и другая версия. Североирландский историк Кит Джеффри в книге «МИ-6: История Секретной службы» утверждал, что Бойс как раз не проинформировал Лондон о том, что Рейли вдруг решил перейти советскую границу, и что он в этом смысле несет ответственность за то, что потом случилось с бывшим агентом СТ1. По словам Джеффри, Бойса потом вызывал к себе «на ковер» глава Секретной службы.

Но почему Рейли все же решил ехать сам?

Откровенно говоря — каким бы Рейли ни был авантюристом (так, по крайней мере, принято считать), он сделал весьма странный шаг. По крайней мере, для профессионального разведчика и такого опытного человека, как он.

Наверняка и сам Рейли что-то подозревал. Ведь не случайно настойчивые просьбы руководителей «Треста» посетить их в Москве настораживали его, и он сначала не хотел отправляться в Советский Союз, а предполагал прежде всего получше ознакомиться с их организацией. Но его очень быстро переубедили. Все-таки почему? И почему он так быстро забыл печальный опыт Савинкова?

Остается только догадываться, какие сложные и противоречивые чувства мучили его в момент принятия решения. Борьба с большевизмом действительно была одной из главных целей его жизни, и ради нее Рейли был готов рисковать. Вероятно, он хотел во что бы то ни стало отомстить большевикам за провал и моральный крах Савинкова, в которого он вложил столько сил и средств.

Возможно, он хотел доказать самому себе, что он еще кое-что может и что агента СТ1 еще рано списывать «в утиль». Не последнюю роль, видимо, сыграли и такие особенности характера Рейли, как азарт, тщеславие, желание оказываться в центре исторических событий и увидеть все собственными

глазами. Все это тоже толкало его вперед, в страну, где ему еще в 1918 году был вынесен смертный приговор.

Были у него, может быть, и более «земные» причины для того, чтобы все-таки перейти советскую границу.

Очевидно, что пребывание в «самом логове большевизма» и успешное возвращение оттуда резко подняли бы его авторитет в глазах британских политических деятелей и бизнесменов. Это могло бы улучшить его дела в бизнесе и, соответственно, заработки. А возможно, его бы опять пригласили в штат СИС.

В общем, причин рисковать у него было немало. И Рейли, несмотря на все заверения Якушева и других, прекрасно понимал, что он рискует. Но, поразмыслив, он, вероятно, пришел к выводу, что ему в Советском Союзе в любом случае ничего не грозит. Если «Трест» на самом деле мощная подпольная организация, значит, он через три дня вернется в Финляндию. А если это ловушка ОГПУ, то... все равно вернется. Потому что его арест привел бы к неминуемому провалу всей игры чекистов и разоблачению «Треста». И если он надеялся на это, то просчитался больше всего.

И главное — он не знал, что на особенностях его характера весьма искусно сыграли чекисты, которые и подвели его к искусно расставленной западне*.

* * *

Вечером 25 сентября Рейли, Захарченко, Радкевич и капитан Розенстрем отправились на границу (Якушев вернулся в СССР через «окно» на сутки раньше). Финская разведка обеспечивала «окно» на границе со своей стороны. У Рейли скрипели новые, купленные им только что сапоги. Чтобы избавиться от этого, он намочил их в луже. Между 22 и 23 часами они оказались на берегу реки Раяйоки — Сестры.

На советском берегу их уже ждали.

* Справедливости ради, нужно отметить, что существуют и другие версии о том, как Рейли оказался в СССР. Советский математик, историк и диссидент Револьт Пименов, написавший статью «Как я искал шпиона Рейли», считал, что никакого «британского шпиона» не существовало, а Рейли был давним агентом ВЧК/ГПУ/ОГПУ. А американский историк Натали Грант уверена, что вблизи границы Рейли опоил наркотиком и перевезли на советскую территорию в беспомощном состоянии. Или же просто убили, а все то, что происходило в дальнейшем, было обыкновенной инсценировкой.

Чтобы избежать нежелательных случайностей, Тойво Вяха «рассовал» всех пограничников своей заставы по флангам и в засады. Он исходил из следующих соображений — что бы ни случилось, засада в любом случае не снимется, и никто операции помешать не сможет. На самой заставе остался только один дежурный и еще «вечно сонный» помощник Вяха. Ему было дано особое указание — никуда не отлучаться и сидеть у телефона.

Таким образом, участок границы, на котором должен был перейти в Советский Союз «важный господин», оставался полностью открытым. Кто он, этот «господин», Вяха тогда не знал. Но все необходимые меры к его встрече он принял. Теперь нужно было только ждать.

ТАЙНА АГЕНТА СТИ

Вышедший на экраны в 1967 году художественный фильм «Операция “Трест”» был по тем временам действительно весьма смелым и новаторским. В частности, потому, что в нем использовались (хотя, конечно, довольно избирательно) секретные архивные документы и интервью с реальными участниками всей этой истории.

В четвертую серию «Операции» вошло интервью и с самым настоящим Тойво Вяха, который бесследно исчез после событий 1925 года. Ну а в фильме его уже могли увидеть миллионы телезрителей. Они же узнали, что все эти годы он жил под именем Ивана Михайловича Петрова. Нельзя не отметить, что чекисты выбрали довольно странное новое имя для Тойво Вяха. Даже в 60-е годы он мало походил на «Ивана Петрова». Этот пожилой, располневший человек по-прежнему говорил с сильным финским акцентом, так, что временами его речь было довольно сложно понять. Но то, о чем он рассказывал, а потом и написал в своих мемуарах, представлялось крайне интересным.

Именно со слов Вяха нам известно также, как Рейли переходил границу и что происходило с ним в первые часы на советской территории. Кроме него, других свидетелей перехода Рейли от границы к железнодорожной станции в Парголово не было.

Ночь с 25 на 26 сентября 1925 года выдалась холодной и мрачной. Около 11 часов вечера Тойво Вяха уже ждал на советском берегу пограничной реки Сестра. Рядом наготове стояла запряженная лошадей повозка. Вскоре он увидел на

финской стороне силуэты четырех или пяти человек. Некоторое время они не подходили к реке, а, вероятно, наблюдали за тем, что происходит на советской территории.

Затем один из них окликнул пограничника на финском языке — скорее всего, это был капитан Розенстрем. Он поинтересовался, «все ли готово», где охрана и есть ли лошадь. Затем все снова затихло. Наконец Вяха услышал, как кто-то сказал на русском языке «Иду» и послышались осторожные шаги к воде.

«Накануне шли обильные дожди, вода поднялась почти до плеч и была уже холодная, — вспоминал Вяха. — Опасаясь, как бы этот господин не струсил и не повернул обратно (может и упасть на скользких камнях, еще утонет!), я бросился ему навстречу. В одежде, только шинель скинул. Взвалил себе на плечи этого гостя и перетащил на наш берег. Голенький, он был, в одних трусиках, одежду завернул в пальто и держал над головой. Рослый и довольно тяжелый дядя. Но ничего, осилил».

Тут, правда, финны закричали, чтобы Вяха подошел к их берегу — мол, ему хотят сказать несколько слов. Пограничника это насторожило. Если вдруг его раскрыли, то могли задержать или даже убить на финской территории, а «гость» тем временем отправился бы на его повозке сам. «Нет, переходить к ним я сейчас не имел права и отказывался. “Мокрый я и холодно”, — писал Вяха. — Финны продолжали настаивать, и угроза серьезных осложнений нависала все больше. Выручил гость. Узнав от меня, в чем дело, он что-то сказал финнам на непонятном мне языке [по-английски. — *Е. М.*], и они умолкли».

С финского берега за переходом границы наблюдала Мария Захарченко. Позже она рассказывала жене Рейли Пепите, что видела, как Рейли и Вяха скрылись на советском берегу. «Прошло десять минут. Все было тихо. Переход удался, и я с финнами спокойно вернулась на пограничный пост», — говорила она.

Чекисты заранее обеспечили для Рейли и его спутника «свободный коридор» до Парголово. Пограничников и милицию убрали. Мессинг предупредил Тойво Вяха: с «гостем» не должно случиться ничего. Если он сбежит или вдруг будет кем-нибудь убит, отвечать за это придется самому Вяха. В крайнем случае, если вдруг Рейли разоблачит его и попытается ликвидировать, пограничнику разрешили в качестве самообороны пользоваться ножом и нанести агенту только «не смертельные раны».

Вскоре после того, как Вяха перенес Рейли на своих плечах через пограничную реку, они сели в повозку, запряженную лошадей. «Садясь в повозку, я вынул из кобуры Маузер и положил на колени, — вспоминал Вяха. — Так я всегда делал, чтобы продемонстрировать напряженность обстановки и мою настороженность. Гость тоже стал вытаскивать пистолет из внутреннего кармана. Сердитым шипением я остановил его:

— Не смейте! Вам сидеть — я действую!

Послушался. Я был вооружен отлично. Взведенный Маузер на коленях, Вальтер под гимнастеркой, а в голенище сапога — нож. Оружие не потребовалось. К нам никто не подходил, и гость враждебных намерений ко мне не проявлял. Он остро и зло издевался над нашими дорогами. И я его поддерживал в этом, слегка только. В моей роли меня интересовали только деньги. Переигрывать не следовало».

В дороге Рейли пребывал в приподнятом настроении. Он острил, рассказывал анекдоты и обещал рассказать в Лондоне, какие в России дороги. «А будешь ли ты еще в Лондоне?» — якобы подумал тогда Вяха.

Однако, при всей своей внешней беззаботности, «гость с той стороны» не терял бдительности. Перед мостом через Черную речку Вяха остановил повозку и сказал Рейли, что пойдет проверить — нет ли у моста пограничников. Он прекрасно знал, что там никого не может быть, но тщательно играл свою роль проводника.

Вяха очень устал. Поэтому сначала решил просто постоять в кустах, а затем вернуться к Рейли и сказать, что все в порядке. Но потом испугался, что его «клиент» может что-то заподозрить. Он пошел к мосту, основательно осмотрел его и даже под него слазил. Как считал он сам, это, возможно, и спасло всю операцию.

Когда Вяха вернулся к подводе, то она была пуста. Рейли исчез.

«Я был и потрясен и напуган: “Разиня, из собственных рук выпустил!” — вспоминал он. — Но тут, и тоже со стороны моста, появился этот господин. Оказывается, он шел по моим следам и проверял, что я делаю на мосту. Да шел так, что я не заметил его. Хорош же я пограничник, да еще с претензиями на звание чекиста!» Действительно: если бы Вяха решил просто отсидеться в кустах, все могло бы сложиться совсем по-другому...

В лесу, уже вблизи станции, дожидаясь поезда, они прождали еще четыре-пять часов. Рейли по-прежнему острил,

а Вяха выжимал воду из одежды и выливал ее из сапог. Незадолго до прибытия поезда он отправился за билетом. Рейли снова остался один, но Вяха уже был уверен, что он никуда не денется. И точно — агент лишь отошел немного в сторону и прилег отдохнуть в кустах.

Наконец подошел поезд, и Вяха, как было условлено, передал «гостя» тем двум пассажирам, которых он видел в кабинете Мессинга.

Прощаясь, Рейли незаметно всунул ему в руку какую-то бумажку. Вяха удивился — по договоренности с «той стороной» все заработанные им деньги должны переводиться на счет в финляндском банке, а на руки он не получал ничего. Сначала он даже подумал, что это какая-то важная записка, но затем, подбежав к фонарю, обнаружил, что Рейли дал ему три червонца. «Чаевые». Возможно, что с тонким намеком.

«Вспомнилась библейская легенда, знакомая с детских лет, — писал в мемуарах Вяха. — За Христа тоже тридцатку дали! Серебром. Мне — червонцами. Если сумма денег была намеком, то этот господин ошибся. Я никого не продавал, а боролся с врагом тем оружием, которое выбрал он сам, враг. Я еще не знал, кто этот “гость”, но у меня было радостное ощущение удачи».

По телефону он позвонил в Ленинград и доложил: «Груз сдал» (это означало, что «гость» в пути, не убит и не сбежал), «упаковка целая» (агент ни о чем не догадался) и «печать не повреждена» (то есть ножом он «гостя» не колот). Ему дали понять, что возможно «обратное движение такого же груза».

Вяха настолько устал, что заснул по дороге на заставу, прямо в повозке. Разбудил его местный крестьянин, к дому которого самостоятельно дошла лошадь. Своей конюшни на заставе не было, и лошадь держали у этого человека. Вяха объяснил ему, что накануне он выпил, вот и уснул. Причина была понятная и уважительная, крестьянин ему поверил.

«Последняя гастроль»

Тем временем Рейли был уже в Ленинграде. Он пока еще не догадывался, что началась его «последняя гастроль» в качестве секретного агента. Те два человека в поезде, которым Вяха сдал «гостя», были Якушев и чекист Григорий

Сыроежкин*, выступавший в роли члена МОЦР по фамилии Шукин. Они тепло приветствовали Рейли и втроем заперлись в купе. Там разведчику выдали паспорт на имя гражданина Николая Николаевича Штейнберга. До города доехали без приключений.

В Ленинграде их уже ждал автомобиль. На нем «подпольщики» и зарубежный «гость» отправились на конспиративную квартиру, которая, по легенде, принадлежала Шукину.

На «квартире Шукина» Рейли пробыл целый день. В город его не выводили, якобы из соображений конспирации. В Ленинграде англичанина познакомили еще с двумя активистами «Треста»: якобы рабочим и членом Моссовета по фамилии Старов (чекист Владимир Стырне**) и эмиссаром барона Врангеля Мукаловым-Михайловым — он был настоящим белогвардейцем.

Превосходная организация, автомобиль, квартира произвели на Рейли самое благоприятное впечатление. Похоже, у него начали отпадать всякие сомнения во влиятельности «Треста» в России. «Если бы у Савинкова была такая организация, как “Трест”, — в частности, заметил он, — он был бы непобедим». О Савинкове разговор между Якушевым и другими членами «Треста» и Рейли в эти дни вообще заходил довольно часто. Но, разумеется, не только о нем.

Сохранился отчет Владимира Стырне, написанный им на основе сообщений Якушева и собственных разговоров с Рейли 24—26 сентября 1925 года и направленный заместителю начальника КРО ОГПУ Роману Пилляру 2 октября. Документ чрезвычайно интересный. То ли «британский супершпион» был слишком уверен в себе, то ли он полностью доверился Якушеву, но в беседах с представителями мифического подпольного «Треста» он был непозволительно для разведчика откровенен.

* Григорий Сергеевич Сыроежкин (1900—1940) — с 1920 года сотрудник ЧК, с 1922 года — КРО ВЧК/ГПУ/ОГПУ. В 1936—1938 годах старший военный советник 14-го корпуса республиканской армии Испании; майор госбезопасности (1936). Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и расстрелян.

** Владимир (Вольдемарс) Андреевич Стырне (1897—1937) — латыш, с 1921 года сотрудник ВЧК. В 1924—1930 годах заместитель начальника КРО ОГПУ. В 1935—1936 годах начальник УНКВД по Ивановской промышленной области; комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935). Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и расстрелян.

Рейли изложил свои взгляды на целый ряд международных, российских, национальных и других проблем и в какой-то мере даже ошарашил своих собеседников резкостью и радикальностью своих суждений. Впрочем, о чем-то подобном он уже писал и раньше, в письме Бунакову, а для ОГПУ откровенность Рейли была более чем полезна — она давала чекистам очень много ценной информации.

Отчет Стырне озаглавлен: «ДОКЛАД (о разговорах с Рейли 24—25 и 26 сентября 1925 г.)». Для удобства чтения разобьем его на небольшие главки, каждая из которых будет посвящена отдельному вопросу, по которому высказался английский разведчик:

О сотрудничестве «антисоветского подполья» с британским правительством и другими государствами

«Я должен вас предупредить, что вынужден вас глубоко разочаровать. Мне известно, что вы ожидали получить от меня и через меня деньги. Их сейчас за границей достать нельзя, ибо на отпуск средств не решится сейчас ни одно правительство. Не решится даже не потому, что денег нет, что не верят в возможность борьбы с большевиками, а потому, что у каждого свой дом горит. Черчилль так же, как и я, твердо верит, что Советская власть будет свергнута и свергнута в недалекий срок, что это произойдет внутренними силами, но прийти на помощь со значительными денежными средствами не может. Правда, тут крупную роль играет и то, что он несколько раз очень тяжело разочаровывался. Но сейчас главная причина — горит собственный дом. Необходимо потушить пожар у себя. По разрешении вопросов о безработице, кризиса угольной промышленности, успокоения доминионов можно будет обратить больше внимания на разрешение русского вопроса. Черчилль великолепно понимает, что корень зла брожения в колониях и полеведения рабочего движения лежит в Москве в Коминтерне, но начать тушение его в корне сейчас невозможно <...>

Во время уже первого свидания Рейли усиленно предупреждал “Трест” не доверять полякам, которые должны в ближайшее время броситься в объятия большевиков. За это говорит логика. В настоящее время главнейшие европейские державы почти уже договорились относительно пакта, который обязательно будет заключен. Таким образом, объединятся Англия, Франция и Германия, причем Англия, поддерживая Германию, уговорила ее не поднимать сейчас вопроса о Данцигском коридоре, с тем что в ближайшее же

время, после заключения пакта, этот вопрос будет поставлен и разрешен в пользу Германии. Пакт заключается по инициативе Англии, которая, в силу обстоятельств, должна сейчас руководить делами Европы, чего она не умеет делать и не хочет, а желает передать это Германии и иметь самой развязанные руки для Востока. После заключения пакта Франция уже не будет поддерживать Польшу, наоборот, она ее отдаст на расправу Германии, и Польше ничего другого не останется, как броситься в объятия большевиков. В дальнейшем Германия, конечно, займется устройством дел в России и покончит с большевиками».

О том, где «Тресту» брать деньги. Например, от экспроприации музеев

«Деньги надо изыскать внутри России и их можно будет здесь найти. Я говорил уже о своем плане. Он груб и вызовет у вас вначале презрение и отрицательное, брезгливое к нему отношение, но мы должны быть государственными людьми и уметь побороть во имя России свои личные чувства и излишнюю сентиментальность. Россия этого стоит. Во имя спасения России можно сделать многое. Генрих IV сказал: Париж стоит одной католической мессы, и мы должны в данном случае брать пример с него. Повторяю, в России получить необходимые деньги даже не так трудно. Я говорю о художественных ценностях в России. В русских музеях имеется такое количество величайших художественных ценностей, что изъять их на сумму даже в сотни тысяч фунтов не должно представить особых затруднений. За границей сбыт их неограниченный. Я не говорю даже про те ценности, которые выставлены. Их взять труднее. Но в кладовых в упакованном виде лежат еще величайшие шедевры. Вы должны организовать за границу их отправку, я организую сбыт, и очень скоро мы сумеем получить крупные суммы авансом.

Наши возражения, что это вовсе не так легко, что это может повлечь за собой компрометирование организации и квалификации ее как шайки музейных воров на Сиднея Рейли не подействовали, он оставался при своем мнении, указывая, что в таком случае надо дело поставить на чисто коммерческих основаниях и посвятить в это дело только очень ограниченное количество лиц».

О сотрудничестве с британскими спецслужбами

«Второй способ получения денег Рейли видит в сотрудничестве «Треста» с английской контрразведкой. Рейли уже

с контрразведкой работал, но с 1922 г. порвал с ней связь. Теперь ему нужны будут сведения особенные. В сведениях военных и экономических он не нуждается, он заранее их отвергает. Нужны сведения только о Коминтерне. “Трест” должен проникнуть туда, во что бы то ни стало. Англичанам даже не нужны документы. “Трест” должен иметь возможность предсказать только 2—3 раза предстоящие выступления Коминтерна. Тогда все поймут, что “Трест” имеет какие-то возможности не в пример другим организациям — он знает какое-то особое петушиное слово. После этого “Трест” уже сумеет заговорить по-иному. Тогда он сумеет сказать английскому, германскому и другим правительствам — “Видите наши возможности, давайте будем союзниками против общего врага — Коминтерна”. И будьте уверены, что тогда и деньги дадут и союзниками посчитают и примут.

Возражения, что это почти невозможно, на Рейли не подействовали. Он продолжал доказывать, что тогда можно будет начать играть в высокую политику, соответственно подтасовывая факты. “Как вы видите, действия английского правительства, в особенности министерства иностранных дел, зиждутся исключительно на данных английской контрразведки. Факты подтасовать всегда можно. Я это делал на протяжении 1918—22 г.г. и достигал разительных результатов”».

О советских руководителях

«Рейли высказал также несколько соображений по поводу некоторых сов. деятелей: о Чичерине он сказал, что он считает вполне разумным, что Чичерин остается так долго несменяемым министром иностранных дел;

о Крыленко* он высказал соображения, что это один из самых “отвратительных большевиков, садист и дегенерат, человек, не знающий пощады и слепо преданный идее”, но еще хуже его жена Размирович**, женщина без каких бы то

* *Николай Васильевич Крыленко* (1885—1938) — член партии с 1904 года, первый главноком после Октябрьской революции. Занимал посты председателя Ревтрибунала (1918—1922), прокурора РСФСР (1925—1931), наркома юстиции РСФСР (1931—1936) и СССР (1936—1938). Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни и расстрелян.

** Правильно: *Розмирович Елена Федоровна* (1886—1953) — член партии с 1904 года. В 1924—1930 годах — член, в 1927—1930 годах кандидат в члены Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1935—1939 годах директор Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

ни было нравственных устоев, тоже извращенная садистка с горящими как уголья глазами и внешностью “ведьмы”;

о Зиновьеве он высказал соображения как о человеке крайне ограниченном, политическая карьера которого на закате и который совершенно не способен стоять во главе такого учреждения, как Коминтерн, наполненного сплошь бездарными, но преданными идее патентованными негодьями;

о Луначарском* отозвался как о попугае и позоре, выставленном на всю Европу, крайнем бабнике, попутно заметя, что как это ни странно, но нужно признать, что вообще видные коммунисты мало увлекаются женщинами, делают это бесшумно и втихомолку, и вообще, так называемая “женщина” (закулисная) играет очень малую роль, и таких случаев почти не имеется;

о Дзержинском отозвался как об очень хитром человеке; затем интересовался, каково значение Уншлихта** в Реввоенсовете, кто он такой по своему образованию и что он слышал о нем как о крупном организаторе, пользующемся каким-то исключительным влиянием в Партии, по-видимому, благодаря своей прежней деятельности в ГПУ;

М. Д. Бонч-Бруевича он считает одним из организаторов Красной армии, который пользовался у Троцкого большим влиянием, во-первых, благодаря тому, что он преподавал Троцкому уроки тактики, а во-вторых, потому, что его брат В. Д. Бонч-Бруевич в то время пользовался большим влиянием».

О форме «будущего правления» и способах перехода к «новой власти»

«Дальше говорили о форме будущего правления и остановились на диктатуре, которая восстановит порядок, а дальше уже сам народ изберет форму правления.

* Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933) — член партии с 1895 года. В 1917—1929 годах нарком просвещения РСФСР, в 1929—1933 годах председатель Ученого комитета при СНК СССР.

** Иосиф Stanisлавович Уншлихт (1879—1938) — в 1925—1930 годах заместитель председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам СССР, в 1933—1935 годах начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. Военной коллегией Верховного суда СССР признан виновным в шпионаже в пользу Польши, а также подготовке терактов, приговорен к смертной казни и расстрелян.

Далее говорилось о положении власти и способах перехода к новой власти. Отмечали четыре элемента населения: крестьян, которые хотя и недовольны, но инертны, городских обывателей, которые только трусливы, рабочих, которые теперь совершенно откололись от большевиков и, наконец, Красную армию, которая при существующей территориальной системе не успевает пропитаться духом коммунизма и не прерывает своей связи с деревней, которая контрреволюционна.

Отбрасывая в сторону первые два элемента как негодные для обработки, мы, по мнению Рейли, должны устремлять все свои надежды на два вторых и среди них вести усиленную работу, для чего, конечно, нужны средства и время».

Об отношении к церкви

«Был затронут религиозный вопрос, причем Рейли предполагал, что религия и церковь необходимы и должны быть поставлены на должную высоту, но духовенство не может быть предоставлено себе самому, а должно руководиться властью. При этом Рейли сказал, что большевики сделали грубую ошибку тем, что не приблизили к себе духовенство, которое явилось бы послушным орудием в их руках. Вспоминал патриарха, которого лично знал и передавал ему первые (и последние) два миллиона из ассигнованных на поддержание церкви епископом Кентерберийским, 24 миллионов в год субсидии. О патриархе отзывался восторженно, находил, что это был настоящий умный русский мужицкий святитель и что вся его линия поведения была совершенно правильна и направлена на сохранение церкви».

Об отношении к еврейскому вопросу

«Далее разрешили еврейский вопрос в том смысле, что без погрома обойтись нельзя, это будет выражение народного чувства, но новая власть не может связать своего имени с погромом, а потому должна будет внешне принимать меры к защите евреев*, что необходимо для заграницы.

* Любопытно, что соображения Рейли по этому вопросу практически совпадали с мнением великого князя Николая Николаевича. В одной из бесед с А. А. Якушевым он говорил ему, что после антибольшевистского переворота «народный гнев», то есть погромы, организует один из бывших лидеров «Союза русского народа» (крайне правой, националистической организации) и руководитель эмигрантского Высшего монархического совета Николай Марков 2-й. А затем должно последовать «повеление о прекращении насилий».

[Наверное, чекистам удивительно было слышать все это от Рейли, с его-то еврейскими корнями! — *Е. М.*] Относительно влияния евреев на мировые дела Рейли отметил, что во Франции и в Англии капитал всецело в руках евреев, в Америке же — на одну треть, если не больше, но и эта треть могущественнее, чем весь капитал старого света, ибо европейские Ротшильды не годятся и в подметки самому рядовому американскому миллиардеру».

О Борисе Савинкове

«По дороге из Ленинграда в Москву в вагоне разговор шел исключительно про Савинкова. Рейли восхищался им как талантливейшим конспиратором, необычайно храбрым человеком, но признавал и его отрицательные стороны, а именно — полное неумение выбирать людей, неспособность быстро схватывать обстановку и принимать решения, неразборчивость в источниках денежных средств, колоссальную склонность к комфорту и исключительное женолюбие, причем ему обыкновенно нравились и имели на него магическое влияние самые грубые и малокультурные женщины. Деренталь Рейли называл грубой, грязной, вонючей жидовкой с лоснящимся лицом, толстыми руками и ляжками и поражался, как Савинков мог увлекаться ею и посвящать ей лирические, весьма поэтические стихотворения, ибо он, как оказывается, обладал в большой степени поэтическим даром. Беда Савинкова заключалась в том, что у него не было окружения, он был замкнут и одинок, у него не было “генерального штаба”».

Рейли о себе

«Рейли представился “Тресту” как старинный и ярый враг Советской России и Коминтерна, который на борьбу с ними употребил все свои личные средства и силы, в этой борьбе ему помогает Черчилль и в свою очередь у Черчилля он является ближайшим помощником в этой борьбе. Он боролся с Советским правительством все восемь лет существования последнего. Субсидировал все организации, которые формировались в Европе, оказывал содействие организациям, находящимся на территории Советской России. Сейчас он едет устраивать свои дела в Америку и, возвратившись оттуда, употребит все свои силы, средства и влияние для продолжения и усиления этой борьбы».

На чекистов произвело сильное впечатление, что Рейли прекрасно осведомлен о советских реалиях, об обстановке

в ЦК и даже Политбюро, и вообще о политике руководства СССР. Казалось, что он каждый день начинает с чтения советских газет.

При этом, как видим, геополитические прогнозы Рейли оказались никуда не годными: советская власть просуществовала еще шесть с половиной десятилетий, Польша по собственной инициативе не бросилась в объятия большевиков, а Англия, Франция и Германия отнюдь не объединились, а даже наоборот — через 15 лет вступили в войну друг с другом. Пожалуй, он был прав лишь в том, что Германия в итоге занялась «устройством дел в России», но опять же с большевиками не покончила, а сама на этом и погорела. Впрочем, вряд ли, наверное, Рейли имел в виду Германию Гитлера. Скорее всего, он тогда не представлял, что в Германии будет возможен такой режим, какой установился при нацистах. Это вообще мало кто представлял.

Но вот парадокс — некоторые его идеи самым причудливым образом вскоре воплотились в жизнь именно в Советском Союзе.

«Формой будущего правления» вскоре действительно стала настоящая диктатура и, как многие уверены до сих пор, она установила «настоящий порядок». Церковь и религия еще при Сталине были «поставлены на должную высоту» и начали «руководиться властью». Да что там при Сталине! Во многом это продолжается и до сих пор. Ну и, наконец, план Рейли, касавшийся похищения музейных ценностей.

Когда Рейли излагал представителям «Треста» свой план по «экспроприации ценностей» из музеев для финансирования подпольной деятельности, то недаром заметил, что «он груб и вызовет у вас вначале презрение и отрицательное, брезгливое к нему отношение». Он действительно вызвал возмущение — в этом, кстати, были едины и «перодетые» чекисты, и настоящие подпольщики. Тогда никто из них еще не знал, что всего лишь через несколько лет этот план возьмет на вооружение... Советское правительство. И воплотит его в жизнь. Хотя, конечно, в другой форме и в других целях. В конце 1928 года советское руководство начало грандиозную операцию по продаже художественных ценностей из музеев и хранилищ страны за границу. СССР нужна была валюта для проведения индустриализации. За все проданные предметы искусства СССР получил примерно 25 миллионов золотых рублей. Активные продажи ценностей прекратились только в 1934 году.

Вечером 26 сентября 1925 года Рейли, Якушев и Мукалов выехали в Москву. Ехали с комфортом — в купе международного вагона. В Первопрестольной «суперагент» должен был посетить «заседание Политсовета “Треста”». В дороге, как уже говорилось выше, разговор вертелся во-круг фигуры Савинкова.

В Москве «делегацию» встретили трое представителей «заговорщиков» во главе со Старовым-Стырне. Двое других тоже, разумеется, были сотрудниками ОГПУ. Все поехали в подмосковную Малаховку, где намечалось заседание Политсовета. Там Рейли познакомили с Николаем Потаповым, и генерал произвел на него сильное впечатление. Акции русских подпольщиков в его глазах возросли еще больше. Присутствовали и другие видные «подпольщики», в том числе и Александр Опперпут.

«Рейли привезли в Москву, — рассказывал в своей лекции Артур Артузов. — Встреча была инсценирована на подмосковной даче, которая охранялась не только “часовыми”, но и собаками. Это Рейли подметил и еще раз убедился в том, что “Трест” процветает, а процветает потому, что наладил хорошую конспирацию и охрану руководства».

Пообедав с гостем, «руководство “Треста”» перешло к делам. Заседание, в целях конспирации, решили провести в лесу. Был воскресный день, и компания людей, расположившаяся на полянке как бы на пикник, не должна была вызывать подозрений у случайных свидетелей. После обмена мнениями об общей ситуации Рейли повторил то, что он уже говорил Якушеву и Стырне: «Трест» должен рассчитывать на самого себя. Британское правительство вряд ли будет помогать ему. Поэтому, продолжил Рейли, нужно самим изыскивать способы получения денег на борьбу с Советами. Он снова заговорил о плане по «экспроприации» ценностей из музеев, и на этот раз встретив явное непонимание среди «руководителей заговорщиков» — как настоящих, так и мнимых. «Что мы, музейные воры? — возмутился генерал Потапов. — И как быть с нашей репутацией? Она же тогда полетит ко всем чертям!» Рейли возразил: ради денег можно пожертвовать и репутацией. Тем более что акции по хищению ценностей из музеев и запасников никто афишировать не собирается. Он заранее подготовил список того, что, по его мнению, можно и нужно «взять». Тут Рейли вытащил список из кармана и начал зачитывать его «членам Политсовета». В нем фигурировали: «1) полот-

на немецких и французских мастеров, работы Рембрандта; 2) французские и английские гравюры XVIII века, миниатюры XVIII и XIX веков; 3) античные золотые, серебряные и бронзовые монеты; 4) работы итальянских и фламандских примитивистов; 5) полотна великих мастеров итальянской и испанской школ».

Совещание затянулось почти до сумерек. Робин Брюс Локкарт в своей книге «Сидней Рейли: шпион-легенда XX века» описывает следующий эпизод, который произошел, когда его участники уже шли обратно к даче: «По дороге Рейли отвел Якушева в сторону и заметил:

— У вас прекрасные манеры настоящего джентльмена. Вы смотрите на некоторые вещи более реалистично, чем другие члены “Треста”.

Под строгим секретом Рейли рассказал Якушеву, что может предоставить ему сумму в 50 тысяч долларов при условии, что эти деньги будут использованы на организацию похищений картин и других музейных ценностей, а также на внедрение в Коминтерн.

— Генерал Потапов слишком щепетилен. Должен заметить, что в делах подобного рода — я говорю о контрреволюции — вы никогда не преуспеете, если будете соблюдать нормы общепринятой морали. Например, возьмите терроризм. Савинков как-то рассказывал, что один из его людей отказался метать бомбу в коляску, потому что в ней находились дети. Стоит вам пойти на поводу у принципов в борьбе против Советов, успеха вы никогда не достигнете. Ну, Бог с ним, с терроризмом. Я рассматриваю свою деятельность в более широком смысле, не только с политической точки зрения, но и как бизнесмен. И мне хотелось бы заинтересовать вас сделкой. Все равно вам не удастся скинуть большевиков за три месяца. Нам следует продумать тщательный план “экспорта” ценных произведений искусства. Поверьте, у меня неплохие связи с прессой. Когда я вернусь домой, то предложу “Таймс” серию очерков под общим названием, скажем, “Великий блеф”. Конечно, это подразумевает мой следующий визит в Россию, причем не один раз. Мы должны собирать документы, факты, фотографии...»

Был ли этот разговор в действительности, или он является литературной фантазией Локкарта, сказать сложно. Факт в том, что больше Якушев и Рейли никогда не увидятся. Да и в Англию разведчик больше не попал, и серию очерков для «Таймс» не написал. Но тогда он был уверен, что через день уже окажется в Финляндии.

«Смерть на границе»

Ванха Алякюля, что в переводе с финского означает старая нижняя деревня, располагалась на Карельском перешейке, на левом берегу реки Раяйоки (Сестры), в окрестностях поселка Белоостров. Деревня была старинной — первое упоминание о ней относилось еще к XV веку. Почему была? Да потому что сейчас ее уже нет, и только знающие Ленинградскую область краеведы могут показать то место, где она когда-то находилась. Алякюля была разрушена в 1944 году, во время наступления Красной армии на Карельском перешейке против финских войск — тогда союзников Германии. 9 июня 1944 года советские самолеты разбомбили деревню, в которой находились позиции финской артиллерии.

Но в 1925 году Ванха Алякюля, или просто Алякюля, или Алякюль, находилась на самой советско-финской границе, которая проходила по реке Раяйоки-Сестра. От деревни до Финляндии было не более двухсот метров, а небольшая поляна между ее центром и границей очень хорошо просматривалась с финского берега. И поздно вечером 28 октября 1925 года финны и белогвардейцы увидели то, что повергло их в настоящий шок.

На границу для встречи Рейли прибыл Георгий Радкевич. Вместе с финскими пограничниками они скрытно расположились на берегу реки и начали дожидаться Рейли и Тойво Вяха.

Прошло некоторое время, и вскоре с советской стороны послышались крики, выстрелы, шум, затем они увидели, как несколько человек подняли с земли еще одного и положили его в машину. Машина, разворачиваясь, осветила фарами фигуру пограничника в шинели со связанными руками. Его тоже довольно грубо затолкали в автомобиль. На финском берегу его сразу же узнали — это был Тойво Вяха, который в ту самую ночь должен был перевести через границу Сиднея Рейли. По результатам увиденного нетрудно было сделать вывод: при попытке перехода Вяха со своим «клиентом» напоролась на советских пограничников. В результате Рейли был убит или тяжело ранен — это его тело увезли на автомобиле, — а Вяха схвачен с поличным.

Вывод о том, что на границе убит именно Рейли, представителям белой эмиграции сделать было не так уж и сложно. Перестрелку видели и слышали несколько человек, арестованного Вяха — тоже. По времени она совпа-

дала с тем моментом, когда Рейли должен был совершить обратный переход. К тому же, на следующий день деревня Алякюль гудела как растревоженный улей — ее жители рассказывали друг другу о том, что пограничники наткнулись на каких-то людей, которые хотели уйти в Финляндию, и вступили с ними в перестрелку. И что один из них был важный пограничный начальник — в кустах даже нашли кобру от его «Маузера».

А в служебной переписке чекистов об этом говорилось более предметно. Начальник Иностранного отдела (внешней разведки) ОГПУ Михаил Трилиссер направил, например, в эти дни следующую шифровку одному из зарубежных сотрудников:

«Письмо лит. “ПЛ”. Сов. секретно. 1 октября 1925 г. Ув[ажаемый] товарищ. 29 сентября с. г. во время перехода границы б[ыл] задержан англичанин Сидней Георгиевич 3854005058 [Рейли], проникший в Ленинград из Финляндии под подложным паспортом Николая Михайловича 34327700744654704745 [Штейнберга]; его два товарища во время перестрелки были убиты. 3854005058 [Рейли] тяжело ранен...»* Далее шли указания и вопросы сотруднику.

Мария Захарченко 29 сентября отправила телеграмму в Москву из Хельсинки: «Посылка пропала. Ждем разъяснения». Это означало, что Рейли пропал.

В Москве срочно собрался Политсовет «Треста», на заседании которого его членам сообщили о смерти Рейли. В Ленинград отправили двух членов организации, чтобы они произвели расследование на месте. Затем отправили телеграмму в Хельсинки: «Болезнь кончилась смертью детей». То есть Рейли действительно погиб.

Собственное расследование «Алякюльского инцидента» проводили и представители эмиграции, прежде всего Захарченко и Георгий Радкевич.

Мария очень тяжело переживала случившееся. Она считала, что именно на ней лежит немалая часть вины за «смерть» Рейли. В одном из писем, направленных Якушеву, она писала: «У меня в сознании образовался какой-то провал... у меня неотступное чувство, что Рейли предала и убила лично я... Я была ответственна за “окно”. Ради всего нашего движения я прошу позволить мне работать в Рос-

* Поскольку эта информация не соответствовала действительности, можно предположить, что ОГПУ запустило «дезу» даже в своей служебной переписке — на всякий случай.

сии». Якушев обещал вызвать ее в Москву. Но пока решили принять только Радкевича.

На всякий случай Радкевич переходил советскую границу не в районе привычного «окна» у Алякюля, а в другом месте. В Москве он потребовал у членов Политсовета «Треста» объяснений о том, что произошло с Рейли. Но и его самого спросили о том же — ведь он-то находился от него в ту ночь всего в нескольких десятках метров! Пришлось Радкевичу рассказывать о перестрелке и о том, что он с финнами ждал на границе до самого утра — в надежде на то, что Рейли был ранен, смог укрыться в кустах и, возможно, еще найдет в себе силы доползти до реки.

За границу «Трест» командировал своего представителя Мукалова-Михайлова, который встречался с Рейли, а потом участвовал в расследовании обстоятельств его «гибели» и ездил с этой целью в Ленинград. В результате вырисовывалась следующая картина: Рейли и его проводник Вяха случайно наткнулись на пограничный наряд, в перестрелке с которым британский разведчик погиб. Таким образом, речь шла о трагической случайности и, следовательно, о непричастности «Треста» к гибели Рейли. С такой версией согласились представители финской и польской разведок.

Пожалуй, только жена Рейли Пепита Бобадилья еще не верила в то, что ее мужа уже нет в живых. Никто и не предполагал, насколько она была близка к истине.

Пепита 28 сентября 1925 года отправила телеграмму в отель «Андреа» в Выборге: «Приезжал ли Рейли и когда уехал?» На следующее утро пришел ответ: «Сидней Рейли приезжает сегодня вечером». Но прошел еще один день, а Рейли в отеле так и не появился. Пепиту охватила тревога. Она написала Эрнсту Бойсу, но тот тоже ничего не знал. Впрочем, через несколько дней он сообщил ей — ее муж решил все-таки отправиться в Россию. Бойс поехал в Финляндию, чтобы лично узнать о том, что все-таки произошло с ним, но ничего так и не узнал. Правда, в октябре он получил открытку, который Рейли послал ему из Москвы. Она подтверждала, что он действительно был в советской столице.

На открытке была изображена Иверская часовня — любимое место для встреч Рейли с его людьми в 1918 году. На обратной стороне, в верхней части открытки, Рейли написал по-русски: «Германия, через Берлин». А ниже шел текст на немецком языке, который гласил: «Дорогой Эрнст, с наилучшими пожеланиями из прекрасной Москвы».

И подпись: «Искренне Ваш, Эсте». То есть СТ1 — оперативный псевдоним Рейли в английской секретной службе. Почерк был хорошо знаком Бойсу — это, без сомнения, писал Рейли.

По просьбе Бойса с Пепитой в Париже встретился приехавший из Хельсинки Борис Бунаков. Он-то и привез ей последнее письмо мужа, написанное 25 сентября, буквально перед самым переходом границы: «Моя любимая, родная. Мне совершенно необходимо съездить на три дня в Петроград и Москву. Уезжаю сегодня и вернусь обратно во вторник утром. Ты понимаешь, конечно, что я не решился бы на такое путешествие, если бы не считал его абсолютно необходимым и если бы не был уверен, что не подвергаюсь почти никакому риску. Если же, паче чаяния, меня арестуют в России по какому-нибудь пустяковому обвинению, то мои новые друзья достаточно могущественны, чтобы быстро вызволить меня из тюрьмы. Оpoznать меня в моей новой личине большевики не смогут. Одним словом, если во время путешествия произойдут какие-нибудь неприятности, то возвращение мое в Европу задержится на очень короткий срок. Недели две, не больше.

Родная моя, я поступаю так, как велит мне долг, и не сомневаюсь, что ты вполне одобрила бы мое решение, если бы была со мной. В мыслях ты вечно со мной, и твоя любовь охранит меня. Храни тебя Господь...»

Конечно, можно предположить, что Рейли написал так, чтобы не волновать лишний раз жену. Но, скорее всего, он действительно поверил в то, что большевики его не опознают и что его «новые друзья» настолько влиятельны, что смогут в случае быстро вытащить его из тюрьмы. И в этом была его главная ошибка. Интуиция и умение просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед на этот раз фатально подвели опытного разведчика.

Теперь у Пепиты сомнений не оставалось — Рейли действительно нелегально отправился в Россию. Но что с ним там все-таки произошло? Пепита поехала в Лондон для встречи с Бойсом, но тот так и не смог рассказать ей ничего конкретного. Между тем Бунаков сообщил, что непосредственным руководителем операции по переброске Рейли в Россию была Мария Шульц (Захарченко), состоящая в некоей подпольной могущественной антисоветской организации, которая сейчас находится в Хельсинки. Из Лондона с первым же пароходом Пепита отправилась в столицу Финляндии, которую она в мемуарах называет «настоящим

гнездом советских и антисоветских интриг». В этом «гнезде» она действительно повстречалась с Захарченко.

Захарченко подробно рассказала Пепите, как готовился переход границы и как в Финляндии они ждали возвращения ее мужа. Показала и заметку из советской газеты, в которой говорилось о перестрелке на границе с «контрабандистами». Сообщила кое-что о расследовании, проведенном «Трестом». В мемуарах Пепита Бобадилья подробно описывает весьма любопытный момент их разговора:

«— Вы думаете, они его убили? — спросила я.

— Разве можно сомневаться? — ответила она печально. — Судя по всему, именно он умер по дороге в Петроград. Вы этому не верите? Почему вы думаете, что он еще жив?

— Если бы он попался к ним в руки и умер, они, наверное, осмотрели бы тело. Они увидели бы тогда, что на белье его находятся метки “СР”, а на часах и на моей фотографии — английские надписи. Паспорт же выписан на имя Штейнберга. Вы знаете, что у большевиков есть несколько отличных фотографий моего мужа. Кроме того, очень многие знают его в лицо. Неужели вы думаете, что они не опознали его? А если они опознали его, неужели они ограничились бы этим кратким сообщением в печати? Они на весь мир раструбили бы, что Сидней Рейли попал наконец в мышеловку. Расстрелять его они могли совершенно спокойно и открыто, так как всем известно, что Сидней дважды заочно приговорен ими к смертной казни. Почему же такое молчание? Я все-таки убеждена, что, если бы он был ранен или убит, большевики об этом не молчали бы. Значит, он жив.

Мария Шульц согласилась со мной и призналась, что подобные мысли не приходили ей в голову».

Пепита рассуждала весьма здраво. По разным каналам она пыталась получить сведения о судьбе мужа. Но все было напрасно. Официальные британские представители, в том числе из МИД и СИС, фактически устранились от общения с ней. Чиновники из МИДа говорили, что такого человека они, конечно, знают, но никакого отношения к их ведомству он не имел, и где он сейчас — они понятия не имеют. Что касается сотрудников Секретной службы, то они вообще посоветовали Пепите поменьше говорить о своем муже. В попытках помочь мужу она дошла до самого Уинстона Черчилля, но получила от его секретаря весьма прохладное письмо.

«М-р Черчилль поручил мне подтвердить Вам получение Вашего письма от 13 декабря и просит сообщить Вам, что ему лично кажется, что настоящее письмо было написано Вами исключительно по недоразумению, — говорилось в нем. — Ваш муж не был отправлен в Россию по приказанию кого бы то ни было из британских представителей власти. Он отправился туда по собственным делам.

М-р Черчилль сожалеет, что не может быть Вам ничем полезен в отношении этого дела, потому что согласно последним отчетам, полученным нами, Рейли погиб в Москве после своего ареста».

Никакой новой информации не поступало и по каналам «Треста», хотя Захарченко убеждала Пепиту, что эта могущественная организация имеет связи в самых высоких советских кругах и может получить нужную информацию. Но нет, время шло, а новостей не было. Советские власти тоже хранили о судьбе Рейли поистине гробовое молчание.

Сама Пепита буквально выпросила у Захарченко разрешение вступить в эту организацию, и с одобрения «московского руководства» (вероятно, как псевдоподпольщиков, так и непосредственно ОГПУ) ее туда приняли под псевдонимом «Виардо». Она рвалась поехать в Советский Союз и там, наконец, выяснить, что все-таки случилось с мужем. Захарченко и Радкевич всячески отговаривали ее от этого шага — ведь она даже по-русски не знала ни слова.

Тогда она сделала последнюю попытку. По согласованию с Захарченко Пепита решила поместить некролог Рейли в самой влиятельной британской газете «Таймс». Расчет был простым — вдруг эта публикация вызовет какую-то реакцию советской стороны? И вдруг тогда появятся новые подробности о ее муже?

«Таймс» действительно опубликовала короткое объявление 15 декабря 1925 года: «Капитан Сидней Дж. Рейли, кавалер Военного креста, убит 28 сентября войсками ГПУ у села Аллаклюль в России. Любящая жена Пепита Н. Рейли». Но ее замысел не удался. В мемуарах она отмечала, что советские газеты лишь сухо подтвердили смерть Рейли, но это не так. Впервые об этом в СССР будет официально объявлено гораздо позже. Тогда же траурное объявление в «Таймс» осталось без ответа.

Восемнадцатого декабря на исчезновение Рейли откликнулась и газета «Дейли кроникл», поместившая заметку своего парижского корреспондента под заголовком

«Британский офицер в странной шпионской истории. Откровения после гибели в России».

«Некоторые необычные сенсационные сведения о карьере капитана Сиднея Рейли, агента британской разведки, который был убит большевиками в России в сентябре, сообщает сегодня вечером газета “Ла Либерте”».

Единственное официальное свидетельство о смерти капитана Рейли — следующий некролог, который появился несколько дней назад <...>

Это был тот самый офицер, сообщает “Ла Либерте”, который предоставлял британскому правительству планы готовящегося коммунистического восстания во Франции.

Мистер Эррио, который был тогда премьер-министром, проигнорировал эти сведения и дошел до того, что возбудил разбирательство против “Ла Либерте” за публикацию информации об этом.

Позже правительство Болдуина предоставило мистеру Эррио убедительные доказательства готовящегося [восстания], в результате Эррио предпринял действия и изгнал его зачинщиков из Франции.

Согласно этой же газете, капитан Рейли заявлял, что некоторые сотрудники британской секретной службы являлись замаскированными большевиками и впоследствии они были уволены».

Эта заметка, несмотря на содержащиеся в ней любопытные подробности, однако, не добавляла ничего нового к информации о судьбе Рейли. Но у Пепиты к этому времени уже исчезли всякие надежды на то, что Рейли мог быть захвачен живым и все еще сидеть в какой-нибудь из советских тюрем.

В начале 1926 года она получила еще одно письмо, на этот раз от московского руководства «Треста». «Мы глубоко тронуты Вашей искренностью и тем обстоятельством, что Вы готовы помочь нам в той работе, которой мы всецело посвятили себя... — говорилось в этом послании. — Жестокая судьба решила, что Ваш муж, который был нашим искренним и преданным другом, должен погибнуть, погибнуть так же, как погибли многие из наших друзей... Поэтому не полагайте, милостивая государыня, что Вы совсем одиноки. Вы должны знать, что у Вас есть друзья, правда, эти друзья довольно далеко, но все эти друзья Вам искренно преданны и готовы сделать все от них зависящее, чтобы оказать Вам поддержку».

Живите с твердой уверенностью, что за Вашего мужа

отомстят, но для достижения этой цели нам необходима Ваша помощь. А посему мы просим Вас продолжать работать на общее благо.

Было бы хорошо, если бы Вы хоть изучили наш язык, и мы думаем, что Вам это удастся с легкостью, судя по тому, что нам сообщила Шульц о Ваших лингвистических способностях. Мы Вас даже просили бы приехать к нам с тем, чтобы Вы могли лично принять деятельное участие в нашей работе и с тем, чтобы Вы лично познакомились с членами нашей организации.

Одновременно мы могли бы доказать Вам нашу полную преданность и смогли бы работать вместе для достижения нашей общей цели.

Да придет Вам на помощь Господь Бог, и даст он Вам успокоение в Вашем несчастье, и да найдете Вы утешение в работе, которую Вы желаете разделить с нами».

Письмо было подписано псевдонимами «Клейн, Левин, Кинг». Кто именно были эти люди — сказать трудно, но очевидно, что они представляли руководство «Треста». Пепита позже утверждала, что за фамилией «Левин» скрывался Опперпут-Стауниц, сыгравший в судьбе этой организации роковую роль. В то время, когда Пепита пыталась навести справки о том, что произошло с ее мужем и жив ли он еще, Опперпут был прекрасно осведомлен о том, что случилось с ним на самом деле. И о том, что на границе Рейли никогда не был.

Британские и другие европейские газеты еще не раз писали о Рейли, сообщая о нем различные необыкновенные факты. То ли подлинные, то ли выдуманные — сегодня уже сложно сказать.

Информация о Рейли время от времени поступала в Лондон и по конфиденциальным и секретным каналам. Спустя 70 с лишним лет стал, например, известен ранее секретный доклад Особого отдела Скотленд-Ярда (того самого, с работы на который, возможно, начинал свою работу агента будущий «супершпион»). Он сохранился в британском Национальном архиве.

Доклад датирован 9 марта 1927 года и основан на показаниях некоего анонимного информатора Особого отдела. Трудно сказать, кем он был, по некоторым косвенным деталям можно предположить, что это либо советский перебежчик, либо завербованный британский агент, занимавший какой-то солидный советский пост. Из его слов следовало, что он встречался с Рейли в России.

«Я довольно хорошо знал вашего британского шпиона [так в тексте. — *Е. М.*], Сиднея Рейли, — рассказывал информатор. — В 1924 году он стоял около Оперного театра в Москве, я подошел к нему поздороваться и сказал, что ему нужно уходить, так как он был в нашем списке. Он понятия не имел о том, что я знал, что он является Сиднеем Рейли, но, очевидно, последовал моему совету, потому что, когда я встретил его еще раз в начале 1925 в Риме (я был там по делам большевиков), он поблагодарил меня за все, что я ему сделал».

Если информатор говорил правду, то он, вероятно, что-то напутал с датами. В 1924 году Рейли в Москве не было (во всяком случае, об этом ничего не известно). Встреча у театра (скорее всего, Большого) могла произойти раньше — в 1918 году, когда Рейли действительно был «в списке» разыскиваемых организаторов «заговора послов».

«Как вы знаете, — продолжал информатор, — нет сомнений, что его застрелили на границе Финляндии и России.

Когда он находился у Деникина, с ним был человек по имени Хилл, они делали одно дело, но Хилл не обладал чертами характера, которые бы привлекали окружающих, он был просто таким мерзавцем-шпионом, безо всяких моральных принципов. А Сидней Рейли — прекрасный джентльмен-англичанин и очень хороший парень. У него было много друзей среди русских морских офицеров, и большевики очень восхищались им и до сих пор говорят о его храбрости...

Он был сын священника, насколько я помню, он был худым и темноволосым, среднего роста, в возрасте около 35-ти лет.

Рейли обожал женщин, и он со временем женился на актрисе кино, аргентинской женщине, по имени, которое звучало как Бельбетта. Сейчас я не могу вспомнить ее имя. В любом случае, примерно три месяца назад Москва телеграфировала в свое посольство в Париже, что у них есть информация, что Бельбетта хотела убить Раковского, и вскоре после этого миссис Рейли позвонила, чтобы увидеть Раковского. Так как все были предупреждены о том, что она, возможно, придет, чтобы убить Раковского, в посольстве все забегали: все евреи заперлись, и даже сам Раковский укрылся на втором этаже.

В конце концов, один бывший русский офицер, чье имя я не могу вспомнить, был послан встретить ее, никто больше не желал встретиться с ней лицом к лицу. Она хотела

получить разрешение посетить Россию, чтобы получить доказательство смерти Рейли...

Ее попросили написать письмо и указать точно, чего она хочет.

Она написала письмо о том, что она была женой Сиднея Рейли, что он работал на британское правительство и имел поддельный советский паспорт на имя Шреттера (вроде бы так) или Ивана, или Николая, я не могу вспомнить точное имя, но я думаю, что это было одно из них».

Информатор высказывал предположение, что вдове Рейли хотели привезти в Россию, а там задержать ее.

Странный документ. Смесь из весьма правдоподобной и совершенно фантастической информации. Кем был человек, который рассказал все это, так и осталось неизвестным.

Писали и говорили о Рейли действительно немало, но подлинная судьба бывшего агента СТГ еще долго оставалась тайной. Впрочем, для того, чтобы узнать, что с ним случилось на самом деле, придется на некоторое время оставить его и коротко рассказать о событиях, которые происходили в последующие полтора года — уже без Сиднея Рейли, но как бы при его незримом присутствии.

Именно эти события привели к тому, что «Трест» лопнул, и первые сведения о том, как окончил свои дни британский разведчик, просочились на Запад.

«ТРЕСТ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ»

Сначала большинство из активных белоэмигрантов, боровшихся против большевиков, пришли к выводу, что инцидент у Алякюля действительно был роковым стечением обстоятельств или ошибками, которые совершил при переходе границы сам Рейли. Значит, ОГПУ не вышло на «Трест» и ему ничего не угрожает. В Москве как раз и хотели, чтобы за границей думали именно так. На Лубянке надеялись, что смогут продолжать игру еще в течение нескольких лет. И здесь «Тресту» неожиданно помог Василий Шульгин.

«Чтобы поставить его [«Трест». — *Е. М.*] на должную высоту, мы выбросили новый трюк с нелегальной поездкой бывшего редактора “Киевлянина” В. В. Шульгина в СССР», — рассказывал Артур Артузов. Правда, начальник КРО немного лукавил: нельзя сказать, что «трюк» с Шульгиным в полной мере был придуман ОГПУ. В отличие от

Рейли, известный русский националист не только не сомневался, ехать ли ему в СССР или нет. Он туда просто рвался. Несмотря на уговоры знакомых не делать этого.

В 1925 году Шульгин жил в Югославии, в небольшом городке Сремски Карловцы, там же, где и находилась штаб-квартира барона Петра Врангеля. В Югославии же он обвенчался с Марией Седельниковой. В момент свадьбы ему было 47 лет, ей — 25. И с того самого момента, когда он оказался за границей, Шульгин не переставал думать о поездке в Советскую Россию. Более того, в 1921 году он нелегально побывал в Крыму. Из десяти участников этой экспедиции вернулись обратно только пять. Осенью 1924 года он снова решил поехать в СССР и попросил Якушева помочь ему в организации такой поездки.

Разумеется, ему было бы чрезвычайно интересно увидеть, чем и как живет Россия при большевиках. Конечно, он был не против выполнения каких-либо поручений эмигрантских организаций по установке связей с подпольем в СССР. Но главное было все же не это. В России остался старший сын Шульгина. Ходили слухи, что он попал в плен к красным. Уже в 60-х годах престарелый Шульгин рассказывал писателю Льву Никулину о том, что некая «ясновидящая» убедила его в том, что сын жив и находится в клинике для душевнобольных в городе Винница. Он связался с Якушевым, который заверил его, что «Трест» сделает все возможное, чтобы организовать Шульгину безопасную поездку и разыскать его.

В ночь на 23 декабря 1925 года заросший бородой Шульгин с паспортом на имя Иосифа Карловича Шварца перешел польско-советскую границу через «окно» «Треста» в районе станции Столбцы. Переводила его «шайка контрабандистов». Потом ему выдали документы на имя Эмилия Эдуардовича Шмидта.

В своей нашумевшей книге «Три столицы», которая вышла вскоре после его возвращения из СССР и в которой Шульгин описал свое тайное путешествие в страну большевиков, он подробно рассказал, как они несколько часов шли по сугробам, как ждали в ночи условных сигналов, как ему подарили «солидный браунинг» для того, чтобы отстреливаться от чекистов, как он все время снимал пистолет с предохранителя и т. д. Тогда он, конечно, не предполагал, что все это было еще одним искусно поставленным ОГПУ спектаклем и вся его поездка была организована чекистами.

После того, как в Москве стало известно о решимости Шульгина приехать в Советский Союз, на Лубянке задумались — что делать? По советской версии идея организовать Шульгину безопасное путешествие по СССР, чтобы использовать его для подтверждения «огромных возможностей» «Треста», принадлежала Дзержинскому. Тем более что после «убийства» Рейли Шульгин должен был подтвердить: с «Трестом» ничего не случилось, и он по-прежнему так же силен. Кроме того, чекисты рассчитывали использовать поездку знаменитого русского националиста в собственных пропагандистских целях, что, надо признать, им тоже удалось.

Шульгин прибыл в Киев, откуда поехал в Москву, затем в Ленинград. «Дыхания предательства я не ощущал, — писал он. — Наоборот, от всех моих новых друзей шли хорошие токи». А сотрудники ОГПУ, похоже, специально постарались обставить все так, чтобы их гость из-за границы находился в безопасности, но при этом не скучал. Шульгин не раз замечал за собой слезку. В целях конспирации он решил подстричь и покрасить бороду (однако советская хна дала устойчивый лиловый цвет и бороду пришлось сбрить).

Под Москвой Шульгин жил рядом с «Шульцами» — Захарченко и Радкевичем, которые часто его навещали. «Мне приходилось вести откровенные беседы с Марией Владиславовной, — писал он. — Однажды она мне сказала: “Я старею... Чувствую, что это мои последние силы. В этот “Трест” я вложила все свои силы, если это оборвется, я жить не буду”».

Еще одно, крайне важное наблюдение гостя из эмиграции: «Разочаровавшись постепенно в Якушеве, она идеализировала другого члена этой организации». Речь шла о Стаунице-Опперпуте. Не исключено, что именно эта идеализация сыграла позже в прекращении деятельности «Треста» весьма важную роль.

Шульгин трижды встречался в Москве с руководителями «Треста» Якушевым и Потаповым. Бывал на этих встречах и Опперпут, которого представили в качестве «министра финансов» «Треста».

Руководители «Треста» спросили Шульгина, не смог бы он написать книгу с рассказом о его впечатлениях в СССР. Но так, чтобы не подвести тех людей, которые ему помогали. Шульгин согласился и на это, не подозревая, что идею с книгой придумали Дзержинский и Артузов. Он сам хотел съездить в Винницу и разыскать там сына, но Якушев его

не пустил, сказав, что отправит туда своего надежного человека. Поиски, правда, не принесли результатов.

Шульгин еще побывал в Ленинграде, а 6 февраля 1926 года после теплого прощания с членами «Треста» выехал в Минск. «Контрабандисты» перевели его через границу.

Вскоре Шульгин принялся за «отчет» о своем путешествии. То есть за книгу. Он по частям отправлял рукопись в Москву, чтобы, во избежание «провала» кого-нибудь из «трестовцев», ее предварительно прочли руководители организации. В ОГПУ их прочитали и, в общем, мало что изменили. Через много лет Шульгин иронически заметил: «Кроме подписи автора, то есть “В. Шульгин”, под этой книгой можно прочесть невидимую, но неизгладимую ремарку: “Печатать разрешаю. Ф. Дзержинский”».

Очерки о его путешествии в СССР начали появляться в эмигрантской прессе осенью 1926 года, а отдельной книгой «Три столицы» вышли только в январе 1927-го.

Книга вызвала настоящую сенсацию в эмигрантских кругах. Шульгин утверждал, «что Россия не умерла, что она не только жива, но и наливается соками», и если НЭП будет развиваться в «надлежащем направлении», то он уничтожит большевизм. Эмигранты разделились — одни ругали автора, другие поддерживали и прославляли его героизм. Были и такие, кто хотел его избить за то, что он якобы выдал тайны «русских патриотов-подпольщиков в Совдепии». В общем, она имела огромный пропагандистский эффект, а это было именно то, что хотели на Лубянке.

Еще больше для ОГПУ были важны впечатления Шульгина о «Тресте», которые он донес, в частности, до Врангеля и Кутепова. «Это хорошо организованная машина, — говорил он. — Какая точность механизма!» Шульгин считал, что зарубежные русские силы, желающие свержения советской власти, должны непременно согласовывать свои действия с «внутренними силами» России.

Но Врангель на сотрудничество с «Трестом» так и не пошел. Что и говорить — барону нельзя было отказать в уме и проницательности.

На финишной прямой

Двадцатого июля 1926 года на пленуме ЦК ВКП(б) в Большом Кремлевском дворце, посвященном положению в экономике, с докладом выступал Феликс Дзержинский.

Он говорил около двух часов, резко и возбужденно критиковал представителей внутрипартийной оппозиции. Дзержинский явно чувствовал себя не лучшим образом — он иногда задыхался и хватался за сердце. После выступления он вышел за кулисы, прилег на диван, а когда ему стало немного лучше, пошел домой — Дзержинский жил в Кремле. Но дома он внезапно упал на пол. В 16 часов 40 минут Дзержинский умер. 22 июля его похоронили у Кремлевской стены. Во главе ОГПУ встал бывший 1-й заместитель Дзержинского Вячеслав Менжинский — эрудит, полиглот, знавший шестнадцать языков. Ему по наследству перешло и руководство «операцией “Трест”».

Ко второй половине 1926 года в Москве все сложнее становилось выполнять одну из главных поставленных перед «Трестом» задач — сдерживать действия кутеповских офицеров-боевиков, у которых буквально чесались руки. Внутри самого «Треста» горячими сторонниками акций «прямого действия» оставались Мария Захарченко и Георгий Радкевич. Вынужденное бездействие и повседневная текучка конспиративной работы буквально сводили их с ума. Радкевич начал пить. Захарченко постоянно впадала в депрессию. Она хотела действовать и еще раз действовать. То есть бросать бомбы, стрелять, организовывать покушения и экссы. После «убийства» Рейли, в котором она винила в том числе и себя, эти чувства обострились еще сильнее. Резидент боевой организации генерала Кутепова в Польше Сергей Войцеховский, хорошо знавший ситуацию в отношении с «Трестом», позже вспоминал: «В Москве Мария Владиславовна пришла к выводу, что советская власть укрепляется и что только террор может ее поколебать. Кутепов это мнение разделил... Когда Захарченко с его согласия сообщила Якушеву отношение Кутепова к террору, ответом был резкий отпор. Красной нитью в письмах Якушева к Кутепову... проходила обращенная к эмигрантам просьба: “Не мешайте нам вашим непрошеным вмешательством; мы накапливаем силы и свергнем советскую власть, когда будем, наконец, готовы”».

Ситуация усугублялась и тем, что в Москве между Захарченко и Опперпутом начал развиваться любовный роман. Она искала в «Тресте» единомышленников, и он вдруг оказался ей именно таким человеком. Захарченко вела с ним беседы о том, что нужно начинать действовать и что она рассчитывает на него.

Об отношениях между Захарченко и Опперпутом было известно на Лубянке. Артузов вызвал его для беседы, но

Опперпут ничего не отрицал, а близость с Захарченко была полезной для операции. Позже Артузов признает, что тогда он совершил серьезный просчет*. Одним из первых, кто сообщит за границу о том, что на самом деле произошло с Рейли, будет как раз Александр Опперпут, он же Эдуард Стауниц.

В ноябре 1926 года через «окно» на эстонской границе в Париж отправился сам Якушев. Его главная задача состояла в том, чтобы теперь выманить в СССР генерала Кутепова. На встречах с ним Кутепов держал себя дружелюбно, и, когда Якушев начал жаловаться ему на интриги Захарченко, даже предложил заменить ее на кого-нибудь другого. Но вот номер с его приглашением в СССР не прошел. Кутепов в любезной форме, но твердо отклонил это предложение. Кто знает, возможно в этот момент он вспомнил о том, что случилось с Савинковым и Рейли, которых тоже приглашали к себе подпольщики в СССР.

Якушев провел во Франции еще несколько встреч, в том числе с Шульгиным и великим князем Николаем Николаевичем. Последний подарил ему своей портрет с дарственной надписью, а также передал обращение к Красной армии.

Что касается Кутепова, то Якушев все же смог с ним договориться о встрече с представителями «Треста». Но она должна была состояться не в Москве или Ленинграде, а в финском городке Териоки вблизи советско-финской границы. Совещание запланировали на конец марта 1927 года, и Якушев сначала сам хотел присутствовать на нем. Но все получилось по-другому.

Накануне совещания руководство ОГПУ решило отправить в Финляндию не его, а Николая Потапова, поскольку встрече с Кутеповым решили придать исключительно военный характер. Менжинский поручил ему настаивать на том, что выступление «внутренних сил» еще не готово, и всеми силами компрометировать идею террора. В разговоре с Потаповым Менжинский сказал, что «Трест» себя

* В «Очерках по истории российской внешней разведки», которые отражают официальную позицию российских спецслужб на историю «операции “Трест”», эти события трактуются по-другому: «После длительного анализа хода операции “Трест” было принято решение лишить Захарченко самостоятельности. Для этого в МОЦР специально создали оппозицию, якобы выступающую за применение террора, и поставили во главе ее Опперпута и Захарченко. Теперь Захарченко не могла принимать решения без одобрения Опперпута».

почти изжил и после совещания в Финляндии нужно будет подумать, что с ним делать.

Двадцать пятого марта Потапов прибыл в Териоки. Вместе с ним был и еще один «представитель» «Треста» по фамилии Зиновьев (!). Он как бы отвечал за работу на флоте. На самом деле, Зиновьев тоже являлся сотрудником ОГПУ (по другим данным — сотрудником Разведывательного управления РККА). 26 марта приехала Захарченко. В тот же день началось совещание.

Кутепов интересовался, когда можно ждать выступления «внутренних сил». Потапов отвечал уклончиво. Генерал предлагал направить в Советский Союз группу из 20—30 человек, которая будет совершать теракты под контролем «Треста», а сами «трестовцы» будут оставаться в тени и сохранять свои силы до переворота. Потапов не стал возражать — это бы вызвало подозрения. Он предложил обсудить этот вопрос на заседании Политсовета. 28 марта совещание в Териоках закончилось. Но Кутепов и Захарченко были неприятно удивлены тем, что в Финляндию не приехали ни Якушев, ни Опперпут-Стауниц. Последний казался Кутепову полным антиподом «старорежимному» барственному и склонному к выжидательной тактике Якушеву. Кутеповцы делали ставку на то, что Опперпут втайне от Якушева возглавит в России «террористическую работу».

Вернувшись в Москву, Захарченко передала Опперпуту личное письмо Кутепова. А заодно предложила Опперпуту возглавить террористическую группу. Кроме того, Захарченко рассказала, что вскоре несколько кутеповских боевиков придут в СССР не по каналам «Треста».

То, что произошло потом, в разное время объясняли по-разному. Но после этого история «Треста» с огромной скоростью понеслась к финишу — как автомобиль без шофера.

«Советский Азеф»

В начале апреля 1927 года подвыпивший Георгий Радкевич устроил драку в одной из московских пивных и загремел в милицию. Оттуда его доставили в ОГПУ. Радкевича, конечно, освободили, но Захарченко была встревожена этим происшествием. Она настояла, чтобы ее муж срочно отбыл за границу через «окно» в Финляндию. 10 апреля Радкевич уехал в Ленинград, с ним поехала Захарченко. Однако 11 апреля от нее пришла телеграмма — Радкевич

пропал. Тогда Опперпут обратился с просьбой к своему начальству в ОГПУ разрешить ему отправиться искать его. Ему дали «добро».

Сама Захарченко решила отправиться в Финляндию — по некоторым данным, Радкевич был уже там. Опперпут-Стауниц вызвался проводить ее до границы и донести чемодан. Однако на границе они оба почти бегом пустились на финскую сторону, оставив в полном изумлении связника, который должен был перевести в Финляндию только одну Захарченко. Обратного Опперпут уже не вернулся.

После того как его побег за границу стал неоспоримым фактом, ОГПУ обыскало конспиративную квартиру в Ленинграде, на которой он останавливался. Там чекисты нашли оставленное Опперпутом письмо. В нем он сообщал, что не вернется в СССР, и требовал за свое молчание 125 тысяч рублей золотом*. Оставил он записку и своей жене в Москве — в ней он предупреждал, что она вскоре может услышать о нем как о «международном авантюристе». Так и начался «закат “Треста”».

Близкий к советским и российским спецслужбам историк Теодор Гладков в биографии Артура Артузова считал, что главными причинами бегства Опперпута-Стауница стали «алчность плюс идейное и моральное воздействие Захарченко-Шульц». Причем, по его утверждению, сама Захарченко узнала о работе Опперпута на ОГПУ только после того, как они пересекли границу. Но, скорее всего, он рассказал Захарченко о своем сотрудничестве с чекистами гораздо раньше, и их побег был подготовлен. Об этом говорит хотя бы такой факт: Радкевич неожиданно для всех, в том числе и для эмигрантов, ушел из СССР через польскую границу, да к тому же увел с собой двух кутеповских офицеров-боевиков — Шорина и Каринского. Там их совсем не ждали.

* Сам Опперпут очень туманно рассказывал об этом «скользком» для «идейной борца» эпизоде. «ГПУ, — писал он в статье, помещенной в рижской газете «Сегодня» 17 мая 1927 года, — тотчас изъявило согласие на уплату мне одновременно 125 000 рублей золотом и пенсию 1000 рублей в месяц при условии, что я к разоблачениям не приступлю. Я дал на это мнимое согласие, дав гарантии соответствующим лицам, что все переведенные суммы будут мною переводиться организациям, ведущим активную борьбу с советским правительством. Двумя телеграммами ГПУ подтвердило высылку денег нарочным, однако они доставлены не были, и полагаю, что причиной этого были поступившие в ГПУ сообщения, что главнейшие разоблачения мною уже сделаны».

Что на самом деле стояло за бегством Опперпута? По одной версии, это была тонкая игра чекистов, решивших ликвидировать «Трест», использовавших Опперпута «втемную». По другой версии, побег Опперпута стал полной неожиданностью для ОГПУ. Она кажется более похожей на правду, хотя, конечно, непатриотично говорит о серьезных проколах в работе чекистов. После побега им пришлось сворачивать работу «Треста» почти что в пожарном порядке.

Десятого апреля генерал Потапов написал генералу Кутепову. По его словам, складывалась следующая ситуация: Опперпут-Стауниц — провокатор и предатель, который чуть ли не с 1918 года служил в ВЧК, а в отношении Захарченко у «Треста» имелись сомнения. По их «наводке» чекисты начали аресты членов «Треста», Якушеву пришлось скрыться, хотя он «по-видимому, в относительной безопасности — связь с ним имеем».

«В настоящий момент еще совершенно невозможно учесть размеров убытков, — подчеркивал Потапов. — Однако уже сейчас есть основание полагать, что Опперпут вел очень сложную игру с конкурентами [ОГПУ. — *Е. М.*] и в своих собственных интересах. Он давал конкурентам, видимо, не все, что знал, ибо иначе нельзя объяснить сравнительно ограниченные размеры, протестов [арестов. — *Е. М.*]. Пока нужно сказать, что окончательно скомпрометированы главное правление Треста и привлечена к делу почти вся связь, непосредственно обслуживавшая главное правление...» Другими словами, ОГПУ устами Потапова пыталось навести тень на плетень: провалы в «Тресте» — дело рук «нового Азефа» Опперпута. Само же существование в СССР мощной подпольной монархической организации сомнению не подлежит.

Через некоторое время, 21 апреля, на последней странице московских «Известий» появилась напечатанная петитом короткая заметка под заголовком «Ликвидация контрреволюционной шпионской группы», в которой говорилось о раскрытии подпольной организации, «называвшей себя сторонниками бывшего великого князя Николая Николаевича». Из этого сообщения тоже вытекало, что «Трест» был подлинной тайной монархической организацией.

Тем временем бегство Опперпута стала обсуждать эмигрантская пресса. Газеты наперебой публиковали сенсационные подробности истории «самого крупного после Азефа провокатора». Многие были уверены, что его побег принят вовсе не с целью разоблачения действий ОГПУ, а

для подготовки какой-то новой «грандиозной провокации со стороны Советов». 9 мая 1927 года рижская газета «Сегодня» опубликовала об Опперпуте-Стаунице заметку под названием «Советский Азеф». А 17 мая в той же газете появилось большое письмо самого Опперпута, который пояснял, что являлся секретным сотрудником КРО ОГПУ с 1922 года и бежал из России, чтобы «своими разоблачениями раскрыть всю систему работы ГПУ и тем принести посильную пользу России». Автор письма заявлял, что советские сообщения о раскрытии крупной монархической организации — это «гнусная ложь», поскольку эта организация является «легендой» ОГПУ. По его словам, в организации участвовали около 50 чекистов и их помощников, и их «имена, адреса и клички по ГПУ и легенде будут своевременно опубликованы».

Опперпут назвал лишь некоторых из них — например Владимира Стырне. Он обещал продолжать свои разоблачения и призывал прессу к «терпению и хладнокровию». Но пока он ни словом ни упомянул о Якушеве и Потапове. Ничего он не рассказал и о гибели Сиднея Рейли.

Опперпут написал около трех десятков писем, статей и записок о своей деятельности, и далеко не все из них тогда попали в прессу. Самые важные бумаги он передавал непосредственно генералу Кутепову и, возможно, сотрудникам финской и польской разведок. В Хельсинки его долго допрашивали сначала офицеры финского, а потом и польского Генеральных штабов. Поляки для этого специально прибыли в Финляндию. Вскоре после бегства Опперпута туда же приехал и Кутепов вместе с Радкевичем и Каринским.

Опперпут подробно поведал об истории «Треста», о том, какую роль в ней сыграли Артузов, Стырне, а также Якушев и Потапов. Он изложил все, что знал о структуре ОГПУ, его отделах, о том, как ведутся допросы и как вербуются секретная агентура. И Кутепов, и сотрудники финской и польской разведок были вынуждены в конце концов признать, что эти показания очень похожи на правду. Для них это был тяжелый удар. Да и не только для них — для всей воинственно настроенной эмиграции. Получалось, что вождей эмиграции попросту оставили в дураках, что чекисты пять лет откровенно морочили им головы. И теперь любой серьезный политик или бизнесмен в Европе или в Америке еще сто раз подумает перед тем, как помогать деньгами Белому делу.

Барон Петр Врангель писал в письме своему другу генерал-лейтенанту Ивану Барбовичу (9 июня 1927 года): «Разгром ряда организаций в России и появившиеся на страницах зарубежной русской печати разоблачения известного провокатора Опперпута-Стауница-Касаткина вскрывают в полной мере весь крах трехлетней работы А. П. Кутепова. То, о чем я неоднократно говорил и Великому Князю, и самому Александру Павловичу, оказалось, к сожалению, правдой. А. П. всецело попал в руки советских Азэфов, явившись невольным пособником излавливания именем Великого Князя внутри России врагов советской власти».

В другом письме (21 июня) тому же Барбовичу барон выразился еще резче: «С А. П. Кутеповым я говорил совершенно откровенно, высказав ему мое мнение, что он преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен, и указал, что нравственный долг его, после обнаружившегося краха его трехлетней работы, от этого дела отойти. Однако едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание своей несостоятельности. Для того, чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского мужества». Вряд ли можно сомневаться в личной честности и гражданском мужестве генерала Кутепова, но «от этого дела» он действительно не отошел — даже наоборот.

* * *

Что же касается Захарченко и Радкевича, то они были морально раздавлены обрушившимися на них фактами. Дело, ради которого они несколько лет рисковали своей жизнью и которому отдавали всех себя, оказалось пшиком, а они сами — марионетками в руках ОГПУ.

Весной 1927 года Мария Захарченко увиделась с Пепитой Бобадилья. Вдова Рейли не могла не заметить, насколько она изменилась со времени их последней встречи: «Лицо ее похудело и пожелтело. От прежнего самообладания и уверенности в себе не осталось и следа. Мария боялась. После долгих расспросов она объяснила, что уехала из России вопреки запрету своих начальников. То, что она нарушила дисциплину, мучило ее. Но это объяснение меня не удовлетворило. Я поняла, что она обнаружила какое-то предательство в “Тресте”».

Вскоре Пепита получила от Захарченко письмо из Финляндии. Из него было видно, что ее последние надежды и

сомнения растаяли. «Катастрофа разразилась, все погибло, все потеряно, осталась только смерть, — писала она. — Разве можно жить после того, что я узнала? Все было ложью, фальшью. Меня провели, обманули, как тысячи других истинных патриотов.

Наша организация полна провокаторов. Они играют руководящую роль в организации и не подпускают честных людей к истокам работы. Каждый раз я подавляла сомнения, но теперь один из членов организации раскрыл мне все. Он только что бежал сюда из России и выдал предателей. Подробности прочтете в газетах. Только теперь стала известна правда, так долго мучившая нас обеих. Но я понесу свой крест до конца».

Член боевой организации Кутепова, бывший офицер-артиллерист Виктор Ларионов вспоминал о Захарченко: «Она считала себя обреченной, смотрела на свою гибель, как на нужный шаг в предстоящей борьбе... Эта обреченность при сознании безнадежности победы сегодня и делали Марию Владиславовну героиней в наших глазах: “Мы погибнем, но за нами придут другие. Наше дело не умрет вместе с нами”».

Однажды Захарченко познакомила Ларионова с Опперпутом, сидевшим в кресле худошавым рыжеватым шатеном с острой бородкой. Он встал, пожал Ларионову руку и представился: «Опперпут-Стауниц. Ответственный работник КРО ОГПУ».

«Теперь настало время платить, — говорила тем временем Захарченко. — Теперь руки развязаны. Мы осуществим то, чего не позволял под различными предложениями проклятый “Трест”. Мы начнем террор».

ТЕНЬ РЕЙЛИ

В мае 1927 года Захарченко и Опперпут лихорадочно работали над программой, которую должны были реализовать наиболее решительно настроенные офицеры из организации Кутепова. Тогда при Русском общевоинском союзе было решено создать новую группу — Союз национальных террористов. Захарченко и Опперпут предлагали называть ее участников «сентоками» или «сентистами». Захарченко не раз повторяла: «Мы начнем террор! За Рейли! За весь позор! Мы должны его смыть!»

Она глубоко переживала то, что случилось с Рейли, и считала, что его гибель — на ее совести. Во многом ее жела-

ние лично принять участие в боевых операциях на территории СССР было связано с желанием отомстить за него. «То, что я этого не знала, не снимает с меня ответственности, — отмечала в письме Пепите Бобадилья. — Его кровь на мне и останется на мне всю жизнь. Смыть ее можно только отмщением или смертью. Больше ничего сказать Вам не смею. На мне лежит вина за Ваше несчастье. Но я не успокоюсь, пока не отомщу».

Вскоре Захарченко и Опперпут послали свой план действий Кутепову. Он поражал воображение своей дерзостью и жестокостью.

«...Необходимо направить две-три группы по 4 человека для взрыва мостов, — говорилось в нем. — Взорвать мост одновременно на Волхове и Луге, чтобы отрезать Петроград и создать панику. После этого можно перейти к поджогам и к взрывам в учреждениях посредством заложенных ранее снарядов. Достать технические средства возможно. Старайтесь теперь же наладить заготовку бомб большой силы, небольших сосудов с газами и главное — культуры бацилл. Этим мы их, скорее всего, доконаем с наименьшими для нас потерями. А для народа появление в среде коммунистов чумы или холеры будет, конечно, истолковано как гнев Божий. О человечности говорить уже не приходится. Кроме того, надо организовать пиратство в море, отравление экспорта русских товаров...

После первых ударов по живым целям центр тяжести должен быть перенесен на промышленность, транспорт, склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты. Для уничтожения южных портов на каждый из них нужно не более 5—10 человек, причем это необходимо сделать одновременно, ибо после первых же выступлений в этом направлении охрана их будет значительно усилена. Сейчас же вообще никакой вооруженной охраны их нет. После первых же выступлений необходимо широко опубликовать и разослать всем хлебным биржам и крупным хлебно-фуражным фирмам сообщение “Союза национальных террористов”, в котором они извещают, что все члены СНТ, находящиеся в России, не только будут сдавать советским ссыпным пунктам и элеваторам свой хлеб отравленным, но будут отравлять и хлеб, сдаваемый другими. Даже частичное отравление 3—4 пароходов, груженных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит все солидные фирмы от покупки советского хлеба... То же самое можно будет

попытаться сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например, с сибирским маслом... Этим был бы нанесен Советам удар, почти равносильный блокаде. Помимо того, уничтожение элеваторов не только сильно удорожит хлеб, но и ухудшит его качество».

Предлагали Захарченко и Опперпут потопить и советский учебный парусник «Товарищ», который вскоре должен был возвращаться из плавания в Америку. «На нем ведь исключительно комсомольцы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий», — писали они. Они рассматривали возможность нападения в море на советские танкеры и грузовые суда.

После каждого теракта нужно обязательно объявлять, что он совершен «сентистами». Среди потенциальных целей террористов они называли все областные комитеты ВКП(б), все губернские комитеты ВКП(б), все партийные школы, войска ГПУ и органы ГПУ. «Для уничтожения личного состава компартии придется главным образом применить культуры микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т. д.), — продолжали они, — ...один террорист сумеет вывести в расход сотни коммунистов».

Кутепов всемерно одобрил эту поистине людоедскую программу Союза национальных террористов. Генерал предложил Захарченко возглавить его, но она отказалась и заявила, что пойдет «в дело» первой. Кутепов был вынужден согласиться. Вернуться в СССР собирался и Опперпут. У него просто не было другого выхода. За границей к нему относились по-прежнему с недоверием, и единственным шансом преодолеть его было участие в боевой операции. Она должна была стать для него своего рода «искупительным актом».

Сохранились новые конспиративные псевдонимы, которые придумали себе Захарченко и Опперпут. Для нее — Ольга Беккер и Андрей Диков, для него — Петр Грачев и Карл Валин. Георгий Радкевич мог именоваться Иваном Жуковым и Иваном Беккером.

За несколько дней до выступления Опперпут написал письмо своим родственникам в Риге: «Через несколько дней я уйду обратно в Россию. Возможно, я уже буду убит при переходе границы. Этого я бы не хотел. Дойти до места, сбалансировать свои счета с ГПУ, бросить первый камень в усохшее болото, сделать первый удар в набатный колокол, а потом, что Бог даст».

Первый «поход» в СССР должны были совершить две «тройки» террористов. Одна — в Москву, другая — в Ленинград. В первую вошли Захарченко, Опперпут и 22-летний Юрий Петерс (Вознесенский). Вторую «тройку» возглавил опытный офицер Виктор Ларионов, а в ее состав вошли 20-летние Сергей Соловьев и Дмитрий Мономахов — выпускники русской гимназии в Хельсинки. 31 мая финско-советскую границу перешла «тройка» Захарченко, в ночь на 1 июня — «тройка» Ларионова. Проводили их финские связники. До места своих акций все добрались благополучно.

«Хорошо мечтать о народном терроре...»

В ночь на 3 июня 1927 года Захарченко, Опперпут и Петерс заминировали дом 3/6 по Малой Лубянке, в котором находилось общежитие сотрудников ОГПУ. Опперпут хорошо знал это здание.

Непонятно, как они попали внутрь — возможно, Опперпут предъявил свое старое удостоверение. Непонятно также, как им удалось незаметно установить «адскую машину» — мощный четырехкилограммовый заряд, вокруг него — дополнительные толовые шашки, а пол еще полили керосином. Затем они подожгли шнуры и поспешно удалились. Взрыв должен был разрушить здание почти до основания, но террористам не повезло. По одной версии, один из чекистов пошел ночью «по нужде» и заметил «адскую машину». К тому же раньше времени погас бикфордов шнур. По другой — взорвалась только одна шашка. Большого вреда взрыв не принес, но от него проснулись спавшие в соседних комнатах сотрудники. Они выбежали в коридор и оборвали тлеющие бикфордовы шнуры.

На «тройку» была объявлена охота. Террористы разделились — Захарченко и Петерс пытались уйти вдвоем, а Опперпут один. Почти через месяц, 5 июля, в советских газетах было опубликовано сообщение ТАСС, а 6 июля в «Правде» появилось интервью с заместителем председателя ОГПУ Генрихом Ягодой. В этих публикациях рассказывалось о том, как ловили и как обезвредили террористов. По словам Ягоды, Опперпут «едва не был задержан 18 июня на Яновском спиртоводочном заводе, где он показался подозрительным». Он пытался бежать, отстреливался, ранил трех человек, но его все равно обнаружили. Опперпут был убит в перестрелке.

Захарченко и Петерс пытались пробраться к границе через витебское направление. Они захватили автомобиль, убили шофера, а его помощника заставили вести машину. Но раненый помощник водителя все же умудрился ее испортить. Тогда террористы бросили машину и скрылись в лесу. Однако их тоже обнаружили. «В перестрелке с нашим кавалерийским разездом оба белогвардейца покончили счеты с жизнью. Вознесенский был убит на месте, Шульц умерла от ран через несколько часов», — заявил Ягода.

Есть и другая версия. Якобы Захарченко и Петерс вышли на полигон войск Красной армии в районе села Ситно. Там как раз проходили летние сборы. Уже после Второй мировой войны в русской эмигрантской печати появилось свидетельство некоего бывшего красноармейца Ивана Репина, находившегося тогда на полигоне и якобы видевшего последние минуты жизни Захарченко и Петерса своими глазами. «На противоположной опушке леса, — вспоминал он, — в интервале между мишенями, стоят рядом мужчина и женщина, в руках у них по револьверу. Они поднимают револьверы кверху. Женщина обращается к нам, кричит: — За Россию! — и стреляет себе в висок. Мужчина тоже стреляет, но в рот. Оба падают.

...Еще раз увидел я эту героиню часа через два. В скромном сером платье она лежала прямо на земле у штаба нашего полка. Ниже среднего роста. Средних лет. Шатенка. Мертвенно бледное лицо, заострившийся нос, закрытые глаза. Едва заметное дыхание. В бессознательном состоянии...

Позднее я слышал, что “шпионка” в тот же день и в том же бессознательном состоянии была “погружена” в вагон-ледник и отправлена в Ленинград».

По различным данным, Захарченко и Петерс погибли то ли 18-го, то ли 23 июня 1927 года.

Вторая, «ленинградская», «тройка» — Ларионов, Соловьев и Мономахов — вечером 6 июня бросила гранаты в помещение партийного клуба на набережной Мойки, где проходило заседание философской секции. Одна из гранат не взорвалась, от взрыва второй было ранено 26 человек. «Тройка» сумела уйти с места теракта и благополучно добраться до Финляндии.

Седьмого июня на вокзале в Варшаве был смертельно ранен полпред СССР в Польше Петр Войков. В него стрелял 20-летний эмигрант Борис Коверда. В Союз национальных террористов он не входил, но тоже выражал желание отправиться в СССР, чтобы вести там борьбу с большевиками.

В тот же день в Минске была устроена железнодорожная катастрофа, в которой погиб заместитель полномочного представителя ОГПУ по Белорусскому военному округу Иосиф Опанский.

Десятого июня «Правда» напечатала сообщение «От коллегии Объединенного Государственного Политического Управления». В нем говорилось о смертных приговорах двадцати находившимся в заключении контрреволюционерам. Они были расстреляны в тот же день.

* * *

Успех «тройки» Ларионова воодушевил Кутепова. По его поручению Георгий Радкевич, новый глава Союза национальных террористов, начал готовить очередные группы боевиков к забросу в СССР. Первую возглавил капитан-артиллерист Александр Балмасов (Болмасов)* — один из самых опытных членов кутеповской организации. Советскую границу к тому времени он переходил уже 9 раз. Его напарником был 23-летний Александр Сольский. Во вторую группу входили Александр Шорин (в апреле 1927 года вместе с Радкевичем и Каринским он ушел из СССР после предупреждения Опперпута) и участник недавней ленинградской акции Сергей Соловьев.

В Латвии готовилась к операции «тройка», в которую входили мичман Николай Строевой (в его активе имелось уже четыре перехода советской границы), фельдфебель Василий Самойлов (он дважды переправлялся в СССР) и Александр фон Адеркас. Никакой связи с «финскими» группами у них не было.

Операция для всех трех групп закончилась полной катастрофой. Шорин и Соловьев погибли в бою с пограничниками. Балмасов и Сольский были взяты в плен. Та же участь ожидала и «латвийскую тройку».

Двадцатого сентября в Ленинграде началось выездное заседание Верховного суда СССР под председательством Василия Ульриха. К изумлению эмиграции, такие «железные» люди, как Балмасов, Строевой, Самойлов и их молодые товарищи, на процессе каялись и говорили о разочаровании в своих прежних идеалах и своей борьбе. Это их все

* Фамилии некоторых эмигрантов — «активистов» в различных источниках пишутся по-разному. Того же Радкевича часто называют Радковичем, Балмасова — Болмасовым, Шорина — Шариным и т. д.

равно не спасло — только один фон Адеркас получил 10 лет заключения, а остальные были расстреляны.

В сентябре 1927 года, сразу после «процесса пяти», правительство СССР официально потребовало от Финляндии высылки кутеповских боевиков — Радкевича, Ларионова и Мономахова. Финнам пришлось пойти навстречу Москве, а боевикам — уехать в Польшу.

Летом 1928 года Георгий Радкевич тоже оказался в Москве.

Незадолго до этой «боевой вылазки» Радкевич приезжал в Париж, где встречался с вдовой Рейли Пепитой. «Он явился ко мне однажды утром, бледный, растрепанный, с опустевшим, полным отчаяния взглядом, — вспоминала она. — Можно было подумать, что он пьян или не спал несколько ночей. Горе его было безмерно велико, я не находила утешающих слов и молчала. Мне казалось, что я отчасти сама виновата в гибели Марии. Она ушла мстить за моего мужа, которого невольно выдала чекистам, и отдала свою кровь за его кровь». Радкевич сказал: «Надо ехать в Россию. Без нее я все равно ни на что не годен. Сегодня уезжаю... Я еду в Россию и вытащу ее. Это теперь главная задача».

В тот же день к вечеру Пепита видела его в русском кафе, где Радкевич пил. Она попросила Кутепова оставить его в Париже, но тот ответил: «Вы сами видите, во что он обратился. Совсем потерянный человек. Если он останется здесь, он погибнет. Отличный офицер может превратиться бог знает во что. Для него лучше умереть в бою с врагом».

Перед отъездом Радкевич пообещал ей узнать, жив ли Сидней Рейли. В ней еще тоже тлела слабая надежда на это.

Радкевич и Дмитрий Мономахов перешли в СССР из Румынии. 6 июля они бросили бомбу в бюро пропусков ОГПУ. При этом один человек был убит и несколько ранены. Пепита вспоминала: «Однажды утром в газетах появилось сообщение:

“Вечером 6 июля два белых офицера, прибывшие из Парижа через Болгарию и Румынию и проникшие в СССР с помощью румынских тайных агентов, бросили две бомбы в паспортное отделение ГПУ. При взрыве бомбы один из сотрудников ГПУ был убит, другой — тяжело ранен. Бросивший бомбу офицер Г. Н. Радкевич убит, а его товарищ, тоже белый офицер, арестован близ Полоцка. По сведениям из Варшавы, санитарные кареты увезли с Лубянки много убитых и раненых”.

Так погиб бедный Георгий Николаевич Радкевич, стараясь своей смертью отомстить ЧК, отнявшей у него все, что он имел.

Обедня за упокой души Георгия Николаевича была отслужена в русской церкви, находящейся на рю Крима. Когда священник, стоя у алтаря, стал произносить торжественные слова, передо мной ожили все картины пережитого мною за последние годы. Я вспомнила встречу с Сиднеем в отеле “Адлон”, нашу свадьбу, Савинкова, все то, что происходило с нами в Нью-Йорке, в Париже, Лондоне. Этот кусок моей жизни казался мне странной интермедией, в которую даже нельзя было поверить. Теперь я была совершенно одинока.

Солнце начало садиться, улицы медленно погружались в вечерние таинственные сумерки, лишь с редким проблеском отблесков света здесь и там в окнах постепенно зажигались огни, а я, безутешная, брела домой».

* * *

Гибель, аресты и расстрелы наиболее решительных и боеспособных «национальных террористов» нанесли тяжелый удар по их организации и эмигрантскому «активизму» вообще.

Один из «сентистов» — Бубнов, вернувшись из Советской России, в докладе Кутепову крайне негативно оценил перспективы своей деятельности: «Бросить бомбы в какое-либо собрание второсортных коммунистов, убить десяток-другой партийных марионеток, поджечь склад, взорвать мост — все это хотя и трудно, но выполнимо и при теперешних наших возможностях, — писал он. — Но на основании своего собственного опыта, а не из головы фантазии я категорически утверждаю, что такого террора нам не провести — не по силам — и вот почему.

Прежде всего рассчитывать на массовое пробуждение активности в СССР нам не приходится. Хорошо мечтать о народном терроре, сидя за границей, а войдите в шкуру полуголодного, вечно борющегося за кусок хлеба забитого обывателя СССР, постоянно дрожащего перед гипнозом всемогущества ГПУ, с психологией, что сильнее кошки зверя нет. Общий вывод: помощи оттуда, пробуждения активности и самостоятельности самого населения нам ждать не приходится, надо рассчитывать на свои собственные средства. А это значит, что для каждого такого

маленького акта, путем напряжения всех наших ресурсов, мы должны перевозить, перекидывать через границу, ин- структировать, снабжать деньгами, оружием, техниче- скими средствами, документами и т. д. минимум двух лиц, т.е. при расчете на многочисленность актов (а иначе овчинка не стоит выделки) — десятки лиц. Вряд ли нам это будет под силу...

Разве стоит губить нужных людей для дела, которое, как видно заранее, не даст желаемых результатов... Мое мне- ние, что такая игра не стоит свеч. Мы эту игру не в силах провести в таком масштабе, когда она станет опасной для сов. власти, и результаты не оправдают потерь».

Тем более что вскоре ушли из жизни руководители Бе- лого движения. 25 апреля 1928 года в Брюсселе умер Вран- гель, а 5 января 1929 года скончался великий князь Николай Николаевич. Председателем РОВСа стал генерал Кутепов.

На банкете, устроенном в его честь политическими и общественными эмигрантскими организациями в Париже, Кутепов призвал не ждать, когда «все совершится как-то само собою». «Нельзя ждать смерти большевизма, его надо уничтожить», — заявил он. Генерал многозначительно за- мечал, что сигнала «поход» еще нет, но сигнал «становись» уже должен быть принят по всему РОВСу.

В реальности дело обстояло не так замечательно. Бое- вики Кутепова и его агенты еще время от времени проника- ли в Советский Союз, но крупных терактов, совершенных эмигрантами, в СССР больше не было. К тому же к «ак- тивным действиям» перешла и советская разведка. 26 ян- варя 1930 года ее агенты похитили Кутепова в Париже, доставили на советский пароход, и он умер от сердечного приступа по пути в Одессу. (По другим версиям, он умер еще в Париже и был тайно захоронен в саду частного дома, принадлежавшего одному из советских разведчиков в при- городе Парижа.) Боевое крыло русской эмиграции было обезглавлено, и его прежняя активность уже так и не вос- становилась.

«Фурии шпионажа»

Тень Сиднея Рейли как бы незримо принимала участие во всех этих событиях. «Ушедшего в холод» британского разведчика не забывали — в Париже, Хельсинки, Варшаве и других центрах эмиграции. А вот в Москве о Рейли, каза-

лось бы, на некоторое время забыли. Но летом 1927 года, когда Советский Союз столкнулся с терактами кутеповцев, а это совпало с резким ухудшением и даже полным разрывом отношений с Англией, о нем сразу же вспомнили.

Двенадцатого мая английская полиция неожиданно ворвалась в главную контору советско-британского торгового общества «Аркос», которая находилась в Лондоне на улице Мургейт. В офисе произвели обыск, захватили почту и шифры и, как потом сообщали английские газеты, были обнаружены документы, свидетельствующие о причастности Советской России к подрывной деятельности на территории Великобритании и ее колоний.

Несмотря на протесты Москвы, 27 мая статс-секретарь по иностранным делам Остин Чемберлен вручил поверенному в делах СССР в Лондоне ноту британского правительства. В ней заявлялось, что обыск в помещениях общества «Аркос» доказал, что «из дома № 49 по улице Мургейт направлялись и осуществлялись как военный шпионаж, так и разрушительная деятельность на всей территории Британской империи». На основании этого правительство Великобритании заявило о разрыве дипломатических отношений с СССР и предложило всему персоналу полпредства СССР покинуть пределы страны в 10-дневный срок.

В СССР началась ответная пропагандистская компания. Теракты белогвардейцев связали с «происками британских империалистов». «Видна единая воля, видна одна направляющая рука, — писала «Правда» 9 июня 1927 года. — И мы ничуть не удивимся, если она окажется в тайных кабинетах лондонского “Фореин Оффиса”, если в карманах белоспионов позвякивает золото английских банкиров».

Именно в эти дни в советской печати впервые появились официальные сообщения о том, что Сидней Рейли не был убит на границе в районе деревни Алякюль, а арестован на территории СССР. Более того, указывалось, что он дал признательные показания, о которых, правда, говорилось лишь в очень общих чертах.

В «Правительственном сообщении», опубликованном в газетах тоже 9 июня, подчеркивалось: «Еще летом 1925 года при нелегальном переходе финляндской границы из СССР был пограничной охраной ранен и арестован некий “купец” с советским паспортом на имя Штейнберга. Будучи допрошен, он показал, что на самом деле он вовсе не Штейнберг, а известный английский разведчик, капитан королевской авиации Сидней Георг Рэйли, один из главных организато-

ров заговора Локкарта, трибуналом от 3 декабря 1918 года объявленный вне закона.

Рэйли показал далее, что он приехал в СССР со специальной целью организации террористических покушений, поджогов, восстаний и т. д. Более того, Рэйли добавил, что он, проездом из Америки, был у канцлера казначейства и одного из ответственных министров британского короля Черчилля, который лично давал ему инструкции по организации террористических покушений и других диверсионных актов. Его письменные показания имеются в распоряжении правительства. Материалом, взятым при дальнейших арестах, показания Рэйли были целиком подтверждены».

На следующий день в передовице «Фурии шпионажа» «Правда» снова упомянула о Рейли. «Вот кто послухи английской охранки и вот что они замышляли, — писала газета. — Это — “купец Штейнберг”, он же “сэр” Сидней Рэйли, шпион-разведчик, соучастник негодяя Локкарта, подосланный пиратами Форейн-Оффиса».

Фамилия британского разведчика «склонялась» и на «процессе монархистов-террористов», проходившем в то время в Ленинграде. На нем оглашались отрывки из показаний Рейли, данных им после ареста.

Наконец, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Василий Ульрих, выступивший 18 декабря 1927 года в «Известиях» со статьей «На защите завоеваний Октября», посвященной 10-летию органов безопасности, тоже вспомнил о нем.

«Приходится отметить, — писал Ульрих, — что благодаря бдительности ГПУ в последнее время удалось предотвратить ряд террористических актов против наших советских и партийных работников, были обнаружены нелегально прибывшие на нашу территорию такие крупные антисоветские деятели как Борис Савинков, петлюровский атаман Тютюнник, кн[язь] Павел Долгоруков, известный английский разведчик Рейли и др.».

Таким образом, чекисты, партийное руководство и пропагандисты попытались нарисовать картину мощного и разветвленного антисоветского заговора, во главе которого стояли английские правительство и спецслужбы. Именно они, согласно этой версии, руководили своими подчиненными — всякими там поляками, финнами, эстонцами, румынами, а в качестве ударной силы использовали русских эмигрантов. 23 июня Сталин направил телеграмму Менжинскому: «Мое

личное мнение: 1) Агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется, и явки у них все же останутся; 2) повальные аресты следует использовать для разрушения английских шпионских связей для завербования новых сотрудников из арестованных по ведомству Артузова и для развития системы добровольчества среди молодежи в пользу ОГПУ; 3) хорошо бы дать один-два показательных процесса по линии английского шпионажа... Как думаете публиковать показания Рейли? Это дело [надо] обставить умело».

* * *

За границу первые сведения о том, что произошло с Рейли в СССР, принес с собой перебежчик Опперпут. Незадолго до своей последней «вылазки» в Советский Союз Мария Захарченко писала Пепите Бобадиля: «Ваш муж предательски и подло убит. На границе он не был. Всю эту комедию придумали чекисты. Его арестовали в Москве и в течение месяца держали на Лубянке в качестве привилегированного пленника. Каждый день его вывозили в автомобиле на прогулку, и во время одной из таких прогулок его закололи в спину по приказу начальника ГПУ Артузова. Его убили без суда, без следствия, как бандита. Все остальное — поездка Сиднея Георгиевича в Петроград, путешествие на границе, засада в Аллекюле и прочее — сплошная ложь. На границе была поднята фальшивая стрельба. Все это было сделано для того, чтобы на следующий день напечатать в газетах о перестрелке с контрабандистами на финской границе и создать впечатление, будто Сидней Георгиевич был убит случайно».

Но тогда Пепита не поверила рассказу Захарченко. В своих мемуарах она отмечала, что «имела для этого достаточные основания», поскольку ей удалось связаться в Москве с информированными людьми, не имевшими отношения к «Тресту», и они сообщили ей, что в декабре 1926 года Рейли находился в тюремной больнице ОГПУ, что с ним прилично обращались, но что он был не вполне в своем уме. «Сведения эти были получены непосредственно от одной из сиделок, ухаживавших за больным, — писала Пепита. — Недавно она сообщала, что Сидней поправился и переведен в другой госпиталь». Но все эти рассказы оказались вымыслом.

Часть — и весьма солидная! — записок и показаний Опперпута не была сразу опубликована. Она оказалась в руках у генерала Кутепова. Кутепов ознакомил с ними некото-

рых своих соратников и представителей эмиграции — в том числе и Шульгина. На Василия Витальевича очень сильно подействовала вся эта история с разоблачением «Треста», бегством и откровениями Опперпута и, наконец, сообщением о поимке Рейли. Когда Шульгин нелегально находился в СССР, ему рассказывали некоторые подробности гибели британского разведчика на советско-финской границе. Вполне возможно, что рассказывал и сам Опперпут — с ним Шульгин тоже встречался. И вот теперь вдруг выяснилось, что эти рассказы были полной «липой»! Кроме того, Шульгин почувствовал, что его поездка в Советский Союз была каким-то мистическим образом связана с поездкой Рейли. Ведь она проходила почти по такому же рецепту, и ОГПУ в любой момент могло либо арестовать, либо ликвидировать его.

Под влиянием чтения записок Опперпута Шульгин написал две статьи — «Опперпут» и «Сидней Рейли». Он послал их в газету «Возрождение», выходившую в Париже. В статье о Рейли Шульгин рассказал о том, что слышал о его гибели в СССР, а потом о том, что он прочитал в записках Опперпута. И, конечно, для журналистов это была бы настоящая сенсация. Бывший агент ОГПУ рассказал, что Рейли не был убит и не был ранен. Его, оказывается, просто заманили в Москву, там арестовали, подержали какое-то время в тюрьме, а потом расстреляли без суда.

«Опперпут утверждает, что антисоветская организация, услугами которой пользовался несчастный Ройли [так в тексте. — *Е. М.*], та самая организация. Которая и меня перевела через границу, словом, те, кого я в своей книжке называю “контрабандистами”, на самом деле были “легендой”, то есть *симулированной* [курсив В. В. Шульгина. — *Е. М.*] организацией <...> Но этому “контрабандисту”, по словам Опперпута, было со стороны Гепеу обещано, что самого Ройли не тронут и что он будет целым и невредимым переправлен обратно через русскую границу. Судя по тому, что со мною поступили именно так, то есть по каким-то расчетам меня не схватили и дали мне уйти, такое обещание не представляется невероятным: очевидно, у Гепеу могли быть те же приблизительно расчеты, то есть, что благополучно вернувшийся Ройли внушит англичанам полное доверие к импровизировавшей его организации».

Так, по словам Опперпута, сначала и произошло. Рейли перешел границу, но затем был арестован под Москвой, а на границе была специально устроена перестрелка, чтобы

инсценировать его гибель. На самом же деле Рейли погиб позже. Ссылаясь на того же Опперпута, Шульгин писал, что его «застрелил на Воробьевых горах “лучший стрелок Гепеу” товарищ Ибрагим». Другими словами, описание судьбы Рейли у Шульгина почти совпадает с рассказом о ней в письме Марии Захарченко к Пепите Бобадилья. И это не удивительно — они пользовались одним и тем же источником информации (Опперпутом и его записками).

Свои статьи Шульгин написал и отослал в «Возрождение» в июне 1927 года. Однако потом отозвал их. Причины он объяснял в письме, направленном в редакцию газеты в 9 октября. «Так как эти сведения были сообщены мне *доверительно* [курсив В. В. Шульгина. — *Е. М.*], то я не мог напечатать эти статьи без разрешения лица, мне их сообщившего. Такого разрешения мне получить не удалось. Я думаю, что это была ошибка, но понимаю, что могла быть и другая точка зрения... Во всяком случае, мои уста были запечатаны, и это было причиной, почему тогдашний редактор “Возрождения” не мог напечатать мои статьи, даже если бы он этого хотел».

Да, тогда газетной сенсации не получилось. А ведь она вполне могла быть. Хотя слухи о том, что Рейли жив, ходили по-прежнему.

В октябре 1927 года некий бывший белогвардеец, нелегально перешедший из СССР в Польшу, заявил, что Рейли сидит в Орловском тюремном центре.

В 1928 году — опять же в Польше — говорили, что он сбежал из тюрьмы, организовал партизанский отряд и борется с большевиками.

В 1931 году некий британский чиновник утверждал, что встретил в одном из портов Ближнего Востока советского моряка, свободно говорившего по-английски. Он рассказал, что его фамилия Рейли, что он сидел в тюрьме, затем бежал, устроился матросом на судно и добрался до Ближнего Востока. Теперь ему нужны одежда и деньги. Доверчивый чиновник помог ему, и «Рейли» бесследно исчез.

В это же время появились слухи, что Рейли согласился работать на советскую разведку и был направлен в Китай. Бывшего британского разведчика «видели» то в Персии, то в Сингапуре, то в США.

Робин Брюс Локкарт пишет, что Палата общин британского парламента несколько раз требовала от правительства «надавить» на советские власти, чтобы прояснить судьбу агента, но из этого тоже ничего не вышло. Правительство

отдельвалось отговоркой, что никаких дополнительных сведений о нем нет.

Алексей Ксюнин в 1931 году патетически восклицал: «Англичанина, который хотел спасти Россию, оплетали липкой паутиной продажные провокаторы — свои же русские!»

Джордж Хилл, работавший во время Второй мировой войны в Москве, тоже пытался найти какие-нибудь следы своего друга и коллеги, но и ему это не удалось. Впрочем, он слышал, как какой-то сотрудник НКВД рассказывал, что Рейли все это время сидит в тюрьме, где он уже давно сошел с ума. Хилл рассказу не поверил и правильно сделал.

По данным того же Робина Брюса Локкарта, последний раз по официальным каналам запрос о том, что произошло с Рейли, британские представители направляли советским властям весной 1956 года, во время визита в Великобританию председателя Совета министров СССР Николая Булганина и 1-го секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева. Но ответа не получили.

Впрочем, в СССР вскоре начали постепенно приподнимать завесу тайны над судьбой Рейли. Хотя делали это очень медленно.

В 1965 году появился роман Льва Никулина «Мертвая зыбь». Его автора допустили к секретным материалам КГБ об «Операции “Трест”» — собственно, ей и посвящался роман. Спустя еще два года появился и четырехсерийный телевизионный художественный фильм режиссера Сергея Колосова с таким же названием — «Операция “Трест”».

Именно в романе Никулина, а потом и фильме Колосова было впервые открыто признано — вскоре после перехода границы Рейли арестовали, а потом и расстреляли, приведя, таким образом, в исполнение смертный приговор, который был вынесен ему еще в 1918 году.

Но только еще тридцать с лишним лет спустя стало известно, как все это происходило. Не в кино, а в жизни.

«УСПОКОИЛСЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СВОЕЙ СМЕРТИ...»

В книге Владимира Крымова «Портреты необычных людей», вышедшей в 1971 году в Париже, автор так описывает то, что произошло с Рейли на советской территории: «Он был прослежен большевиками, и когда уже не в первый раз переходил границу из Финляндии под именем

торговца Штейнберга, его опознали. Он стал бежать, в его стреляли и тяжело ранили. Тогда появилось официальное сообщение в советских газетах, что Рейли убит. В действительности он был отвезен в Москву, его вылечили, и он дал большевикам исключительно ценные показания. Через год или около того в советской газете “Правда” целая страница была занята показаниями Рейли, относительно иностранной разведки — это было тогдашней сенсацией». Но это — очередная легенда, связанная с Рейли. Все было не так.

Вернемся назад, в 1925 год.

С тех пор, как Сидней Рейли перешел советско-финскую границу, перед чекистами встала дилемма — выпустить его обратно или нет? Опперпут вспоминал, что судьба Рейли решалась 27 сентября 1925 года, когда британского агента привезли на дачу в Малаховку. По его словам, окружающая местность буквально кишела сотрудниками ОГПУ, которые изображали дачников и местных жителей.

Опперпут поинтересовался у Стырне, что это значит, и тот ответил, что Рейли будет арестован. Но не на даче, а позже. Опперпут и присоединившийся к нему Якушев стали доказывать, что арест поставит крест на всей операции. Стырне ответил, что он и другие чекисты тоже были против, но окончательное решение приняло Политбюро.

В одной из своих лекций, прочитанных руководителем операции «Трест» Артуром Артузовым перед слушателями Высших курсов ОГПУ, он приводил несколько соображений, по которым все-таки Рейли решили не выпускать за границу. Во-первых, чтобы отдать его в руки советского правосудия, хотя это, конечно, формальная причина. Во-вторых, опасность терактов, поскольку Рейли решил избрать «активно опасную тактику» борьбы с СССР, в основу которой был положен террор народовольцев.

И, наконец, в-третьих (и, наверное, это самое важное), появление Рейли за границей после нелегальной поездки в Советский Союз настолько бы возвысило «Монархическую организацию Центральной России» или «Трест» в глазах иностранных правительств и спецслужб, что ее стали бы расценивать как своего рода подпольное правительство. В таком случае настоящее руководство страны могло бы показаться им ослабленным и не контролирующим ситуацию в СССР. Политические и военные последствия подобного впечатления могли оказаться непредсказуемыми.

Рейли посадили в машину и повезли в Москву, на вокзал. Он ни о чем не подозревал. Артузов рассказывал: «По-

сле того как Рейли выговорился, мы повезли его в Москву, и по “ошибке” автомобиль въехал во двор ОГПУ».

По другой версии, чекисты хотели арестовать его в машине, по дороге в столицу. Но неожиданное обстоятельство изменило их планы. Рейли вдруг захотел отправить из Москвы открытку за границу, чтобы его «друзья» действительно убедились в том, что он был в Советском Союзе. Он попросил на некоторое время заехать на какую-нибудь безопасную квартиру, где он мог бы сделать это.

Тогда две машины с Рейли, чекистами, Якушевым, Потаповым поехали на квартиру Опперпута — на улицу Маросейка, дом 13. Там Рейли написал открытку Бойсу. Пока он делал это, Стырне отправился на Лубянку и получил там самые последние инструкции: арестовать Рейли в машине.

Рейли, чекисты и «руководители заговорщиков» вышли из квартиры и сели в машины. В дороге на него надели наручники и объявили ему, что он арестован. Вроде бы сделал это Сергей Пузицкий*. Автомобиль вскоре въехал в ворота ОГПУ — от Маросейки до Лубянки буквально рукой подать.

Двухдневная «гастроль» британского разведчика по СССР закончилась.

Арест Рейли прошел успешно, но не надо забывать, что разведчика с нетерпением ждали по ту сторону границы. Перед ОГПУ вновь встал вопрос — как объяснить его внезапное исчезновение? Артузов рассказывал в своей лекции: «А что, если Рейли “убить” в перестрелке во время очередного перехода границы? Роковой случай. Понадобится двойник Рейли, человек в одежде Рейли. Такого подобрать нетрудно. Разыграть “бой” на самой границе, всполошить финских пограничников: пусть смотрят на “мертвого Рейли”».

Однако такой план, по словам Артузова, требовал проведения еще одной операции — вывода из «игры» Тойво Вяха. «Он отменно сыграл свою роль, — говорил Артузов. — Что же дальше? Оставить на заставе? Это слишком. Его могут убить с той стороны. Перевести в другое место? Но это же только полумера. Противник сразу поймет, ка-

* *Сергей Васильевич Пузицкий* (1895—1937) — с 1920 года сотрудник ВЧК. В 1923—1930 годах помощник начальника КРО ОГПУ, в 1931—1935 годах — Иностранного отдела ОГПУ/ГУГБ НКВД СССР; комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935). Приговорен Комиссией НКВД СССР и Прокурора СССР к смертной казни и расстрелян.

кую роль играл Вяха. “Убийство” Рейли требовало осуществиться и другой шаг — тонко вывести из игры и Вяха. Логика действия и конспирация диктовала нам поступить именно так, иначе противник будет с подозрением относиться к каждому “окну”. Вяха должен быть арестован не путем инспирации, обозначения, а так, как арестовывают заклятого врага. Это конечно же жестоко по отношению к честному и преданному командиру, но другого выхода нет. Да, с него будут на глазах товарищей сорваны зеленые петлицы, снята с буденовки пятиконечная звезда. Ни у кого не будет и тени сомнения: так поступают с предателями».

Спектакль у Алякюля под названием «Смерть Сиднея Рейли на границе» удался на славу.

В тот же вечер, когда британский разведчик был арестован, в Ленинград срочно выехали Роман Пилляр и Сергей Пузицкий. В кабинете начальника Ленинградского ОГПУ Станислава Мессинга состоялось утверждение окончательного сценария «спектакля» на границе. Для этого к Мессингу вызвали Тойво Вяха.

Сначала Мессинг сообщил, что Вяха награжден орденом Красного Знамени. Затем ему изложили общую задачу, сообщив, в частности, что человек, которого он в последний раз «голеньким» переносил через пограничную реку на своих плечах — не кто иной, как разведчик Сидней Рейли, «личное доверенное лицо злейшего врага нашей страны Уинстона Черчилля». Он же рассказал пограничнику о той роли, которую ему предстоит сыграть.

Вяха все понял и предложил устроить «спектакль» на поляне рядом с деревней Алякюль. Его познакомили с группой чекистов, приехавших из Москвы. Один из них — стройный и худощавый — был похож на Рейли, разве что моложе. Его и должны были «убить». Руководил операцией чекист по фамилии Шаров — так, по крайней мере, утверждал Вяха. По другим данным, в операции участвовали Щукин (он же Григорий Сыроежкин), некий чекист по фамилии Баконин и человек, изображающий Рейли.

«“Убийство” Рейли разыграли как по нотам, — отмечал Вяха. — В условленном месте меня с двойником Рейли встретила группа чекистов во главе с Шаровым. Покричали мы тут, поругались на трех языках — на русском, финском и английском. Постреляли поверх голов друг друга. Потом “Рейли” слег на обочине. Землю около его головы обрызгали кровью, запасенной Шаровым, а мне связали руки. Тут же на выстрелы прибежал председатель местного сельсо-

вета, молодой парень, коммунист, толковый человек и добрый товарищ: “Не нужна ли помощь актива?”».

Его поблагодарили, но от помощи отказались. Заодно, как бы между прочим, сказали, что одного «мерзавца» задержали, а второго — прикончили*. Чекисты были уверены, что о происшествии на границе к утру будет знать вся деревня, а потом слухи дойдут и до финской стороны.

Затем «убитого Рейли» запихали в машину, туда же затолкали и связанного Вяха. Кобуру от его маузера оставили в кустах, рассчитывая, что ее найдут местные жители или пограничники и поймут, кому она принадлежала.

Машина поехала в Белоостров, к зданию пограничной комендатуры. Вяха затащили на второй этаж и представили, как пойманного предателя. В фильме «Операция “Трест”» он говорил, что ему с трудом далась эта роль — он плакал, униженно просил его не расстреливать и наговаривал на себя «всякие пакости». «Рейли» тоже было не легко. Все это время изображавший его чекист, чьи имя и фамилия до сих пор остаются окончательно неизвестными для исследователей, неподвижно, с разбитым носом, лежал в машине в виде покойника. Причем так, что его ноги торчали из нее.

Наконец поехали в Ленинград. Вяха развязали. Ожил и «покойник», который сразу же начал ругать товарищей: «По мне сапогами ходили и нос разбили». «Нос его действительно вырос размерами и куда-то вбок глядел», — замечает в мемуарах Вяха.

В Ленинграде Вяха провел два дня. Жил он в прекрасном номере гостиницы «Европейская», где мог есть и пить вдоволь, но не имел права выходить из номера и открывать дверь посторонним. Затем его тайно отправили в Москву. Там его поселили в отеле «Савой», но тоже без права выхода из комнаты. По ночам Вяха возили на Лубянку, где он познакомился с Артузовым, Пиллярром, Стырне и другими чекистами. Там же ему вручили орден Красного Знамени № 1990. Интересно, что приказ о награждении Вяха подписал нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР Михаил Фрунзе, сменивший на этих постах Троцкого. Вероятно, это был один из последних

* По другой версии, в результате «перестрелки» у деревни Алякюль были «убиты» три человека. См., например: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. М., 1997. С. 123. Предположительно, это были Щукин, Баконин и «Рейли».

подписанных им документов о награждении — 31 октября 1925 года Фрунзе умер.

Затем Вяха вручили новые документы на имя Ивана Михайловича Петрова и сказали, что Тойво Вяха исчез навсегда. Вскоре ОГПУ распространило слухи о его расстреле. А на самом деле Вяха-Петров уже служил в это время в тихой бухте Абрау-Дюрсо на Черном море... О том, куда его перевели, и о его новом имени знали всего лишь несколько человек из ОГПУ. Для всех остальных он как в воду канул — на целых 39 лет*.

Камера № 73

А Рейли еще вечером 27 сентября привезли на Лубянку. Первым его допрашивал заместитель начальника КРО ОГПУ Роман Пилляр. Он сразу же напомнил, что смертный приговор, вынесенный Рейли в 1918 году, никто не отменял. Следовательно, лишь от самого британского разведчика зависит, сохранят ему жизнь или нет. Другими словами, только сотрудничество с ОГПУ давало ему какой-то шанс.

Неожиданный арест был, конечно, сильнейшим потрясением для Рейли. И как для профессионала, и как для человека. Но в эти первые и самые тяжелые минуты он проявил настоящее мужество и самообладание. Разведчик подтвердил лишь свое имя (в протоколе допроса его назвали «Сиднеем Георгиевичем») и признал, что недооценил советскую контрразведку. На другие вопросы Рейли отвечать отказался.

Его поместили в камеру № 73 Внутренней тюрьмы ОГПУ.

В некоторых биографиях Рейли отмечается, что это была та самая камера, в которой сидел совсем недавно его друг Борис Савинков. Не исключено, хотя первоначально,

* В отличие от многих других активных участников «Операции «Трест»», судьба Тойво Вяха сложилась относительно благополучно. Под фамилией Петров он окончил Высшую школу пограничных войск, как враг народа был арестован в 1938 году, но ему повезло — его вскоре освободили и даже оправдали. Участвовал в Великой Отечественной войне, был трижды ранен, дослужился до звания полковника госбезопасности. С разрешения руководства КГБ раскрыл свои настоящие имя и фамилию на встречах с писателем Львом Никулиным, написавшим в 60-е годы роман «Мертвая зыбь» о деле «Треста». Снялся в документальном эпизоде художественного фильма «Операция «Трест»». Писал мемуары, стал членом Союза писателей СССР. Умер в 1984 году.

до вынесения ему приговора, Савинков находился в камере № 60, а его гражданская жена — Любовь Дикгоф-Деренталь — в камере № 55. Так, по крайней мере, пишет она в своем тюремном дневнике. Но, возможно, что в камеру № 73 Савинкова перевели после приговора. Хотя известно, что это было помещение «повышенной комфортности», чуть ли не из двух комнат, Рейли об этом нигде не упоминает. Возникает, конечно, вопрос — где именно мог написать о своей камере Рейли? Да еще так, чтобы это дошло до нас? Было где. Но обо всем по порядку.

Первые допросы почти ничего не дали чекистам. Рейли держался стойко. Он надеялся, что еще сможет выкарабкаться. Ведь британская Секретная служба, узнав, что он арестован большевиками, наверняка потребует от правительства вмешаться. Большевикам совсем не выгодно портить отношения с Великобританией, которые и так не были слишком теплыми. Так что его либо вышлют, как в 1918 году выслали Локкарта, либо обменяют. Кроме того, он сразу же понял, что «Трест» — это, по сути, разведывательная операция ОГПУ в среде белой эмиграции с выходом на спецслужбы и правительственные круги европейских государств. Говорят, что он даже высказывал чекистам профессиональные комплименты в отношении организации этой операции.

«Первые дни Рейли держался твердо, хотя сразу понял, что “Трест” — мистификация ОГПУ, — подтверждал в одной из лекций курсантам школы ОГПУ Артур Артузов. — Он, однако, надеялся, что в его судьбу вмешается СИС, британское правительство. И тогда ему показали газеты, не только советские, но и лондонские, подлинность которых Рейли установить не составляло никакого труда. Он прочитал сообщение о собственной гибели. Следовательно, никто не будет заниматься его спасением. Теперь он понял, почему его содержат в одиночной камере Внутренней тюрьмы (той самой, в которой сидел и Савинков), почему конвоиры обращаются к нему не по имени, а по номеру — 73, почему переодели в форму сотрудника ОГПУ. Он был секретным арестантом. Конвоиры понятия не имели, кто он такой, скорее всего, полагали, что какой-то ответственный работник ОГПУ с периферии, серьезно проштрафившийся».

Но в сложнейших для себя физических и психологических условиях Рейли держался до самой последней возможности и сначала даже пытался вести с ОГПУ взаимо-

выгодную игру. При этом вовсе не собирался сразу же выкладывать все то, что хотели от него услышать чекисты в первую очередь.

Седьмого октября 1925 года его допрашивал Стырне. Рейли не то чтобы отказывался отвечать, но говорил далеко не всю правду. Именно тогда он ответил на вопросы анкеты, которая уже упоминалась в начале этой книги.

Уже здесь бросается в глаза явная смесь правды и выдумки. Зачем Рейли нужно было хитрить в описании своего происхождения? Вероятно, он строил расчет на том, что «настоящий британец», потомственный военный, в глазах большевиков будет стоить гораздо дороже, чем бывший подданный Российской империи, еврей и эмигрант. И, соответственно, шансов выжить у британца будет больше.

Потом он рассказал о своем прошлом начиная с 1914 года. Отрывки из этой его биографии тоже не раз приводились выше. Но все то, о чем поведал Рейли, чекисты могли знать и без него. А вот важнейший для них сюжет — зачем он нелегально прибыл в СССР — разведчик свел всего лишь к двум строчкам: «В конце сентября я нелегально перешел финскую границу и прибыл в Ленинград, потом в Москву, где и был арестован».

Это, конечно, совсем не устраивало Стырне и других чекистов. Спустя два дня, под их нажимом, Рейли отступил еще немного. Он признал, что приехал в СССР для установления связи с подпольной организацией (отрицать это было бы глупо), но сам по себе. «Я, — показал Рейли, — прибыл в Советскую Россию по собственной инициативе, узнав от Н. Н. Бунакова о существовании, по-видимому, действительно серьезной антисоветской группы. Антибольшевистским вопросом я усиленно занимался всегда и посвящал ему большую часть времени, энергии и личных средств. Касаясь личных средств, могу, например, указать, что савинковщина с 1920 по 1924 год обошлась мне по самому скромному расчету в 15—20 тысяч фунтов стерлингов».

Рейли также подтвердил, что всегда «владел информацией о внутренней ситуации в стране, получая ее из некоторых российских источников, а также от разведывательных служб Англии и Америки». То есть связей со спецслужбами он теперь не отрицал, но связей как бы неформальных — мол, получал от них информацию. А от кого получал? И с какой целью? Может быть, просто от знакомых. 13 октября Стырне заявил Рейли, что если тот не прекратит свою игру

и не начнет давать следствию откровенные показания, то для него все может закончиться крайне серьезно.

Но чего же хотели услышать чекисты от него? Во-первых, информацию о высокопоставленных лицах в Англии и Америке, с которыми он лично знаком. Во-вторых, данные о связях британской и американской разведок с центрами белой эмиграции.

Однако Рейли отказался. Он объяснил это тем, что не может предоставить требуемую от него «полную, точную и детальную информацию», не компрометируя себя и других. «Я не могу на это пойти», — прямо заявил он. Он предложил свой вариант: его выпускают из Советского Союза, а он становится кем-то вроде «советского агента влияния» на Западе. Рейли обещал в этом случае повлиять на эмигрантские организации — с целью убедить их отказаться от подрывной работы в СССР. А также использовать свои связи в политических и деловых кругах и всячески пропагандировать в них идею сотрудничества с советским правительством.

«Охотно признаю, что практика моей семилетней борьбы против Советской власти, а в особенности моя последняя попытка доказали мне, что все те методы, которые применялись и мною, и моими единомышленниками, не привели к цели и поэтому в корне были нецелесообразны», — признал он на допросе.

Еще на шаг назад Рейли отступил 17 октября, предложив чекистам новую идею: он становится «неофициальным посредником» между советским правительством и политическими и деловыми кругами Запада. Более того, писал Рейли, он даже рад отойти от деятельности, которая в последние несколько лет не дала ему ничего, кроме разочарований и неприятностей. «Мой последний опыт с “Трестом” до конца убедил меня в бесполезности и нецелесообразности искания какой бы то ни было опоры для антисоветской борьбы как в русских, так и в эмиграционных организациях, — отмечал он в письме к Стырне. — Во мне сложилось довольно сильное впечатление о прочности Советской власти. Поэтому мне приходится смотреть на всю интервенционную политику (какого бы то ни было рода) как на нецелесообразную». Вообще-то, замечал Рейли, он уверен, что в исторической перспективе большевизм обречен на поражение. Но в настоящее время он считает, что попытки его силового свержения ни к чему не приведут.

Однако на все свои предложения он получил решительный отказ. Ему ясно дали понять — не в его положении

безымянного «заключенного № 73» строить какие-то глобальные политические прожекты и выдвигать собственные условия. Единственной его надеждой может стать сотрудничество с ОГПУ на условиях чекистов. Другими словами, откровенный рассказ о всем том, что их интересует.

В фильме «Операция “Трест”» есть такой эпизод — Стырне показывает арестованному Рейли газету «Известия» от 25 октября 1925 года и читает из нее заметку, в которой говорится о том, что «известный английский шпион и диверсант Сидней Рейли» был убит при попытке финской границы у деревни Алякюль. После чего разведчик «ломается» и соглашается давать откровенные показания следователям ОГПУ.

«В свое время, — отмечал в одной из своих лекций Артузов, — узнав о крахе Савинкова, Рейли с негодованием заявил газете “Морнинг пост”, что “этим поступком Савинков вычеркнул свое имя из списка почетных членов антикоммунистического движения”». Историк советских спецслужб Теодор Гладков, написавший книгу об Артузове, комментирует эти слова так: «Но теперь, оказавшись в положении Савинкова, Рейли повел себя куда менее достойно. Он рассуждал просто — британская разведка ничем ему помочь не может, следовательно, ему остается одно — давать показания. И он их давал».

Однако такая оценка поведения Рейли совершенно несправедлива по отношению к британскому агенту. Во-первых, история с газетой — это очередной миф. В 1925 году «Известия» не писали о том, что на границе убит Сидней Рейли (разве что чекисты изготовили фальшивый номер газеты, который и показали Рейли). А во-вторых, он сломался не после того, как ему якобы показали сообщения о его собственной гибели.

Тюремный дневник

О том, как, когда и почему Рейли решил начать вести свой «тюремный дневник», нам уже, вероятно, не дано узнать. Так же как и то, сколько всего записей он сделал. Известны «странички из дневника» Рейли в период с 30 октября по 4 ноября 1925 года.

Регулярное ведение дневника требовало от него большого терпения, осторожности и сосредоточенности. Каждый день он делал записи карандашом на небольших ли-

сточках папиросной бумаги очень мелким почерком. Затем прятал их в щелях стены камеры, в постели и других местах. Удивительно, но эти записи были обнаружены чекистами при обыске камеры Рейли только после его расстрела.

Он писал по-английски, иногда вставляя русские слова и сокращения. В следственном деле Рейли его «тюремный дневник» пролежал шестьдесят с лишним лет и начал публиковаться только в 1990-х годах. Одним из первых отрывки из него напечатал Юрий Милютин (он же — сотрудник КГБ Игорь Прелин) в статье «Конец шпиона Рейли» в 12-м номере газеты «Совершенно секретно» за 1990 год, а также известный в Великобритании писатель и журналист Филлип Найтли 12 апреля 1992 года в газете «Обсервер», в статье «Как русские раскололи аса шпионажа».

С тех пор, как записи Рейли были обнародованы, среди его биографов не утихает дискуссия — писал ли он их на самом деле или это фальшивка? Если согласиться со сторонниками версии о подделке, то придется отвечать на вопрос — почему тогда он несколько десятилетий просто пролежал в архивах советских спецслужб и ни разу ими не использовался?

Среди тех, кто считает дневник подлинным, существуют, однако, разногласия по вопросу о том, зачем Рейли его все-таки писал. Российский историк Теодор Гладков выдвинул такое предположение: «На самом деле Рейли прекрасно понимал, что его прочитают чекисты. Таким образом он пытался убедить их в своем раскаянии и желании сотрудничать с ОГПУ». Но в таком случае логичнее было бы писать эти записки на русском языке, не дожидаясь, пока чекисты расшифруют и переведут их.

Есть другая точка зрения. Якобы Рейли вел его, прежде всего, для СИС. Чтобы попытаться передать его в Англию и информировать своих коллег о том, что он сказал и что не сказал на допросах — так считает, к примеру, Ричард Спенс. Или же Рейли все же надеялся выбраться из ОГПУ и каким-то образом захватить дневник с собой (версия Эндрю Кука), чтобы продемонстрировать всем, «что он побывал в пасти льва и выбрался оттуда живым и невредимым». Есть еще и третья версия — дневник действительно писал Рейли, но под контролем чекистов. И правдивая информация в нем перемешана с дезинформацией, которую он вносил в него по указаниям чекистов.

Что касается автора этих строк, то он, во-первых, считает, что дневник написан самим Рейли, а во-вторых, это

было сделано им втайне от сотрудников ОГПУ. Для чего? Ну, скорее всего, действительно с целью как-то передать его в Англию. Однако не исключено, что Рейли ставил перед собой и другую задачу. Он вполне мог просчитать, что его записи, спрятанные в камере, чекисты рано или поздно обнаружат. Как они поступят, даже если это произойдет после его расстрела? Скорее всего, приобщат к делу. И тогда, рано или поздно, они станут доступны исследователям и прольют свет на его последние дни жизни. Да, это может произойти очень и очень нескоро, но когда-нибудь все-таки произойдет.

Другими словами, Рейли мог писать свои записки «для истории». Он не мог не учитывать самого трагического для себя развития событий и понимал, что эти папиросные листки бумаги будут когда-нибудь единственными оставшимися свидетелями того, что происходило с ним в тюрьме ОГПУ. И если все было так, то расчет Рейли оказался точным.

Первая запись в дневнике Рейли датируется 30 октября 1925 года. Этот день и стал решающим — именно тогда чекистам удалось все-таки сломать его. И вовсе не демонстрацией газет с сообщениями о его гибели.

Рейли пишет: «Еще один допрос поздно днем. Переоделся в рабочую одежду. Вся личная одежда унесена. Сумел сохранить второе одеяло. Разбудили, велели взять пальто и фуражку. Комната внизу, около ванной. Все время нехорошее предчувствие от этой железной двери. Присутствующие в комнате: Стырне, его товарищ, тюремщик, молодой парень из Владимирской губернии, палач, возможно, кто-то еще. Стырне сообщил мне, что Коллегия ГПУ пересмотрела приговор и что, если я не соглашусь сотрудничать, приговор будет приведен в исполнение немедленно. Сказал, что это не удивляет меня, что мое решение остается то же самое и что я готов умереть. Стырне спросил, не хочу ли я иметь время на размышление. Ответил, что это их дело. Дали один час».

Далее, отмечает Рейли, его привели обратно в камеру. Он молился про себя за Пепиту, «сделал небольшой узелок из своих вещей, выкурил несколько сигарет и спустя 15—20 минут сообщил, что готов. Палач, который был снаружи камеры, был послан объявить о моем решении». Однако в камере он просидел еще целый час. Затем его привели в ту же комнату.

«Стырне, его товарищ и молодой парень, — записал Рейли. — В соседней комнате палач и другие, все до зубов вооружены. Объявил опять о моем решении и попросил

сделать письменное заявление в том духе, что я счастлив показать им, как англичанин и христианин понимает свой долг. Отказ. Попросил отослать вещи Пите. Они сказали, что о моей смерти никто не узнает. Затем начался длинный разговор-убеждение, как обыкновенно. После 3/4 часа препианий разговор на повышенных тонах в течение пяти минут. Молчание, затем Стырне и его товарищ позвали палача и ушли».

Рейли держали в комнате еще около пяти минут. При этом в соседнем помещении раздавались звуки заряжаемого оружия и другие приготовления. Затем Рейли вывели к машине. С ним в автомобиль сели пять человек. Очень быстро доехали до гаража.

«Во время поездки солдат схватил своей грязной рукой наручники и мое запястье, — отмечал Рейли. — Дождь. Очень холодно. Бесконечное ожидание на гаражном дворе, в то время как палач вошел внутрь; охранники матерятся и рассказывают друг другу грязные анекдоты. Шофер что-то сказал о том, что сломался радиатор, бесцельно слоняется. Наконец завелся, короткий переезд и прибытие в ГПУ с севера. Стырне и его товарищ сообщили о том, что приговор отложен на 20 часов. Ужасная ночь. Кошмары».

Несомненно, что имитация подготовки казни Рейли не могла проходить только по инициативе Стырне. Наверняка ее санкционировали и Артузов, и, возможно, сам Дзержинский. Вряд ли они сами могли гордиться этим эпизодом своих биографий. Хотя, как говорится, «на войне — как на войне». Псевдоподготовка к расстрелу дала нужный чекистам результат. Ослабленный невероятным психологическим напряжением, Рейли на этот раз не выдержал и «потек». После этой страшной для него ночи он написал письмо на имя Дзержинского.

«Председателю ОГПУ Ф. Э. Дзержинскому

После происшедших с В. А. Стырне разговоров я выражаю свое согласие дать Вам вполне откровенные показания и сведения по вопросам, интересующим ОГПУ, относительно организации и состава великобританской разведки и, насколько мне известно, также сведения относительно американской разведки, а также тех лиц в русской эмиграции, с которыми мне пришлось иметь дело.

Москва, Внутренняя Тюрьма

30 октября 1925 г. Сидней Рейли».

Рейли действительно был сломлен. Но, как видно из его дальнейших записей, это не помешало ему трезво оце-

нивать происходящие события. Он вовсе не превратился в жалкое подобие самого себя, униженно молящего только о сохранении собственной жизни. Похоже, что Рейли все-таки нашел в себе силы преодолеть последствия своего решения и попытался снова начать собственную игру.

Любопытная деталь — в дневнике он не упомянул о своем письме Дзержинскому. Почему? Некоторые историки делают из этого факта далеко идущий вывод — письмо якобы было подделкой ОГПУ. Но, может быть, сам Рейли не хотел, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь узнал о минутах его слабости, в которые он его написал?

Из «тюремного дневника» Рейли.

«Суббота, 31 октября 1925 г. На следующее утро вызвали на допрос в 11* <...> Стырне, кажется, очень доволен своим докладом — повышенное внимание. В 8 часов поездка, я одет в форму ГПУ. Прогулка за город ночью. Прибытие в московское помещение. Отличные бутерброды. Чай. Ибрагим**. Затем разговор наедине со Стырне — этот протокол, выражающий мое согласие. Ничего не знаю об агентах здесь — цель моей поездки. Оценка Уинстона Черчилля и Спирса. Мое неожиданное решение в Выборге. Стырне отправился с протоколом к Дзержинскому, возвратился спустя полчаса. Сообщил — приговор остановлен. Возвращение в камеру, спал крепко 4 часа после веронала».

Рейли все время передевали в форму сотрудника ОГПУ, чтобы у чекистов, не имеющих отношения к его делу, не возникало лишних вопросов. Кроме того, Рейли плохо себя чувствовал и не мог спать. Сначала на допросе присутствовал начальник санчасти ОГПУ, который прописал ему веронал — довольно популярное в те годы снотворное.

Однако, как и у любого препарата, у веронала имеются и побочные эффекты. В частности, общая слабость, вялость, тошнота, головные боли (они даже получили название «веронализм») и т. д.*** Иногда его использовали для того, чтобы свести счеты с жизнью.

* Хотя эта запись датирована 31 октября, Рейли, надо полагать, описывает события, происходившие 30 октября, после того, как ночью чекисты имитировали подготовку к его расстрелу.

** *Ибрагим Сафарович Абиссалов* — сотрудник для особых поручений КРО ОГПУ.

*** В России таблетки этого препарата 0,25 и 0,5 г были ограничены в использовании и признаны психотропными веществами еще в 1998 году.

Вероятно, какие-то побочные действия веронала мог испытывать и Сидней Рейли. В дневнике он время от времени жалуется на слабость, усталость и на то, что препарат не всегда действует. С другой стороны, он, по некоторым данным, часто страдал от головных болей и раньше. Все это, разумеется, никак не облегчало его жизнь на Лубянке.

Продолжение записи от 31 октября: «Вызвали в 11. Форма предосторожности, чтобы не увидели. Разработали план со Стырне — 1) 1918 г. 2) СИС, 3) Английские политические сферы, 4) Американские секретные службы, 5) Политика и банки США, 6) Русские эмигранты. Источники информации относительно 1918 г. Главный объект — немецкая идентификация, сцена в германском консульстве*. Отверг обвинения в саботаже продовольствия**. Обвинен в провокации. 2а) Савинков изменил свою позицию, недоверие, моя вина доказана. Мои намерения, если бы Савинков вернулся. Отдых».

После отдыха его вызвали снова и спрашивали его мнение о различных деятелях «Треста» — Якушеве, Опперпуте и др. Затем вернулись к пункту о секретной британской службе. Потом — ужин и отдых. «В 7 вечера, — сообщает Рейли, — наговорил под запись номера 4 и 5. Опять камера. Веронал не подействовал».

В воскресенье, 1 ноября, чекисты пытались добиться от Рейли информации о британских агентах, работающих в Коминтерне и в Ленинграде (у Рейли в дневнике — в Петрограде). Еще одна интересная фраза: «Длительная беседа о моей жене — предлагают любые деньги и положение...» Что это могло означать? Может быть, ОГПУ пыталось торговаться с Рейли или, по крайней мере, делало вид, что торгуется? И предлагало деньги «и положение» его жене в обмен на его информацию? Следовательно, самого Рейли не собирались отпускать и сообщили ему об этом?

Второго ноября допрос начался в 10 часов утра. Его снова спрашивали об организации работы СИС и агентах британской Секретной службы в СССР. «Объяснил, почему агенты здесь невозможны», — записал Рейли. Затем произошло еще одно важное событие.

* То есть возможная причастность американцев к «заговору послов» в 1918 году.

** Советские власти обвиняли Рейли в том, что он участвовал в нападениях на эшелоны с продовольствием в 1918 году.

Рейли был весьма «крупной птицей», попавшейся в «сети ОГПУ». Английских агентов такой величины чекисты все-таки ловили не так уж и часто. Но за те дни, пока он сидел во Внутренней тюрьме ОГПУ, с ним не пожелал увидеться ни один из руководителей этого ведомства. Ни сам Дзержинский, ни его заместители на его допросах не появлялись. Во всяком случае об этом ничего не известно.

Это кажется странным. Неужели им хотя бы по-человечески не было интересно пообщаться с британским агентом, не говоря уже о сугубо профессиональной стороне дела? Лишь начальник КРО Артузов пришел пообщаться с Рейли. В его «тюремном дневнике» он упоминает об этом посещении 2 ноября одной строчкой: «Беседа с Артуром Христиановичем Артузовым».

Теодор Гладков так описывает их встречу (даже встречи) в тюрьме: «Начальник КРО Артузов также принимал участие в допросах Рейли. При этом его интересовали не только факты, но и взгляды, мысли, чувства побежденного врага. Это были откровенные разговоры с обеих сторон. До Рейли наконец из этих допросов-бесед дошло, что он проиграл не потому, что дала сбой испытанная методика британской разведки, а потому, что он пытался с ее помощью бороться против народа, который не хочет, чтобы на его шею снова сели новоявленные “освободители”».

На их последней встрече Рейли признался:

— Да, вы оказались сильнее меня. А точнее — нас. Занавес моей драмы упал. Выходит, конец. И все же в моем сердце теплится крохотная надежда. Помнится, в России всегда справляли Прощеное воскресенье. Из дома в дом ходили друг к другу, просили прощения за нанесенные обиды. В ноги бухались. Может, и мне это сделать? Надежда — единственный в мире свет...

— Не поможет, — прямо ответил Артузов. — Вы уже были осуждены однажды. Теперь только вышестоящий суд может пересмотреть приговор».

Сомнительно, чтобы Рейли произносил именно такие слова. Но над выходом из создавшегося положения — для него очень тяжелого — он, конечно, размышлял. И в разговорах с чекистами, и в своем дневнике. «Доктор обеспокоен моим состоянием, — записал Рейли. — Стырне надеется закончить в среду — сомневаюсь. Спал очень плохо всю ночь. Читал до 3 ночи. Чувствую большую слабость».

Весь следующий день, 3 ноября, он просидел в камере. Чекистам было не до него — в этот день в Москве хоронили

Джентльменъ — Сидней Рейли

(Изъ воспоминаний журналиста).

Рейли, Савинковъ, Кутеповъ... Есть общее въ судьбѣ этихъ совсѣмъ разныхъ по характеру и положенію людей. Это общее — ихъ печальный конецъ и путь къ этому концу. Всѣ трое парвались на провокаторовъ.

Записки Сиднея Рейли, которыя печатаются сейчасъ въ иностранныхъ газетахъ, названы «Записками англійскаго шпиона». Между тѣмъ, наименование «шпиона» никакъ не подходитъ къ Рейли.

Я близко зналъ этого исключительнаго англичанина, который хотѣлъ спасти Россію. Такихъ англичанъ такъ же много, какъ бѣлыхъ воронъ. Еще примѣчательнѣе, что Рейли велъ свою заговорческую работу въ Россіи въ тѣ дни, когда въ англійской Палатѣ глава правительства Ллойдъ Джорджъ произнесъ свои sacramентальныя слова, замствованныя у лорда Биконофильда — Дизраэли и сохранившіяся въ неприкосновенности до сегодняшняго дня какъ принципъ англійской политики въ отношеніи Россіи.

Когда Ллойдъ Джорджу изъ рядовъ консерваторовъ задали вопросъ, почему англійское правительство прекратило поддержку Деникина, премьеръ отвѣтилъ приблизительно такъ: «Если въ этомъ высочайшемъ собраніи найдется джентльменъ, который скажетъ, что для насъ нужна сильная Россія, правительство измѣнитъ свой взглядъ въ данномъ вопросѣ». Въ англійской палатѣ такого джентльмена не нашлось. Онъ былъ въ Москвѣ — подлинный джентльменъ въ отношеніи Россіи, Сидней Георгиевичъ Рейли.

Петербургъ до войны. Редакція «Вечерняго Времени». Съ ранняго утра и до выхода номера кипѣла жизнь, приходило и уходило множество людей. Рейли былъ другомъ редакціи и тѣ, кто его считалъ другомъ, забывали часто, что онъ иностранецъ: до того онъ казался своимъ, выросшимъ въ русскую жизнь, въ нашъ бытъ и привычки, до того онъ горѣлъ и волновался нашими русскими интересами и злобами. Рейли тогда не состоялъ въ англійской развѣдкѣ, не состоялъ онъ въ ней и во время войны, когда сдѣлался солдатомъ и офицеромъ союзной арміи. Если правда, почему въ развѣдкѣ, то потому что эта служба открывала ему многія двери въ той же Россіи и входила въ его планы.

Рейли былъ, между прочимъ, однимъ изъ основателей перваго частнаго авіаціоннаго общества «Крылья». На аэродромѣ общества происходили первые полеты въ Петербургѣ. Летали Поповъ, Мацевичъ, возманинъ Савинковъ и Кутеповъ.

Кабинетъ «Эрмитажа». Борисъ Савинковъ, Аладьинъ, полковникъ Самсоновъ, пріѣхавшій на Совѣщаніе вмѣстѣ съ покойнымъ атаманомъ Дутовымъ, молодой Харитоненко, Борисъ Суворенъ и Рейли. Последний пришелъ вмѣстѣ съ Савинковымъ и держался все время около него. Разговаривали о Корниловѣ и его выступленіи на Совѣщаніи, — о Викторѣ Черновѣ, который поднялся на эстраду Большаго театра въ калошахъ и съ зонтикомъ, о Керенскомъ, который во время рѣчей обрывалъ представителей арміи и не далъ слова генералу Алексѣеву. Въ театрѣ меня вызвали на галерку, гдѣ скромный Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ, взволнованный до слезъ, уговаривалъ Корнилова и Каледина немедленно покидать Москву и возвращаться на фронтъ. Всѣ три генерала чувствовали себя оскорбленными, подавленными и не видѣли никакого исхода. Тутъ же былъ Савинковъ, что то горячо доказывалъ Корнилову, потомъ отошелъ и мрачный забился въ уголъ. Создавалось впечатлѣніе, что онъ оторвался отъ Керенскаго и не присталъ къ Корнилову.

Говорили Рейли и Аладьинъ. Оба ругали Керенскаго. Обоихъ возмутила разница въ поведеніи председателя Совѣщанія въ отношеніи главнокомандующаго и атамановъ и тѣхъ большевиковъ, которые занимали ложи бенуара и чувствовали себя уже хозяевами положенія.

— Предательство, — кричалъ Аладьинъ, — неужели вы не видите, что всюду предательство, что фронтъ предастъ и что Керенскій этого не видитъ!..

Рейли въ подтвержденіе словъ Аладьина сталъ рассказывать исторію путешествія Ленина въ Россію, выкладывалъ факты, ссылался на данныя англійскаго посольства и говорилъ, что надо идти на разрывъ съ Керенскимъ...

Запомнился «Ванечка» Харитоненко. Почему то его всѣ звали не по имени и отчеству, а «Ванечкой». Онъ больше молчалъ и только время отъ времени вскакивалъ и возбужденно спрашивалъ: «Скажи-те, кому надо дать деньги и я дамъ». Но никто такого адреса Харитоненко дать не могъ. Савинковъ, отъ которого ждали какихъ то значительныхъ словъ, копировалъ Керенскаго и Чернова и рассказывалъ про ставку, а когда Рейли поставилъ вопросъ ребромъ — «съ кѣмъ онъ идетъ и пойдетъ», — Савинковъ такъ же мрачно отвѣтилъ:

«Мы привыкли работать въ подпольѣ и очевидно ослѣбли отъ слишкомъ яркаго солнца... Будемъ ялать, когда исторія

Статья Алексѣя Ксюнина «Джентльмен — Сидней Рейли» в эмигрантской газетѣ «Руль». Берлин. Сентябрь 1931 г.

наркома по военным и морским делам Михаила Фрунзе. Он скончался 31 октября вскоре после операции язвы желудка от остановки сердца. Похороны носили государственный характер. Все руководители ОГПУ и многие чекисты на церемонии целый день. Так что Рейли вызвали на допрос только в 9 часов вечера. Возможно, что его даже забыли покормить, во всяком случае, он отметил в дневнике: «Голоден весь день». «Шесть вопросов, — писал он, — работа немцев, наше сотрудничество: какие материалы мы имеем относительно СССР и Коминтерна, Китай... Веронал. Спал хорошо».

* * *

Насколько те сведения, которые Рейли сообщил на допросах, оказались важными для ОГПУ? Было ли это именно то, чего так чекисты добивались от британского разведчика? Например, в отношении информации о британской агентуре в СССР?

Разумеется, невозможно ответить точно на все 100 процентов, поскольку невозможно сказать, какая часть информации о событиях тех лет еще не рассекречена. Но есть основания судить, что Рейли никого все-таки не сдал.

Рейли оставил службу в СИС еще в 1921 году. Так что вряд ли он мог обладать самой последней информацией об работе агентов британской Секретной службы в СССР. По некоторым вопросам в самом ОГПУ имелись даже более полные сведения, и когда Рейли отвечал на них или говорил, что просто не знает ответа (вполне возможно, что это было правдой), следователи были недовольны и считали, что он водит их за нос.

Иногда он, похоже, действительно водил их за нос. О том, что он никогда не учился ни в Гейдельберге, ни в Лондоне, уже говорилось. Так же как и о том, что он указал Ирландию своим местом рождения. В его показаниях есть и другие несоответствия с реальностью. Например, советские газеты писали, что, по словам Рейли, «с 1923 года во главе СИС стоит контр-адмирал Гейгаут» (на самом деле — Гай Гонт). Но, как уже говорилось, в 1923 году пост главы СИС занял контр-адмирал Хью Синклер, сменивший умершего Мэнсфилда Смита-Камминга.

Что же касается сэра Гая Гонты, то во время Первой мировой войны он служил в морской разведке, но осенью 1918 года вышел в отставку в звании адмирала, король по-

святил его в рыцари, а в 1922 году — избран в парламент от Консервативной партии. Другими словами, никакого формального отношения к СИС он не имел.

Рейли обо всем этом прекрасно знал. Но, если верить советским газетам, все равно сообщил эти абсурдные в глазах англичан сведения. Зачем? Его американский биограф Ричард Спенс считает, например, что для Лондона это могло быть сигналом о том, что Рейли дает «чистосердечные показания» под контролем. Ведь своей дальнейшей судьбы он еще не мог знать...

«Повалился, не издав крика»

На что еще надеялся Рейли? Будучи искушенным в делах разведки человеком, он не мог не понимать, что спасти его может только невероятное чудо. Верил ли он в то, что его могут отпустить за границу с некой «секретной миссией», которую он сам предлагал чекистам? Как человек он наверняка надеялся на это. Как трезвомыслящий профессионал вряд ли. Скорее всего, он понимал, что уже не суждено сделать то, о чем всегда мечтают солдаты на войне — вернуться домой. И в очередной раз проделать этот «долгий путь до Типперэри».

Его допросы продолжались до 4 ноября 1925 года. О событиях, которые произошли в этот день, он писал так: «Среда, 4 ноября 1925 года. Очень слаб. Вызвали в 11 утра. Извинения Стырне. [Интересно, за что? Может быть, за тот «ложный расстрел»? — *Е. М.*] Дружественность. Работа до 5 — затем обед. Затем поездки, прогулка. Работа до 2 часов утра. Спал без веронала. Стырне дал подписать предыдущий протокол. Начали со Скотленд-Ярда».

Из дневника Рейли видно, что чекисты в этот день интересовались очень многими вопросами. Разговор шел о руководителях Скотленд-Ярда, о том, ведется ли полицейское наблюдение за советским полпредом и торгпредом в Англии Леонидом Красиным и в какой форме, о том, что американская и британская разведки думает об «Амторге» и «Аркосе»*, и есть ли их агенты в этих организациях. Рейли

* «Амторг» — совместная советско-американская торговая организация. «Аркос» — советская хозяйственная организация в Великобритании, учрежденная в 1920 году по английским законам для ведения торговли между РСФСР и Англией во главе с Л. Б. Красиным.

развивал идеи об отношениях с Англией, его спрашивали о британской активности в Персии, на которую СССР претендовал как на свою «зону влияния».

Последняя фраза дневника звучит так: «Успокоился относительно своей смерти — вижу впереди больше развития». Фраза загадочная. Что Рейли имел в виду? Смирился ли он со своей участью и чувствовал, что конец уже близок? Или, наоборот, ему что-то пообещали?

Цель чекистов была понятна: им нужно было успеть как можно сильнее «выпотрошить» захваченного противника. Вполне возможно, что они могли намекать на возможность пересмотра приговора. Особенно теперь, когда Рейли пошел на сотрудничество с ОГПУ.

По официальной версии, 4 ноября чекисты поняли, что Рейли уже сказал все, что знал, поэтому никакой ценности как источник информации больше не представляет. Но в это верится с трудом — если учесть, что откровенно заговорил он только 30 октября, неужели же он полностью выговорился за четыре дня? И неужели ОГПУ, которое потратило столько усилий, чтобы поймать Рейли и разговаривать с ним, так легко могло выбросить его как отработанный материал? Ведь чекисты добивались от него откровенных показаний, и только он их начал давать — и тут вдруг его расстреливают.

В одном из интервью историк советских спецслужб Теодор Гладков, ссылаясь на беседы с их ветеранами, утверждал, что в ОГПУ как раз и не хотели расстреливать Рейли. С ним хотели работать и дальше. Но вот наверху решили иначе. Просило ли ОГПУ у руководства страны отменить или хотя бы отложить исполнение приговора 1918 года? Кто именно и когда принял решение о том, что Рейли должен быть расстрелян? И когда приказ об этом поступил на Лубянку?

Эндрю Кук утверждает, что приказ о расстреле Рейли был отдан лично Сталиным. Доживший до 2006 года чекист и участник «Операции “Трест”» Борис Гудзь рассказывал Куку, что «Сталин настаивал на том, что Политбюро решило ни в коем случае его не выпускать, а поскорее расстрелять. Потому что рано или поздно поползут слухи, что он у нас арестован, узнают за границей, пойдут дипломатические ноты, интриги. Сталин все это предвидел и приказал покончить с этим делом раз и навсегда, уничтожить его, и — все».

Но вряд ли Сталин в 1925 году мог единолично принять такое решение и отдать приказ председателю ОГПУ Дзер-

жинскому. Гораздо более вероятно, что приговор был приведен в исполнение по решению Политбюро ЦК РКП(б). Кто знает, возможно где-то, в еще не открытых фондах, находится протокол заседания, на котором утверждалось и приведение смертного приговора над Рейли.

Считается, что именно 4 ноября, когда Рейли писал о «дружественности» и неких «извинениях» Стырне, и было принято решение о казни британского разведчика. И одобрено на самом «политическом верху». После этого Рейли оставалось жить всего лишь несколько часов.

* * *

Вечером 5 ноября, около 20.00, к нему пришли чекисты: начальник Тюремного отдела и Внутренней тюрьмы ОГПУ Карл Дукис*, сотрудники КРО ОГПУ Григорий Федулеев**, Ибрагим Абиссалов и Григорий Сыроежкин. Приказ о приведении приговора в исполнение им передал, вероятно, помощник начальника КРО Владимир Стырне. В сохранившихся в архивах рапортах на его имя, написанных Федулеевым, указывается: «Согласно полученного от Вас распоряжения со двора ОГПУ выехали совместно с № 73 т. Дукис, Сыроежкин, я и Ибрагим ровно в 8 часов вечера 5/XI — 25 г., направились в Богородск (что находится за Сокольниками)».

Догадывался ли Рейли о том, куда его на самом деле везут? Скорее всего, нет. Поездки на прогулки бывали и раньше — и тоже вечером.

Сценарий поездки чекисты обговорили заранее. Ехали примерно 30—40 минут. Оживленно разговаривали. В своем рапорте Григорий Федулеев отмечает, что потом, «как было условлено», шофер «продемонстрировал поломку машины». Машина остановилась (якобы заглох мотор), шофер сказал, что им придется простоять 5—10 минут. Федулеев предложил Рейли прогуляться. Тот согласился. Пошли гулять. Прогулка заняла считанные минуты.

* *Карл Янович Дукис* (1890—1966) — латыш, с 1921 года начальник Внутренней тюрьмы ВЧК/ ГПУ/ ОГПУ и Тюремного отдела Административно-организационного управления ОГПУ. Затем служил в тюремной и лагерной системе, в июле 1938 года был арестован, но в ноябре 1939 года освобожден; подполковник госбезопасности (1943).

** *Григорий Тихонович Федулеев* (1900—1939) — сотрудник для особых поручений КРО ОГПУ; старший лейтенант госбезопасности (1936). Приговорен к смертной казни и расстрелян.

Федулеев хладнокровно описал, как проходила казнь Сиднея Рейли. «Вышедши из машины, — докладывал чекист, — я шёл по правую, а Ибрагим по левую сторону № 73, т. Сыроежкин шёл с правой стороны шагах в 10 от нас. Отойдя от машины шагов на 30—40 Ибрагим, отстав от нас произвёл выстрел в № 73 какой-то глубоко вздохнув повалился, не издав крика; ввиду того что пульс ещё бился т. Сыроежкин произвёл выстрел ему в грудь. Подождав ещё немного, минут 10—15 когда окончательно перестал биться пульс внесли его в машину и поехали прямо в санчасть где уже ждали т. Кушнер* и фотограф».

Итак, смертный приговор, вынесенный Сиднею Рейли 8 декабря 1918 года, был приведен в исполнение 5 ноября 1925 года в Сокольниках. По крайней мере, по официальной версии. Рейли попросту пристрелили в лесу, причем в спину.

Поездка в Сокольники, история с якобы заглохшей машиной и расстрелом британского агента в лесу позже породила сомнения у некоторых исследователей биографии Рейли. Они даже задались вопросом — уж не является ли она очередной фальсификацией ОГПУ, как в случаях «убийства Рейли» на советско-финской границе или «ареста и расстрела» «предателя» Тойво Вяха? Ведь расстрелять Рейли могли и на Лубянке, причем так, что он бы и не догадался о том, что его ждет. Зачем для этого его нужно было вывозить в лес?

«Рейли не хотели травмировать, уже отношения какие-то с ним сложились. Вести его в подвал — он поймет все. А он ведь надеялся», — объяснял в одном из интервью Теодор Гладков. «Как это ни парадоксально, но к нему в каком-то смысле проявили гуманность, — полагал и чекист Борис Гудзь. — Все было сделано так, что он был расстрелян внезапно». Возможно, что какие-то «нотки гуманности» в процедуре казни Рейли действительно были, но все-таки, наверное, чекисты руководствовались не ими. Вероятно, они опасались, что информация о его расстреле просочится за границу. И чем больше людей было бы вовлечено в подготовку к исполнению приговора (надзиратели, охрана, врачи и др.), тем больше им казалась такая возможность.

* *Михаил Григорьевич Кушнер* (1872—1938) — начальник санитарной части/отдела ВЧК/ ГПУ/ ОГПУ; корврач (1936). Тот самый, кто совсем недавно прописывал «№ 73» веронал. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и расстрелян.

30² 61
Председателю О.Т.Т.У

Р. Э. Дзержинскому

Поскольку происходит с В. А. Старице разговоры, а в качестве свое согласие дать даны в том же откровенный показаний и сведений по вопросам интересующим О.Т.Т.У относительно французской и советской Великобританской разведок и не сколько мной известно так же все сведения относительно американской разведки, а также так же могу в русской эмиграции с кем бы то ни было принимая участие в деле.

Москва, Вулфенская Школа

30-го Окт. 1925. Сидней Рейли

Заявление Рейли на имя Дзержинского о готовности дать показания.
30 октября 1925 г.

Поэтому они решили перестраховаться и все сделать фактически без подготовки. Не удивительно, что даже в рапорте Федулеев называет Рейли исключительно как «№ 73».

С расстрелом Рейли эти предосторожности не закончились. Положив тело Рейли в машину, чекисты поехали в санчасть ОГПУ. «Подъехав к санчасти мы вчетвером, — писал Федулеев, — я, Дукис, Ибрагим и санитар — внесли № 73 в указанное т. Кушнером помещение (санитару сказали, что этого человека задавило трамваем, да и лица не было видно т. к. голова была в мешке) и положили на прозекторский стол затем приступили к съемке. Сняли в шинели по пояс затем голого по пояс, так чтобы были видны раны и голого во весь рост. После этого положили его в мешок и снесли в морг при санчасти где положили в гроб и разошлись по домам. Всю операцию закончили в 11 часов вечера 5. XI — 25 г.».

Все-таки они недоработали в плане конспирации. Трудно поверить, что санитар был настолько глуп, что не мог бы отличить человека, попавшего под трамвай, от погибшего в результате полученных огнестрельных ранений. Или к началу фотосъемки его уже выгнали из прозекторской? Тем более что на фотографиях лежащий на столе человек запечатлен уже без мешка на голове.

В морге мертвый британский агент пролежал еще четыре дня. 9 ноября Григорий Федулеев направил новый рапорт на имя Владимира Стырне: «Довожу до Вашего сведения, что согласно полученному от Вас распоряжению № 73 был взят из морга санчасти ОГПУ тов. Дукисом в 8 1/2 вечера 9/XI-25 г. и перевезен в приготовленную яму-могилу во дворе прогулок внутр. тюрьмы ОГПУ, положен был так, как он был в мешке, так что закапывавшие его 3 красноармейца лица не видели, вся эта операция кончилась в 10—10 1/2 вечера 9/XI-25 г.».

На этом в биографии Сиднея Рейли можно было бы поставить точку. Но такие люди редко уходят из жизни, не оставляя после себя многочисленных легенд и мифов.

Люди без могил

После его гибели прошло уже около века, но вопрос: «Кто вы, мистер Рейли?» по-прежнему волнует исследователей. Не удивительно, учитывая, сколько лиц было у этого человека.

Появлялись сообщения, что Рейли видели в разных местах после его официальной смерти в 1925 году. То в Вологде, где якобы жила одна из его «дам сердца», которую он навещал, то в Китае, то в Ленинграде, то в Новосибирске. Ходили слухи, что Рейли действительно поймали, но не расстреляли, и он работал в ОГПУ консультантом, а потом, уже в 30-х, был арестован и отправлен в лагерь, где его тоже встречали.

Первая жена Рейли Маргарет в разговоре с британским вице-консулом в Брюсселе Дареллом Уилсоном в мае 1931 года заявляла, что «она до сих пор молчала о настоящем происхождении своего мужа и его имени, так как думала, что он работает против большевиков». Однако теперь она в этом сомневается и не исключает, что «он, возможно, может находиться живым и невредимым в России».

Утверждали, что он изначально был агентом ОГПУ.

Говорили, что на фотографиях с мертвым человеком в шинели, лежащим на столе — вовсе не Рейли, а кто-то другой, хотя и похожий на него. Эндрю Кук обратился за помощью к одному из самых компетентных в Великобритании судебных фотографов для того, чтобы он сравнил известные фотографии Рейли с изображением трупа мужчины и сделал вывод — один и тот же ли это человек или разные люди.

Вывод эксперта однозначен — внешность представленных на фотографиях людей совпадает. Другими словами, мертвый человек в шинели — это Сидней Джордж Рейли.

Да нет, конечно же, он закончил свой путь в Сокольниках, от пули в спину.

* * *

Осталось еще сказать несколько слов о судьбах некоторых людей, сыгравших в жизни Рейли важную роль.

Пепита Бобадилья после исчезновения (гибели) мужа прожила еще долгую жизнь и умерла в 1973 году.

Роберт Брюс Локкарт с 1928 года начал заниматься журналистикой, путешествовал, писал мемуары, помогал Пепите с изданием «Записок» Рейли и ее воспоминаний. В 1934 году по его книге «Мемуары британского агента» был снят художественный фильм (наверное, первый фильм о «заговоре послов») «Британский агент». Прототипа Локкарта в нем сыграл известный английский актер Лесли Говард, а прототипа его русской любовницы Марии

Закревской-Бенкендорф — Кэй Фрэнсис. Перед Второй мировой войной Локкарт вернулся на службу в МИД, был директором департамента, занимавшегося в министерстве политической разведкой. Говорят, что во время войны советские представители пригласили его в Москву, пообещав, в частности, показать Кремль. «Мне показывали его в 18-м году, — сострил Локкарт. — Но почему-то ограничились тогда только кремлевскими подвалами». Локкарт выпустил несколько книг. Скончался он в 1970 году.

Джордж Хилл ушел из СИС в 1926 году. Работал в различных компаниях, писал мемуары. Перед Второй мировой войной вновь вернулся на секретную службу, а в июле 1941 года — уже в звании бригадного генерала — был даже направлен в Москву в качестве руководителя миссии британских спецслужб. Хилл работал в СССР до 1945 года. По его утверждению, он даже написал учебное пособие для советских партизан. В Москве Хилл завел роман с советской гражданкой, хотел жениться на ней, но по каким-то причинам из этого ничего не вышло. В 1946 году он вышел в отставку, работал представителем британской авиакомпании в Праге, потом гендиректором компании по производству минеральной воды. Скончался в 1968 году.

«Величайший из воинов» сэр Пол Генри Дьюкс тоже ушел из разведки и тоже на короткое время вернулся обратно во время Второй мировой войны. Он прославился как пропагандист йоги (вместе со своей женой, о которой упоминал Рейли). В остальное же время занимался бизнесом, писал мемуары. Переехал в Южную Африку, где и умер в 1967 году.

Еще один коллега Рейли и бывший английский резидент в Советской России Стивен Эллей вскоре после возвращения в Англию был переведен из службы разведки в контрразведку. В некоторых британских биографических источниках о нем говорится, что в своих неопубликованных мемуарах Эллей утверждал, что его уволили из разведки после того, как он отказался готовить покушение на Сталина. Есть ли элементы правды в этой версии? Ответить на этот вопрос сейчас невозможно. Умер Стивен Эллей в апреле 1968 года.

«Двойной агент» и друг Рейли Владимир Орлов выступал с идеей создания «Белого Интернационала», который бы занимался «регистрацией и надзором за выезжающими из Совдепии агентами», работал экспертом в германской разведке. В 1929 году его привлекли к суду за попытку про-

дать компромат на американских сенаторов, поддерживающих признание СССР. По некоторым данным, здесь тоже не обошлось без ОГПУ. После прихода к власти Гитлера Орлов бежал из Германии в Бельгию, где потом и был арестован нацистами, и умер в концлагере в 1941 году. По другим данным, его то ли расстреляли, то ли убили выстрелом в затылок, а тело Орлова было обнаружено в Берлине.

...Тойво Вяха, видевший участников операции «Трест» по обе стороны «линии фронта», много лет спустя вспоминал, что, несмотря на все различия между всеми этими людьми, их объединяли преданность своим идеям, ум и огромная воля. Действительно — это были достойные друг друга враги.

Но большинство победителей-чекистов, блестяще переигравших своих врагов в «разведывательных играх» 20-х годов, ожидала куда более горькая судьба, чем побежденных ими Рейли, Савинкова, генерала Кутепова, Марии Захарченко, Георгия Радкевича или молодых боевиков — эмигрантов. Им предстояло умереть от рук своих же недавних соратников.

Один из руководителей так называемого «Треста» Александр Якушев был арестован в 1934 году, приговорен к 10 годам лагерей и в феврале 1937 года умер в лагере.

Генерал Николай Потапов служил в РККА, в 1936 году ему было присвоено звание комбрига. Умер в Москве в 1946 году.

Генерал Андрей Зайончковский умер в 1926 году.

Для Тойво Вяха (он же Иван Петров) чекисты, как уже говорилось, придумали не самый лучший псевдоним. В 1938 году на странного командира «Петрова», плохо говорившего по-русски, обратил внимание некий бригадный комиссар белорусских пограничников Аугула (Вяха служил тогда в Белоруссии). А тут еще на заставе Петрова обнаружили кабель, идущий в сторону польской территории. Его арестовали, обвинив в шпионаже. На допросах он рассказал о своем участии в «операции “Трест”», но его слова никто не смог подтвердить. Операция считалась секретной, да многие ее участники уже были расстреляны, а оставшиеся в живых просто боялись вмешиваться в это дело.

Впрочем, быстро рассыпались обвинения в отношении прокладки «шпионского кабеля» — оказалось, что его протянули сами сотрудники НКВД, чтобы прослушивать телефонные переговоры на польской территории. Чекисты пытались выбить признание из самого Петрова (лиш-

ний «шпион и враг народа» им бы не помешал), но тот не сломался и себя не оговорил. В итоге — редчайший случай! — дело закрыли, а его самого отпустили. Правда, в пограничные войска он уже не вернулся, а служил в обычных частях РККА. Прошел Великую Отечественную войну. Был тяжело ранен, дослужился до полковника. Получил еще два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды. Жил в Петрозаводске, писал книги, на обложках которых значились два его имени. Умер Тойво Вяха в 1984 году.

Большинство же тех, кто имел касательство в «делу Рейли», были расстреляны в своей собственной стране, которой они так верно служили. Ничего не известно о Ибрагиме Абиссалове. Борис Гудзь рассказывал Эндрю Куку, что Абиссалов подарил ему на память пистолет, из которого он застрелил Рейли, и он хранил его до 1937 года. (Сам Гудзь смог уцелеть — в 1937 году его «всего лишь» уволили из разведки и исключили из партии за связь с врагами народа. Он работал водителем автобуса и директором автобазы. Потом его реабилитировали. В 60-е годы был консультантом фильма «Операция “Трест”».)

Другим же не досталось даже собственных могил.

Кстати, о могилах. Во дворике для прогулок Внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке Рейли пролежал несколько лет. Не исключено, что где-то по соседству с ним лежал также его бывший друг и соратник Борис Савинков. «Я знаю, что значит, когда Вы говорите, что смотрите на меня как на брата и любите меня. Вы знаете, что Вы для меня навсегда — на жизнь и на смерть», — писал Рейли Савинкову в мае 1922 года. Если автора «Коня бледного» и «Коня вороного» закопали там же, в тюремном дворике Лубянки, значит, они теперь действительно были вместе навсегда.

Впрочем, нет. В 1932 году в здании ОГПУ на Лубянке началась масштабная реконструкция. К нему еще пристроили новый корпус. Позже, уже незадолго до начала войны, началась еще одна реконструкция, которая закончилась только в 1944—1947 годах. Во время всех этих лубянских перестроек тайные могилы Рейли (и, возможно, могила Савинкова) были, скорее всего, уничтожены — они оказались в зоне глубокого котлована, который вырыли для фундамента нового здания. Что произошло с их останками — неизвестно.

Теперь Сидней Джордж Рейли исчез уже окончательно. Появившись однажды как будто бы ниоткуда, он и ушел в никуда.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИДНЕЯ РЕЙЛИ

- 1874 (?), 24 марта (?) — родился в Одессе в семье Георгия (Григория, Герша) и Полины (Перлы) Розенблюм (?).
- 1892—1894 — учеба в Новороссийском университете в Одессе, арест полицией за участие в подпольной группе (?).
- 1894—1895 — выезд из России за границу (?).
- 1895—1896 — жизнь в Лондоне.
- 1896—1897 — начало сотрудничества с Особым отделом Скотленд-Ярда, знакомство с его начальником Уильямом Мелвиллом.
- 1898, 22 августа — женитьба на Маргарет Томас.
- 1899, 2 августа — Георгию Розенблюму выписан паспорт гражданина Великобритании на имя Сиднея Джорджа Рейли. Вместе с женой он выезжает из Англии в Россию.
- 1901 — Рейли и Маргарет прибывают в Порт-Артур.
- 1901—1904 — Рейли живет в Порт-Артуре, работает управляющим делами Восточно-Азиатской компании. Расставание с Маргарет.
- 1905, 28 января (10 февраля) — приезд в Петербург.
11(24) сентября — 29 сентября (12 октября) — Рейли находится под негласным наблюдением агентов Петербургского охранного отделения.
- 1905—1914 — жизнь в Петербурге.
- 1909 — Маргарет Рейли приезжает в Петербург. Некоторое время живет вместе с мужем. Совершает попытку самоубийства.
- 1910, 4(17) марта — при участии Рейли создается Русское товарищество воздухоплавания «Крылья».
- 1912 — знакомство с Надеждой Залесской.
- 1914, июль — Рейли и Надежда отдыхают Лазурном Берегу Средиземного моря во французском городе Сан-Рафаэль.
Осень — Рейли через Японию отправляется в США для закупок вооружения для русской армии.
- 1915, январь — Рейли открывает свою контору в Нью-Йорке.
16 февраля — венчание Сиднея Рейли и Надежды Залесской в соборе Святого Николая на Манхэттене.
Декабрь — написание доклада главе Русского закупочного комитета генералу Эдуарду Гермониусу.
- 1917, апрель — военная разведка США и Американская лига защиты начинают расследование деятельности Рейли в Америке.
Март—апрель — поступление в школу военных пилотов Королевского летного корпуса Великобритании в Торонто (Канада).
19 октября — присвоение звания второго лейтенанта Королевского летного корпуса Великобритании.

1918, январь — приезд с группой военных летчиков в Лондон.

13 января — написание письма в Военное министерство с указанием людей, которые могли бы рекомендовать его на службу в разведку.

Февраль—апрель — британская контрразведка наводит о Рейли справки. В Лондоне за ним установлено наружное наблюдение.

15 марта — собеседование в штаб-квартире СИС с шефом службы разведки Менсфилдом Смит-Каммингом.

Конец марта — прибытие в Мурманск.

16 апреля — первая телеграмма Рейли из Советской России в Лондон; переезд в Петроград.

7 мая — переезд в Москву; встреча с управделами Совнаркома Владимиром Бонч-Бруевичем.

Май—июль — жизнь в Москве, время от времени поездки в Петроград, сбор разведывательной информации, создание разведывательной группы.

5—6 и 14—15 августа — участие во встрече Роберта Брюса Локкарта с «латышскими заговорщиками» (сотрудниками ВЧК).

17, 19, 21, 22, 27 августа — встречи с Берзиным, передача ему 200 тысяч рублей.

25 августа — совещание иностранных дипломатов и разведчиков в американском генконсульстве в Москве. Назначение дня переворота — 28 августа.

27 августа — отъезд в Петроград.

30 августа — нападение чекистов на здание британского посольства в Петрограде, тайный переезд в Москву.

3 сентября — советские газеты официально сообщают о раскрытии «заговора послов».

3—20 сентября — аресты участников групп, связанных с «заговором послов».

Конец сентября — после нескольких недель пребывания на нелегальном положении переезд из Москвы в Петроград под именем Георга Бергмана.

Октябрь — нелегальный отъезд из Советской России.

8 ноября — прибытие в Лондон.

3 декабря — приговор Революционного трибунала в Москве к смертной казни заочно.

Середина декабря — Рейли срочно отзывают из отпуска и снова направляют в Россию, на территорию, занятую белыми.

1919, 10 января — А. И. Деникин принимает Рейли и Дж. Хилла в Екатеринодаре.

18 января — награждение орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

22 января — представление к награждению Военным крестом.

24 марта — Рейли покидает Одессу и прибывает в Лондон.

Апрель — поездка в Париж для сбора информации о ходе Парижской мирной конференции; знакомство с Борисом Савинковым.

Апрель—май — поездка в США; попытка привлечь американских бизнесменов и банкиров к плану крупных инвестиций в Россию после падения большевиков.

Октябрь — Рейли пишет меморандум «Русская проблема» и направляет его Уинстону Черчиллю.

1920, *февраль* — подача иска в Верховный суд США против компании «Болдуин Локомотив Уоркс».

Лето — бракоразводный процесс с Надеждой Залесской в Париже.

21 *октября* — отъезд в Польшу с заданием собрать информацию об организации Бориса Савинкова и ее планах.

Ноябрь — участие в «походе» отрядов Савинкова на советскую территорию, после которого Рейли отзывают в Лондон.

1921, *май—июнь* — участие в коммерческих проектах по продаже табака, радия и др.

Август — подготовка для британского правительства меморандума о возможной ненасильственной трансформации большевистского режима под давлением Запада.

19 *сентября* — отправка в СИС доклада о деятельности Савинкова.

Осень — ГПУ начинает операцию «Трест».

Декабрь — Рейли устраивает визит Савинкова в Англию.

1921, *конец* — 1922, *начало* — Рейли увольняется из Секретной службы.

1922, *октябрь* — продажа в Париже автографов и гравюр «Наполеоновской коллекции» за 10 тысяч франков; деньги идут на поддержку организации Савинкова.

Декабрь — знакомство с Пепитой Бобадилья.

1923, *январь—февраль* — Рейли направляет Черчиллю письма с просьбой поддержать Савинкова деньгами.

18 *мая* — венчание Рейли и Пепиты в церкви Святого Мартина в Лондоне.

1923, *июль* — 1924, *январь* — жизнь в Америке; неудачные попытки заняться бизнесом.

1924, *январь—апрель* — возвращение в Лондон, затем отдых на Лазурном Берегу Франции.

Апрель — переезд в Париж.

21 *апреля* — встреча с делегатом подпольной организации «Либеральные демократы» из Москвы Андреем Мухиным (он же — чекист Андрей Федоров).

Апрель—май — встречи Савинкова, Рейли и других с Федоровым-Мухиным в Париже.

24 *июля* — на встрече с Федоровым-Мухиным Савинков соглашается ехать в СССР, чтобы провести переговоры с «подпольной» организацией «Либеральные демократы».

5 сентября — после ареста, суда и заявлений Савинкова Рейли объявляет его «предателем» и «изменником делу борьбы против большевиков».

7 октября — Савинков пишет Рейли письмо из Внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке с объяснением мотивов своих действий. Рейли не отвечает ему.

Ноябрь — Рейли проигрывает процесс против компании «Болдуин Локомотив Уоркс» в США.

1925, январь — Рейли получает письмо от резидента СИС в Финляндии Эрнста Бойса с сообщением о том, что с ним хочет связаться некая подпольная организация из Советской России.

4 апреля — Рейли сообщает Бойсу, что готов встретиться с «подпольщиками».

22 сентября — поездка в Хельсинки, встреча с представителями «подпольной антисоветской» организации «Трест».

24–25 сентября — переговоры с представителями «Треста» в Выборге. Рейли уговаривают совершить краткосрочную поездку в СССР, чтобы на месте ознакомиться с работой организации.

26 сентября — переход через «окно» на границе в СССР; встреча с представителями «подпольного» «Треста» (сотрудниками ОГПУ) в Ленинграде; вечером переезд в Москву.

27 сентября — участие в «заседании Политсовета» «Треста» в подмосковной Малаховке. Затем арест и доставка на Лубянку.

27 сентября — 30 октября — допросы Рейли на Лубянке.

28–29 сентября — сотрудники ОГПУ организуют и проводят ложное убийство Рейли якобы при попытке перейти советско-финскую границу.

30 октября — Рейли начинает тайно вести тюремный дневник; инсценировка подготовки к казни Рейли, после чего он дает согласие сотрудничать с ОГПУ и пишет соответствующее письмо на имя Дзержинского.

31 октября — 4 ноября — новые допросы Рейли.

5 ноября, около 21.00 — чекисты Ибрагим Абиссалов и Григорий Сыроежкин расстреливают Рейли во время прогулки в Сокольниках.

9 октября — тело Рейли хоронят во дворе прогулок Внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
Российский государственный военный архив (РГВА)
Российский государственный военно-исторический архив
(РГВИА)
Государственный архив Одесской области (ГА ОО)
The National Archives (United Kingdom)
Churchill Archive

Литература

Cook A. Ace of spies. The true Story of Sidney Reilly. Stroud, 2011.
Hill G. A. Go Spy the Land: Being the Adventures of IK8 of the British Secret Service. London, 2014.
Hill G. A. Dreaded Hour. London, Toronto, Melbourn and Sydney, 1936.
Houselander C., Ward M. The Letters of Caryll Houselander: Her Spiritual Legacy. N.-Y., 1965.
Houselander C. A Rocking Horse Catholic. N.-Y., 1955.
Illustrated Catalogue of the Notable Collection of Mr. Sidney G. Reilly of New-York and London: Literary, Artistic and Historical Properties, Illustrative of the Life of Napoleon. N.-Y., 1921.
Kemp J. The Spiritual Path of Caryll Houselander. N.-Y., 2001.
Grant N. Deception on a Grand Scale, International Journal of Intelligence and Counterintelligence. V. 1. N 4. 51—77. Winter, 1986.
Kettle M. Sidney Reilly: the True Story of the world's Greatest Spy. N.-Y., 1983.
Lockhart B. R. Retreat from Glory. London, 1934.
Morton J. Spies of the First World War. Under Cover for King and Kaiser. The National Archives Kew. Richmond, Surrey, United Kingdom, 2010.
Jeffery K. MI6: The history of the Secret Intelligence Service, 1909—1949. Bloomsbury, 2010.
Judd A. The Quest For C: Mansfield Cumming and the founding of the Secret Service. London, 1999.
The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart. V. 1. 1915—1938. Edited by Kenneth Young. N.-Y., 1974.

Артузов А. Х. Лекции по истории ВЧК—ОГПУ. М., 1928.
Астон Дж. Британская контрразведка в мировой войне. М., 1939.
Архив ВЧК. Сборник документов. М., 2007.

- Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001.
- Беленкин Б. Пасынки революции. Савинков, Опперпут и др. М., 2005.
- Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания. М., 1968.
- Брыгин Н. А. Тайны, легенды, жизнь... Одесса, 2003.
- Бунин И. А. Окаянные дни. М., 2011.
- Быков А. В., Панов Л. С. Дипломатический корпус в Вологде в 1918. Вологда, 1997.
- Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991.
- Велидов А. С. К истории ВЧК—ОГПУ. Без вымысла и купюр. М., 2011.
- Вертинский А. Н. Дорогой длиною... М., 1991.
- Войцеховский С. Л. Трест. Воспоминания и документы. Лондон (Канада), 1974.
- Гладков Т. К. Артур Артузов. М., 2008.
- Гладков Т. К. Награда за верность — казнь. М., 2000.
- Глезеров С. Е. Коломязи. Вокруг и около. М.; СПб., 2008.
- Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905—1917 годах — шпионomanия и реальные проблемы. М., 2000.
- Дело Бориса Савинкова. М., 1924.
- Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика. М., 1954.
- Драбкина Е. Я. Черные сухари. М., 1988.
- Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК—ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921—1934). М., 2008.
- Ивлев М. Н. Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала. М., 2013.
- Ивнев Р. В вихре революции. События глазами поэта. М., 2017.
- Катасонов В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015.
- Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.
- Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918—1922 г. М., 2008.
- Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928.
- Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве (1918—1920). М., 1998.
- Кобяков С. А. Красный суд. М., 1991.
- Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. М., 1970.
- Кремлев И. В литературном строю. М., 1968.
- Кремлев И. Большевики. Кн. 1—3. М., 1956.
- Крымов В. П. Портреты необычных людей. Париж, 1971.
- Кук Э. Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества. М., 2004.
- Ландер И. И. Негласные войны. История специальных служб. 1919—1945. Т. 1—3. Одесса, 2007.
- Лехович Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

Локкарт Р. Б. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. М., 2017.

Локкарт Р. Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. Документы. М., 2003.

Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008.

Малахов В. П., Степаненко Б. А. Одесса, 1900—1920. Люди... События... Факты... Одесса, 2004.

Мальков П. Д. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959.

Мамонтов С. И. Походы и кони (Записки поручика). М., 2007.

Минаев В. Н. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. Ч. 1. М., 1940.

Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994.

Никулин Л. В. Мертвая зыбь. Роман-хроника. М., 1965.

Никулин Л. В. Годы нашей жизни. М., 1966.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1997.

Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998.

Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М., 1990.

Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926. Документы. М., 2007.

Чарный М. Б. Ушедшие годы. М., 1970.

Статьи и публикации

Ainsworth J. Sidney Reilly's reports from South Russia, December 1918 — March 1919 // Europe-Asia studies, 1998, vol. 50, issue 8.

O'Carroll H. William Melwille. Spymaster. The amazing story of the real «М» // http://kerrymuseum.ie/museum/wp-content/uploads/2014/07/SPYMASTER_EXHIBITION.pdf.

Бабков Д. И. Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917—1939 гг.: Дисс. канд. ист. наук. 2008.

Бродский М. В четвертой семье. Обыкновенная жизнь на фоне исчезнувшей природы // Новый мир. 2012. № 9—10.

Виноградов П. В. Деятельность Русского заготовительного комитета и организация заказов военного имущества в США во время Первой мировой войны // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10.

Гендлин В. Остросюжетный кооператив. Как создавали и душили потребительские общества в России // Коммерсантъ — Деньги. 2.2.2015.

Георгий Эльфенгрэн — солдат России и Финляндии // <http://zelenogorsk.spb.ru/hiCTory/templ.php?page=pykkenelf&lang=ru>.

Демидова О. Политическое как эстетическое: дело Савинкова в варшавской газете «За свободу!» // Неприкосновенный запас. 2013. № 1.

Зданович А. А. Чужой среди своих // *Орлов В. Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998.

Зданович А. А. «Латышское дело». Нюансы раскрытия «заговора послов» // Военно-исторический журнал. 2004. № 3.

Йоффе Г. «Трест»: легенды и факты // Новый журнал. 2007. № 247, 249.

Клад Сиднея Рейли // Премьер. Вологодская областная газета. № 15(758). 2012. 17 апреля.

Ксюнин А. Джентльмен — Сидней Рейли // Руль. 1931. № 3275. 4 сентября.

Лебедев С. Вокруг Кривого Рога: А. Л. Животовский и другие в 1920-х гг. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков. Сб. статей. СПб., 2006.

Макаревич Э. Ф., Карпунин О. И. Профессор Масарик и российская революция // Наше наследие. 2012. № 101.

Маслов С. Душа Джеймса Бонда отлетела в Сокольниках // Трибуна. 2003. 27 марта.

Мишина А. В. Н. А. Григорьев — атаман повстанцев Херсонщины // Новый исторический вестник. 2007. № 15.

Островский А. О родственниках Л. Д. Троцкого по материнской линии // Из глубины времен. СПб., 1995. № 4.

Павлов С. Б., Яровая Е. А. Экслибрис как улика. Книжный знак Сиднея Рейли из библиотеки нумизматики. Шпионский роман // 250 историй про Эрмитаж: Собрание пестрых глав... Кн. 2. СПб., 2014.

Ренневский А. В. Норвежская миссия и «заговор послов» (сентябрь—декабрь 1918 года) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1.

Сафонов В. Н. Главный противник большевиков, или История о том, как чекисты поймали Бориса Савинкова // <http://www.fsb.ru/hiCTory/read/1999/safonov.html>.

Шенталинский В. Свой среди своих. Савинков на Лубянке // Новый мир. 1996. № 7.

СОДЕРЖАНИЕ

«Кто вы, мистер Рейли?»	6
«Зона сумрака»	10
Шпион-авиатор?	33
«Так за работу, шпион!»	80
Агент СТ1	103
Большая игра	117
«Заговор послов»	152
Снова в Россию	190
«Русская проблема»	216
Роковое увлечение	234
Операция «Трест»	256
Freelancer	267
«В скором времени я вынырну»	284
Крах Савинкова	306
Смятение	347
«Хочу сделать что-нибудь выдающееся»	367
Билет в один конец	387
Тайна агента СТ1	395
«Трест, который лопнул»	418
Тень Рейли	429
«Успокоился относительно своей смерти...»	443
Основные даты жизни и деятельности Сиднея Рейли	471
Источники и литература	475

Матонин Е. В.

М 34 Сидней Рейли: Жизнь и приключения английского шпиона из Одессы / Евгений Матонин. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 479[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1767).

ISBN 978-5-235-04221-6

Сидней Рейли до сих пор остается человеком-загадкой. Вся его жизнь окружена мифами, часть из которых придумал он сам. Иногда его называют «человеком ниоткуда» — даже сегодня еще на все сто процентов неизвестно, где он родился. Он мог считаться «эталонным врагом» советской власти, но его жизнь не ограничивалась только шпионажем и политическими заговорами: он проворачивал авантурные коммерческие комбинации, зарабатывал большие деньги и быстро тратил их на новые авантюры, собрал одну из самых больших и уникальных в мире коллекций предметов, связанных с Наполеоном, страстно любил авиацию... В своей новой книге Е. В. Матонин, наконец, ответит на вопрос, вот уже сто лет волнующий историков: «Кто вы, мистер Рейли?»

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей России начала XX века, а также историей разведки и шпионажа.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61**

знак информационной
продукции

16+

Матонин Евгений Витальевич

СИДНЕЙ РЕЙЛИ:

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ШПИОНА ИЗ ОДЕССЫ

Редактор К. А. Залесский

Художественные редакторы А. В. Никитин, Н. С. Штефан

Технический редактор М. П. Качурина

Корректор Т. И. Маляренко

Сдано в набор 22.08.2018. Подписано в печать 08.10.2018. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 25,2+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1818770.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04221-6

ISBN 978-5-235-04221-6

9 785235 042216

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я